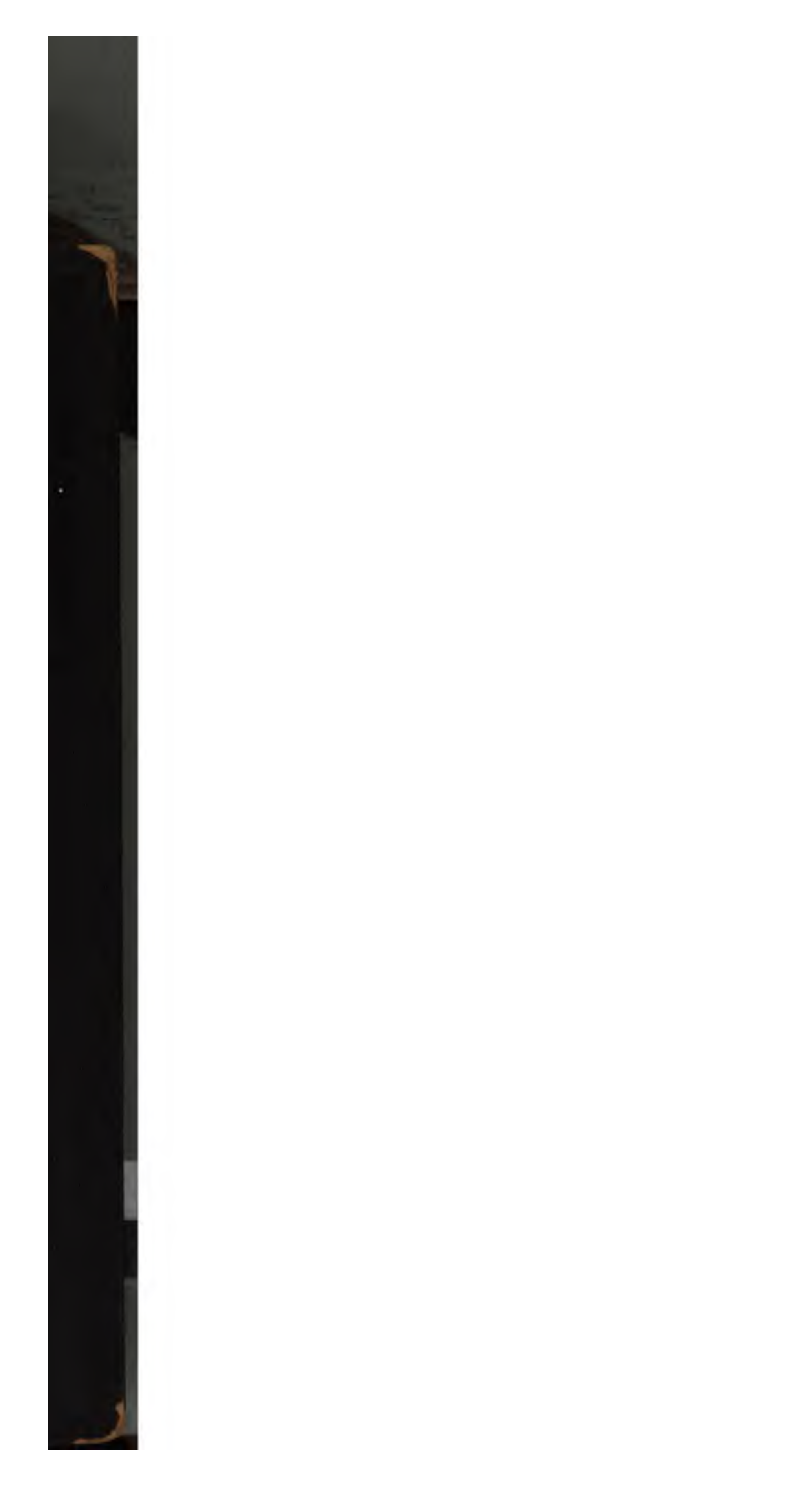
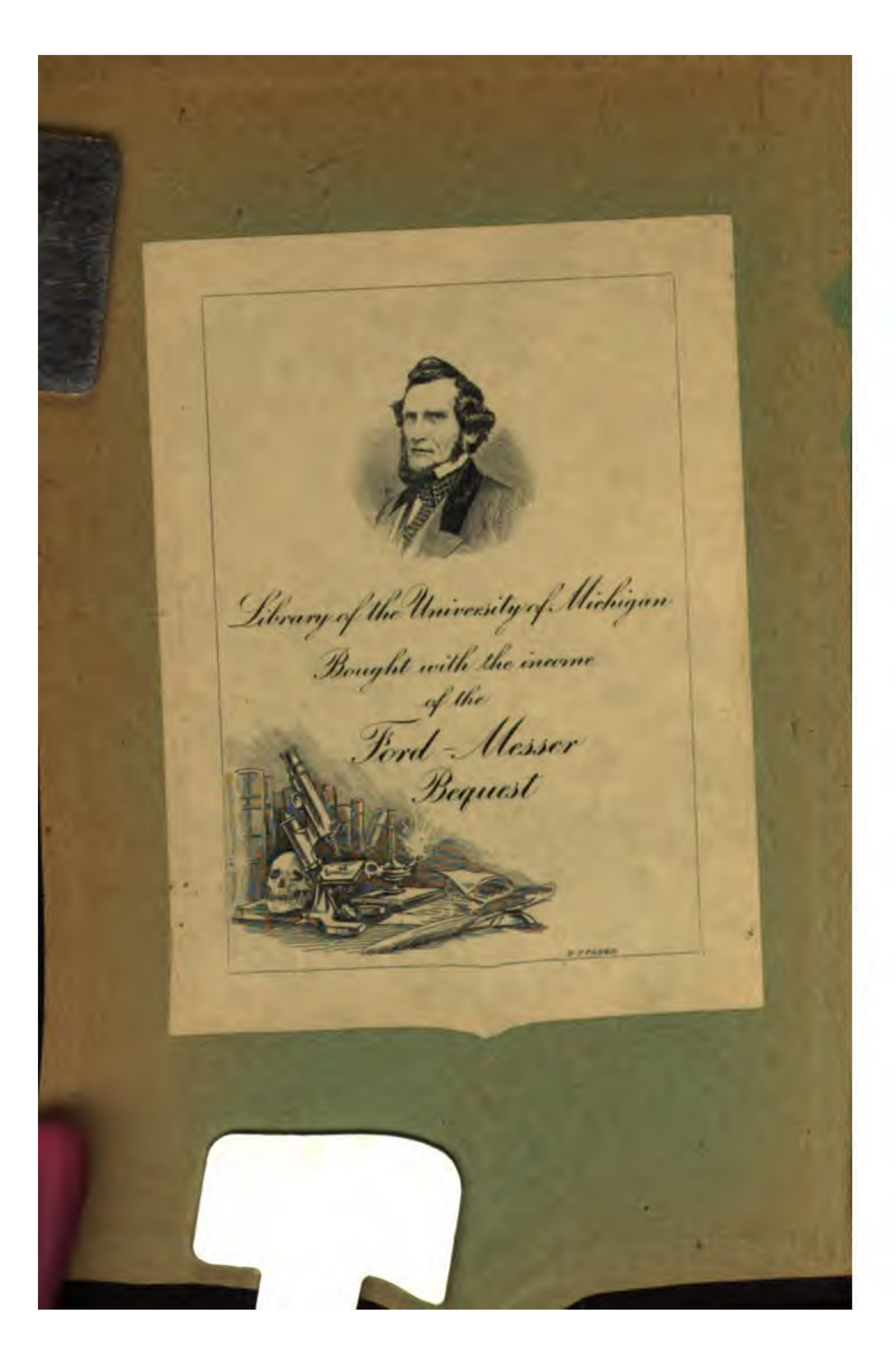




СОЧИНЕНІЯ

Danilewsky

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

[redacted]

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

БѢГЛЫИ ЛАВРУШКА ВЪ ПАРИЖѢ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Въ началѣ весны 1860 года, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, мнѣ привелось обѣдать въ тамошнемъ русскомъ трактирѣ, содержимомъ нѣкоимъ господиномъ Петромъ Ахчауловымъ. «Pierre Achtschauloff, restaurateur russe» значилось на его карточкахъ, тыкавшихся вамъ, какъ новичку, вездѣ, даже среди газетъ и журналовъ, въ кабинетѣ для чтенія при редакціи журнала «Le Nord». Общія подстреканія знакомыхъ оказались и здѣсь, какъ почти всегда, пустякомъ. Забавный кабачокъ представился тѣмъ же французскимъ отелемъ, съ маленькими столиками, некрашеными полами, усыпаемыми ежедневно бѣленькимъ пескомъ, съ посредственными винами, изъ такъ-называемыхъ туземныхъ, дамойсчетчицей за конторкой и печальнымъ результатомъ всѣхъ парижскихъ обѣдовъ, выходомъ изъ-за стола «впроголодь». Зато здѣсь вамъ подавались, и теперь еще, вѣроятно, подаются весьма сомнительнаго свойства квасъ, гречневая каша, борщъ съ бураками, разумѣется, на винномъ уксусѣ, кулебяка съ вязигой, паюсная икра, болѣе похожая на сгустокъ отъ чернилъ, чѣмъ на икру, чай и прочія тонкости, безъ которыхъ, какъ говорятъ, не обойдется желудокъ русскаго человѣка. Взглянувши на часы и сообразя, что есть еще средства утолить голодъ за табль-д'отомъ въ отелѣ Франциска I, гдѣ я засѣдалъ ежедневно съ молодежью изъ русскихъ художниковъ, давно обстрѣлянныхъ и неспособныхъ поддаться на слабость посѣтить г. Пьера Ахчаулова, я уже всталъ и взялся за шляпу, какъ съ одного отдален-

наго столика также всталъ благообразный бѣлокурый господинъ, въ сѣромъ простенькомъ пальто и подошелъ ко мнѣ.

Извините-съ!..—началъ онъ по-русски.

— Чтò вамъ угодно?

— По двумъ вашимъ словамъ въ отвѣтъ здѣшнему хозяину я рѣшилъ, извините, что вы... чиновникъ-съ!

— Ошибаетесь; почему же вы такъ думаете.

Блондинъ вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда карточку и подалъ мнѣ, со словами:

— Извините. Я вашъ соотечественникъ; я русскій *эмигрантъ-съ*.

На французской карточкѣ значилось: «Лоранъ, второй швейцаръ въ домѣ барона Ротшильда».

— Чтò же вамъ угодно отъ меня?

Бѣлокурый господинъ попросилъ меня къ окну.

— Извините меня, — началъ онъ добрымъ голосомъ:— я нуждаюсь въ совѣтѣ... Многихъ я здѣсь въ ресторанѣ-съ переслѣдилъ и относился къ многимъ-съ. Все господа важные или занятые весельемъ-съ. До того ли имъ...

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Вы не чиновникъ?

— Нѣтъ, не чиновникъ.

— Въ университетѣ вы учились? Законамъ учились?

— Учился...

— Позвольте васъ попросить меня выслушать; если угодно въ садъ, тутъ по близости-съ, на лавочку...—Я пошелъ съ Лораномъ въ садъ, примыкавшій къ какому-то дворцу или казармѣ... Мы сѣли на лавочкѣ. Мой собесѣдникъ вынулъ красивый портъ-сигаръ и предложилъ мнѣ отличную «баядеру».

— Ахъ!—сказалъ онъ:—какъ тутъ ни весело, а все-таки поневолѣ обрадуешься живой родной душѣ. Двѣ недѣли, какъ я выжидалъ и искалъ человѣка, съ кѣмъ бы посовѣтоваться. Въ наше посольство идти жутко: такъ мало знакомствъ имѣю-съ между нашими: занятъ очень-съ. Я бѣглый крѣпостной человѣкъ-съ одного полтавскаго помѣщика-съ, а зовутъ меня, то-есть звали когда-то-съ дома, Лаврентіемъ Даниловымъ Блинченко, а по-просту-съ Лаврушкой...

Лаврентій Данилычъ помолчалъ, глядя на толпу щеголихъ, мелькавшихъ мимо насъ.

— Долго вамъ разсказывать, сударь, какъ я сюда попалъ и какъ тутъ остался. Когда-нибудь сообщу. Теперь же дѣло

вотъ въ чемъ: тутъ баринъ одинъ есть; заѣзжій и добрый баринъ; только совсѣмъ прожился—слабый, хворый, денегъ нѣтъ, а ко всему этому здѣсь соблазну манитъ — ну, и тянется: совсѣмъ уже, такъ сказать, уронилъ себя... извѣстно-съ, прогорѣлый!.. ну, а народъ тутъ расподлѣющій,— шельма на шельмѣ... Жаль, а помочь некому; силы надъ нимъ нѣту никакой, а силу надо...

— Такъ вы думаете, что я...

— Вы мнѣ, сударь, скажите одно: могутъ ли по нашему, то-есть русскому, закону вытребовать барина обратно, положимъ такъ, въ Полтаву, что ли?

— Кто? правительство?

— Нѣтъ, не казна-съ... А дѣти—могутъ? У него двое и уже взрослыхъ; славныя были дѣтки—Саша и Соня-съ, то-есть теперь уже Александръ Аркадьичъ, выходитъ, и Софья Аркадьевна... Вѣдь пропадетъ человѣкъ; почитай уже теперь по улицамъ побирается, паяцомъ за деньги готовъ стать къ расподлѣющему какому французу.

— А есть имѣніе у этого господина въ Россіи?

— Было-съ, триста душъ, да теперь уже ихъ нѣту... прокутился...

— А дѣти чѣмъ обезпечены?

— Отданы были въ обученіе чрезъ бабку; у бабки теперь вѣрно и живутъ, своего достатку нѣтъ. И жива ли бабка, не знаю...

— Ну, врядъ ли что тутъ силой сдѣлаешь; дѣти могутъ только писать ему, надо уговаривать.

— Уговоришь его! совсѣмъ пропалъ, какъ есть...

Мы еще поговорили. Я обѣщалъ навести справку въ посольствѣ, дать ему отвѣтъ черезъ недѣлю и простился съ нимъ.

На разставаньѣ Лаврентій Данилычъ замялся.

— Скажу ужъ вамъ всю правду... Вы все равно въ посольствѣ узнаете, извините — этотъ баринъ Аркадій Андреичъ... Дольскій—былъ когда-то мой баринъ. Двѣнадцать лѣтъ назадъ мы вотъ съ нимъ вмѣстѣ бѣжали сюда, при Ламартинѣ-съ, какъ разъ при республикѣ этой бѣжали и прогорѣли. Кабы не Господь-Богъ, да Миколай-чудотворецъ, и я бы, можетъ статься, въ тюрьмѣ какой сидѣлъ. А теперь, благодаря Бога, въ хорошихъ людяхъ живу...

— Да, мѣсто хорошее; вы, кажется, у Ротшильда въ домѣ?

— Точно тамъ-съ, у нихъ; баронъ распредобрѣющій че-

ловѣкъ-съ, какихъ поискать въ мірѣ. Сперва я у него выѣзднымъ былъ, а потомъ въ швейцары попалъ и коммиссіи иногда имѣю по дѣламъ: по городу, отъ конторы...

— Сколько вы жалованья получаете?

— Deux milles francs d'appointements et deux milles de commissions, — сказалъ Блинченко, съ чистѣйшимъ парижскимъ выговоромъ, принимая при этомъ всѣ ухватки туземца: — двѣ тысячи франковъ жалованья и двѣ тысячи комиссіи, квартиру и одежу-съ.

— Это хорошо...

— Только ни днемъ-съ, ни ночью, вѣрите ли, покоя нѣтъ! Теперь же я выпросился, извините, — я жду вашего одолженія-съ—не оставьте!..

И онъ опять заговорилъ по-французски и повторилъ адресъ своей карточки. Странно! По-французски онъ говорилъ какъ истый парижанинъ; казалось, слушаешь лепетъ франта на Итальянскомъ бульварѣ. Какъ заговорилъ опять по-русски, о Парижѣ и помину нѣтъ: будто слушаешь разговоръ дворника у лавочки на Поварской или въ Гороховой.

— Вы давно изъ Россіи-съ?—спросилъ онъ.

— Недавно.

— Что ваши крѣпостные?

— Дѣло обсуждается! нельзя,—много хлопотъ.

— Тэ-экъ-съ; насчетъ тоже-съ откуповъ, тутъ говорятъ, будто у насъ свободно будутъ водку продавать. Правда это?

— А васъ это занимаетъ?

— Да-съ, въ Миргородѣ у меня сестринъ мужъ шинкаремъ сидитъ, такъ какъ бы мѣста не утерялъ, много дѣтей... А правда тоже, извините...

— Ничего, ничего, что такое, говорите!

— Правда, тоже, тутъ произошелъ слухъ, что будто богача купца Самокишина въ Москвѣ на цѣпь къ столбу приковали за то, что народу чай изъ бурьяну поддѣльный продавалъ? Мы у него въ домѣ у Покрова съ бариномъ стояли, и будто народу было дано, всякому человѣку, право и дозволеніе три дня и три ночи плевать на него и бить его по щекамъ за это жидовство-съ?

— Кто это вамъ сказалъ? это чистѣйшій вздоръ!

— Пріятель тоже, скажу вамъ, русскій и какъ я—лакей тоже, бѣглый изъ Крыму, писалъ. Онъ бѣжалъ, значитъ, дуракъ, во время войны, да три года у англичанъ и потеръ языку

во флотѣ; а теперь въ Лондонѣ на улицѣ Гей-Маркетъ, въ турецкой кофейнѣ офиціантомъ служитъ, уже тоже третій годъ. Онъ въ аглицкихъ газетахъ начиталъ. Вы, я думаю, его видѣли, коли въ Лондонѣ были, — его *всѣ наши* эмигранты знаютъ—такъ его Данилкою и зовутъ. На-дняхъ это тоже опять пишетъ мнѣ: «ну, братъ, Лавруша, поздравляю: у насъ сѣканцію отмѣняютъ». Шутникъ такой, что на-поди! Извините-съ, опять заболтался. Au revoir!

Мы разстались. Но я плохо сдержалъ данное слово. Ранѣе недѣли судьба унесла меня въ Италію. Выборы въ Тосканѣ, смуты въ Римѣ, Неаполь и Венеція, Гарибальди въ туринскомъ парламентѣ — все это были такія впечатлѣнія, среди которыхъ по-неволѣ забылся и обѣдъ въ русскомъ кабачкѣ у Пьера Ахчаулова, и разговоръ съ Лораномъ Блинченко. Но зато едва я воротился въ Парижъ и въ квартиркѣ художника М., гдѣ бросилъ часть своихъ вещей, наткнулся на карточку съ именемъ и адресомъ мосье Лорана, — я отправился въ посольство, переговорилъ съ чиновниками, порылся даже въ сводѣ законовъ и поѣхалъ отыскивать знаменитую улицу Лафитта и еще болѣе знаменитый домъ барона Ротшильда. Мнѣ кстати нужно было справиться въ банкирской конторѣ барона объ одномъ векселѣ, и я вошелъ въ контору. Цѣлое министерство предстало моимъ глазамъ. Клерки за столами, главноуправляющіе съ пушистыми бакенбардами, мѣшки съ золотомъ, кучи билетовъ, кассы за металлическими сѣтками оконъ; общая тишина, мѣрные шаги по коврамъ и плавное скрипѣніе сотни перьевъ; самъ молодой, бѣлокурый баронъ, худощавый и красивый, «султанъ червонцевъ и цѣлковыхъ», въ мягкомъ креслѣ огромнаго, сіяющаго каминомъ, кабинета, съ сигарой, за подписаніемъ бумагъ— все это заняло меня. Но я спѣшилъ обратно въ пріемную и потомъ внизъ.

— Что угодно, мосье? — спросилъ меня дежурный привратникъ.

— Мосье Лоранъ?

— А, мосье Лоранъ; знаю, знаю; вы вѣрно его землякъ? Онъ все ждалъ кого-то; его теперь нѣтъ дома! Онъ съ баронессой въ Булонскомъ саду. Но вы пожалуйте въ его комнату, онъ живетъ выше меня; о, онъ истинно достойный малый и живетъ по заслугамъ выше меня — вотъ, по этой

же черной лѣстницѣ... А-а? Козакъ!.. козакъ! Хе-хе!.. Vous êtes tous des kosaks!

И дворникъ, лукаво подмигнувши, почему-то громко разсмѣялся. Я вошелъ въ комнатку второго этажа, сопровождаемый дворникомъ. Это была конурка въ пять шаговъ; желѣзная кровать, подъ фланелевымъ одѣяломъ, два стула, столикъ у единственнаго окна, на столѣ два подсвѣчника, зеркало, папка съ бумагой, карандашъ и чернильница, клѣтка съ канарейкой надъ окномъ, а на стѣнѣ на гвоздѣ обернутое простыней платье. Апрѣльское солнышко весело свѣтило въ комнату, канарейка заливалась на всѣ лады. Я склонился къ столу и сталъ писать записку. Дверь отворилась за спиной привратника.

— А! Это вы! я васъ давно ждалъ! — крикнулъ мнѣ на порогѣ поспѣшно вошедшій Лаврентій въ голубой ливреѣ, шитой золотомъ, въ штиблетахъ и съ блистательными гербами на пуговицахъ.

Онъ сухо выслалъ подобострастнаго дворника, снялъ ливрею, облачился въ пальто и сѣлъ.

— Да, я васъ ждалъ, ждалъ! Гдѣ вы были, сударь?

— Въ Неаполѣ, въ Сициліи, въ Туринѣ; гдѣ я не былъ?

— Гарибальди видѣли-съ? Вотъ герой; нашъ Суворовъ-съ!

— Видѣлъ въ парламентѣ и даже къ нему на домъ съ другими русскими водили; видѣлъ его и на улицѣ, — передъ студентами рѣчь держалъ...

— Да, герой человѣкъ, я думаю, такого и нашъ Ермоловъ бы не побѣдилъ. Тутъ шла на него по лавочкамъ тайкомъ подписка, и я два франка далъ. Хотите курить? Что же наше дѣло?

Я передалъ ему справку. Оказывалось, что г. Дольскаго по требованію дѣтей выслать не могли, — да врядъ ли дѣти и захотѣли бы хлопотать о такомъ папенькѣ. Мой разсказъ произвелъ горькое впечатлѣніе на Лаврентія. Онъ склонился на руки, волосы упали ему на лицо. Прошло минуты три.

— Пропалъ человѣкъ! а что за человѣкъ былъ! Спасибо за справку; сталъ бы я вамъ жизнь его теперь разсказывать, да надо идти. Баронъ отпустилъ всего на пять дёнъ; теперь дни такіе...

— Что же теперь такое?

— Да теперь... страстная недѣля-съ, страсти; а вы закутились и забыли? Надо говѣть, надо въ нашей церкви о

службахъ справиться. Извините, пойду туда, а къ вамъ опосля заверну-съ...

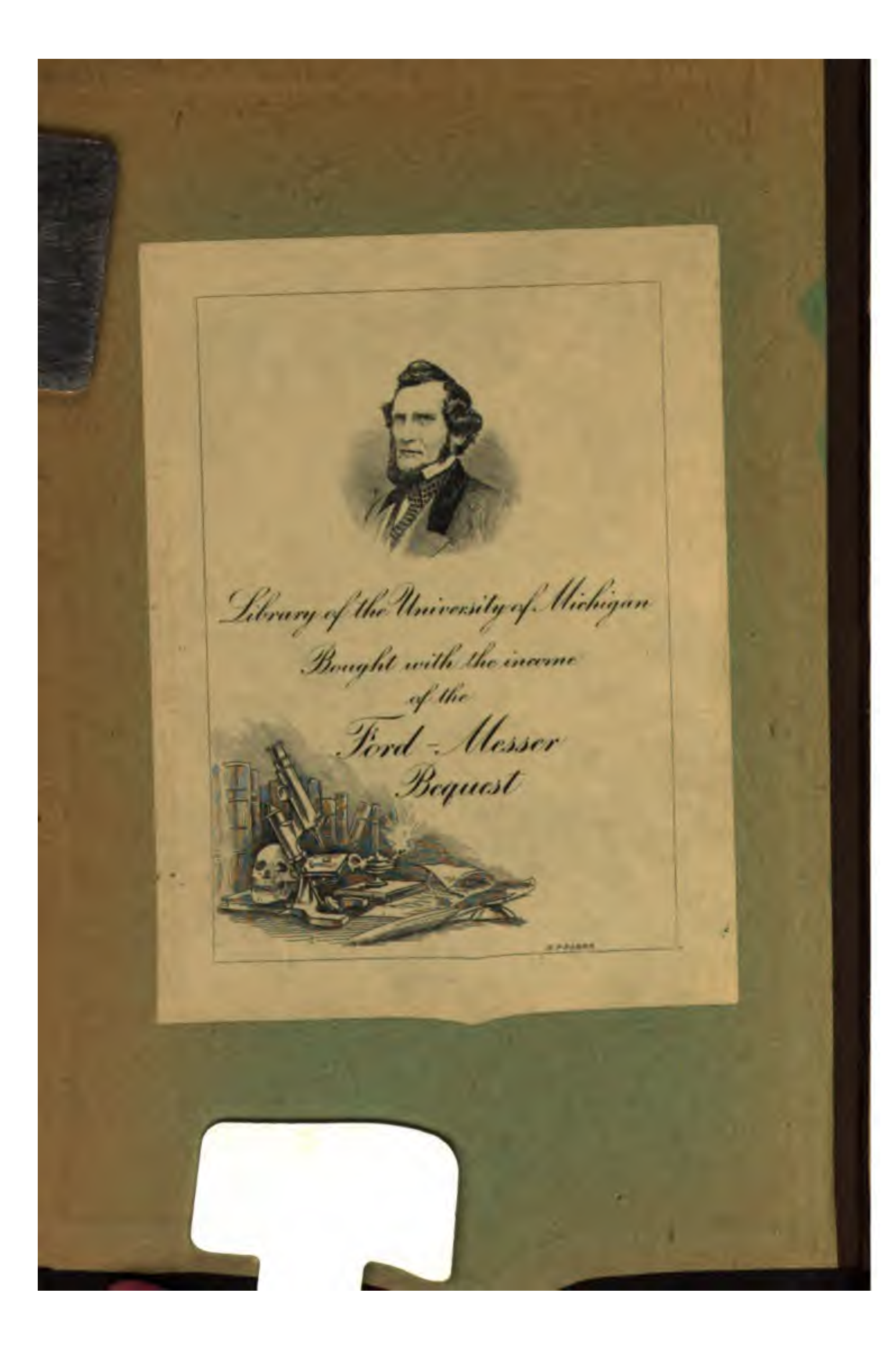
— Ну, ужъ нѣтъ, Лаврентій Данилычъ, за грѣхи мои и я пойду съ вами. Въ самомъ дѣлѣ, я среди здѣшняго счета чиселъ и запутался.

Мы пошли бульварами. Шли долго; Лаврентій Данилычъ, какъ началъ разсказывать, все не умолкалъ. Прошли и Маделену, и Фобуръ-Сентъ-Оноре, и другія улицы. Заходили и въ нашу прежнюю церковь. Тамъ, во дворѣ, мой товарищъ отыскалъ помѣщеніе одного изъ причетниковъ родного клироса и у него справился о времени вечерень, всенощныхъ и обѣдень. Помню я, что и этотъ причетникъ поразилъ меня тѣмъ же, чѣмъ поразилъ сперва и Лаврентій. Мы разговорились, въ веселой хорошенькой гостиной этого дьячка русской парижской церкви, передъ каминомъ, уставленнымъ фарфоромъ, среди уютной мебели, обитой трипомъ; по стѣнамъ висѣли картины масляными красками, при нашемъ входѣ изъ-за пьянино встала маленькая дочь дьячка, игравшая что-то изъ оперы. Самъ онъ заговорилъ по-французски — чистѣйшій парижанинъ, и даже слово «parbleu» употребилъ; заговорилъ по-русски — прямо дьячокъ изъ-за Москворѣчья; даже ругательства родныя ввертывалъ подчасъ въ свою рѣчь. Тридцать лѣтъ онъ живетъ въ Парижѣ при церкви, въ полномъ довольствѣ; усвоилъ себѣ всѣ его привычки, всю обстановку туземнаго счастія и комфорта, а воротись на родину, одной косички на затылкѣ первое время не будетъ,—сохранилъ въ себѣ всю святую Русь въ точности.

— Ну,—сказалъ Лаврентій, справившись у причетника:— мы на день еще свободны; такъ слушайте же далѣе, до конца!

Мы вышли на улицу Берри, оттуда набережной Сены въ Тюльерійскій садъ, и бесѣдовали до самаго вечера на лавочкѣ, у знаменитаго фонтана...

— Мы бѣжали двѣнадцать лѣтъ назадъ изъ Россіи. Мой баринъ-съ, какъ я сказывалъ, былъ богатый помѣщикъ. Вы меня извините, коли я что неприличное вамъ скажу: надо говорить правду. Баловался мой баринъ сызмальства, хоть былъ и дворянинъ; наберетъ, бывало, ребятишекъ, какъ изъ корпуса пріѣдетъ, запрягаетъ ихъ въ колясочку, играетъ всячески, а послѣ и сѣчетъ; это, говоритъ, для фронту, чтобъ послѣ боялись; насъ, говоритъ, тоже въ корпусѣ и


Library of the University of Michigan
Bought with the income
of the
Ford - Messer
Bequest

поселились: сперва я боялся, что поймають и въ Сибирь сошлють. А послѣ обошелся. Зажили мы. Я хожу корову пасти, дрова собираю, на базаръ въ Кастелламаре (деревушка она, что ли, за Везувіемъ есть такая) хожу, салатъ, овощи, фрукты покупаю; а баринъ все ходитъ въ такой большущей соломенной шляпѣ, по морю катается, рыбу удитъ, на огни Везувія по ночамъ съ любовницей смотритъ и оба ровно ничего не дѣлаютъ больше. Покушаютъ, погуляютъ, полежать, спать лягутъ; я опять имъ и тутъ ставни закрываю, какъ во Всесвятскомъ. Выспятся, опять поѣдятъ, опять это пошатаются по каинямъ, выкупаются или рыбки половятъ, и опять спать. Она растолстѣла, жирныя такія губы и плечи стали, глаза подернуло поволокой, такъ и пышетъ вся, сталъ толстѣть и мой баринъ, но меньше. Онъ все на лакрима-кристи, да на алеатико сталъ налегать; тамъ вина такія есть. Тутъ начала голова у него болѣть, приливами, глаза какъ кровь, еле уже ходитъ, а тутъ и желудкомъ сталъ сердечный объѣдаться; я дважды за докторомъ ѣздилъ на ослѣ въ городъ, кровь ему бросили. Прошло такъ мѣсяцевъ семь; смотрю, оба замутились; привялило ихъ маленько что ли такое житье — хлопаютъ только глазами; она книжку читаетъ, онъ зѣваетъ, да куритъ. А тутъ и казусъ произошелъ. Надо вамъ знать, что баринъ мой былъ очень ревнивъ еще и къ своей прежней барынѣ, и къ этой; а она со скуки, что ли, или такъ — шутя, одинъ разъ и залучила меня въ саду. Сперва все ходила около съ зонтикомъ, какъ я корзинку плелъ, а потомъ подошла и взяла меня за щеку, а сама, смотрю, дрожитъ, и какъ пахнетъ отъ нея всякими духами: «Лаврушь-дурнушь,—говоритъ:— полюби меня, я тебя озолочу!»—Я, сударь, такъ и обомлѣлъ.—«Non, говорю, impossible, нельзя; баринъ убьетъ изъ пистолета!» А она по-французски мнѣ въ отвѣтъ, я тогда уже понималъ и самъ начиналъ говорить: «не бойся, деньги мнѣ всѣ уже на мое имя переведены; бросимъ его, убѣжимъ — онъ мнѣ противенъ!» И она тутъ плюнула па траву, а сама держитъ меня за голову, я же на корточкахъ сижу съ корзинкой. — «Нѣтъ, я отвѣтилъ, не могу, и я васъ не люблю, Эмеренція Карловна; у меня, скажу вамъ по правдѣ, тутъ итальяночка по любви ходитъ...» Позеленѣла барыня, сама усмѣхнулась и отошла. Въ тотъ же вечеръ мой баринъ, ни за что, ни про что, впервое въ

жизни поколотилъ меня. Сосѣдскіе кучеръ и садовникъ на меня взъѣлись. — «Дуракъ русскій, брось своего господина, вѣдь ты тутъ свободный, тутъ крѣпостныхъ нѣтъ!» — «Даромъ, пусть бьетъ, а я все-таки его не кину! На то онъ баринъ — а вы дурачье». Черезъ два дня она выпроводила барина куда-то, сама пришла ко мнѣ въ садъ опять: «а что, — говоритъ, смѣючись и не поднимая глазъ: — испыталъ?» — «Испыталъ, говорю, сударыня, такъ что же?» — Она кинулась ко мнѣ на шею и давай меня цѣловать... ей-Богу! такъ и горитъ, ласкаетъ, дрожитъ, шельма, и въ глаза цѣлуетъ, и въ щеки, и въ губы—насилу я оторвался отъ нея, ей-Богу-съ, какъ Іосифъ прекрасный въ исторіи. Она мнѣ пригрозилась и ушла. А тамъ разъ ночью ко мнѣ въ коровникъ пришла... Тутъ уже я все барину сказалъ. Не повѣрилъ онъ сперва, сердечный, а потомъ — и заплакалъ. Плачетъ, какъ малое дитя, хнычетъ: «пропалъ я, Лаврушка, какъ собака, теперь ужъ я предчувствую — она меня броситъ. Гдѣ она?»—«Въ ваннѣ сидитъ: Клара съ нею» (это служанка старая была)...—«Броситъ теперь она меня, и я пропалъ...» — Да чѣмъ же вы, сударь, говорю, пропали? Возьмемъ мѣсто на пароходѣ и, черезъ Одессу, воротимся опять домой; коли Всесвятскаго родового вашего не выкупимъ, такъ по-крайности хоть въ хуторѣ какомъ въ Малороссіи сядемъ на хозяйство. Вонъ, Дорошъ, лакей Павленка-съ, въ Римѣ мнѣ говорилъ, что у нихъ земля подъ Бахтутомъ ничуть не хуже-съ, чѣмъ въ этой Кампаньѣ-съ, али хоть бы и по близности Неаполя; вспомните наше село, вареники; да и пшеница наша не въ примѣръ лучше здѣшней». — «Ты, Лаврушка, вздоръ мелешь; знай, братецъ, что теперь я нищій — меня вызывали черезъ газеты; имѣніе продано съ аукціона, а мои всѣ билеты у Чезаре въ Римѣ я перевелъ на ея имя, послѣ того, помнишь, вечера, какъ мы за Монте-Пинчіо въ лѣсокъ ѣздили и оставались тамъ до зари. Ахъ, братецъ, женщина! Вотъ адъ и рай вмѣстѣ, что̀ за пылъ и что̀ за страсти! Ты не вкусилъ этого, дуракъ, и потому не знаешь... Ну, да авось это еще перемелется!»—Только нѣтъ! какъ узнала она, что я барину все открылъ, волчица-волчицей стала,—насъ, безпаспортныхъ, еще миловали — мнѣ выхлопотали какой-то плакатъ на итальянскомъ языкѣ и отпустили; баринъ и глядѣть на меня, сердечный, не могъ, а она такъ просто

расхворалась, какъ я отходилъ. Клара только передала мнѣ тутъ знаками, что она ночью барина по щекамъ била, и онъ передъ нею на колѣнкахъ прощенья все за что-то просилъ. — Тутъ я переѣхалъ въ Анкону, а потомъ въ Падуѣ къ бывшему харьковскому профессору—окулисту В***—по одной рекомендаціи, поступилъ въ услуженіе. Профессоръ вывезъ большое состояніе, имѣетъ виллу-съ, а ѣстъ донынѣ-съ по памяти ботвинью и дѣлаетъ себѣ дома квасъ.— Оттуда я уѣхалъ сюда, въ Парижъ, и тутъ уже остался. Только Парижъ мнѣ, скажу вамъ, сперва больно не полюбился. Въ первый разъ, какъ я пріѣхалъ, тутъ правилъ Ламартинъ-съ: изъ здѣшнихъ помѣщиковъ онъ въ короли на три мѣсяца былъ выбранъ; мнѣ тогда какъ-то не казался Парижъ,—грязно такъ, улицы узенькія, сырыя, сами французики такіе общарпанные, голодные ходили. Правители это въ шарфахъ черезъ плечо вездѣ показывались, знамена раздавали, краснымъ виномъ поили народъ. Тамъ ихъ камера такая была, народъ у входа толпился, задиралъ всякаго. Епископа ихняго гдѣ-то въ переулкѣ осмѣяли, грязью въ лицо ему кидали; а у одной княгини на каретѣ, среди улицы, гербы кирпичомъ постирали и ее еще заставили выйти въ дерны и на дѣло смотрѣть, стоя. Какъ бывало въ камерѣ что скажутъ такое, такъ и закишатъ улицы оборванцами, какъ улей пчелами; сейчасъ за камни; мостовыя разберутъ и драка. А тутъ я изъ Италіи прибылъ черезъ нѣсколько лѣтъ— вездѣ тишина и всѣ такіе чистые и выбритые ходятъ. Полиціи пропасть, и Наполеонъ, какъ наши генералы, сталъ въ мундирѣ ѣздить по городу, да еще и съ конвоемъ...

— Ну, такъ вы пріѣхали въ Парижъ; а баринъ вашъ гдѣ же дѣлся?

— Я тутъ сталъ служить у французовъ, сначала по ресторанамъ, а тамъ и въ конторахъ, за швейцаровъ. Завелась у меня здѣсь тоже любовница, извините, больно мою полтавскую Настю напоминала—такая же свѣжая, да добренькая, да съ черною косой... Ѣздилъ я съ ней въ гуляночные дни за-городъ и въ окрестные сады, въ театры и на смотры войскъ. Она разряжена и я. Разъ тащимся мы въ омнибусѣ въ Буа-де-Булонь; я высунулся изъ окна и смотрю на щегольскіе экипажи; вдругъ слышу изъ одной коляски громкій женскій голосъ: «Лаврушъ, Лаврушъ, Ани-

малъ!» Оглянулся: Эмеренція Карловна, и кинула она мнѣ наскоро свою карточку съ адресомъ; выскочилъ я изъ омнибуса, сконфузилъ и любовницу свою, поднялъ карточку, а коляска съ Эмеренціей Карловной улетѣла, и она мнѣ только рукой поцѣлуй послала, а сама хохочетъ и съ нею въ коляскѣ офицеръ усатый, да черный, тоже заливается, хохочетъ. Взбѣсила меня эта баба; думаю себѣ, пойду, справлюсь хоть о баринѣ. Насилу отыскалъ ея квартиру, почти за городомъ, за прежнею чертою городского вала, только квартира отличная, цѣлый домъ въ саду и палисадникъ выходитъ на улицу. Зашелъ я прежде въ сосѣднюю лавочку пива выпить, а самъ давай разспрашивать хозяина, кто такой занимаетъ этомъ домъ съ садомъ. — «Богатая дама русская изъ французовъ, — отвѣтилъ мнѣ веселый хозяинъ лавочки:—деньги соритъ, домъ вѣчно полонъ безпечныхъ гостей — идетъ картёжъ, попойки справляются аккуратно, а на-дняхъ полиція вмѣшалась и у нея былъ комиссаръ, по поводу одной ея штуки». — Что же такое? Лавочникъ оглянулся. «Видите ли, говорятъ, она обобрала одного русскаго барина въ Россіи, тысячъ на двѣсти франковъ, выманила у него эти денежки, а его прогнала или гдѣ-то бросила больного. Теперь она въ связи съ капитаномъ изъ гвардейскихъ вольтижёровъ, такой здоровенный мужчина, еще прежде былъ у меня въ невылазномъ долгу за пиво и сидръ. Ну, она съ нимъ почти открыто живетъ, кутитъ по загороднымъ баламъ, — а этомъ баринъ-то русскій выздоровѣлъ, да какъ-то и доплелся до Парижа...

— Ну, ну??? — «Доплелся, узнавъ ея адресъ черезъ хозяйку отеля, гдѣ онъ съ ней впервые остановился, когда ѣхалъ изъ Россіи,—и отправился къ ней. Она его не приняла. Двѣ недѣли онъ ходилъ тутъ, бѣдняга, около ея оконъ, какъ нищій, почти-что милостыню готовъ былъ просить, — двери ея не отворились для него. Я его зазвалъ, все это узналъ и три раза давалъ ему даромъ, бѣдняку, каштановъ и пива. Но на-дняхъ у нея была попойка, онъ опять пришелъ и сѣлъ вонъ на ту скамеечку у воротъ ея двора. Вижу, я, отворилось у нея окно, толпа молодежи высунулась съ нею оттуда и давай кричать: «мосье, мосье! какъ же о васъ не доложили, пожалуйте!» Онъ вошелъ къ нимъ, и послѣ того тамъ раздавались такіе крики, смѣхъ и возгласы; что мы и мои посѣтители изъ сосѣднихъ мастер-

скихъ и лавочекъ только плечами сдвигали. Ночью этого господина отвезли за-мертво пьянаго,—а утромъ тамъ былъ комиссаръ и у нея взяли какую-то подписку. Говорятъ, что въ этой компаніи веселыхъ гостей моей сосѣдки ея бывшаго обожателя подпоили, заставили пѣть и плясать національныя русскія пляски и потомъ, нарядивши его шутомъ, сдѣлали съ нимъ еще какую-то наглость. Онъ этого на утро ничего не помнилъ; но кто-то изъ собесѣдниковъ проврался, и госпожу эту взяли подъ присмотръ полиціи и слѣдятъ, откуда у нея взялось состояніе. Спрашивали, говорятъ, этого чудака, осмѣяннаго ея обожателя, не у него ли она выманила какою-нибудь подлостью деньги; но онъ ее не выдалъ и отрекся отъ всего». Что вамъ прибавлять къ разсказу лавочника? Скажу вамъ, сударь, одно: былъ я у нея, водила она меня по комнатамъ, показывала ихъ убранство, свои вещи, свою спальню, ванну, зимній садъ съ теплицами, вспомнила про Россію.—«Э! ты! Кстати, хочешь назадъ въ Полтаву?» — спросила она меня. Я не отвѣтилъ ни слова.—Сударыня,—говорю,—гдѣ мой баринъ? гдѣ вы его дѣли?—Она слегка поблѣднѣла.—«Мосье Дольскій теперь свободенъ; онъ мнѣ измѣнилъ и мы разстались; онъ, кажется, въ Швейцаріи... фермеромъ живетъ на хозяйствѣ». Мы были одни; я не выдержалъ и говорю по-русски:— «Эмеренція Карловна! смилуйтесь; у васъ души нѣтъ— баринъ мой вовсе не тамъ, а здѣсь, въ Парижѣ, и съ голоду умираетъ!»—она взглянула въ окно искоса и засмѣялась:—«Tiens, моя душа: если бы у меня не было этого (она показала сперва на ротъ, потомъ на лобъ и потомъ на лѣвый бокъ), этого и этого, если бы я не хотѣла ѣсть, не думала жить и не имѣла бы надежды любить, — я бы поняла тебя. А теперь—прощай! Да кстати: хочешь ли въ лакеи-друзья; ты еще такъ же хорошъ, какъ былъ въ Италіи; я тебѣ дамъ ваканцію у одной моей подруги, содержательницы шоколаднаго магазина на бульварѣ? Подумай!» — А баринъ мой, баринъ-то?! — сказалъ я, трясясь отъ злости и омерзѣнія-съ:—вамъ его не жалко? не жалко его дѣтокъ, вашихъ учениковъ, Саши и Сони? — «Ха-ха-ха-ха!»—захохотала она во все горло, потомъ, топнувъ ногой, указала мнѣ на дверь и закричала:—«вонъ отсюда, холпакъ!»—Я оглянулся, кругомъ насъ и въ этой части дома не было ни души. Я молча кинулся на нее и уже въ точности не

упомню, чѣмъ, сколько времени и по чемъ я ее билъ... Помню только, что на ея крикъ стали останавливаться у окна прохожіе, потомъ окно со звономъ лопнуло и ворвался ко мнѣ какой-то толстякъ-булочникъ, а потомъ розняли насъ и другіе! У меня отняли изъ рукъ ножку стула и на полу подняли обломокъ шандала. Ее полумертвую отвезли въ страннопріимную богадѣльню; голова у нея оказалась безъ косы, — чѣмъ я отрѣзалъ ее, и донынѣ не соображу, — въ двухъ мѣстахъ была пробита, а на лицѣ и на рукахъ оказались у нея такія раны, что едва я могъ спастись и доказать, что мстилъ ей за господина, но не думалъ ее убить до смерти. Черезъ два дня въ здѣшнихъ газетахъ появилась статья, подъ заглавіемъ: «Русскій тигръ, или анекдотъ на улицѣ Звѣздъ съ русскимъ рабомъ и парижскою сиреной, за стараго любовника». Я просидѣлъ болѣе полугода въ тюрьмѣ; ко мнѣ являлись и угрожать, и упрашивать. Мой адвокатъ оправдалъ меня, и я вышелъ, но бѣдствовалъ долго безъ мѣста. Тутъ-то отыскалъ меня по газетнымъ статьямъ мой баринъ... Боже милостивый! Въ какомъ я положеніи его увидѣлъ... какой-то камлотный камзольчикъ, куцыя жидовскія брючки съ чужихъ ногъ, видно, прямо съ рынка, и поверхъ всего старенькая плисовая, какъ у паяца, курточка, — старый престарый, волосы до плечъ, сѣдина прошибаетъ сильно, небритый и подъ хмелькомъ. Воротился я какъ-то съ поисковъ за мѣстомъ въ свою конурку, смотрю, бокомъ у окна баринъ стоитъ. Я такъ и обомлѣлъ. Баринъ, голубчикъ, Аркадій Андреичъ, васъ ли я вижу? Да въ слезы отъ радости, да къ ручкѣ его. Онъ руку не далъ поцѣловать, и самъ не смотритъ, стыдится. «Ты, Лаврушка, говоритъ, много не разсказывай и не унижайся, хоть и бывшій мой крѣпостной. А ты лучше вотъ что: поставь мнѣ, братъ, выпить, червячокъ точитъ, надо заморить. Помнишь, какъ во Всесвятскомъ: «Антошка, Пашка, Лаврушка, вы, звѣрьё, водки!» А ты кричишь «въ секундъ!» и бѣжишь. Бѣги, Лавруша, и теперь».—Заметался я, сказать вамъ по-правдѣ, какъ бывало точно въ старину, и самъ зналъ, что онъ уже не баринъ, а заметался и за виномъ махнулъ во весь опоръ; что дѣлать — прибылъ старый баринъ! Вотъ угостилъ его; онъ и говоритъ: «теперь давай мнѣ денегъ, я безъ денегъ ничто; а ты на ноги меня поставь, Лавруша!» — Гдѣ мнѣ, — говорю

ему, — денегъ достать? Я самъ, Аркадій Андреичъ, супъ изъ крысъ ѣмъ, камушками закусываю по мостовымъ, да и тѣхъ, вонъ, Бонапартъ-императоръ поубавилъ по улицамъ, чтобъ баррикадъ французъ не строилъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы были съ вами тутъ, ваше благородіе! Ей-же-ей, баринъ, съ голоду приходится помирать...— «А все-таки ты меня долженъ ублаготворить». Занялъ я у одного пріятеля сорокъ франковъ, да взялъ впередъ въ кафе Бюфона-съ, куда нанялся на годъ, шестьдесятъ франковъ въ счетъ жалованья и фракъ свой заложилъ. Но не долго были барину эти сто франковъ. Черезъ два мѣсяца онъ опять притащился ко мнѣ и занялъ у меня уголъ въ каморкѣ. Кàкъ онъ и чѣмъ тутъ жилъ, уже не знаю; писалъ, сказываютъ, кое-къ-кому и въ Россію, да не получалъ оттуда ожидаемаго. Дѣтей вспоминалъ, плакалъ о нихъ, — а возвратиться не хотѣлъ. Какъ-то подвернулся сюда одинъ молодчикъ, изъ нашихъ полтавскихъ, встрѣтилъ его, сжалился, вспомнилъ его же былую хлѣбъ-соль — взялъ его къ себѣ тутъ въ качествѣ собесѣдника. Должно статься, что и этотъ баринъ тутъ прогорѣлъ. Прошло съ тѣхъ поръ еще три года. Я бѣдствовалъ невообразимо; не дослужа забранныхъ шестидесяти франковъ, заболѣлъ... Помѣстили меня въ больницу чернорабочихъ, вылѣчили, а послѣ заставили отслуживать. И я работалъ на каменной работѣ у племянницы моихъ теперешнихъ господъ, баронессы Ротшильдъ, на ея дачѣ. Тамъ меня узналъ аббатъ изъ русскихъ, Саламахинъ, Ѳадей Сергѣичъ, и рекомендовалъ въ лакеи сперва къ племянницѣ бароновъ, а потомъ и къ нимъ самимъ—спасибо ему. Тутъ я теперь и стою. Только не такъ устроилась судьба моего барина-то. Вдругъ, слышу — сманилъ его какой-то фокусникъ и сталъ возить въ колымагѣ съ обезьянами, попугаями и учеными медвѣжатами. Смотрю, разъ по бульвару съ сигаркой ходитъ, на лавкѣ въ Тюльерійскомъ саду сидитъ, на публику смотритъ, и выбритый, въ пальто съ чужого плеча, раздаетъ объявленія про этого фокусника. Я и пошелъ къ фокуснику въ балаганъ; глядь, а баринъ-то мой и билеты у него продаетъ. Я было попятился. «Ничего, — говоритъ, — prenez un bilet, cher Lavrouchka, одинъ франкъ двадцать сантимовъ, первый рядъ!» — Баринъ, — говорю: — Аркадій Андреичъ, васъ ли вижу здѣсь! Вспомните ваши степи, Всесвятское, своихъ дѣтокъ! Воро-

титесь лучше домой; вамъ ли у паяцовъ проживать? Вѣдь у васъ своихъ триста слугъ было... — «Дуракъ ты, братъ Лавруха,—сказалъ онъ мнѣ на это,—мы тутъ равны, да я же и въ опалѣ, въ зломъ скандалѣ... фръ!» Онъ уже тогда начиналъ риѳмами говорить, какъ въ театрѣ, и многихъ господъ смѣшилъ. «Батюшки, батюшки,—подумалъ я,—что съ человѣкомъ не бываетъ!»—Тутъ меня отличили, прибавили жалованья. Саламахинъ разсказалъ барону о моей сценѣ за барина съ тою-то воровкой, разорившей его, и статью ему про меня читалъ. Баронъ прозвалъ меня vrai Kosack—говоритъ и приблизилъ меня еще больше къ себѣ. Съ нимъ тутъ я и въ Лондонъ ѣздилъ, тюки возилъ; послѣ оказалось, что то было золото и его кредитныя бумаги, еще почище золота. Главный клеркъ барона, нѣмецъ, шутъ такой, особенно меня, скажу вамъ, оцѣнилъ, и теперь я ужс съ конторскими за однимъ столомъ обѣдать сталъ... Много тутъ всякаго народа изъ нашихъ бѣглыхъ. И люди будто уже не наши, не свои; одному не зачѣмъ ворочаться домой, другому нельзя; всѣ при мѣстахъ, и будто благополучны и благоденствуютъ. А ударитъ тутъ между нами про родину вѣсть какая, точно въ колоколъ въ Иванѣ Великомъ,—или бранятъ насъ, или войной на насъ собираются, или пожары гдѣ большіе, наводненія, дороговизна, такъ сейчасъ собираются и заставляютъ газеты читать, либо всѣ гуртомъ въ церковь.

Мы оба помолчали. Стало уже темнѣть.

— Гдѣ же теперь вашъ бывшій баринъ Дольскій?

— Въ тюрьмѣ-съ сидитъ... тяжело мнѣ это сказать! Сидитъ за пустячный долгъ. Увлекся у фокусника какою-то фокусницей, да въ долгъ на нее и набралъ нарядовъ, а продавецъ и засадилъ его.

— Что же его никто не выкупитъ?

— Да я первый выкупилъ бы его, только онъ опять туда попадетъ. Совсѣмъ развратный сталъ, измѣнился въ конецъ, а тутъ и навозу залежаться не дадутъ, не то что человѣку. Вотъ кабы его въ Россію! А то и меня онъ осаждаетъ письмами, да ужъ теперь я и боюсь, какъ бы онъ не вытребовалъ меня, по правдѣ, опять къ себѣ въ крѣпостные!

— Ну, на это закона нѣтъ, чтобъ онъ требовать могъ, если самъ безъ паспорта.

— Все такъ, да я вѣдь крѣпостной. Вотъ хоть бы дѣти его самого отсюда взяли, что ли!

Я записалъ адресъ его дѣтей и далъ слово извѣстить ихъ, воротившись въ Россію. Мы встали.

— Ну, какъ же вы, Лаврентій Данилычъ, свою судьбу устроить думаете?—спросилъ я.

— Послужу у барона; теперь изъ жалованья и комиссій моихъ порядочная сумма уже составляется. Еще побуду, авось тогда и свое дѣло начну; лавочку, что ли, открою... Послѣ женюсь... Оно теперь и въ Полтаву манитъ... да жутко какъ-то... Законъ еще неизвѣстенъ... А коли бы Всесвятское было наше и баринъ тамъ жилъ бы—вотъ, ей-ей, кажется, воротился бы. Чтò въ этой ливреѣ, чтò въ этой свободѣ! Честью завѣряю, страшно; ну, какъ потребуютъ, да по этапу отошлютъ...

Я заспорилъ, удивленный такимъ понятіемъ; доказывалъ, что Парижъ не полтавская губернія и что будь только честенъ, здѣсь сберегутъ не хуже, чѣмъ на застольной во Всесвятскомъ, или по паспорту въ Миргородѣ.

— Нѣтъ, скучно, баринъ, становится. Все не свое... двѣнадцать лѣтъ степей не видѣлъ...

«Ужъ не хитритъ ли онъ, — подумалъ я, — что за дичь подобныя убѣжденія. Мы разрываемъ крѣпостныя связи, а онъ жалѣетъ о томъ, что его баринъ не во Всесвятскомъ, а въ долговой парижской тюрьмѣ».

«Вотъ она старая-то Русь»,—подумалъ я.

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Парижа, Лаврентій Даниловичъ Блинченко, или иначе, гражданинъ Франціи, мосье Лоранъ, зашелъ ко мнѣ проводить меня; таскалъ мои чемоданы, сходилъ мнѣ за кое-какими покупками, прилаживалъ мнѣ на дорогу всякую вещицу, чистилъ съ обычнымъ русскимъ лакейскимъ форсомъ чистѣйшаго русскаго издѣлія мои сапоги и, наконецъ, весь запыхавшись, выразился такъ:

— Эхъ, сударь мой! Вѣдь вотъ тутъ и кожи-то такъ выдубить не смогутъ, какъ у насъ. Что здѣсь за сапоги! Мѣсяцъ поносилъ и бросай, или носи триковыя ботинки по грязи этого каторжнаго макъ-адама. А вотъ въ Полтавѣ нашему барину завсегда Коржъ сапожникъ шилъ; такъ вѣрите: по семи мѣсяцевъ безъ починки носились — даже тошно было чистить... Оно, видите ли,—будь и здѣсь проч-

ность какая въ завѣреніи тоже, что вотъ тебя не отошлютъ въ другую какую деревню, я бы воротился, хоть сейчасъ, барину радъ былъ бы снова служить, лишь бы во Всесвятскомъ. А то Наполеонъ всѣхъ выдать можетъ, какъ бѣглыхъ.

Лаврентій задумался. Въ это время на бульварѣ Бонну-вель, гдѣ я стоялъ, затрубили трубы и полился молодцоватый громъ военнаго гвардейскаго оркестра. Мы подбѣжали къ окну. Быстрымъ залихватскимъ маршемъ шолъ отрядъ гвардейскихъ зуавовъ; музыканты, съ табличками нотъ передъ глазами, шли и играли на ходу какую-то необыкновенно-подмывающую штуку. Веселая толпа блузниковъ, дѣтей и щеголей шла слѣдомъ, заглядывая на бритыя головы и алыя фески импровизированныхъ алжирцевъ. Громадные омнибусы катились за городъ. Былъ какой-то не то народный, не то императорскій праздникъ. Я взглянулъ на опечаленное и задумчивое лицо Лаврентія.

— Поѣдемъ-ка добровольно въ Россію,—сказалъ я.

— Нѣтъ, боюсь, да и барина по правдѣ жалко; какъ я ворочусь безъ него и что скажетъ старая барыня. Сегодня отъ васъ къ нему забѣгу, вотъ припасъ ему деньжатъ на табакъ...

И чудакъ показалъ десятифранковую монету.

— Вы же теперь знаете мой адресъ! пишите мнѣ въ Россію,—сказалъ я ему.

Онъ опять помолчалъ.

— Если бы земли намъ дали, кажется, и я скорѣе бы домой воротился. Матери нѣтъ у меня; только тётка, да и та продана вмѣстѣ со слободой. Ну, да все ничего; воротись баринъ, сядь опять во Всесвятскомъ — вотъ такъ бы и пошелъ! Жаль его, сердечнаго. Надо бы ему и бѣлья сегодня; чортъ знаетъ, однако, по правдѣ сказать вамъ, извините, что это за человѣкъ такой: ему бы только лежать, ничего не дѣлать.

Лаврентій махнулъ рукой и болѣе не говорилъ ни слова.

— Наше вамъ почтеніе-съ!—сказалъ онъ и вышелъ, давъ слово мнѣ писать.

Я подождалъ, пока онъ спустился по лѣстницѣ изъ восьмого этажа моей конурки, именовавшейся апартаментомъ номера сорокъ-четвертаго, и нагнулся изъ окна надъ улицей, смотря, какъ уйдетъ Лаврентій. Внизу онъ показался

снова уже въ ливреѣ барона Ротшильда, которую онъ, очевидно, оставлялъ у привратника. Онъ ловко застегнулъ золотыя пуговицы на блѣдно-голубомъ кафтанѣ, съ малиновыми отворотами, загнулъ на бекрень круглую, съ кокардой сіятельнаго и магическаго герба, шляпу, подтянулъ на рукахъ перчатки, вынулъ, не спѣша, на послѣдней ступенькѣ крыльца, знакомую уже душистую «баядеру» — закурилъ ее отъ сигары какого-то прохожаго полковника, остановленнаго имъ однимъ легкимъ кивкомъ головы, заложилъ руки въ карманы, и пошелъ, гордо поглядывая, въ толпѣ праздныхъ зѣвакъ, всякаго оттѣнка и всякихъ націй и возрастовъ. И гдѣ были въ это время мысли смиреннаго Лаврухи? Во Всесвятскомъ? въ Мазаской ли тюрьмѣ? У сестринаго ли мужа въ Миргородѣ или гдѣ на теплой, давно-оставленной печкѣ какой-нибудь бѣлокурой Гали или черноволосой Насти?

Въ Россіи я прожилъ уже два мѣсяца осени 1860 года. Варшава и Полѣсье, поѣздка по шоссе на Кіевъ и Царства Польскаго, между сплошныхъ зеленыхъ вѣковѣчныхъ дубравъ, стонавшихъ тысячами птичьихъ стоновъ, съ перебѣгавшими черезъ бѣлое полотно свѣжей новой дороги лисицами и какими-то еще темно-сизыми, пушистыми звѣрками, величиной съ большую кошку; потомъ возвратъ на родимый хуторъ на пароходикѣ новаго общества, по Днѣпру, еще въ полую воду его картинныхъ береговъ, то плоскихъ и песчаныхъ, то крутыхъ съ лѣсами и скалами, — все это мелькнуло и смѣнилось тихой жизнью маленькаго домика среди ровной, гладкой и окаймленной однимъ небомъ поляны, у маленькой рѣчонки.

Но моя родина въ это время уже была полна давно ожидаемыми слухами. Въ воздухѣ было чутко, хотя все ждало и жило по-старому. Сосѣдній священникъ съѣздилъ въ городъ и привезъ кстати мою почту. Я кинулся къ газетамъ. Въ кучѣ почтовыхъ пакетовъ мелькнуло письмо съ заграничнымъ знакомымъ штемпелемъ и французскою почтовою маркой, на которой хорошо сразу узнался и бонапартовскій примелькавшійся глазамъ профиль, и его знакомая бородка. Пока мой гость раскуривалъ трубочку и собирался вторично заговорить о пшеничкѣ, обѣщанной ему не въ зачетъ прежнихъ субсидій, я распечаталъ письмо. Оно было отъ Лаврентія Блинченко изъ Парижа.

Вотъ оно.

«Милостивый государь, Александръ Сергѣичъ! Милостію Божею, нашъ баринъ Аркадій Андреевичъ Дольскій, въ больнице Святыя Маделены, сего дванадесятова августа, 1860 года, помѣръ. Жызнь ихъ была при жизни злосчастна, а смѣрть и тѣмъ паче. Я пахаранилъ ихъ на свой шчѣтъ; последнеи дѣньги стратилъ, равно-жѣ какъ и на личеніе ихнее. Силы души маей нету — а разсказать трудно о ихъ канчинѣ—почти какъ нищіе скончались. Но Богъ меня за нихъ не оставитъ. Напишите при чемъ мнѣ быть. Я больно часто отлучался для нихъ отъ должности, и уже мнѣ отказали отъ службы у барона, — а дворникъ, что былъ ниже меня по леснице, слукавилъ и теперь взялъ мое мѣсто. Я же почти опять безъ куска хлѣба. Не напишите ли вы моимъ господамъ Софьѣ и Александру Аркадьевичамъ; пусть мене вазьмутъ, наймутъ, а я имъ за деньги на возвратъ на родину мою въ Рассею отслужу. А я ихъ батеньку досмотрѣлъ до конца, и живата маво не жилѣлъ; а готовъ я опять имъ служить по найму, либа пусть мине земли дадутъ, какъ тутъ пишутъ и слыхать про законы. Вы же ихнимъ миластямъ припомните, что я и ихнія миласти выносилъ на рукахъ; а Ликсандра Аркадьичъ мне когда-то шутя волосы прожгли... Вашего благородія усердный слуга Laurent.—Septembre 9. 1861. Paris».

По отысканному адресу я сейчасъ написалъ подробно къ вдовѣ неимѣвшаго чина отца г. Дольскаго. У нея точно жили прежде ея внуки; но она умерла, и вмѣсто нея мнѣ отвѣтила какая-то госпожа маіорша Скрябина, что наслѣдники Дольскіе живутъ въ большой бѣдности — сынъ Александръ служилъ въ пѣхотѣ, а нынѣ въ отставкѣ, по случаю огорченія отъ товарищей запиваетъ, принятъ однимъ купцомъ въ откупъ, находится въ Рязани по акцизной части дистаночнымъ, но гдѣ онъ именно живетъ, Скрябина не знаетъ, а что сестра его была въ Нижнемъ замужемъ за мелкопомѣстнымъ дворяниномъ Горшковымъ, нынѣ овдовѣла, живетъ въ Калугѣ, въ пожилицахъ, или компаньонкахъ, на Московской улицѣ, въ домѣ почетной гражданки Стрѣшневой. Я написалъ къ госпожѣ Горшковой письмо въ январѣ, а въ апрѣлѣ этого 1861 года получилъ отъ нея слѣдующее письмо, писанное очевидно смѣлою и бойкою, но безграмотною до тошноты рукою военнаго писаря,

бьющаго въ составленіи писемъ отъ солдатокъ, горничныхъ и неутѣшныхъ вдовъ изъ дворянокъ на краснорѣчіе, а подписанное страшными каракулями самою дочерью покойнаго Дольскаго, умершаго въ больницѣ св. Маделены въ Парижѣ, давно еще владѣльца степныхъ полтавскихъ угодій и трехъ-сотъ душъ во Всесвятскомъ... Боже! И отецъ ея ѣздилъ искать наслажденій въ Неаполь, въ Байскій заливъ, по той тріумфальной тропѣ, по которой ѣздили во времена сказочной древности сказочные императоры Рима! Жалкая отрасль угасающихъ дворянскихъ родовъ...

«Милостивый государь и преусердный благодетель и благотворитель мой! Вашему Высокоблагородію благоугодно было въ вашъ вояжъ во Францыю навестить мѣсто жительства нашего покойнаго родителя, но не известились мы, видѣли-ли вы его, не видѣли-ли, а холопа и слугу нашего Лаврушку Блинченко нашли-же. Преусерднейше и нижающе кланяясь вамъ, а мы васъ тоже не зная, въ слѣдствіи отношенія Вашего Превосходительства отъ сего истекшаго января 16-го дня 1861 года, имѣемъ честь всенижающе извѣстить. Теперь уже вышло положеніе вышчихъ властей о крестьянахъ и дворовыхъ, а такъ какъ оный бѣглый нашъ холопъ Лаврушка обязанъ намъ прослужить въ полномъ повиновеніи господамъ еще два года, или-же платить намъ оброкъ, заплатя-же и за истекшіе двенадцать годовъ оброкъ-же, какъ и слѣдуетъ понимать оные законы, то мы съ братцемъ Сашею списались черезъ добрыхъ нашихъ благотворителей, купца Должикова и купца Ножнкова, и положили черезъ васъ, высокоуважаемый генералъ, просить: о высылкѣ по этапу изъ города Парижа, Францыи французскаго королевства, въ Россію въ городъ Калугу въ домъ почѣтныя гражданки Стрешневой, онаго бѣглаго и безпачпортнаго бродяги нашего изъ дворовыхъ Лаврентія Данилова сына Блинченка. И буде онъ прибудетъ по этапу, то, уплатя намъ за двенадцать летъ оброкъ, и два года отслужа, или-же заплатя тоже, то мы ему дадимъ вольную. Ваше-же Превосходительство просимъ известить насъ не оставить въ томъ-же времени безотлагательно, куда намъ обратиться черезъ какого посланника или амбассадера, о взысканіи по законамъ съ итальянцевъ, и французовъ, и съ кого именно, буде вамъ извѣстно, за укрывательство и передержательство въ сіи двенадцать лѣтъ и семь мѣсяцевъ

беспашпортнаго и беглаго нашего слуги и подданнаго Лаврушка Блинченко. Ему-же мы обѣщаемъ наше прощеніе и благословеніе. А тетка его и сестринъ мужъ также померли. Сіе ему тоже скажите.—Мы-же преусерднѣище и нижающе еще къ вамъ прибѣгаемъ: извѣстите, есть-ли у васъ супруга, или дѣти, или мать, или тетушка, дабы мы знали, за кого Бога молить. А когда место мнѣ или братцу найти можете въ вашихъ окрестностяхъ, и того преусерднѣйше принесемъ за васъ мольбы ко всевыщнему. — Апрѣля 10 дня, 1861 года.— За не грамотную, ея собственною рукою подписано составителемъ письма отъ ея особы: «*Софея Горшкова*».— Приписка въ концѣ послѣдней страницы: «У насъ въ городѣ Калугѣ живетъ Шамиль. Не вы-ли содѣйствовали къ его плѣну? Мы читали вашу фамилію. Помогите же и о Лаврушки» *).

Снявъ точную копію съ этого письма, я послалъ подлинникъ въ Парижъ и вскорѣ получилъ превеселую записку отъ мосьё Лорана. Онъ извѣщалъ о своемъ счастіи, что интриги дворника Ротшильда снова побѣждены, что онъ получилъ снова прежнее благоволеніе барона и его старшаго клерка, даже еще болѣе прежняго, именно, ему обѣщали мѣсто правителя фермы на дачѣ барона въ Перигё, что на зиму они снова будутъ въ Парижѣ, а теперь пока ѣдутъ на воды на островъ Іеръ, а оттуда въ Туринъ къ сестрѣ его новой госпожи, гдѣ онъ надѣется увидѣть Гарибальди, и что изъ Турина онъ отпросится у своей хозяйки на поклоненіе къ мощамъ Миколы чудотворца въ Неаполитанское бывшее королевство, въ градъ Бари, а тамъ—«*что Богъ дастъ*».

Новаго своего адреса мосьё Лоранъ мнѣ теперь не передалъ, и потому, вѣроятно, къ узнанію о дальнѣйшей его судьбѣ надо считать слѣды окончательно утерянными.

1861 г.

---

*) Моихъ однофамильцевъ при отчетахъ о взятіи Шамиля—не упоминалось.

СЕЛО СОРОКОПАНОВКА.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДЕПУТАТА ***).

«Ходитъ птичка весело
«По тропинкѣ бѣдствій,
«Не предвидя отъ сего
«Никакихъ послѣдствій!»
(Изъ одного альбома.)

Я объѣзжалъ свой депутатскій участокъ въ*** уѣздѣ, съ цѣлью собранія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обсужденія губернскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Болѣе двухсотъ имѣній стояло въ моемъ спискѣ. Много было досадныхъ случаевъ. Иного владѣльца не застанешь дома, — а ѣхать часто приходилось верстъ за семьдесятъ. Другого и застанешь, да не вдругъ уломаешь отвѣтить на печатную программу; надъ всѣмъ онъ задумывается. Нѣсколько владѣльцевъ, въ томъ числѣ двѣ барыни, даже вовсе отказались отвѣчать; они были—неграмотные. Дѣло, впрочемъ, извѣстное—стôитъ только пустить повѣстку, что вотъ-молъ любопытно узнать, сколько въ такомъ-то округѣ рабочаго скота?—«А,—подумаютъ владѣльцы,—тутъ что-то неладно; это налогомъ обложить хотятъ!» — И въ отвѣтахъ на повѣстки окажется, что въ уѣздѣ вовсе нѣтъ рабочаго скота.

Описавъ имѣнія покрупнѣе, съ псарнями, винокурнями, сахарными заводами и музыкантами, изъ міра каменныхъ палатъ, башенъ съ звонящими часами и размалеванныхъ сельскихъ конторъ, я на время спустился въ міръ крошечныхъ мелкопомѣстныхъ захолустьевъ — поѣхалъ по хуторамъ и хуторочкамъ...

Хутора... много вы измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ среди васъ жили незабвенные Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Конечно, и донынѣ въ вашихъ зеленыхъ весяхъ, бездавно и безпошлинно коптя православное небо, живутъ многіе родные по крови этихъ милыхъ «младенцевъ-стариковъ». Но все ужъ не то. Тѣ же тихіе домики, и также тутъ ѣдятъ и пьютъ, а много воды утекло и многое измѣнилось.

Со мною, въ качествѣ секретаря и землемѣра, ѣхалъ нѣкто Абрамъ Ильичъ Говорковъ.

Съ нимъ мы, между прочимъ, завернули въ многовладѣльческое село Сорокопановку.

— Чтò это за Сорокопановка? странное имя!—сказалъ я Говоркову, когда мы спустились съ зеленаго холма и поѣхали ровною, гладкою степью.

Скоро засвѣжѣло. Близки были поемные берега большой рѣки. Лугъ, весь въ тростникахъ и озерахъ, шелъ по ея лѣвому берегу. Правый былъ гористый. Съ этого-то праваго берега приходилось намъ подъѣзжать къ Сорокопановкѣ. Ни облачка на небѣ. Только вдали гдѣ-то нахлобучилась сизая туча, и наискось падали изъ нея полосы дождя... А это чтò? Не то овцы, не то дикіе гуси. Подъѣзжаемъ ближе. На зеленомъ раздольѣ, мѣрно выстроившись въ рядъ, ходила стая журавлей... Вотъ они завидѣли насъ, остановились; всѣ головы вытянулись; всѣ слѣдятъ за нами. Но мы ихъ не спугнемъ. Они опять склонились и длинными носами долбятъ землю, должно быть, подбирая народившуюся гусеницу или кузнечиковъ.

— Сорокопановка,—заговорилъ Абрамъ Ильичъ: — какъ мнѣ ее не знать! Вотъ это чтò: здѣсь испоконъ-вѣка живутъ мелкопомѣстные панки. Какъ будемъ ѣхать, увидите три глубокихъ оврага. Гдѣ эти яры сошлись, тутъ она и начинается; все хатки да хатки, и въ каждой помѣщикъ или помѣщица со своею дворней. Такъ здѣсь жилось еще при Екатеринѣ. Говорятъ, что шутникъ Потемкинъ поселилъ здѣсь какихъ-то маіоровъ, числомъ ровно сорокъ, за какое-то отличіе изъ цѣлой арміи, и далъ всѣмъ дворовыхъ и землю. Село назвали сперва Маіоровка; но въ простонародьи, да и сами поселенцы прозвали потомъ свою деревню Сорокопановкой, отъ сорока панковъ, ея обитателей; такъ она и теперь зовется. И какой это все народъ забористый

и съ гоноромъ! Еще ихъ дѣды, первые поселенцы, никому не давали проѣзда: а эти, хотя и болѣе тихаго нрава, да все байбаки и себѣ-на-умѣ. Полиціи спуску не даютъ, и многіе буяны. Промежъ нихъ мало грамотныхъ. Иного даже и не отличишь отъ мужика. Пашетъ землю, ѣздитъ ямщикомъ. А спросишь—дворянинъ. У рѣдкаго больше двадцати-тридцати десятинъ земли; а дворня есть у каждаго. Господа и слуги ѣдятъ вмѣстѣ, даже иные живутъ въ одной хатѣ. Странныя прозвища повывелись черезъ браки. Иной выдалъ дочь, самъ умеръ, а зять на его мѣсто сѣлъ со-стороны. Другіе продали участки и выѣхали въ городъ. Но есть еще между ними и старые люди...

— Чѣмъ же они болѣе живутъ?

— Такъ, болѣе ничѣмъ. Иной цѣлый день трубку куритъ, лакей ее перемѣняетъ, да чешется у двери. Другой лошадьми торгуетъ,—сущій цыганъ. Барыни сѣютъ бакши, огороды содержатъ; барышни грандъ-пасьянсъ въ карты раскладываютъ, про жениховъ гадаютъ. Неурядица у нихъ страшная. Никто не хочетъ уступить и покориться старшему. Хотѣли-было завести у нихъ какое-нибудь начальство, да стали въ раздумьѣ: къ какому роду общества отнести такой поселокъ? Городъ не городъ, деревня не деревня. Будь это мѣщане, въ посадъ бы ихъ обратили; будь вольное крестьянское село, выбрали бы изъ обывателей голову, сотскаго или старосту. А то вѣдь, что ни дворъ, то и помѣщикъ. Созовутъ жителей въ уѣздъ:—«Выбирайте себѣ голову или сотскаго!»—«Вотъ еще, пойдемъ мы въ сотскіе! Мы дворяне!»—И дѣлай съ ними, что̀ хочешь. Такъ и не выбираютъ себѣ начальника. Шумъ, гамъ,—наѣдетъ становой, такъ насилу выберется; иной разъ и обывательскихъ лошадей не достанетъ, хоть пѣшкомъ за десять, за пятнадцать верстъ въ казенную слободу иди. А тяжбы? Однажды судились два сорокопа̀новскихъ панка. Дѣло въ томъ, что шли они откуда-то съ фурами и одинъ другому далъ, во время жары, на сохраненіе тулупъ, а тотъ его взялъ да и пропилъ въ первомъ кабакѣ, пока его пріятель тамъ же лежалъ безъ ногъ. Надо было передъ становымъ доказать, что одинъ у другого взялъ тулупъ и отдалъ его назадъ.

— А вѣдь мы же шли?—спрашиваетъ истецъ.

— Шли.

— Мнѣ же стало душно?

— Стало.
— Я-жъ тебѣ его отдалъ?
— Отдалъ.
— И ты же его взялъ?
— Взялъ.
— Гдѣ же онъ?
— Чтò?
— Тулупъ.
— Какой?
— Что я тебѣ далъ.
— Когда?!

Минута молчанія. Истецъ переводитъ духъ и начинаетъ снова:

— А вѣдь мы же шли?
— Шли.
— Мнѣ же стало душно?
— Стало.
— Я-жъ тебѣ его отдалъ?
— Отдалъ.
— И ты же его взялъ?
— Взялъ.
— Гдѣ же онъ?
— Чтò?
— Тулупъ?
— Какой?
— Да что я тебѣ далъ.
— Когда?!

И дѣло опять начиналось словами: *«а вѣдь мы же шли?»* Становой кончилъ тѣмъ, что позвалъ «дневальныхъ» и обоихъ тяжущихся выгналъ.

Но вотъ и сама Сорокопàновка.

Я высунулся невольно изъ крытой нетечанки и велѣлъ остановиться.

Лѣвый берегъ рѣки шелъ вдаль, весь затопленный плёсами еще недавняго половодья. Мы были на правомъ. Пока кучеръ оправлялъ лошадей, мы встали въ сторонѣ. Мой спутникъ прищурился и улыбнулся.

— Вотъ помѣщикъ Куличокъ,—сказалъ онъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ:—онъ высѣкъ сосѣда за карточный долгъ; а вотъ и его высѣченный сосѣдъ Бѣлопятый: живутъ они теперь дружно. Вонъ, гдѣ видны крылья мельницы, живетъ

престарѣлая дѣвушка, Любовь Вѣнцеславская, писательница и поклонница всякаго рода птицъ, пѣвчихъ и простыхъ, отчего ея домъ напоминаетъ собою рай или, скорѣе, лавку московскаго охотнаго ряда.

Болѣе получаса Абрамъ Ильичъ, какъ демонъ въ легендѣ великаго поэта, разсказывалъ исторію крошечныхъ домиковъ, сидѣвшихъ бочкомъ и въ разсыпку по зеленѣющимъ косогорамъ. Всѣ они тонули въ садахъ. Кое-гдѣ торчали бревна колодезныхъ журавлей, скворешницы, бѣлыя избы и опять сады.

— Чьи эти два чистенькіе дворика? — спросилъ я Говоркова.

Дворики, какъ оказалось, принадлежали двумъ сорокопановскимъ дамамъ, Дарьѣ Адамовнѣ Павловой, съ лѣвой стороны рѣки, и Дарьѣ Адамовнѣ тоже Павловой, съ праваго берега рѣки. Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣку, дѣйствительно носили одинакія имена и фамиліи, хотя не были сродни другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство этой фамиліи искони существовало и по лѣвую, и по правую сторону рѣки. Эти дамы были, притомъ, совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была подвижная и румяная, съ носомъ, торчавшимъ вверхъ; затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу или небывалую ссору въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна, съ правой стороны, хотя была также ничуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и посплетничать,—но зато почти никогда не улыбалась, не вертѣлась, все дѣлала молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи... Иначе, Дарья Адамовна, съ лѣвой стороны, была, какъ о ней выражались въ Сорокопановкѣ, Дарья Адамовна Комедія, а Дарья Адамовна, съ правой стороны—Трагедія.

Въ то время, какъ сосѣди этихъ помѣщицъ съ обѣихъ сторонъ рѣки занимались хлѣбопашествомъ, иной разъ сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ,—сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ работницамъ, а сами только гадали на картахъ про молодыхъ пожирателей дѣвичьихъ спокойствій или, какъ говорили тамъ о нихъ, про

«ненасытецкихъ сердцеѣдовъ» и «безпардонныхъ сумасводовъ», и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда рѣчка замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить другъ дружку «на свѣчку», то-есть посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ на освѣщеніе; когда же рѣка весной пышно стремила свои воды межъ родныхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на пустой еще берегъ, и переговаривались другъ съ дружкой черезъ рѣку...

— Ну, какъ же тамъ у васъ все идетъ?—вѣжливо начинала Дарья Адамовна Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и сурово шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо,—отвѣчала Дарья Адамовна Комедія, веселымъ и почтительнымъ тономъ, также шевеля спицами чулка.

— Ну, хорошо, хорошо... и терновку перелили въ бутылки?

— Перелила...

— И солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ...

— Скажите! Вотъ какъ!.. Такъ, значитъ, и кабана посадили кормить къ розговѣнью?

— Посадила.

— Вотъ какъ! Скажите!.. Это очень даже, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна!—произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ зависти.

— Да-съ, любопытно! а вамъ-то что, завидно, что ли, тетенька?

— Ну, матушка, завидно, не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ...

— Ну, такъ что-жъ что переплылъ?

— А то, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы!—произносила Дарья Адамовна Трагедія, едва шевеля отъ злобы спицами чулка...

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову.

— А что, развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и другому кому тогда... не сверну головы!

— Какъ? такъ это мнѣ?—подхватывала Трагедія, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ! именно вамъ!—язвила сосѣдка.

— Ну, тогда ужъ позвольте вамъ послать кукишъ!—произносила Трагедія, протягивая руку въ направленіи къ лѣвому берегу рѣки.

— А при этой вѣрной оказіи позвольте послать и вамъ цѣлыхъ два!—кричала Дарья Адамовна Комедія.

Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъявляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ ея сосѣдка, надо говорить мужику, а не дамѣ.

— А вы, Дарья Адамовна, кажется, просто мерзавка...—кричала противница.

— И, матушка! мерзавка, не мерзавка, только всѣмъ ужъ извѣстно, что у васъ иногда губы пухнутъ...

— Какъ пухнутъ? отчего? — спрашивала озадаченная Комедія: — это быть не можетъ, и я этого никогда не замѣчала!

— Можетъ-быть, только замѣчала это я! я! я!—кричала съ ожесточеніемъ Трагедія:—и еще я вамъ доложу, что вы въ спальнѣ въ шкапу держите водку и пьете ее на ночь, и отъ того у васъ носъ бываетъ краснаго цвѣта и глаза не свои.

— Тьфу!—плевала на это негодующая Комедія и, сказавъ:—бѣсъ, а не женщина!—уходила домой, переволнованная до глубины души.

Иногда, впрочемъ, такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ и каждая сосѣдка, сказавъ: «ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора за работу!»—расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за шишами, плевками и всякою перебранкой, утомленныя барыни высылали на рѣку своихъ работницъ. Зубастыя бабы оглашали тогда окрестность не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады.—«Да ты ужъ замолчи!» кричала одна работница другой, стоя на плетнѣ огорода: «ты ужъ замолчи, потому что я ужъ знаю, какая ты!»—«Ну, а какая же я, какая?»—«Да такая же, какъ и твоя мать!»—«А какая моя мать? говори, сякая ты, такая! говори?»—«Да такая же, какъ и ты!»—«А я какая, сякая ты, такая?»—«Да такая же, какъ и всѣ вы!» И этотъ речитативъ, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ рѣки зрителяхъ, тянулся нескончаемо. Слободка долго вол-

повалась, раздѣлившись на два враждебные лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и не знающіе пощады и снисхожденія...

Но таковы судьбы человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣку, встрѣчались снова друзьями, ухватившись за руки, чмокали другъ дружку въ губы, произнося: «ахъ, это вы, душечка! вотъ пріятный сюрпризъ!»

Разъ какъ-то (случилось это въ самую засуху) Дарья Адамовна Комедія прибѣжала послѣ обѣда, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь.—«Что съ вами, душечка?—спросила хозяйка.— «Ахъ, и не спрашивайте! Я такъ взволнована, такъ взволнована!—«Да что же тамъ такое?» Гостья достала платокъ, отерла глаза и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: «Вотъ послушайте, ангелъ! вотъ какой со мною сдѣлался неожиданный случай!»

Она стала читать:

«Къ хищницѣ отъ жертвы:

«...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе: я влюбленъ—голову совсѣмъ потерялъ. Разумѣется, вамъ участь: блаженство посланное, а моя? чѣмъ же я виноватъ? хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки; если же когда вы обратите взоръ на меня, то прошу не откажите подарить меня вашею рукою; вы меня знаете; теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки, всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

«*Ивана...*» (фамилію гостья прикрыла пальцемъ)

«а также и шерсти, только той, которую купили въ городѣ, а не вашей, а письмо держите въ секретѣ!»

Гостья кончила, но отъ волненія не могла произнести ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!..

— Ахъ!—воскликнула гостья, и радостныя слезы снова зачастили по ея щекамъ.

Вслѣдъ затѣмъ сосѣдки стали шушукаться и шушукались до того, что положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое...

Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, счастливая сосѣдка, получившая письмо, также сидѣла послѣ обѣда. Дверь отворилась и въ ея комнату вошла Дарья Адамовна Трагедія. Эта вошла гордо, молча поклонилась и таинственно сѣла на диванъ... На ея рукѣ висѣлъ ея обычный ридикюль. Она раскрыла его стальную пасть и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ изъ этой пасти сперва клубокъ шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ, вышелъ потомъ бронзовый наперстокъ, тамбурная иголка, оловянныя очки, рогулька для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, клочка два ваты для затыканія ушей, стальной игольничекъ, ножницы и кирпичикъ, обернутый въ чехолъ, для пришпиливанья работы. Суровая гостья разложила все это въ большой симметріи на столѣ, скинула нитяныя перчатки, безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, и я къ вамъ тоже... съ новостью!

— Съ какою? — спросила хозяйка, насторожнвъ уши, какъ моська въ то время, какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жюжю!» или «Фидель», ты философствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку...

Гостья оставила спицы, взглянула черезъ очки, сказала: «Ну, пропала и я, ма-шеръ», — вынула со дна ридикюля письмо и стала его читать:

«Хищницѣ отъ жертвы:

...Милостивая государыня и, если смѣю такъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Не терзайте меня, а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство сорокъ десятинъ и мельница— жду отвѣта; не мучьте, потому что мучить можно муху или что-нибудь другое, но не мучьте меня, нѣжный другъ, душечка! Слова ваши льются, какъ бы алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю, и притомъ у васъ чисто русское сердце.

«Иванъ...» (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

— Чтò же это?—вскрикнула помертвѣлая Комедія.

— А что?

— Да одна и та же рука.

— Врете!

— Нѣтъ, вы врете.

Раздались двѣ звонкія пощечины, свалка. Полетѣли чопцы съ головъ. И снова Сорокопановка чуть не полгода была раздѣлена на два враждебныхъ лагеря.

— Ну-съ, Абрамъ Ильичъ, теперь за дѣло, сказалъ я Говоркову, въѣхавъ въ Сорокопановку:—гдѣ списокъ? Тычко, Крячко, Макарищенко... Съ кого бы начать?.. Оно, разумѣется, статистика тутъ мало чѣмъ поживится. Лѣсовъ и фабрикъ, конечно, не имѣется, сахарныхъ заводовъ, оркестровъ, промышленности и торговли—также. Однако, всетаки надо составить списки крестьянъ и дворовыхъ; измѣрить, хотя приблизительно, землю подъ ихъ усадьбами; спросить цѣну земель и строеній, узнать о содержаніи дворовыхъ... Вы послали сюда повѣстки съ печатными программами отъ предводителя?

— Какъ же-съ, послалъ.

— Куда же намъ ѣхать? гдѣ выбрать исходную точку своихъ дѣйствій? Не къ Павловымъ же ѣхать...

— Совѣтую къ Вѣнцеславской... Она образованнѣе другихъ. У нея и домъ побольше. Дворъ стоитъ въ рощѣ, за косогоромъ, надъ рѣкой. Отъ нея можно послать повѣстки о явкѣ на съѣздъ и къ другимъ.

Мы поѣхали къ Вѣнцеславской.

Былъ знойный полдень, когда песчанымъ прибрежьемъ, мимо сорокопановскихъ дворовъ, домиковъ и хатъ, мельницъ и огородовъ, мы въѣхали въ опушку густой дубовой рощи, круто взбиравшейся въ гору и примыкавшей къ общей околицѣ поселка. Въ этой рощѣ стояла глухая и невѣдомая міру усадьба Любови Павловны Вѣнцеславской.

Пробираясь между дубами и орѣшниками, между упругими ихъ корнями, издали мы замѣтили раза два мелькнувшую крышу новаго тесоваго домика. Скоро въѣхали во дворъ. Куча какихъ-то зданій, амбарчиковъ, голубятень, кладовыхъ и погребовъ — стояла по сторонамъ двора. За низенькимъ, длиннымъ домомъ виднѣлся садъ, изъ котораго шли тропинки къ сорокопановскимъ дворамъ. Дворъ былъ чистъ, подметенъ и усыпанъ пескомъ. Среди двора пры-

гала, оставляя слѣды своихъ лапокъ, безхвостая ручная сорока. На перилахъ крытой галлереи сидѣли двѣ тоже ручныя старыя совы. Туча голубей кружилась въ воздухѣ, спускаясь къ кровлямъ двора. На шнуркѣ вдоль галлереи висѣли мѣшочки съ сушеными травами, распространявшими въ знойной тишинѣ разные полевые и лѣсные запахи. Мы остановились, какъ околдованные, и самъ назойливый обывательскій колокольчикъ, издавъ неловкое теньканье, будто устыдился и замолчалъ... Вприпрыжку черезъ дворъ куда-то пробѣжалъ, какъ угорѣлый, огромнаго роста, рыжій голландскій пѣтухъ. За нимъ другой—бѣлый. Куры подняли гдѣ-то невообразимый крикъ.

Мы постояли, поглядѣли и пошли на крыльцо. Ни души не было и тамъ. Вдоль стѣнъ и у дверей крыльца, до самаго потолка, шли клѣтки съ разными птицами, и сколько ихъ было здѣсь: мохнатыя, пестрыя, кривоносыя, длинноносыя, большія, малыя и всякія, сидѣли и порхали по разнообразнымъ клѣточкамъ и клѣткамъ. Двѣ сойки взапуски передразнивали собаку; изъ-сѣда черный, старый воронъ, какъ нѣкій магъ, сидѣлъ на скамьѣ у порога, уставя на воздухъ огромный носъ...

Мы прошли далѣе переднюю и еще какую-то комнату въ цвѣтахъ. Зала встрѣтила насъ низенькими комнатками, низенькими свѣтлыми окнами, какъ показалось намъ — будто даже неправильно расположенными, и кучею картинокъ, ярко озолоченныхъ полуденнымъ солнцемъ. Здѣсь были гравюры временъ Павла и Екатерины: иллюстрированная «Исторія Жильблаза», «Погибшая невинность Катерины Дюранси», «Малекъ-Адель», «Повѣсть о львѣ и дитяти», словомъ, десятки тѣхъ картинокъ, передъ которыми и теперь еще съ любопытствомъ останавливается рѣдкій посѣтитель подобныхъ мѣстъ, въ комнаткахъ, гдѣ случайно зажились лица или преданія прошлыхъ временъ. Вышитыя подушки на кушеткѣ, вышитыя сидѣнья на стульяхъ, коврикъ съ индѣйцемъ и турчанкою у фортепьяно,—дополняло обстановку залы.

Мы откашлялись. Сперва вбѣжала, также кашляя и волоча параличную ножку, престарѣлая, крохотная и совершенно разслабленная бѣлая болонка, съ глазами, до-чиста заросшими длинною шерстью. За нею вошла престарѣлая и тоже будто не слишкомъ здоровая, востроносенькая и ху-

денькая хозяйка, съ сѣдыми локонами, съ платкомъ въ рукѣ и въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ, узоръ котораго представлялъ смѣсь какихъ-то цвѣтовъ и оленьихъ головокъ.

— Извините, господа, что я васъ заставила ждать!—заговорила сорокопановская барыня.—Я догадываюсь о причинѣ вашего пріѣзда... не такъ-ли?

Съ этимъ словомъ она присѣла на стулъ, приглашая и насъ садиться на диванъ. Мы обмѣнялись привѣтствіями и пояснили ей подробнѣе нашу цѣль.

— Ахъ, помилуйте, очень рада! Помилуйте, я никогда не прочь! Я всегда была готова; я даже губернатору не разъ говорила, что надо дать свободу нашимъ крѣпостнымъ людямъ. Даже мое стихотвореніе объ этомъ онъ хотѣлъ помѣстить тогда въ вѣдомостяхъ. Очень рада, господа, дать вамъ отвѣты на все. Вотъ видите, какою анахореткой я здѣсь живу. Съ той поры, какъ кончила курсъ въ пансіонѣ, я уже сорокъ два года здѣсь живу безвыѣздно, среди сада, цвѣтовъ и моихъ птицъ... Люди! Эй! Палашка, Ѳеська, кто тамъ?

На звукъ ея дребезжащаго голоса явились въ дверяхъ нѣсколько веселыхъ и улыбающихся головъ. Полныя, здоровыя, румяныя лица слугъ такъ и говорили: «жизнь наша хоть куда: ѣдимъ и спимъ мы вдоволь и будутъ ли также хороши наши дни послѣ, какъ теперь, у этой рѣдкой барыни, это еще вопросъ...»

— Кофею! Да отпрячь лошадей господъ чиновниковъ.

— Мы не чиновники, — вмѣшался Говорковъ: — они по выбору, а я частно занимаюсь землемѣрствомъ!

Хозяйка повернулась на стулѣ, утерла носъ, запачканный табакомъ (она нюхала), и долго не могла сказать ни слова, глядя на насъ съ восторгомъ и какъ бы озадаченная приливомъ нежданныхъ, бившихся наружу, сладкихъ чувствъ.

— Да, да! — заговорила она:—наконецъ сбываются мои грёзы, и я умру спокойно! Давно я ждала и думала... Наши крѣпостные люди будутъ свободны... Наконецъ-то, часъ пробилъ! когда же это совершится?

— Скоро-съ! комитетъ открытъ, и теперь его члены собираютъ послѣднія свѣдѣнія! Свѣдѣнія нужны черезъ... двѣ недѣли. Вы ваши отвѣты приготовили?

— Мои?.. Нѣтъ... Я не ожидала, чтобъ такъ скоро...

— Помилуйте, да повѣстка у васъ уже третій мѣсяцъ...

— Повѣстка?!—спрашивала сама себя добродушная старушка:—зачѣмъ же свѣдѣнія? Развѣ нельзя безъ нихъ?

Говорковъ вступился за канцелярскій порядокъ. Она задумалась. Потомъ встала, ушла въ гостиную и вынесла оттуда, въ пыли и совершенно оплетенную паутиной, повѣстку комитета, съ печатною программой.

Я былъ озадаченъ.

— А ваши сосѣди, сударыня, господа сорокопановцы, приготовили свои отвѣты?—спросилъ я.

— И они, вѣроятно, какъ и я,—отвѣтила Вѣнцеславская.

— Нехорошо, Любовь Павловна!—отнесся Говорковъ:—а мы надѣялись на васъ. Какъ же теперь намъ быть?

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ право совѣстно! Какъ же тутъ помочь? Ахъ, право досадно и совсѣмъ совѣстно!..

И она стала набивать носъ душистымъ табакомъ, отъ котораго распространился по комнатѣ запахъ жасмина...

— Дѣло простое,—вмѣшался я:—всѣ почти владѣльцы Сорокопановки имѣютъ развѣ однихъ дворовыхъ. Значитъ, намъ нужны свѣдѣнія только о числѣ дворовыхъ людей, о ихъ содержаніи, о ихъ усадьбахъ и работахъ. Списокъ дворовыхъ мы уже получили по вашему селу изъ казначейства. Остается намъ сообщить о ихъ содержаніи, и о работахъ и оцѣнить ихъ усадьбы, а мы измѣримъ хотя приблизительно вашу подусадебную землю по каждому двору...

— О содержаніи, о работахъ, цѣну усадьбамъ?—повторяла про себя въ раздумьѣ хозяйка:—гдѣ же тутъ опредѣлить? Жили у меня, ѣли мое, ходили въ моемъ, какъ тутъ считать!.. Да тутъ и на цѣлый годъ будетъ работы, а не на двѣ недѣли...

И она развела руками.

— Да у меня же и земли кстати нѣтъ, — продолжала она: — есть домъ и кухня, да садъ, да и только; люди живутъ въ кухнѣ, ѣдятъ постное и скоромное... Какъ тутъ высчитать? Право, какъ тутъ опредѣлить? А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете...

Мы стали ее утѣшать, что нужныя свѣдѣнія соберемъ въ одинъ, а уже много въ два дня. Она опять понюхала табаку и задумалась...

Подали кофе, потомъ завтракъ, и не оглядѣлись, какъ подали и обѣдъ. Мы сидѣли и толковали о старинѣ. Говор-

ковъ, между тѣмъ, написалъ циркулярную повѣстку ко всему сорокопановскому обществу, съ приглашеніемъ явиться въ 4 часа пополудни, въ тотъ же день, въ домъ госпожи Вячеславской, для сужденій объ общемъ дѣлѣ, къ такому-то депутату губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Повѣстка была вручена призванному въ залу, совершенно круглому и румяному мальчику, увальню лѣтъ пятнадцати. Ему сказано: обойди, а еще лучше, обѣгай всѣхъ господъ по селу; дай прочесть бумагу и росписаться и проси къ 4 часамъ къ Любовь Павловнѣ; да скажи, что непремѣнно. Въ повѣсткѣ прибавлено: «просятъ захватить печатныя программы, разосланныя три мѣсяца назадъ, и отвѣты на нихъ, буде таковые готовы». Мальчикъ, бравъ повѣстку, смѣялся. Улыбнулись и мы съ Говорковымъ, глядя на его круглыя щеки, русую, плотными рядами стриженую голову и жирное, круглое туловище. Въ открытое окно было видно, какъ этотъ толстый Меркурій перебѣжалъ садъ, не безъ труда вскарабкался колючій плетень и перевалился черезъ него въ сочную и густую траву чьего-то сосѣдняго огорода, а оттуда зашагалъ въ темной рощѣ, зеленѣвшей на той сторонѣ рѣки...

Намъ зѣвалось. Какое-то блюдо, вкусное, сытное, съѣденное за столомъ, особенно склоняло къ дремотѣ. Птицы пѣли; листья чуть шушукали. Запахи всякаго рода пробирались изъ сада въ окно. Любовь Павловна сидѣла, тоже задумавшись. Абрамъ Ильичъ прямо заснулъ. Я кашлянулъ. Мы извинились передъ хозяйкой, запросто попросили позволенія соснуть и, тыкаясь носами въ дверь, пошли въ коридоръ...

— Какъ-же-съ, и комната готова,—замѣтила кротко хозяйка, обративъ къ намъ совершенно сонные глаза: — кстати, и другіе подоспѣютъ тогда!

Мы очутились въ темной и прохладной комнатѣ, съ запахомъ инбиря и чуть-ли не калганнаго корня, выходившимъ изъ какой-то конторки; нащупали перины, подушки и завалились спать.

Два, чуть-ли даже не три часа мы спали. Ни лучъ свѣта, ни жужжанье назойливой мухи не прерывали сна. Инбирь и калганъ пріятно щекотали обоняніе. Тишина въ домѣ и кругомъ была невозмутимая. Я помню, что заснулъ, все обдумывая въ потьмахъ: «откуда проникаютъ эти запахи? изъ шкапа, или это наливки стоятъ гдѣ-нибудь на полкахъ,

нии на печкѣ вверху, и пахнуть... «Глаза какъ-то сами собою раскрылись у меня перваго. Гражданскія заботы возникли въ умѣ.—«Какъ же это?»— разсуждалъ я впотьмахъ:—«свѣдѣнія комитету нужны скоро, особенно о мелкопомѣстныхъ; а эти господа, кажется, и не думаютъ о важности ихъ составленія?»

— Абрамъ Ильичъ!—шепнулъ я:—Абрамъ Ильичъ!

Говорковъ очнулся.

— А? что?—спросилъ онъ.

— Не пора ли вставать?

— Нѣтъ, поспимъ еще. Никого что-то пока не слышно. Къ чему же...

Сонъ опять сталъ меня одолѣвать. Но подъ окномъ загоготалъ гусь, а потомъ пѣтухъ затрубилъ, какъ военная труба, и мы встали.

Свѣтло и весело встрѣтила насъ опять та же зала, съ картинками и гарусными подушками. Только вмѣсто собачки по полу уже ходили двѣ галки, въ сафьянныхъ панталончикахъ, серёжкахъ, и, по остроумному соображенію, для чистоты, съ ситцевыми мѣшочками подъ хвостомъ.

— Вотъ,—замѣтилъ Говорковъ, зѣвая во весь ротъ: — губернскому предводителю грозятъ, что крайній срокъ подачи свѣдѣній для комитетовъ не будетъ отсроченъ, — а Любовь Павловна, передъ такою реформою, мѣшочки подъ галокъ подвязываетъ!

И онъ опять зѣвнулъ, за нимъ и я.

— А что? — спросилъ Говорковъ: — я думаю, парижскіе и лондонскіе публицисты никакъ не воображаютъ, чтобы дѣло у насъ такъ дѣлалось, чтобы мы, положимъ, такъ зѣвали?

— И я думаю то же...

Мы опять зѣвнули и расхохотались. Никто не являлся въ залу. Въ открытое окно къ сторонѣ двора было видно только, какъ два какихъ-то мальчика, игравшіе предъ тѣмъ въ бабки, спали, раскинувшись на землѣ, а престарѣлая комнатная женщина, сидя у амбара на землѣ, спала, держа въ рукѣ недовязанный чулокъ съ прутками и, развѣся губы, клевала сѣдою головой.

— Что-жъ тутъ дѣлать? — спросилъ я:—сосѣди не собираются, да и хозяйки нѣтъ, а время уходитъ. Скоро и вечеръ: завтра надо еще въ три мѣста ѣхать? Что намъ дѣ-

хать? Вѣдь все это спитъ, Абрамъ Ильичъ, спитъ вся деревня, какъ въ сказкѣ.

— Спитъ, да еще какъ! слышите?..

Изъ коридора въ это время послышался тоненькій, очевидно женскій, хотя довольно забористый храпъ: звуки вылетали изъ комнаты самой хозяйки.

— Надо готовить астролябію, — сказалъ сердито Говорковъ: — хотя одну или двѣ усадьбы обойдемъ и нанесемъ ихъ на планъ.

Мы отправились къ нетечанкѣ, достали ящикъ съ астролябіей, разбудили мальчиковъ, спавшихъ подъ сараемъ, и отрядили ихъ добыть кольевъ. Старушка подъ амбаромъ спала попрежнему. Мы пошли въ садъ. Передъ нами, съ обрыва надъ рѣкой, открылась вся разнообразная и живописно-пестрая картина Сорокопановки. Вотъ рядъ мельницъ по косогору. Вотъ хатки и домики, въ раскидку, бочкомъ и спиной одни къ другимъ, раздѣленные садами, оврагами и просто площадями зеленыхъ пустырей, величиной въ иное хуторское поле. Волы, коровы и лошади ходили по этимъ пустырямъ. Въ одномъ мѣстѣ, среди села, паслось цѣлое стадо овецъ; въ другомъ кто-то запахалъ пол-площади подъ гречиху и на неогороженной пахати уже всходила зелень. Толстыя, дряблыя и совершенно лысыя отъ дородности свиньи шатались привольно по всѣмъ угламъ села, тыкаясь въ калитки и почесывая спины у крылецъ и оконъ. Стаи голубей носились въ безоблачномъ небѣ. На три или на четыре версты раскидывалась во всѣ стороны любопытная Сорокопановка, село не село, посадъ не посадъ и городъ не городъ, а всего этого понемножку...

— Ну, долго же этотъ мальчишка-посланецъ будетъ обходить съ повѣсткой господъ здѣшнихъ обывателей!—сказалъ Говорковъ: — я думаю — просто спитъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, подъ заборомъ!.. Каково? — продолжалъ онъ, — ни души не видно — всѣ спятъ! Смотрите, гдѣ же тутъ дождаться кого-нибудь на нашу сходку?

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на близкій вечеръ, Сорокопановка была еще царствомъ мертвыхъ. Кое-гдѣ только заливались криками горластые пѣтухи, да дюжины двѣ индѣекъ въ чьемъ-то огородѣ прорывали общую тишину дикими возгласами.

— Вотъ если бы, — сказалъ Говорковъ: — какой-нибудь

французскій миссіонеръ случайно забрелъ сюда и не зналъ, что это Россія, онъ прямо сказалъ бы въ своихъ запискахъ, что былъ въ такомъ-то селѣ Верхняго Кіанга, Соро ко-пан-чун-ху... И свиньи даже напоминаютъ про Китай!..

Явились мальчики, отряженные за кольями. За ними со двора показалась и Любовь Павловна. Протирая глаза и съ подрумяненными отъ сна щечками, она, слегка зѣвнувъ и закрывъ ротъ бѣлою ладонью, подошла къ намъ, когда мы ставили астролябію и наводили ее на уголъ ея усадьбы.

— Что это? Вы уже и за работой! Ахъ, что значитъ неутомимость! — начала Любовь Павловна: — это не то, что мы.

— Долгъ требуетъ!—сурово замѣтилъ Говорковъ, копаясь у кольевъ и неистово вколачивая ихъ въ землю.

— Вотъ, мы начнемъ съ вашего уголка, Любовь Павловна!—сказалъ я, наводя вѣхи далѣе къ усадьбѣ священника, а за нимъ нѣкоего подпоручика Свербѣева.

— Ахъ, какъ же это?—проговорила Вѣнцеславская, шагая за нами вдоль плетня: — не освѣжились! а я велѣла вынести сюда и варенья.

Мы вышли на улицу. Мальчики ставили вѣхи, тянули цѣпь; Говорковъ отмѣчалъ углы въ записной книжкѣ. У дома священника надо было взять вправо и вести вѣхи по краямъ огорода Любовь Павловны. Тутъ вышелъ самъ отецъ Павелъ. Поглаживая лысину, онъ молча намъ поклонился и съ недовольнымъ и пристальнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на вѣхи. Подоспѣла и Ѳедосья съ подносомъ. Мы наложили на блюдца варенья и стали ѣсть.

— Что это, Любовь Павловна, прошлогоднее?—спросилъ отецъ Павелъ.

— Разумѣется, прошлогоднее! Гдѣ-же еще быть новому!

— Эхъ, братъ, да говорятъ тебѣ — лѣвѣе, — ворчалъ, между тѣмъ, Говорковъ, направляя парня съ вѣхами. Онъ свернулъ за тополи, огибая усадьбу Вѣнцеславской.

Когда мы съ блюдцами въ рукахъ, облизываясь, немного позамѣшкались съ отцомъ Павломъ, начавшимъ разсказывать, что вотъ у какихъ-то Андреевыхъ дѣти въ сыпи, Говоркова окружили новыя лица.

Сѣдовласый и толстый старикъ, едва передвигая ноги, подошелъ къ астролябіи, уставя на нее отекшія щеки; какая-то низенькая, коренастая, круглая дамочка въ чер-

номъ коленкоровомъ платьѣ и такомъ же чепцѣ, съ огромною нижнею, почти коровьею губою и сѣрыми глазами навыкатъ, ходила тутъ же, съ палкою, судорожно подергивая на рукѣ ридикюль, изъ котораго торчали бумаги. Другая дама, въ голубой полинялой шляпкѣ, блѣдная, но съ черными южными глазами и черными густыми бровями, стояла также въ этомъ обществѣ, будто попавъ сюда невзначай. Это были: старикъ Свербѣевъ, дамы — извѣстная уже Трагедія и Комедія.

А между тѣмъ, вдали стали показываться и другія лица. Съ горы отъ мельницъ шли: неслужащій дворянинъ Чубченко, съ неслужащимъ же сыномъ Чубченкомъ-младшимъ, оба съ виду простые мужики, въ простыхъ мѣщанскихъ свиткахъ и съ длинными бородами. Отъ моста близъ рѣки отдѣлилась группа новыхъ дамъ, предводимыхъ огромнаго роста усатымъ господиномъ, въ красной рубахѣ, ополченскихъ сапогахъ и съ эспаньолкой. По хлыстику въ его рукахъ, а болѣе, разумѣется, по эспаньолкѣ, нельзя было не узнать въ немъ общаго вздыхателя и сердцеѣда. Всѣ эти лица молча подходили, едва намъ кланялись и, перешептываясь, останавливались въ сторонѣ. Всѣ съ подозрительно недовѣрчивымъ вниманіемъ слѣдили за нашими дѣйствіями.

Такъ, я думаю, слѣдили японцы отважныхъ моряковъ, нѣкогда смѣло отводившихъ себѣ квартиры въ недоступныхъ дотолѣ Іедо и Нагасаки; такъ и индійцы временъ Кортеса встрѣчали бѣлыхъ пришельцевъ на берегахъ своихъ заповѣдныхъ рѣкъ...

Работа шла своимъ чередомъ. Никто попрежнему не рекомендовался. Солнце обливало даль, сады, кровли домиковъ и насъ самихъ яркими лучами.

Первый отозвался подпоручикъ Свербѣевъ.

— Па-а-звольте-съ! вы, кажется, не такъ уголъ взяли! — замѣтилъ онъ Говоркову.

— Чего-съ? — свирѣпо огрызнулся Абрамъ Ильичъ, поднявъ отъ колышка налитое кровью и озлобленное лицо.

— Надо взять вотъ какъ... Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ попросилъ меня снять видъ своего гарема... Ну, я и снялъ.

— Можетъ быть, можетъ быть! — возразилъ со вздохомъ Говорковъ, докидывая послѣдній уголъ.

Группы оживились.

— Вотъ трудолюбіе!—отозвалась Вѣнцеславская.

— Да-съ!—подхватилъ чей-то женскій голосъ:—за жалованье можно!

Сказавшую поспѣшно остановили. Свербѣевъ принялся помогать Говоркову. Пошла общая бесѣда. Изъ воротъ Дарьи Адамовны Комедіи вынесли стулья; кое-кто сѣлъ. Явился коверъ, нѣсколько лавокъ. Всѣ сѣли. Новые знакомцы къ намъ присмотрѣлись, стали разговорчивѣе.

— Да не выпить-ли, господа, тутъ же и чаю?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Отлично, отлично! - отозвались голоса.

Пошли за самоваромъ и за чашками. Дарья Адамовна Трагедія побѣжала за сливками.

Всѣ усѣлись съ печатными программами вокругъ стола. Чернильница отца Павла поставлена передо мною, явились перья и бумага.

— А что, господа-депутаты, — сказалъ Свербѣевъ: — мы люди простые, гдѣ намъ постигать ваши статистическія тонкости. Вы намъ диктуйте, а мы будемъ писать...

Я улыбнулся.

— Этого нельзя!

Вѣнцеславская разливала чай; какая-то дѣвица курила папиросу за папиросой. Всѣ пріумолкли. Я объяснилъ данныя мнѣ отъ комитета инструкціи.

— Что, господа, откладывать! берите перья. Пишите въ клѣткахъ противъ ревизскихъ душъ, сколько у кого крестьянъ и сколько дворовыхъ.

— Да у насъ почти у всѣхъ одни дворовые...

— Такъ и пишите, дворовые.

Всѣ написали; пошли толки. Павлова-Трагедія объявила, что у нея всего одна душа, мужского пола, отличный поваръ, но что онъ уже два года содержится въ губернскомъ острогѣ и что она его показываетъ теперь потому, что онъ большихъ достоинствъ и что она надѣется получить за него выкупъ. У Павловой-Комедіи по ревизской сказкѣ оказалось другое любопытное явленіе: у нея было три души женскаго пола—бабка 50 лѣтъ, дочь ея 28 и внучка 14, хотя первыя двѣ значились *незамужними*.

— Теперь, господа, сколько у кого грамотныхъ?—отнесся я: — какіе вамъ платятъ оброки, сколько у кого недоимки,

и во что обошлось кому обученіе ремеслу или мастерству вашихъ дворовыхъ?

Написали и это. Свербѣевъ, между прочимъ, хватилъ, что ему обученіе кузнеца обошлось въ 1000 руб. серебромъ...

— Бога вы не боитесь, Сысой Иванычъ, — усмѣхнулась Павлова-Трагедія, заглянувъ въ его бумагу: — ну, гдѣ же тысячу? Да вашъ Парфенка обучался за харчи...

— Ну, такъ сто рублей!—смягчился, глядя на меня, Свербѣевъ.

— Пишите тридцать цѣлковыхъ и баста!—отрѣзалъ отецъ Павелъ:—и то широковато.

Свербѣевъ молча вписалъ въ клѣтку 30 и вздохнулъ. Между тѣмъ, Дарья Адамовна Комедія задвигалась по стулу, собираясь что-то сказать.

— Что вамъ, сударыня?—спросилъ я.

— Я, право, не знаю, какъ тутъ быть!—сказала она:— двѣ ревизіи сряду у меня люди были показаны при сорока-пяти десятинахъ земли, а у меня земли, кромѣ усадебной, нѣтъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ, ни клочка...

— Въ острогъ, матушка, въ острогъ засадятъ!—бухнулъ Свербѣевъ, подмигивая на остальныхъ.

Число господскаго и крестьянскаго скота, количество земли пахотной, сѣнокосной, лѣсной и выгонной также было записано примѣрно. Всѣ справлялись другъ у друга, вписывали и не замѣтили, какъ въ полчаса съ небольшимъ главныя статьи программы были рѣшены.

— Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ полевыхъ и усадебныхъ участковъ,—сказалъ я:—а также къ настоящему положенію.

Всѣ стали въ духѣ. Бесѣда не умолкала.

Вечеръ лилъ потоки огней и, казалось, не хотѣлъ сходить съ неба. Даже обѣ Павловы повеселѣли и дружно разговаривали.

— Вы, Сысой Иванычъ, первый назначайте: по чемъ кладете десятину пахотной земли?—спросилъ отецъ Павелъ Свербѣева.

— А по чемъ? Меньше нельзя, какъ сто цѣлковыхъ: вѣдь это на вѣчныя времена отходитъ.

— Какъ сто?!—Полтораста!!..—отозвался чей-то голосъ, и всѣ за нимъ зашумѣли и никого уже нельзя было разслушать.

— Меньше двухсотъ нельзя!—до охриплости и съ пѣной

у рта кричала незамѣченная до тѣхъ поръ, совершенно сморщенная старушка, безъ единаго зуба во рту и съ чернымъ зонтикомъ: — нельзя! какъ можно, и того мало... и того... Вѣдь это наше, наше! Да говорятъ же вамъ—наше! Триста... Меньше трехсотъ нельзя!

Она расплакалась.

— Полноте, гдѣ же слыханы такія цѣны,—сказалъ я:— вы на себя накличете бѣду, вызовете недовѣріе правительства...

Всталъ Свербѣевъ.

— Нѣтъ, ужъ па-а-звольте; вотъ, напримѣръ, мой хлыстикъ: онъ стоитъ въ лавкѣ цѣлковый—да купецъ-то можетъ за него просить хоть пятьдесятъ. Спросъ мѣры не знаетъ. Когда я былъ въ плѣну у Шамиля, онъ одинъ разъ и говоритъ: что, говоритъ, можно взять за этотъ архалукъ?..

— Ну, пошла коза на базаръ! — возразилъ священникъ.

Всѣ были въ замѣшательствѣ.

Я пустился объяснять, какъ цѣнится земля. Всѣ соглашались со мной. Но цѣну требовали все-таки невозможную. Уже въ суморкахъ помирились на 75 цѣлковыхъ.

— Засѣданіе закрывается!—сказалъ я, раскланиваясь:— завтра надо будетъ по планамъ опредѣлить величину усадебныхъ участковъ каждаго. Абрамъ Ильичъ займется этимъ съ утра и къ обѣду все кончитъ.

Всѣ встали, удивляясь, какъ это скоро все кончилось.

Всѣ начали наперерывъ приглашать меня и Говоркова, кто на ужинъ, кто на ночлегъ, кто на все время пребыванія нашего въ Сорокопановкѣ на квартиру. Но мы отказались, не желая обидѣть прежней хозяйки, Вѣнцеславской, непокидавшей меланхолическаго выраженія своего маленькаго лица. Всѣ изъявили желаніе провести насъ до ея дома. Мѣсяцъ взошелъ и обливалъ яркимъ свѣтомъ сады и тихія улицы. Соловьи пѣли, прерывая наши толки о содержаніи дворовыхъ, о ихъ одеждѣ и обуви и о цѣнности усадебъ. Дарья Адамовна Трагедія распространялась о стоимости сѣрыхъ штановъ для повара Терешки, а неграмотный Чубченко-сынъ — о цѣнности башмаковъ и юбокъ отцовскихъ работницъ. Вечеръ закончился катаньемъ по рѣкѣ на лодкѣ отца Павла, причемъ Свербѣевъ не преминулъ заломить фуражку съ кокардой на бекрень и затянуть волжскую пѣсню, а потомъ вклеилъ разсказъ о катаньѣ на лодкѣ по ка-

кой-то рѣкѣ у Шамиля. И когда отецъ Павелъ сказалъ запросто: «врешь, Сысой Ивановичъ, на Кавказѣ такихъ рѣкъ нѣту!» подпоручикъ прибавилъ: «Есть, хотя мы еще до нихъ не доходили!».

Блаженные, тихіе уголки! Свербѣева вообще слушали не безъ любопытства. И никто во всей Сорокопановкѣ (не перечь только отецъ Павелъ!) такъ легко не разъяснялъ европейской политики, не мирилъ и не ссорилъ Австріи съ Франціей и Англіи съ Италіей, какъ Свербѣевъ. Рѣшили на рѣкѣ, что вѣрнѣйшая цифра стоимости годового содержанія дворовыхъ съ души будетъ высшая 40, средняя 20 и низшая 10 руб. сер. въ годъ.

— А какъ вдругъ по сорока цѣлковыхъ велятъ намъ платить дворовымъ въ годъ, если мы это подпишемъ?—робко спросила Павлова-Комедія.

— Ну, что же, и будете!—сказалъ, усмѣхаясь, Свербѣевъ.

Общество смолкло и погрузилось въ думу.

— Э, господа,—сказалъ подпоручикъ:—совѣтую, пишите больше; а то еще скажутъ, что вы морили людей голодомъ!

Мы распростились съ остальными и ушли въ усадьбу Вѣнцеславской, гдѣ снова улеглись въ знакомой комнаткѣ съ запахомъ инбиря и калгана. Кто-то постучалъ въ окно— я отворилъ его.

— Вы потрудитесь,—сказалъ съ надворья Свербѣевъ:— завтра назначить сходку здѣшнимъ дворовымъ, надо имъ пояснить, чего имъ ждать и кого слушать.

— Такихъ сходокъ въ нашихъ инструкціяхъ не положено,—отвѣчалъ съ кровати Говорковъ.

— Нѣтъ, какъ ужъ хотите, а я ихъ вамъ соберу,—настаивалъ у окна Свербѣевъ:—смотрите же, поговорите. Бонъ-нюи!..—Онъ ушелъ.

Инбирь и калганъ скоро насъ усыпили.

Было совсѣмъ свѣтло, когда я открылъ глаза. Говорковъ сидѣлъ, сгорбившись, противъ свѣта и держа у самаго носа конецъ гусинаго пера, свирѣпо чинилъ его, отхватывая ножомъ огромные куски.

— Вотъ,—говорилъ онъ:—и толкуй! Да тутъ такой хаосъ, что и не приведи Господи!

— А что такое?

— Да вотъ вамъ-то хорошо, а я съ зари возился, но хоть плюнь...

— Чтò же именно?

— А то, что въ этихъ усадьбахъ самъ чортъ ногу сломаетъ. Обошелъ я, представьте, всю дачу сорокопàновскую, чуть солнце взошло. Что же бы вы думали? Спросишь: покажите, гдѣ границы вашей усадьбы, двора, сада, огорода? А они въ отвѣтъ: «то мое, чтò видите, да и то, чего не видите и чтò перешло вонъ туда, это его проклятый отецъ отмежевалъ насильно и объ этомъ мною уже прошеніе подано!» И пошло: хвостъ одной усадьбы влѣзъ въ бокъ другой, садъ этого втемяшился въ огородъ того, а посреди ихъ всѣхъ усѣлся колодецъ или свиной хлѣвъ третьяго. Какъ тутъ ихъ усчитать? Все переплелось и спуталось. Жили прежде безспорно, а теперь, какъ пошло дѣло на объявленіе правъ, такъ на стѣну лѣзутъ. Чубченко грозится жаловаться на Свербѣева и на меня, Павлова-Трагедія даже съ полѣномъ за какимъ-то Никищенкомъ по улицамъ стала бѣгать,—носится съ бумагами и тычетъ мнѣ подъ носъ. Ходятъ толпами, на плетни влѣзаютъ и смотрятъ, чтò я дѣлаю. А двое подъ рукою объявили напросто, что поколотятъ всякаго, кто ихъ обмѣритъ.

— Ну, и что же вы?

— Приблизительно прикинулъ всякую усадьбу и баста. А тамъ пусть они же сами окончательно опредѣлятъ свои границы.

Мы вышли въ залу. Хозяйка сидѣла за чайнымъ столомъ. А по полу уже ходили и галки съ мѣшочками, и куцая сорока, и паралична я болонка. Не успѣли напиться чаю, какъ явились жареные въ сметанѣ перепела, форшмакъ изъ карася и селедокъ, яичница съ ветчиной и еще чтò-то.

— Однако, пора бы и дальше,—сказалъ Говорковъ, распуская подъ сюртукомъ на спинѣ запасныя пряжки:—но что то господа обыватели нейдутъ.

— Да вотъ и они!—сказала хозяйка, глянувъ въ окно.

Вчерашніе наши знакомцы вошли снова и чинно сѣли въ залѣ. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать.

— Программы готовы?—спросилъ я, обращаясь ко всѣмъ.

— Готовы.

— Абрамъ Ильичъ! потрудитесь внести въ списокъ имена представившихъ.

Свербѣевъ тоскливо взглянулъ на Чубченка. Тотъ повелъ плечами.

— А крестьянъ скоро у насъ выкупятъ?—спросилъ Свербѣевъ.

— Мнѣ неизвѣстно.

— Полноте насъ морочить! Мы не дѣти...

— Какъ рѣшитъ комитетъ и какъ утвердятъ выше,—прибавилъ Говорковъ.

— Ну, а барщина попрежнему будетъ три дня на крестьянъ и шесть дней въ недѣлю на дворовыхъ?.. Вѣдь у насъ всѣ дворовые,—отнеслась Вѣнцеславская, тоскливо ловя мои взгляды.

— Не знаю и этого. Все дѣло рѣшитъ губернскій комитетъ...

Младшій Чубченко перешелъ на цыпочкахъ къ старшему и что-то сказалъ ему на ухо. Они размахивали руками.

Свербѣевъ долго и упорно чесалъ у себя въ затылкѣ и сопѣлъ, ворочая налитыми кровью глазами. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— *Bien merci*, за все—за все... мерси-съ... Но позвольте на пару словъ...

Отведя меня въ сосѣднюю комнату, онъ сказалъ: «ничего, ничего», заперъ дверь, опять подошелъ ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать, кашлянулъ и не могъ выговорить ни слова. Руки его дрожали, лицо было въ поту. Глаза смотрѣли въ землю.

— Экутè,—началъ онъ, оглядываясь:—насъ никто не видитъ! Я человѣкъ прямой... Безъ тонкостей... Скажите всю сущую правду, что тамъ съ нами будетъ? Я никому не скажу! а намъ нужно. Откройте по секрету... Экутè — между честными людьми.

— Да говорю же я вамъ, что ничего не знаю... Вѣдь я выборный, вашъ же дворянинъ...

— Ну... экутé!.. полноте—я вамъ...

Свербѣевъ сунулъ руку въ боковой карманъ сюртука.

— Вотъ... благодарность... помилуйте, между нами... это приношеніе всего нашего общества,—прошепталъ онъ, дрожа и, красный, какъ ракъ, сжимая мои руки.

Я разсмѣялся, отвелъ его руки.

— Или мало?—спросилъ онъ, еще болѣе смѣшавшись.

— Полноте; не стыдно ли вамъ!—сказалъ я, отступая къ двери:—я вашъ же товарищъ! Клянусь вамъ, я ничего болѣе не знаю... Честью вамъ клянусь.

Свербѣевъ быстро сунулъ опять руку въ карманъ, круто

повернулся на каблукахъ, вышелъ въ залу, и я видѣлъ, какъ онъ свирѣпо махнулъ головой въ направленіи ко мнѣ, какъ бы говоря: «не поддается, христопродавецъ!»

Собраніе встрѣтило меня съ отличной сухостью.

— Итакъ, вы ничего намъ болѣе не скажете?—спросила Вѣнцеславская.

— Ничего, къ сожалѣнію...

Подпоручикъ, между тѣмъ, оправясь и презрительно стукнувъ ногою, дерзко ходилъ по залѣ, шагая передъ самымъ моимъ носомъ. Хозяйка хотѣла-было начать веселый разговоръ, но Свербѣевъ обернулся къ остальнымъ и сказалъ:— «что же, господа! здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать. У! Тончайшій человѣкъ». И онъ, съ судорожнымъ смѣхомъ, развелъ въ мою сторону руками.

Положеніе мое дѣлалось невыносимо. Всѣ стали раскланиваться. Я отвѣшивалъ усердные поклоны.

— Па-а-звольте, однако!—отозвался опять Свербѣевъ:—у отца Павла, если угодно, во дворѣ собраны здѣшніе крестьяне и дворовые. Поговорите съ ними. Мы просимъ васъ.

— Право, господа, незачѣмъ... Ну, что же я имъ буду говорить? Не время еще, ничего еще не рѣшено!

Говорковъ кивнулъ мнѣ пальцемъ. Я подошелъ къ нему.

— Позвольте мнѣ поговорить за васъ; я поговорю!—сказалъ онъ шопотомъ.

— Ну, извольте! пойдемте! — сказалъ я вслухъ и взялъ шапку.

Мы пошли всѣмъ обществомъ. Вѣнцеславская, провожая насъ съ крыльца, изъ-за кучи птичьихъ клѣтокъ, объявила, что рано еще уѣзжать и что намъ слѣдуетъ остаться отобѣдать. Лошадей нашихъ уже запрягли, и мы отказались, благодаря отъ души хозяйку. Садомъ мы пошли къ усадьбѣ священника. Изъ-за плетня мы увидѣли толпу крестьянъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Священникъ, въ подрясникѣ, ходилъ передъ ними и что-то имъ объяснялъ. Дворяне презрительно остановились въ сторонѣ. Свербѣевъ, съ иронической улыбкой, косясь на меня, издали помахивалъ хлыстикомъ и крутилъ усы. За ними слѣдовала уже запряженная наша нетечанка.

— Ну,—шепнулъ я Говоркову:—что же ваша рѣчь? Пора ужъ ѣхать!..—Говорковъ обдернулъ фалды своего сюртука,

ступилъ шагъ, кашлянулъ, глянулъ въ землю и, какъ-то странно пискнувши, началъ:

— Что, ребята, вѣрите ли вы мнѣ?

Отвѣта не было.

— Я васъ спрашиваю, вѣрите ли вы мнѣ и тому, что̀ я скажу? Иначе не сто̀итъ и словъ терять.

Двое изъ передняго ряда крестьянъ усмѣхнулись. Остальная толпа хранила молчаніе. Всѣ, держа въ рукахъ шапки, смотрѣли внизъ. Это были бо̀льшею частью дворовые, бобыли бобылей, то-есть батраки мелкопомѣстныхъ. Лица угрюмыя, притупленныя отъ лѣни и праздности. Одежда у всѣхъ была сборная: у иного тулупъ, у другого ополченскій поношенный кафтанъ съ нумерованными пуговицами; у кого бѣлая рубаха, съ гребешкомъ на веревочкѣ, у кого дырявая свитка, или порыжѣлый плисовый жилетъ. Здѣсь же стояла плечистая сердитая баба, въ сапогахъ и въ старомъ кучерскомъ армякѣ.

— Вѣримъ, говори!—робко сказалъ моложавый, широкоплечій парень, въ кожаномъ фартукѣ, нѣчто въ родѣ кузнеца или скорняка:—отчего не повѣрить—на то ты присланъ, ваше благородіе.

— Ну, такъ слушайте же!—сказалъ Говорковъ, усиливая голосъ. Крестьяне сдвинулись тѣснѣе.

— Давно уже, ребята,—продолжалъ Говорковъ:—давно у васъ идутъ толки о вольности. Не такъ ли?

— Еще бы!—послышалось среди дворянъ.

— Ну, такъ знайте же, что господа сами хотятъ вамъ дать вольность. Да надо только подождать... Въ Россіи пятьдесятъ да и съ хвостомъ еще губерній, а въ губерніяхъ по 10 и по 15 уѣздовъ. Ну, и совѣтуются теперь всѣ эти пятьсотъ уѣздовъ, какъ бы дѣло вышло получше.

— Ну, а метла на небѣ, звѣзда-то, что по вечерамъ видна, что̀ значитъ?—спросилъ изъ толпы сѣдой, какъ лунь, старикъ. Ему не дали договорить и удержали его за полы...

Абрамъ Ильичъ не умолкалъ. Его слушали внимательно. Отецъ Павелъ, надѣвъ очки, что̀-то торопливо пріискивалъ въ раскрытомъ на подоконницѣ Евангеліи.

А солнце свѣтило ярко и вмѣстѣ безмятежно. Пѣтухи и другія птицы затихли и будто также внимали неслыханнымъ рѣчамъ Говоркова. Тучка набѣжала на солнце. Прохладная тѣнь надвинулась на луга и на половину села, съ зеленѣю-

щими на берегу и далеко видными усадьбами Павловыхъ. За церковью раздавалось серебристое ржанье жеребенка, искавшаго потерянную имъ, среди огромныхъ сельскихъ пустырей, мать.

Часа черезъ два крестьяне разошлись, молча, не глядя другъ на друга и долго не надѣвая шапокъ. Слова Абрама Ильича ихъ какъ-то озадачили. Парень въ кожаномъ фартукѣ особенно долго не могъ угомониться. Онъ стоялъ на бугрѣ, среди улицы, провожалъ глазами остальныхъ, и мысли его, казалось, были далеко-далеко...

— Что, Абрамъ Ильичъ, о чемъ думаете? — спросилъ я Говоркова, когда мы выѣхали изъ Сорокопàновки.

— Скверно на душѣ! — отвѣтилъ мой спутникъ: — никого, кажется, не обидѣлъ, а что̀-то такъ неловко, такъ неловко...

1859 г.

ФЕНИЧКА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Школа.

«Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Прическа головы, передникъ, талія и все въ порядкѣ. Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ».

Вопросы жизни Пирогова.

— «Гдѣ остановился Ноевъ Ковчегъ.
— «На Арбатѣ...

Сцена на экзаменѣ.

Случилось какъ-то, въ одной изъ южныхъ губерній, губернскому предводителю дворянства заѣхать въ бѣдный выселокъ, на перепутьѣ съ какого-то званаго пира. Пока кучеръ выбивался просёлкомъ напрямикъ, собралась сильная гроза. Небо обложило тучами. Не успѣла карета поровняться съ дверью низенькой мазанки, а довольно тяжелый сановникъ вскочить въ сѣни, какъ дождь хлынулъ и громъ раздался у самыхъ оконъ. Заходила ходенемъ бѣдная мазанка, и захлопотался при видѣ высокаго посѣтителя старикъ-хозяинъ, отставной, или, собственно, уволенный безъ прошенія изъ сосѣдняго суда, протоколистъ Басорскій. — «Ахъ ты, Боже мой, Господи!»—воскликнулъ онъ, мечась безъ толку въ темной каморкѣ. Съ трудомъ напялилъ онъ зеленоватый сюртукъ съ бронзовыми пуговицами, провелъ ладонью по бородѣ, усѣянной сѣдой щетиной, тяжело вздохнулъ, засте-

гнулся на всѣ пуговицы и съ трепетомъ явился къ его превосходительству.

— Кто тамъ?

— Это я, ваше пре—ство! хозяинъ!

— А! ты откуда?

— Здѣшній, тутъ и родился-съ...

Слуга подъ шинелью пронесъ изъ кареты снадобья для чаю, сигары и французскую книжку. Предводитель усѣлся къ окну. Чтеніе, однако, не шло въ голову. Дождь лилъ, какъ изъ ведра; ручьи съ ревомъ неслись подъ колесами кареты и ногами свѣсившихъ уши лошадей.

— Васька! Да гдѣ же у тебя глаза-то? — крикнулъ сановникъ въ окно, указывая пальцами.

Сѣдовласый кучеръ Васька молча снялъ попону и укрылъ любимую пристяжную лошадь. Подали чай. Хозяйка стерла со стола.

— Много у васъ земли?

— Десять десятинъ, ваше пр—ство! — грустно отвѣтилъ хозяинъ, ступивъ отъ двери и пощипывая то пуговицу, то назойливые волосы на бородѣ.

— Гм! Есть еще какія-нибудь угодья, заведенія?

— Есть овечки, пара воловъ; траву косимъ, корову держимъ, свиней кормимъ, куръ.

— Что же, это хорошо!

— Гдѣ хорошо, ваше сіятельство! Сбыту вовсе нѣтъ. Городъ далеко, дорога большая тоже, сами изволите знать. Вотъ у нашего засѣдателя, черезъ рѣчку, лѣсу тысяча десятинъ, дубу; цѣны никакой нѣтъ, ну, никакой ровнехонько— такъ и гніетъ. По рѣкѣ бы его хорошо сплавлять. За полтораста верстъ оглобля полтинникъ стоитъ. Такъ и сидимъ; какъ проѣдетъ кто-нибудь, получишь тамъ за сѣно, да за чай. А то и на сапоги, да на юбчёнку женѣ не хватаетъ...

— Какъ же ты, чѣмъ живешь?

— Перебиваемся кое-какъ.

— Да, о лѣсѣ ты, дѣйствительно, вѣрно замѣтилъ; по рѣкѣ его точно хорошо бы сплавлять. Написалъ бы ты, братецъ, проектъ, высшему бы начальству передалъ...

— Не могу, ваше пр—ство; мнѣ запрещено проекты подавать, подписку взяли...

— Отчего?

— По злой судьбѣ, такъ выразиться — оштрафованъ,

якобы въ ябедахъ и въ составленіи кляузныхъ бумагъ замѣшанъ...

Предводитель на это ничего не сказалъ.

Буря, между тѣмъ, угомонилась. Гость напился чаю, закусилъ яичницей, сдѣланной наскоро хозяйкой, толстой апоплексической бабой въ миткалевой юбкѣ и въ платкѣ на головѣ, спросилъ: — прояснилось-ли на дворѣ? — получилъ утвердительный отвѣтъ и велѣлъ подавать лошадей.

— Ну, любезнѣйшій, чѣмъ же мнѣ тебя отблагодарить?— спросилъ гость, вынимая, хотя еще не развязывая, кошелекъ. Хозяинъ въ это время явился съ подносомъ.

— Не откажите наливочки!—сказалъ онъ.

— А, очень радъ! однако, какъ же насчетъ платы-то? что̀ съ меня возьмете за сѣно и за закуску?—все еще улыбаясь и не развязывая кошелька, прибавилъ гость.

Жена глянула на мужа, судорожно запахнулась платкомъ и, кланяясь, отвѣтила:

— Ничего намъ не надо, ваше превосходительство; мы и на чести одной довольны, а о васъ наслышались—о вашей добротѣ!

— О, нѣтъ, нѣтъ, я этого не хочу. Говорите, говорите, что̀ вамъ надо? не надо ли мѣста? Я все сдѣлаю, все могу!— отвѣтилъ гость, пряча кошелекъ въ карманъ.

У жены при словѣ о мѣстѣ дрогнули руки. Изъ ея памяти еще не выходили тѣ свѣтлые городскіе дни, когда купцы несли къ ней сахаръ, муку, рогожки, рыбу и все. Мысль о попыткѣ получить новое тепленькое мѣстечко пріятною улыбкою расположилась и на лицѣ мужа.

— Если ужъ ваша милость, если на нашу дворянскую бѣдность...

Въ это время предводитель случайно взглянулъ въ окно...

По прояснѣвшему двору, вприпрыжку по лужамъ, бѣжала изъ сосѣдняго мелколѣсья дѣвочка, лѣтъ семи или восьми, въ одной рубашечкѣ, босая и съ лукошкомъ какихъ-то ягодъ. Не замѣтивъ кареты за угломъ, она разлетѣлась и стремглавъ вскочила въ сѣни. Капли сбѣгали съ ея густыхъ, нерасчесанныхъ волосъ и дрожали на полныхъ, изъ-сиза раскраснѣвшихся щекахъ. Глаза внимательно и пугливо остановились на незнакомцѣ.

— Чья это?—спросилъ предводитель.

— Дочка наша; простите, такая глупая, шаловливая!—

отвѣтила мать, дѣлая знаки глазѣвшей на гостя дочери:— ушла за ягодами, пострѣлёнокъ, да и промокла.

— А! Очень радъ! Привезите ее ко мнѣ, и я ее пристрою. Ты хочешь, дѣвочка, въ городѣ жить?

Дѣвочка закинула за плечи длинные волосы и молча повела глазами изъ сѣней въ растворенныя на крыльцо двери.

— Ваше пр—ство! вѣкъ будемъ Бога молить! — заговорилъ отецъ.

— Ну-да! ну-да! Вы ее доставьте мнѣ, а тамъ уже я ее пристрою!

Съ этими словами гость сѣлъ въ карету, лошади двинулись. А мужъ и жена долго еще стояли, глядя то на дорогу, то на дочку, и тутъ же положили, что не надо упускать такого благодатнаго случая.

— Вотъ, нечаянно-негаданно, — судили они: — Господь далъ праздникъ; теперь ужъ Өеничка наша — отрѣзанный ломоть. Какъ тамъ ни говори, а все же со двора долой, съ рукъ долой, и сами сытѣе будемъ. Промаячитъ тамъ, какъ ни на есть, живучи у большихъ людей. Еще и денегъ припасетъ и насъ прокормитъ. Богатая рука хоть кому помога.

Черезъ мѣсяцъ, Иванъ Григорьевичъ Басорскій, обитатель уединеннаго хутора, запрягъ пару воловъ, одѣлся въ свою чунарку, взялъ кулекъ съ закуской и припасеннымъ кстати на базаръ масломъ, посадилъ съ собою дочку и отвезъ ее въ губернскій городъ. Былъ вечеръ,—лакомка-предводитель воротился съ именинъ отъ губернатора. Жена встрѣтила его еще въ коридорѣ.

— Что это ты, Павелъ Романовичъ, затѣялъ? Какихъ это ты нищихъ вздумалъ брать на прокормленіе?

— Какъ? что?—спросилъ съ нѣжностью мужъ, давно, поправдѣ, забывшій и стоянку на хуторѣ, во время грозы, и свое обѣщаніе.

— Да помилуй, тамъ съ утра въ людской ждетъ тебя какое-то чучело, съ краснымъ носомъ, и такъ странно смотритъ. Онъ привезъ какую-то дѣвочку.

Позвали нежданнаго гостя. Сановникъ, тѣмъ временемъ, копая зубочисткою въ зубахъ, все уже успѣлъ припомнить, и совѣстно ему стало послушаться супруги, которая настаивала, чтобы скорѣе этихъ попрошаекъ прогнали со двора.

— Хорошо, мой любезнѣйшій, хорошо! Ступай себѣ, поѣзжай; твое дѣло рѣшеное. Ступай, я позабочусь о судьбѣ

твоей дочки! — сказалъ предводитель, принимая изъ дрожавшихъ рукъ просителя бумаги о рожденіи и крещеніи дѣвочки.

— Ваше превосходительство, не оставьте!

Иванъ Григорьевичъ не распространялся болѣе потому, что, въ чаяніи разлуки съ дочерью, закатилъ уже порядкомъ за галстукъ въ сосѣднемъ кабачкѣ, и на утро, съ трудомъ помахивая на воловъ, съ предводительскаго двора поѣхалъ обратно на хуторъ.

Дѣвочка приведена къ барынѣ. Въ ситцевомъ платьишкѣ, материнскомъ полиняломъ платкѣ на головѣ и съ загрязнившимися ножками, она не понравилась генеральшѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Химочка...

— Это что́ такое?—спросила генеральша въ носъ, оправляя одежду замарашки и относясь къ своей наперсницѣ Мареѣ Кондратьевнѣ, тощей, вдовой и бездѣтной домоправительницѣ изъ вольноотпущенныхъ.

— Это имя у малороссовъ значитъ Афимья, Феничка. Притомъ же, сударыня, какіе теперь дворяне у насъ бѣдные! Стыдно смотрѣть!

Генеральша еще строже взглянула въ лицо дѣвочки.

— Грамотѣ умѣешь?

— Умѣю-съ...

— А руки отчего у тебя выпачканы, а?

Дѣвочка съ напряженнымъ удивленіемъ взглянула себѣ на пальцы, потомъ на блѣдныя, начавшія дрожать, губы предводительши.

— Что же ты не отвѣчаешь? а? Говори же?

— Ахъ, сударыня, да вы посмотрите, вѣдь ужъ это таково заведеніе,—возразила домоправительница:—вѣдь у нея и глаза, какъ у кошки, смотрятъ. Что ты смотришь такъ на барыню? У, звѣрёнокъ...

Домоправительница не кончила. Нервная генеральша глубоко вздохнула, закатила глаза, потребовала капель и, охая, опустилась въ кресло. Къ вечеру дѣвочка была сослана на кухню.

— Я тебя, Павелъ Романовичъ, не понимаю! — сказалъ предводительша мужу:—ну, какъ быть до того малодушнымъ, безъ характера, до того флюгеромъ, что куда вѣтеръ повѣетъ, туда и ты? Выдумали прежде мыльные пузыри пу-

скать, и ты началъ; потомъ въ столицахъ стали обѣды задавать всякимъ проѣзжимъ артистамъ и знаменитостямъ, и ты туда же. А теперь ударились всѣ на благотворенія, и ты за ними! Да гдѣ же твой характеръ? Это просто смѣшно и жалко!

Мужъ сталъ утѣшать.

— Да помилуй, душа моя, о чемъ твоя забота? Твоей заботы быть тутъ не должно! Пойми меня, и только! Горе въ томъ, говорю я тебѣ въ тысячный разъ, что ты никогда не понимала и не хочешь понять ни моихъ замысловъ, ни моихъ стремленій и идей. (Жена возвела глаза къ небу и, вздохнувъ, сильнѣе прижала стклянку съ эфиромъ къ носу). Нынче вѣкъ такой! Надо отличать себя въ кругу сословія стремленіемъ къ добру. Надо поражать, ярко кидаться въ глаза. Coup d'état, ма-шеръ, во всемъ! На моемъ мѣстѣ отъ меня требуютъ, ждутъ добра...

— Хорошо добро! разводить нищихъ! Лучше бы вы подумали объ уплатѣ вашихъ долговъ, да поменьше въ карты съ дворянами играли!

— Ну, слушай, эту дѣвочку еще можно взять на руки, это еще—дитя природы.

— Смѣшно и глупо, смѣшно, и больше ничего! И съ чѣмъ это сообразно! У самого состояніе на волоскѣ, сынъ въ гвардіи служитъ, дочь — невѣста и почти на выдачѣ, а онъ, какъ Евгеній Сю, по вертепамъ бѣдности ходить, да подбираетъ себѣ членовъ въ богадѣльню! Паясничество, и больше ничего!

Въ это время дверь тихо отворилась; съ кошачьей улыбкой, чуть трогаясь ковра, вошла и стала у порога Марѳа Кондратьевна.

— Чтò тебѣ, Марѳуша?

— Тамъ, сударыня, эта дѣвочка, которую ихъ милость приказать изволили оставить на кухнѣ, просто на стѣну лѣзетъ: реветъ-ревмя, какъ батракъ какой. Просто удержу нѣтъ, и какъ бы еще чего дурного не сдѣлала!

Барыня выразительно взглянула на мужа.

— Вотъ тебѣ и стремленіе къ добру, и дитя природы! (Домоправительница, постоявъ немного и не замѣчая къ себѣ участія, вышла). — Слушайте, милостивый государь, — сказала, даже вскочивъ на кровать, супруга: — я не желаю, я не хочу, чтобъ эта дрянь тутъ оставалась долѣе; сейчасъ ее вонъ! Слышите ли? сейчасъ!

Мужъ, уже зная насквозь свою жену, тоже не отличавшуюся знатнымъ происхожденіемъ, мало обратилъ вниманія на это ѣдкое восклицаніе.

— Посуди хладнокровно,—сказалъ онъ, потирая лысину:— ее можно отдать въ пансіонъ. Пять лѣтъ она тамъ пробудетъ: двѣсти цѣлковыхъ въ годъ, и того тысяча. Пансіонъ мадамъ Барежъ—очень хорошій пансіонъ!

— Да это курамъ на смѣхъ! У тебя нѣтъ тысячи цѣлковыхъ на карету для дочери, на рояль, а ты бросаешь въ грязь! У тебя сынъ безъ порядочной верховой лошади; долгъ въ опекунскомъ совѣтѣ за два года не заплаченъ!

Мужъ задумался. Наконецъ, нагнулся къ уху жены и шепнулъ ей:

— Ну, что же, душа моя, дѣлать? Срокъ мой исходитъ; скоро новые выборы. Надо, во что бы то ни стало, пустить въ ходъ какое-нибудь благотвореніе въ пользу бѣднѣйшей части сословія! Объ этомъ заговорятъ, и дѣло въ шляпѣ. Судьба этой дѣвочки должна быть устроена, и я ее устрою.

Прошло нѣсколько дней. На таинственныхъ совѣщаніяхъ въ спальнѣ было положено замарашку одѣть и приготовить къ поѣздкѣ. Предводительская дочка, напыщенная и гордая барышня, тронутая слегка оспой, сидѣвшая съ утра за фортепьяно, которое, впрочемъ, какъ-то ей плохо покорялось, и надменно-молчаливо выходившая къ гостямъ, что не мѣшало ея лицу украшаться еще отмѣнно-некрасивыми угорьками на лбу и на носу, взялась за снабженіе ее платьемъ. Изъ старой распашонки, съ обильнымъ запасомъ ругательствъ, передѣланъ мѣшковатый нарядъ, куплены козловые башмаки. Волосы заплетены косами и перевиты бархаткой, въ руки данъ носовой платокъ.

— Ты умѣешь читать? — спрашивала предводительская дочка.

— Умѣю.

— А молитвы знаешь?

— Знаю.

— Кто же тебя училъ читать?

— Горихвостовъ, Петръ Михайловичъ, сосѣдъ нашъ; а папенькѣ все некогда было!

Посадили Феничку въ экипажъ, съ предводительскимъ секретаремъ, и повезли по широкой улицѣ. Дѣло въ томъ, что предводитель, по старому знакомству и новымъ отноше-

ніямъ, былъ друженъ съ директрисой мѣстнаго благороднаго института. Старушка была у него въ долгу за какую-то значительную услугу съ его стороны передъ губернаторомъ и, какъ разсудительная женщина, ждала только случая отблагодарить его. Онъ написалъ къ ней, что высылаетъ на ея заботы, для помѣщенія въ «благодѣтельное для сиротъ учрежденіе», бѣдную дѣвочку-дворянку, дочь «престарѣлаго», «немощнаго» и «заслуженнаго отставного чиновника» его губерніи, дѣвочку, просто чудомъ открытую имъ среди страданій убогой семьи, въ одну изъ его поѣздокъ по службѣ, по бѣднѣйшимъ закоулкамъ края. У директрисы случилась свободная вакансія, и дѣвочка была тутъ же принята и записана въ первый дѣтскій классъ подъ именемъ *Евфиміи Ивановой Басорской.* Новая ученица вошла подъ кровъ опрятнаго, щегольского, красиваго зданія, съ золотою надписью. Утро стало смѣняться вечеромъ, уроки рекреаціями, прогулки репетиціями. Много смѣнилось косыночекъ, износилось чулковъ и передничковъ. Дѣтство уступило мѣсто отрочеству, отрочество юности. Тамъ прибавилась округлость, здѣсь увеличена мѣрка платья, тамъ зашевелились неясныя грёзы. Изъ ребенка незамѣтно стала взрослая дѣвушка...

А между тѣмъ, пока совершилось десять узаконенныхъ лѣтъ, много судебъ прошло и внѣ ея мѣста воспитанія. Предводитель вскорѣ былъ не избранъ, уѣхалъ въ огорченіи въ деревню, гдѣ и скончался отъ удара, среди долговъ, на рукахъ жены и дочери. Его мѣсто увидѣло трехъ новыхъ преемниковъ. О дѣвочкѣ Басорской забыли всѣ. Да мало думали о ней и собственные ея папенька и маменька. Знали они, что куда-то, по милости генерала, въ науку отдана ихъ дочка, а куда именно и въ какую науку, они, грубые люди, даже хорошо и не дознавались. Матушка, здоровенная баба, попрежнему возилась съ утра до поздняго вечера, доила коровъ, варила обѣдать и ужинать, яростно скребла ножемъ бѣлый липовый столъ, чистя хату передъ праздниками, ткала зимой холсты, пряла, откармливала и продавала свиней, по праздникамъ молча съ мужемъ напивалась до омертвѣнія, или отправлялась «повеселиться» къ такой же охотницѣ до хмельного, къ кумѣ-мѣщанкѣ, въ сосѣднюю вольную слободу. Мужъ во всемъ оказывался слабѣе, хотя также, съ грѣхомъ пополамъ, хлопоталъ по хозяйству, ходилъ дома въ простой свитѣ, задавалъ

кормъ воламъ, смотрѣлъ за пасѣкой, мололъ хлѣбъ на мельницѣ, ѣздилъ по разнымъ надобностямъ по сосѣдству, но болѣе шатался по уѣздному городу, стряпая потихоньку желающимъ просьбы и аппеляціи и при этомъ, разумѣется, также усердно служа Бахусу. Когда ему и женѣ сосѣди говорили: «а что, гдѣ же ваша дочка?»—они отвѣчали:—«э! на свѣтѣ не безъ милости добрыхъ людей; выйдетъ изъ науки, намъ же подмога будетъ!»

Между тѣмъ, какъ сказано, прошло десять лѣтъ, и Феничкѣ приходилось покинуть науку. Отца по почтѣ увѣдомили отъ института, что дочь его кончила съ отличіемъ курсъ ученія, и чтобы онъ за нею пріѣхалъ, или, если пожелаетъ, оставилъ бы ее, по уставу заведенія, еще на нѣсколько времени въ пепиньеркахъ при институтѣ. Насилу отыскала бумага за печатью заведенія уѣздъ, волость, глухой хуторъ и въ хуторкѣ, въ бѣдной мазанкѣ, самого Ивана Григорьевича Басорскаго. Старикъ сталъ искать очки. Оказалось, что руки его въ эти десять лѣтъ пріобрѣли еще болѣе дрожанія. Напяливъ на носъ оловянныя очки и вскрывъ пакетъ, онъ прочелъ письмо сначала про себя и потомъ женѣ.

— Вотъ еще что!—говорила мать:—учили, учили, и опять учить! Слава тебѣ, Господи, ужъ теперь невѣста; въ Филипповку будетъ восемнадцать лѣтъ! Мнѣ будетъ помощница! Вотъ лѣвая рука, да и нога у меня, тоже лѣвая, совсѣмъ какъ изъ дерева стали. Параличъ, что ли, подбирается! А тутъ нужно подати платить! Гдѣ безъ помощницы обойтись, и не думай этого, и не гадай! Не у насъ, такъ за хорошаго человѣка замужъ отдадимъ!

Мужъ, не замѣчавшій до этого, чтобы женѣ нужна была помощница, не прекословилъ. Потолковали и съ сосѣдями. На волахъ за барышнею было положено не ѣхать, потому что это совѣстно и на смѣхъ поднимутъ. А когда доходу въ годъ всего пятьдесятъ рублей ассигнаціями, за вычетомъ того, что̀ проживешь, то на лошадей не кинешься. Рѣшили Ивану Григорьевичу дойти пѣшкомъ въ «губернію», а тамъ нанять «будку» у жида — и привезти Феничку домой, на покой. Иванъ Григорьевичъ завязалъ въ узелъ платка три цѣлковыхъ на наемъ жида, взялъ мелочи, про запасъ, для выпивки дорогою, перекинулъ черезъ плечо шинель и сапоги и пошелъ въ путь большою дорогой, въ губернію...

Тѣмъ временемъ, Евфимія Ивановна была въ раздумьѣ. Годы воспитанія въ свѣтлой, шумной школѣ мелькнули для нея незамѣтно. Она даже ни разу въ этотъ срокъ не написала домой, и только теперь мысленно стала рѣшать вопросъ, какъ она поѣдетъ домой и какъ встрѣтитъ отца. Изъ маленькой замарашки она стала уже рослою, стройною дѣвушкою, съ полными, бѣлыми плечами, которыя такъ и рвались изъ-подъ зеленаго платья, съ густою каштановою косою и карими глазами. Она уже отлично танцовала; красиво и ловко кланялась; ходила, точно лебедь бѣлая по синю-морю плавала; шнуровалась въ рюмочку; знала она русскую литературу до Пушкина, по руководству Греча. — Писала очень мило по-французски, въ классныхъ упражненіяхъ, на предметы о восходѣ солнца, о трехъ розахъ и о значеніи Шатобріана въ искусствѣ. Декламировала изъ Федры Расина и умѣла дѣлать при публикѣ физическіе опыты надъ электрической машиной и воздушнымъ насосомъ. Отъ подругъ заслужила имя «душечки-Фенички» и «божества», прошла съ ними усердно періодъ поѣданія «грифелей», «мѣлу» и испиванія «уксуса» и, готовясь къ выпускному экзамену, раздѣлила съ ними также усердно человѣчество на «противныхъ штатскихъ» и «обворожительныхъ военныхъ», что не мѣшало, впрочемъ, ей съ ними «обожать» подслѣповатаго и чахоточнаго учителя русской словесности, у котораго блѣдныя ланиты въ классахъ постоянно пламенѣли, и «презирать» учителя математики, сѣденькаго старичка съ подагрой, несмотря на то, что онъ былъ изъ военныхъ. На публичномъ испытаніи Феничка Басорская играла въ четыре руки съ княжной Раисой Вонзковской, изъ сосѣднихъ западныхъ губерній, громкій и ослѣпительный концертъ Тальберга. Потомъ она одна, въ числѣ двухъ другихъ солистокъ, пѣла «Гимнъ» на слова: «Гдѣ вы, гдѣ вы, дни намъ милы?» — сочиненный на случай однимъ городскимъ статскимъ генераломъ, славившимся подписями къ портретамъ разныхъ сановниковъ, и увлекла всѣхъ своимъ густымъ, звонкимъ и широкимъ сопрано. Учитель музыки, худенькій, черненькій человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ, млѣлъ при этомъ отъ удовольствія и, совершенно теряясь, направо и налѣво лепеталъ о ней полузнакомой публикѣ безсвязныя похвалы. Когда пришелъ срокъ, громко прочитали ея имя въ числѣ другихъ дѣвицъ: Евфимія Басорская получила шифръ и похвальную книгу...

Но не это собственно занимало всѣ языки. Горожане и толпы съѣхавшихся къ выпуску родныхъ узнали цѣлое драматическое событіе, эффектная сторона котораго тотчасъ ярко бросилась всѣмъ въ глаза и увлекла всѣхъ. Пронеслась вѣсть, что за этою хорошенькою дѣвицею, которая такъ мило пѣла институтскій гимнъ, престарѣлый отецъ-хуторянинъ, сѣдовласый старецъ, пришелъ за нѣсколько десятковъ верстъ пѣшкомъ. По неизвѣстной причинѣ, у всѣхъ въ умѣ мелькнули тотчасъ образы Эдипа и Антигоны. Когда Иванъ Григорьевичъ, гладко выбрившись въ цирюльнѣ и выпивъ съ колбаской, въ сосѣднемъ кабачкѣ, стаканъ забористаго травнику, вошелъ въ залу, гдѣ происходило еще какое-то послѣднее испытаніе, родъ педагогической бесѣды, изобрѣтенія учителя математики, изъ семинаристовъ, — всѣ глаза и лорнеты обратились на него, на его сѣдую голову, потертый сюртукъ и красный носъ. Дамы стали сильно шушукаться и приходить въ волненіе. Локти и шали задвигались, подъ мѣрные вопросы экзаменатора: «А что приличнѣе въ свѣтѣ гражданину и гражданкѣ?» — «А къ чему насъ долгъ ведетъ, когда мы впадаемъ въ грѣхъ и преступленіе?» — Многія даже перезнакомились тутъ же въ залѣ, безъ чего прежде только холодно оглядывали другъ-друга съ головы до ногъ, или небрежно черезъ плечо. — «Вообразите, моя милая, у этой Басорской, говорятъ, нѣтъ даже теплаго капота, чтобы уѣхать». — «Говорятъ, у ея отца всего десять десятинъ земли и одна корова». — «Жена его сама ѣсть варитъ!» — «Э! это бы еще ничего! Но она, бѣдная, сама этого не знаетъ и не сознаетъ: восьми лѣтъ ее увезли изъ дому. Бѣдная, бѣдная!..» — Изъ этихъ толковъ составилось то, что такъ особенно любятъ составлять барыни. Былъ пожертвованъ теплый капотъ, нѣсколько бѣлья и башмаковъ. Не забыты были и два, довольно ловко сшитыя, хотя и поношенныя платья; одно букмуслиновое, съ перелинкою, а другое гроденаплевое, съ воланами. Жертвованныя вещи сыпались щедро. Нѣкоторыя самолюбивыя дамы даже впослѣдствіи усердно просматривали нумера газетъ, тайно отыскивая, не припечатаютъ ли гдѣ-нибудь ихъ имени за посильныя приношенія на пользу ближнихъ. Замѣшали даже какого-то откупщика, который до того времени сидѣлъ только за счетами и весьма безграмотно подписывалъ свое прозванье, а тутъ счелъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ,

покровителемъ наукъ и художествъ и чуть не философомъ. Онъ пожертвовалъ кушъ въ пятьдесятъ рублей серебромъ, на каковую сумму тутъ же, по совѣту учителя русской словесности, было куплено много книгъ, между прочимъ, изданіе сочиненій Жуковскаго и Муравьева «Путешествіе по святымъ мѣстамъ», и совершена подписка на три литературныхъ, два музыкальныхъ и одинъ дамскій рабочій журналъ. Книги и билеты на журналы поднесены госпожѣ Басорской, въ особой коробкѣ, раздушенной и разрисованной, вмѣстѣ съ другими подарками, одною изъ выходящихъ дѣвицъ, причемъ нѣкоторыя изъ дамъ, въ слезахъ и чуть не умирая отъ жалости, почти вслухъ восклицали при Феничкѣ:

«Только осторожнѣе, осторожнѣе, ме-дамъ; чтобъ не обидѣть ее, ахъ, чтобъ не обидѣть ее подарками! Она дѣвушка съ чувствомъ!»

Феничка приняла всѣ подарки съ граціозною улыбкою и съ какимъ-то особенно праздничнымъ чувстомъ радости, перецѣловавъ плечи у дарительницъ и увлекши въ сотый разъ всѣхъ своею миловидностью, застѣнчивостью, румянцемъ, полнотою щекъ и молодого стана. Надавали подруги Феничкѣ и она имъ клятвъ въ «вѣрности и дружбѣ до гроба», обѣщали другъ другу писать обо всемъ—обо всемъ, и часто-часто—причемъ княжна Раиса Вонзковская даже проколола себѣ палецъ и кровью написала ей на лоскуткѣ бумаги: «въ бѣдѣ и въ горѣ доставь мнѣ случай тебѣ помочь, и я все отдамъ, все сдѣлаю, чтобъ быть тебѣ полезной!» Взяла Феничка съ собою на дорогу неоконченную работу Мери Кахновичъ broderie anglaise, запаслась какимъ-то особенно неистовымъ, переданнымъ ей одною изъ подругъ, романомъ Поля Феваля, и поѣхала съ такою мыслью: «бѣдность—вещь нехорошая и довольно, какъ говорятъ, противная; но я постараюсь озолотить дни и часы старыхъ родителей, и подъ шалашомъ водворить рай! О, да, постараюсь!..» И, раскрывъ дорогою, въ трясучей и темноватой будкѣ жида, книжки, она переложила на новую страницу вышитую тамбуромъ закладочку, оправила платье и взглянула на отца. Отецъ молча сидѣлъ въ углу будки и, уткнувъ носъ въ воротникъ, смутно глядѣлъ изъ-подъ полости окна на дорогу.

Чтò ему думалось въ эту пору? При первомъ свиданіи съ

дочерью, когда вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи лампъ, его ввели по длинному ковру въ залу, ему показалось, что передъ нимъ очутилась если не сама сказочная богиня, то, по крайней мѣрѣ, царица-фея. Такъ показалась ему нарядна и представительна его собственная дочка, его Феничка. Онъ даже чуть-было не приложился къ ручкѣ, чуть невольно не попросилъ извиненія, точно былъ виноватъ чѣмъ-нибудь, и потомъ пристально-пристально посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, скрипя табакеркой и собираясь сказать ей особенно что-нибудь милое. Но ничего не сказалось; тщетно онъ искалъ въ чертахъ смущенной, съ своей стороны, и миловидной дѣвушки черты былой Фенички. А другія дѣвицы, княжны и помѣщицы, генеральскія и асессорскія дочки, о которыхъ ему разсказывалъ до прибытія его дочери словоохотливый сосѣдъ по мѣсту въ залѣ, ходили мимо и посылали Феничкѣ то улыбки, то особые знаки любви, дружбы и равенства. Ликовалъ втайнѣ Иванъ Григорьевичъ: «поди съ нашею Химкою! вонъ она съ кѣмъ за панибрата».

Съ этими чувствами онъ и въ дорогу выѣхалъ. Да уже въ дорогѣ немало призадумался, сожалѣя, что безъ парада, въ простой жидовской будкѣ пустился, и что было бы лучше какъ-нибудь купить дрожки, или коляску и лошадей бы купить, одѣть дочку во всѣ одежды, какія только подарены, и провезти такъ по уѣзду—знай-де, любуйтеся такою писанною красавицею!

Не то ожидало ее дома.

Пріѣхали они въ праздникъ, послѣ обѣда перекусивъ и переодѣвшись по близости, въ корчмѣ, неравно дома гости есть. Перышкомъ вспрыгнула Феничка изъ будки, оправила платье, достала шелковый красный платокъ, припасенный подарокъ для матери, и быстро вошла въ сѣни.

— Нѣтъ, дочка, постой, не ходи: мать спитъ послѣ обѣда; какъ бы не разсердилась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу маменьку видѣть, маменьку!..

И она вошла въ темную комнату, гдѣ съ закрытыми ставнями отъ мухъ покоилась старуха. Дочь наклонилась къ морщинистой, запекшейся щекѣ ея и не рукой, а тѣмъ же нѣжнымъ поцѣлуемъ разбудила мать. Отецъ не безъ основанія удерживалъ дочь: отъ матушки несло водкой. Какъ уже сказано, былъ праздникъ и послѣобѣденное время. Мать раскрыла мутные посоловѣлые глаза и долго не могла придти

въ себя; наконецъ, утерла ротъ, встала, оправила на головѣ платокъ и сказала:

— А! это ты, Химко! Хорошо, что ты пріѣхала, только плохо, что мать такъ ни за что разбудила. Впередъ того не дѣлай! Видно, что этому не учили тамъ, гдѣ ты была!

Дочь была озадачена.

— Ну,—начала ласковѣе матушка:—дай же, я подивлюсь на тебя, какая ты стала!

Окна растворили. Старуха сперва пристально осмотрѣла на всѣ стороны подаренный платокъ, потомъ дочку, напилась потомъ воды, перебрала и перещупала всѣ дочкины наряды и книги, бѣлье и разныя бездѣлушки. Наконецъ она задумалась, вышла на крыльцо, сѣла, сложила руки, зѣвнула, перекрестила ротъ и сказала:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла чай пить и теперь хочешь?

— Нѣтъ, маменька, не хочется; если вы выпьете, такъ и я.

— Э! дура же ты, коли это говоришь. Нѣтъ у насъ чаю для себя и въ заводѣ, и не за что пить, а держимъ только для пріѣзжихъ!

Дочь потупилась и смолчала. Немного погодя опять зѣвнувъ, мать взглянула на дочку мимо мужа, стоявшаго молча у двери, и спросила:

— Ты, можетъ, дочка, привыкла въ нарядѣ ходить и чтобъ за тобою глядѣли, чулочки да башмачки тебѣ подавали?—Дочь уже ничего не говорила.—То-то же, дура ты будешь, коли это и помыслишь! Нѣтъ на то у насъ прибытку, а сами все дѣлаемъ, дѣлай и ты!

Сердце Фенички задрожало; она кинулась къ матери на шею и со слезами стала увѣрять, что она ее любитъ, будетъ любить вѣчно и папеньку и раздѣлитъ съ ними труды и подъ убогой крышей.

— Убогая? Нѣтъ!—перебила мать:—и глупо ты говоришь! Чѣмъ же она убогая? Батько твой только въ прошломъ году ее и перекрылъ; самъ и солому возилъ!

Вечеромъ она вышла за ограду хутора. «Вотъ то поле, гдѣ я за гусятами гонялась, вотъ мельница, подъ которою я въ камушки играла, вотъ лѣсокъ, откуда я тогда, въ дождь и бурю, бѣжала съ лукошкомъ». Размечталась Феничка. Не сознавала она въ ту пору еще ясно ни того, что у нихъ нѣтъ ни работника, ни работницы, ни того,

что на десять верстъ кругомъ нѣтъ у нихъ ни одной живой и истинно-человѣческой души. А мѣстечко и вечеръ были обворожительны, закатъ солнца золотилъ и обливалъ тонкимъ румянцемъ верхи пирамидальныхъ тополей, края облаковъ и груды дальнихъ косогоровъ. Воробьи шумными стадами перелетали съ вербы на плетенъ и съ плетня на огородъ. Неоглядная степь застлалась вечернею мглою. Надъ крышею хаты поднимался тонкою струйкою голубоватый дымокъ. А за нимъ былъ садъ, а за садомъ дорога, городъ, заведеніе, подруги, княжна, выпускъ, обѣщанія, клятвы, надежды...

— Вотъ и видно сейчасъ бѣлоручку! — произнесла мать, выйдя на порогъ хаты, съ засученными рукавами, подоткнутою юбкой и съ ухватомъ: — другая бы скинула ситчикъ и все, что почаряднѣе, да матери бы помогла, да коровку бы сдоила, а она глазѣетъ по верхамъ!

Евфимія Ивановна, еще въ первомъ пылу неопытной энергіи, на другой же день сбросила платье, надѣла какую-то старенькую накидку, вышла на крыльцо, боязливо оглянулась во всѣ стороны, взяла ведро, нашла мать, попросила ее показать, какъ доятъ коровъ, и, несмотря на страхъ, наводимый на нее жирною рогатою коровой, глотая слезы, усѣлась доить... Но это были только цвѣтки. Мать отобрала у нея деньги, какія были, отобрала всѣ платья и повела съ мужемъ рѣчь, что хорошо бы ему отвезти эти платья въ уѣздъ и запродать ихъ исправницкой племянницѣ, а Феничкѣ другого, попроще, накупить, — все выгода будетъ, а ей же не въ шелкахъ да кисеяхъ ходить. Сказано и сдѣлано. Батюшка съ матушкой заперлись и подѣлили между собою привезенныя деньги. На столъ же Феничкѣ были брошены два куска московскаго линючаго ситцу, по двугривенному аршинъ, и было предложено самой пошить себѣ платья: да поскорѣй; «неравно женихи почуютъ и наѣдутъ!», а на тѣ деньги, сказано, наймется степь у балтинскаго винокура и прикупятся два десятка овецъ. И дѣло! Съ тѣмъ же дѣтскимъ рвеніемъ принималась горячо за иглу Феничка и въ три недѣли, между топкою печи, крошеніемъ лука, капусты и бураковъ, доеніемъ смурой коровы, поступившей исключительно подъ ея попеченіе, и ухаживаніемъ за отцомъ, который почти ежемѣсячно страдалъ послѣ запоя сильными приливами къ груди и удушьемъ,

сшила себѣ, по образцу оставшагося завѣтнаго зеленаго платья дешевенькое платье и нѣсколько передниковъ. Въ это время она порывалась нѣсколько разъ писать къ подругамъ, особенно къ одной мечтательной, съ золотыми кудрями, генеральской дочкѣ, Мери Кахновичъ, съ которою была очень дружна. Но некому было отвезти письма на почту, и она отложила письмо до другого времени.

Отецъ оправился. Наступилъ какой-то праздникъ. Съѣхались на хуторъ сосѣди, частію, чтобы навѣстить выздоровѣвшаго сосѣда, а частію, какъ надо было ожидать, чтобы посмотрѣть сосѣдскую дочку. И всѣ женихи, хотя немолодые, незнатные и некрасивые, а женихи въ околоткѣ хорошіе. Отставной юнкеръ Перепелица, вдовый винокуръ и заика Тюрюковъ, мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, съ разстроеннымъ желудкомъ, охотникъ до псовой травли, и самъ г. Горихвостовъ, когда-то бывшій въ университетѣ, когда-то учившій Феничку грамотѣ, а теперь совершенный пьяница и больше ничего. Этотъ бѣдственный «пропоица» Горихвостовъ, бывшій еще въ памяти всѣхъ ухарскимъ молодцомъ, ходившій и говорившій, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «съ кондачка», теперь, отъ запоя въ одиночку, впадалъ уже въ делиріумъ-тременсъ и представлялъ совершенную развалину. Онъ уже почти не отрезвлялся, хотя рѣдко терялъ самосознаніе и даже присутствіе какого-то особаго остроумія. Въ часы здоровья онъ ѣздилъ верхомъ на заѣзжихъ съ товарами жидахъ, стрѣлялъ въ нихъ, посредствомъ дворовыхъ людей, залпомъ изъ ружей, холостыми зарядами, обматывалъ ихъ, съ лошадьми и телѣгами, соломой и послѣ зажигалъ эту солому издали ракетами; запаивалъ всякаго, кто къ нему ни являлся изъ новичковъ, и съ тысячами другихъ проказъ слылъ притчею околотка. Послали-было къ нему года четыре назадъ, въ ту пору, когда онъ еще книги читалъ и ѣздилъ кое-куда, и говорилъ мѣтко и ядовито, и на человѣка походилъ, послали-было къ нему увѣщевать его заслуженнаго и уважаемаго всѣми помѣщика, знавшаго его еще ребенкомъ. Помѣщикъ, строгій и трезвый съ юношества, явился къ нему, не вѣря еще въ его порокъ. Войдя въ домъ Горихвостова, онъ засталъ странную картину: самъ хозяинъ полу-раздѣтый сидѣлъ на диванѣ, передъ нимъ на столѣ была дере-

ванная баклага съ водкой, а въ углу на стулѣ полулежала растрепанная Ѳеська, его экономка, тоже пьяная и въ слезахъ. При видѣ посѣтителя, хозяинъ всталъ и потерялся. Дѣтство, молодость, жизнь, университетъ, профессоры, товарищи, погубленная будущность — все передъ нимъ въ мгновеніе мелькнуло. Онъ жалко улыбнулся и, запахиваясь, долго не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ, сказалъ:

— Вотъ это, Акимъ Савельичъ, водка, а вотъ это — Ѳеська, а я пьянъ!

Ничто не помогло, и напрасенъ былъ заѣздъ увѣщевателя. Судьба Горихвостова окончательно была рѣшена: онъ гибъ, какъ многіе гибнутъ въ глуши деревень, жертвою праздности, лѣни и бездѣйствія ихъ окружающихъ.

Таковы-то были гости Ивана Григорьевича, завертывавшіе иногда изъ своихъ темныхъ и глухихъ норъ, изрѣдка раздѣлить съ нимъ и съ его сожительницей удовольствія питій и брашенъ. Нечего говорить, что всѣ они могли питать и дѣйствительно питали въ сердцѣ надежду поискать и получить въ обладаніе руки новоприбывшей красавицы Евфиміи Ивановны. Съѣхались они.

— Сударыня, позвольте! — отрапортовалъ первый изъ нихъ, юнкеръ Перепелица, злодѣйски подергивая усы и козыремъ подходя къ ручкѣ Евфиміи Ивановны.

— И—и мнѣ по-о-озвольте!—заикаясь, загудѣлъ толстый винокуръ Тюрюковъ, храпя и выставляя увѣсистый животъ.

Мелкопомѣстный дворянинъ Грѣхъ, робкій по болѣзни и застѣнчивый съ женщинами смолоду, не сходя съ мѣста, только отвѣсилъ издали поклонъ. А Горихвостовъ, въ качествѣ перваго учителя Феничкн, рѣшилъ доставить себѣ другое, болѣе дружеское привѣтствіе. Онъ на порогѣ еще разставилъ руки и сказалъ:

— Моя первая и моя послѣдняя ученица! Краса нашего края, роза долинъ и медъ утесовъ! сюда!—и протянулся къ ней съ объятіями. Феничка, перепуганная видомъ сальнаго сюртука и небритой бороды, попятилась-было назадъ и, жалобно присѣдая, поспѣшила уклониться къ притолкѣ двери, но Горихвостовъ не угомонился.

— Э-хе, нѣтъ, нѣ-ѣ-ѣтъ?? — заговорилъ онъ, — и прочіе гости поддерживали его знаками согласія: — такъ съ старыми дядьками не здороваются!

Феничка все еще медлила.

— Эхъ! дура жъ ты, дура, — подхватила мать и плюнула:—коли Петро Михайловичъ цѣлуется, то и цѣлуйся, съ такими можно; онъ нашъ! И хуторъ у него, дочка, хорошій, и всего вдоволь; и уже я къ вамъ заберуся, Петро Михайловичъ, и отвоюю у васъ на заводъ бычка! Дадите, Петро Михайловичъ, бычка на заводъ, изъ-подъ вашего смураго быка?

— Дамъ! не дать маменькѣ!—злодѣйски замѣтилъ Горихвостовъ и, разгладивъ усы, въ два пріема въ засосъ поцѣловалъ раскраснѣвшуюся Феничку. Хозяева засуетились съ обѣдомъ.

А за обѣдомъ господа гости показали, какого они поля ягоды. Съѣли борщъ; съѣли жаренаго поросенка. Выпили передъ борщемъ по первой, выпили послѣ поросенка по второй и третьей. Гости были крѣпче, а хозяинъ свернулся первый. Былъ онъ добръ и кротокъ отъ рожденія, у жены находился подъ башмакомъ, а хмельное дѣлало изъ него звѣря. Какъ напьется, и пойдетъ буянить, и все хочетъ показать, что онъ — первый въ домѣ и во всѣхъ дѣлахъ. Такъ случилось и тутъ. До этого дня онъ на дочку смотрѣлъ жалостливо и нѣжно и сбавлялъ ей работы у матери. А тутъ вдругъ показалось ему, что она брезгаетъ родителями, да и гостями. Хозяйка и дочь прислуживали.

— Не люблю я этихъ чортовыхъ бѣлоручекъ!—гаркнулъ неожиданно зловѣщимъ голосомъ Иванъ Григорьевичъ, смотря на дочку и покачиваясь.

— И я не люблю!—И я!—подхватили гости.

— А еще больше я не люблю, — продолжалъ хозяинъ, свирѣпѣя:—когда бабы забираютъ верхъ! Бабы! знай свое мѣсто, и баста! — и онъ ударилъ кулакомъ по столу, причемъ загремѣла посуда и у самой старухи-жены дрогнули руки. Феничка взглянула на отца и окаменѣла; она впервые почувствовала въ этой обстановкѣ приливъ какого-то необъяснимаго отчаянія и ужаса.

Басорскій опять ударилъ кулакомъ по столу и на этотъ разъ еще швырнулъ о земь миску.

— Слышь! дочка! подноси гостямъ и мнѣ водку!

Феничка, облокотясь о печку, стояла неподвижная и блѣдная, чуть дыша и не слыша словъ отца.

— Химко!—крикнулъ отецъ:—да развѣ ты ужъ не слышишь? Служи по гробъ твоей жизни! пас... — И онъ под-

нялся съ лавки, направляясь къ печкѣ и не слыша ногъ подъ собою. Горихвостовъ остановилъ его и разомъ усадилъ.

— Иванъ Григорьевичъ, не буянь; угомонись и не безпокой дочки; онѣ барышня деликатная, очень деликатная и не снесетъ позора! Чему васъ, барышня, учили, скажите? Учили васъ: «Печально я гляжу на наше поколѣнье?..» Феничка отвѣтила кое-какъ, шумъ увеличивался.

Подали водки. По слову отца, мать передала дочкѣ подносикъ, и та пошла разносить «очищенную». Потомъ по требованію гостей и отца, она дрожащимъ голосомъ, безъ аккомпанимента, спѣла какой-то романсъ, протанцовала тотъ танецъ, которому тамъ въ заведеніи ее учили. И когда всѣ уже лежали по лавкамъ, она вырвалась изъ хаты, безсознательно взобралась сперва по лѣстницѣ на чердакъ, потомъ, при взрывѣ хохота пирующихъ, пугливо сползла оттуда, удерживая платье, прошла дворъ, огородъ, и въ невыразимомъ страхѣ, блѣдная и трепещущая, забилась на сѣнникъ, ежеминутно ожидая кого-нибудь изъ приходящихъ въ себя посѣтителей.

«Въ жизнь мою,—говорила она впослѣдствіи:—я не воображала, чтобъ могла перенести такія муки и страданія, какія перенесла въ ту ночь, когда пробуждавшіеся собесѣдники до самой зари то начинали снова пить, то пѣли пѣсни, то выходили съ фонаремъ и свѣчами изъ хаты, лазили на чердакъ, шарили по двору, кричали пѣтухами и кликали меня среди ночной тишины».

Богъ вѣсть, оттого ли, что замѣтили отсутствіе дочки при гостяхъ, по другой ли причинѣ, только отношенія къ ней семьи выказались вскорѣ. Отецъ, проспавшись, также сталъ къ ней безразличенъ и болѣе сухъ, нежели строгъ. Но мать просто ее возненавидѣла. Миски, ложки въ мытье уже не подавались ей, а прямо швырялись. Слова «бѣлоручка», «барышня», «недотрога» и «гордячка» не сходили у злобной бабы съ языка. Съ утра до поздней ночи она, какъ говорится, уже просто грызла свою дочку. Стоило Феничкѣ задуматься о чемъ-нибудь, она сейчасъ зашипитъ: «ну, о чемъ задумалась? все о городскихъ женихахъ?.. Какъ же, жди ихъ! Такъ и кинутся на дрянь!»—Стоило дочкѣ съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ, выйдя на порогъ, проговорить, хотя бы это былъ мѣщанинъ, мать сей-

часъ опять: «вонъ она, вонъ. Хорошихъ минуетъ, а съ побродягами нюхается! Что же? Мнѣ за тебя топиться въ рѣчкѣ, что ли, какъ пойдетъ про тебя худая молва?»

Сначала дочка плакала, потомъ привыкла; тяжела была ея жизнь. Изъ скупости и затаенной злости на дочку, мать не брала работницы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Изъ уѣзднаго города ѣхалъ какъ-то на хуторъ Басорскаго уѣздный лѣкарь, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-восьми. Давно уже ходили по околотку слухи о тяжеломъ положеніи дочери въ семьѣ Басорскаго. Теперь лѣкарь ѣхалъ потому, что, какъ его увѣдомили, «панночка Химка» ходила на рѣку, въ прорубь, за водой, да надѣла башмаки на босу ногу, простудилась и уже третій день лежитъ въ огнѣ и бредитъ.

Лѣкарь засталъ ее въ горячкѣ. Прогналъ отъ нея всякихъ бабъ и знахарокъ, шептавшихъ надъ нею съ утра, какъ надъ покойницей, употребилъ всѣ средства, искусствомъ и удачей произвелъ переломъ въ болѣзни, объявилъ, что она спасена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раструбилъ по всей окрестности и въ городѣ о ея дивной красотѣ и вполнѣ безпомощномъ, среди семейства, положеніи. Слова его не пропали даромъ.

О дочкѣ Басорскаго заговорили. Но больше всѣхъ, разумѣется, говорилъ о ней лѣкарь.

— Это, вы не повѣрите... это сущій перлъ, перлъ! — говорилъ онъ:—вообразите! въ сильнѣйшей бѣдности, въ нищенствѣ, и что же бы вы думали? Красавица, сущая красавица, какихъ свѣтъ не создавалъ! Я не взялъ за ея лѣченіе ни одной копейки денегъ! Ну, да этого ли одного она стоитъ!

Дамы ахали, пищали, передавали по двадцати разъ иначе всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ вѣсть о «перлѣ», найденномъ въ грязи ихъ «мизернаго уѣзда», и занялись снова, какъ и губернскія дамы, отрадною для самолюбія мыслью-выниманія «того перла изъ грязи».

Молодой лѣкарь, за красоту бакенбардъ и орлиный носъ носившій въ ихъ сокровенныхъ бесѣдахъ имя Сашки, выигралъ при этомъ въ общемъ мнѣніи на сто процентовъ. «Какъ! ѣздить въ стужу и метель за столько верстъ въ глушь, на хуторъ, вылѣчить, можно сказать, чудомъ, и ничего не взять! это непостижимо; это—ангелъ-благодѣтель,

изрѣдка только посѣщающій міръ и въ рѣдкіе случаи прикрывающій его крыломъ снисхожденія и безкорыстія».

II

«Благодѣяніе у насъ — это по-моему что-то среднее между ханжествомъ и отъявленнымъ взяточничествомъ, одна изъ ступеней, черезъ которыя идутъ къ хорошей карьерѣ».

Изъ одной передовой статьи.

Былъ вечеръ. Феничка значительно оправилась, но еще блѣдная и слабая, въ хорошенькой блузѣ, сшитой собственными руками, лежала въ своей комнаткѣ на кроваткѣ, полузавѣшанной старымъ ситцевымъ пологомъ. Свѣчка горѣла на притолкѣ высокой печи, освѣщая уголъ кровати, подушки, сундукъ, прикрытый коврикомъ, и вещицы Фенички на столѣ и на окнѣ: банки съ помадой и духами, гребенки, ножницы, рабочій ящичекъ, сочиненія Жуковскаго и Муравьева и нѣсколько туалетныхъ бездѣлушекъ, память школьнаго времени, пощаженныхъ еще матерью и отцомъ. Феничка полулежала, окутавъ ноги одѣяломъ и опершись спиной о груду подушекъ. Распахнувъ ленты бѣлаго, хорошенькаго чепчика на головѣ, она опустила усталую руку и смотрѣла на дверь. Дверь отворилась. Вошелъ лѣкарь.

— Что, Яковъ Антоновичъ, гдѣ вы были?

— У вашего батюшки; спорилъ все и убѣждалъ его.

— Въ чѣмъ это?

— Да все въ томъ же. Ну, съ чѣмъ это сообразно! Развѣ вы на то созданы, чтобъ на босу ногу ходить, да простужаться? Сгоряча-то вы и не то сдѣлать можете; да что же изъ того! Вѣдь наймитесь вы, поступите съ вашимъ обученіемъ куда-нибудь, такъ и вы сами будете спокойны, и работницу наймете домой. Эка уважительная причина: мыть кадки, обѣдъ стряпать, коровъ доить! Да на это нужно какую-нибудь Матрену въ пятнадцать пудовъ вѣсомъ, а не васъ!..

— Я думала лично присмотрѣть за стариками.

Лѣкарь засмѣялся.

Феничка повернулась въ подушкахъ и вздохнула.

— Яковъ Антоновичъ!

— Что-съ?

— Вы давно въ городѣ были?

— Вчера.

— Ну, какъ тамъ? очень весело?

— Извѣстное дѣло: святки, отплясываютъ, катаются, обѣды задаютъ, влюбляются...

— А вы влюблены?

— Я-то?

Феничка кивнула ему головой и, улыбнувшись, стала съ подушки пристально смотрѣть на него. Лѣкарь поправилъ золотыя очки, тревожно оглянулся по комнатѣ и, припавъ къ кровати, полушопотомъ произнесъ:

— Я васъ давно люблю, крѣпко люблю... А ты меня, Феня, любишь?

Евфимія Ивановна на это неожиданное признаніе сперва-было откинулась къ стѣнѣ. Но лѣкарь очень ловко схватилъ ее за руку. Какъ видно, онъ въ этомъ былъ уже довольно опытенъ.

— Скажите же мнѣ... Скажи мнѣ, ты меня любишь?

И онъ опять поправилъ золотыя очки.

Оттого ли, что Феничка въ свою болѣзнь успѣла его оцѣнить и полюбить, оттого ли просто, что, благодаря замкнутости и непрактичности своего воспитанія, она составила въ головѣ самыя дикія, неестественныя и отвлеченно-туманныя понятія о человѣкѣ и о любви, и теперь, какъ это случается сплошь да рядомъ, кинулась съ своею любовью и невинностью къ первому попавшемуся мужчинѣ,—только прошло нѣсколько дней, и Феничка уже отвѣчала пожатіемъ на пожатіе руки лѣкаря, и уста ихъ, какъ говорилось въ романахъ г. Воскресенскаго, наконецъ, слились въ безконечный поцѣлуй...

Нечего прибавлять при этомъ, что матушка въ означенное время лежала безъ ногъ, а батюшка былъ въ отсутствіи. Лѣкарь очень поздно, почти на зарѣ, уѣхалъ съ хутора въ городъ.

— Да вы, мамочка, да ты, душка, скажи мнѣ,—говорилъ онъ, сладко разставаясь съ больною:—скажи мнѣ по-правдѣ: хочешь, я устрою твою судьбу и вовѣки тебя не оставлю?

Феничка въ томленьи смотрѣла на него и не медлила отвѣтить:

— Яковъ Антоновичъ! Отнынѣ судьба моя въ вашихъ рукахъ. Что вы мнѣ скажете, то я и сдѣлаю; убѣжимъ хоть на край свѣта!

— Ну, на край свѣта нечего бѣжать. А вотъ что! Есть у меня одна пріятельница, дамочка, тутъ верстахъ въ семнадцати живетъ. Я не то, что у нея домашній врачъ, хотя прежде ее и лѣчилъ, а она, собственно, въ меня влюблена; ну, я попрежнему къ ней изъ жалости и ѣзжу. У нея два мальчишки сына, одному семь, а другому восемь лѣтъ, и она ищетъ гувернантки. Домъ отличный, и она сама—божество доброты и любезности. Хотите... хочешь, я тебя туда пристрою? цѣлковыхъ триста въ годъ дастъ, и къ тому же платье и все готовое!

Феничка вздохнула.

— Ахъ, Яша, я одного боюсь: ты меня тамъ при ней ужъ не будешь такъ любить!

— Какъ можно! Тамъ-то и легко, тамъ-то мы и будемъ видѣться. У нея дремучій садъ... Я къ ней постоянно по пятницамъ и по понедѣльникамъ ѣзжу, подъ предлогомъ золотухи у старшаго сына. А цѣлковыхъ триста навѣрное дастъ. Я ужъ устрою.

Условія приняты. Старикъ и старуха Басорскіе были уговорены, со слезами и причитаньями отпустили дочку, говоря, что хоть и жалко имъ такъ остаться на дряхлости безъ опоры, и она уже дѣвка на выданіѣ, и женихъ есть, ну, да Богъ съ ней, пусть идетъ въ добрые люди хлѣбъ добывать, авось и ихъ не забудетъ. При переѣздѣ дочки къ госпожѣ Черпаковской, батюшка съ матушкой не забыли, однако, взять впередъ деньги за полгода и конфисковали еще часть ея бѣлья, кое-что изъ новаго платья и шубку, ссылаясь на то, что коли барыня добрая, то и нашьетъ ей всего этого.

Барыня, дѣйствительно, была добра. Приняла она Феничку по первому слову доктора. Увидя ее, тревожно оглянула ее съ ногъ до головы и, тутъ же посмотрѣвъ на себя и на свои красы въ зеркало, успокоилаеь и сказала съ улыбкой:

— Очень рада, моя милая; только какъ вы худы и блѣдны!

Въ этомъ замѣчаніи слышалась невольная радость. Яковъ Антоновичъ, какъ увѣрялъ ее не разъ, любилъ полныхъ и аппетитныхъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія и разспросовъ о родителяхъ, Лукерья Романовна Черпаковская, имѣвшая красное въ пятнахъ лицо, какъ у голландскаго матроса, и сѣдоватые усы на верхней губѣ, встала съ дивана, отряхнулась, сказала:—«а вотъ мы теперь и за урокъ!»—и поплыла въ волнахъ юбокъ въ отведенную гувернанткѣ комнату.

Мальчишки были представлены гувернанткѣ съ книгами, очиненными карандашами, перьями за ухомъ и перепачканными пальцами и куртками. Феничка, затянутая въ бѣлое кисейное платье, сшитое тайкомъ отъ матери на часть задатка помѣщицы, сѣла, облокотила о столъ блѣдныя, еще худощавыя руки и съ тревожнымъ біеніемъ сердца, чуть шевеля губами, начала урокъ. Старшій, золотушный Миша, предсталъ первый.

— Вы заповѣди учили?

— Учили; и еще дальше, еще *Вѣрую*.

— Ну, какая пятая заповѣдь?

Ученикъ запнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этой не училъ, а училъ только вотъ до сихъ поръ! — И онъ ткнулъ грязнымъ пальцемъ въ перепачканную и чуть живую страницу.

— Да, они только до сихъ поръ учили!—замѣтила мать, слѣдившая первый урокъ съ тревожнымъ любопытствомъ.

Выступилъ Коля съ голубыми глазами на выкатъ, какъ два стеклянныхъ яйца. Этотъ уже просто оказался способнымъ болѣе ковырять въ носу и глядѣть по сторонамъ, чѣмъ слышать и понимать что бы то ни было въ урокѣ. Онъ тутъ же устремилъ все свое вниманіе на муху, ожившую гдѣ-то за печью и начавшую перелетать то на плечо учительницы, то на гребень въ ея волосахъ, то на песочницу и изрѣзанную книжку географіи. Три раза гувернантка спросила, сколько дважды три, и потомъ, какой главный городъ въ Россіи. Мальчикъ почесался за спиной, переступилъ съ ноги на ногу, и вдругъ носъ его началъ безъ видимой причины сопѣть.

— Ахъ, чуть ли и у него не золотуха!—сказала съ нѣжностью мать и заставила его высморкаться въ собственный свой платокъ, поцѣловала его и ушла, сказавъ учительницѣ:—душенька, вы его берегите и поменьше мучьте уроками; онъ мнѣ напоминаетъ своего отца!—Послѣднія слова сказаны были по-французски.

Урокъ былъ вскорѣ конченъ, оставивъ въ мысляхъ Фенички одну пустоту и невыразимую скуку. Она ясно видѣла, что битва съ головами ребятишекъ стоитъ любой битвы жизни, но еще болѣе видѣла она, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго призванія и способности къ наукѣ обученія, что сама она еще дитя, которому надо учиться, и что, нако-

нецъ—увы!—и это самая горькая истина—въ эти два года изъ ея головы вылетѣли всѣ книги и тетрадки, вызубренныя ею въ заведеніи, до того, что она сомнѣвалась, ужъ училась ли она когда-нибудь этимъ книжкамъ и тетрадкамъ, и, задавая какой-нибудь вопросъ ребенку, она съ тревогою думала: «а что, какъ онъ возьметъ у меня изъ рукъ книгу, закроетъ и скажетъ: а ну-ка, не смотря туда, сами отвѣтьте, когда основанъ Римъ, сколько было въ древности патріарховъ и кто взошелъ на русскій престолъ послѣ Іоанна Калиты?»

Яковъ Антоновичъ Семереньковъ, лѣкарь, попрежнему ѣзжалъ къ Черпаковской и заставалъ Феничку за уроками. Наступила весна; кругомъ чирикали птички. Воздухъ былъ точно напоенъ паромъ молодого вина. Жилки на вискахъ Фенички бились усиленно. Въ ушахъ былъ звонъ, въ сердцѣ неизъяснимая томительная тревога. Въ то время, какъ ученикъ передъ нею рапортовалъ скороговоркою: «Попрыгунья стрекоза лѣто цѣлое пропѣла... Ты все пѣла, это дѣло, такъ поди же—попляши!»—Семереньковъ сбоку нашептывалъ, то по-русски, то по-французски:

— Вотъ и хорошо, и мило, жизненочекъ, что вы тутъ, и мы съ вами видимся! А то, въ самомъ дѣлѣ, вздумали разыгрывать положеніе малютки, который «Велизарію шлемъ нося, просилъ для Бога пищи лишь дневныя!» Теперь и батюшка вашъ сытъ, и мы неразлучны; пойдемте въ садъ!

Миша съ Колей усылались посмотрѣть, гдѣ мамаша, а докторъ съ гувернанткой, пока она возилась въ кладовой, закрывали урокъ и шли въ садъ собирать цвѣты. Вообще же Черпаковская мало подозрѣвала Якова Антоновича и была совершенно спокойна. Такъ прошло три или четыре мѣсяца. Иногда она съ гувернанткой пускалась даже въ сокровенныя объясненія.

— Ахъ, ма-шерчикъ, — говорила она, оправляя передъ зеркаломъ къ пріѣзду Семеренькова на своемъ плотномъ станѣ какую-нибудь новую шнуровку или платье: — я чувствую... я предполагаю, по нѣкоторымъ признакамъ, по таліи, что я буду скоро счастливѣйшая женщина.

Феничка на это только молча и нѣжно припадала къ ея плечу. Барыня не замѣчала, что сама перешиваетъ платья отъ жиру, а у гувернантки, наоборотъ, появляются безъ причины, ежедневно, то головокруженіе, то тошнота, то быстрые переходы отъ веселья къ слезамъ и особенная блѣдность лица.

Сидѣла какъ-то передъ вечеромъ Черпаковская на крыльцѣ въ садъ, съ сосѣдкою по имѣнію, госпожею Чуланчиковою, слывшею первою особою въ кругу благотворителей и благотворительницъ уѣзда и даже губерніи. Дѣти съ гувернанткой и лѣкаремъ пошли рвать къ пруду ежевику. Черпаковская, на языкѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не хотѣла уступить сосѣдкѣ въ дѣлахъ добра, и потому теперь обѣ барыни просто надсѣдались, хвастая своими поступками.

— Вы не повѣрите, ахъ, вы не повѣрите' —говорила госпожа Чуланчикова, богомольная помѣщица, взростившая у себя какую-то сироту-племянницу:—какое счастіе оказать благодѣяніе! Я моей Фросинькѣ ничего не жалѣю; теперь ее выдала за хорошаго человѣка, за гусара, и все ей откажу— и Марьевку, и Дарьевку, и Коростели. Я же, бѣдная вдова, умру какъ-нибудь; авось она меня на старости не покинетъ...

Фросинька, дѣйствительно, вышла замужъ. Но мужъ въ первыя же сутки узналъ, къ сожалѣнію, что она больна неизлѣчимою падучею, что было скрыто тетушкой-благодѣтельницей. Судьба этой Фроси, замѣтимъ кстати, разыгралась впослѣдствіи очень грустно: падучая навредила во время родовъ: она умерла, оставивъ чахоточнаго сына. Чуть племянница закрыла глаза, тетушка тонкимъ образомъ выпроводила гусара-мужа ея изъ деревни, сказавъ, что она обѣщала сдѣлать счастливою племянницу, а не его, и взяла на попеченіе новорожденнаго. Съ нимъ началась та же исторія. Она выходила его чуть не въ хлопкахъ, трубя всѣмъ о своихъ пожертвованіяхъ, и выростила въ качествѣ своего наслѣдника. Мальчикъ, мѣняя въ годъ, черезъ безалаберность вздорной бабы, по три, по четыре пансіона, вышелъ, наконецъ, съ поползновеніями пожить тепло, поѣсть сытно и прожить вѣкъ, сложа руки и ничего не дѣлая, какъ наслѣдникъ 3,000 десятинъ. И что же? Благодѣтельница умерла. Вскрыли завѣщаніе—она отказала все свое имѣніе, бывшее благопріобрѣтеннымъ черезъ мужа, какому-то стряпчему Фролу Терентьевичу Балаболкину, о которомъ прежде и помину не было, съ тѣмъ, чтобы тотъ имѣніе распродалъ и деньги за него роздалъ бѣднымъ... Многіе эту госпожу за такое поведеніе возславословили. Но круто пришлось сиротѣ-наслѣднику: кинулся онъ туда-сюда—ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ. Вспомнилъ объ отцѣ, котораго ни разу не видѣлъ. Совѣстно, видно, стало уже идти къ нему за ми-

достыней, онъ и повѣсился у могилы всѣми оплакиваемой бабушки.

Но этого еще не было, когда шли событія нашего разсказа, и благодѣтельная выдача замужъ племянницы за гусара была еще въ сильномъ ходу у сосѣдки Черпаковской.

— Я вотъ тоже, — замѣтила послѣдняя на хвастливую обмолвку сосѣдки:—я тоже пристроила у себя одну сироту, Яковъ Антоновичъ рекомендовалъ. Такая тихая, знающая... мамзель Басорски...

Съ этими словами глаза Черпаковской, устремленные въ садъ, неожиданно обратились къ окну въ гостиную, и она тревожно насторожила уши. Ей показалось, что черезъ гостиную, изъ комнаты гувернантки, раздался затаенный смѣхъ и кашель.

— Да, подите вы! — говорила сосѣдка: — одна Марьевка моя чего стоитъ, да Дарьевка, а о своихъ заботахъ я и не говорю...

Смѣхъ сталъ явственнѣе. Черпаковская вскочила, какъ съ огня, выпрямилась и быстро пошла черезъ гостиную. И что же представилось ея взорамъ?—Феничка сидѣла, обнявшись съ молодымъ эскулапомъ, и послѣ неосторожнаго веселаго смѣха о чемъ-то, готовилась уста свои и его слить въ новый безконечный поцѣлуй... Боже мой, что произошло при этомъ!

— Какъ? такъ для этого я тебя, дрянь-мерзавка, пригрѣла, чтобъ ты шуры-муры тутъ заводила!? Вонъ!..

Феничка выскочила на крыльцо, въ чемъ была. Ее посадили въ какую-то телѣгу и умчали въ городъ. А лѣкарь потерпѣлъ еще болѣе. Сосѣдка Чуланчикова увѣряла, крестясь и отплевываясь, что своими глазами видѣла, какъ Черпаковская выбѣжала вслѣдъ за нимъ простоволосая, съ упавшимъ на спину чепцомъ, и гнала его черезъ дворъ и часть улицы, не то метлой, не то кочергой, ударяя по чемъ ни попало. Скандалъ былъ произведенъ общій, и всѣ надолго, чуть ли не на годъ или болѣе, оставили посѣщать домъ Черпаковской...

Но странное дѣло! Лѣкарь опять при этомъ выигралъ. Молодая часть мѣстнаго общества, падкая на романическіе случаи, рѣшительно стала на его сторону. Онъ до того возвысился въ общихъ толкахъ, что пріобрѣлъ значительно въ практикѣ и уже пріѣзжалъ въ каждый домъ не иначе, какъ съ улыбкой. Одно вредило ему у мѣстной власти, носившей

чинъ городничаго и падкой до мистицизма: онъ все отнѣкивался жениться на Феничкѣ Басорской. Хотя первые два мѣсяца онъ даже давалъ ей кровъ, пищу и спокойствіе, у одной вдовы мѣщанскаго сословія, подъ видомъ того, что черезъ него она «невинно пострадала», однакоже, умѣлъ ловко обойти этотъ щекотливый для себя вопросъ, на Феничкѣ не женился, остался также уважаемымъ и любимымъ всѣми, и даже, перечислившись въ губернскую больницу, сталъ съ успѣхомъ свататься за дочку зажиточнаго купца.

А Феничка? — Некому было за нее вступиться. Къ отцу и къ матери она боялась показаться въ такомъ положеніи и рѣшилась, послѣ ряда жгучихъ сценъ съ лѣкаремъ, прибѣгнуть къ другой обывательницѣ уѣзднаго города, знавшей ее прежде, и бросивъ окончательно лѣкаря, послала ему обратно всѣ его вещи и подарки, платья, часы, шляпки, мебель и ковры. Семереньковъ все это принялъ съ благодарностью и написалъ къ ней съ посланнымъ, что она еще забыла возвратить ему двѣ голландскія рубашки, вышитыя кружевами, а что онѣ ему нужны при отъѣздѣ въ губернскій городъ.

Городская обывательница, пріютившая Феничку, была тихая труженица. Вдова покойнаго учителя русской словесности и штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, она происходила изъ сословія мѣстныхъ крѣпостныхъ людей, познакомилась съ покойнымъ мужемъ, будучи по найму въ купеческомъ домѣ, полюбилась ему за румянецъ щекъ, густоту темной косы, полноту плечъ, и черезъ два года истинной любви обвѣнчалась съ нимъ и до конца его дней сохранила при немъ ту же неподдѣльную доброту души, мягкость нрава и силу непритворной любви. Этотъ учитель былъ чудакъ. Перейдя изъ гимназіи къ сану педагога, онъ предался непомѣрной честности въ исполненіи долга и писанію стиховъ. Составивъ книжонку лирическихъ пѣсенъ, онъ отпросился на вакансіи въ губернскій городъ, тиснулъ ее и послалъ въ Петербургъ, при письмахъ къ двумъ журналистамъ.

Одному, бывшему уже въ большомъ чинѣ, имѣвшему теплую квартиру и значительный доходъ, онъ написалъ по его печатному адресу простодушно-льстивое письмо, прося похвалъ и прилагая письмо къ другому журналисту, безчиновному бѣдняку и кумиру тогдашней молодежи, говоря'

[redacted]

что не знаетъ, куда ему писать. Чиновный журналистъ, какъ и слѣдовало ожидать, расхвалилъ уѣздную музу, сказалъ, что восходитъ новая звѣзда поэзіи, привелъ нѣсколько жалкихъ отрывковъ изъ книжки и тутъ же прибавилъ, въ обращеніи къ дамамъ, что его знаетъ вся Россія, знаютъ даже, гдѣ онъ живетъ, а что есть люди опасные въ литературѣ, къ которымъ онъ хотя по порученію и относится, но съ ними не знается. Журналистъ-бѣднякъ пролилъ на книжку всю свою желчь, называлъ автора чистѣйшею бездарностью и съ увлекательно-жгучею откровенностью во всеуслышаніе взывалъ къ сочинителю, напоминая ему о долгѣ жизни, о правдѣ и о положительной любви къ ближнимъ.

Учитель бросилъ печатать, зарылся оскорбленный, сгорая отъ стыда, въ свои дѣла и въ десять лѣтъ успѣлъ сдѣлать столько для училища, сколько передъ нимъ не сдѣлали другіе въ сорокъ лѣтъ. Мальчики его боготворили. Не было и съ его стороны дня и минуты, когда бы онъ съ благоговѣніемъ не произносилъ имени строгаго критика. Послѣднюю копейку тратилъ, скупая журналъ, гдѣ онъ печатался, и вырывая оттуда его статьи; каждаго заѣзжаго морилъ разспросами о человѣкѣ, убившемъ его литературныя дѣтскія надежды и сдѣлавшемъ изъ него человѣка. Зато журналистъ-хвалитель, разоблаченный однимъ студентомъ, привезшимъ въ тотъ уголъ всѣ пасквили на него, писанныя отъ вдохновеннаго пера Пушкина до послѣдняго изъ поэтовъ молодого поколѣнія, сталъ для него чѣмъ-то неисчерпаемо позорнымъ, дикимъ и гадкимъ. Послѣдній мальчикъ въ школѣ уже зналъ въ настоящемъ свѣтѣ это имя, и даже сама Глаша, сожительница учителя, въ толкахъ о какой-нибудь уѣздной гадости, ссылалась на позорное имя этого журналиста.

Библіотека учителя наполнялась свѣтлыми созданіями духовныхъ дѣтей Пушкина и Гоголя. Онъ жадно слѣдилъ за наукой и поэзіей. Читая передъ смертью тоже почти предсмертную критическую поэму своего любимца, гдѣ мелькнули огненныя слова: «если мы сойдемъ съ поприща свѣта, одно насъ утѣшаетъ — литература русская бросила путь болѣзненнаго романтизма, побрякушекъ и всякихъ непризнанныхъ геніевъ и пошла по пути другому, гдѣ уже мерцаетъ свѣточъ истины и добра», — бѣднякъ уронилъ книгу, заплакалъ и, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «ахъ,

Глаша! все хорошо да жутко мнѣ умирать—пусть онъ меня корилъ; да за что этотъ-то меня хвалилъ? Вѣдь онъ хвалилъ только подобныхъ себѣ!»

Феничка видѣла этого учителя у Черпаковской и была очарована его особенною, задушевною рѣчью.

Теперь она явилась къ его вдовѣ, потому что та оставалась безъ куска хлѣба, жила уже второй мѣсяцъ, распродавая книги покойника, которыхъ, между тѣмъ, никто не хотѣлъ брать, и начавъ съ горя заниматься повивальнымъ искусствомъ. Феничка скрыла свои слѣды отъ отца и матери и явилась, привезя съ собою только ящикъ съ необходимою одеждой и даровыми школьными книгами. Она условилась съ Глафирой Ивановной брать работу и шить, а та продержитъ ее, пока ей можно будетъ снова явиться въ свѣтъ. Горестны были дни этихъ двухъ страдалицъ. Работы почти не отыскивалось, и по цѣлымъ днямъ иной разъ онѣ сидѣли безъ куска хлѣба. Наконецъ, какъ-то въ февралѣ, священникъ въ комнаткѣ Глафиры Ивановны окрестилъ новорожденную дѣвочку, дочь Фенички, думавшей еще такъ недавно, что любовь кончается одними поцѣлуями и что новорожденныхъ дѣтей находятъ въ огородахъ, подъ лопушкомъ,—благословилъ спасенную мать и отъ неизвѣстнаго—это былъ онъ самъ—оставилъ на зубокъ ребенку десять рублей серебромъ.

Нищета двухъ сожительницъ перешла всякій предѣлъ. А языки работали: Глафиру Ивановну уѣздныя сплетницы ненавидѣли за покойнаго мужа, ученаго гордеца, не шедшаго къ нимъ съ поклономъ, а Феничку ежедневно распинали просто изъ какого-то дилетантизма.

Священникъ попытался-было съѣздить къ уѣздному предводителю, съ предложеніемъ открыть для несчастной Басорской подписку; куда тебѣ! Насилу ноги унесъ. Было натолковано тутъ и о попранной нравственности уѣзда; и о соблазнѣ окружающихъ, и чуть не затѣяли бѣдную постоялицу Глафиры Ивановны предать суду. Прибавлять ли еще къ этому, что мать и отецъ Фенички притащились къ ней, сдѣлали жалкую, воніющую сцену и прокляли ее... Съ той поры входъ для нея, въ качествѣ гувернантки, былъ закрытъ во всѣ дома уѣзда и губерніи.

Добрая Глаша просто убивалась и таяла отъ того, что у нея не покупали библіотеки покойнаго мужа.

Но крѣпко держалась душа у одной Фенички. Кое-какъ перебиваясь, она продала все, что имѣла, послѣднія вещицы и бездѣлушки, платье и сочиненія Муравьева, но съ Пушкинымъ, найденнымъ въ библіотекѣ мужа хозяйки, не разставалась. Въ немъ для нея олицетворялась та нравственная жизнь, тотъ свѣтъ науки и мысли, которыми она запаслась, хотя не скоро, вершками и одними намеками, въ заведеніи. Тутъ только она поняла, что какъ ни страшно-тяжело, какъ ни убійственно было ея положеніе, она готова была умереть голодною смертью, но не отдала бы своихъ, даже мелкихъ знаній за тотъ жирный и барскій покой, которымъ пользовались окрестныя тупоумныя и безголовыя барышни.

Она плакала горькими слезами, проклинала ту форму, въ какой пришла къ ней наука, тѣ пріемы, гдѣ она не приняла знанія ни свѣта, ни людей, и пала, обманутая первымъ негодяемъ, — но не роптала на себя за науку. Наука пробудила въ ней въ горькую минуту дремавшую природу, самосознаніе проникло въ душу и сердце, она съ замирающимъ восторгомъ ухватилась за чтеніе обширнаго собранія книгъ покойнаго мужа Глаши, погружаясь по мѣрѣ чтенія въ какія-то особенно крѣпкія, гордыя и насмѣшливо-торжествующія грёзы. Ни днемъ, ни ночью уже не покидалъ ее поэтъ, который говорилъ, сходя съ поединка за честь и свое сердце въ преждевременную могилу:

«Но долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ!»

Между тѣмъ, перепала кое-какая работа отъ пріѣхавшей судиться съ сосѣдкой одной барыни-франтихи.

Феничка оправилась и уже ходила. Долги въ мучной лабазъ и въ лавки кое-какъ были заплачены.

Попыталась Феничка предложить барынѣ свои услуги учительства дѣтей ея на отъѣздъ, въ другое имѣніе барыни, за три губерніи далѣе, чтобы забыть и память своего околотка. Барыня сказала, что подумаетъ, и черезъ недѣлю, уѣхавъ въ спокойномъ дормёзѣ, отказала записочкою на раздушенной бумажкѣ.

Въ запискѣ говорилось, что она не понимаетъ, какъ мамзель Басорская рѣшилась предлагать ей свои услуги, послѣ того, что съ ней было, о чемъ весь городъ и въ особенности супруга судьи знаетъ, и какъ ея присутствіе по-

дѣйствуетъ на неопытныхъ крошекъ-дѣтей, когда на жизни ея лежитъ тяжелое, несмываемое преступленіе. Въ заключеніе совѣтовалось сходить въ Кіевъ на богомолье.

Феничка, прочтя это посланіе, невольно призадумалась.

III.

«Сударыня! у васъ еще не все погибло. Смотрите, еще у васъ есть благотворительныя особы, жаждущія вамъ помочь!»

Изъ увѣщательнаго письма одного филантропа-чиновника.

Прошелъ тяжелый, горькій годъ. Кое-какъ промаявшись, прожила Феничка. Она съ отчаянія давно уже была готова на все махнуть рукой. Въ этотъ годъ нѣсколько мѣсяцевъ стоялъ въ городкѣ одинъ кавалерійскій полкъ. Общество оживилось, зашумѣло. Пошли собранія, вечеринки, катанья за городъ. Дамы разорились, справляя визитныя платья и стараясь затереть нарядами полковыхъ дамъ. Феничка, не покидавшая иглы, не слишкомъ, однакожъ, поддавалась любезностямъ кавалеристовъ, сразу отыскавшихъ въ темномъ окошечкѣ глухого переулка ея картинное личико. Офицеры просто дежурили у переулка, гдѣ она жила, сѣти были разставлены ловкія. Ничто не щадилось, даже Глаша явилась какъ-то съ запасами всякихъ снадобьевъ для дома, съ парою ситцевыхъ кусковъ на платье и заячьимъ мѣхомъ на шубу, увѣряя, что прислали родичи изъ ихняго выселка, и стала посматривать на Феничку глазами, пылавшими соблазномъ и особенною улыбкою. Феничка ее разбранила и привела въ слезы. По отходѣ полка, городскія барыни, дѣйствительно, указывали на Феничку, которая изъ-за угла, въ платочкѣ, смотрѣла, какъ выѣзжали офицеры. Но опредѣленнаго ничего не было, и язвительныя догадки далѣе не шли.

Но вотъ терпѣніе Фенички лопнуло. Работы опять истощились. Глафира Ивановна свела дружбу съ какимъ-то становымъ и собиралась переселиться къ нему въ участокъ, въ качествѣ няньки его сиротъ. Феничка ударилась-было еще съ предложеніемъ гувернантки въ два-три мѣста. Ей отказали и она рѣшилась прибѣгнуть къ памяти своихъ былыхъ подругъ. Съ замирающимъ сердцемъ сѣла она, написала три письма: одно къ княжнѣ *Раисѣ Волжковской*

написавшей ей когда-то кровью изъ пальца клятвенное обѣщаніе помочь ей въ случаѣ нужды; другое къ *Мери Кахновичъ*, учившей ее когда-то шить broderie anglaise и бывшей дочерью значительнаго чиновника Рязанской губерніи, и третье къ *Пашенькѣ Булавеньевой*, хотя тоже бѣдной дочери учителя рисованія при родномъ ей заведеніи, но важной потому, что она предполагала жить гувернанствомъ и могла узнать поэтому хорошія мѣста.

«Душечка Раичка, или нѣтъ — ваше сіятельство, Раиса Владиміровна!—начиналось письмо къ первой:—вспомните нашу дружбу, наши мечты, грёзы, клятвы и обѣщанія. Теперь пришелъ случай взывать къ вашему милосердію: я въ крайней нищетѣ. Денегъ мнѣ не нужно, но умоляю пріискать въ вашей окружности мнѣ мѣсто учительницы при дѣтяхъ или компаньонки въ семейномъ домѣ. Условія какія угодно; лишь бы мнѣ избавиться отъ нищеты, не скрою, угрожающей даже голодною смертью».

Второе письмо говорило: «Меричка! помнишь, какъ я за тебя рѣшила задачу изъ математики и написала сочиненіе по-нѣмецки. Теперь требую и отъ тебя помощи: попроси твоего отца, который, кажется, статскій генералъ и служитъ въ столичной уголовной или гражданской палатѣ, пріискать мнѣ мѣсто. Я сейчасъ пріѣду».

Въ третьемъ повторялось почти то же самое, съ прибавленіемъ только просьбы поклониться старому отцу Пашеньки, Петру Ѳедотычу, который, кажется, писавшую любилъ и всегда ей ставилъ за рисунки пять.

На первое письмо пришелъ отвѣтъ черезъ восемь мѣсяцевъ. Княжна писала смѣсью французскаго съ англійскимъ языкомъ, говорила, что за ней ухаживаетъ тьма жениховъ, что она у дяди, на Вислѣ, живетъ въ богатѣйшемъ зàмкѣ, что носитъ такіе-то и такіе-то наряды, а что въ модѣ, впрочемъ, много шелку и бархату; просила Феничку завернуть къ ней когда-нибудь погостить, а чтобы, впрочемъ, она не хандрила (слово поставлено русское французскими буквами: не khandrilla) и сама влюбилась въ какого-нибудь хорошенькаго улана или кирасира. Княжна совершенно не поняла письма и просьбы Фенички.

На второе письмо отвѣтила не сама Мери Кахновичъ, а ея папенька, статскій генералъ, и отвѣтилъ съ отмѣнною

аккуратностью, въ первую же почту:—«Милостивая государыня, Евфимія Ивановна! Ваше почтеннѣйшее письмо застало мою Машеньку ужъ въ замужествѣ, за коллежскимъ совѣтникомъ Веденѣевымъ. Да на сіе замѣчу, что она вамъ и не отвѣтила бы и я ее отнюдь къ тому бы не допустилъ. Ваша исторія съ докторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Семереньковымъ, здѣсь также оглашена. Вамъ остается смириться и возложить надежды и упованіе на милосердіе Божіе. А вслѣдствіе отношенія вашего къ дочери моей и вашей подругѣ, что вы въ нищетѣ, то посылаю вамъ при семъ 25 рублей серебромъ, съ чѣмъ имѣю честь быть, въ совершенномъ почтеніи и преданности, милостивая государыня, вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Андреемъ Васильевымъ, сыномъ Кахновичъ».

Третье письмо пришло вслѣдъ за вторымъ и совершенно смутило и повергло въ холодное и безвыходное отчаяніе Феничку.

Пашенька Булавеньева писала,—и Феничка тщетно усиливалась въ ея рѣчахъ угадать былую сверстницу своей отроческой жизни. Феничка помнила ту драму изъ ея жизни, когда она кончала курсъ. Пришествіе Феничкина отца за нею въ заведеніе пѣшкомъ обратило общее вниманіе. А между тѣмъ, Пашенька Булавеньева кончала курсъ въ то время, какъ старику Булавеньеву директриса должна была отказать отъ каѳедры рисованія потому, что его руки какъ-то неловко примерзли въ одну изъ зимъ, не прикрытыя щегольскими теплыми перчатками, когда онъ заблудился въ предмѣстьѣ города, поздно возвращаясь домой съ уроковъ,—и стали сильно трястись. Феничку проводили съ романтическими возгласами, а Пашенька перешла въ холодную комнату, въ четвертомъ этажѣ, гдѣ приходилось жить круглый годъ на пенсіи огорченнаго отца. Старикъ недолго пожилъ: параличъ додѣлалъ его карьеру, и письмо Фенички застало Пашеньку уже на полной свободѣ. Пашенька, проживая уже въ сомнительно щегольскихъ комнатахъ, разодѣтая въ атласъ и въ блонды и разъѣзжая на пролеткахъ какого-то безсемейнаго купца, писала такъ: — «Ангелъ и шерчикъ Феничка! Все трынъ-трава на бѣломъ свѣтѣ. Я сама вздыхала горлинкой и точила слезы отчаянія; все это—чепуха. Теперь я пью шампанское, какъ гусаръ, танцую канканъ и читаю романы Дюма-сына и компаніи. Утѣшься

и ты. Спѣши, пріѣзжай къ намъ. Здѣсь въ той злачной юдоли, гдѣ я живу, не знаютъ ни печалей, ни воздыханій. Посуди сама, что мнѣ предстояло? Состарѣться старой дѣвой или выйти за чахоточнаго чиновника! Оглянись кругомъ себя и спѣши! Если ты любишь и читала Беранже, то вспомни его пьесу: «Je volerais vite, vite, vite, si j'étais petit oiseau!» Явись въ веселый, безцеремонный и вѣчно-довольный кругъ, гдѣ нынѣ обрѣтается и твоя вѣрная Пашета Булавеньева».

Истина во всей ея наготѣ представилась Феничкѣ. «Какое паденіе?.. Надо ее выручить!» повторяла она. Отверженная всѣми, забытая и оскорбляемая всѣми, она почувствовала приливъ невыразимѣйшаго негодованія. Предразсудки, клеветы, зависть и себялюбіе взяли свое. Послѣдніе шаги по пути чести были ею пройдены. Ѣхать въ другую губернію? Но съ какими средствами и куда пристроить ребенка?

Въ одно утро, собравъ свои небольшіе пожитки и запасшись частицей заработанныхъ трудомъ денегъ, Феничка отнесла свое дитя на время къ священнику, простилась съ своей хозяйкой и, договорившись съ какою-то купеческою четою, ѣхавшею въ тотъ же губернскій городъ, гдѣ она училась, отправилась въ путь. Остальная ея надежда была — прибѣгнуть, еще съ незапятнанною совѣстью, къ бывшей своей директрисѣ и упросить ее дать съ какимъ-нибудь мѣстомъ при заведеніи честный кусокъ хлѣба. Она прибыла въ городъ. Было воскресенье.

Принарядившись въ чистое и бѣлое кисейное платье, прикрывшись платочкомъ, въ вязаныхъ перчаткахъ и подъ старенькимъ зонтикомъ, она подошла съ другими надеждами и вѣрованіями къ знакомому зданію. Швейцаръ, стоя у щегольской лѣстницы, не узналъ ея.

— Дома Анна Карловна?

— Дома, да никого не принимаютъ.

— Доложи, что пришла бывшая здѣшняя воспитанница Басорская.

Швейцаръ оглянулъ ее съ ногъ до головы и пошелъ докладывать. Феничку позвали.

Но продолжать ли мнѣ?.. Директриса, та же ласковая, строгая и чопорная дама, сидѣвшая постоянно у круглаго стола передъ диваномъ, въ то время, какъ лучшія воспи-

СЕМЕЙНАЯ СТАРИНА.

РАЗСКАЗЫ.

I.

ПРАБАБУШКА.

Прабабушка моя, Анна Петровна Данилевская, въ дѣвичествѣ Плотникова, была фрейлиной великой княгини, впослѣдствіи императрицы Екатерины Великой, и умерла на восьмидесятомъ году жизни, болѣе пятидесяти лѣтъ безвыѣздно проведя въ родовомъ, степномъ селѣ мужа на Донцѣ. Она была небольшого роста, съ нѣжнымъ, бѣлымъ, въ тонкихъ морщинкахъ, какъ у эрмитажной старушки Дённера, лицомъ и съ большими карими ласковыми глазами. Въ молодости она играла на клавесинѣ, была изъ первыхъ въ придворныхъ веселостяхъ прошлаго вѣка и, любя цвѣты, зачитывалась романовъ Жанлисъ и повѣстей Мармонтеля. Въ зрѣлыхъ же лѣтахъ, перевезенная въ деревню мужа, она была строгою хозяйкой и постоянно носила черное платье съ небольшимъ шлейфомъ, а подъ чепчикомъ, изъ собственныхъ сѣдыхъ косъ, на гребенкѣ, высокій шиньонъ, который крестьяне тѣхъ годовъ считали колтуномъ. Въ годы силы и здоровья, распутывая дѣла мужа, она съ черешневою тростью выѣзжала въ поле, на длинныхъ самодѣлковыхъ дрожкахъ, шумѣла на работниковъ, вела приходорасходныя книги, щепила деревья, рылась въ грядахъ сада и еще незадолго до смерти, весною и лѣтомъ, чуть не каждую недѣлю ходила пѣшкомъ версты за двѣ отъ деревенской усадьбы, въ лѣсъ, къ ключу превосходной родниковой воды, чопорно провожаемая двумя гайдуками

изъ дворовой челяди, одѣтыми въ простыя, сѣрыя свиты и съ палками въ рукахъ. «Это—мои камеръ-пажи!»—шутила подвижная не по лѣтамъ старушка, съ пришпиленнымъ шлейфомъ пробираясь полями къ роднику, черпала серебрянымъ стаканчикомъ воды, отдыхала у картиннаго взгорья, поросшаго ракитами, надъ озеромъ, гдѣ бабы, громко горланя пѣсни, бѣлили холсты, и на возвратномъ пути успѣвала еще нарвать пучки лѣсныхъ и полевыхъ цвѣтовъ: голубыхъ пролѣсковъ, т.-е. подснѣжниковъ, тюльпановъ и дикорастущаго алаго горошка.

Подъ конецъ дней, теряя болѣе и болѣе силы, прабабушка Анна Петровна рѣдко уже покидала опочивальню во флигелѣ, рядомъ съ большимъ домомъ сына. Здѣсь, среди цвѣтовъ и клѣтокъ съ дроздами, да желтощекими жаворонками, прабабушка постоянно сидѣла на постели, въ бѣлоснѣжномъ высокомъ чепцѣ, всѣмъ и каждому ласково и привѣтливо улыбаясь.

Сюда къ утреннему кофе и къ цѣлованію прабабушкиныхъ ручекъ, вымытыхъ въ той же ключевой водѣ, по докладу сѣдого парикмахера Гаврюшки, носившаго на босу ногу башмаки и въ нихъ для прохлады соломенныя стельки, являлась вся огромная, давно угасшая семья: сынъ ея Иванушка, т.-е. мой шестидесятилѣтній дѣдушка, Иванъ Яковлевичъ, памятный въ семействѣ тѣмъ, что чинъ прапорщика гвардіи онъ получилъ еще въ колыбели и далѣе этого чина по службѣ не шелъ, потому что никогда не покидалъ деревни и тихо здѣсь состарился, среди хозяйства, псарни и втихомолку волокитства за сельскими красавицами. За ними шли внуки, т.-е. мой отецъ, дяди, тётки и вся остальная мелюзга правнучекъ и правнуковъ. Старушка кланялась, по тогдашнему придворному обычаю, полукругомъ, т.-е. разомъ всѣмъ, потирая руки приговаривая: «всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?» Поздоровавшись съ матерью, дѣдушка молча отходилъ въ сторону и, потирая хохолокъ сѣдыхъ волосъ, какъ я помню, пришпиленныхъ особою гребеночкой на лысомъ лбу, со вздохомъ садился къ окошку. О чемъ вздыхалъ дѣдушка? Болѣе, вѣроятно, отъ скуки. Также молча, съ реверансами, садились по стульямъ, вдоль стѣнъ опочивальни, и остальные; слушали комплименты старушки, отвѣчали на ея вопросы, пили кофе и, дѣлая новые реверансы, также церемонно расходились по своимъ аппартаментамъ и угламъ.

Казалось, вотъ рай земной; а дѣла, между тѣмъ, были здѣсь очень плохи. Дѣдушка, тихо вздыхавшій въ присутствіи матери, на сторонѣ любилъ покомпанствовать. Продастъ хлѣбъ, либо шерсть, и сейчасъ балъ. Отпросившись у матушки-сударыни въ отъѣзжія поля, онъ исчезалъ иногда по мѣсяцамъ. Вслѣдъ за нимъ, съ охоты наваливали ближніе и дальніе знакомцы. Экипажи наполняли дворъ. Окна большого дома освѣщались. Домашній оркестръ гремѣлъ съ хоръ. Свои пѣвчіе вторили ему изъ столовой. Пушки стрѣляли на дворѣ. Веселыя пары носились въ экоссезѣ и котильйонѣ. Иной разъ и прабабушка Анна Петровна, въ такіе дни, оставляла опочивальню, надѣвала парадный бѣлый робронъ, выходила изъ флигелька, крытаго камышомъ, являлась въ домъ Иванушки, въ высокую залу, увѣшанную портретами предковъ, и играла въ бостонъ, либо, подъ музыку Сарти, церемонно и важно шла съ кѣмъ-либо изъ гостей посановитѣе въ польскій.

Отъѣзжія поля и пиры окончательно разорили состояніе Иванушки. Доходило до того, что въ зимніе вечера, скучая недостаткомъ гостей, онъ высылалъ верховыхъ на ближніе и дальніе проселки и, кто бы тамъ ни ѣхалъ, всякаго чуть не насильно принуждали сворачивать въ гости въ его усадьбу. А между тѣмъ, зачастую слуги, носившіе при гостяхъ фраки, безъ гостей понедѣльно сидѣли на кашицѣ. Прабабушка не знала положенія дѣлъ Иванушки и умерла, считая его хорошимъ хозяиномъ. Дѣдушка утѣшилъ ее особенно тѣмъ, что лѣтъ за тридцать до ея кончины, въ видахъ, впрочемъ, размноженія дичи, засѣялъ сосной болѣе пятисотъ десятинъ сыпучихъ песковъ по берегу Донца, и весь этотъ боръ принялся и выросъ на удивленіе, за что дѣдушкѣ былъ пожалованъ орденъ Владиміра.

На такое чудо, исполненное крѣпостными работниками, съѣзжались смотрѣть многія важныя особы, губернаторъ, архіерей, профессора сосѣдняго университета, а потомъ и самъ графъ Аракчеевъ, по близости съ помѣстьемъ прабабушки также дѣлавшій чудеса, а именно: вводившій тогда между свободными изюмскими и чугуевскими слободскими казаками такъ-называемыя военныя поселенія. Прабабушка сама была не прочь еще въ недавнія времена подеспотствовать, причемъ Иванушка, съ вѣдома ея, ковалъ въ кандалы тѣхъ дѣвокъ и парней, которые на селѣ по ея

выбору не желали въ обычные сроки вѣнчаться. Но она не одобрила ни графа Аракчеева, ни тѣхъ мѣръ, которыми онъ вводилъ близъ нея эти поселенія. «Пріѣхалъ онъ, машеръ, представьте,—передавала она по секрету мелкой сосѣдкѣ, ѣздившей къ ней по праздникамъ съ поклономъ: — пріѣхалъ, живодёръ, выстроилъ подъ Чугуевымъ цѣлую слободу, навалилъ розогъ, а въ сторонѣ велѣлъ, на всякій случай, припасти нѣсколько готовыхъ гробовъ и сталъ это сѣчь непокорныхъ. Одни сѣкутъ, а другіе своимъ тутъ же и могилы роютъ! Сѣкъ онъ этакъ мужиковъ, сѣкъ и бабъ. Одна бабёнка со страху-то, монъ-кёръ, вырвалась изъ-подъ розогъ, да въ безпамятствѣ къ гробамъ-то... А графъ и крикнулъ: не бойся, красавица, выбирай любой; какой хочешь, дамъ на погребеніе! Этакой мужикъ, капральщина! Никакой тонкости! Такіе ли душегубы въ наши дни власть имѣли? Невѣжда-азіятъ! Хоть и графъ, да еще и Александровскій кавалеръ».

И когда графъ Аракчеевъ съ адъютантами и командирами новоиспеченныхъ южныхъ поселеній, нежданный и непрошенный, налетѣлъ въ тихій Пришибъ, помѣстье прабабушки, съ желаніемъ во-очію освѣдомиться, какъ это одинъ человѣкъ могъ засѣять болѣе пятисотъ десятинъ сосною, прабабушка Анна Петровна, оказывая властямъ должный решпектъ, разрѣшила сыну Иванушкѣ показать и разсказать его сіятельству, царскому фавориту, все, что нужно; но не преминула перекреститься и плюнуть, увидѣвъ изъ окна опочивальни угловатую и грубую фигуру надутаго «азіята», вылѣзавшаго изъ высокой, запыленной поселенской брички, а при случаѣ даже дала ему и почувствовать немалую долю своего негодованія и пренебреженія.

Обѣдъ приготовили для графа на славу; порѣзали много откормленной живности, но лакеи не первому ему подносили кушанья! А когда графъ Аракчеевъ, сбившись въ хронологіи какого-то столичнаго придворнаго событія, о коемъ повѣствовалъ предъ затянутыми до апоплексіи въ мундиры адъютантами, заспорилъ со старушкою насчетъ времени и, положивъ въ тарелку начатое стегно каплуна, спросилъ ее: «да позволь же, мать-сударынька, узнать, какой же тебѣ годокъ?» — померкшіе глаза старушки сверкнули, она затрясла оборками чепца и бѣлыми, какъ мѣлъ,

губами отвѣчала: «во-первыхъ, графъ, я тебѣ не мать и не сударынька, а статсъ-фрейлина моей покойной царицы, Екатерины Алексѣевны, и ты будь къ хозяйкамъ поделикатнѣе; а во-вторыхъ, этакія ужасти! въ наше время изрядные нравомъ кавалеры о годахъ дамъ не спрашивали...» Сказавъ это, прабабушка встала изъ-за стола, ни на кого не смотря, кивнула головой вправо и влѣво, и, подавъ руку оторопѣлому Иванушкѣ, молча и съ достоинствомъ удалилась во-свояси.

Произошелъ величайшій переполохъ и замѣшательство. Графъ Аракчеевъ, съ недоѣденнымъ кускомъ каплуна, вскочилъ, не доискавшись хозяевъ, крикнулъ экипажъ и уѣхалъ въ Чугуевъ, гдѣ вновь въ окрестностяхъ посыпались шпицрутены и раздались плачъ и вой бабъ, дѣтей и стариковъ. И когда въ Петербургѣ, прослышавъ объ этомъ событіи, шутники-друзья его спрашивали, что̀ за исторія случилась съ нимъ въ гостяхъ у бѣдовой старушки на Украйнѣ, графъ Аракчеевъ ворчалъ и говорилъ: «да что̀, отцы мои! Какъ ей не быть предерзкой, коли самъ тамошній губернаторъ, ѣздивъ на ревизію по губерніи, засталъ, что у порога этой якобинки стоялъ на колѣняхъ, въ наказаніе за какой-то промахъ по хозяйству, ея пятидесятилѣтній сынъ, настоящій владѣлецъ имѣнія, притомъ чиномъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ и его величества кавалеръ!»

— Что̀ это у васъ за перстенекъ на рукѣ?—спрашивали иной разъ Анну Петровну любопытные внучата.

— Завѣтный перстенёкъ, дѣтушки, завѣтный! И съ нимъ связана цѣлая авантюра въ нашей фамиліи...

— Какая такая авантюра?

— Преотмѣнная! Фамилія наша, соколики мои, начинается съ первымъ заселеніемъ Донца и всей этой окольной степи...

— Разскажите, миленькая бабушка, разскажите, какъ заселились эти мѣста и что̀ это за случай съ перстенькомъ?

Въ длинные осенніе и зимніе вечера, полулежа на постели подъ стеганымъ изъ коричневаго атласа одѣяломъ и облокотившись о высокосложенныя, обшитыя кружевомъ, подушки, либо въ мерлушковой шубкѣ, примостившись бочкомъ на расшатанной, треногой скамеечкѣ, предъ угасавшею печ

кой, и разматывая на прялкѣ нити козьей шерсти, маленькая, сморщенная старушка не разъ передавала все то, что̀ слышала отъ мужа и еще отъ покойной свекрови о заселеніи края, къ пустырямъ котораго, шесть вѣковъ назадъ, обращался пѣвецъ Слова о полку Игоря, восклицая: «О, Донче! Ты лелѣялъ князя на серебряныхъ берегахъ, стлалъ ему зелену траву, подъ сѣнію дубравъ...»

— «Берега нашего Донца, соколики мои,—разсказывала прабабушка:—даже въ ту пору, какъ я сюда переѣхала молодоженкою изъ Питера, были еще во всей, можно сказать, невиданной красѣ. Народу еще было мало, звѣрья много. По лѣсамъ рыскали дикіе кабаны; отъ лисицъ, бывало, не удержишь ни куръ, ни индюшекъ; а волки заходили даже въ сѣни, какъ ударитъ иной разъ, на нѣсколько днёй, зимняя вьюга, да за ужиномъ запахнетъ бараниной. Татары и нагайцы, скажу вамъ, шмыгали сюда и при мнѣ. Да и родила я мила-дружка Иванушку какъ разъ въ то время, когда по тотъ бокъ Донца отъ татарскаго набѣга, вдругъ зажглись по сторожевымъ курганамъ костры, а я, тяжелая, безъ маво Якова Евстафьича, съ перепуга сѣла на коня, поскакала къ бригадиршѣ въ Чугуевъ, да на дорогѣ, у андреевскаго попа въ пчельникѣ, матерью стала... Но это все ничего. Не то сказываютъ о временахъ мужнина дѣда. Въ тѣ поры здѣсь была сущая пустыня: мѣловыя горы, вѣковѣчные темные лѣса, тихія въ большущихъ камышахъ воды, на некошенныя степи, безъ жилья и безъ единой людской тропы. Забрелъ человѣкъ, кричи съ холма въ лѣсныя проваллья, сколько силъ хватитъ, никто не отзовется. Только иволги, хохотвы, да орлы по буграмъ перекликаются. Звѣрь и птица своею тогда смертію умирали. Такъ было до послѣднихъ почти годовъ царя Алексѣя. Тутъ польскіе паны больно ужъ потѣснили казаковъ за Днѣпромъ: пожгли ихнія церкви, мельницы, винокурни и хутора; тѣ и двинулись сюда.

«Былъ, сказываютъ, тихій весенній вечеръ. По сю сторону Донца, на крутизнѣ, показался верхомъ на заморенномъ конѣ чубатый гетманецъ. Ѣхалъ онъ-атъ, горемычный, безъ дороги, пустыньками да озерками, и какъ нѣкая тѣнь вечерняя появился, дѣтушки, изъ-за косогора, съ пищалью да съ котомкой за плечами, голодный, захудалый, обношенный и уже изъ себя не молодъ. Спасался онъ отъ вражьяго погрома. Миновалъ одно лѣсное затишье, другое. Слѣзъ съ

коня, напоилъ его въ ключѣ, самъ перекрестился, напился, поднялся опять на пригорокъ, окинулъ глазомъ Божью, тихую да уютную пустыню, и сердце у него замерло. Что прохлады кругомъ, въ дремучихъ лѣсахъ! Что птичьихъ криковъ внизу, по голубымъ затонамъ, да озерамъ! Что медвянаго запаху отъ доцвѣтавшихъ въ ту пору дикихъ грушъ и яблонь, и что гудѣнія отъ пчелы и всякаго жука, комара и мухи! Упалъ казакъ на колѣни на траву и сказалъ: «быть тутъ поселку! И лучше мнѣ осѣсть у тебя, мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ, да съ волчицей, чѣмъ пропадать какъ псу отъ польскихъ кнутовъ!» Это, други мои, и былъ первый здѣшній осадчій, а вашъ пращуръ, казакъ-подолянинъ изъ-за Днѣпра, Данило Даниловичъ. Что сказалъ осадчій, то и сдѣлалъ: осѣлъ поселкомъ тутъ въ то же лѣто. И какъ напуганная пташка бросаетъ опасныя стороны и прилетаетъ вить гнѣздо въ такомъ тайникѣ, гдѣ ее и вашими глазами, дѣтушки, не увидишь, такъ и Данило перевелъ сюда въ вѣковѣчную глушь, свою старуху и дѣтокъ, и въ скрытности лѣсной, у озера, межъ отрогами холмовъ, вырылъ землянку и срубилъ курень. За Данилой, по его зову: «на Донецъ, на Донецъ! на волюшку!» бѣжали сюда его сосѣди. Вырубили лѣсную поляну, выкопали корни. Въ тростники спустили челнокъ. У воды застучалъ о кладку бабій валекъ. Крикнулъ пѣтухъ; загудѣла въ ульяхъ наловленная тутъ же, въ лѣсныхъ дуплахъ, рѣзвая, дикая, степная пчела. Трудно было первымъ поселенцамъ на Донцѣ! Бабы обносились, дѣти напугались звѣрья, сѣрыхъ ужей, да золоторогихъ змѣекъ; всѣ намучились, и старъ, и младъ. По ночамъ боялись свѣтъ зажигать. Сторожа, какъ бѣлки, прятались по верхамъ деревъ. Хлѣбъ сперва сѣяли возлѣ самаго жилья, да и жилье часто разбивали по хлѣбу. Всѣ голодали, на сухаряхъ сидѣли по мѣсяцамъ. Но зацвѣли опять лѣса. Данило съ криками: «на Донецъ, братцы, на Донецъ!» еще перезвалъ товарищей. Вокругъ перваго куреня поднялись, точно грибочки изъ земли, другіе курени. Данилу выбрали сотникомъ.

«Прошли года; изъ куреней въ лѣсу стала слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойницами, мельницей и съ такою маленькою деревянною церковкой, что не вся въ ней слободка помѣщалась, а многіе слушали служеніе снаружи, по двору и подъ деревьями. Невдали же отъ крѣпостцы Данило сталъ заво-

дить хуторъ, что нынѣ Пришибъ. Одна бѣда: не могъ онъ, други мои, перезвать изъ-за Днѣпра своего названнаго брата и кума, казака Ивана Жука. Сперва прослышалъ онъ, что Жукъ былъ убитъ въ схваткѣ съ поляками; потомъ, что онъ живъ, и что его видѣли въ извозѣ за солью, а потомъ и слухъ о немъ затихъ. Сотня Данилы тою порой обстроилась и богатѣла хлѣбомъ, оружіемъ и всякимъ добромъ. Но не помогали ей ни рвы, ни частоколы, ни пушки. Нагрянули, дѣтушки мои, на нашъ Донецъ поганые татары. Саранчею разъ вечеромъ, подъ самый Юрьевъ день, откуда ни возьмись, налетѣли и вдругъ это устлали всю нашу окольность, а ночью зачали, бормоча и гикая, переправляться въ бродъ по сю сторону Донца. На кого ни наткнутся, сейчасъ его на пику, либо на арканъ. Страхъ напалъ на слободу. Данило Даниловичъ незадолго передъ тѣмъ отправилъ жену и малыхъ дѣтей въ повозкѣ на богомолье въ Хорошевъ монастырь и за нихъ не боялся; онъ боялся за сотенную казну. А казна-то была у него въ боченкѣ, въ подвалѣ. Выстроилъ онъ сотню подъ ружьемъ, заперъ ворота частокола, разставилъ часовыхъ, велѣлъ съ окопа пушкарямъ палить по броду, сдалъ на время команду другому, а самъ, какъ стемнѣло, сбросилъ свиту, взвалилъ боченокъ съ дукатами и талерами на плечи, да тайкомъ и отнесъ его въ камыши, въ родниковый колодезь, невдалекѣ отъ сотеннаго пчельника. Только-что опустилъ въ воду боченокъ, смотритъ—по тотъ бокъ колодца, въ камышахъ, стоитъ и глядитъ на него изъ кустовъ, точно привидѣніе, весь бѣлый, другой, незнакомый человѣкъ. Онъ такъ и обомлѣлъ.—«Видѣлъ?» спросилъ Данило.—«Видѣлъ!» отвѣтилъ и тотъ.—«Ну, коли меня убьютъ, а ты уцѣлѣешь, дай знать тутъ въ сотню, гдѣ ея казна». Сказалъ и пошелъ кустами, — а сзади его точно летѣло въ воздухѣ, и послѣ самъ онъ дивился, какъ онъ оставилъ казну на глазахъ невѣдомаго человѣка. Татары разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, липовый теремокъ на хуторѣ сотника ограбили, угнали стада и самого долго пытали, гдѣ сотенная казна, и чуть не замучили до смерти. Данилу взяли въ плѣнъ и увели на арканѣ въ неволю въ Крымъ, а потомъ на Кубань. И когда Данило, года чрезъ четыре, подкопавши тайникъ, на хозяйскомъ жеребцѣ бѣжалъ изъ плѣна, явился опять среди своихъ на Донецъ и кинулся къ колодцу, боченка тамъ не было. На-

роду тоже поубавилось. И долго сотня не могла поправиться послѣ татарскаго погрома...»

— Что же, прадѣдушка такъ и не нашелъ боченка?— спросила нетерпѣливая правнучка.

— Постой, пострѣлъ, все узнать успѣешь!

«Такъ прошли еще года два. И вотъ, милые мои, скажу вамъ: разъ Данило стоялъ на пригоркѣ, невдалекѣ отъ остатковъ погорѣлой крѣпостцы, и говорилъ заѣзжему полковому писарю: «вотъ, ваша милость, уже чрезъ нашъ поселокъ и чумаки стали ходить!» А тѣмъ часомъ, дѣйствительно, промежъ деревьевъ показался чумацкій обозъ, шедшій изъ-за Донца мимо ихъ окопа. Времена стали другія; о татарахъ было почти не слышно, и край уже кругомъ заселился, по Торцу, по Самарѣ, по Орели и по Берекѣ. Когда обозъ приблизился къ пригорку, съ передняго воза всталъ чумакъ-хозяинъ, подошелъ къ Данилѣ и писарю и спросилъ: «а кто у васъ тутъ сотникъ Данило, что поставилъ этотъ поселокъ и такъ долго былъ въ басурманскомъ плѣну?» Получивъ отвѣтъ, покачалъ головой и сказалъ: «да какъ же ты, друже, побѣлѣлъ! Совсѣмъ старый сталъ! Не узнаешь, видно, и ты меня: я — Жукъ, твой названный братъ и кумъ! Ѣхалъ я мимо, вершинами Донца. Слухъ о тебѣ далеко пошелъ, я и завернулъ къ тебѣ на подмогу. Довольно ужъ и мнѣ мотаться по свѣту. Коли приметъ меня твоя братія, и я съ моими хлопцами тутъ же сяду. А кто вашу казну подглядѣлъ и тайно взялъ изъ колодца, я тоже слышалъ. Подобралъ ее и перенесъ въ другое мѣсто бѣглый пушкарь изъ Царебэрисова. Да не удалось ему ею поживиться. Онъ недавно умеръ отъ оспы и на духу все показалъ попу. А я отъ народа узналъ. Посылай за казною; она у начальства на рукахъ». Данило поклонился куму въ ноги. Сбѣжались казаки; составили совѣтъ; Данило обо всемъ отписалъ царю и воеводѣ. И долго обозъ того чумака, дѣтушки мои, стоялъ на выгонѣ у Пришиба, а сотня веселилась и поила всю чумацкую братію. Казна отыскалась. А къ осени, сударики мои, чумакъ, дѣйствительно, привелъ къ Данилѣ ватагу другихъ земляковъ, поклонился сотнѣ, и сотня отвела подъ жилье, подъ скотъ и подъ хлѣбъ чумаку и его братіи часть своихъ земель, десятинъ сотъ нѣсколько, межами отъ кургана до кургана и отъ дуба до дуба. Въ сотенной слободѣ прибавилась цѣлая новая улица, и ее прозвали, по имени того чумака, Жуками.

«Такъ прошло еще время, и сотникъ Данило сталъ подумывать о томъ, что сталось съ его сынишкой, Евсташей, котораго царь Петръ, во время его полоннаго терпѣнья, взялъ въ Питеръ и помѣстилъ тамъ въ добрую науку къ нѣкоему ученому процептору. Другіе сыновья Данилы росли дома на свободѣ. Евстафію жъ пошелъ уже двадцатый годокъ, и отецъ къ нему въ новую царскую столицу Санктъ-Питеръ упросилъ съѣздить бывалаго въ Нарвскомъ походѣ и далѣе, тоже простого казака-сосѣда, Кирюшку Горличку. А старикъ Горличка тутъ черезъ рѣку также занялъ землицу и сидѣлъ хуторомъ. Отписалъ родитель въ Питеръ письмо, требуя сына домой къ себѣ на помощь, и послалъ ему три рубля на лакомство, харчей и пару коней съ повозкою на дорогу. Кирюшка пріѣхалъ въ Питеръ, сталъ отыскивать по казармамъ да по товарищамъ сосѣдскаго сына и узналъ о немъ недобрыя вѣсти. Былъ тогда въ Питерѣ, возлѣ самого царя Петра Алексѣевича, ближнимъ ко двору князь Юрій Трубецкой, а у этого князя Юрья была на сторонѣ фаворитка изъ нѣмокъ, и отъ этой фаворитки дочка Марьюшка, молоденькая, тихая и изъ себя красавица; звалась, впрочемъ, не Юрьевной, а по мужу матери—Алексѣевной. Жила она съ маткой всегда по близости двора; дворъ въ городѣ—и онѣ въ городѣ, дворъ на дачѣ—и онѣ тутъ же, въ закрытности гдѣ-нибудь на дачѣ. Вышелъ-атъ Евстафій Даниловичъ изъ школы отъ процептора молодецъ-молодцомъ, румянъ да пригожъ, рослый и чернобровый, хотя стыдливъ и робокъ. Сталъ сержантомъ гвардіи, на царскомъ жалованьи, и нерѣдко попадалъ на караулы къ самымъ царскимъ, не то что къ окольнымъ, дворскимъ хоромамъ. Тутъ онъ и узналъ, въ тайномъ спрятѣ, княжью Марьюшку и полюбилъ ее пуще свѣту, полюбила Евстафья и Марьюшка. Видѣлись они урывками на вечеринкахъ; танцовали вмѣстѣ менуэтъ, видѣлись наединѣ въ екатерингофскихъ да василеостровскихъ садахъ и рощахъ. Долго ли, нѣтъ ли, сударики вы мои, любились Евстафій да Марья, только, наконецъ, и скажи ея матка князю Юрью: что такъ, молъ, и такъ, нѣкто сотничій сынъ, изъ Изюмской слободской провинціи, государевъ сержантъ, Евстафій Даниловичъ, сватается за ихъ дочку Марьюшку, что онъ поистинѣ отмѣннаго нрава, самъ молодецъ, добрыхъ родителевъ, и что есть у его казака-отца не мало маетностей, садовъ, лошадей, овецъ,

одёжи и всякаго добра. Осерчалъ гордый князь Юрій, выразился дурно не только объ Евстафіи, но и о его родителѣ: обозвалъ обоихъ хохлацкимъ мужичьёмъ и дегтярниками и запретилъ даже пускать его къ порогу своихъ хоромъ, грозя отодрать его батогами, коли узритъ по близости Марьи. Приняты были, должно-статься, тутъ же мѣры крутенькія. Княжескіе лакеи припасли въ передней, по барскому велѣнію, пукъ розогъ; а ночью, у оконъ Марьюшки, ходили сторожа и разъ, заслышавъ впотьмахъ близъ сада чей-то конскій топотъ, подняли на княжеской дачѣ такую пальбу изъ мушкетовъ, что съ барышней сдѣлался отъ страху припадокъ, и ее насилу къ утру отходили. Евстафій съ горя отчалилъ, вышелъ въ отставку и пропалъ у всѣхъ изъ виду. А Марьюшка чахла-чахла и кончила тоже, ангелы мои, совсѣмъ плохо... Пошла Марьюшка съ каммермедхеной своей на рѣку Волынку на дачѣ купаться. Лѣто было жаркое, и вся царская женская свита въ тѣ поры въ Екатерингофѣ наперерывъ въ водѣ бултыхалась. Только матка Марьюшки ждать-пождать, нѣту дочки и каммермедхены. Послали ихъ искать, но слуги на берегу рѣчки, представьте, нашли только зеленое голландское шелковое платьице Марьи, шитыя золотомъ бархатныя туфельки, сорочку да платочекъ, да смердьи обноски этой недогляды-каммермедхены. Значитъ, обѣ дѣвки порѣшили жизнь кончить и пошли на дно, какъ камешки. Приволокли невода и лодку, царева хозяйка матросовъ съ островов нагнала, искали утопленницъ и не нашли. Порѣшили, что теченіемъ унесло ихъ въ море».

— Что жъ, и вправду утонула Марьюшка? — спросила опять нетерпячая правнучка.

— Ахъ, монъ-кёръ! да сиди ты, егоза, все узнаешь!

«Ударился о землю князь Юрій, не мало плакалъ съ фавориткой; долго служили они панихиды, справляли поминки и угощали нищихъ. На это-то, весьма ужасное и притомъ по истинѣ мерзкое горе-злосчастье и наѣхалъ, представьте, посланный отца, Кирюшка Горличка. Узналъ онъ про все, Евсташи тоже не отыскалъ и долго не рѣшался къ сотнику не то что обратно ѣхать, а даже и писать. Ходилъ онъ, ходилъ по Питеру, да ужъ какіе-то господа, ѣдучи въ Кіевъ на богомолье, довезли его и высадили на пограничной украинской линіи въ Бѣлгородѣ.

«Такъ протянулось, други вы мои, время до войны со

шведами и до самой Полтавской баталіи... Первыя слободки пустили отъ рѣки въ степь, какъ корни на вешней грядкѣ, другія слободки и хутора. Сотникъ же Данило, надо вамъ, миленькіе, доложить, жилъ со своими сукцедѐнтами и съ товарищами все тутъ же, на излюбленныхъ прйдонецкихъ мѣстахъ, все въ той же занятой, по черкасской обыкности, долинѣ, въ крѣпостцѣ и въ миломъ сердцу сотенномъ Прйшибѣ, какъ прошла молва, что на выручку арміи подъ Полтаву, съ юга, отъ Азова, спѣшитъ со свитой черезъ тѣ окольности самъ царь Петръ Алексѣевичъ, а впереди себя послалъ отряды свѣжихъ войскъ. Ахти мнѣ! всполошились поселенцы. Какъ царя встрѣчать! Двадцать седьмого мая, какъ теперь помню, сказывалъ мужу свёкоръ, царь выѣхалъ изъ Азова степью на Бахмутъ, Изюмъ и Зміевъ; въ Изюмѣ онъ изволилъ кушать, справлять день своего рожденія и ночевать у г. Шидловскаго,—а второго іюня былъ уже въ Харьковѣ. Отстоялъ тамъ ясный соколъ-атъ нашъ, въ праздникъ Вознесенія, позднюю обѣдню, прочелъ всенародно, какъ есть среди соборнаго храма, апостола, осмотрѣлъ городъ и крѣпость, бурсака какого-то по-латынски спросилъ, съ бабами на базарѣ побалагурилъ, чье-то дитя бралъ на руки, ласкалъ. Въ тотъ же день его величество отъѣхалъ къ Полтавѣ и двадцать-седьмого іюня, на Сампсонія, разбилъ шведовъ. И, стало-быть, коли второго іюня царь Петръ Алексѣевичъ былъ въ Харьковѣ, то перваго іюня былъ онъ въ гостяхъ у сваво вѣрнаго изюмскаго сотника Данилы. Стоялъ тутъ въ Прйшибѣ все еще старый липовый теремокъ, однимъ-одинъ у рѣки. Только вишенье, лѣсное орѣшье, да яблони возлѣ него разрослись, послѣ татарскаго погрома. А кругомъ, въ разсыпку по зеленой полянѣ, возлѣ крѣпостцы и на хуторѣ, стояли соломенные казачьи курени, сарайчикъ, мельницы, да маленькая въ лѣсу церковка. Наканунѣ, отъ сосѣдней слободки Балаклеи, показалось войско и, не доходя Прйшиба, стало лагеремъ. А на вечерней зарѣ закурилась съ той стороны пыль, показались скачущіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, рейтары, потомъ одинъ экипажъ, другой и третій, и все размалеванные, четверками, рыдваны да берлины. Это была царская свита. А впереди, на парѣ ямскихъ, въ пыли, такъ что его трудно было и разсмотрѣть, показался какъ есть въ простой некрашенной одноколкѣ самъ царь и съ нимъ рядомъ изюмскій полковникъ, женатый на дочери сотника,

Варварѣ Даниловнѣ, Михайло Константиновичъ Донецъ-Захаржевскій. Царь у него рано пообѣдалъ въ Изюмѣ и сказалъ: «Въ Пришибѣ остановлюсь; сдѣлаю муштру тамошней сотнѣ, да зайду на пироги къ старику-сотнику, поблагодарить его за вѣрную службу, за постановку поселка и флотиліи и за его полонное терпѣнье!» А поверхъ мѣловыхъ прибрежій Донца, отъ Изюма до Пришиба, гдѣ ѣхалъ царь, опять, дѣтушки мои, полнымъ цвѣтомъ цвѣли некошенныя поля, жаворонки заливались, дрофы да стрепеты перелетали; снизу же, отъ Донца-рѣки и отъ озеръ доносились, словно райскіе, запахи всякіе, да звонкіе крики дикихъ гусей, журавлей и лебедей. И нѣсколько разъ онъ, ясный соколъ-атъ нашъ, останавливался и заставлялъ ординарцевъ да генераловъ свиты рвать пучки цвѣтовъ. «Часть поднесемъ въ презентъ хозяйкѣ въ Пришибѣ, а остальное пошлемъ на пробу въ Питеръ, въ гофъ-аптеку; нѣтъ ли тутъ какихъ хорошихъ цѣлебныхъ зеліевъ?» И царская свита, морщась отъ жары да пыли, рвала тѣ самые цвѣты, которые и я вамъ, дѣтушки, старая бабка Ашенька, рву иной разъ и донынѣ. Сотня въ строю, на коняхъ, въ оружіи и съ пушкой встрѣтила царя, отдала ему честь, выпалила салютъ, крикнула виватъ и поскакала за нимъ сперва къ крѣпости, а потомъ и къ сотниковой усадьбѣ. Царь, потирая поясницу, весь въ пыли и сильно загорѣлый, въ шелковомъ синемъ кафтанѣ, слѣзъ съ повозки, снялъ шляпу, утерся это платочкомъ, прямо такъ на всѣхъ поглядѣлъ, поклонился и сермяжной братіи, ступилъ на старенькое крыльцо, такъ что половицы заскрипѣли и столбики дрогнули, и шагнулъ въ свѣтлицу, гдѣ уже въ прохладѣ стояла съ хлѣбомъ-солью старая сотничиха Анна, былъ накрытъ столъ и закуска приготовлена. «А! воеводиха! отвоевалась отъ татаръ! Ну, Данило Даниловичъ, слѣзай-ка и ты съ коня, да веди къ себѣ въ гости!» Вошелъ онъ, ясный соколъ, въ теремъ, озираясь на глиняный полъ да на бѣлыя мазаныя стѣны, и сѣлъ за этотъ вотъ самый, что̀ стоитъ у окна, крашеный бѣлый столъ, съ размалеванными на немъ, какъ видите и теперь, тарелками, ножами и солонкою. «А кто это у васъ?»—спросилъ царь хозяевъ, отряхая съ камзола пыль и увидавъ тутъ же въ комнатѣ красивую, но худенькую молодую бабёнку, въ шелковомъ корабликѣ поверхъ русыхъ волосъ, которая, какъ видно, была на сносѣ. Не собрались старики

отвѣчать, съ низкимъ поклономъ, его величеству, что это, молъ, ихъ невѣстушка, какъ въ горницу стала подваливать царская свита и всѣ ближнія креатуры его величества. А со свитой вошелъ и князь Юрій Трубецкой. «Ай! батюшка-князь!»—вскрикнула не своимъ голосомъ сотникова невѣстка, увидавъ князя: пошатнулась, да тутъ же, на порогѣ, словно вотъ помертвѣла, и грохнулась ᴏ̆-земь. Царь кинулся къ ней, поглядѣлъ это сердито кругомъ, ухватилъ князя Юрья за руку и крикнулъ: «говори мнѣ, Юрій, сущую правду!» А князю не до того; упалъ передъ дочкой на колѣни, плачетъ, дрожитъ, цѣлуетъ ея руки и говоритъ только: «покойница, ваше величество, покойница!» Промолвила тутъ старая сотничиха Анна: «казни насъ, царь-батюшка, только все выслушай!» и тутъ же передала государю, милые вы мои, какъ было все это дѣло: какъ за ея сына, Евсташу, не давалъ князь Юрій Марьюшку, какъ вышла дѣвка на рѣку Волынку, раздѣлась и бросилась въ воду, какъ бы утопилась. А на другомъ берегу, сударики вы мои, въ камышахъ ее ждала подговоренная нѣкая надежная бабка-голландка съ другимъ бѣльемъ и платьемъ. Марьюшка и служанка выплыли, вновь одѣлись; а по близости, въ березахъ, стоялъ и самъ суженый, съ повозкой и съ добрыми конями; посадилъ ненаглядную Марьюшку съ собою, да и умчалъ ее къ отцу, въ украинскія придонецкія мѣста. Здѣсь они повѣнчались, да съ тѣхъ поръ тутъ и проживали у его родителевъ. А что отца-князя о себѣ два года Марья Алексѣевна не оповѣщала, такъ потому, что боялась его княжескаго, да и вашего, молъ, царскаго гнѣва! «Клади, князь Юрій, гнѣвъ на милость!» рѣшилъ царь. Князь послушался. Робкій Евстафій, вообразите, забѣжалъ тѣмъ временемъ со страху въ вишни. Его отыскали; князь молодыхъ тутъ же благословилъ. И когда царь сѣлъ опять за столъ, выпилъ рюмку запеканки и сказалъ: «горько!» — Евстафья и Марьюшку, передъ персоною самого царя, заставили поцѣловаться, а изъ сотницкаго подвала выкатили бочку меду, и пиръ пошелъ такой, что послѣ обѣда царь велѣлъ отпрячь лошадей, закурилъ трубку, разстегнулся и сказалъ: «ну, минъ-герръ-сотникъ, теперь ужъ угощай»—сѣлъ съ генералитетомъ за пуншъ и остался тутъ компанствовать до разсвѣта. И каково же? Царь пируетъ съ подданными, а съ надворья въ окна вся слободка глядѣть сбѣжалася. Да и была къ тому

веселью другая причина. Марья Алексѣвна ужъ больно, видно, испугалась нежданной встрѣчи съ отцомъ, да къ ночи, нѣсколько ранѣе срока, и родила царю новаго подданнаго, старшаго брата, сударики, мужа мaво, Якова Евстафьевича. Свадебный пиръ смѣнился къ полночи крестинами. Царь велѣлъ отпереть и освѣтить церковь и самъ, ставя свѣчи и подтягивая каноны хмельному попу, былъ за крестнаго отца у новорожденнаго. Откуда взялъ тутъ царь пару небольшихъ колоколовъ, можетъ, съ собою въ другія мѣста везъ, только послѣ крестинъ и говоритъ: «плохи у тебя, Данило Даниловичъ, колокола; глухи что-то голосомъ; никто за лѣсомъ и не услышитъ, что тутъ у васъ служеніе! я тебѣ другіе повѣшу!»—и самъ, вообразите, стащилъ ихъ на колокольню. Они и донынѣ у насъ висятъ въ Прйшибѣ... Уѣзжая-жъ до восхода солнца далѣе въ Харьковъ, зашелъ къ родильницѣ и сказалъ ей: «прощай, кума Машенька, да роди больше мнѣ такихъ крикуновъ; и дай, я тебя на прощанье поцѣлую; только извини, чеснокомъ закусилъ вашу пеканку!» Надѣлъ Марьюшкѣ аметистовый вотъ этотъ самый перстенёкъ съ своего мизинца, подарилъ ей пучокъ нарванныхъ дорогою полевыхъ цвѣтовъ, посадилъ у крыльца въ саду жолудь и уѣхалъ... Такъ вотъ вамъ исторія перстня.

«Да вотъ еще что̀, мои дѣтушки... Совсѣмъ стара стала, забыла! Ужъ въ какое время, вечеромъ ли засвѣтло, послѣ ли обѣда, али ночью, при мѣсяцѣ, только прослышалъ его величество, что между сотниковымъ хуторомъ и крѣпостцой въ лѣсу есть по-близости озеро Лебяжье, и на немъ, для рыбной ловли, устроенъ такой небольшой катеръ. Что̀ же вы думаете? Велѣлъ себя везти туда, потащилъ съ собой сотника и весь генералитетъ и проѣхался раза три по озеру; ставилъ паруса, заставлялъ стрѣлять изъ мушкетовъ съ катера, въ честь новорожденнаго, и всѣхъ благодарилъ, начальство и казаковъ. Старый Данило тоже подгулялъ и только все кланялся, а при отъѣздѣ царя, какъ упалъ ему въ ноги, такъ насилу его подняли.

«Послѣ Полтавской баталіи государь прислалъ сотнику изъ Батурина пару шлёнскихъ овецъ на заводъ, а изъ Питера въ скорости и крѣпостную грамоту на владѣніе, какъ бы вы думали чѣмъ?—десятью тысячами десятинъ изъ числа сотенной земли, не только съ казачьими дворами, но, какъ потомъ объявилось, и съ самими казаками... Да, дѣтушки

мои! Данило потомъ подпалъ подъ гнѣвъ царя, былъ взятъ по доносу въ Питеръ, въ розыскную канцелярію князя Юсупова, и тамъ, въ крѣпости, хотя и оправдался, въ скорости умеръ. Во власть же и въ подданство его сукцедентовъ, по царской грамотѣ, да по Божьей милости, попали не только свои братья-казаки, но и названный его кумъ Иванъ Жукъ, съ товарищами, принятые сотнѣй, и сосѣдъ его Кирюшка Горлячка, со всѣми домочадцами. Люди, разумѣется, были все темные, какъ есть мужички. Да и самъ сотникъ Данило, несмотря на рангъ, какъ жилъ, такъ и умеръ еще по простотѣ. Евстафій же Даниловичъ, по смерти отца, подобрѣлъ, зажилъ припѣваючи, на всю губу; шелковый красный кафтанъ сталъ носить и парикъ съ буклями; отъ царскихъ же овецъ повелъ огромныя стада. А владѣя крестьянами, онъ потомъ получилъ и дворянство. При пресвѣтлой царицѣ Аннѣ Ивановнѣ, господинъ лейбъ-гвардіи маіоръ Хрущовъ производилъ тутъ первую ревизію. Тогда Евстафій Даниловичъ былъ уже изюмскимъ полковникомъ, съ Минихомъ въ Крымъ ходилъ, — и за нимъ по ревизіи записали навѣки всѣхъ жильцовъ его придонецкихъ земель. И хотя у Евстафія и Марьи Алексѣевны дѣти померли, и окромя сына Якова, не осталось въ живыхъ дѣтей, но и Яковъ Евстафьевичъ-атъ мой вышелъ тоже изъ себя, предъ всѣмъ своимъ родомъ, мужчина уважительный и средостепенный, строгаго нрава хозяинъ и подданнымъ своимъ не потатчикъ! Его не учили такъ, какъ его родителя; но онъ умеръ, по милости Божьей и матушки царицы, какъ подобаетъ столбовому дворянину: въ чести, въ богатствѣ и въ холѣ; мнѣ приказалъ быть во всемъ хозяйкою до смерти и ѣздилъ изъ Харькова въ Питеръ по дѣламъ, не то, что мелкія нонѣшнія сошки, а восьмерикомъ, въ желтомъ этакомъ рыдванѣ, съ двумя фалеторами и съ двумя же лакеями. Одна бѣда: не удалось ему, моему дружку, до конца жизни быть въ дворскомъ фаворѣ и въ случаѣ. Гордъ былъ, оттого не дошелъ... А изъ царскаго жолудя выросъ, какъ видите, въ нашемъ саду большущій дубъ. Когда Иванушка вѣнчался, мы подъ этимъ дубомъ уже десерты кушали и венгерское пили... И пока дубъ этотъ будетъ въ цѣлости рости, нашему богатству и родовому гонору, дѣтушки мои, вѣрьте мнѣ, не переставать, а цвѣсти въ знатности, въ силѣ и въ славѣ во вѣки...»

Прабабушка Анна Петровна, на этотъ разъ, говоря о своемъ мужѣ, покривила душой. Не столько ее огорчалъ графъ Аракчеевъ, заколачивая палками, по сосѣдству съ ней, потомковъ первыхъ населителей Донца, не хотѣвшихъ обращаться огуломъ въ уланъ и въ драгуновъ, сколько втайнѣ огорчалъ ее этотъ самый милъ-дружокъ, Яковъ Евстафьевичъ, съ нею вмѣстѣ полвѣка спокойно державшій часть этихъ населителей въ самомъ строгомъ крѣпостномъ состояніи. Взялъ онъ Анну Петровну небогатою фрейлиной, изъ-за связей, отъ царицына петербургскаго двора, будучи подъ тридцать лѣтъ. Болѣзненный меланхоликъ, онъ былъ корыстолюбивъ и скрытенъ, рѣдко съ кѣмъ видѣлся, постоянно ворчалъ и сердился, велъ безконечныя тяжбы съ сосѣдями и, еще задолго до отъѣзжихъ полей и пировъ избалованнаго имъ и не особенно любимаго сына Иванушки, умудрился этими процессами и стекляннымъ, въ убытокъ веденнымъ, заводомъ сильно разстроить огромныя, пожалованныя Данилѣ, помѣстья и, между прочимъ, наполовину истребилъ у себя обширные, вѣковѣчные придонецкіе лѣса. До женитьбы онъ былъ слабъ, какъ послѣ и сынокъ, въ отношеніи красавицъ, и не разъ даже открыто, черезъ слугъ своей молодечни, отбиралъ на время женъ у мужей. А обвѣнчавшись, жену держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и, кромѣ книгъ, да прогулокъ со слугами пѣшкомъ и верхомъ, не давалъ ей отъ ревности никакого развлеченія. Онъ умеръ въ чахоткѣ, завѣщавъ женѣ, отъ непреодолимаго страха смерти, построить большой каменный храмъ. Прабабушка никому на него не жаловалась. Но ея затаенныя укоризны покойному милу-дружку Якову Евстафьевичу сказались сами собой. Послѣ нея остались любимыя ею книги, романы прошлыхъ, забытыхъ временъ: Лолота и Фанфанъ, или приключенія двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ острову; мальчикъ, наигрывающій разныя штуки колокольчикомъ; Алексисъ, или домикъ въ лѣсу, и похожденія Жильблаза-де-Сантилланы. Вездѣ въ этихъ книгахъ были подчеркнуты слова, въ родѣ: «о, странное и горестное непостоянство вещей! о, удивительная измѣна и разность сердца человѣческаго!» или: «кроткому духу нравится рѣзвое журчаніе ручейковъ и густая тѣнь рощей, а особенно тогда, когда я, о люди, схоронилъ свое сердце далекò, далекò!» Сбоку этихъ строкъ рукою прабабушки написано: «увы, какъ это вѣрно».

Умерла прабабушка Анна Петровна спокойно, сознательно и рѣшительно. У нея давно былъ припасенъ самый нарядъ на смерть: новое черное гродетуровое платье, безъ шлейфа, бѣлая буфмуслиновая косынка на плечи, черный тюлевый чепецъ и бѣлый батистовый платочекъ, для подвязанія въ гробу нижней, при жизни ослабѣвшей челюсти. Почувствовавъ приближеніе кончины, она призвала отца Авдія, попа новой каменной церкви (а попъ былъ маленькій, худенькій, бѣдный, но сварливый, задорный и себѣ на умѣ) и долго съ нимъ уговаривалась о подробностяхъ собственныхъ похоронъ: о мѣстѣ погребенія, чтобы могила въ фамильномъ склепѣ не затекла водой съ сосѣднихъ бугровъ, о томъ, кого звать на отпѣваніе и кого не звать, изъ крупныхъ и мелкихъ знакомцевъ; быть ли постороннему духовенству и сосѣднимъ пѣвчимъ и, наконецъ, о платѣ ему, попу, за погребеніе и за поминальный сорокоустъ. Попъ просилъ за послѣднюю статью пятьдесятъ рублей ассигнаціями, увѣряя, что дороги стали свѣчи, ладанъ, вино и мука, а прабабушка давала двадцать-пять; сошлись на сорока. Покончивъ съ попомъ, она позвала сына Иванушку и его ученую и всѣми любимую супругу, объявила имъ, на чемъ порѣшила съ упорнымъ попомъ, и прибавила: «смотрите же, дѣтушки, больше ему, кутейнику, не давайте; Авдіевой попадейкѣ, пожалуй, прибавьте десять ульевъ. Она меня больную развлекала... Да положите въ гробъ со мной царскій перстень и пучокъ ландышей, али иныхъ цвѣтовъ. Царскій Марьюшкинъ пучокъ, кажись, затеряли, какъ иконы мыли. Да теперь легко собрать свѣженькихъ! слышу изъ комнаты, по зарямъ, птицы летятъ изъ-за моря; въ воздухѣ точно вотъ молодымъ виномъ пахнетъ; значитъ, степь и лѣса расцвѣтаютъ!»

Незадолго до смерти, Анна Петровна сказала сыну: «хочу посмотрѣть, какъ ты управляешься по хозяйству!» и объявила, что желаетъ, во что бы то ни стало, взглянуть на табунъ лошадей, кормившійся на зимовлѣ, за Донцомъ, въ ея хуторѣ, на рѣкѣ Богатой. Иванъ Яковлевичъ безпрекословно рѣшилъ выполнить волю матери и, какъ ни трудно было, въ начинавшуюся распутицу гнать рѣзвый и дикій табунъ во сто лошадей, его благополучно привели къ Донцу и чрезъ самый Донецъ, по сильно таявшему и посинѣлому льду. Но едва, съ громкимъ ржаніемъ, передовые рослые жеребцы, а потомъ и весь красивый табунъ выдѣлился изъ

весенняго тумана и ступилъ на рѣченку, по которой расположенъ Пришибъ, ледъ подломился, и всѣ лошади, за исключеніемъ одного невзрачнаго пѣгаго мерина, потонули. Иванъ Яковлевичъ, бывшій при этой переправѣ, заплакалъ и воротился домой повторяя: «это даромъ не пройдетъ: видно, матушкѣ жить недолго!» Потопленіе табуна, однако, отъ старушки скрыли.

Съ той поры прабабушка стала забываться и умерла, передъ вечеромъ, незадолго до вешняго Николы. Въ гробу она лежала маленькая, сухенькая и легенькая, совсѣмъ дитя, а не та властительная и важная помѣщица, изъ питерскихъ статсъ-фрейлинъ, къ которой весь уѣздъ въ оны дни съѣзжался на поклонъ. И хотя она умерла такъ тихо, что не скоро о томъ въ постоянно-суетливомъ дворѣ сына и спохватились, но горничная, стриженая Ульянка, не отходившая въ послѣднія недѣли отъ ея порога, передавала впослѣдствіи на кухнѣ, что старая барыня не разъ передъ смертью по ночамъ вскакивала на постели, въ тоскѣ и въ горести ломала руки, требовала зеркало, смотрѣлась въ него, чесала гребнемъ сѣдые всклоченные волосы и съ блуждающими глазами тихо съ отчаяніемъ про себя восклицала, какъ-бы зовя кого-либо изъ давно умершихъ, далекихъ друзей: «ахъ, Пашковъ, Пашковъ! милъ-сердечный дружокъ, гдѣ ты, гдѣ ты?»

Яковъ Евстафьевичъ, мужъ прабабушки, фамиліи Пашкова не носилъ, и какая драма крылась въ этихъ предсмертныхъ восклицаніяхъ Анны Петровны, осталось, вѣроятно, навсегда неразъясненнымъ, такъ какъ дневникъ ея невѣстки, который та, по преданію, вела, донынѣ пока въ семейныхъ бумагахъ не отысканъ. Полагаютъ, что лакей Абрамка употребилъ его на обертываніе свѣчей. Царскій перстень также затеряли-было, и потому въ кирпичномъ склепѣ, надъ гробомъ старушки, оставили окошечко, которое долго пугало робкихъ прихожанъ и куда потомъ ея внуки, дѣйствительно, бросили этотъ перстень, найдя его въ закладѣ у сосѣдняго жида.

У меня хранится отличный портретъ масляными красками Анны Петровны, съ портретами ея сына и невѣстки.

Вслѣдъ за смертью прабабушки, въ Пришибъ и въ остальныя слободы ея сына налетѣли, въ зеленыхъ вицъ-мунди-

рахъ, приказные, все описали за безпутное мотовство владѣльца, оцѣнили и оповѣстили къ продажѣ съ молотка. И хотя не все въ конецъ было продано съ публичнаго торга, но родъ Данилы съ тѣхъ поръ сильно обѣднѣлъ и разсѣялся. Въ проданномъ лѣсу, на мѣстѣ крѣпостцы, недавній владѣлецъ выстроилъ сахарный заводъ, и въ его огромную, далеко видную красную трубу буквально вылетѣлъ весь лѣсъ, какъ засѣянный дѣдушкой для дичи, такъ и выросшій послѣ стекляннаго завода прадѣдушки.

Одинъ могучій дубъ, полтораста лѣтъ назадъ посаженный предъ домомъ давно несуществующей хуторской усадьбы сотника, стоитъ и теперь свѣжъ и крѣпокъ, на тридцать шаговъ кругомъ простирая, въ заглохшемъ и одичаломъ саду забытаго помѣстья, темныя и густыя вѣтви. Вблизи отъ него, у обветшалой каменной церкви, недавно пріютилась крестьянская волостная школа. Дѣти вновь получившихъ волю поселянъ, рѣзвою гурьбой, съ удочками и съ книжками, пробираются изъ школы, чрезъ рвы и плетни новыхъ усадебъ, къ рѣкѣ и иной разъ прячутся отъ дождя и солнца подъ дубомъ. Между ихъ кличками уже не слышно прозвищъ ни Жука, ни Горлички. У нихъ нѣтъ прошедшаго, но для нихъ слагается новое будущее. Отцы ихъ пашутъ и сѣютъ теперь уже не на сотника Данилу и не на его внуковъ и правнуковъ, а на новаго хозяина, на сосѣднюю чугунку. Врѣзалась она недавно, сноря старые хутора, сады и усадьбы, въ окрестныя мѣста и, что ни день, выкрикиваетъ: «пшеницы, ребята, пшеницы! а за нее вотъ вамъ деньги, а съ ними будетъ вамъ и вашимъ дѣтямъ и та воля, которой вы тутъ такъ долго искали?»

Прабабушку Анну Петровну въ окрестности всѣ забыли. Случайно о ней напомнило, не такъ давно, одно обстоятельство.

Въ хозяйственныхъ книгахъ прадѣдушки, найденныхъ между старинными нотами и театральными костюмами въ сундукѣ одной умершей, совершенно бѣдной старушки, отысканъ рукописный календарь-дневникъ, куда прадѣдушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вкратцѣ вписывалъ разныя достопримѣчательности своего давно забытаго домашняго обихода. Противъ февраля 1768 года въ этомъ календарѣ написано: «подарилъ Ашенькѣ безподобной яхонтъ и часы отъ Лепика. Иванушка и учитель его, Григорѣвской, любо-

вался». Противъ іюля 1770 отмѣчено: «бѣжалъ садовникъ Максимка Жукъ и поваръ Лука Горличка бѣжалъ же; смутно и у сосѣдей, братецъ капитанъ-исправника, господинъ маеоръ, слышно, умеръ отъ руки своихъ людей». Противъ августа 1775 года стоитъ отмѣтка: «бѣжала дѣвка Нешка, и я за нее попалъ у Ашеньки въ суспицію». А противъ марта 1780 года написано: «укрощалъ Ашеньку, дважды запирая на три сутки въ банѣ, за придирки и за скуку. Женское жеманство тѣмъ исправляется».

1871 г.

II.

ТѢНЬ ПРАДѢДА.

(Лейбъ-кампанецъ).

Въ рукописномъ календарѣ-дневникѣ моего прадѣда, Якова Евстафьича Данилевскаго, подъ 1776 годомъ, уцѣлѣла замѣтка: «13-го іюня, въ понедѣльникъ, заложилъ я хуторъ азовской губерніи, на рѣкѣ Богатой». Подъ 1778 годомъ, тамъ же прибавлено: «іюля 24-го, во вторникъ, въ полночь пріѣхали въ хуторъ на Богатую—я, Ашенька, Иванушка и учитель Григорѣвской. Тогда во оныхъ пустошахъ селяне бѣжали, а сосѣду моему по тому хутору, лейбъ-кампанцу ея величества покойныя императрицы Елисаветъ Петровны, г. Увакину, по его, впрочемъ, квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго же поступкамъ, его подданными тогда же содѣянъ столь неподобной и ужести наводящій афронтъ, что хотя бы я на свѣтѣ не былъ,—*тѣнь моя* да скажетъ о томъ потомству...»

Яковъ Евстафьичъ очутился сосѣдомъ лейбъ-кампанца Увакина, вслѣдствіе того обстоятельства, что пожелалъ, въ рѣдкій часъ фавора къ моей прабабкѣ Аннѣ Петровнѣ, сдѣлать ей отмѣнный презентъ. А именно, подъ вліяніемъ недавнихъ преданій о заселеніи этого края, онъ задумалъ сперва населить, а потомъ сюрпризомъ за нею укрѣпить плодородную дикую степь въ 7.000 десятинъ, купленную имъ съ торговъ за четыре тысячи рублей ассигнаціями, отъ генерала Штоффельна. Земля же эта находилась въ тогдашней азовской, нынѣ Екатеринославской губерніи,

между рѣчекъ Богатой, Богатѣньки и Лазовой, и болѣе чѣмъ въ ста верстахъ отъ Пришиба, родового помѣстья прадѣда.

Затѣявъ населить для жены хуторъ, Яковъ Евстафьичъ изъ сыромятины соорудилъ кожаную калмыцкую кибитку, взялъ съ собой изъ Пришиба крѣпостныхъ рабочихъ и купленнаго передъ тѣмъ въ Москвѣ у Архарова приказчика Михайлу Портяного, перваго развѣдчика и доглядчика выбранной степи, и, въ ожиданіи купленныхъ гдѣ-то подъ Тулой крестьянъ, переѣхалъ готовить для переселенцевъ избы, сараи для скота и водопой.

Постройка зданій, по тогдашнимъ затрудненіямъ въ добычѣ припасовъ, запоздала. Сверхъ того, при переводѣ купленныхъ крестьянъ, въ началѣ случились тоже какія-то непредвидѣнныя преграды. А потому, въ первыя два лѣта по покупкѣ земли, Яковъ Евстафьичъ, несмотря на слабое здоровье, по временамъ наѣзжая на Богатую и проживая въ калмыцкой кибиткѣ, разбитой у опушки круглаго степного лѣска, сильно скучалъ.

Вѣчно озабоченный хозяйствомъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафьичъ, хотя безпрестанно ѣздилъ то въ губернскій городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ, какъ сидѣнья дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разсказовъ Ашеньки, на которую онъ, впрочемъ, дома то-и-дѣло ворчалъ. А тутъ, вмѣсто лѣсныхъ береговъ Донца и густо-населеннаго Пришиба, дикопорожняя и глухая степь.

Яковъ Евстафьичъ любилъ, когда въ комнатѣ, гдѣ онъ спитъ, водятся сверчки. И если они иной разъ оттуда исчезали, онъ отряжалъ Ашеньку къ кому-либо изъ сосѣдей. Анна Петровна останется въ гостяхъ ночевать, разстелетъ на полъ простыню, станетъ водить шпилькой по зубьямъ коснаго гребня, подманитъ тѣмъ изъ-за печки и изъ щелей нѣсколько сверчковъ и привезетъ ихъ въ коробочкѣ мужу. А иногда и самъ Яковъ Евстафьичъ наловитъ пѣвуновъ у кого-нибудь изъ дворовыхъ и напуститъ себѣ въ опочивальню. И по цѣлымъ вечерамъ, особенно зимой, сидитъ, бывало, у окошка и слушаетъ, приговаривая: «эка хорошая музыка! Точно скрипачи! Лихо сладились! Семь человѣкъ сегодня пѣло». Приказчикъ Портяной зналъ обычай барина и, разбивъ кибитку у лѣсного круглячка, въ пер-

вое же лѣто и прежде всего то сухарями, то кашей привадилъ туда цѣлую пѣвческую капеллу разнообразнѣйшихъ полевыхъ сверчковъ, которымъ въ окрестной травѣ вторили тысячи товарищей.

Во второе лѣто Яковъ Евстафьичъ сталъ брать въ побывку на Богатую учителя Иванушки, Григорѣвскаго. Это былъ рослый и худой бурсакъ, вѣчно потѣвшій, робкій и молчаливый, разъ въ мѣсяцъ аккуратно напивавшійся мертвецки и ходившій въ длиннополой нанковой парѣ ярко-желтаго цвѣта, такъ что издали казался большою канарейкой. Яковъ Евстафьичъ любилъ съ нимъ поспорить о философіи и о тайнахъ природы, такъ какъ Ѳедоръ Степановичъ былъ только мистикъ, а Яковъ Евстафьичъ къ тому же еще и масонъ, изъ извѣстной ложи Елагина: землякъ и однокашникъ по кадетскому корпусу извѣстнаго Мировича. За учителемъ водилась еще одна странность, доставлявшая много веселости Якову Евстафьичу. Изъ бурсы учитель вынесъ привычку самъ себѣ мыть не только бѣлье, но и платье. Какъ заноситъ, бывало, то и другое, выждетъ время и шмыгнетъ въ садъ къ пруду, либо на донецкія озера въ лѣсъ. Сниметъ платье и бѣлье, осмотритъ все, отстегнетъ изъ-подъ лацкана запасную иглу, заштопаетъ что̀ надо, да тутъ же и вымоетъ, какъ слѣдуетъ, и развѣситъ сушиться по кустамъ, а самъ разляжется въ прохладныхъ струяхъ на пескѣ и думаетъ: «Вотъ, кабы сюда еще да бутылочку токайскаго, либо пивца!» Яковъ Евстафьичъ поглядѣлъ его нагишомъ за такими упражненіями и съ тѣхъ поръ не могъ на него смотрѣть безъ смѣха.

Учитель пріѣхалъ на Богатую не одинъ. Онъ привезъ съ собою и любимаго Якова Евстафьича ручного журавля, по имени генеральсъ-адъютанта. Нѣсколько лѣтъ этотъ журавль жилъ въ Пришибѣ и такъ привыкъ къ людскому обиходу и суетѣ, что зимой не выходилъ изъ птични, а лѣтомъ, съ прочими домашними пернатыми, весь день гордою поступью шагалъ по двору, клюя всякую всячину и воюя за помои съ собаками и свиньями. Зато осенью, когда по небу тянулись вереницы его дикихъ товарищей, сѣрый журка по цѣлымъ днямъ стоялъ задумавшись и затѣмъ вдругъ начиналъ ногами и крыльями выдѣлывать неистовые и уморительные прыжки. Но какъ генеральсъ-адъютантъ ни старался подняться въ воздухъ, его манило снова назадъ

къ землѣ, въ знакомый дворъ, и, ообогнувъ садъ и выгонъ, онъ кругами опускался опять либо на крышу кухни, либо на погребъ и, какъ-бы для развлеченія, усердно принимался долбить носомъ какую-нибудь кухонную дрянь или бабье тряпье. «Что, братъ, журка, не полетишь?» подтрунивалъ надъ нимъ Яковъ Евстафьичъ, стоя на крыльцѣ и вспоминая собственные молодые годы, дружбу съ Мировичемъ и службу въ пѣхотномъ Псковскомъ полку: «видно, не до товарищей теперь, дурачина! привыкъ, обабился, вотъ и сиди!»

Но едва учитель привезъ журавля на Богатую, на другой же день, около вечера, заслыша въ камышахъ гортанные оклики привольной и дикой стаи товарищей, генеральсъ-адъютантъ исполнился тревогой, пересталъ ѣсть, а на утренней зарѣ какъ-то особенно пѣвуче и жалобно затурлыкалъ, взмылъ и улетѣлъ безъ возврата...

Скука на Богатой окончательно стала заѣдать Якова Евстафьича, особенно къ концу второй осени, когда вчернѣ поспѣли жилья для переселенцевъ и, расчиствивъ подъ горой три самородные ключа, онъ занялся пахотью и посѣвомъ подъ зябь. Ничто не помогало: ни еженедѣльныя каракульки сына, ни ласковыя цидулки къ милу-дружку отъ самой Ашеньки, что-де пора вамъ, свѣтикъ, возвратиться и ужъ не полонила-ль вашего сердца какая-нибудь захожая степнячка?» — «Гм! донынѣ глупая баба ревнуетъ!» подумалъ Яковъ Евстафьичъ, почесывая въ затылкѣ. Даже не веселили его поспѣвшія господскія горницы, а наконецъ, и большой табунъ лошадей, съ восемью жеребцами, въ тотъ годъ переведенный сюда съ луговъ изъ Пришиба.

И вотъ, чтобы развлечь барина, приказчикъ Портяной однажды сказалъ ему:

— Что, ваша милость? Послушайте-ка вы мои рабскія рѣчи. Сѣсть-то поселкомъ мы сѣли, строимъ жилья, нарыли колодезей и насѣяли хлѣба до вешняго теплаго дня. А сосѣдей-то и не почествовали. Не купи двора, купи сосѣда! Съ сосѣдомъ жить въ миру, все къ добру.

— Такъ, такъ, Михайлушка. Да кто же тутъ у насъ, скажи ты мнѣ, стоющіе сосѣди?

— А хоть бы и г. Уважинъ, лейбъ-кампанецъ. Я ужъ вамъ не однова про него докладывалъ. Онъ въ Питерѣ служилъ, и сами, чай, изволили слыхать тётку нонѣшней ца-

рицы, покойную царицу Лизаветъ Петровну, съ товарищами посадилъ на царство... Онъ это съѣзжалъ куда-то, а нонѣ съ Покрова опять тутъ объявился въ своемъ владѣніи.

— Ой-ли? Далече ли его зимовникъ и отъ кого ты про него узналъ?

— Верстахъ въ пятнадцати сидитъ, внизъ по Лозовой, промежъ трехъ яровъ, коли слышали. Чунихинскій попъ про него сказывалъ. Баринъ ужъ старый, начетчикъ такой и пребѣдовый. Всѣ его тутъ боятся, особливо-жъ женскій полъ. И коли ваша милость пожелаете его узрѣть надоть поосторожнѣе: какъ бы не изобидѣлъ... Гордости великой человѣкъ, хоть и изъ простыхъ рядовыхъ, — извините,—въ столбовые вышелъ...

Якова Евстафьича, впрочемъ, трудно было испугать кѣмъ бы то ни было. Онъ и обыска, и спроса по дѣлу Мировича не испугался, когда къ нему въ имѣніе налетѣлъ самъ намѣстникъ, тутъ-же, впрочемъ, спасовавшій передъ его женой, извѣстной самой государынѣ. А потому, недолго думая, онъ сперва отписалъ къ Увакину вѣжливое письмо, увѣряя его въ дружбѣ и въ уваженіи, а затѣмъ снарядилъ и послалъ къ нему учителя Григорѣвскаго, съ порученіемъ просить его «лейбъ-кампанское благородіе» къ себѣ на побывку въ гости. Семинаристъ отъ сосѣда былъ привезенъ подъ такимъ сильнымъ подозрѣніемъ въ презнатной выпивкѣ, что прежде всего надо было уложить его спать. А потомъ отъ него узнали слѣдующее: «я-де Увакинъ, тоже старъ и хотя былъ, дѣйствительно, когда-то рядовымъ, но ко мнѣ нонѣ ѣздятъ не токма знатные дворяне, а и генералы, да и самъ г-нъ азовскій губернаторъ неоднова-де являлся ко мнѣ на рандеву и какъ слѣдъ отдавалъ решпектъ по всей, то-есть, подобающей аттенціи! Инъ пусть же господинъ поручикъ Яковъ Астафьичъ самъ первый ко мнѣ пожалуетъ».—«Фанфаронъ!»—фыркнулъ на это Яковъ Евстафьичъ. Однакоже, дѣлать нечего, перегодя, велѣлъ запрячь четверню воронопѣгихъ и, передъ возвращеніемъ Пришибъ, самъ съѣздилъ съ решпектомъ на рандеву къ сосѣду лейбъ-кампанцу: «побалую его, пса, можетъ, когда и пригодится. Вонъ тятенька мой, Евстафій Даниловичъ, веселилъ на бандурѣ князя Никиту Юрьича Трубецкого и за то полкъ изюмскій получилъ въ команду!»

Было свѣтлое, съ легкимъ морозцемъ, октябрьское утро. Калина Саввичъ Увакинъ встрѣтилъ Якова Евстафьича на завалинкѣ бѣлаго глинянаго домика, гдѣ онъ, въ волчьемъ тулупѣ и въ рысьей шапкѣ, грѣлся на солнцѣ и изъ кувшина просомъ кормилъ голубей, и сперва показался гостю такимъ сгорбленнымъ и невзрачнымъ старикашкой.

— Милостивѣйшему патрону и сосѣду привѣтъ! — искательно заявилъ о себѣ, вылѣзая изъ коляски, Яковъ Евстафьичъ.

— Прошу и меня нижайшаго жаловать; вашъ слуга!— съ аттенціей принялъ гостя и хозяинъ: — спасибо, что навѣстили меня, Калину! Собачья старость вотъ пришла. Вишенье развожу, птичекъ кормлю, да вѣдомости про нонѣшнія времена читаю. Не могу не благословлять Господа, что до-днесь, по волѣ ея величества, моей покойной императрицы Лизаветъ Петровны (тутъ Увакинъ всталъ и снялъ шапку), тридцать-пять лѣтъ на спокоѣ состою и довольствѣ, въ пречестномъ потомственномъ рассейскомъ дворянствѣ помѣщикомъ...

Гость и хозяинъ церемонно обнялись и присѣли на завалинкѣ.

Шестидесятилѣтній, медвѣдеобразный, съ бѣлыми кустоватыми бровями, почти безъ усовъ, и еще желѣзнаго здоровья, старикъ Увакинъ, родомъ изъ новгородскихъ поповскихъ дѣтей, какъ всталъ, говоря о Елисаветѣ Петровнѣ, да выпрямился, то оказался великаномъ сравнительно съ тщедушнымъ, лысенькимъ, слабымъ и невысокимъ гостемъ. Крупный и красный носъ Калины Саввича показывалъ, что онъ полюбилъ украинскую терновку и часто прикладывался къ ея бутылямъ, укромно глядѣвшимъ наружу чуть не изъ каждаго окна. А громкія побранки, съ которыми онъ раза два прикрикнулъ на вѣрнаго слугу, горбатаго Васильца, распоряжаясь пріемомъ гостя, говорили, что лейбъ-кампанецъ спозаранку уже былъ на второмъ взводѣ. Отсыпавъ другъ другу съ три короба изысканныхъ привѣтствій и комплиментовъ, новые знакомцы перешли въ вишневую куртину, гдѣ въ ту пору подсаживались новыя деревца, а оттуда въ горницу, и здѣсь Увакинъ началъ бесѣду о прошломъ и, главное, о великой перемѣнѣ приснопамятнаго 1741 года.

— Не тѣ нонѣ времена, Яковъ Астафьичъ, не тѣ! То ли

были дни, милостивый патронъ мой, какъ мы матушку красавицу нашу, Лизаветъ Петровну, становили на царство! А наипаче и особливо, сказала она, лейбъ-гвардіи нашей полковъ по прошенію престолъ родителя нашего мы воспріять изволили... А? Слышите? И гдѣ у людей уши и память? Такъ, именно этими словами она о насъ и прорекла всему свѣту въ манифестѣ? Наипаче же и особливо!.. Всему царству сказала!.. Да вѣдь этихъ словъ, отцы родные, не стереть вамъ и не вырубить вовѣки. Вотъ онъ, вотъ манифестъ! читайте! — потащилъ онъ гостя къ стѣнѣ, на которой подъ стекломъ висѣлъ сѣрый, въ большой листъ, манифестъ 25-го ноября 1741. года.

Яковъ Евстафьичъ, видя волненіе Увакина, заговорилъ-было о хозяйствѣ и о своей семьѣ, о томъ, что вотъ и онъ небезызвѣстенъ двору, что царь Петръ Первый былъ въ гостяхъ у его дѣда, и родного его брата крестилъ на походѣ, а что по матери онъ сродни знатному роду Никиты Юрьича Трубецкого.

Не тутъ-то было. Увакинъ ушелъ въ спальню, воротился оттуда съ трубками кнастеру, одну подалъ гостю, а другую самъ закурилъ, и на вопросъ, какъ же онъ попалъ въ столь счастливый случай, началъ:

— Дѣло было, коли хотите знать, милостивый патронъ мой, таково. Спали наши преображенцы въ свѣтлицахъ своихъ на Литейной. Ночь была — ухъ! — какова морозная. Я былъ на часахъ, и только-что вышелъ изъ караульни, слышу скрипъ полозьевъ: летятъ шибко, но безъ шуму, трое саней по Литейной перспективѣ, да прямо-то къ нашей съѣзжей избѣ; на ея мѣстѣ послѣ Спасъ Преображенія царица поставила. Изъ первыхъ саней выходитъ сама царевна Лизаветъ Петровна, съ дохтуромъ Лестокомъ, а за кучера у нея графъ Воронцовъ; изъ другихъ саней вышли кое-кто изъ вельможъ, и гранодеры у нихъ на запяткахъ. Въ рукахъ у царевны крестъ, черезъ плечо кавалерія, въ лисьей шубѣ, а сама, сердечная, такъ и дрожитъ, зубъ на зубъ не попадетъ, не то отъ мороза, не то отъ страха. Барабанщикъ ударилъ-было тревогу; только дохтуръ кинулся къ нему и пропоролъ кожу на барабанѣ. Я бросился въ казармы, а ужъ здѣсь и вся наша рота бѣжитъ. «Что̀, ребята?—крикнула тутъ яснымъ такимъ да смѣлымъ голосомъ царевна: — знаете ли вы, кто я?» — «Знаемъ, матушка

знаемъ!» — «Готовы ли идти за мной и готовы ли дочку самого царя Петра Перваго на престолъ возвратить!» — «Готовы жизнь положить! Давно тебя ждали!» — «Или вамъ, скажите, лучше быть подъ годовалымъ ребенкомъ, да подъ нѣмцами?» — «Смерть молокососу! Нѣмцамъ смерть!» — загалдѣла вся рота: — будетъ имъ надъ Рассеей командовать!» — «Никого, солдатушки, не убивайте, прошу я васъ; а лучше за мной въ тихости маршируйте; мы и такъ съ ними и съ ихъ партизанами справимся!» — сказала царевна, а изъ-подъ шапочки русыя косы выбились; рослая, да статная такая. «Лебедка ты наша!» — гаркнула опять рота и давай у нея крестъ цѣловать. Ружья зарядили, штыки завинтили, да за нею тихо по морозцу прямо въ Зимній Дворецъ. Кое-кого по пути отрядили супротивныхъ министровъ брать подъ караулъ... Мнѣ же съ товарищами, Кокорюкинымъ, Клюевымъ, Перштукинымъ и другими, пришлось брать подъ арестъ самого младенца-императора. И никогда я того не забуду, милостивый государь мой! Вбѣжали это мы во дворецъ, да прямо къ нему въ спаленьку, нѣмецкую няньку связали возлѣ, въ сосѣдней горницѣ. А здѣсь у него-то, смотримъ, колыбель подъ занавѣсочками, лампадка предъ кіотомъ. Я хоть въ солдаты за увѣчье купца попалъ, но все же самъ былъ изъ церковниковъ и маленько, знаете, тутъ было-позамялся, да опомнился и кинулся далѣе. У колыбели вскочила вся въ золотѣ и красивая такая мамка-нѣмка, ломитъ руки, лопочетъ по-ихнему и, ниже мертвая отъ страху, во всѣ глаза глядитъ, что это мы, солдатьё, вскочили такъ безъ указу, гремя ружьями и въ шапкахъ. Я съ Клюевымъ прямо къ колыбели, отдернули положокъ, пообождали чуточку и взяли на руки младенца... Онъ съ перепугу такъ и залился. А изъ дворца, слышимъ, товарищи ужъ шумно сносятъ на рукахъ самоё регентшу Анну Леопольдовну, и кричитъ принцесса черезъ всѣ царскіе аппартаменты: «Иванушка, сынъ мой, названный императоръ! гдѣ ты?» Отвезли регентшу съ мужемъ въ домъ царевны, а потомъ въ крѣпость; императора жъ, младенца Ивана, Лизаветъ Петровна взяла къ себѣ въ сани... Проводили мы этакъ бережно царевну опять въ ея дворъ, гдѣ прислуга подъ замкомъ оставалася. А здѣсь ужъ и всѣ новые фавориты на-лицо. И видѣлъ я, какъ старые фавориты набѣгали и предъ новыми на колѣнкахъ въ сенаторскихъ

мундирахъ ползали, и тѣ надъ ними громко смѣялись, били въ ладоши и грозилися: «что, молъ, нѣмецкая сволочь, измѣнники? теперь оробѣли?» А на улицѣ всю ночь говоръ, крики «виватъ», сходятся и строятся полки, столичная знать въ саняхъ, въ перегонку, подъѣзжаетъ, народъ валитъ и костры горятъ отъ дворца вплоть до Невской перспективы... Лизаветъ Петровна тутъ опять вышла къ генералитету, въ шелковой дымчатой робѣ, на большихъ фижменахъ, объявилась самодержицей и сказала: «съ нами Богъ! Забываю старымъ старое, только служите вѣрою по новому!» На утро по воеводствамъ поскакали курьеры, столица присягнула, и вышелъ манифестъ. Простого народа попамъ къ присягѣ звать не велѣно. Всѣ возликовали. А ужъ о нашей братіи, гранодерахъ, и говорить нечего.— «Ну, сосѣдушка,—перебилъ Яковъ Евстафьичъ,—извините, только слышно, что ваша рота вела себя не очень-то по приличію...»—«Оно, точно, милостивый патронъ мой, спервоначала солдаты наши маленько побуянили. Бросились по кабакамъ. Не обошлось безъ драки, буйства и непокорства шквадроннымъ властямъ. Кое-кому изъ знатныхъ помяли и бока. Въ энту же ночь спьяну не мало растеряло по улицамъ шапокъ, сумокъ и всякой аммуниціи, а кто и ружье. Да и какъ было не бражничать! Самые знатные бояре намъ въ ту пору въ поясъ кланялись... Въ разъясненіе же милосердныхъ сентиментовъ ея величества, скажу еще слово... Она и царевной добротой прослыла и по простотѣ въ гвардіи крестила, не токма у начальства, но и у солдатъ, и на именины къ нашимъ солдаткамъ хаживала. Въ первую жъ годовщину вшествія, Лизаветъ Петровна объявила такія милости намъ, учрежденной своей лейбъ-кампаніи: поручиковъ роты произвела въ генералы-лейтенанты, прапорщиковъ въ полковники, барабанщиковъ въ сержанты и всѣхъ, какъ есть, двѣсти-пятьдесятъ восемь рядовыхъ въ потомственные дворяне... А про капитанское мѣсто въ той ротѣ объявила: «его мы соизволяемъ сами содержать и оною ротой командовать!» И подарила намъ, солдатамъ, матушка-царица, въ Пошехонской волости отписныя помѣстья ссыльнаго князя Меншикова, на каждаго рядового по двадцать-девять душъ, повелѣла всѣхъ насъ вписать въ столбовыя книги и сама апробовала и утвердила каждому гербъ, съ гранатами и съ дворянскимъ шлемомъ, а поверхъ его съ

лейбъ-кампанскою шапкою. Вотъ онъ тоже виситъ на стѣнѣ... Но и другіе прислужники царевны были награждены, какъ слѣдуетъ, не токма что вельможи: комнатные слуги, Скворцовъ и Лялинъ, пожалованы деревнями и дворянствомъ, аметердотель Фуксъ въ вѣдомостяхъ зауряды переписанъ въ бригадиры. И стали на вѣчную память по Россіи новые дворяне: Увакины, Кокорюкины, Мухлынины, Першуткины, Клюевы и другіе... И никто намъ, жалованнымъ, не указъ.

— Какъ же вы, Калина Саввичъ, попали сюда изъ Пошехонья въ Украйну, на Лозовую? — перебилъ опять Увакина Яковъ Евстафьичъ.

— Сманилъ меня сюда, скажу вамъ, генералъ Штоффельнъ, у коего и вы землицу съ торговъ купили. Былъ у насъ съ нимъ за картами разговоръ: я съ его совѣта и выпросилъ себѣ чрезъ питерскихъ милостивцевъ обмѣнъ грунтовъ и перевелъ сюда своихъ подданныхъ.

— Давно?

— Годовъ ужъ съ двадцать. Да что! Мѣста тутошнія и хороши; только неладно здѣсь нонѣ жить въ степи, хоть и сказывали затѣйники, что здѣшніе берега кисельные, а рѣки медомъ текутъ...

— Чѣмъ же неладно тутъ жить?

— Не тотъ нонѣ штиль и не тѣ времена. Статское искусство верхъ взяло, а военное теперича въ забросѣ. Прожектисты въ гору пошли, и всѣ, кто былъ допрежде сего въ авантажѣ, вездѣ стали забыты. А въ Питеръ намъ, знатному шляхетству, видно, и не показываться. Дѣла тамъ теперича, милостивой патронъ мой, рѣшаются не по закону, а по партикулярнымъ страстямъ. Да вотъ... подавалъ я, примѣромъ, туда черезъ одного благодѣтеля нѣкоторое нужное письмо и къ оному пункты. Что жъ? Ничего, какъ есть, никакой резолюціи до сего дня не добился.

— Какіе же это вы подавали пункты?

— Доношеніе, государь мой, доношеніе на одного здѣшняго непотребнаго озорника и, сказать къ слову, — извините, — моего жъ сосѣда...

— Что же онъ сдѣлалъ за провинность?

— Изъ злой дурости выпустилъ на теперешнюю царицу, на матерь-то нашу, Екатерину Алексѣевну, преострый и преподлый пашквиль...

Яковъ Евстафьичъ даже поблѣднѣлъ и, сказавъ: «съ нами крестная сила!» спросилъ:

— Какой пашквиль?

— Увѣряетъ, представьте, не стѣсняясь долгомъ присяги, якобы новому нашему, въ семъ году затѣянному городу Екатеринославу, быдто не сдобровать... Бабьи-де города не стоятъ! И какое-де нонѣ житье за бабою, коли женской полъ опять царствомъ завладѣлъ и своимъ фаворитамъ отдалъ насъ всѣхъ подъ суверенство. А? каковъ? И такихъ фармазоновъ-вольнодумцевъ терпятъ?

— А кто сей пашквилянтъ, осмѣлюсь спросить? — перебилъ Яковъ Евстафьичъ, не безъ тревоги, подвигаясь къ двери и поглядывая, гдѣ его коляска.

— Кому же имъ и быть, какъ не гулякѣ и не картежнику, однодворцу Фролкѣ Рындину? Ну! да пусть ужъ теперича всякая мелкота сильна и чинна стала. Только я ему мудрость-то и обиды его пособью. У меня случай есть въ новомъ фаворитѣ Зоричѣ. И ужъ коли нонѣшніе потентаты не изведутъ его, злого паскудника, такъ я самъ, за его качествы, на него лихъ пойду и силой покорю подъ нози сего супостата... Такъ-то, милостивецъ мой и сосѣдъ! силою... И вѣрь ты моему лейбъ-кампанскому слову... Говорю я это и тебѣ, и всякому не на вѣтеръ: кто моихъ властей не уважилъ, я того за рога. Послѣдніе дни, видно, приходятъ и все тутъ!..

Не понравился лейбъ-кампанецъ Якову Евстафьичу, и онъ уѣхалъ отъ него, повторяя про себя: «фанфаронъ, какъ есть, и знать презавистливый хвастунъ!».

Похвальбу свою лейбъ-кампанецъ, однако, вскорѣ выполнилъ дѣйствительно.

Только поссорился Увакинъ съ Рындинымъ, какъ оказалось послѣ, не за преострый пашквиль на «новое бабье царство», а по другой причинѣ, и кровавая развязка этой ссоры надолго взволновала тихія мѣста по Богатой!

Настала весна 1778 года.

Яковъ Евстафьичъ въ этомъ году прибылъ въ хуторъ на Богатую ранѣе, такъ какъ сюда, въ концѣ апрѣля, ожидалъ прихода купленныхъ подъ Тулой крестьянъ. Получивъ письмо отъ повѣреннаго, что первый отрядъ переселенцевъ уже двинулся, прадѣдъ мой, оставя калмыцкую кибитку, помѣ-

стилея въ новомъ барскомъ домикѣ, выстроенномъ тутъ же на взгорьѣ, надъ Богатой.

Это была въ полномъ смыслѣ дѣвственная роскошная степь, какими девяносто лѣтъ назадъ еще обладала тогдашняя азовская губернія. Плугъ еще рѣдко взрывалъ ея тучную почву, а стада мериносовъ мало топтали ея дикіе цвѣты. Близъ новаго поселка не было почти никакихъ дорогъ, кромѣ стариннаго чумацкаго тракта на Бахмутъ, проходившаго оттуда въ нѣсколькихъ верстахъ. На хуторѣ стало оживленнѣе. По ночамъ въ окна барскаго домика долетало звонкое ржаніе восьми жеребцовъ, сторожившихъ на свободѣ косяки своихъ кобылицъ. Тихія рѣченки: Богатя, Богатѐнька и Лозовàя, извѣстныя теперь по Севастопольской дорогѣ, протекали здѣсь среди густыхъ камышей, храня въ полноводныхъ плёсахъ множество рыбы и раковъ, а по топкимъ берегамъ неисчислимыя стада чаекъ, кроншнеповъ и дупелей. Долина Богатой, у одного изъ плёсовъ которой, на самородныхъ ключахъ, расположился новый хуторъ, отличалась особою, чисто степною красотой. Одинъ берегъ рѣки упирался въ высокій зеленый горбъ, изрѣзанный красноглинистыми провальями и обрывами. Противоположный берегъ представлялъ гладкую, какъ скатерть, сперва зеленую, а потомъ синѣющую равнину, надъ которою вдали, въ жаркій день, точно струи водъ, откуда-то протягивались и играли волнистыя мàрева, а въ облакахъ кружили орлы, заставляя недавно закрѣпощенныхъ украинцевъ, работниковъ прадѣда, со вздохомъ слѣдить за ихъ вольнымъ полетомъ и задумываться надъ недалекимъ временемъ, когда ихъ отцы и дѣды такими же орлами носились надъ этими пустырями.

Девятилѣтній сынъ Якова Евстафьича, мой дѣдъ Иванъ Яковлевичъ, ходившій еще въ курточкѣ и воротничкахъ и взятый теперь отцомъ на Богатую, ясно помнилъ эту весну и приходъ перваго отряда переселенцевъ и любилъ объ этомъ впослѣдствіи разсказывать.

Къ началу мая были готовы всѣ избы и другія строенія для крестьянъ. Невдалекѣ же отъ небольшого домика, потомъ обращеннаго въ кухню, стали строить изъ навезеннаго, сплавного днѣпровскаго лѣса большой липовый господскій домъ, а возлѣ, на утѣху сударынѣ Аннѣ Петровнѣ, разбили и насадили садъ.

Иванушкѣ теперь была предоставлена полная своб...

въ то время, какъ учитель бесѣдовалъ съ Яковомъ Евстафьичемъ или читалъ «Утренній Свѣтъ» Новикова, Иванушка съ приказчикомъ Портнымъ, страстнымъ охотникомъ, урывался съ ружьемъ, съ дудочкой или съ сѣтью въ степь, или съ удочкой и съ острогой къ синимъ плёсамъ рѣки.

Въ лѣсномъ круглячкѣ, у котораго вначалѣ была разбита кибитка прадѣда, Иванушка намѣтилъ старый высокій дубъ, а на его вершинѣ орлиное гнѣздо. Сперва онъ, тайкомъ и безъ провожатаго, бѣгалъ туда слѣдить за жизнью и кормленіемъ еще безперыхъ орлятъ, а потомъ сталъ просить Портнόго добыть ему и выносить для охоты орленка. Долго отнѣкивался приказчикъ: «и зачѣмъ вамъ, батюшка-барченокъ, мучить вольную Божью тварь!» Наконецъ, уступая настояніямъ барченка и не безъ опасности быть заклеваннымъ освирѣпѣлою орлицей, Портнόй взялъ ружье и ножъ и, выглядѣвъ подвечерній отлетъ старыхъ орловъ на добычу, полѣзъ къ гнѣзду. Долго Иванушка стоялъ внизу, замирая отъ волненія, ломая руки и прислушиваясь, какъ въ тишинѣ лѣска, подъ руками и ногами Михайлы, трещали вѣтви дуба и сыпался мелкій сушникъ. Но вотъ Портнόй добрался до орлинаго гнѣзда и затихъ.

— Чтò, Михайлушка?—внѣ себя спросилъ снизу мальчикъ:—сколько ихъ? да говори же!

Михайло молчалъ.

— Ни одного!—крикнулъ онъ со смѣхомъ:—проворонили! Всѣ разлетѣлись... Вонъ желтоносые попархиваютъ по верхамъ! Зато, погодите, молчите!—опять отозвался сверху дуба Михайло:—слышите пѣсни? это наши переселенцы подходятъ. Отсюда видно ихъ, какъ на ладони: много, много телѣгъ, идутъ и пѣшю; пыль клубомъ, дѣтей несутъ на рукахъ и пѣсни поютъ... Красныя панёвы, бѣлыя полстяныя шапки... Такъ и есть: наша арава! Пойдемте, барчукъ, имъ навстрѣчу...

И приказчикъ съ Иванушкой бѣгомъ пустились по полю.

Когда Иванушка подбѣжалъ къ передовой толпѣ переселенцевъ, и тѣ узнали, кто онъ такой, старики и парни стали брать его на руки, ласкать и приговаривать: «соколъ ты нашъ! надежа наша и покровъ!»—а бабы наложили ему за пазуху дудочекъ и глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ. А кто-то барченку подарилъ пойманнаго дорогой, мохнатаго и жирнаго сурка. Не доходя съ полверсты до усадьбы, пере-

селенцы разбили таборъ, поставили возы кругомъ, загнали туда скотъ и лошадей, разложили костры и отрядили къ барину стариковъ.

— Чтó, ребята, притомилися? Милости прошу на хлѣбъ, на соль и на послушаніе! — сказалъ Яковъ Евстафьичъ, выйдя къ нимъ въ сумерки на крыльцо:—жилье вамъ слажено, хлѣбъ посѣянъ, земли и воды вдоволь! Дѣдъ мой, коли слышали, Данила Даниловичъ, населилъ два лѣсныхъ помѣстья; а я вотъ, съ Богомъ, населяю степное! Будете чливы да радѣтельны, подарю васъ въ награду женѣ моей Аннѣ Петровнѣ. Портянóй! угости ихъ и распоряжайся...

Мужики поклонились, понурили головы и пошли. И съ утра таборъ сталъ размѣщаться по отведеннымъ ему дворамъ. Дня черезъ три, съ поля, и опять подъ вечеръ, чуткій слухъ Портянóго заслышалъ новыя пѣсни и скрипъ телѣгъ. Подошелъ и разбилъ костры другой отрядъ переселенцевъ. Къ концу же мая населился весь хуторъ; красныя панёвы и бѣлыя полстяныя шапки замелькали по полю, по рѣкѣ и по вновь окопаннымъ огородамъ, засверкали въ травѣ косы, зачернѣла новая пахоть; а по свѣже-натоптанной, широкой улицѣ поселка загремѣли звонкія пѣсни дѣвокъ и парней, не прекращаясь отъ сумерекъ вплоть до криковъ раннихъ, навезенныхъ изъ-подъ Тулы пѣтуховъ.

Такъ населился новый хуторъ прадѣда на Богатой.

Въ то же лѣто Яковъ Евстафьичъ рѣшился показать женѣ этотъ поселокъ и прибылъ сюда, какъ сказано въ его дневникѣ, 24 іюля, въ полночь, вмѣстѣ съ нею, съ Иванушкой и съ учителемъ.

Это былъ вторникъ. А въ четвергъ онъ объѣздилъ съ Аненькой поля, луга и всѣ границы имѣнія, показалъ ей свѣже-накошенные стога сѣна, копны новаго жита и поспѣвавшій клинъ великолѣпной пшеницы-бѣлотурки, и только-что усѣлся съ семьей за борщъ съ дикой уткой и за пироги съ перепелами, какъ подъѣхалъ гость, Калина Саввичъ Увакинъ.

На этотъ разъ лейбъ-кампанецъ, узнавъ, что сосѣдъ прибылъ не одинъ, а съ женой, да еще—съ былою фрейлиной настоящей императрицы, явился въ полной старинной преображенской формѣ, въ зеленомъ кафтанѣ, въ поясной портупеѣ съ сумкой, въ шарфѣ черезъ плечо, съ откладнымъ

воротникомъ, въ нѣсколько поѣденной молью треугольной лейбъ-кампанской шапкѣ, въ штиблетахъ и въ башмакахъ. Рѣдкіе сѣдые усы старика были нафабрены и вздернуты къ вискамъ, а въ рукѣ его была офицерская трость—эспонтонъ.

Хозяйка, бывшая запросто, въ распашонкѣ, но имѣвшая обычай строго придерживаться приличій свѣта, ушла и явилась за столъ въ бѣломъ матерчатомъ робронѣ, съ фалбарами, не забывъ налѣпить на щеки нѣсколько мушекъ, и, представленная мужемъ гостю, сдѣлала церемонный, по всѣмъ правиламъ моды, поклонъ.

— Гдѣ изволили, матушка, сшить эту робу? — началъ, послѣ первыхъ привѣтствій, съ учтивствомъ былого щеголя, снимая огромныя перчатки, Увакинъ.

— Къ генеральшѣ Херасковой въ Харьковъ посылала!— зардѣвшись, отвѣтила Анна Петровна.

— Знатный вашъ городокъ Харьковъ, коли такія модныя швеи завелися. А почемъ дали за фалбары?

— Восемь рублевъ.

— Отмѣнно сшиты и къ лицу. Особенно сіи фестоны на лифѣ и сіи же отмѣнные на плечахъ буфики.

— За учтивствы благодарю! — сказалъ и налилъ гостю наливки Яковъ Евстафьичъ.

Разговоръ перешелъ на хозяйство.

Увакинъ, между прочимъ, доложилъ, что у нихъ въ околоткѣ, что ни день, становится все хуже и хуже. Передалъ шопотомъ и озираясь, что вездѣ стали отъ злыхъ навѣтчиковъ бѣжать крестьяне и что у него также сбѣжали, недѣлю назадъ, семь лучшихъ подданныхъ, и хотя трехъ изъ нихъ онъ лично поймалъ на воскресномъ базарѣ въ Барвенковой, заковалъ въ кандалы, привезъ обратно и посадилъ ихъ въ погребъ, но четверо остальныхъ все-таки безъ вѣсти пропали.

— Жаль ослушниковъ. Знатные были работники. И одна только теперь надежда у меня, матушка-сударыня, это—мой вѣрный Василёцъ!—прибавилъ Увакинъ:—все добро мое у него на рукахъ. И теперь вотъ, примѣромъ, я къ вамъ уѣхалъ, а онъ, я ужъ знаю, спустилъ собакъ и съ ружьемъ будетъ рабъ кругомъ усадьбы ходить, пока не обращусь вспять... Что̀ дѣлать? Я вдовый, жениться, полагаю, поздно, хоть и скучно какъ-то одному, а все-таки жаль своего добра!

— Кого же вы боитесь, Калина Саввичъ?—спросила Анна Петровна, читавшая энциклопедистовъ, Гольбаха и Дюмарсе,

и не любившая старческихъ жалобъ на новизну:—вы, можно сказать, имперію спасли, а тутъ неспокойны и сумнительны.

— Ничего я, матушка, не сумнителенъ! Только мало ли злыхъ людей! Фармазоновъ все болѣе и болѣе разводится. Вотъ, хоть бы и сосѣдъ мой, Рындинъ... Ну, да я ли до него не доберусь...

— Ахъ, всѣ-то вы, мужчины, погляжу я, неважны таковы!—усмѣхнулась Анна Петровна:—сваритесь и грозитесь, а ничуть это не славно! Лучше бы жили въ миру. И какіе тутъ у насъ фармазоны?

— И то правда, Калина Саввичъ,—подтвердилъ хозяинъ:—бросьте вы этого Рындина, да разскажите намъ лучше, чтȏ новаго?

— Вотъ,—началъ Увакинъ:—какъ намедни гнался я за моими бѣглецами, прочиталъ я, доложу, у капитанъ-исправника листъ вѣдомости петербургской, и въ этой вѣдомости прописано, якобы на Невской першпективѣ нѣкій щеголь-гусаръ Волокитинъ раздавилъ рысаками одну простую бабу, и потомъ якобы у насъ скоро опять быть войнѣ...

— Довольно съ васъ погрома и Емельки Пугачова, да хоть бы и походовъ Задунайскаго!—проворчалъ Яковъ Евстафьичъ:—повысосали съ насъ денежекъ! Пора бы намъ ужъ и отдохнуть...

— И еще въ той же вѣдомости,—продолжалъ Увакинъ:—изъ амштердамскихъ курантовъ прописываютъ, якобы у французскаго короля при дворѣ представляли преотмѣнное итальянское дѣйствіе, именуемое паштораль, а потомъ его величество забавлялся машкарадой.

— Чтȏ вы мнѣ, Калина Саввичъ, все про французскаго короля, да про его машкараду!—съ досадой перебилъ и закашлялся Яковъ Евстафьичъ:—ваши же, вить, милостивцы Шуваловы у насъ эту французскую дурость въ общую моду ввели. Я, сударь, въ перепискѣ съ Трубецкими.. Дай-ка Иванушка, письмо отъ князя Сергія. чтȏ мы привезли съ собою.

— Чтȏ же пишетъ князь Сергій?

— А вотъ, прислушайте... «А у его-де сіятельства, у бывшаго гетмана Разумовскаго, давали презнатную комедію *La foire de Hiiim* такожде были у него оперы, и на тѣхъ операхъ дѣвки итальянки и кастратъ пѣли съ музыкой»... Вотъ вамъ и бывшій гетманъ всея Украйны! кастратовъ

слушаетъ! Тьфу! А еще римскими доблестями величаются. То ли дѣло здѣсь у васъ, на Украйнѣ, по простотѣ! Не такъ ли, Калина Саввичъ?

Увакинъ задумался и вздохнулъ.

— Мѣста, повторяю, здѣшнія хороши!—отвѣтилъ онъ:— слова нѣтъ! Только, милостивый патронъ мой, повторяю вамъ, мало все-таки защиты намъ здѣсь отъ озорниковъ... того и гляди, тебя изобидятъ!

«Ну, тебя обидишь! — подумалъ Яковъ Евстафьичъ,— найдется такой человѣкъ!»

Послѣ обѣда гость и хозяинъ соснули, потомъ опять угощались наливкой и сластями. А вечеромъ Яковъ Евстафьичъ велѣлъ пригнать ко двору табунъ на показъ сосѣду.

— Смотрите вы у меня,—повелительно сказалъ при этомъ Увакинъ табунщикамъ Якова Евстафьича:—межи вамъ указаны, а ходите вы инова и по моимъ владѣніямъ. Ой, берегитесь; лютъ я, Калина, за свое добро! Разъ пригрожу, два, а тамъ и стрѣлять по васъ изъ винтовки стану, какъ наскочу, либо батогами до полужива задеру»...

«Не стѣсняется его лейбъ-кампанское благородіе!— подумалъ, вспыхнувъ отъ досады, Яковъ Евстафьичъ,— сущій волкъ, волкомъ и умретъ. Ну, да посмотримъ! И я тебя изловлю; овцы твои на водопой ко мнѣ на луга, слышно, перебѣгаютъ. Только я стрѣлять тебя не стану, а свяжу своими молодцами, да прямо въ судъ, хоть ты и чванишься, что царство спасъ».

Послѣ ужина хозяева заговорились съ гостемъ за полночь. Увакинъ собирался въ новооснованный Екатеринославъ, и Анна Петровна надавала ему порученій по дому: купить чаю, сахару, вина. Но едва собесѣдники разошлись по горницамъ и заснули, какъ отъ двора Увакина прискакалъ на взмыленномъ конѣ чуть живой отъ страха Василёцъ и объявилъ въ окошко разбуженному Калинѣ Саввичу, что на его усадьбу въ эту самую ночь напали съ незнаемыми людьми Рындинъ и насильно выкралъ и увезъ къ себѣ во дворъ его рабыню, молодую и весьма красивую ключницу, Улиту.

Бѣшенству старика не было предѣловъ. Онъ выскочилъ на крыльцо въ одномъ бѣльѣ и прежде всего ухватилъ за горло и чуть не задавилъ вѣстника.

— Коня!— заревѣлъ онъ: — коня? Какъ? Меня обидѣть?

Гдѣ же были другіе молодцы? Гдѣ были собаки? Ты, вражій сынъ, выдалъ и живъ? Меня, жалованнаго-то?..

И, какъ буря, понесся онъ сперва къ себѣ на хуторъ, побудилъ и, созвавъ уцѣлѣвшихъ пошехонцевъ, далъ имъ самопалы и топоры, посадилъ ихъ верхами на коней и съ разсвѣтомъ поскакалъ къ усадьбѣ Рындина. Однодворца, разумѣется, дома не засталъ, перевязалъ его небольшую дворню и съ четырехъ концовъ зажегъ его дворъ, овечьи загоны и хлѣбный токъ.

Вѣтеръ раздулъ пожаръ, а Увакинъ до поздняго вечера, рыча, какъ дикій вепрь, ходилъ и бѣгалъ кругомъ, подкладывая огонь-тамъ, гдѣ плохо горѣло. На другое утро онъ опять явился сюда съ плугами и съ боронами, перепахалъ испепеленное дворище, изъ собственныхъ рукъ засѣялъ его гречихой и, заборонивъ пашню, отъѣхалъ во-свояси.

— Пусть песій сынъ помянетъ меня, лейбъ-кампанца, до вѣка...

Песій сынъ, однако, тоже не дремалъ.

Онъ подалъ на Увакина въ судъ челобитную, отрекаясь отъ похищенія Улиты, якобы волей отошедшей къ нему, и отыскивая съ обидчика тысячу рублей за убытки отъ поджога и за обиду.

Явилась полиція. Начался окрестный допросъ. Яковъ Евстафьичъ, втайнѣ радуясь грозѣ надъ самовластнымъ сосѣдомъ, который изъ-за личной ссоры выдавалъ въ доносѣ Рындина за франмасона, тѣмъ не менѣе, навѣстилъ его, съ участіемъ сталъ совѣтовать ему помириться съ Рындинымъ и даже отпустилъ къ нему, для писанія отвѣтовъ, учителя Иванушки.

Но не таковъ былъ Калина Саввичъ, чтобы помириться со всякой мелкотой.

Вслѣдъ за началомъ розыска, видя, что безуспѣшно бросаетъ чиновникамъ послѣдніе рубли, Увакинъ черезъ Васильца провѣдалъ, что Рындинъ съ его рабыней-бѣглянкой скрывается у попа, въ слободѣ Чунихиной, и рѣшился расплатиться съ нимъ до-чиста.

Подъѣхалъ въ сумерки верхомъ къ попову огороду, залегъ въ капустникѣ, у садоваго плетня, выждалъ, да собственноручно изъ винтовки, въ присутствіи похитителя, наповалъ и убилъ Улиту...

Слѣдствіе возгорѣлось съ новой силой. Власти переполо-

шились. Дали знать и знакомцу Увакина, губернатору, спрашивая, какъ быть съ такимъ казусомъ со стороны столь важной особы, обитавшей въ ихъ губерніи?

Но ни суду, ни губернатору не удалось изречь своего приговора надъ Увакинымъ.

Улита была женой одного изъ тѣхъ бѣглецовъ, которыхъ Калина Саввичъ незадолго изловилъ и, несмотря на передряги по слѣдствію, продолжалъ держать въ кандалахъ въ подвалѣ.

Затворники отбили кандалы, вырвались ночью изъ подвала, взяли еще кое-кого изъ своихъ, вѣрнаго Васильца утопили въ колодцѣ, а лейбъ-кампанца, у котораго въ то время ночевалъ и опять сильно подгулялъ учитель дѣда, Григорѣвской, стащили съ постели и сказали: «ну, господине, теперь и съ тобой расчетъ!»

И какъ Увакинъ ни молилъ ихъ и ни кланялся имъ въ ноги, вынимая изъ сундука какія-то бумаги, крича о помощи въ окно и обѣщая всѣхъ выпустить на волю, отдать имъ все добро и отъѣхать въ невѣдомыя земли, пошехонцы вытащили его изъ комнатъ и, въ полной лейбъ-кампанской формѣ, повѣсили его на любимой и имъ же нѣкогда посаженной грушѣ, а сами, связавъ полумертваго отъ страха семинариста, разбѣжались.

И хотя, по словамъ дневника прадѣдушки, «сей неподобный афронтъ» отъ подданныхъ былъ содѣянъ лейбъ-кампанцу «по его же квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго жъ поступкамъ», тѣмъ не менѣе, Яковъ Евстафьичъ, вспоминая ли собственныя волокитныя прегрѣшенія, или въ самомъ дѣлѣ жалѣя сосѣда, тогда же разлюбилъ новый хуторъ на Богатой и болѣе въ немъ никогда не бывалъ.

А за полчаса до кончины, умирая отъ чахотки и удивляясь, что не видитъ свѣчи и не слышитъ болѣе любимыхъ сверчковъ, понялъ, что приходитъ смерть, не безъ чувства простился съ женой и съ восемнадцатилѣтнимъ сыномъ, первую выслалъ изъ комнаты, а второму сказалъ слѣдующее:

«Берегись ложныхъ друзей и тяжбъ, а такожде смѣлыхъ прожектистовъ, охотниковъ до дворскихъ и всякихъ перемѣнъ. Красивыхъ же женщинъ берегись и удаляйся пуще всего... Ихъ алльянцъ—не радость, а пагуба, тлѣнь и запустѣніе души!»

1872 г.

III.

ИМЕНИНЫ ПРАБАБУШКИ.

Именины моей прабабки, Анны Петровны, праздновались въ день св. Анны пророчицы, 3 февраля. Именины другихъ родныхъ, не только дѣдушки, но даже и бабушки, можно было еще пропустить, — этихъ же именинъ ни въ какомъ случаѣ.

Уже за нѣсколько недѣль до 3 февраля, пріѣзжалъ, бывало, отъ ея невѣстки, моей бабушки, къ ея женатому сыну и замужнимъ дочерямъ нарочный съ письмами.— «Всѣ ли здоровы?»—спрашивала ихъ бабушка:—«пора бы собираться къ именинамъ маменьки».—«Твоя, милый другъ, «жонушка»,—писала она сыну: «пораньше позаботилась бы изготовить все, что̀ нужно дѣтямъ для дороги,—шубки подлиннѣе, сапоги теплые, на барашкахъ, да и чулки шерстяные. Дѣвочку возьмите съ собой непремѣнно; а сына оставьте съ мамкой; еще простудите какъ-нибудь. Пріѣзжайте заранѣе, чтобы потомъ что̀ не помѣшало. Матушка-сударыня, сами знаете, уже стара; Богъ вѣсть, много ли еще достанется намъ поздравлять ее съ дорогимъ днемъ ея ангела».—При этомъ въ гостинецъ присылались замороженные золотые караси, съ надписью: «изъ Великаго села» или огромные карпы—«изъ озера Курбатова».

Если на приглашеніе отвѣчали неточнымъ обѣщаніемъ, а только завѣреніемъ, что-молъ постараемся, когда все будетъ благополучно,—то являлся вторичный посолъ, съ совѣтами, ка̀къ лучше поступить въ такомъ случаѣ. — «Теперь такіе холода»—писала бабушка:—«запрягите крытый возокъ, да возьмите провожатыхъ-верховыхъ; ночуйте въ дорогѣ у такого-то, а въ такой-то деревнѣ покормите лошадей, — все-таки будетъ не такъ тяжело и надежнѣе».—И это повторялось ежегодно, передъ каждыми именинами.

Родные съѣзжались наканунѣ. Въ день именинъ, утромъ, всѣ шли къ прабабушкѣ съ поздравленіями. Этимъ заправляла бабушка. Входя къ сыновьямъ и къ дочерямъ, она говорила: «Пора къ сударынѣ-матушкѣ!»—осматривала наряды дочерей и внучатъ, и выходила въ залъ большого дома, гдѣ ее ждалъ мужъ и сосѣдніе и дальніе гости.

Всѣ разодѣтые, предшествуемые бабушкой, отправлялись

по дорожкѣ, усыпанной пескомъ, къ именинницѣ, съ пожеланіемъ добраго утра. Внукамъ и правнукамъ строго приказывалось при этомъ сидѣть у прабабушки смирно, не шептаться, слушать, что̀ говорятъ старшіе, и, если прабабушкѣ будетъ угодно заговорить съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, то отвѣчать ей, разумѣется, стоя.

Прабабушка жила въ особомъ флигелѣ, подъ камышевою крышей, вправо отъ дома. Крыльцо было посрединѣ флигеля; изъ передней налѣво была большая угольная комната, прабабушкинъ залъ. Въ ней, посрединѣ, стоялъ овальный столъ, всегда накрытый тонкою, голландскою скатертью. Передъ небольшими окнами стояли краснаго дерева, съ бронзой, стулья; между окнами — такіе же столики. На одномъ изъ нихъ, передъ зеркаломъ, красовались, въ видѣ бесѣдки, со стекломъ, англійскіе часы Нортона, подарокъ прабабушкѣ императрицы Екатерины II. Они указывали не только числа мѣсяца, но и ущербы луны, въ видѣ серебряной головы, всходившей и заходившей надъ голубымъ небомъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, и каждый часъ, и четверть часа, исполняли пріятную музыкальную мелодію. Эти часы теперь хранятся у одного изъ ея правнуковъ и все это необыкновенно точно продѣлываютъ до сихъ поръ.

Направо отъ залы находилась обширная опочивальня, она же и пріемная гостиная прабабушки. Здѣсь, въ простѣнкѣ, между окнами въ садъ, передъ овальнымъ туалетнымъ зеркаломъ прабабушки, на рѣзномъ, съ позолотой ломберномъ столѣ, красовались два огромныхъ бронзовыхъ канделябра, каждый о пяти восковыхъ свѣчахъ, и рядомъ съ ними, на массивномъ серебряномъ подносѣ, съ ножками, стоялъ серебряный кофейникъ, тоже съ ножками и съ серебрянымъ цвѣточкомъ на крышкѣ, такая же сахарница и тонкаго саксонскаго фарфора чашки, въ видѣ крохотныхъ прямыхъ стаканчиковъ, съ ручками и рисунками, тушью и золотомъ, изображающими розы, въ бутонахъ, и листья. Если именинный обѣдъ прабабушки былъ во флигелѣ, то въ ея спальнѣ потомъ подавался роскошно-сервированный десертъ, изъ варенья, пастилы и фруктовъ въ сахарѣ, при чемъ восковыя свѣчи зажигались, кромѣ канделябровъ, и въ кенкетахъ по стѣнамъ. При движеніи воздуха, свѣтъ этихъ свѣчей очень затѣйливо игралъ на потолкѣ, изразцовой печи и на овальной рамѣ туалетнаго зеркала, искусно составленной

изъ крохотныхъ зеркальныхъ кусочковъ, что очень занимало дѣтей.

Вдоль стѣны, противъ двери изъ зала, помѣщалась прабабушкина кровать. На ней лежало горкой нѣсколько подушекъ и подушечекъ, въ тончайшихъ бѣлыхъ наволочкахъ, съ кружевными оборками, и темнокоричневое атласное одѣяло, подшитое голландскою простыней, съ бѣлымъ, на четверть кругомъ, отворотомъ по атласу.

Прабабушка, принимая своихъ и постороннихъ гостей, обыкновенно сидѣла на этой постели, спустя ноги на скамеечку изъ краснаго дерева, съ вышитою гарусомъ подушкой, и облокотясь обѣими руками на широкій, покрытый ковровою скатертью, лаковый столъ, за которымъ она всегда и обѣдала. За общій столъ въ большомъ домѣ сына она, въ послѣдніе годы, почти не являлась, по мнѣнію нѣкоторыхъ, потому, что ужъ слишкомъ, пожалуй, было бы много чести, если бы она стала обѣдать съ прочими, а скорѣе всего—ей просто было спокойнѣе трапезовать у себя одной.

Вправо, за кроватью прабабушки, была дверь въ дѣвичью, а еще правѣе за дверью, въ углу опочивальни, красивая большая, изразцовая, съ зелеными, желтыми и синими разводами, голландская печь, на ножкахъ, съ узенькою лежанкой, на которой дѣти обыкновенно чинно-рядкомъ и усаживались. Здѣсь надъ лежанкой, въ особой печной впадинѣ, въ фарфоровомъ соусникѣ постоянно лежали вкусные только-что испеченные прабабушкины душистые и удобные крендельки, лепешки, сухарики и бублики,—брать которые дѣтямъ позволялось охотно. Они этимъ всегда пользовались столь усердно, что одна изъ правнучекъ Анны Петровны тутъ же, однажды, выломила себѣ кренделемъ расшатанный передній зубъ. Этотъ зубъ, впрочемъ, былъ у нея еще слабый, молочный и потому снова вскорѣ успѣшно выскочилъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Но столь необыкновенный казусъ произвелъ тогда на остальныхъ дѣтей особенно сильное впечатлѣніе, какъ событіе, совершенно неожиданное и выведшее всѣхъ изъ обычнаго, церемонно-вѣжливаго положенія. Дѣти съ тѣхъ поръ, до кончины прабабушки, идя къ ней съ пожеланіями добраго утра, обыкновенно ощупывали свои зубы, не шатается ли какой-либо изъ нихъ.

Полъ въ опочивальнѣ прабабушки былъ устланъ боль-

шимъ, домашней работы, ковромъ, съ бѣлымъ фономъ и зеленою каймой, по которой были разбросаны алыя розы.

Войдя въ опочивальню прабабушки, всѣ церемонно и важно поздравляли ее съ именинами, цѣлуя ей руку, а она, сидя на своей постели, обнимала дѣтей, внуковъ и правнуковъ, а остальнымъ ласково кланялась. Затѣмъ всѣ чинно садились по мѣстамъ. Анна Петровна всегда была одѣта въ черное платье, съ длиннымъ шлейфомъ, изъ плотнаго шелковаго левантина, съ тонкимъ, въ видѣ дымчатой волны, кисейнымъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чепцѣ и въ мерлушковой, длинной шубкѣ поверхъ плечъ, покрытой темнымъ атласомъ. Лицо у прабабушки было необыкновенно-бѣлое и важное. По обычаю времени, она бѣлилась до самой кончины. Карiе глаза прабабушки, въ молодости очень красивые, и на старости были привлекательны и очень оживлены. Зубы у нея были такъ свѣжи и крѣпки, что она и въ преклонные годы щелкала ими каленые орѣхи. Руками же она изстари щеголяла. Онѣ у нея были маленькія, бѣлыя и до того нѣжныя, что почти не отличались отъ батистовыхъ манжетовъ, выходившихъ изъ-подъ рукавовъ ея чернаго платья.

Тогда и послѣ, всѣ съ особенною похвалою отзывались о бѣльѣ прабабушки, которое у нея было поистинѣ образцовое, — тонкое, бѣлое, какъ снѣгъ, и все заграничное; притомъ его мыли у нея особенно щегольски. Въ чистыхъ, свѣтлыхъ комнатахъ Анны Петровны всегда привлекательно пахло восковымъ жасминомъ или чайною розой, любимыми цвѣтами прабабушки. Когда у нея говорили старшіе изъ гостей, младшіе, даже женатые, только молча имъ внимали. Когда же изволила говорить сама прабабушка, то уже всѣ положительно молчали. Дамы говорили съ нею, сидя; мужчины же — не только вставая, но и изысканно-вѣжливо кланяясь.

Никто у прабабушки и въ ея присутствіи не курилъ. Дѣдушка, съ трубкой своего кнастера, уходилъ для того въ оранжерею или портретную; а куряки изъ другихъ мужчинъ, особенно офицеры сосѣднихъ уланскихъ полковъ, для куренія изъ своихъ пенковыхъ трубокъ, въ лѣтнее время, скрывались даже въ садъ, въ бесѣдку, стоявшую тогда возлѣ такъ-называемой придворной груши, подаренной прабабушкѣ императрицей Екатериной. Анна Петровна вывезла когда-

то эту грушу, маленькимъ отводкомъ, изъ Царскаго Села, и собственноручно посадила ее у пруда, въ Прйшибскомъ саду.

Во время именинкаго обѣда, когда онъ происходилъ во флигелѣ прабабушки, она, хотя кушала особо, въ своей опочивальнѣ, нѣсколько разъ, однако, въ теченіе стола выходила оттуда и удостоивала по нѣскольку минутъ постоять за каждымъ изъ обѣдающихъ, облокотясь о спинку его стула и не обходя своимъ вниманіемъ никого. За однимъ просто, бывало, постоитъ, съ другимъ поговоритъ, того ласково потреплетъ по плечу, этому скажетъ что-нибудь привѣтливое или веселое, и опять уйдетъ. Дѣти, въ особенности, удивлялись хвосту прабабушкинаго платья, который за нею обыкновенно тянулся чуть не на сажень изъ другой комнаты. Имъ объясняли, что это не хвостъ, а шлейфъ, котораго она не покидала, въ память давно прошедшей моды и дорогихъ лѣтъ своей молодости.

Ростомъ и фигурой прабабушка была представительна и красива, и въ ея домашнемъ обиходѣ все было также хорошее, дорогое и даже роскошное, такъ какъ сама она была женщина изъ высшаго круга, съ вѣсомъ, и въ душѣ истинная аристократка, причемъ и не подозрѣвала, что ея единственный, пятидесяти-пяти-лѣтній сынъ «Иванушка», какъ она его звала, передъ ея кончиной, уже промоталъ бо̀льшую часть своихъ имѣній. Она и умерла, убѣжденная, что ея наслѣдникъ и его многочисленная семья остаются послѣ нея столь же богатыми, какъ была и она.

Обильный обѣденный столъ на именинахъ прабабушки былъ обыкновенно въ полдень. Лакеи, гуськомъ, торжественно несли изъ кухни въ ея флигель безконечное число блюдъ, въ суповыхъ чашахъ, соусникахъ и разныхъ крынкахъ и горшечкахъ, а среди обѣда, за тостомъ въ ея здравіе, которое тогда пилось венгерскимъ, раздавался залпъ изъ домашнихъ пушекъ, стоявшихъ среди двора, противъ крыльца флигеля и большого дома. Вечеромъ, при свѣчахъ, подавался столь же роскошный ужинъ. Послѣ обѣда, до ужина, гости играли въ карты, въ ломберъ или въ бостонъ, причемъ и прабабушка иногда, съ кѣмъ-либо изъ почетныхъ гостей, не покидая своей постели, играла въ пикетъ. Бо̀льшею же частью она проводила время въ бесѣдахъ съ гостями.

Непріятныхъ или печальныхъ разговоровъ у прабабушки

не допускалось, какъ не бывало и чрезмѣрнаго веселья или громкаго смѣха.

Все было въ мѣру. Когда она, вспоминая минувшія времена, заводила рѣчь о какомъ-либо прошедшемъ событіи, то излагала его обстоятельно, не торопясь, а гости слушали ее, стараясь не проронить ни единаго ея слова. Такъ какъ дѣтямъ строго воспрещалось, при ней, не только говорить или шептаться между собою, но даже шевелиться, то они, соскучивъ долгимъ, молчаливымъ сидѣньемъ на изразцовой лежанкѣ, обыкновенно одинъ за другимъ незамѣтно уходили, черезъ смежную дверь въ дѣвичью, и оттуда, надѣвъ шубки и теплыя шапки, съ наушниками, вылетали въ посеребренный инеемъ, обширный, прабабушкинъ садъ, гдѣ на холмѣ, на особыхъ подставкахъ, чернѣли длинныя, чугунныя, запорожскія пушки, а у каменнаго грота выглядывала сѣрая «каменная баба», присыпанная пушистымъ снѣгомъ, точно въ бѣломъ серебряномъ чепцѣ—другая, таинственная прабабушка...

Однажды, въ такія же именины, послѣ радушнаго, оживленнаго обѣда, въ опочивальнѣ Анны Петровны остались за кофе, ликерами и десертомъ двое изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ ея гостей,—мѣстный предводитель и командиръ сосѣдняго уланскаго полка. Прочіе гости на нѣсколькихъ столахъ играли въ залѣ въ карты; остальные ушли курить въ большой домъ.

Разговоръ у прабабушки зашелъ о современномъ поколѣніи женщинъ и, между прочимъ, коснулся неравенства лѣтъ въ бракѣ. Полковой командиръ, ужъ далеко не молодой человѣкъ, давно, какъ замѣчала Анна Петровна, не спускалъ глазъ съ одной изъ ея родственницъ, совершенно молоденькой дѣвушки, и мѣтилъ посвататься къ ней. Неравнодушно поглядывалъ на дѣвушку и совсѣмъ старый предводитель. Прабабушкѣ это сильно не нравилось, хотя она ни тому, ни другому объ этомъ не говорила, такъ какъ и они, со своими сокровенными, но очевидными помыслами, еще молчали.

— Нашу сестру, особенно изъ нонѣшнихъ, да еще молодую, — сказала Анна Петровна: — коли не сдерживать, не вразумлять, то сейчасъ свихнется и, рано вышедши замужъ, такъ станетъ рядиться, да мести хвостомъ, что разоритъ

господина-мужа, либо, извините, хуже того, прямо стрекотуха-егоза наставитъ ему рога.

Сказавъ это, прабабушка на минуту смолкла, взяла со стола флаконъ съ какимъ-то спиртомъ, понюхала изъ него и оглянулась по комнатѣ.

— Дѣти, кстати, всѣ разошлись,—произнесла она.—Хотя у меня что-то не совсѣмъ свѣжа голова, могу вамъ, коли не наскучу, сообщить одно поучительное событіе, или даже, если хотите, трогательный анекдотъ...

Дѣти въ это время, дѣйствительно, вышли одинъ за другимъ изъ комнаты прабабушки, кто въ садъ, кто въ конецъ двора — на ледяную гору, или съ няньками къ рѣкѣ, гдѣ сквозь ледъ на ужинъ ловили бреднемъ рыбу. Одинъ, впрочемъ, изъ правнуковъ Анны Петровны, войдя передъ тѣмъ въ опустѣлую дѣвичью и не найдя тамъ своего теплаго платья, присѣлъ, въ ожиданіи прислуги, у печи, за дверью, и невольно услышалъ и потомъ запомнилъ то, что разсказала тогда прабабушка.

— Это, други мои, было давно,—начала Анна Петровна:—лѣтъ десять спустя послѣ основанія здѣшняго университета. Въ то время къ намъ изъ города, знакомясь съ краемъ, охотно ѣзжали въ гости новоприбывшіе профессора и доценты разныхъ наукъ: архитектуры, физики, ботаники, медицины и словесности. Все это были хорошіе люди, образованные, деликатные. Они отдыхали здѣсь на привольѣ, особенно лѣтомъ,—да и намъ бывали полезны. Мы, съ Иванушкой, тогда только-что, съ Божьей помощью, кончили постройку нашего каменнаго пятиглаваго храма,—вы, государи мои, нынѣ такъ любуетесь имъ, а Иванушка, въ ту пору, успѣшно началъ опыты съ посадкой на нашихъ пескахъ сосноваго лѣса. Теперь это, какъ тоже вы знаете, уже не опыты, а настоящій на нѣсколько верстъ боръ... Такъ вотъ, говорю, тогда къ намъ на отдыхъ въ гости ѣзжали разные профессора и между ними немолодой уже адъюнктъ ботаники, — вы о немъ, чай, слышали, — Романъ Романычъ,—послѣ его перевели куда-то въ другой городъ. Онъ въ лѣтніе заѣзды дѣлалъ у насъ экскурсіи въ лѣсъ и степь за травами, а зимой на святкахъ, раза два ѣздилъ съ Иванушкой на волчьи облавы. Былъ онъ, скажу, лѣтъ за пятьдесятъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, но еще бодрый, съ румянцемъ во всю щеку и подвижной.

[illegible] тѣмъ, страстно любилъ вся-
[illegible] …матривалась я къ нему и
[illegible] …ламъ попадалъ въ птицу или
[illegible] не могла понять, — а туда же,
[illegible] самымъ записнымъ охотникамъ,
[illegible] надѣнетъ высокіе сапоги и мар-
[illegible] говорю я ему однажды: — побе-
[illegible] …рукости подвернетесь подъ чье-
[illegible] …стрѣлять въ гущинѣ».—«Кому, су-
[illegible] …тилъ онъ:—того ружье не тронетъ;
[illegible] а иной разъ вижу дальше зрячаго. Не
[illegible] …халъ собственной охоты куропатокъ?»—
[illegible] собственной охоты! Думаю, покупалъ изъ
[illegible] …ихъ же егерей. Онъ въ десяти шагахъ
[illegible] видѣлъ, а разъ, ѣдучи къ намъ, принялъ
[illegible] за отца благочиннаго и, снявъ шляпу,
[illegible] …хался ему.
[illegible] разсмѣялись.
[illegible] годы въ нашемъ же институтѣ для бѣдныхъ
[illegible] …родолжала Анна Петровна,—кончила ученіе одна
[illegible] …комка съ дѣтства и крестница моего покойнаго
[illegible] по имени Анна, какъ и я. По смерти брата, мы съ
[illegible] …ной призрѣли эту Ашеньку и очень ее полюбили.
[illegible] …ли ласки и она насъ чтила, а меня звала мамень-
[illegible] Кончивъ науку, разумѣется, она, какъ вполнѣ без-
[illegible] …ница, поселилась у насъ. Прошло лѣто, кончилась осень
[illegible] наступила зима. Ашенька, видимъ, очень сильно скучаетъ
[illegible] своемъ институтѣ, а особенно по товаркамъ. Отпраздно-
[illegible] святки; сталъ близиться день нашего общаго съ
Ашенькой ангела. Ну, какъ вотъ и теперь, мы и тогда
ждали добрыхъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ кое-кого и
изъ губерніи. Кто-то при Ашенькѣ сказалъ, что на име-
нины къ намъ и на охоту, съ волчьей облавой, будетъ и
доцентъ ботаники. Ашенька такъ и зардѣла. — «Романъ
Романычъ?» —спрашиваетъ меня.—«Онъ самый,—отвѣчала
я, а развѣ ты его знаешь?»—«Какъ не знать! онъ и въ
институтѣ у насъ обучалъ ботаникѣ, и мы его всѣ, какъ
есть, обожали!« — Извѣстно институтское обожаніе, — раз-
умѣется, пустяки. Я о тѣхъ словахъ Ашеньки и забыла.
Стали съѣзжаться гости; пріѣхалъ и этотъ доцентъ. Ашень-
ка, какъ увидѣла его, запрыгала отъ радости и чуть не

кинулась ему на шею. Мы потомъ не мало упрекали ее за эту прыть; ты, молъ, уже не приготовишка какая-нибудь, въ куцомъ коричневомъ платьѣ, а кончившая всѣ курсы барышня, и надо бы тебѣ, милая, честь и совѣсть знать. А она, просто, какъ ошалѣла, глазъ не спускаетъ съ бывшаго своего ментора. Такъ, это, онъ побылъ у насъ двое сутокъ въ гостяхъ—и уѣхалъ. Видимъ, Аненька стала болѣе тосковать; на себя не походитъ, похудѣла, блѣдна, какъ кусокъ мѣлу, — вздыхаетъ, плачетъ. А лѣтомъ этотъ ботаникъ опять появился у насъ. Привезъ огромный свой гербарій, въ пачкахъ оберточной бумаги, ходитъ по степи и по лугамъ, собираетъ и сушитъ травы, а мы, съ горничными и съ Анютой, помогаемъ ему по вечерамъ. Одинъ разъ сидѣлъ онъ со мною на балконѣ, дивуясь лѣсомъ, посадкой Иванушки, — а лѣсъ въ то время уже сталъ виденъ черезъ степь, съ нашего балкона, — да и брякнулъ мнѣ: «Сударыня, Анна Петровна, не разсердитесь, если что̀ скажу?» — «Говори, милый, слушаю; ты хоть и философъ, а добрый человѣкъ». — Онъ помолчалъ. Замѣчаю, утромъ былъ онъ въ голубенькомъ шейномъ платкѣ, а тутъ уже сидѣлъ въ розовомъ; фракъ съ иголочки и башмаки съ модными пряжками. — «Отдадите за меня вашу Анну Львовну, — спрашиваетъ: — коли осмѣлюсь посвататься?» — Я такъ и обомлѣла. — «Да что ты, Романъ Романычъ, — отвѣчаю:—очумѣлъ, извини, что ли? ну, пара ли она тебѣ? такое неравенство лѣтъ... совсѣмъ молоденька, всего семнадцатый годъ, а тебѣ за пятьдесятъ! И кто, не сердись ты, въ мысли это втемяшилъ тебѣ?»—Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и нѣсколько секундъ не могъ вымолвить ни слова. — «Что же, сударыня, — говоритъ:—развѣ я могъ бы быть столь дерзостенъ? Мнѣ подали нѣкоторую надежду... Лукерья Ивановна по тайности открыла, что Анна Львовна не только не прочь, но даже ко мнѣ расположена». — А эта Лукерья, надо вамъ сказать, была жена нашего тогдашняго попа, молодая, превзбалмошная и болтливая бабенка.—«Нашелъ сватью!—отвѣчаю я ему:—да неужели,— ну, скажи по правдѣ, — ты не боишься? Нашить тряпокъ и обвѣнчать-то васъ не долго, да и ты, повторяю, хорошій во всемъ человѣкъ; но обдумалъ ли ты? не вышло бы чего не сталъ бы послѣ жалѣть!» — «Если вы, государыня моя, лично не препятствуете, — сказалъ онъ: — о себѣ скажу.—

Сильно близорукій, онъ, между тѣмъ, ...
кую охоту съ ружьемъ. Присматри...
удивлялась. Ужъ какъ онъ тамъ по...
бѣгущаго звѣря, никогда я не могл...
бывало, прицѣливается къ самымъ...
возьметъ на плечи ружье, надѣнет...
шируетъ. — «Куда вы? — говорю...
рехнулись бы; еще по близорукос...
нибудь дуло и васъ пристрѣлять...
дарыня, утонуть, — отвѣтилъ он...
и я хоть и близорукъ, а иной...
ли вамъ презентовалъ собс...
А ужь гдѣ тамъ собственн...
любезности у нашихъ же...
почти ничего не видѣлъ, ...
терновый кустъ за отц...
усердно кланялся ему.

Слушатели разсмѣялис...

— Въ тѣ годы въ ...
дѣвицъ, — продолжала ...
сирота, питомка съ ...
брата, по имени Ан...
Иванушкой призрѣ...
за наши ласки и ...
ой. Кончивъ н...
пріютная, посели...
наступила зим...
своемъ инсти...
или святки;
иненькой анг...
гали добры...
губерніи.
ны къ на...
нять бо...
ганычъ?»
— а раз...
ститутѣ...
обоз...
...ся,
...и съ...
как...

... потому ... ніе и ... мнѣ, ... всегда ... сутки, ... съ сыномъ, ... ливать и ... плачетъ, ... третій день ... ной сироты- ... щая, онъ еще ... чинъ, лас- ... приличное ... въ профес- ... не только съ женой, ... ють». — Ашенька ... ла; видимъ, ума ... по ея мнѣнію, и ... качества! — «Да ... напрямикъ: — ну, ... края писанная и съ ... какъ у голубя-турмана, ... не выскочилъ!» — Ахъ, ... старенькихъ-то, бѣлень- ... я вотъ какъ его, ... — Глупышъ ты, — го- ... да за тебя адъютантъ ... и танцоръ-мазуристъ, ... не говорила... поже- ... — Куда! ничто не подѣй- ... а тутъ еще со- ... не толпятся любящихся, не ... гадала и согласилась: ... будетъ! Ашенькѣ нашили мы ... и въ тотъ же годъ она стала

... интересный, — сказалъ пол- ... дѣвицамъ и вправь все выходитъ ... иногда бываютъ счастливѣе...

... было далѣе? — спросилъ предводи- ... повидимому ... еще не кончена.

...далъ, — отвѣтила Анна Петровна,
...дакона: — конецъ былъ, но, можно
...транный, а даже неожиданный. Моло-
...чбѣ, зажили совершенно счастливо. Не
...и посторонніе отзывались о ихъ житьѣ-
...похвалой. Доцентъ усердно ходилъ чи-
... а на дому сверхъ того практически за-
...удентами; посылалъ ихъ собирать травы,
...наглядно сорты и свойства всякихъ были-
...чилъ съ ними въ порядокъ свой огромный, за
...нъ собранный гербарій. Ашенька, въ чепчикѣ
...мъ ситцевомъ или муссельновомъ платьѣ,—ихъ
...или вдоволь всякихъ, дешевыхъ и дорогихъ, —
...ку наверхъ, въ его рабочую комнату, чай и кофе,
...ла по домашнему хозяйству и въ кухнѣ. Слыша
...Анютѣ, я сама однажды предприняла вояжъ въ
...и своими глазами видѣла — какъ ея вниманіе, такъ
...нную ея любовь къ мужу. А ужъ о немъ нечего и
...ить. Сѣдой и румяный селадонъ въ ней души не
...лъ; подарилъ ей колье, — вотъ съ какою крупною жем-
...ной! — колечко алмазное, и даже выписалъ ей черезъ
...щовъ изъ Парижа модную бархатную мантилью и шляпку
...андрильонъ. По цѣлымъ часамъ сидѣли они рядкомъ,
...вздыхая, обнимаясь и говоря другъ другу завѣренія въ
любви. — «Диво дивное! — думала я, глядя на нихъ: — и
впрямь, — чего на свѣтѣ не бываетъ? старъ человѣкъ, а
какъ къ себѣ этакую юницу привязалъ!» Одно мнѣ не нра-
вилось въ Ашенькѣ... Она была невоздержна въ насмѣш-
кахъ надъ нѣкоторыми студентами, учениками мужа. Они
и дѣйствительно были странно и неряшливо одѣты, отвѣ-
чать не умѣли, а ужъ о манерахъ что и говорить. Одного
студента Анюта особенно вышучивала и шпыняла, хотя,
повторяю, отчасти и подѣломъ. Звали его Митей, фамилія—
Сверчковъ. Это былъ сынъ бѣднаго, городского чиновника,
высокій, тощій, носатый и вѣчно молчаливый, съ длинными
красными руками, которыхъ онъ постоянно не зналъ, куда
дѣвать. Одно было въ немъ привлекательно: большіе, тем-
ные, ну, чудные глаза. Какъ теперь ихъ вижу, — такъ и
просятся въ душу... А она надъ нимъ — ха-ха, хи-хи, —
проходу ему не даетъ. Тотъ, бывало, при мнѣ, придетъ,
усядется у нихъ за чаемъ, уткнётъ носъ въ чашку, а ру-

Сильно близорукій, онъ, между тѣмъ, страстно любилъ всякую охоту съ ружьемъ. Присматривалась я къ нему и удивлялась. Ужъ какъ онъ тамъ попадалъ въ птицу или бѣгущаго звѣря, никогда я не могла понять, — а туда же, бывало, примащивается къ самымъ записнымъ охотникамъ, возьметъ на плечи ружье, надѣнетъ высокіе сапоги и марширует. — «Куда вы? — говорю я ему однажды: — поберeглись бы; еще по близорукости подвернетесь подъ чье-нибудь дуло и васъ пристрѣлять въ гущинѣ».—«Кому, сударыня, утонуть, — отвѣтилъ онъ: — того ружье не тронетъ; а я хоть и близорукъ, а иной разъ вижу дальше зрячаго. Не я ли вамъ презентовалъ собственной охоты куропатокъ?» — А ужъ гдѣ тамъ собственной охоты! Думаю, покупалъ изъ любезности у нашихъ же егерей. Онъ въ десяти шагахъ почти ничего не видѣлъ, а разъ, ѣдучи къ намъ, принялъ терновый кустъ за отца благочиннаго и, снявъ шляпу, усердно кланялся ему.

Слушатели разсмѣялись.

— Въ тѣ годы въ нашемъ же институтѣ для бѣдныхъ дѣвицъ,—продолжала Анна Петровна,—кончила ученіе одна сирота, питомка съ дѣтства и крестница моего покойнаго брата, по имени Анна, какъ и я. По смерти брата, мы съ Иванушкой призрѣли эту Ашеньку и очень ее полюбили. За наши ласки и она насъ чтила, а меня звала маменькой. Кончивъ науку, разумѣется, она, какъ вполнѣ безпріютная, поселилась у насъ. Прошло лѣто, кончилась осень и наступила зима. Ашенька, видимъ, очень сильно скучаетъ по своемъ институтѣ, а особенно по товаркамъ. Отпраздновали святки; сталъ близиться день нашего общаго съ Ашенькой ангела. Ну, какъ вотъ и теперь, мы и тогда ждали добрыхъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ кое-кого и изъ губерніи. Кто-то при Ашенькѣ сказалъ, что на именины къ намъ и на охоту, съ волчьей облавой, будетъ и доцентъ ботаники. Ашенька такъ и заалѣла. — «Романъ Романычъ?» —спрашиваетъ меня.—«Онъ самый,—отвѣчала я:—а развѣ ты его знаешь?»—«Какъ не знать! онъ и въ институтѣ у насъ обучалъ ботаникѣ, и мы его всѣ, какъ есть, обожали!« — Извѣстно институтское обожаніе, — разумѣется, пустяки. Я о тѣхъ словахъ Ашеньки и забыла. Стали съѣзжаться гости; пріѣхалъ и этотъ доцентъ. Ашенька, какъ увидѣла его, запрыгала отъ радости и чуть не

кинулась ему на шею. Мы потомъ не мало упрекали ее за эту прыть; ты, молъ, уже не приготовишка какая-нибудь, въ куцомъ коричневомъ платьѣ, а кончившая всѣ курсы барышня, и надо бы тебѣ, милая, честь и совѣсть знать. А она, просто, какъ ошалѣла, глазъ не спускаетъ съ бывшаго своего ментора. Такъ, это, онъ побылъ у насъ двое сутокъ въ гостяхъ—и уѣхалъ. Видимъ, Анненька стала болѣе тосковать; на себя не походитъ, похудѣла, блѣдна, какъ кусокъ мѣлу, — вздыхаетъ, плачетъ. А лѣтомъ этотъ ботаникъ опять появился у насъ. Привезъ огромный свой гербарій, въ пачкахъ оберточной бумаги, ходитъ по степи и по лугамъ, собираетъ и сушитъ травы, а мы, съ горничными и съ Анютой, помогаемъ ему по вечерамъ. Одинъ разъ сидѣлъ онъ со мною на балконѣ, дивуясь лѣсомъ, посадкой Иванушки, — а лѣсъ въ то время уже сталъ виденъ черезъ степь, съ нашего балкона, — да и брякнулъ мнѣ: «Сударыня, Анна Петровна, не разсердитесь, если что̀ скажу?» — «Говори, милый, слушаю; ты хоть и философъ, а добрый человѣкъ». — Онъ помолчалъ. Замѣчаю, утромъ былъ онъ въ голубенькомъ шейномъ платкѣ, а тутъ уже сидѣлъ въ розовомъ; фракъ съ иголочки и башмаки съ модными пряжками. — «Отдадите за меня вашу Анну Львовну, — спрашиваетъ: — коли осмѣлюсь посвататься?» — Я такъ и обомлѣла. — «Да что ты, Романъ Романычъ, — отвѣчаю: — очумѣлъ, извини, что ли? ну, пара ли она тебѣ? такое неравенство лѣтъ... совсѣмъ молодёшенька, всего семнадцатый годъ, а тебѣ за пятьдесятъ! И кто, не сердись ты, въ мысли это втемяшилъ тебѣ?» — Онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и нѣсколько секундъ не могъ вымолвить ни слова. — «Что же, сударыня, — говоритъ: — развѣ я могъ бы быть столь дерзостенъ? Мнѣ подали нѣкоторую надежду... Лукерья Ивановна по тайности открыла, что Анна Львовна не только не прочь, но даже ко мнѣ расположена». — А эта Лукерья, надо вамъ сказать, была жена нашего тогдашняго попа, молодая, превзбалмошная и болтливая бабенка. — «Нашелъ сватью! — отвѣчаю я ему: — да неужели, — ну, скажи по правдѣ, — ты не боишься? Нашить тряпокъ и обвѣнчать-то васъ не долго, да и ты, повторяю, хорошій во всемъ человѣкъ; но обдумалъ ли ты? не вышло бы чего' не сталъ бы послѣ жалѣть!» — «Если вы, государыня моя, лично не препятствуете, — сказалъ онъ: — о себѣ скаж"

его, профессоръ астрономіи. — «Ты куда это?» — спросилъ астрономъ.—«На лекцію, сегодня о губоцвѣтныхъ буду читать,—тарантилъ Романъ Романычъ:—но ты замѣтилъ ли? вѣдь я, кажется, припоздалъ?» — Астрономъ такъ и покатился со смѣху, хохочетъ и его смѣхъ громко разносится въ пустомъ коридорѣ. — «Что ты смѣешься?» — «Да какъ же? оба мы поступили, какъ истинные философы, а сказать повѣрнѣе, даже просто, какъ разсѣянные колпаки!»— «Какъ такъ?» — «Да очень даже просто; вѣдь сегодня табельный, царскій день!»—Романъ Романычъ на это совершенно опѣшилъ и, тоже разсмѣявшись, вышелъ съ коллегой на улицу. — «Куда же ты теперь?» — спросилъ астрономъ. — «Домой, разумѣется; вѣдь я, представь, послѣ вчерашней экскурсіи въ луга, спалъ, какъ сущій богатырь, проспалъ до восьми съ половиной и такъ сюда торопился, что даже не закусилъ».—«Такъ зайдемъ ко мнѣ на обсерваторію, — сказалъ астрономъ: — во-первыхъ, это ближе, чѣмъ твоя квартира, а во-вторыхъ, мой вахтеръ намъ мигомъ подастъ не только закусочку, но и шнапсику; держу наверху для ради всякаго случая. Положимъ, фриштикъ у меня не столь будетъ вкусенъ, какъ моккскій кофе изъ рукъ твоей юной супруги, — зато у меня на башнѣ еще одна приманка... Представь, три дня всего назадъ установленъ новый вѣнскій телескопъ, да какой? Разумѣется, теперь не ночь, планетъ и звѣздъ мы съ тобою не разглядимъ; но прислана еще великолѣпная, зрительная труба, и изъ нея видны не только твои подгородніе луга, но и далѣе, вся окольность, чуть не до монастырской горы».—Романъ Романычъ былъ вообще любознателенъ, а тутъ еще и голодъ, отъ пробѣжки утромъ и натощакъ по городу, сильно давалъ о себѣ знать. Все еще раздумывая, какъ это онъ такъ опростоволосился съ лекціей, онъ согласился и послѣдовалъ за коллегой...

Сказавъ это, Анна Петровна откупорила флаконъ, налила изъ него нѣсколько капель на уголокъ носового платка и потерла имъ у себя виски и за ушами.

— Голова у васъ, сударыня, болитъ?—спросилъ предводитель:—давеча за обѣдней не простудились ли?

— Ничего, монъ ами, недолго договорить, кончу,—отвѣтила Анна Петровна.—Товарищи взошли на обсерваторію. Пока вахтеръ готовилъ фриштикъ, астрономъ открылъ окно

на башнѣ, наставилъ въ него подзорную трубу, снялъ съ я стекла закрышку и навелъ рефракторъ на окрестно- — «Другъ мой, смотри и любуйся, — сказалъ онъ: — какъ бы съ Монблана или Ризенгебирге... Духъ за- етъ отъ столь дивнаго изобрѣтенія людского ума!»— Романычъ присѣлъ на табуретку, наладилъ стекло лазу и сталъ любоваться дѣйствительно диковиннымъ домъ, — голубыми въ легкомъ туманѣ полями, темными лѣсами и контурами холмовъ.—«Да,—сказалъ онъ,—узнаю, вонъ дорога на Кавказъ. а это, вонъ, гора, должно быть, возлѣ монастыря, — какая даль! а это, постой, по-близи, такъ и есть, архіерейскій лугъ... Я туда давеча послалъ одного своего слушателя дополнить гербарій... Старательный и хорошій малый, мѣтитъ въ ученые. Пожалуй, разгляжу и его за работой среди луговъ... Нѣтъ, что-то не видно; должно быть онъ взялъ напрямикъ черезъ лѣсъ».— Романъ Романычъ, пока его коллега и сторожъ ладили столъ и ставили на него закуску, любовался видомъ окрестностей. Наконецъ онъ навелъ трубу и на предмѣстья города. Тутъ онъ уже прямо пришелъ въ восторгъ.—«Ай, прелесть! — вскрикивалъ онъ:—каково? домъ Андрея Ѳедоровича—какъ на ладони; даже его пеструю кошку видно; вонъ крадется по крышѣ къ воробьямъ... Василій Назарычъ цвѣты въ палисадникѣ поливаетъ... постой, да что это?.. такъ и есть,—георгины и конвольвулосы, на тычинкахъ... все разберешь!.. ай, да рефракторъ! по чести, не труба, а чистое диво!»—«Да, инструментецъ изрядный,— сказалъ астрономъ:—а теперь, коллега, насчетъ шнапсику! это будетъ почище!»—Товарищи усѣлись, выпили и закусили. Хозяинъ вспомнилъ о недавно открытой кометѣ. Начавъ разсказывать о ней, онъ отперъ шкапъ, чтобъ достать и показать полученный ея рисунокъ.—«Что же это, однако?—спохватясь, подумалъ гость,—я смотрѣлъ на чужіе, а своего дома и не разглядѣлъ».—Онъ снова присѣлъ на табуретъ и навелъ рефракторъ на свое предмѣстье. Замелькали на стеклѣ подгородные домики, огороды и сады; сталъ видѣнъ, какъ бы въ десяти шагахъ, узенькій переулокъ и домъ протопопа. Романъ Романычъ разглядѣлъ знакомую красную крышу, тесовыя ворота, бѣлье, развѣшенное по двору, для просушки, на веревкѣ, и кучу протопоповыхъ голубей на вышкѣ, у слухового окна.

ниже и раскрытое окно своего кабинета,—книжные шкапы, комодъ, картинки по стѣнамъ и рабочій столъ, съ бумагами, передъ окномъ. Но вдругъ Романъ Романычъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ трубы, не вѣря своимъ глазамъ. Онъ замеръ и нѣсколько секундъ сидѣлъ, ни живъ, ни мертвъ.—«Еще водочки, коллега!—сказалъ товарищъ, доставая рисунокъ новооткрытой кометы:—смотри какая,—а хвостъ изогнутъ и сквозь него видны звѣзды». Но ужъ куда тутъ было до водочки или до кометы. Романъ Романычъ протеръ платкомъ зрительное стекло, еще взглянулъ въ рефракторъ и надвинулъ на него крышку... Потъ каплями падалъ съ его лица...

Прабабушка снова замолкла.

— Что же онъ увидѣлъ?—спросилъ предводитель.

— То, что и слѣдовало ожидать,- раздражительно отвѣтила Анна Петровна, прикладывая носъ къ флакону.

— Непріятность какую-нибудь?—спросилъ полковникъ:— воры забрались въ кабинетъ?

— Да, воры, — отвѣтила прабабушка, — только иного сорта... На диванѣ въ кабинетѣ сидѣлъ Митя, а рядомъ съ нимъ Ашенька, и оба они, обнявшись, цѣловались, какъ истые голубки.

— Возмутительно, дерзко и неблагодарно!—сказалъ предводитель...

— Именно, монъ шеръ, неблагодарно, — обратилась къ нему Анна Петровна, разведя руками: — совершивъ такое открытіе, Романъ Романычъ молча отошелъ отъ трубы. Коллега знакомъ пригласилъ его къ столу. Они еще выпили по рюмкѣ.—«Такъ рефракторъ не дуренъ?» спросилъ астрономъ.—«Превосходный!» отвѣтилъ гость.—«И все хорошо видно?»—«Все...»—Товарищи пожали другъ другу руки и разстались. Точно на крыльяхъ вѣтра Романъ Романычъ понесся домой. Онъ шелъ, какъ облитый водою, съ портфелемъ подъ мышкой, и не грустилъ, а какъ-то странно усмѣхался.—«Такъ тебѣ и надо, старый дуракъ!—разсуждалъ онъ, идучи:—совсѣмъ сосулька, сморщенный грибъ, а тоже затѣялъ играть въ амуры. Подѣломъ ротозѣю, плюгавой размазнѣ! Не такъ надо было смотрѣть за молодою, красивою женой!»—Примчался онъ на квартиру и прямо на лѣстницу. Услышала Анюта скрипъ ступеней, узнала шаги мужа и выбѣжала къ нему изъ кабинета на пло-

щадку.—«Какъ?—спрашиваетъ:—ты уже домой? а лекція?»—«Забылъ я, милая, сегодня табельный день».—«Будешь пить кофій? только налить—готовъ».—«Охотно!» отвѣтилъ мужъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ и окинулъ его глазами. Все въ немъ казалось на мѣстахъ и какъ бы въ порядкѣ. Одна только его шинель какъ-то странно была брошена на диванъ и свѣсилась съ него до полу.—«Такъ пойдемъ же внизъ ко мнѣ—сказала Ашенька:—тамъ и спокойнѣе, и не такъ жарко».—«Нѣтъ, я усталъ; давай сюда».—Анюта вышла на площадку и крикнула въ кухню стряпухѣ: «Завари кофій, да неси наверхъ двѣ чашки; выпью и я».—«Нѣтъ, три!» сказалъ мужъ. Ашенька удивилась.—«Развѣ еще кого ждешь къ себѣ» спрашиваетъ.—«Да, жду одного пріятеля».—Тутъ Романъ Романычъ вынулъ изъ портфеля свои записки и травы, разложилъ ихъ на столъ, снялъ съ себя вицмундиръ и облекся въ покойный домашній шлафрокъ. Кухарка возилась съ посудой.—«Удивительные люди, эта прислуга!—съ нетерпѣніемъ восклицала Ашенька:—кипятокъ всегда есть и кофейникъ былъ на плитѣ, а не несетъ!»—Кофій наконецъ былъ принесенъ.—«Ну, гдѣ же твой знакомецъ?» спросила Анюта, наливая пока двѣ чашки.—«Наливай и третью», сказалъ мужъ. Анюта налила. Романъ Романычъ всталъ со стула, быстро нагнулся къ дивану и приподнялъ брошенную на него шинель.—«Ну-ка, господинъ Сверчковъ,—сказалъ онъ, увидя торчавшія изъ-подъ дивана, въ болотныхъ сапогахъ, ноги Мити и похлопывая по нимъ:—что конфузиться? вылѣзайте, будемъ пить кофе». Еле живой отъ смущенія, весь красный и въ пыли, Сверчковъ выползъ изъ-подъ дивана, отряхнулъ на себѣ платье и робко присѣлъ на край стула. — «Полно церемониться,—вотъ ваша чашка, откушайте; да проси же гостя, жена!»—Ашенька не вѣрила своимъ ушамъ и была готова провалиться сквозь землю. Сидя какъ на иголкахъ, она ожидала бурныхъ взрывовъ, грозы. Ничего этого, однако, не произошло. Мужъ налилъ себѣ въ чашку сливокъ, медленно помѣшалъ ложечкой и, обмакивая печенье въ кофій, сталъ съ удовольствіемъ прихлебывать. Видя его спокойствіе, началъ пить и Митя, а за нимъ и Ашенька.—«Это съ инбиремъ и корицей?» обратился Романъ Романычъ къ женѣ, указывая на поданные сухарики.—«Да».—«Ты сама пекла?»—«Сама...»—«Превкусно...»—«Что за

диво?—разсуждала Анюта:—неужели онъ ровно ничего не замѣтилъ? и могла ли до такой степени дойти его ученая, не отъ міра сего, простота? Что же? весьма возможно; онъ, по его мнѣнію, поймалъ ученика въ лѣности, да ласкою, косвенно и коритъ его за то, что тотъ, убоясь его упрековъ за нерадѣніе, спрятался подъ диванъ».—А тѣмъ временемъ, какъ Анюта это думала, Романъ Романычъ разспрашивалъ Сверчкова о его родителяхъ и узналъ, что они померли и что онъ живетъ у тетки, вдовы аптекаря.—«Она и теперь содержитъ мужнину аптеку?» спросилъ онъ.—«Такъ точно».—«И хорошо идутъ ея дѣла?»—«Изрядно».—Допивши кофе, Митя всталъ, вѣжливо поблагодарилъ за угощеніе, взялъ шапку и сумку, и сталъ откланиваться.—«А ты, Ашенька?—обратился Романъ Романычъ къ женѣ:—что не берешь также своей шляпки и мантильи?»—«Зачѣмъ?» удивилась та.—«Какъ зачѣмъ?—отвѣтилъ Романъ Романычъ:—теперь ужъ не я тебѣ мужъ, а вотъ онъ... Вы любите другъ друга, будьте же счастливы и неразлучны. Извольте, молодой человѣкъ, взять подъ руку Анну Львовну и шествуйте во-свояси...»—Анюта помертвѣла, не могла слова проговорить.—«Да, мои милые, да, други сердечные!—продолжалъ Романъ Романычъ:—я сдѣлалъ въ жизни одну великую глупость, не послушалъ тѣхъ почтенныхъ особъ, кои мнѣ перечили и предрекали то, что̀ случилось, и ужъ болѣе, разумѣется, я того не повторю!»—Ашенька залилась слезами. Митя упалъ на колѣни и сталъ молить о прощеніи.—«Да что же вы, дорогіе мои, каетесь?—сказалъ Романъ Романычъ:—вы только открыли мнѣ глаза, и я вамъ за то крайне благодаренъ. Здѣсь законъ природы, его же не прейдеши, и провидѣнія перстъ! Повторяю, не смущайтесь: облегчите мою душу, живите счастливо, и да благословитъ васъ Господь!»—Сверчковъ поднялъ на Анюту свои большіе, плѣнительные глаза. Ашенька растерянно взглянула на него. Они поняли, что дѣлать болѣе нечего, взялись подъ руки, да потихоньку и ушли...

Анна Петровна смолкла; молчали и ея слушатели.

— Что же было потомъ?—рѣшился спросить предводитель.

Анна Петровна закрыла глаза, какъ бы собираясь съ мыслями. Такъ она пробыла съ минуту.

— Давняя исторія,—сказала она,—и тѣмъ собственно, если хотите, дѣло и кончилось... Романъ Романычъ, сгоряча

покончивъ все, сперва было какъ бы пошатнулся духомъ, никуда не показывался, не ходилъ на лекціи и по цѣлымъ днямъ молча смотрѣлъ изъ кабинета въ окно, либо открывалъ книжный шкапъ и медленно перелистывалъ какую-нибудь книгу, ничего въ ней не понимая. Потомъ, однако, онъ успокоился и возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Ашенька поселилась сперва у Митиной тетки, такъ какъ ко мнѣ она уже не рѣшалась болѣе обращаться. Когда же Романъ Романычъ, перейдя въ другой университетъ, получилъ тамъ каѳедру профессора, онъ далъ Анютѣ разводъ и она обвѣнчалась со Сверчковымъ. Дѣло, если посудить, обыкновенное и не особенно мудреное. Такъ не разъ бывало на свѣтѣ и всегда будетъ. Но, вотъ что̀, по-истинѣ, дивно... Романъ Романычъ впослѣдствіи узналъ, Митя не только не бросилъ науки, но, кончивъ курсъ университета, выдержалъ экзаменъ на магистра, а потомъ и на доктора. Тутъ уже Романъ Романычъ не утерпѣлъ и написалъ ему письмо.—«Вы, какъ и слѣдовало ожидать,—выразился онъ ему,—преуспѣваете въ наукахъ; я же, сообщу вамъ, совсѣмъ состарился и отъ занятія микроскопомъ теряю зрѣніе... Для новаго вина нужны и новые мѣха. Пріѣзжайте, дорогой мой, да не одни, а съ женою, вашею супругой, и съ дѣтками. Порадуйте, дайте взглянуть на васъ всѣхъ. Будемъ вмѣстѣ хлопотать у начальства. Я вамъ уступилъ лучшее мое сокровище въ жизни—жену; охотно достойному уступлю и мою каѳедру, которую, ахъ, я люблю не менѣе, чѣмъ любилъ свою жену!»

— И онъ это исполнилъ?—спросили съ удивленіемъ полковникъ и предводитель.

— Истинный и тонкій былъ философъ!—заключила прабабушка:—нынѣ мало такихъ людей! все какіе-то самонадѣянные и, простите, легкомысленные... А онъ, какъ сказалъ, такъ, представьте, все и совершилъ!

1887 г.

IV.

ДѢДОВЪ ЛѢСЪ.

Мой дѣдъ Иванъ Васильевичъ Данилевскій посѣялъ... тысячу десятинъ лѣса.

Не правда ли, ка̀къ это странно слышать въ нашъ, по

преимуществу «лѣсоистребительный вѣкъ?» Вспомнимъ сжиганіе лѣсовъ желѣзными дорогами и пароходами, которыхъ по одной Волгѣ ходитъ болѣе пятисотъ; вспомнимъ рубку «березокъ» по всей Россіи въ Троицынъ день.

Люди предпріимчивые, люди съ сильной волей и дѣловымъ умѣньемъ, при всякихъ новѣйшихъ приспособленіяхъ, съ паровыми плугами, рядовыми сѣялками и при своихъ и акціонерныхъ капиталахъ, — стали бы въ затрудненіе передъ задачей—посѣять и выростить тысячу лѣсныхъ десятинъ.

Много и въ послѣдніе годы толковали о «лѣсоразведеніи», «древонасажденіи» и «обводненіи» южныхъ степей. Ученые геологи и ботаники, по древеснымъ остаткамъ въ курганахъ и на днѣ рѣкъ и озеръ, доказывали, что—нынѣ пустынныя, лишенныя рощъ и дубравъ—Украйна и Новороссія въ незапамятныя времена были покрыты лѣсными породами, гдѣ заброшенный въ степи путникъ могъ находить убѣжище отъ непогоды. Писались доклады, вызовы, проекты и уставы; командировались свѣдующіе чиновники и лѣсники; составлялись общества и продавались паи. Но ни «лѣсоразведенія» и «древонасажденія», ни «обводненія» степей до сихъ поръ не оказалось и слѣда. А въ глубинѣ слободской Украйны, въ Зміевскомъ небогатомъ селѣ Пришибѣ, проживалъ незнаемый свѣтомъ хуторянинъ, мой дѣдъ, который семьдесятъ пять лѣтъ назадъ, безъ машинъ, безъ своихъ и чужихъ вспомогательныхъ капиталовъ, взялъ да и засѣялъ лѣсомъ тысячу десятинъ никуда негодныхъ, песчаныхъ земель на Донцѣ.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ оффиціальные, печатные источники, такъ и семейная, устная старина.

Во-первыхъ—свидѣтельства офиціальныя.

Въ рѣчи извѣстнаго харьковскаго ученаго профессора ботаники, В. М. Черняева — «О разведеніи украинскихъ лѣсовъ», изданной въ 1857 году, сказано слѣдующее: «Покойный профессоръ ботаники, незабвенный мой наставникъ, Ф. А. Делавинъ, въ 1817 году, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета, упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ удачнаго лѣсоразведенія на сыпучихъ пескахъ.

— «Я знаю,—говоритъ онъ,—одного помѣщика, скромность котораго заставляетъ меня умолчать о его имени.

Когда я проѣзжалъ по его землямъ, лѣтъ 15 тому назадъ (1802 г.),—я нашелъ песчаную равнину, десятинъ въ пятьсотъ. Но какъ я удивился, увидѣвъ недавно ту же равнину, превращенную въ прекрасный сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ людей немного? Почему имя сего мужа не достигло подножія трона?

— «Въ 1844 году,—продолжаетъ профессоръ В. М. Черняевъ,—имѣлъ я удовольствіе видѣть уже не пятьсотъ десятинъ, а болѣе тысячи, и быть въ домѣ, построенномъ дѣтьми изъ лѣса, который за полвѣка посѣянъ ихъ отцомъ. Чрезъ ходатайство начальника губерніи, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, помѣщикъ Зміевскаго уѣзда, награжденъ, за столь благодѣтельный и поучительный примѣръ, орденомъ св. Владиміра».

Такъ говорятъ оффиціальныя печатныя данныя; такъ свидѣтельствуютъ почтенные профессора. И сообщеніе ихъ въ точности вѣрно: сѣятель зміевскаго лѣса былъ, дѣйствительно, примѣрной скромности человѣкъ. Какъ всѣ люди, чѣмъ-нибудь истинно послужившіе родной землѣ, онъ и умеръ, не подозрѣвая, что совершилъ какой-либо подвигъ и этимъ былъ кому-нибудь полезенъ.

Мой дѣдъ, какъ свидѣтельствуетъ его формулярный списокъ, родился въ 1769 году. Въ 1791 г., съ небольшимъ двадцати лѣтъ, зачисленный въ службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, онъ въ теченіе пяти лѣтъ былъ произведенъ въ фурьеры, подпрапорщики, каптенармусы и сержанты гвардіи, а въ 1796 году, незадолго до смерти императрицы Екатерины, уволенъ, по прошенію, въ отставку. Надо, впрочемъ, пояснить, что какъ это поступленіе въ полкъ, такъ и прохожденіе въ немъ службы, равно и полученіе чиновъ, по тогдашнимъ обычаямъ, совершились при постоянномъ и полномъ отсутствіи служившаго изъ полка.

Мой дѣдъ никогда не былъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, и не видѣлъ въ глаза не только гвардіи, но и своего преображенскаго полка.

Формулярный списокъ прибавляетъ, что въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ исполнялъ, по выборамъ дворянства, должность зміевскаго «комиссара для сбора денегъ, пожертвованныхъ дворянами съ ихъ имѣній на учрежд- харьковскаго университета». Не будетъ лишнимъ вспом-

нынѣшнему молодому поколѣнію южныхъ землевладѣльцевъ, что наши дѣды на этотъ предметъ пожертвовали и до копейки собрали въ тѣ годы болѣе полумилліона рублей.

Въ 1819 году послѣдовало награжденіе Ивана Яковлевича орденомъ св. Владиміра, какъ сказано о томъ въ грамотѣ, «за отличные труды и усердіе, къ общей пользѣ оказанные, въ разведеніи лѣса на пустыхъ, песчаныхъ мѣстахъ».

Избранный старостой имъ построенной въ 1810 году, въ родовомъ селѣ, каменной церкви, мой дѣдъ несъ эту обязанность до конца жизни.

Онъ умеръ шестидесяти-четырехъ лѣтъ, въ 1833 году, среди посѣяннаго имъ лѣса, въ небольшомъ, въ три комнаты, домикѣ, у Курбатовскаго ключевого пруда.

Оффиціальныя и письменныя данныя на этомъ кончаются. Устная семейная старина щедрѣе...

Отецъ Ивана Яковлевича воспитывался въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ соученикомъ извѣстнаго, по Шлиссельбургской катастрофѣ, Мировича. Служа въ пѣхотѣ, онъ женился на дочери выборгскаго коменданта, Плотниковой, занимавшей въ то время должность каммермедхенъ при дворѣ императрицы Екатерины. Угрюмый мистикъ и масонъ, отецъ Ивана Яковлевича умеръ отъ чахотки, когда сыну исполнилось восемнадцать лѣтъ. Сынъ получилъ домашнее воспитаніе.

Любимецъ и единственная отрада матери, Иванъ Яковлевичъ, со дня своего рожденія и по ея кончину, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ, не разлучался съ родительницей. Въ его дѣтствѣ она его нянчила и сама учила не только грамотѣ, но и верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья. Подъ ея руководствомъ онъ сталъ хозяйничать, съ ея же выбора и согласія, въ послѣднемъ году прошлаго столѣтія, женился.

Новый, XIX-й, вѣкъ засталъ Ивана Яковлевича на тридцать первомъ году жизни. Прекрасно образованная и даже, какъ тогда говорили о ея пансіонскомъ воспитаніи, «ученая» — его жена, моя бабка, Анна Васильевна была изъ семьи Рославлевыхъ, стяжавшихъ громкую извѣстность своимъ пособіемъ при возведеніи императрицы Екатерины Второй на престолъ. Живая, чувствительная и подвижного нрава, Анна Васильевна съ трудомъ выносила застѣнчивый,

тяжелый на подъемъ и нерѣшительный нравъ мужа. Воля доброй, умной свекрови въ этой семьѣ была законъ. Робкій и мнительный съ посторонними, съ дѣтства замкнутый, бука и домосѣдъ, Иванъ Яковлевичъ до женитьбы увлекался лишь двумя предметами—охотой и музыкой. Хозяйствомъ онъ занимался мало. Имѣніемъ завѣдывали, подъ надзоромъ матери, приказчики. А какъ они занимались хозяйствомъ, можно было видѣть въ концѣ села, у кабака, особенно въ праздники, когда одного изъ нихъ оттуда велъ въ хату кумъ, а другого провожала смазливая дочка, крестница матери Ивана Яковлевича.

Днемъ Иванъ Яковлевичъ бродилъ по степи и по Донцу съ ружьемъ; по вечерамъ тѣшилъ матушку игрою на скрипкѣ или на клавесинахъ! Тѣхъ же обычаевъ онъ вздумалъ держаться и ставъ молодоженомъ.

Анна Васильевна терпѣла-терпѣла деревенскую скуку и рѣшилась, наконецъ, ласково и стороной намекнуть мужу о губернскомъ городѣ Харьковѣ: что тамъ, дескать, всякія веселости, театры, выѣзды, танцовальные вечера.

Долго,—почуявъ, въ чемъ дѣло,—кряхтѣлъ и робко улыбался молодой, неподатливый и неповоротливый мужъ. Не хотѣлось ему оставить деревенскаго теплаго угла, нажитыхъ привычекъ, охоты съ любимымъ ружьемъ «калиновкой», бесѣдъ съ матерью и стеганнаго на ватѣ, мягкаго шелковаго архалука. Да и сидѣла въ немъ, съ недавнихъ поръ, какая-то внутренняя смутная дума. Онъ все охалъ, брался за грудь и бока, жаловался на нездоровье. Жена незамѣтно, однако, пересилила.

Потолковавъ съ «сударыней-матушкой» и продавъ сосѣднимъ купцамъ кое-какіе сельскіе запасы, Иванъ Яковлевичъ рѣшилъ провести часть зимы 1801 года въ Харьковѣ. Онъ послалъ нанять квартиру у тамошняго своего знакомца, доктора Вырубова; но медлилъ и медлилъ съ отъѣздомъ, или, какъ бабушка думала о томъ впослѣдствіи, «мямлилъ-мямлилъ» и отправился туда ужъ на рождественскихъ святкахъ, въ февралѣ.

— Вы довольны, зёльхенъ!—спросилъ дѣдъ, такъ называвшій въ нѣжные часы жену.

— Какъ же, гѐрцхенъ, не довольна!.. Увидимъ свѣтъ, освѣжимся...

Побывали молодожены у городскихъ властей и

скаго предводителя; выстояли архіерейскую службу въ монастырѣ; посѣтили театръ и какую-то панораму, обжились, устроились и сами стали принимать знакомцевъ и родныхъ.

Иванъ Яковлевичъ справилъ себѣ модный нарядъ; сталъ выѣзжать въ голубомъ фракѣ, съ бронзовыми пуговицами, и въ крахмаленномъ жабô; но часто шептался съ докторомъ, квартирнымъ хозяиномъ. Зная мнительность некрѣпкаго здоровьемъ мужа, Анна Васильевна все собиралась спросить Вырубова, въ чемъ дѣло, и стѣснялась, какъ бы не огорчить этимъ мужа. Харьковъ, между тѣмъ, огласился печальнымъ событіемъ.

Въ началѣ великаго поста прихожане старой Вознесенской церкви, заслышавъ звонъ понамаря, стали собираться къ заутренѣ. Двѣ старухи замѣтили на стѣнѣ деревянной колокольни бумажку, прибитую у входа на паперть. Одна изъ старухъ, грамотная купчиха Слатинà, сосѣдка по квартирѣ дѣда, предполагая, что это было призваніе къ пожертвованію, стала вслухъ читать написанное... Бумага оказалась острымъ и сильно дерзкимъ пасквилемъ на одно высокое лицо.

Вознесенскій протопопъ, отецъ Василій Фотіевъ, проходя мимо къ службѣ, взглянулъ на «бунтовскую грамотку», сорвалъ ее и тотчасъ заявилъ о ней полиціи. Въ тотъ же день онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и взятъ подъ арестъ. Старуху Слатину къ ночи умчали съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. И хотя всѣ знали, что ни Фотіевъ, ни Слатинá, какъ ни въ чемъ здѣсь неповинные, будутъ, по всей вѣроятности, вскорѣ освобождены, тѣмъ не менѣе, всѣмъ городомъ овладѣла паника.

А тутъ еще какой-то проѣзжій изъ столицы чиновникъ сообщилъ новое извѣстіе, въ особенности поразившее моего дѣда. Завернувъ по пути къ пріятелю архимандриту, этотъ петербургскій житель подъ секретомъ разсказалъ, что однофамилецъ и дальній родичъ моего дѣда, тоже Иванъ Данилевскій, былъ въ ту зиму схваченъ полиціей гдѣ-то въ курской или пензенской губерніи и такъ же, какъ Слатинà, отвезенъ въ Петербургъ.

Разсказчикъ, впрочемъ, прибавилъ, что арестъ для этого обвиняемаго окончился благополучно. Когда арестанта ввели въ кабинетъ императора Павла, государь съ негодованіемъ

показалъ ему какой-то рисунокъ со стихами и спросилъ: «Это ты меня изобразилъ въ такомъ привлекательномъ видѣ?»—Государь!—проговорилъ черезъ силу, упавъ на колѣни, арестованный: — я не только пашквилей на обожаемыхъ моихъ монарховъ, но даже и писемъ къ роднымъ дѣтямъ писать не могу... третій годъ рука въ параличѣ»...

Было произведено новое дознаніе; настоящій виновникъ дерзкой сатиры былъ найденъ и уличенъ. Ивану Данилевскому императоръ Павелъ, по словамъ разсказчика, пожаловалъ, за напрасныя тревоги и страхъ, дорогой перстень, далъ мѣсто въ ассигнаціонномъ банкѣ, на поправку разстроенныхъ дѣлъ записалъ ему обширную вотчину и, наконецъ, по просьбѣ оправданнаго, въ память этого событія съ нимъ въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ тогда жилъ государь Павелъ Петровичъ, прибавилъ къ его фамиліи слово—«Михайловскій». Съ той поры и стали на Руси Михайловскіе-Данилевскіе.

Анна Васильевна всячески старалась успокоить мужа, встревоженнаго этимъ разсказомъ.

— Ну, видите, видите,—говорила она:—какой добрый и справедливый монархъ!..—Не права ли я? Не только наградилъ невинно-подозрѣваемаго, но еще передъ нимъ на разводѣ принесъ извиненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо уѣзжать!—твердилъ дѣдъ: — и тотъ Иванъ, и я Иванъ, и оба Данилевскіе. Мало ли что можетъ произойти... Подальше отъ города,—болѣе спасенія и тишины.

— Но что же произойдетъ?

— А вонъ, квартальный поручикъ вчера пять разъ за день мимо насъ прошелъ и все поглядывалъ на окна... Вѣрь, что ужъ не даромъ...

— Да его квартира здѣсь на улицѣ.

— А зачѣмъ на наши окна смотрѣлъ?

Въ Харьковъ, незадолго передъ тѣмъ, пріѣхалъ извѣстный фокусникъ Манчини. Онъ пустилъ афиши, въ которыхъ извѣщалъ, что публика увидитъ у него отмѣнно-дивныя вещи: ращеніе въ четверть часа изъ сѣмянъ цвѣтущихъ розъ, глотаніе зажженной пакли и оживленіе обезглавленныхъ передъ зрителями голубей. Городъ спѣшилъ въ заманчивый балаганъ.

— Собирайся, сейчасъ ѣдемъ! — сказалъ Иванъ Яковле-

вичъ, торопливо, съ блѣднымъ лицомъ, входя къ женѣ съ утренней прогулки.

— Къ Манчини? развѣ сегодня?

— Нѣтъ, сударыня,—въ деревню, домой...

— Какъ? что̀ случилось? А ты же обѣщалъ завтра съ Вырубовыми къ фокуснику?..

— Не до заморскихъ нынче штукъ, — мрачно отвѣтилъ дѣдъ:—слышала, мой другъ, что̀ грозитъ Харькову? Представь,—прибавилъ онъ съ боязливою оглядкой: — присланъ, говорятъ, секретный приказъ... Если въ трое сутокъ не найдутъ виновника вывѣшенной у колокольни сатиры, то въ Харьковъ войдетъ чугуевскій казачій полкъ и подожжетъ съ конца въ конецъ всѣ улицы; и когда городъ сгоритъ, его мѣсто спашутъ, засѣютъ, и поставятъ у дороги столбъ съ надписью: «Здѣсь былъ городъ Харьковъ».

— Что вы, что вы, Иванъ Яковлевичъ! всякому слуху вѣрите!—возразила, сама поблѣднѣвъ, Анна Васильевна: — помяните мое слово, никакихъ подобныхъ вандальствъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ быть не можетъ... Сколько разъ я вамъ говорила, по поводу такихъ политическихъ пересудъ, что все это — бабскія выдумки! будемъ надѣяться на Бога; а нашъ Харьковъ, вѣрьте, останется цѣлъ и невредимъ.

Слова нѣжной, любящей, вѣрившей въ «просвѣщеніе вѣка» бабушки, на самомъ дѣлѣ, оправдались.

Утромъ слѣдующаго дня, когда архіерей, губернаторъ и прочія высшія городскія власти выходили отъ вечерни изъ собора,—къ паперти подскакалъ въ волчьей шубѣ, засыпанный снѣгомъ, фельдъегерь. Онъ, еще стоя въ бѣшенно-мчавшихся саняхъ, скинулъ шапку и, ею махая, крикнулъ охрипшимъ голосомъ: «Счастье имѣю поздравить съ восшествіемъ на престолъ императора Александра! царство небесное императору Павлу!»

Эта вѣсть съ быстротою молніи облетѣла Харьковъ.

— А все-таки, зѐльхенъ, уѣдемъ въ деревню!—сказалъ, выслушавъ новость, дѣдъ женѣ.

— Почему, гѐрцхенъ? развѣ не видите, какъ, по моему предсказанію, все счастливо кончилось?—отвѣтила жена: — городъ ликуетъ; съ близкой пасхой будутъ новыя празднества, веселье, балы.

— Въ своемъ гнѣздѣ и веселѣе, и лучше!

— Но мы многимъ еще визитовъ, какъ слѣдуетъ, по

отплатили,—настаивала жена:—родные обидятся; у многихъ назначены вскорѣ вечера, а такою родней, гѐрценька, какъ у васъ, не слѣдуетъ пренебрегать... Донецъ-Захаржевскіе, Краснокутскіе, Двигубскіе, князь Трубецкой, Милорадовичъ, Пестичи, графъ Петръ Михайлычъ Апраксинъ, Булацѐль-богачъ...

— Еще, сударыня, нѣтъ ли кого на примѣтѣ? А я скажу,—рѣшилъ дѣдъ:—скупимъ, что̀ надо, да скорѣй во-свояси. Знаешь пословицы: своя хатка — родна матка... на своей печи все красное лѣто... До̀ма и стѣны помогаютъ; и мышь въ норку тащитъ корку... Вотъ и я, скажу вамъ, къ своей «калиновкѣ» пріобрѣлъ нынче новый, съ пороховницей, ягдташъ...

«Калиновка», долго хранившаяся въ нашей семьѣ, была любимымъ ружьемъ дѣда. Онъ изъ нея, по преданію, подъ шестьдесятъ лѣтъ, не давалъ промаха по волкамъ и убивалъ на лету ласточекъ.

— А кстати,—прибавилъ дѣдъ женѣ: — поздравляю и съ новымъ егеремъ, Антипкой... Сегодня съ нимъ встрѣтился! Завзятый стрѣлокъ... И онъ поѣдетъ съ нами.

Новаго егеря Иванъ Яковлевичъ нанялъ случайно. Дѣдъ вошелъ въ польскую лавочку, гдѣ торговалъ приборъ на ружье. Здѣсь онъ увидѣлъ здоровеннаго, сухопараго, сильно обвѣтреннаго и съ примороженнымъ носомъ верзилу, покупавшаго дробь и картечь на старенькую, перевязанную веревкой винтовку. Разговорились. Антипъ оказался странствующимъ торговцемъ-охотникомъ.

— Откуда пришелъ?

— Изъ брянскихъ лѣсовъ.

— Какова тамъ охота?

— Другой нѣтъ на всемъ свѣтѣ.

Дѣдъ еще поговорилъ, осмотрѣлъ винтовку Антипа, спросилъ, какъ и у кого онъ охотился въ брянскихъ лѣсахъ, и предложилъ ему съѣздить съ собою за городъ, попробовать въ цѣль «калиновку».

— Вотъ такъ бисова говйнька! хоть бы и кошевому! — сказалъ Антипъ, протирая глаза, когда дѣдъ на пробѣ всадилъ на сто шаговъ пулю въ пулю:—я бы съ такимъ ружьемъ жилъ, какъ съ жинкой, и ходилъ бы за нимъ, какъ за родною дѣтиной.

«Эге! Ковйнька! и вспомнилъ кошевого!—подумалъ

сясь на Антипа, дѣдъ, — персона, очевидно, не пустячная; ужъ не изъ бывшихъ ли, нынѣ шатающихся по міру, славныхъ сѣчевиковъ?».

Антипъ Легкоступъ, дѣйствительно, былъ изъ закрытаго двадцать-пять лѣтъ передъ тѣмъ Запорожья. Гдѣ онъ былъ со времени памятнаго «руйнованія сѣчи»—никто не зналъ. Уходилъ ли онъ съ прочимъ «товариствомъ» въ Туретчину, да соскучился и самъ возратился, или первое время прятался гдѣ-нибудь въ глухихъ степяхъ, да по морскимъ рыболовнямъ въ Новороссіи,—преданіе о томъ умалчиваетъ. Въ послѣднія же семь-шесть лѣтъ Антипъ шлялся, стрѣляя и сбывая дичь помѣщикамъ и въ города, по бѣлгородскимъ и брянскимъ лѣсамъ. Пріѣхавъ въ нашъ Пришибъ съ обозомъ дѣда, онъ прожилъ у него около десяти лѣтъ, исчезая, впрочемъ, по временамъ, на годъ и болѣе.

— Куда же ты, Антипъ? — спрашивалъ его въ такихъ случаяхъ дѣдъ.

— А къ морю, пàне, въ Тилигулъ... Появилась птица отайка и птица усой.

— Да не брешешь ли ты?—говорилъ дѣдъ:— что это за отайка и усой? никто про такихъ птицъ не слыхивалъ; а въ Тилигулъ вашъ братъ вѣчно шелъ, когда было скучно и хотѣлось просто уйти на всѣ четыре стороны...

— Ни, пàне, ей-же то Богу, — до моря, въ Тилигулъ, — отвѣчалъ, собираясь въ дорогу, Антипъ:—такая птица явилась, нельзя...

Дѣдъ оказывалъ полное довѣріе новому егерю, поручилъ ему всѣ свои ружья и весь охотничій арсеналъ. Антипъ проживалъ въ саду, въ пустой банѣ. Иванъ Яковлевичъ почасту его навѣщалъ.

— Что вы все шепчетесь съ лѣкаремъ?—спросила какъ-то бабушка мужа, когда они вновь обжились въ селѣ и къ нимъ сталъ наѣзжать въ гости сосѣдній полковой врачъ.

— То такое,—отвѣтилъ таинственно и растерянно дѣдъ:— что вамъ, Анна Васильевна, какъ дамѣ, можетъ, и не подъ силу. Не женскаго резона матерія, извините... Когда-нибудь и скажу... А впрочемъ, можетъ-быть, и пустяки.

Бабушка была довольна новою утѣхою мужа. Съ Антипомъ дѣдъ охотился какъ у себя, такъ и въ сосѣдскихъ поляхъ. Онъ узналъ его ближе, полюбилъ за сумрачный,

нѣсколько дикій, но прямой и стойкій нравъ, и сообщилъ ему нѣкій завѣтный, сладкій замыселъ, созрѣвшій на днѣ его робкой, несообщительной души. Это было во вторую весну пребыванія Антипа у дѣда, въ 1802 году.

— Знаешь ли, Антипъ, что̀ я затѣялъ?—сказалъ однажды дѣдъ егерю:—и не только затѣялъ, твердо рѣшилъ, и хочу о томъ переговорить съ матушкой.

— Не знаю, па̀не; и какъ намъ можно знать всѣ панскія мысли?

— Хочу у матушки проситься съ тобою въ отъѣзжее поле, въ брянскіе лѣса...

— Ну, и съ Богомъ, пане Иване! Тамъ такія мѣста, такія, и столько всякой дичи, — только помогай Богъ въ дорогу!..

— Да, помогай Богъ!—произнесъ, почесывая переносье, дѣдъ:—а какъ матушка не пуститъ?

— Да почему же?

— Потому, я все хворый, все мнѣ не по себѣ...

— А оттого, паночку, и не по себѣ, что много дома сидите. Вонъ и у меня, на что ноги, — лошадиныя, а ужъ мозоли стали сходить на вашихъ, спасибо, хорошихъ хлѣбахъ...

— Ну, такъ я попытаюсь,—только ты, Антипъ, до времени молчи... Будешь молчать?

— Буду.

Воспитаніе дѣда прошло подъ вліяніемъ мѣстныхъ религіозныхъ и бытовыхъ преданій. Онъ росъ подъ кровомъ сельской, сказочной старины. Женскій міръ, совѣты, ласки и руководство любящей матери въ теченіе долгой ея жизни, положили на дѣда свой, нѣсколько фантастическій, отпечатокъ.

Въ то время не только въ поселянскихъ, но и въ дворянскихъ семьяхъ всецѣло царили особыя космическія понятія о мірѣ, небѣ и землѣ.

Небо тогда неоспоримо еще считалось синей кровлей великановъ — «одноглазцевъ», бабы которыхъ на нее съ вечера кладутъ свои веретена и вальки. Облака — это студень, и его пробовалъ въ бурю какой-то пастухъ. Солнце— человѣкъ съ огненными волосами. Одинъ панъ заблудился на охотѣ, попалъ на небо, гдѣ солнце спитъ, и если-

вѣтеръ, губатый солнцевъ братъ, этотъ панъ сгорѣлъ бы, какъ снопъ. Передъ концомъ свѣта солнце спустится къ землѣ и уже не зайдетъ; тогда загорятся озера, колодцы, и рѣки потекутъ краснымъ огнемъ. На лунѣ по ночамъ — Адамовы сыновья, — Каинъ держитъ на вилахъ убитаго Авеля. Затменіе—это св. Юрій ставитъ на мѣсяцъ заслонку. На Срѣтеніе — встрѣча и борьба семейной жены, зимы, и гулящей дѣвки, лѣта. Звѣзды — свѣчи въ рукахъ ангеловъ, сидящихъ на ступеняхъ божьяго трона; и эти свѣчи—души людей: праведно живущихъ—яркія, грѣшниковъ — тусклыя, мерцающія. Едва родится человѣкъ, Богъ зажигаетъ свѣчку и дастъ ее ангелу. Сколько звѣздъ, столько и людей; падучія—это души покойниковъ. Млечный путь — дорога въ Іерусалимъ. Громъ—архангелъ Михаилъ охотится съ ружьемъ на утокъ и прочую дичь. Роса—слезы великомученицы Варвары, которая ходитъ по тощимъ, засыхающимъ нивамъ и плачетъ о бѣдныхъ людяхъ. Радуга—ея коромысло, и по ней втягиваются въ тучи, кромѣ рѣчныхъ водъ, маленькія рыбки и лягушки, потомъ падающія на землю. Морозъ — дряхлый сѣдой старикъ, весь въ сосулькахъ. Вѣтеръ—Касьянъ вѣтродуй, мордатый, губатый и усатый, прикованный гдѣ-то къ стѣнѣ. Проснется, шевельнетъ однимъ усомъ — вѣтеръ, другимъ—буря.

Тогда — въ дѣдово время — вѣрили, что волы, лошади и всякій скотъ, въ ночь подъ Рождество, говорятъ между собой по-человѣчьи; что летучая мышь стала съ крыльями оттого, что съѣла на Пасху «свячёнаго»; что чайка — неутѣшная вдова, ставшая птицей отъ непрерывнаго плача надъ могилой мужа, и что воробьи, за указаніе евреямъ воскресшаго Спасителя, до конца вѣка будутъ повторять свой предательскій крикъ: «живъ, живъ!»

Егерь Антипъ внесъ немало новыхъ таинственныхъ преданій и откровеній въ умственную жизнь дѣда. Онъ даже помѣщеніе въ банѣ избралъ вслѣдствіе особыхъ соображеній. Жить на охотномъ дворѣ онъ не захотѣлъ.

— Со псами, пане, извините, нечисто! — сказалъ онъ:— боюсь не блохъ, а того, что бываютъ всякіе псы.

— Какіе же бываютъ псы?

— Душа иного человѣка за плохія дѣла переходитъ, по смерти, въ собаку,—отвѣчалъ егерь:—оттого бываютъ «песьи-

головцы» и «вовкулаки» — ихъ сразу и не различишь. — они ночью сердце сосутъ.

— Я вамъ, пане, найду и добуду «ремезево гнѣздо»,— говорилъ одинъ разъ Антипъ, бродя въ камышахъ по Донцу и тамъ въ травѣ подглядывая птичьи сѣдала.

— Какое же это гнѣздо? — спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Отъ лихорадки лѣчитъ и отъ дурного глаза... Такая махонькая, тихая птушка есть; въ зелени ее и не видать.

Отъ подносимой чарки водки Легкоступъ отворачивался, увѣряя, что съ давней поры, по зароку, не пьетъ. Сельскій шинокъ онъ обходилъ какъ-то мрачно, окольными тропинками, говоря, что кто сидитъ за горѣлкой, тотъ не выкрикнетъ на приманку ни волка, ни лисицы. Поселяне дичились его и не щадили насмѣшками. Онъ отругивался отъ нихъ забористо и на особый ладъ. «Лярво ты, хляпитуро!— кричалъ онъ, выйдя изъ себя: — чтобъ ты сдурѣлъ и вѣялся, какъ вѣтеръ! Чтобъ тебя позавертало! Чтобъ ты съ дымомъ пошелъ!..»

«Запорожецъ! какъ есть, запорожецъ! — думалъ дѣдъ, любуясь шагавшимъ по улицѣ, въ сермягѣ, на босу ногу стрѣлкомъ:—«такъ ругались сѣчевики, наѣзжавшіе къ отцу въ былые годы».

Собираясь на охоту и ладя барину нужные припасы, Антипъ напѣвалъ одну и ту же заунывную, протяжную пѣсню, гдѣ слышались слова: Черное море, турки и братья сѣромахи, славные молодцы. Иногда же онъ ласково, нѣжно причитывалъ, будто молился: «Вы зôри-зорницы, три сестрицы! займите тотъ кубокъ, что Іисусъ руки мылъ... Ночь темнà, темницà! замыкаешь ты церкви и хаты, монастыри и царски палаты... замкни звѣрю уши и глаза, чтобъ я подошелъ и не промахнулся».

На охотничьихъ привалахъ Антипъ безъ умолку разсказывалъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку.

— Я, пàне, одинъ разъ сподобился встрѣтить святого Юрья,—повѣдалъ какъ-то Антипъ.

— Гдѣ-жъ ты его встрѣтилъ?

— Да тамъ же, куда собираетесь, въ тѣхъ лѣсахъ.

— Какъ же это было?

— Иду я вотъ съ этимъ самымъ мушкетомъ, — сказалъ Легкоступъ, беря ружье въ жилистыя, точно сверченныя изъ канатовъ руки:—ночь была темная, въ позднюю осень.

Поглядѣлъ, а вдали, въ гущинѣ деревьевъ, перебѣгаютъ огоньки; точно кто со свѣчами ходилъ и чего-нибудь искалъ по травѣ. Я прилегъ въ кусты, выждалъ; вижу, св. Юрій идетъ, — какъ есть, въ латахъ, въ желѣзной шапкѣ и съ большущимъ самопаломъ черезъ плечо; а за нимъ понуря морды и махая хвостами,—вереница волковъ... ихъ-то глаза и свѣтились...

— Да какъ это за Юріемъ волки?

— Онъ волчій пастухъ,—отвѣтилъ Антипъ.

— Своими глазами видѣлъ?

— Своими.

— Да, любопытны ваши брянскіе лѣса, и я, что задумалъ — сдѣлаю, — сказалъ, прохаживаясь по банной горенкѣ, дѣдъ.

— Много дивъ, еще больше дичи,—произнесъ Легкоступъ:— только знайте, пàне Иване, вся она заговорена. Много тамъ чертей...

— Откуда же они, когда тамъ святой Юрій?

— То не его дѣло. А извѣстно—лѣсъ, вѣковѣчныя дебри; опять же воздухъ свободный; ну, всякая нечисть и водится,—лѣсовики, овражники, болотняники, камышники; гдѣ какой изъ чертей захочетъ, тамъ себѣ и живетъ; есть и лѣсныя бабы, — полнолунницы, чтò звѣзды крадутъ; есть дѣвки щекотницы, — попадешься къ нимъ, защекочутъ до смерти. Эхъ, пàне, вотъ бы сюда, на Донецъ, да такіе дремучіе лѣса!..

— Я и самъ давно думаю, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ;—засѣять бы, въ самомъ дѣлѣ, вотъ хоть всѣ эти песчаные кучугуры, да бугры...

— То-то птушекъ бы прибыло!—обрадовался Антипъ: — дикіе голуби-вытютни, сòйки, сѣрый и черный дроздъ, вальдшнепы, шпаки.

— Я полагаю, съ лѣсомъ завелись бы и всякія лѣсныя травы! — произнесъ дѣдъ, какъ-то раздумчиво, загадочно и несмѣло взглядывая на егеря.

— Еще-бы!—продолжалъ Легкоступъ: — въ тѣни выползетъ тебѣ не только всякая подземная былинка, всякій божій злакъ, а покажется, пожалуй, и «дѣдъ-моркунъ».

— Это кто?—спросилъ, поднявъ брови, Иванъ Яковлевичъ.

— Кладъ такой... Иной, пàне, кладъ выбѣжитъ и катится ночью по дорогѣ бѣлою овцою или чернымъ лохма-

тымъ пѣтухомъ; его и не узнаешь. А другой вышелъ и станетъ въ кустахъ старымъ, засморканнымъ нищимъ; въ дерюгѣ, съ котомкой и съ клюкой; горбатый онъ, поганый, ну—плюнуть; а кто ему утретъ, извините, сопли—глядь и разсыплется золотомъ. Разныя дива бываютъ. Опять-же, пàне, слышно, что при концѣ вѣка такіе будутъ махонькіе люди, что дюжина ихъ въ печкѣ станетъ горохъ молотить...

— Ну, то при концѣ свѣта, — перебилъ Иванъ Яковлевичъ. — А скажи ты мнѣ лучше, Антипъ, вотъ что... Есть тамъ въ лѣсахъ, гдѣ ты былъ... жàбникъ, жàбья трава? А кое-гдѣ зовутъ ее также чистотѣломъ, и отъ нея, какъ сказываютъ очищается тѣло человѣка... Есть такая трава? Ты ее видѣлъ?

—Жàбникъ? какъ не быть!—отвѣтилъ Легкоступъ:—всякая трава, пàне Иване, выраститъ подъ деревомъ, абы лѣсъ былъ... А ужъ лѣса тамъ, говорю вамъ, вотъ лѣса! Безъ начала и конца...

Задумался дѣдъ пуще прежняго и окончательно рѣшилъ не откладывать дѣла.

Наступилъ 1802 годъ. Весной въ этомъ году у Ивана Яковлевича родился сынъ Петръ, мой отецъ. По совѣту своей матери, дѣдъ ѣздилъ въ мартѣ на богомолье въ Святогорскій монастырь, гдѣ служилъ молебенъ о здравіи родильницы и новорожденнаго. Возвратясь оттуда, Иванъ Яковлевичъ передалъ матери просьбу отпустить его на богомолье въ Бѣлгородъ, а кстати и поохотиться въ Брянскій уѣздъ.

— Съ кѣмъ же я отпущу васъ, Иванъ Яковлевичъ, въ столь дальній вояжъ?—сказала за вечернимъ чаемъ на балконѣ, въ кругу цвѣтущихъ яблонь, Анна Петровна:—кучеръ Яшка мнѣ нуженъ, для поѣздокъ въ поле и къ знакомцамъ; кучеръ Сашка для вашей жены, — на случай послать за докторомъ или за чѣмъ-нибудь.

— Я, матушка, поѣхалъ бы съ егеремъ Антипомъ, — сказалъ не смѣло сынъ:—мы бы запрягли кибитку, онъ правилъ бы тройкой, и мы благополучно сдѣлаемъ этотъ вояжъ.

— А какъ вы подстрѣлите себя, Иванушка, на охотѣ?— возразила, слѣдуя давнему обычаю, Анна Петровна тридцати-трехъ-лѣтнему сыну.

— Не подстрѣлю, матушка, — отвѣтилъ, цѣлуя руку матери, сынъ:—ружье въ пути у меня никогда не заряжено.

— Отпустите его, ma bonne mère,—произнесла сидѣвшая здѣсь же, на балконѣ, еще блѣдная, бабушка Анна Васильевна:—онъ зимой почти не охотился, а теперь такая дивная погода... вся въ цвѣту, и какъ тепло.

Прабабка оправила на себѣ бѣлый, въ кружевахъ, высокій чепецъ, строго взглянула на вечерѣющее, тихое небо, на освѣщенныя верхушки осыпанныхъ цвѣтомъ яблонь и грушъ, и сказала со вздохомъ:

— Будете въ Бѣлгородѣ,—тамъ у обители, гдѣ покоятся мощи преосвященнаго Іосафа, знатный садъ—добудьте мнѣ саженцевъ яблони «добрый крестьянинъ». Плоды съ нея отмѣнные, и ихъ очень выхвалялъ покойный бригадиръ Пашковъ...

Сердце дѣда радостно забилось. Всякій разъ,—а это было не такъ часто,—когда прабабка вспоминала бригадира Пашкова, въ дальней завѣтной молодости въ нее влюбленнаго,—все шло, какъ по писанному, на ладъ. Поѣздка въ Бѣлгородъ и далѣе была рѣшена.

Стоялъ ясный, безвѣтренный апрѣль. Рогожная кибитка, нагруженная всякой всячиной, двинулась по «чернотрὸпу» въ путь. Антипъ возсѣдалъ на козлахъ. Дѣдъ, въ стеганомъ, шелковомъ архалукѣ и въ лисьей щубкѣ, сидѣлъ среди ружей и складней съ провизіей въ кибиткѣ.

Побывали въ Бѣлгородѣ, отстояли въ монастырѣ службу, приторговали и отправили на особой, нанятой подводѣ саженцевъ «добраго крестьянина» изъ Іосафовой обители, и выѣхали на дорогу къ Брянску.

Бесѣда въ пути не прерывалась. Идутъ лошади шагомъ на мѣловую гору,—Легкоступъ разсказываетъ о лѣсахъ; идутъ подъ гору,—дѣдъ опять его осыпаетъ разспросами.

— Ты говорилъ, Антипъ, что въ брянскихъ лѣсахъ не всегда было спокойно?

— Теперь тихо, а въ старые годы ихъ обходили далеко.

— Чтὸ-жъ тамъ было прежде?

— Въ нихъ, пὰне, жилъ въ старину соловей-разбойникъ, да его побѣдилъ Илья Муромецъ.

— Какъ же онъ его побѣдилъ?

— Прослышалъ о чудищѣ и поѣхалъ по топкимъ болотамъ, трясинамъ и по калиновымъ мостамъ, въ самую гущину, гдѣ на двѣнадцати дубахъ сидѣлъ гнѣздомъ этотъ

самый разбойникъ. Не пропускалъ соловейко ни коннаго, ни пѣшаго—убивалъ всѣхъ наповалъ, и не оружіемъ, а молодецкимъ, разбойнымъ посвистомъ... Завидѣлъ соловейко Илью, засвистѣлъ,—пыль столбомъ поднялась, и посыпались ворохомъ сбитые свистомъ листья и сучья съ деревъ... Да загудѣла калена-стрѣла, разбойникъ съ дуба повалился...

Въ такихъ разсказахъ степняки проѣхали нѣсколько сутокъ, миновали песчаныя прибрежья только-что опавшей отъ половодья Десны и приблизились къ сплошнымъ сосновымъ и чернымъ раменнымъ пущамъ, простиравшимся въ то время близъ Брянска, по окраинамъ Орловской губерніи.

Усталость одолѣла дѣда. Онъ уже не выглядывалъ изъ кибитки и крѣпко спалъ, когда ночью колеса застучали и запрыгали по кряковистымъ сосновымъ кореньямъ, выступавшимъ на пути изъ песчаныхъ бугровъ. Легкоступъ привезъ барина въ сторожку давняго своего пріятеля, — тоже охотника-лѣсника, богатаго полбинскаго «смолокура» Надвина. Дѣдъ отказался отъ закуски, легъ на сѣно и проспалъ, какъ убитый, до утра.

Выйдя утромъ изъ сторожки, стоявшей у озера, надъ холмомъ, дѣдъ не взвидѣлъ свѣта отъ радости. Громадныя, двухсотъ-и-трехсотлѣтнія сосны, ели, дубъ, ольха, береза и клёнъ простирали свои вершины надъ темнымъ, суглинистымъ и супесчанымъ доломъ. У озера ладились барки для сплава лѣса. За озеромъ дымились черныя, закоптѣлыя смолокурни.

А когда степняки дѣдъ и Антипъ, подкрѣпившись пищей у лѣсника, двинулись налегкѣ, съ ружьями, въ чащу стараго болотнаго бора, когда ихъ встрѣтили и оглушили всякіе птичьи свисты, стоны и крики, и дѣдъ, звонко стрѣляя изъ длинной «калиновки», наполнилъ дичью свой ягташъ, потомъ торбу Легкоступа и привѣсилъ еще къ своему и его поясамъ нѣсколько десятковъ сизыхъ вытютней, носатыхъ вальдшнеповъ, утокъ и дроздовъ,—по пути къ сторожкѣ дѣдъ остановился. Восхищенный мощью и роскошью лѣса, обиліемъ и запахомъ древесныхъ породъ, о которыхъ въ обнаженной, пустынной степи не имѣютъ и понятія, дѣдъ скинулъ шапку, отеръ разгорѣвшійся лобъ и лицо и, глядя на окружавшую его лѣсную чащу, сказалъ Легкоступу:

— Антипъ, знаешь ли ты, что были въ древнемъ Египтѣ цари-фараоны; а у насъ императоръ, Великій Петръ?

— О Петрѣ какъ не слышать, а о фараонахъ читають въ святыхъ книгахъ.

— Ну, Антипъ, фараоны соорудили среди сыпучихъ песковъ пирамиды, а царь Петръ выстроилъ на невскихъ трясинахъ столицу Петербургъ. Тысячи конныхъ и пѣшихъ работниковъ трудились по ихъ волѣ надъ этимъ. Вотъ бы намъ съ тобой... посѣять на Донцѣ такой лѣсъ...

— Намъ, пàне, и не нужно такого дорогого кòшта.

— Какъ не нужно?

— Дайте мнѣ, пàне, только подводъ, да выпросите у сударыни-матушки десятокъ плуговъ, и я вамъ лѣсъ посѣю.

— Шутишь?—сказалъ дѣдъ.

— Не шучу, тогда повидите сами! Только надъ плугами чтобъ былъ не приказный Касьянъ Криворучка, — лярво, хляпштура ему, сучему, въ родню!—а пусть либо десятникъ Петръ Багацкій, либо ключникъ Бритвенко Сергѣй...

Погостилъ и поохотился въ волю дѣдъ въ смолокуровской полбинской пущѣ, прокатился по озеру на дегтярный заводъ, къ самому Нàдвину, собралъ нужныя справки, засушилъ, въ презентъ матери, подборъ дикихъ брянскихъ цвѣтовъ и отправился во-свояси.

Съ той поры Иванъ Яковлевичъ точно преобразился. Куда дѣлись его вялость, мнительность и нерѣшительность. Онъ сталъ неузнаваемъ.

Легкоступу дали сперва три, потомъ пять воловыхъ подводъ. Онъ съ ними нѣсколько разъ ѣздилъ въ брянскій уѣздъ за сосновыми шишками. Когда шишки привезли и выбили изъ нихъ сѣмена, Иванъ Яковлевичъ выпросилъ у матери плуги, отдалъ ихъ подъ надзоръ Бритвенка и Багацкаго, и тѣ стали пахать песчаные кучугуры и бугры близъ Донца. Въ проложенныя борозды Легкоступъ съ рабочими сажалъ свѣже-нарѣзанные колышки вербы и шелюга красной лозы; а между ними разбрасывалъ, подъ борону, сосновыя сѣмена.

Люди дивились. «Нашъ панъ сдурѣлъ... вмѣсто ржи и пшеницы, сѣетъ сосновыя шишки?»

А дѣдъ безъ устали сѣялъ и сѣялъ. Онъ вошелъ въ переписку съ заводчикомъ Нàдвинымъ и его сосѣдями, высылалъ имъ, въ обмѣнъ на боровыя шишки, возы тяжеловѣсной пшеницы гирки и бѣлотурки. Съ новой весной онъ опять принялся за дѣло, окопалъ кучугуры рвами, поставилъ избы

для сторожей и заказать туда всякому путь-дорогу. Боже упаси, если, бывало, Иванъ Яковлевичъ, ѣдучи къ своимъ сѣянцамъ, встрѣтитъ возлѣ нихъ на тропинкѣ коннаго или пѣшаго... Подбирай скорѣе полы и бѣги лучше безъ оглядки, что есть духу! Обругаетъ поносными словами, а не то задрожитъ и ухватится за ружье: «какъ смѣлъ топтать заповѣдную палестину?»

Прошелъ годъ. Тычинки вербъ и лозы окинулись листьями, пустили вѣтки. Еще годъ,—между ихъ рядами то здѣсь, то тамъ зазеленѣли чуть видныя по песку кудрявыя грядки крохотной, игольчатой травы: то были молодыя сосенки...

Спустя три года, сосны стали по поясъ человѣка; въ пять лѣтъ выросли дѣду по плечо. Задержанный отъ разноса, песокъ началъ крѣпнуть. Дѣдъ сѣялъ и сѣялъ...

На седьмомъ году первые посѣвные участки поднялись выше человѣка; на десятомъ—половина молодого бора ужъ давала широкую, прохладную тѣнь...

А подъ смолистыми деревцами, въ перегноѣ травъ и падающихъ сосновыхъ иголъ, образовался дернъ, поползла цѣпкая песочная осока,—carex arenaria,—явился верескъ, раскинулись и дружно зазеленѣли прочія лѣсныя травы.

Дѣдъ былъ внѣ себя отъ радости. Мать и жена любовались его трудами. Онъ не покидалъ завѣтнаго дѣла, отдавалъ ему всѣ свободные часы. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Съ первыхъ же лѣтъ въ молодомъ бору явились лисицы, а къ зимѣ туда стали набѣгать цѣлые уймы зайцевъ и куропатокъ. Антипъ выслѣдилъ два волчьихъ выводка. Были приглашены сосѣди, и охота началась на славу.

Поселяне, насмѣшливо и подозрительно встрѣтившіе первыя хлопоты дѣда, болѣе ужъ не говорили:—«вотъ одурѣлъ панъ, вмѣсто хлѣба сѣетъ сосновыя шишки!»—Теперь было не то. Крестьянинъ оцѣнилъ доброе дѣло: сельскія пашни болѣе не заносились со смежныхъ бугровъ песками.—«Ишь, вѣдунъ! хлѣба столько лѣтъ не продавалъ,—говорили поселяне:—а за то, что̀ вышло! лѣсъ какъ лѣсъ, точно и всегда тутъ росъ».

Стали даже толковать, что и впрямь дѣдъ волшебникъ. Одна баба, Морозиха, увѣряла, что видѣла разъ, какъ панъ вечеромъ стоялъ у сосны; онъ былъ по сю сторону дерева, а то вдругъ сталъ—точно на крыльяхъ перелетѣлъ—по дру-

гую, и въ оба раза стоялъ, какъ вкопанный, не двигался, точно на облакѣ...

Видъ съ дѣдова крыльца, изъ Пришиба, на молодой боръ былъ привлекательный. По зарямъ, лѣтомъ, были слышны въ домѣ всѣ лѣсные птичьи крики. На селѣ, впрочемъ, толковали: — «Развѣ то однѣ птицы голосятъ? тамъ теперь немало и *тѣхъ* пѣвуновъ, что къ ночи не слѣдъ и называть»...

— Что-жъ тамъ еще за пѣвуны? — спрашивали бабы мужей.

— Недаромъ тотъ чортовъ запорожецъ осѣдлалъ пана, — отвѣчали мужья: — добра изъ этого не выйдетъ. Поростетъ, поростетъ лѣсъ, да и провалится, съ самымъ тѣмъ бѣсовымъ запорожскимъ сѣяльникомъ, покроется весь водою, какъ озеро. Не къ добру тотъ, чортовъ сучàкъ, и водки не пьетъ, и въ кабакъ никогда не заглянетъ, чтобъ поговорить съ добрымъ человѣкомъ.

Однажды, въ концѣ іюня, дѣдъ охотился въ новомъ лѣсу съ Антипомъ.

— Ты говорилъ о жабьей травѣ, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ: — помнишь? а ну-ка, поищи; не выросла ли она за эти годы?

— Давно, пàне, и отчего не вспомнили? вотъ она, — отвѣтилъ Легкоступъ, нырнувъ въ гущину сосенъ и неся оттуда молодые стебли чистотѣла.

Дѣдъ радостно перевелъ духъ, долго смотрѣлъ на траву и, робко потрогивая себя за поясъ и грудь, перекрестился.

— Ну, слава Богу, и спасибо, Антипе, тебѣ! — произнесъ онъ: — можетъ быть, теперь еще проживу лишніе годы на свѣтѣ.

— Что вы говорите, пàне? Развѣ у васъ какая, не приведи Богъ, хвороба?

— Такая хвороба, такая, что коли и это зелье не поможетъ, придется въ скорости помирать.

Антипъ удивленно глядѣлъ въ смущенное, понуренное лицо дѣда.

— Ну, теперь ступай ты съ кучеромъ домой, — сказалъ дѣдъ: — доплети ту перепелиную сѣтку, что я далъ: скоро будетъ нужна; а барынѣ скажи, чтобъ не ждали съ обѣдомъ. Пропасть куропатокъ, — два выводка вонъ въ томъ

мѣстѣ сейчасъ видѣлъ—поохочусь самъ. А ты съ кучеромъ выѣзжай къ опушкѣ, какъ смеркнется, и жди...

Легкоступъ и кучеръ, переглянувшись и покачавъ головами, поѣхали изъ лѣса.

Дѣдъ, между тѣмъ, пошелъ въ чащу деревъ, отыскалъ поляну, гдѣ болѣе разросся жабникъ, прилегъ среди его зелени подъ сосной, положилъ съ боку ружье, и какъ впослѣдствіи разсказывалъ, въ неотвязной, гнетущей мысли, закрылъ глаза...

«Сегодня Ивана Купала,—разсуждалъ онъ:—травы въ самомъ соку и цвѣту... Теперь-то *она*, проклятая, несытая, и падка на свой настоящій харчъ».

Долго ли такъ лежалъ Иванъ Яковлевичъ, онъ того не помнитъ, такъ какъ крѣпко заснулъ. Солнце закатилось, окрашивая игольчатые гребни разросшихся вправо и влѣво сосенъ. Птичьи крики смолкли. Надъ прохладными полянами точно незримый дьяконъ прошелъ, съ дымящимся душистымъ кадиломъ...

Сумерки въ лѣсу сгустились. Дѣдъ очнулся и вскочилъ. Въ волненіи, ощупывая грудь и животъ, онъ взглянулъ себѣ подъ ноги, бережно обошелъ дерево и опять себя потрогалъ.

— Слава Господу милосердному!—прошепталъ дѣдъ, поднимая съ травы ружье и отрадно вдыхая смолистый воздухъ:—чудо, настоящее чудо содѣялось! Вонъ и дорожку по травѣ оставила... не давитъ больше подъ ложечкой, не шевелится *треклятая*, не томитъ и не ползётъ... Домой, скорѣе домой! Завтра молебенъ и всей слободѣ обѣдъ...

Подъ лѣсной опушкой, въ отблескѣ зари, онъ разглядѣлъ на степномъ просторѣ знакомыя дроги и сидѣвшаго на нихъ Антипа.

— Ну что, пане,—настрѣляли?—спросилъ, подозрительно его осматривая, Легкоступъ.

Дѣдъ отозвалъ егеря въ сторону.

— Такого застрѣлилъ, такого,—началъ онъ, въ силу сдерживая волненіе:—слушай, Антипе, да никому, смотри, до срока не сказывай!.. Надо осмотрѣться, выждать. Насѣялъ я лѣсу, какъ видишь, дѣти и внуки вспомянутъ. Выростетъ сосновая пуща, покроетъ всѣ остальные пески. И охотимся здѣсь мы съ тобой, ну, и все... А мнѣ сподобилось, скажу тебѣ, еще и вылѣчиться...

— Чѣмъ?—спросилъ Легкостуиъ, безсознательно обнажая чубатую голову.

— У меня, Антипе,—сказалъ дѣдъ:—жаба сидѣла въ животѣ; десять лѣтъ каторжная сидѣла и двигалась... А какъ легъ я и заслышала она поблизу свой настоящій жабій харчъ, такъ, треклятая, совсѣмъ сразу изъ меня и выскочила... Я видѣлъ и ея слѣдъ по травѣ.

Легкостуиъ въ тотъ же день не вытерпѣлъ и на радости, что вылѣчилъ пана, завернулъ передъ ужиномъ въ кабакъ, котораго онъ по зароку такъ всегда избѣгалъ. Тамъ было веселое сборище: у Багацкаго родился сынъ Иванъ (донынѣ живущій), и отецъ угощалъ сосѣдей. Къ сосѣдямъ примкнули другіе. Антипъ много пилъ, выставилъ водки и остальнымъ пирующимъ. Кто-то задѣлъ его насмѣшкою:—«Пришла-таки попадья къ просвирнѣ». Началась ссора. Услышавъ кличку «бродяга-гайдамакъ», Легкостуиъ вскочилъ и далъ тумака подгулявшему обидчику. За послѣдняго вступились товарищи. Легкостуиъ нашелъ помощь въ Багацкомъ и его кумовьяхъ. Поднялась общая свалка. Прижатый къ углу съ защитниками, Антипъ выскочилъ въ сѣни. На него навалились цѣлой аравой у крыльца. Видя нападеніе не по силѣ, онъ засучилъ рукавъ, быстро нагнулся къ голенищу и выхватилъ оттуда короткій, широкій ножъ...

Тутъ только, когда разгорѣвшійся, въ порванной одеждѣ, Легкостуиъ, размахивая ножомъ, проложилъ себѣ дорогу сквозь разсвирѣпѣвшую, кричавшую толпу и медленно, безъ оглядки, какъ травимый неопытными псами, старый матерой волкъ, пошелъ по улицѣ,—всѣ опомнились, рѣшивъ въ одинъ голосъ:—«Да, это—характерникъ, запорожецъ; видно по всему...»

Во дворъ къ дѣду Легкостуиъ болѣе не заходилъ. Совѣстно ли ему стало, что не выдержалъ насчетъ водки, или вновь пришла пора пуститься въ странствіе, только онъ взялъ въ банѣ свой мушкетъ, оставилъ на столѣ доплетённую въ тотъ день перепелиную сѣть и на разсвѣтѣ, какъ видѣли пастухи, вышелъ за село. Съ той поры Антипъ въ нашихъ мѣстахъ никогда уже не показывался.

О дѣдовомъ лѣсѣ вскорѣ заговорили не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Разныя почтенныя лица, въ томъ числѣ и члены харьковскаго университета, губернаторъ и вводив-

шій военныя чугуевскія поселенія, графъ Аракчеевъ, пріѣзжали взглянуть на невиданное чудо, на засѣянныя дѣдомъ тысячу десятинъ бора. Иванъ Яковлевичъ терялся, робѣлъ и не зналъ, какъ принимать благосклонные отзывы пріѣзжихъ.

Дѣдъ былъ радъ за свой лѣсъ, радъ за трудное, съ прилежаніемъ и любовью конченное дѣло. Охотясь же въ бору на зайцевъ или поджидая въ лѣсной землянкѣ на привàду волковъ, онъ вспоминалъ Антипа, вздыхалъ и думалъ про себя:—«Хоть биться объ закладъ, онъ, дѣйствительно, былъ характерникъ и навѣрное знался съ бѣсомъ, оттого ему все удавалось».

Въ 1818 году, нежданно получивъ за лѣсъ монаршую милость отъ императора Александра I, дѣдъ рѣшилъ отправить двухъ своихъ сыновей, моего отца и дядю, на воспитаніе въ дворянскій полкъ, въ Петербургъ.

Вручая юношамъ прогоны, онъ далъ шестнадцатилѣтнему моему отцу письмо къ графу Аракчееву и сказалъ:

— Ты, Петя, еще молодъ; старайтесь съ братомъ учиться; блюдите чистоту нрава, а паче всего не забывайте дворянскаго гонора и оказывайте должный решпектъ властямъ. Вслѣдствіе послѣдняго резона, вотъ вамъ цидулка къ графу Алексѣю Андреевичу. Отвезите ее по адресу и решпектуйте графу мое достодолжное почтеніе. Поступайте, какъ въ школѣ, такъ и далѣе въ жизни, согласно его указаніямъ и совѣтамъ. Раскаиваться, государи мои, не будете, пріобрѣтя столь могучаго милостивца! Онъ, коли усиѣшно заищете, двинетъ васъ и въ классахъ, и далѣе въ министеріяхъ... Желаю обоимъ возвратиться вспять министрами...

Письмо Аракчееву было отвезено. Графъ принялъ юныхъ недорослей украинскаго знакомца отмѣнно сухо, хотя обѣщалъ имъ покровительство, и пригласилъ изрѣдка его навѣщать. Въ одинъ изъ праздниковъ, когда застѣнчивые кадеты очутились передъ всемогущимъ графомъ, Аракчеевъ сталъ ихъ разспрашивать, благополучна ли попрежнему роща ихъ отца?—Разсказъ кадетовъ о диковинной рощѣ графъ заставлялъ ихъ потомъ повторять чуть не каждому изъ своихъ гостей. «И представьте, государи мои,—говорилъ при этомъ графъ гостямъ:—такое дѣло и исполнилъ одинъ, одинъ! сократилъ на время хлѣбные посѣвы, поэкономничалъ и со-

орудилъ такое дѣло... Самъ я, *самъ* оное видѣлъ и донынѣ о подражаніи тому другими, хоть бы казной, не приложу ума!..»

Графъ пригласилъ юношей не пропускать праздниковъ. А тутъ еще оказалось, что украинскіе гости въ родительскомъ домѣ были обучены музыкѣ: отецъ игралъ на флейтѣ, дядя—на віолончели. Доморощенный петербургскій Неронъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, почти въ секретѣ, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи—позабавиться мелодіями Ромберга и Сарти. Ихъ ему разыгрывала на клавесинѣ какая-то, изрѣдка, въ праздничные вечера, приходившая къ нему пожилая горбатая родственница. Графъ Аракчеевъ снисходительно относился къ музыкальнымъ упражненіямъ кадетовъ.

Мечты дѣда о судьбѣ дѣтей, казалось, были близки къ осуществленію. Такой сильный человѣкъ, самъ, можно сказать, «рыкающій левъ», оказывалъ—кому же?—его дѣтямъ персональное благоволеніе.

Украинская природа, однако, взяла свое. Среди холоднаго, затянутаго въ мундиры, вымуштрованнаго, шагавшаго на площадяхъ Петербурга, сыновья дѣда впали въ неисходное уныніе. Тоска по родинѣ заѣла ихъ съ перваго же года. Въ то же время шли слухи о новыхъ и новыхъ подвигахъ «рыкающаго льва». Слухи проникали въ дворянскій полкъ...

Віолончель и флейта были брошены. Музыкальныя услуги въ домѣ графа стали, какъ описывали кадеты, ограничиваться лишь аккуратной, еженедѣльной, по воскресеньямъ, настройкой клавесина, который, къ слову сказать, вовсе не былъ разстроенъ, такъ какъ горбатая родственница графа куда-то однажды стушевалась, и клавесина никто ужъ безъ нея не касался.

Министрами дѣдовы сыновья вспять не возвратились.

Подавъ безъ воли отца прошеніе о переводѣ ихъ на службу на родину, они были зачислены юнкерами въ ольвіопольскій уланскій полкъ и въ 1819 г. уѣхали къ мѣсту назначенія, въ уманское военное поселеніе.

Дѣдъ, скучая по дѣтямъ и въ ожиданіи ихъ производства въ офицеры, подписался на «Московскія Вѣдомости».

Однажды,—это было лѣтомъ 1821 года,—долго не получалось вѣстей изъ Умани. Въ то время въ нашихъ мѣстахъ

былъ еще старый обычай получения почты изъ городовъ черезъ общихъ для цѣлаго околотка «пѣшихъ почтарей». «Бродячій», или, по мѣстному выраженію «мандрòванный» почтарь, Архипъ Гу̀ня,—онъ же по-просту «Мандры̀ка»,—разносилъ тогда изъ Зміева письма, газеты и почтовыя повѣстки по Донцу и окрестнымъ рѣкамъ верстъ на пятьдесятъ. Гу̀ня былъ коренастый, плотный старикъ шестидесяти-пяти лѣтъ. Его курчавая сѣдая голова, жилистыя, босыя ноги, мѣшокъ съ почтой за плечами и длинный грушевый костыль въ рукѣ были извѣстны всѣмъ.

— Да гдѣ-жъ Мандры̀ка? не видѣлъ ли кто Мандры̀ки?—допытывалъ прислугу дѣдъ, теряя терпѣніе, что давно не было извѣстій отъ дѣтей.

— Гдѣ-нибудь занялся работой, — отвѣчала ключница Ульяшка: — у лиманскаго протопопа полная клуня хлѣба: ну, вѣрно и сталъ по пути помолотиться...

— А, чтобъ его мухи съѣли, какъ долго его нѣтъ!—говорилъ съ досадой дѣдъ: — Петя писалъ, что ихъ представили; должно-быть давно ужъ пропечатано въ вѣдомостяхъ.

Гу̀ня, сверхъ почтарской обязанности, еще портняжилъ, умѣлъ безъ станка подковать лошадь и былъ хорошимъ печникомъ. Разнося почту, онъ по дорогѣ не отказывался за могарычъ исполнять и разныя другія послуги: кому нужно сшить жилетку, или починить тулупъ,—сдѣлаетъ; гдѣ надо поправить печку,—поправитъ, вычиститъ и смажетъ глиной трубы; а нужно хорошему человѣку, въ рабочую, горячую пору, помолотить,—то и здѣсь не откажетъ.

— Куда тебѣ, Архипъ, въ такіе годы, все пѣшкомъ, да пѣшкомъ? ноги отобьешь! — скажетъ ему, бывало, знакомецъ:—лучше стань, возьми цѣпъ и сбей какую копну; а я тебя водочкой, варѐниками угощу.

Положитъ Гу̀ня почтарскій мѣшокъ, съ столичными газетами, письмами, книжками журналовъ и прочей ношей, подъ скамью, или на голбикъ хлѣбнаго сарая, возьметъ цѣпъ и молотитъ сутки, двое, а иногда и болѣе.

— Что̀ жъ ты такъ опоздалъ?—спросятъ Гу̀ню нетерпѣливые изъ хуторянъ:—двѣ недѣли не приносилъ вѣдомостей. Мы все ждали, ждали...

— Оттого не приносилъ, что ничего путнаго и не было!—отвѣчаетъ, вытряхивая мѣшокъ, почтарь:—глядите сами.

— Ты же почемъ знаешь?

— Отецъ Иванъ Вересо̂вичъ въ Андреевкѣ говорилъ. А вотъ въ Зміевѣ такъ было диво; да и въ Харьковѣ какой случился пожаръ...

И начнетъ разсказывать. Почтовыя новости въ то время такъ занимали скучающихъ сельчанъ, что на нихъ накидывались живо и вспоминали о доставителѣ ихъ, когда и слѣдъ его простылъ.

Въ іюнѣ 1821 года, послѣ долгаго-долгаго промежутка, въ улицѣ Прйшиба показались, наконецъ, знакомыя, сгорбленныя плечи Мандрыки, его сѣдая, вихрастая голова и длинный костыль. Дѣдъ завидѣлъ его съ крыльца, прабабка допустила его къ рукѣ.

Гу̂ня высыпалъ передъ господами изъ мѣшка принесенную почту. Тутъ были пачки вѣдомостей, выписанныя изъ Москвы, отъ Кольчугина, романъ «Анахарсисъ», книжка какого-то альманаха и нѣсколько писемъ.

Иванъ Яковлевичъ обратился къ письмамъ.

«Дражайшій и милый родитель!»—писалъ дѣду изъ Умани его сынъ Петръ. — «Мы сего двадцатаго мая произведены въ корнеты...» (Дѣдъ снялъ шапку и перекрестился). «Начальство насъ жалуетъ, цѣнитъ и обѣщаетъ намъ на побывку къ вамъ продолжительный отпускъ... Въ Умани весело; много наѣхало на ярмарку хорошенькихъ дѣвицъ; вечера, танцы, прогулки. А на-дняхъ, mon père, мы были сильно обрадованы. Нашъ ремонтеръ пригласилъ насъ посмотрѣть и поторговать приведенныхъ на торгъ изъ Молдавіи, турецкихъ лошадей. Хозяинъ одного табуна, турокъ, показался намъ будто знакомымъ: въ чалмѣ и во всемъ турецкомъ уборѣ, а точно не турчинъ. Ужъ мы такъ къ нему и сякъ; отворачивается, молчитъ и не сознается. Да ужъ вечеромъ, когда продалъ весь табунъ, подвязалъ кошель къ поясу, сѣлъ на коня, отозвалъ насъ въ сторону и произнесъ: «Кланяйтесь, панычи̂, своему тятенькѣ; никогда не забуду его хлѣба-соли и вашихъ вольныхъ, на Донцѣ, краевъ. Въ Туретчинѣ, однако, не въ примѣръ лучше, — не требуютъ пачпортовъ, не обижаютъ и не тѣснятъ. Долго искалъ я сюда дороги. Теперь живу за Дунаемъ, у своихъ братьевъ-запорожцевъ, въ Буткальскомъ округѣ, куда они ушли. Вѣры не перемѣнилъ, а торгую на всѣ концы. Ѣдучи сюда, наряжаюсь... Когда-нибудь все узнаете...»—Онъ не договорилъ, завидѣвъ город-

ничаго, стегнулъ лошадь и ускакалъ. Это, дражайшій тятенька, былъ вашъ егерь, Антипъ Легкоступъ. И если онъ вновь окажется здѣсь на ярмаркахъ, мы его разспросимъ, какъ въ былые годы запорожцы ушли въ Туретчину, и вамъ, notre très cher père, о томъ не замедлимъ въ точности сообщить».

1878 г.

V.
БАБУШКИНЪ РАЙ.

Моя бабушка, Анна Васильевна Данилевская, рожденная Рославлева, была совершенною противоположностью своему мужу, Ивану Яковлевичу. Моложе его, она пережила его нѣсколькими годами и умерла, какъ и онъ, безъ малаго шестидесяти-четырехъ лѣтъ.

Дѣдушка Иванъ Яковлевичъ былъ небольшого роста, плечистый, сѣдой, совершенно лысый, съ мясистымъ носомъ и черными, вялыми, лукавыми глазками. Отъ природы лѣнивый и мѣшковатый, онъ подъ старость совершенно осунулся, ходилъ въ сѣрой охотничьей курткѣ, въ широкихъ нанковыхъ панталонахъ, подпоясанныхъ ремнемъ, и въ высокихъ съ кисточками сапогахъ. Бѣлье у него, впрочемъ, благодаря бабушкѣ, было всегда тонкое и безукоризненно чистое.

Бабушка Анна Васильевна была высокая, худая и блѣдная, съ быстрыми умными глазами, прямымъ вострымъ носомъ и, не взирая на преклонные годы, стройная и не по лѣтамъ проворная и дѣятельная. Въ праздники она ходила въ черномъ левантиновомъ, въ будни въ неизмѣнномъ бѣломъ коленкоровомъ платьѣ. На ея сѣдыхъ волосахъ всегда красовался чистый кисейный чепецъ; на шеѣ легкой волной былъ наброшенъ бѣлый, запущенный подъ платье, платочекъ. Къ этому, въ холодные дни, иногда прибавлялась сѣрая фланелевая фуфайка дѣдушки, или его халатъ, крытый синимъ демикотономъ, на бѣлыхъ мерлушковыхъ смушкахъ. По хозяйству Анна Васильевна ходила въ мужскихъ сапогахъ, а въ гости по сосѣдству ѣздила въ телѣжкѣ, причемъ любила надѣвать старую дѣдушкину ополченскую шинель и его теплый съ наушниками картузъ. — «Спартанка!» говорили, глядя на нее въ такомъ нарядѣ, сосѣди. И бабушка, дѣйствительно, была спартанка.

У Анны Васильевны не было своей постоянной комнаты. Одну недѣлю она спала въ зеленой гостиной, другую въ портретной, иногда перекочевывала въ угольную, или въ библіотеку. «Долги мучатъ, безсонницей страдаетъ!» шептали о ней сосѣдки. Бабушка любила читать. Хорошо образованная въ молодости, знавшая нѣмецкій и французскій языки, она и подъ старость не покидала любви къ книгамъ и къ выпискамъ изъ нихъ того, что̀ ей особенно нравилось. Добывъ въ городѣ или у кого-нибудь изъ окрестныхъ знакомыхъ новую любопытную книгу, она уносила ее къ себѣ и рядомъ съ нею клала для отмѣтокъ толстую тетрадь. Послѣ ея смерти, на чердакѣ кладовой нашли цѣлыя кипы такихъ тетрадей, четкимъ и крупнымъ почеркомъ исписанныхъ выдержками изъ любимыхъ ея авторовъ: Вольтера, Руссо, Бомарше и Дидеро. Постоянной, личной прислуги у бабушки тоже не было. Помогали ей въ ея надобностяхъ деревенскія бабы, ходившія по очереди убирать барскій домъ. Анна Васильевна смолоду любила кроить и перешивать разный носильный хламъ. А потому и въ старости нерѣдко можно было видѣть ее на коврѣ, въ гостиной или въ портретной, въ кругу пяти-шести деревенскихъ бабъ, за распарываньемъ и перешиваньемъ платьевъ, которыя, впрочемъ, бабушка рѣдко потомъ носила.

Въ семьѣ господствовалъ постоянный безпорядокъ. Бабушка безъ устали читала; дѣдушка охотился. Дѣти обучались съ грѣхомъ пополамъ. При нихъ когда-то проживалъ гувернёръ, изъ французскихъ солдатъ, эмигрантъ Санбёфъ. Пристроясь въ этой семьѣ, Санбёфъ выписалъ изъ Франціи и свою жену. Мадамъ Санбёфъ отлично готовила кушанья. Мужъ ея, впрочемъ, не столько занимался обученіемъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, сколько охотой съ ружьемъ по болотамъ, ловлей лягушекъ себѣ и женѣ на соусъ, да разсказами любовныхъ исторій, во вкусѣ новеллъ Бокаччіо. Дѣти подросли. Мальчики облеклись въ мундиры и уѣхали въ дальніе полки. Дѣвочки вышли замужъ. Уѣхали изъ деревни Санбёфъ съ женою. Впослѣдствіи они открыли въ Харьковѣ колбасную и отлично торговали.

Хозяйство дѣдушки, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, стало болѣе и болѣе приходить въ упадокъ. Случалось такъ, что, при пяти имѣніяхъ и въ нихъ при десяти тысячахъ десятинъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для

стола. Гости, впрочемъ, не переводились въ домѣ дѣдушки. Несмотря на долги, Иванъ Яковлевичъ жилъ въ свое удовольствіе: имѣлъ собственныхъ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ сотнею и болѣе гончихъ и борзыхъ собакъ.

Обѣдъ въ домѣ заказывалъ всякъ, кто хотѣлъ. Своей птицы зачастую не хватало, а приносили ее, какъ молоко, яйца и огородную зелень, по очереди въ счетъ барщины съ села. Разливала чай и ходила въ комнатахъ, при ключахъ, худенькая, съ жидкою, сѣдою косичкой и постоянно босая, старая дѣвушка Марья.

Иванъ Яковлевичъ, мало развитой, робкій и съ юныхъ лѣтъ несообщительный и молчаливый, отъ долговъ и разстройства дѣлъ, былъ постоянно не въ духѣ. Анна Васильевна о мужѣ всегда, однако, отзывалась съ отмѣннымъ уваженіемъ, увѣряя всѣхъ, что Иванъ Яковлевичъ—весьма умный и тонкій человѣкъ, и что самое его молчаніе—многозначительно. Даже къ сердечнымъ слабостямъ Ивана Яковлевича она относилась крайне снисходительно. Когда у него въ лѣсу, на винокурнѣ въ Курбатовомъ, завелась, въ лицѣ весьма красивой лѣсничихи Ульянки, фаворитка, — Анна Васильевна и въ этой Ульянкѣ, сверхъ ожиданія, находила нѣкоторую степень ума «привлекательнаго» и рѣдкаго «въ этомъ сословіи». Жалѣя здоровье Ульянки, она ей подарила свою старую котиковую шубу и дюжину собственныхъ шерстяныхъ чулокъ. А замѣчая косые взгляды и даже ропотъ невѣстокъ, при видѣ предпочтенія, которое оказывалось этой Дульцинеѣ, говорила: «вы, сударыньки мои, не фыркайте и не смотрите слишкомъ строго на то, коли и собственный муженекъ у какой-либо изъ васъ иногда отшатнется въ сторону. Жена, милыя вы мои, это то же, что новенькое платье; чай, слышали: за-ново ситцы на колочкѣ висятъ... А мужъ намъ — господинъ и владыка. Мы должны радоваться его удовольствіямъ и беречь его паче зѣницы ока...» Невѣстки слушали такія рѣчи молча и наставленій свекрови отнюдь не одобряли.

Навѣщая родныхъ и знакомыхъ, Анна Васильевна любила привозить мужу въ гостинецъ пробы разныхъ кушаньевъ. «Покушайте, зёльхенъ,—говорила она въ такихъ случаяхъ, развязывая крыночки и горшечки:—это—постные пирожки съ рыбкой и съ грибками: очень вкусны; а это — паштетъ

изъ дупелей». И Иванъ Яковлевичъ, забираясь на сутки и болѣе на охоту въ лѣсъ, присылалъ въ гостинецъ женѣ стряпню Ульянки, при записочкахъ: «Покушайте и вы, гѐрцхенъ, издѣлія моего кухмистера; на тарелкѣ — бѣлые грибы въ сметанѣ, а въ мискѣ—застуженные караси. Же ву бэзъ и рекомендую,— превкусны».

Жилъ Иванъ Яковлевичъ въ родовомъ селѣ Прѝпшибѣ. Въ остальныхъ его имѣніяхъ—въ Ольшанкѣ, на Середней, въ Великомъ Селѣ и на Богатой—всѣмъ управляли приказчики. Дѣла Ивана Яковлевича, что ни годъ, становились хуже и хуже. Заимодавцы оказывались злѣе и злѣе. Судьба имѣній висѣла на волоскѣ. А устроить дѣла, построже наблюсти за распорядками управляющихъ не хватало воли, терпѣнія и рѣшимости.

Стараясь, чтобы ничто дурное и тревожное не доходило до мужа, Анна Васильевна сама возилась съ заимодавцами, спорила съ ними, молила ихъ объ отсрочкахъ, выслушивала ихъ упреки и даже брань, но къ мужу этихъ господъ не допускала. Иванъ Яковлевичъ зналъ такіе обычаи жены, и если кто-либо изъ кредиторовъ являлся въ Прѝпшибъ, онъ сказывался больнымъ, требовалъ пьявокъ и все собирался ихъ ставить, пока назойливые гости не уѣзжали.

— Вы бы, зѐльхенъ, отправились на Середнюю, или въ Ольшанку,—говорила иной разъ мужу бабушка:—дѣла тамъ, слышно, изъ рукъ вонъ плохо идутъ...

— Да зачѣмъ же я, гѐрцхенъ, туда поѣду?

— Ради Бога, поѣзжайте; повѣрьте этихъ мошенниковъ управляющихъ. Сколько у васъ земель, овецъ и скота, а доходовъ почти никакихъ... Сыновья на службѣ, надо имъ и на обмундировку, и на житье; ну и молодые люди, — повеселиться тоже... А денегъ у насъ давно ни алтына...

— Ахъ, гѐрценька! я бы и поѣхалъ, да вонъ... кажется, собирается... гроза...

Иванъ Яковлевичъ былъ вообще не храбраго десятка, но особенно боялся грозы. Онъ избѣгалъ быть въ пути во время бури, опасаясь, что его непремѣнно убьетъ громъ. Человѣкъ мнительный и слабый во всѣхъ отношеніяхъ, въ дорогу онъ собирался особенно неохотно. Иногда эти сборы длились по нѣскольку недѣль.

Всѣ знаютъ, бывало, что барыня уговорила барина и

что баринъ, наконецъ, рѣшился выѣхать. И начинаются приготовленія. Съ пяти-шести часовъ утра передняя, въ подобныхъ обстоятельствахъ, уже полна. Писарь, конторщикъ, десятскіе и ключникъ, переминаясь съ ноги на ногу, вздыхая и зѣвая, стоятъ въ ожиданіи зова и приказаній барина. А баринъ проснется и, тоже зѣвая и вздыхая, прихлебываетъ ложечкой на постели чай, разсматриваетъ свои руки, или, собираясь понюхать табаку, медленно развертываетъ и опять свертываетъ на колѣняхъ клѣтчатый носовой платокъ.

Каждый разъ съ вечера, въ такихъ случаяхъ, ученики Санбёфши, сѣдовласый поваръ Явтухъ Мычка и старая повариха Нѐшка нажарятъ барину и напекутъ въ дорогу всякой всячины. Призывался и лихой на пѣсни и на выпивку слесарь Ѳедька. Появлялся и низенькаго роста, несчетные разы мятый на выѣздкѣ молодыхъ лошадей, коренастый мрачный и вѣчно смотрѣвшій въ землю, главный кучеръ Ивашко. Слесарю Ѳедькѣ отдавался строгій наказъ— получше осмотрѣть и перечистить въ дорогу бариновы ружья. Ивашкѣ приказывалось — пораньше накормить, напоить и приготовить любимую караковую четверню бариновыхъ лошадей. Но съѣстные припасы, ружья и лошади давно, бывало, готовы, приказные по нѣскольку разъ выйдутъ изъ передней на крыльцо размять усталыя спины и покурить, и на селѣ всѣ хоронятся по дворамъ, чтобъ не перейти барину дорогу, а баринъ все не выходитъ изъ своей опочивальни.

Анна Васильевна, въ такихъ обстоятельствахъ, вертитъ-вертитъ спицами чулка, глядитъ то въ одно окно, то въ другое, потерпетъ, наконецъ, терпѣніе и выходитъ къ мужу.

— Что же вы, зѐльхенъ, не ѣдете? — спрашивала она, видя, что мужъ попрежнему сидитъ, свѣсивъ необутыя ноги съ постели и разсматриваетъ руки или носовой платокъ.

— А что, гѐрценька, — отвѣчаетъ Иванъ Яковлевичъ: — ѣхать, видно, сегодня не приходится.

— Почему?

— Руки терпнутъ и ногти на пальцахъ какъ будто синіе... Это, вѣрно, къ перемѣнѣ погоды. Пусть лучше до-завтра.

— Какой же еще погоды! — вскидывается въ досадѣ бабушка: — смотрите, — божій день ясенъ, а въ саду, въ полѣ, какой ароматъ...

— Ну, нѣтъ, — отвѣчаетъ дѣдушка: — я вотъ и Нёшку повариху призывалъ, говоритъ, всю ночь до утра курица какая-то на кухнѣ кричала: видно, будетъ дождь.

— Да какой же дождь? на небѣ ни облачка.

— И сонъ, гёрценька, я видѣлъ сегодня; совсѣмъ нехорошій сонъ... Покойнаго попа, отца Ивана, будто я въ прудѣ купалъ, а онъ меня осилилъ и верхомъ на мнѣ будто къ губернатору поѣхалъ... Да и вчера былъ тоже сонъ. Снился покойный тятенька Яковъ Астафьичъ...

И начнетъ разсказывать Иванъ Яковлевичъ свои сны, да такъ медленно, съ такими разстановками, что бабушка не вытерпитъ и уйдетъ. Отъѣздъ, разумѣется, при этомъ отлагался. А тѣмъ временемъ и приказчики отдаленныхъ вотчинъ пронюхаютъ, что баринъ собирается ихъ провѣрять, и принимаютъ свои мѣры.

Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, рѣшается. Бабушка молебенъ отслужила, ходитъ веселая, довольная. Къ крыльцу подкачена желтобокая, выписанная изъ Вѣны коляска, и въ нее горой наложены всякіе складни, погребцы, узлы, укладки и свертки. Лакей и парикмахеръ Гаврюшка, со всякой всячиной подъ мышками, мечется какъ угорѣлый изъ кухни въ кладовую, изъ кладовой въ музыкантскую, а изъ музыкантской въ швальню, не забывая, впрочемъ, по пути забѣжать и позубоскалить съ кружевницами и ковёрницами. Солнце подбирается къ десяти часамъ. Ужъ и жарко.

— Пора,—говоритъ, кончивъ кофе, Иванъ Яковлевичъ:—можно бы, гёрцхенъ, и запрягать.

— Куриную котлетку только или фрикасѐ изъ дичи скушали бы еще, зѐльхенъ, на дорогу, — говоритъ, не помня себя отъ радости, бабушка.

Онъ подаетъ знакъ ключницѣ.

Черезъ полчаса въ хомутахъ ведутъ и запрягаютъ лошадей. Лягавый жирный песъ Бекасъ усѣлся между торчащими ружьями на козлахъ, радостно визжитъ и воетъ отъ нетерпѣнія.

А тѣмъ временемъ, какъ Иванъ Яковлевичъ, еле-еле жуя и перебирая косточки, кушаетъ напутственное фрикасé и куриную котлетку,—ключница Марья, высунувшись изъ коридора, шопотомъ докладываетъ барынѣ, что на деревнѣ... появился мужикъ съ Середней.

— Кто? кто? — спрашиваетъ, заслышавъ этотъ шопотъ, баринъ.

— Капитошка Кочетъ.

— Зачѣмъ онъ?

— Родныхъ пришелъ навѣстить... потомъ у него кума...— прибавляетъ, не видя тревожныхъ знаковъ барыни, сѣдая ключница.

— Позвать Капитошку!—объявляетъ, утирая губы и въ раздумьѣ шевеля бровями, дѣдушка.

И является Капитошка. Поклонится онъ, станетъ, какъ ни въ чемъ неповинный, у двери и молчитъ.

— Ну, все ли у васъ тамъ благополучно?—спрашиваетъ, нюхая табакъ, дѣдушка.

— Какъ вамъ, сударь, сказать... кажись бы все...

— А болѣзней никакихъ не слышно?

— Какъ не слышно! Есть...

— Какія же?

— А ходитъ одна, сказать бы и пустая, да такая, что руки и ноги у человѣка отнимутся, а то и попрыщетъ...

— Слышите, герценька? — спрашиваетъ, глядя на жену, дѣдушка.

— Слышу,—отвѣчаетъ, сердито глядя поверхъ очковъ на Капитона, бабушка.

— Ну, а погода? — допытываетъ баринъ, начиная опять на колѣняхъ разстилать и свертывать носовой платокъ.

— У васъ тутъ, сударь, еще бы и ничего, — отвѣчаетъ на заданный урокъ Капитонъ: — а вотъ степью сейчасъ я шелъ, такъ и не приведи Богъ, какая тамъ собралась туча. Какъ выѣдете въ поле, то будетъ дождь.

— Ну, иди же ты, Капитонъ, на кухню, да вели себѣ дать водки и пирога,—а я лучше пережду.

Иванъ Яковлевичъ до того боялся грозы, что даже въ комнатахъ съ первымъ ударомъ грома приказывалъ запирать ставни и двери, зажигалъ лампады у образовъ, ложился среди бѣла-дня въ постель, голову прикрывалъ одѣяломъ и такъ лежалъ, пока удалялась гроза.

Но случалось, что Иванъ Яковлевичъ, наконецъ, и выѣдетъ, да вспомнитъ, что въ то утро всталъ съ постели лѣвой, а не правой ногой, или увидитъ на улицѣ крестъна-крестъ упавшія двѣ соломинки, или кто-нибудь въ де-

ревнѣ перейдетъ ему дорогу, то непремѣнно возвращается, и къ новому отъѣзду соберется уже не скоро.

Жизнь Анны Васильевны на старости была вообще не легка. Сыновья были на службѣ, дочери замужемъ. Однѣ книги ее утѣшали. Твердая нравомъ, начитанная и умная старушка не унывала. Мужнино хозяйство, правда, шло до того плохо, что, при тридцати-сорока лошадяхъ на конюшнѣ, иной разъ не на чемъ было выѣхать: лошади то хромали, то были запалены; а кучеръ Ивашко подчасъ докладывалъ, что нѣтъ ни единаго цѣлаго и сноснаго хомута. Зато въ комнатахъ, благодаря хлопотамъ Анны Васильевны, всегда было чисто, уютно, свѣтло и пріятно пахло. Позолота на зеркальныхъ рамкахъ потускнѣла, правда, и потерлась, и Гаврюшка нерѣдко ходилъ съ прорванными локтями. Зато цвѣты по окнамъ были постоянно свѣжи и зелены. Полы въ комнатахъ бабы подметали вѣниками изъ душистыхъ травъ, вощили и вытирали суконками. И если Анна Васильевна не всегда имѣла деньги на собственныя необходимыя потребности, если сама она пила чай изъ безносаго чайника, зато мужу кофе на завтракъ подавался не иначе, какъ въ серебряномъ, съ рѣзьбой и съ цвѣткомъ на крышкѣ, кофейникѣ и съ такою же сахарницей. Въ новый годъ прислуга не выбрасывала изъ дому сора, а оставляла его гдѣ-нибудь въ углу за дверью или подъ печкой, чтобы не вымести вонъ изъ дому... счастья...

— Что̀ жъ за «счастье» было у бабушки?

Анна Васильевна, лѣтомъ съ книгой на балконѣ, а зимой съ чулкомъ, склонясь къ промерзлому окну, по цѣлымъ часамъ стояла, глядя черезъ садъ на дорогу, въ дальнюю ихъ вотчину на рѣкѣ Богатой.

Тамъ-то и былъ «бабушкинъ рай»... И этотъ рай была бабушкина крестница—Груня.

Чуднымъ образомъ досталось это утѣшеніе бабушкѣ. Вышла какъ-то лѣтомъ Анна Васильевна въ старый пришибскій садъ, взглянуть, не осыпалась ли отъ мороза завязь на молодыхъ, посаженныхъ ею щепахъ. Она взглянула на яблони — «добрый крестьянинъ», на плодовитку и антоновку; взглянула на бергамоты и дули... Все было благополучно. Она нарвала цвѣтовъ и ужъ хотѣла уйти, какъ

у корня груши-тонковѣтки, въ сочной, высокой травѣ, услышала какой-то пискъ... Анна Васильевна склонилась къ землѣ, бережно раздвинула траву. Передъ ней, перебирая голыми ручками и ножками, копошилось крохотное, въ оборванныхъ пеленочкахъ, дитя.

Найденная подъ грушей дѣвочка была названа Груней, принята, выращена и воспитана бабушкой. А когда Грунѣ пошелъ пятнадцатый годъ и она уже была обучена грамотѣ, шитью, домашнему хозяйству, пѣнію и даже игрѣ на клавесинахъ, Анна Васильевна рѣшилась съ нею разстаться.

«Дѣвка на возрастѣ и страхъ какъ хорошѣетъ! — думала про себя бабушка: — сынки то-и-дѣло изъ полковъ навѣдываются, сосѣдніе военные тоже какъ комары здѣсь толкутся, и одинъ изъ нихъ, этотъ картежникъ изъ сербовъ, майоръ Дучичъ, особенно сильно сталъ на Груню поглядывать... Надо ее спровадить подальше».

И Анна Васильевна, скрѣпя сердце и обливаясь слезами, спровадила Груню. Она снабдила ее одеждой и обувью, наставленіями, благословеніемъ и книгами и отправила ее за Донецъ, на Богатую, подъ надзоръ и руководство стараго и опытнаго, но хвораго управляющаго изъ нѣмцевъ, Флуга. Старикъ Флугъ въ скорости умеръ. — «Поставьте на его мѣсто Флугшу, — стала совѣтовать бабушка мужу: — нѣмка, почитай, и такъ при покойномъ всѣмъ тамъ заправляла. Управится и теперь. Особливо же при ней наша Груня; будутъ у нихъ для насъ масло и птица, будутъ, какъ слѣдъ, догляжены овцы, лошади и все наше добро». Мужъ согласился.

Груня привыкла къ хозяйству и дѣйствительно хорошо управлялась. Она часто переписывалась съ бабушкой. — «Живу хорошо, милостивая государыня и крёстная матушка, — писала она, — только скучаю. Степь, ни села кругомъ не видно, ни лѣса. Новый флигель, поодаль отъ батрацкихъ избъ, сколоченъ тепло, заборъ вкругъ двора высокъ и крѣпокъ, а на ночь мы ворота съ Миной Карловной запираемъ на замокъ. Ленъ цвѣтетъ — все поле голубенькое, какъ ситчикъ, чтò вы прислали. Овцы здравствуютъ, — табунъ съ нови бѣжитъ, земля дрожитъ, — а ужъ садъ да и огородъ у насъ, на рѣчкѣ Богатой — не чета, маменька, вашему: будутъ яблоки апортъ, будутъ сливы-

безсѣмянки, будутъ черешни и бѣлая слива. Припасайте, крёстная, меду: всего наваримъ. Да пришлите книжечекъ. Смерть, по вечерамъ, тоска. Прочла я «Наталью боярскую дочь»... Ахъ, какъ хорошо. А не вышло ли, маменька, продолженія «Онѣгина?» Да еще слышно, — купецъ тутъ съ бакалеей сбился съ дороги, у насъ кормилъ, — ходятъ, говоритъ, въ спискахъ стихи — «Горе отъ ума». Очень хвалитъ, и у него списано нѣсколько стишковъ... Пришлите. Флугшу лихорадка бьетъ, да и глазами хвораетъ. Нѣтъ ли какихъ капель?»

Грунѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Высокая, темнорусая, степенная и гордая, съ полною, крѣпкою грудью, румяная и широкая въ кости, — Груня ходила съ увальцемъ, говорила медленно, будто нехотя, работала не спѣша. Большіе сѣрые глаза смотрѣли ласково... Станетъ она, не двигая ни рукой, ни бровью, улыбнется, — всю душу освѣтитъ. А пѣла, забравшись въ поле или въ садъ, — не наслушаешься.

«Ой, соберется онъ на Богатую, соберется!—мыслила, въ тоскѣ о своей питомкѣ и въ тревогѣ о мужѣ, Анна Васильевна: — Середняя, Ольшанка ближе къ дому, и дѣла тамъ вотъ какъ запущены, — а его туда не сдвинешь. На Богатую-жъ, въ этакую даль, какъ разъ онъ угодитъ, — и не спохватишься... Да, да, угодитъ; и майоръ Дучичъ съ нимъ собирается... Недаромъ Иванъ Яковлевичъ сталъ толковать, что на табунъ надо взглянуть. Ружья началъ чистить, — дичи, говоритъ, лисицъ, да дрофъ, не оберешься тамъ... Знаю, сударь, на какую дичь твой другъ сербинъ мѣтитъ».

Съ упавшимъ отъ жалости и страха сердцемъ Анна Васильевна вздыхала, хмурилась, быстро перебирала спицами чулка и не отходила отъ оконъ, изъ которыхъ былъ виденъ путь за Донецъ, на Богатую.

Опасенія бабушки не сбылись. Груня вскорѣ ускользнула отъ всякой опасности.

Бабушка продолжала навѣщать хуторъ на Богатой.

Особенно любила Анна Васильевна встрѣчать весну на хуторѣ. Поѣдетъ къ роднымъ на Самару или на Торецъ, отговѣетъ тамъ въ великій постъ и заѣдетъ провѣдать Груню.

А Грунѣ пошелъ восемнадцатый годъ.

Февраль-бокогрѣй дохнулъ тепломъ, да не такъ, какъ слѣдуетъ. Колья заборовъ, углы хатъ и сараевъ на подсолнечной сторонѣ съ утра затаяли, а къ вечеру обмерзли опять. Мартъ еще держалъ и холодъ, и снѣгъ, хотя небо становилось ласковѣе, голубѣе. Вотъ Благовѣщенье, конецъ поста. Дружнѣе подулъ съ полдня знакомый, теплый и полный обаятельной нѣги вѣтерокъ. Старый табунщикъ Максимъ глянулъ въ окно, подтянулъ поясъ и говоритъ женѣ: «а что, Ганна, должно быть и весна на дворѣ?»—«Можетъ, и весна!» — отвѣчаетъ покорно и робко жена. И оба они выходятъ на порогъ хаты, жутко и весело вглядываясь въ засинѣвшую степь.—«Пора барышнѣ доложить, пусть отпишетъ господамъ, не размять ли табуна на волѣ, не выгнать ли коней хоть на старыя жнивья?»

Вышла и Груня за ворота. Кругомъ еще тихо. А бѣлыя перистыя облака неспокойно несутся надъ вздувшеюся отъ подпора степныхъ водъ Богатой. Еще зарями морозитъ; еще по ночамъ хруститъ подъ ногами. А въ лицо уже пашетъ инымъ, щедрымъ, будто праздничнымъ тепломъ. Точно паръ молодого хмельнаго вина разлитъ и струится въ воздухѣ. И отъ каждаго вошедшаго съ надворья, отъ его одежды, лица и рѣчей—пахнетъ весной.

И вотъ весна пришла.

Огромный, исхудалый за зиму грачъ, звонко каркая, летитъ съ поля на выгонъ. Выглянуло солнце, глядитъ и не прячется. Подъ его лучами залаяли родники, сугробы и намёты. Все точно дымится, обрушается, шумитъ и плыветъ. Къ вечеру будто отпуститъ. Выйдетъ Груня на крыльцо: кругомъ тихо, только собаки на дальней овчарнѣ лаютъ, да въ темнотѣ кое-гдѣ раздается шелестъ подтаявшаго снѣга, неугомонное шушуканье и пошептыванье бѣгущей по скатамъ въ разныхъ уголкахъ и направленіяхъ воды. Стоитъ Груня и слушаетъ, что говорятъ воды и что нашептываетъ весна? Все стихло, не слыхать ничего. Но впотьмахъ у сарая что-то вновь зашелестило: вода понемногу скопилась, пробуравила дырку подъ соломой, сваленной у коновязи, закипѣла и точно ухнула и рѣзко понеслась вдоль двора къ рѣкѣ. А не то мелкими, звонкими каплями, какъ горохъ или дробь, вдругъ посыплется что-то съ крыши, точно ея снѣжный покровъ охватило налетѣвшимъ, бродячимъ тепломъ, и онъ подъ его струей затаялъ...

Прошелъ день-другой, прошла недѣля. Груню манитъ въ садъ. Изъ влажнаго, пригрѣтаго чернозема пробиваются первыя травы, тутъ же на солнцепекѣ быстро и расцвѣтая. Голубые пролѣски и бѣлые ландыши гнѣздятся между безлистныхъ еще деревъ. Явились ласточки, мотыльки. Цвѣтовыя почки на вѣтвяхъ вздулись, и ихъ липкіе, душистые лепестки развертываются зелеными и бѣлыми кулачками. Еще день — вишень и терна не узнать: все сливается въ бѣлую стѣну, и запахомъ меда далеко несетъ отъ нихъ. Показались рои мошекъ и комаровъ. На тропинкахъ обозначились ямки пауковъ. Рогатый черный жукъ суетливо катитъ задомъ, черезъ былинки и сучки, скомканный изъ всякаго хлама шарикъ. Отозвалась кукушка. А вотъ и соловьи...

Сядетъ Груня на крыльцѣ, мысль ея далеко—съ Кавказскимъ плѣнникомъ, или съ цыганомъ Алеко. Дворъ хутора на взгорьѣ. За выгономъ влѣво и вправо—неоглядная степь, на днѣ широкаго лога—извилины рѣчки Богатой, а за рѣкой—опять взгорье и опять синяя, гладкая степь,—все это видно съ крыльца, какъ на ладони. Во дворѣ тихо. Рабочіе, старъ и младъ, ушли на посѣвъ. Овцы и лошади пасутся далеко по буграмъ; за косогоромъ ихъ не видно. Солнце грѣетъ. Птицы затихли. И ни одинъ звукъ не долетаетъ до Груни. Развѣ хлопотунъ-пѣтухъ, роясь въ кучѣ сора, отзовется на отошедшихъ къ сторонкѣ куръ, да согнанная коршуномъ или кошкой стая голубей съ шумомъ взлетитъ съ овчарни или съ мельницы и, кружась, унесется къ вербамъ на луга...

Груня смотритъ на голубей, на сарай, подъ которымъ кучей свалены зимнія дровни, на всякую домашнюю рухлядь, развѣшенную Флугшей по веревкѣ, между погребомъ и амбаромъ, на заячьи тулупы, наволоки, кофты, одѣяла, платки и мѣшки. Посидитъ Груня, вздохнетъ и идетъ въ садъ. А тамъ, въ сочныхъ травахъ и въ кустахъ, кипитъ домовитая хлопотня пѣвчихъ пташекъ и звѣрьковъ. Въ земляныхъ, лиственныхъ и древесныхъ тайникахъ вездѣ пищатъ, копошатся, звенятъ и шуршатъ новорожденныя крылатыя и четвероногія семьи. А въ воздухѣ жарче и жарче. Земля накаляется. По степи, волнуясь, ростя, опять исчезая, движутся исполинскія туманныя марева... Скоро на кольяхъ заборовъ и на высохшихъ былинкахъ явится во-

строносенькая, вѣчно-чиликающая, «птичка-жажда». Загремятъ страшныя грозы, прольются шумные дожди...

Грунѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Въ концѣ зимы того года, ѣздивъ съ Флугшей въ церковь ближняго села, Груня простудилась и пролежала въ горячкѣ большую часть великаго поста. Бабушка присылала къ ней фельдшера и сама ее навѣстила на страстной недѣлѣ. Много въ эту зиму въ степи болѣло людей. Старый табунщикъ Максимъ умеръ и на его мѣсто Иванъ Яковлевичъ прислалъ отъ себя другого наѣздника, Родьку, по прозвищу Бѣлогубова. О смерти и о похоронахъ Максима, а равно о присылкѣ Бѣлогубова Груня знала смутно, по слухамъ, изрѣдка долетавшимъ въ свѣтелку, гдѣ она томилась въ болѣзни. На пасху Груня оправилась. Еще блѣдная, худая и слабая, она приодѣлась, накинула на голову платокъ и, пошатываясь, отъ скуки вышла на крыльцо, а оттуда въ садъ.

Былъ конецъ апрѣля. Вечерѣло. Овцы шли къ водопою. Табунъ рѣзво несся по степи домой.

Груня потянула грудью свѣжаго воздуха и закрыла глаза отъ блеска солнца, тонувшаго за рѣкой, да отъ запаха распускавшихся деревъ и цвѣтовъ. Никогда еще весна такъ не плѣняла и не чаровала Груни. Слезы покатились у нея по лицу. Она присѣла на кочкѣ, склонилась головой на руки и сперва тихо, потомъ громче и громче, съ переливами запѣла нѣкогда модную пѣсню, которой за клавесиномъ выучилась у крестной:

Я бѣдная пастушка,
Весь міръ мой—этотъ лугъ;
Собачка мнѣ—подружка,
Барашекъ—милый другъ...

За спиной Груни послышались шаги. Что-то зашелестило въ кустахъ. Она смолкла, оглянулась. Раздвинувъ вѣтви вишенника, передъ нею, безъ шапки, стоялъ высокій, статный человѣкъ: въ сѣромъ старенькомъ, обхваченномъ ремнемъ армякѣ, на поясѣ—подпилокъ, ножъ и ланцетъ, самъ онъ русый, борода чуть пробивается, молодое, обвѣтренное лицо и ласковые, веселые и вмѣстѣ робкіе глаза.

— Птушки, сударынька! это вамъ-съ!..—сказалъ подошедшій разжимая широкую, мозолистую ладонь.

Груня взглянула: передъ ней на протянутой рукѣ сидѣли рядкомъ, шевелясь и раскрывая желтые, мягкіе носы, двѣ, чуть обросшія сѣрымъ пухомъ, птички.

— Чтò это?—спросила Груня.

— Птушки, сударынька, жавороночки! а може и скворцы... не бойтесь, это вамъ...

— А ты самъ кто такой?

— Новый табунщикъ, Родька, коли изволили слышать.

Груня встала.

— Ну, Родивонъ, сдѣлай же ты мнѣ божескую милость,—сказала она:—отнеси ты этихъ пташекъ туда, откуда ихъ взялъ. — Это — соловьи. Пусть себѣ живутъ... Да бережно, смотри, положи, чтобъ соловьиха не откинулась. А за вниманіе благодарствую...

Съ этими словами Груня ушла. Поглядѣлъ ей вслѣдъ Родивонъ, вздохнулъ и, почесывая затылокъ, долго не сходилъ съ мѣста. Какъ стемнѣло, онъ спустился въ ягодные кусты, положилъ птицъ въ гнѣздо, въ сборную избу ужинать не зашелъ, а сѣлъ на коня, шевеля плеткой, тихо выѣхалъ въ степь, и Груня изъ своей свѣтелки слышала, какъ по темному бугру за рѣкой, на привольи, раздалась его заунывная пѣсня:

«Охъ, и гдѣ жъ ты, гдѣ же,
Милъ сердечный другъ?»

Съ той поры Родивонъ не выходилъ изъ головы Груни. Она пряталась отъ него, избѣгала его, но невольно слѣдила за всѣмъ, чтò онъ дѣлалъ и чтò о немъ говорили.

Въ срединѣ мая на Богатую пришли подводы, забирать проданную купцамъ прошлогоднюю пшеницу и кое-что изъ запасовъ льна. За болѣзнью Флугши кули вѣсилъ и, какъ грамотный, по списку отпускалъ, подъ надзоромъ Груни, Родивонъ. Первые возы нагрузились и съ купеческимъ приказчикомъ уѣхали; стали грузиться вторые; подводчики устали и пошли обѣдать. Въ прохладномъ, пахнувшемъ мукой и развѣшенными новыми вѣниками, амбарѣ остались только Родивонъ да Груня. Поглядывая на Груню, Родивонъ карандашомъ выводилъ послѣднія отмѣтки въ амбарномъ спискѣ. Груня зѣвнула.

— Это у васъ, барышня, какое колечко?—спросилъ Родивонъ, встряхивая запыленными мукой кудрями.

— Сердоликъ, крестной подарокъ!—отвѣтила Груня, протягивая руку.—Да что ты, непутный, поди, мукой всю перепачкаешь!—крикнула она, смѣясь и съ силой отталкивая Родивона:—ой, да не жми жъ такъ, больно... пусти... Мину Карловну позову...

Родивонъ не отступалъ. Онъ крѣпче обнялъ Груню, подхватилъ ее отъ полу, какъ перышко, посадилъ на куль рядомъ съ собой и сказалъ:

— Что жъ, сударыня, кричите; одинъ, видно, мнѣ конецъ...

— Да пусти жъ ты, сумасшедшій, что затѣялъ! одумайся! ой!..

— Нечего мнѣ, барышня, думать. Сердце изныло. Одна дорога: либо петля, либо въ воду... День хожу, какъ шальной, ночи не сплю—помутила меня твоя красота, Грунюшка...

Трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Груни. Она вспыхнула, искоса поглядывая на Родивона.

— Ахъ, отчего я не богатый, да не знатный! — продолжалъ Родивонъ:—не пойдешь за простого, не отдадутъ такой крали за сермяжника...

Груня вырвалась отъ Родивона.—«Руки коротки! — сказала она, толкнувъ его такъ, что тотъ о закромъ ударился спиной.—Минѣ Карловнѣ, вотъ ей-Богу, все разскажу!» — прибавила она, безъ оглядки уходя изъ амбара. А когда вечеромъ уѣхали послѣднія подводы, Груня вышла на крыльцо, подозвала Родивона, взяла у него амбарные списки и, не уходя въ горницы, спросила: «кто ты родомъ и отколь къ господамъ нашимъ взялся?»

— Княжескій я,—нѣсколько замявшись, тихо отвѣтилъ Родька:—въ пѣвчихъ былъ—не вытерпѣлъ; въ егеряхъ—не по нраву пришлось; лошадей любилъ—ну, съ тѣмъ и остался...

— Какъ же ты къ господамъ-то къ нашимъ присталъ?

— У лѣкаря, у Егора Ѳаддеича Слѣзіевскаго, сперва кучеромъ ѣздилъ, а онъ меня и къ вашимъ господамъ направилъ.

— По паспорту, что ли, ходишь?

— Мы оброчные,—еще тише отвѣтилъ Родька.

— Есть же у тебя отецъ, мать? — допытывала Груня, поглядывая на стоявшаго передъ ней безъ шапки молодца.

— Какъ перстъ, барышня, одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ...

— Ну, иди же, Родивонъ, къ себѣ, да впередъ не смѣй озорничать. Не то, поссоримся.

— А книжечки, сударыня, нѣтъ ли почитать?—лукавыми карими глазами усмѣхнулся Родька.

— Послѣ приходи... Найду, сама тебя кликну и отдамъ... а самъ не смѣй!—сказала, вся закраснѣвшись, Груня, обернулась и ушла къ себѣ въ горницу.

Кончился май. Началась косовица, полотье огорода и льна. Груня ходила въ поле къ гребцамъ и къ полольщикамъ въ огородъ и на луга. Не зимняя пора. Весело и размяться, несмотря на зной и духоту. Вездѣ въ часы роздыха неслась болтовня словоохотливыхъ захожихъ поденщицъ. Бабы толковали о хозяйствѣ мужей, дѣвки о женихахъ да нарядахъ. И всякія тайны сосѣдокъ-хуторянокъ при этомъ невольно узнавала Груня: гдѣ парни хорошіе и гдѣ дурные, и кто кого любитъ и съ кѣмъ знается, и кто кого гонитъ, или за кого собирается замужъ. Вонъ загорѣлая, статная, съ черными бровями и русой косой красавица, бросивъ грабли, божится, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, какъ ткачихинъ сынъ; но она его прогнала и не пуститъ къ своей хатѣ, хоть убейся онъ. Другая, худощавая, блѣдная, забитая лихорадкой, лежитъ подъ копной и, закинувъ руки за красивую голову, шепчетъ подругѣ, какъ въ воскресенье, въ слободѣ, ее затронулъ у церкви поповичъ и что̀ она при этомъ отвѣтила, и какъ, оставивъ своихъ, она уже и слободу миновала, а поповичъ все за нею, все за нею, идетъ и проситъ, чтобъ она вечеромъ вышла къ нему постоять за ворота. И всюду любовь, всюду нѣга, всюду голосъ, зовущій къ иной, неизвѣданной, чудной жизни...

Гребцы идутъ пестрыми рядами по свѣжимъ покосамъ, а Груня глядитъ въ даль, гдѣ по синѣющему пригорку Родивонъ водитъ на просторѣ вольный табунъ. Соберется Груня съ дворовыми стряпухами въ сосѣдній лѣсокъ по грибы,—Родивонъ уже тамъ: подойдетъ къ ней, ласковыя рѣчи ведетъ, застѣнчивъ, глазъ на нее не поднимаетъ, а съ другими зубы скалитъ, пѣсни во все горло поетъ. «Такъ, такъ! Онъ полюбилъ меня, оттого и стыдится!»—думаетъ Груня, съ кузовкомъ грибовъ идя домой.

«А коли не суженый?—размышляла какъ-то Груня, погасивъ свѣчу и собираясь ко сну въ своей горницѣ,—отдадутъ меня за чиновника, отдадутъ за офицера... Да будетъ ли тотъ такъ любить? Простой, подневольный человѣкъ...

Лишь бы не обманулъ,—крестная выкупитъ его у князя... Смышленый, умный такой, да работящій; все знаетъ, грамотный, — ему быть не при лошадяхъ... Ему цѣлой вотчиной править, такъ не испортитъ дѣло»...

Груня откинула пологъ кровати, распустила косу, присѣла и, не раздѣваясь, стала глядѣть въ окно. Полный мѣсяцъ плылъ въ ясномъ небѣ. Кудрявая акація, не шелохнувшись, стояла на садовой полянѣ противъ окна. Тихо. Только кузнечики трещатъ по лугамъ, да изрѣдка на птичномъ дворѣ крикнетъ пѣтухъ, и ему прерывистымъ, звонкимъ баскомъ вторятъ молодые, подрастающіе пѣтушки.

Что-то зашелестило подъ окномъ. Груня привстала, слушаетъ. Чья-то рука будто скользитъ по стеклу, нажимаетъ раму. Рама отворилась. «Боже! неужели воры? — подумала, мертвѣя отъ страха, Груня,—съ нами крестная сила!. » Она спряталась за положокъ.

— Барышня, вы не спите? это я! — шепчетъ изъ саду тихій голосъ.

— Да кто ты, говори! или я крикну...

— Не кричите, барышня, это я... Родивонъ...

— Что тебѣ?

— Книжечки нѣтъ ли? скука... смерть—тоска!—шепчетъ Родивонъ.

— Нашелъ, безпутный, въ какое время книжку просить! Поди, говорю тебѣ, поди... чтобъ и духу твоего не пахло! какъ можно! такая пора...

— Да вы, сударыня, слушайте не бойтесь... да вы только подойдите сюда, къ окну... Хоть словечко промолвите...

«Встать ли? подойти ли къ нему, озорнику?»—разсуждала, не выходя изъ-за полога Груня. А ночь тиха, свѣтъ мѣсяца щедро льется. Медвяный запахъ цвѣтущихъ липъ врывается въ открытое окно...

Въ началѣ іюля Анна Васильевна получила отъ Груни письмо, съ просьбой о благословеніи и о разрѣшеніи ей выйти замужъ за Родивона. Сильно озадачила и огорчила эта вѣсть старуху. Она ни словомъ не проговорилась о томъ мужу, а велѣла запрячь крытыя дрожки, съѣздила на Богатую, посовѣтовалась съ Флугшей, разспросила Груню, потребовала къ себѣ на глаза Родьку и, давъ ему добрую головомойку, кончила тѣмъ, что благословила его на бракъ

съ Груней. Свадьбу сыграли въ ту же осень въ Прійнибѣ. Родька сталъ именоваться Родивономъ Максимычемъ и получилъ званіе конторщика, а въ слѣдующемъ году, когда умерла Флугша, Грунѣ и Родивону было передано и все управленіе хозяйствомъ на Богатой.

Отлично зажила Груня съ мужемъ. Черезъ годъ у нихъ родилась дочь, которая также удостоилась быть крестницей Анны Васильевны. Груня завѣдывала коровами, птицей, садомъ и огородомъ; Родивонъ Максимычъ—овцами, лошадьми и хлѣбопашествомъ. Доходы съ Богатой удвоились. Не нахвалится новыми хозяевами далекаго хутора Иванъ Яковлевичъ. А ужъ объ Аннѣ Васильевнѣ и говорить нечего—она души въ нихъ не чаяла.

— Да кто жъ онъ, матушка, кто этотъ вашъ новый управляющій? — спрашивали Анну Васильевну любопытныя сосѣдки.

— Четвертинскаго князя крѣпостной, изъ дворовыхъ, съ Литвы, а проживалъ при барскомъ домѣ въ Москвѣ. Былъ у насъ прежде почитай конюхомъ, а вонъ, за отличіе да за стараніе, чѣмъ его мужъ мой пожаловалъ.

— Вы его, матушка, выкупили?

— Самъ выкупился; безъ того я крестницы за него не отдавала.

И дѣйствительно, Бѣлогубовъ съѣздилъ въ Москву и передъ вѣнчаніемъ привезъ оттуда отпускную. Все шло хорошо. Только самъ Родивонъ Максимычъ сталъ что-то неспокоенъ: по-часту охаетъ, ходитъ задумчивъ, мало разговариваетъ, а ужъ жену любитъ—не наглядится на нее, да и съ дочкой-подросточкомъ такъ ласковъ да нѣженъ, съ рукъ ее не спускаетъ, слезы потихоньку утираетъ, любуясь на нее.

— Что ты, Родя, печалишься будто? — спрашиваетъ его Груня: — изъ-за чего думы твои? или ты чѣмъ недоволенъ, или я тебѣ не угодила?

— Всѣмъ я, Грунюшка, доволенъ, оттого и мысли мои... Ну, думаю, какъ все это кончится? Ну, какъ ничего не станетъ у меня, ни тебя, ни дочки, ни всего?

— Какъ не станетъ и отчего? Бога ты гнѣвишь, Родя, и не добро думаешь.

— Одначе... постой, отвѣть: а что... вдругъ, — ну, какъ вы помрете, или кто васъ отберетъ?

— Полно, пустяки говоришь. Я думала, о чемъ о другомъ онъ заботится... А ты о смерти... пустяки! Всѣ мы подъ Богомъ, всѣ подъ Его волею, Онъ насъ и помилуетъ. Лучше ты бѣглыхъ вонъ тутъ не держи. Самъ толкуешь про станового, про Сидора Акимыча, не человѣкъ, а звѣрь.

— Полно, Груня, будто бѣглые не люди! Жаль ихъ, да и работаютъ какъ... А обо мнѣ ты не думай, это пройдетъ...

Родивонъ, однакоже, не унимался: похудѣлъ, опустился, даже старѣе будто сдѣлался на нѣсколько годовъ. И началось это съ той поры, какъ онъ съѣздилъ на ярмарку продавать выбранныхъ изъ табуна лошадей. На ярмаркѣ, между всякимъ народомъ у кабака, его узналъ какой-то рыжій и невзрачный съ виду, загулящій побродяжка. Родивонъ сильно смѣшался при видѣ этого человѣка и сперва на его привѣтъ не признался; но потомъ они пошли въ трактиръ и больше сутокъ тамъ угощались. Загулящій человѣкъ, на радости отъ встрѣчи съ старымъ пріятелемъ, остался мертвецки пьяный подъ лавкою трактира, а Родивонъ поскорѣе уѣхалъ домой, но съ той поры его какъ въ воду опустили: совсѣмъ сталъ иной.

Эти заботы, спустя нѣкоторое время, какъ будто и прошли. Родивонъ съ виду сталъ спокойнѣе. Но къ зимѣ онъ получилъ откуда-то письмо и опять закручинился; началъ искать денегъ взаймы, добылъ, сколько могъ, и выслалъ ихъ куда-то, а прежняго спокойствія не видитъ.—«Откуда письма получаешь?» допытывала жена. — «Отъ родныхъ, изъ нашихъ мѣстъ», отвѣчалъ Родивонъ, но писемъ женѣ не показывалъ.

Какъ-то, въ Спасовку, написала Анна Васильевна къ Грунѣ письмо, что сильно соскучилась по ней и что хорошо бы Груня сдѣлала, если бы, пока тепло, собралась и навѣстила ее съ дочкой.

— Что, ѣхать ли намъ къ крёстной? — спросила мужа Груня.

— Нѣтъ, обожди.

— Какъ ждать! Спасовка вонъ проходитъ, скоро Успеньевъ день, пчелу пора морить, медъ къ господамъ отсылать; а мы бы при этомъ случаѣ и съ Параней поѣхали.

— Поѣдешь послѣ Воздвиженья! ленъ надо молотить на сѣмяна—я одинъ не управлюсь.

Но и пчелу поморили, и медъ послали, и Успеньевъ день прошелъ, а Родивонъ не отпускалъ Груни за Донецъ.

Въ концѣ августа стояла особенно жаркая погода. Родивонъ съ утра верхомъ, а послѣ обѣда на бѣговыхъ дрожкахъ объѣхалъ поля, взглянулъ, какъ пасутся овцы и лошади, повѣрилъ счетъ подводъ, перевозившихъ остальныя копны на гумно, и навѣстилъ грабарей, рывшихъ въ степи новый прудъ. Онъ возвратился на вечерней зарѣ дó-нельзя усталый, наскоро поужиналъ, перемолвилъ нѣсколько словъ съ женой, пошутилъ съ дочкой и ушелъ спать.

Долго Груня возилась съ уборкой посуды и съ отдачей разныхъ приказаній, сходила за мужа въ амбаръ и въ кладовую. Спать ей не хотѣлось. Изъ головы у нея не шли слова, вскользь сказанныя мужемъ за ужиномъ. — «Всяки порядки бываютъ, — замѣтилъ онъ, доѣдая поросячій бокъ съ кашей: — вотъ бы вольныя, значитъ, отпускныя... Иной тебѣ вчешетъ туда такое словцо, что послѣ и не расхлебаешь». — «Да ты это чтó?» -- спросила, похолодѣвъ отъ страха, Груня. — «Ничего... это я про одного нашего землячка вспомнилъ, -- отвѣтилъ со вздохомъ Родивонъ: — да и становой опять въ голову пришелъ. Ужъ точно Иродъ, не человѣкъ, какъ есть душегубъ; намедни пятерыхъ бѣглыхъ изловилъ на Терновой и всѣхъ упекъ въ кандалы, да въ острогъ... Есть тоже такой баринъ, графъ Аракчеевъ, коли слышала,—къ тому попадись, живого съѣстъ...»—«Да вѣдь онъ въ Питерѣ, при царѣ служитъ»,—сказала Груня.— «Въ Питерѣ-то, въ Питерѣ, а подъ землей всякаго найдетъ, коли захочетъ... Чай слыхала, къ Чугуеву ужъ подбирается...»

Все, наконецъ, затихло въ горницахъ. Груня взглянула на спавшую въ углу за шкапомъ Парашу, помолилась, раздѣлась, тоже легла и заснула.

Спитъ Родивонъ, да неспокойно, по временамъ вздрагиваетъ и мечется. Снится ему, что онъ изнываетъ отъ духоты. — «Охъ, хоть бы вѣтеръ пахнулъ въ лицо,—думаетъ онъ,—хоть бы глотокъ студеной водицы...» Странныя грёзы порхаютъ надъ его изголовьемъ...

Красное, въ веснушкахъ, отекшее, пьяное лицо склоняется надъ нимъ, сѣрые безстыжіе глаза смѣются, рыжая борода щекочетъ ему губы и носъ. — «Ха-ха-ха! поймался, Родька, поймался, землячекъ! — хохочетъ на всю комнату

пьяная рожа:—вставай, арестантъ! вонъ онъ, вотъ! ха-ха-ха! тебѣ хорошо, мнѣ худо... берите его...»—Тьфу ты, сгинь!—отмахиваясь руками, изъ всѣхъ силъ плюнулъ на стѣну Родивонъ.

Онъ вскочилъ, присѣлъ на кровати, протеръ глаза. Въ комнатѣ мертвая тишина. Полный мѣсяцъ смотритъ съ неба. Чебрецомъ и калуферомъ пахнетъ изъ огорода, и чудные, серебристые звуки несутся въ окно. Звенитъ, звенитъ что-то тамъ въ сверкающей дали, за рѣкой, смолкнетъ и опять отзовется, будто спускается со взгорья, ближе и ближе подплываетъ къ рѣкѣ.—«Батюшки-свѣты! колокольчикъ!—спохватился Родивонъ: — это полиція... меня ищутъ... Куда дѣться?»

Онъ бережно, мимо Груни, слѣзъ съ кровати, наскоро одѣлся, отыскалъ впотьмахъ ведро съ водой, перегнулъ его, жадно отпилъ разъ и другой и бросился къ окну. Во дворѣ ни звука. Хромая дворовая собаченка Стрѣлка, наставя чуткія уши, лежитъ на мѣсяцѣ у крыльца. Она увидѣла хозяина, легонько помахала хвостомъ, встала и, ковыляя, побѣжала въ садъ. Родивонъ за нею. Выскочила собачка на освѣщенную мѣсяцемъ дорожку, постояла, поджавъ лапку, у одного куста, у другого, скусила верхушку какой-то травки, вѣжливо пожевала ее, перепрыгнула черезъ канавку, обнюхала какой-то бугорокъ, уставилась носомъ за рѣку и вдругъ замерла, точно слыша что-нибудь въ той сторонѣ. А въ ушахъ Родивона опять шумъ и звонъ... Затихая и вновь раздаваясь, несутся серебристые звуки: тень-тень... тень...

«Милочка, Стрѣлочка! да ты врешь, обозналась! никого нѣту!» готовъ былъ молить собаченку Родивонъ. И вдругъ его какъ варомъ обдало. Онъ вздрогнулъ, судорожно двинулся по поясъ въ высокую душистую траву и замеръ. Прохладнымъ лужкомъ съ зарѣчнаго бугра явственно донеслось фырканье одной лошади, другой, и негромкое постукиваніе бережно катившихся колесъ.—«Крадутся! колокольчикъ подвязали!—пронеслось въ головѣ Родивона:—не къ кому больше, какъ ко мнѣ...»

Кликнувъ собачонку, чтобъ та не разлаялась, Родивонъ бросился въ комнаты, разбудилъ жену и наскоро разсказалъ ей въ чемъ дѣло. Та ахнула, заметалась.—«Звать ли кого изъ людей?» — «Не зови никого... Пропадать видно! самъ управлюсь...»

молъ такого въ здѣшнихъ мѣстахъ; а про подарки ты выдашь мнѣ росписку, что деньги за все сполна получилъ...

«Слава тебѣ, Господи! слава!» — не помня себя отъ радости, взмолилась Груня, когда становой погасилъ свѣчу и, примостясь на лавкѣ, захрапѣлъ въ первой горницѣ, а Родивонъ ушелъ ему готовить тройку бѣлоногихъ.

— Ѣдемъ, — шепнулъ, входя къ женѣ впопыхахъ, Родивонъ.

— Куда?

— Нечего толковать. Буди и бери Параню, да захвати хлѣба, одежи. Послѣ все разскажу.

— Да онъ же поладилъ съ тобой, согласился!—лепетала, дрожащими руками одѣвая дочку, Груня.

— Знаю я ихъ, ненасытныхъ волковъ. Дай ему только палецъ въ глотку, всю руку слопаетъ. Пропали мы, пропали... Скорѣе снаряжайся, скорѣй... Люди не скоро сойдутся,—успѣемъ уйти: загоню коней до смерти, а сто верстъ проскачу. Въ Бахмутѣ есть пріятель, далѣе отъ него уйдемъ... въ Анапу или за Кубань.

Родивонъ хотѣлъ-было сразу порѣшить съ становымъ, да раздумалъ. Пошаривъ потомъ съ фонаремъ на чердакѣ и вкругъ дома и раздумывая, не повѣситься ли? онъ возвратился къ женѣ, поднялъ у печки топоромъ половицу, вынулъ оттуда кожаный поясъ съ деньгами, снялъ со стѣны ружье, перекрестился на образъ и вышелъ на крыльцо.

На дворѣ чуть начинало бѣлѣть. Запряженная тройка бѣлоногихъ, какъ вкопанная, стояла на привязи у крыльца.

Родивонъ усадилъ въ телѣгу Груню съ дочкой, бросилъ къ нимъ кое-какіе пожитки, бережно растворилъ ворота, самъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шапку, еще разъ перекрестился, прислушался. Вездѣ было тихо. Только въ сосѣдней слободкѣ за бугромъ, какъ бы по волку, тявкали собаки.

Телѣга безъ шума выѣхала за ворота, спустилась на темный еще лугъ, стала переваливать за косогоръ. Родивонъ неспокойно задвигался, подобравъ вожжи и сперва рысью, потомъ вскачь пустилъ храпѣвшихъ и рвавшихся жеребцовъ.

— Охъ, да чтò же это? чтò? — заговорила въ страхѣ, оглядываясь, Груня: — никакъ у насъ, Родивонъ Максимычъ, пожаръ?

Родивонъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и молчалъ. Онъ

крѣпче надвинулъ шапку на уши, крѣпче налегъ на бѣлоногихъ, и тройка, выбравшись на дорогу къ Волчьей, скрылась за горой, въ то же время, какъ начавшійся за спинами бѣглецовъ пожаръ далеко освѣтилъ долину Богатой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ хуторъ и гдѣ Богатая сливалась съ рѣчкой Богатенькой.

Домъ, гдѣ спалъ мертвецки-пьяный становой, вспыхнулъ и горѣлъ, какъ свѣча. Не успѣли сбѣжаться изъ задворныхъ избъ разбуженные ревомъ скотины и гуломъ огня батраки, не успѣли подойти завидѣвшіе пламя понятые, отъ новаго дома Ивана Яковлевича остался одинъ пепелъ.

Письмоводитель далъ знать въ городъ. Явился исправникъ. По окончаніи слѣдствія, былъ составленъ протоколъ, а въ протоколѣ было сказано: «По Божьему изволенію, такого-то года, мѣсяца и числа, на хуторѣ лейбъ-гвардіи прапорщика Д**, отъ неизвѣстной причины, въ глухое ночное время, приключился пожаръ. А на томъ пожарѣ, кромѣ лошадей, коровъ и прочаго имущества владѣльца, сгорѣли: становой приставъ, Сидоръ Акимовъ Солодкій, со всѣми его бумагами, пара обывательскихъ коней, съ повозкою, и управляющій тѣмъ хуторомъ вольноотпущенный, Родивонъ Максимовъ Бѣлогубовъ, съ женою Аграфеною Ивановою и съ малолѣтней дочкой Прасковьей! Въ чемъ и подписуемся...»

Вѣсти о пожарѣ на хуторѣ и о гибели управляющаго съ семьей сильно поразили Ивана Яковлевича и Анну Васильевну. Дѣдушка рѣшилъ раздѣлаться съ землей и со всѣмъ хозяйствомъ на Богатой. Бабушка мужу не перечила. Это имѣніе вскорѣ было продано курскому второй гильдіи купцу, Ивану Михайловичу Слатину. Иванъ Яковлевичъ былъ доволенъ тѣмъ, что вырученными деньгами уплатилъ немало особенно тяжелыхъ долговъ. Анна Васильевна была зато неутѣшна.

— Нѣтъ моего рая, нѣтъ Грунюшки, — толковала старуха:—погибла моя Груня, съ мужемъ и съ дочкой, да еще какою страшною смертью погибла! И все я виновата, я... Зачѣмъ боялась, зачѣмъ ее туда отослала?..

Прошелъ годъ и два, прошло нѣсколько лѣтъ. Умеръ и дѣдушка Иванъ Яковлевичъ.

Аннѣ Васильевнѣ, по его кончинѣ, не жилось болѣе въ старомъ пришибскомъ домѣ. Она тосковала, не знала куда

дѣться, и почасту гостила въ лѣсномъ домикѣ, при винокуренномъ заводѣ, въ Курбатовомъ.

Нѣкто г. Баженовъ, борисоглѣбскій уланъ и мѣстный поэтъ, за много лѣтъ передъ тѣмъ, а именно въ 1802 году, оставилъ въ альбомѣ бабушки слѣдующее «Изображеніе пріятнаго мѣста Курбатова»:

«Курбатовъ! ты сокрытъ природой подъ горами...
Въ тебѣ собраніе прекраснѣйшихъ картинъ;
Величественъ твой видъ, обиленъ ты водами
И у природы, знать, ты прелюбезный сынъ...
Въ тебѣ я созерцалъ пріятные предметы:
Долину, горы, лѣсъ, звѣринецъ, водометы,
И какъ изъ тростника Михайло козъ гонялъ...
Тогда-то въ сердцѣ я твой видъ благословлялъ!»

Что же манило бабушку въ лѣсную глушь, въ тихое, пустынное Курбатово? Здѣсь умеръ дѣдушка. Сверхъ того, домикъ въ Курбатовѣ сильно напоминалъ Аннѣ Васильевнѣ выстроенный по его образцу, сгорѣвшій домъ на Богатой, гдѣ она въ прежніе годы любила съ Груней встрѣчать весну. Подъ конецъ своихъ дней бабушка еще болѣе стала походить видомъ и нравомъ на спартанку. Уѣдетъ изъ Пришиба на заводъ, велитъ отпречь лошадей и пойдетъ бродить съ книжкой или съ кузовкомъ, будто за грибами, въ окрестностяхъ старой винокурни, по лѣсу и по лугамъ.

«Нѣтъ моего рая, нѣтъ Груни!» тоскуетъ бабушка: «думала ее сосватать за Калиныча, за винокура. Жила бы, радовала-бъ меня и поднесь. А теперь? Гдѣ-то витаютъ душеньки ея и ея дочки? Ахъ! не прощу себѣ, никогда не прощу... я виновата въ ихъ смерти... я!»

Бабушка ходитъ между высокихъ сосенъ, по песчаному пристѣну и между кудрявыхъ березъ и ольхъ, по лугамъ. Стародавніе годы ходятъ по слѣдамъ бабушки. — «Ничего, никакого приданаго я не принесла мужу,—думаетъ она,— пользовалась его имуществомъ. Полъ-состоянія предлагалъ онъ мнѣ отписать по дарственной. Все, все отдала бы, лишь бы жива была Груня...»

А лѣсъ стонетъ, поетъ, отзывается на тысячи голосовъ. По влажному, остывшему илу, таская изъ него свѣжіе сладкіе корешки, бѣгаютъ кулички и черныя дикія курочки. Сѣрая поверхность грязи усѣвается крестиками ихъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ,

каждая вѣтка одѣты своимъ благоуханіемъ. Чубатый удодъ посвистываетъ на бугоркѣ; слышится рѣзкое чоканье дрозда; кукушка вдали отзывается; дятлы и иволги, какъ куски разноцвѣтнаго сукна, перебрасываются съ дерева на дерево.

А на зарѣ — нескончаемый лѣсной концертъ... Вверху, вокругъ, вездѣ слышится музыка. Цѣлое море звуковъ проливается на лѣсъ и на зеленые луга.

Возвратится бабушка на крутой бугоръ, на которомъ стоитъ старый заводскій домикъ, сядетъ на крылечко, развернетъ на колѣняхъ книжку, или, глядя вдаль, шевелитъ спицами чулка, — мысли ея за Донцомъ. Слушая весеннія лѣсныя пѣсни, и бабушкинъ фаворитъ-пѣтухъ, состарѣвшійся при винокурнѣ, не унимается: смотритъ съ холма на луга и на озера, и то-и-дѣло кричитъ... Да крикнетъ иной разъ такъ, что самъ отшатнется въ сторону и, наставивъ одинъ глазъ въ землю, а другой на бабушку, какъ бы разсуждаетъ: «кто это такъ странно крикнулъ?»

Незадолго передъ смертью, бабушка возила больного внука на Кислыя воды, на Кавказъ. На одной станціи, не доѣзжая Екатеринодара, она мѣняла лошадей. Станціонный писарь взглянулъ въ ея подорожную, потомъ на нее самою. Онъ пригласилъ Анну Васильевну въ особую горницу, заперъ за собой дверь и, спросивъ ее, не у нея ли на хуторѣ когда-то проживала съ мужемъ и съ дочкой Аграфена Бѣлогубова?—разсказалъ ей, какимъ образомъ Бѣлогубовы спаслись отъ огня и какъ они долгое время скрывались по близости, въ казацкихъ станицахъ, въ томъ числѣ и на этой станціи, гдѣ Родивонъ нанимался старостой.

— Что же Груня?—спросила, ни жива, ни мертва отъ страху, бабушка:—гдѣ она теперь? жива ли?

— Не знаю...

— А мужъ ея?

— Лошадьми на Кубани въ послѣднее время, сказываютъ, торговалъ...

— Отчего-жъ они, безумные, отчего-жъ ни о чемъ не дали мнѣ вѣсти? зачѣмъ терзали меня?

— Боялись, сударыня-матушка.

— Меня боялись?

— Не васъ, сударыни, не васъ... Они такъ васъ хва-

лили и помнять—я все уговаривалъ ихъ къ вамъ писать... Боялись же своего... графа-то Аракчеева...

— Да онъ вѣдь давно померъ...

— А дѣло-то ихнее—бѣгство?.. потомъ пожаръ—нешто все это померло?

Бабушка залилась слезами...

Въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ и Екатеринодарѣ, вездѣ Анна Васильевна потомъ отыскивала Бѣлогубовыхъ, сулила за ихъ указаніе значительную сумму денегъ, переписывалась съ властями, даже черезъ мирныхъ черкесовъ сносилась съ горцами—ничто не помогло. Слѣдъ Бѣлогубовыхъ пропалъ навсегда.

— «Вотъ, душенька,—говорила мнѣ бабушка, разсказавъ эту исторію:—я стара, у меня ничего нѣтъ; имѣніе твоего дѣда раздѣлено и распалось... Выростешь, помни это... души-то, крѣпостныя... крѣпостные люди... Приглядывайся, да читай умныя книги, все поймешь...»

1873 г.

Оглавленіе

VII ТОМА.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901


Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ.

I.

Среди зимы 1716 года въ Петербургѣ заговорили о сильномъ разладѣ между царемъ Петромъ и его единственнымъ сыномъ.

Грозная «сѣверка» Петра готовилась, какъ всѣ ожидали, разразиться надъ царевичемъ Алексѣемъ. Овдовѣвъ съ осени, самъ царевичъ, между тѣмъ, продолжалъ мирно и тихо жить въ небольшомъ дворцѣ, выстроенномъ къ его свадьбѣ, на Невѣ, близъ Литейной, повидимому, не очень безпокоясь даже о томъ, что отецъ при встрѣчахъ пересталъ съ нимъ говорить. Кстати же, трауръ давалъ ему возможность вовсе не появляться на торжественныхъ пріемахъ отца и ассамблеяхъ вельможъ, а дома у себя, боясь смотрѣльщиковъ отца, онъ не принималъ почти никого.

Крытый тёсомъ, въ двѣнадцать оконъ по улицѣ, съ антресолями и обширнымъ садомъ на Неву, деревянный, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, дворецъ царевича былъ на Шпалерной, противъ нынѣшней церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Въ глубинѣ двора, вдоль сада, шли разныя службы, избушки, боковуши, сарайчики и склады, и возвышалась церковь. У крыльца на улицѣ стоялъ караулъ. Комнаты были убраны уютно и со вкусомъ: стѣны — въ кожаныхъ, съ позолотой, обояхъ, зеркала—въ фигурчат... форовыхъ рамахъ, съ потолковъ пріемной и сто... сѣли хрустальныя люстры, а мебель обтянута сукномъ и штофомъ. Все это, впрочемъ, к...

навѣси оконъ и столовая посуда, были свадебнымъ подаркомъ, присланнымъ покойной женѣ царевича отъ ея сестры, жены австрійскаго императора. Скупой и неприхотливый царь, глядя на эту обстановку, морщился. «Денегъ-то убито сколько, денегъ!»—думалъ онъ при этомъ, не охотно посѣщавшій сына и при жизни покойной кронпринцессы.

Вверху, на антресоляхъ, съ гофмейстериною, кормилицей и нянями, жили дѣти царевича. Внизу помѣщался онъ самъ. Его кабинетъ, двумя окнами выходившій въ садъ и однимъ на уголъ улицы, былъ расположенъ между пріемною и спальней. Еловый вощеный полъ кабинета, у письменнаго стола, былъ покрытъ бухарскимъ ковромъ, передъ софой и креслами—медвѣжьимъ мѣхомъ. На стѣнныхъ полкахъ лежало нѣсколько нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и церковныхъ русскихъ книгъ. Въ углу комнаты, возлѣ окна, стоялъ небольшой голландскій клавесинъ, а на стѣнѣ, надъ нимъ, висѣла небольшая семиструнная лютня.

Было утро двадцать-пятаго января.

Солнце ярко свѣтило въ разрисованныя морозомъ окна кабинета. У письменнаго стола, на обитомъ черною кожей креслѣ, откинувшись на его высокую спинку, сидѣлъ худощавый и блѣдный, выше средняго роста, лѣтъ двадцати-шести-семи, человѣкъ. Онъ былъ въ шелковомъ сѣромъ кафтанѣ, въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Темнокаштановые, слегка напудренные его волосы длинными завитками падали на узкія плечи. Большіе, черные глаза неподвижно были устремлены на столъ, на которомъ стоялъ раскрытый, отдѣланный слоновою костью и сафьяномъ, ларецъ. То былъ царевичъ Алексѣй.

Давно молодой камердинеръ поставилъ передъ нимъ, возлѣ ларца, подносъ съ кофе, сливками и булкой. Онъ нѣсколько разъ неслышно отворялъ дверь изъ гардеробной и смотрѣлъ изъ-за кресла, качая головой. Кофе простылъ; до него не касались.

Царевичъ болѣе часа сидѣлъ, задумавшись и не помня, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ зналъ одно, что въ послѣднее время сильно прогнѣвилъ отца и что сталъ у него въ явной и полной опалѣ, а какъ и чѣмъ онъ прогнѣвилъ его, объ этомъ онъ боялся и избѣгалъ думать. День и ночь его мысли были далеко. Въ памяти проносились годы его дѣтства,

жизнь въ Москвѣ, потомъ въ Измайловскомъ, когда онъ жилъ на глазахъ матери.

Гдѣ эти счастливые годы и гдѣ мать? Не вернуть ихъ! Она насильно пострижена, томится въ монастырѣ, а у отца, при живой женѣ, другая, бывшая плѣнная нѣмка. Тяжело было ребенку безъ матери. По девятому году его хотѣли отправить учиться въ чужіе края, въ Дрезденъ, но это не состоялось. Четырнадцати лѣтъ онъ былъ уже въ рядахъ новаго войска, въ преображенскомъ мундирѣ; по семнадцатому году ему поручили возведеніе укрѣпленій Москвы, въ ожиданіи шведовъ. Его обучали точить, чертить, французскому и нѣмецкому языку и ариѳметикѣ; возили его по воинскимъ и корабельнымъ дѣламъ то въ Смоленскъ и Сумы, то въ Воронежъ, Сѣвскъ и Ярославль,—въ бой подъ Полтаву, однако, не взяли.

Девятнадцати лѣтъ Алексѣя, по болѣзни, отправили за границу, въ Карлсбадъ. «Не остаться ли здѣсь навсегда?— подумалъ онъ въ то время, охваченный волей, любуясь дивными видами и нравами чужихъ краевъ.—Но разстаться съ родиной?.. Да что тамъ и хорошаго на этой родинѣ,— день денской возня и сутолока, воинскіе смотры и парады, спуски кораблей, постройки,—ни на часъ отраднаго, тихаго отдыха... а тамъ выберутъ тебѣ иноземную принцессу, о которой не гадалъ и не думалъ, и насильно женятъ. Нѣтъ, лучше остаться тутъ простымъ, вольнымъ человѣкомъ!..»

Мечты царевича не сбылись. По двадцатому году ему посватали въ невѣсты принцессу Шарлотту Вольфенбютельскую. Она показалась ему «человѣкъ добръ» и черезъ годъ онъ женился на ней, въ Саксоніи, въ Торгау. Ему грезилось счастливо пожить съ женой, но и это ему не удалось. Вскорѣ потребовали его отъ жены въ корпусъ Меншикова, подъ Штетинъ, и онъ пробылъ тамъ всю весну и лѣто, а осень и зиму въ Мекленбургѣ, откуда, по волѣ отца, отправился съ мачихой въ Петербургъ и хоть по дорогѣ думалъ встрѣтиться съ женой, бывшей все еще въ чужихъ краяхъ, но и здѣсь не видѣлъ ея. Въ слѣдующемъ году сама жена прибыла въ Петербургъ и снова неудачно, — царевичъ находился въ то время при войскѣ, въ Або; черезъ мѣсяцъ онъ возвратился изъ похода, но опять его поспѣшно услали, для надзора за корабельными работами, въ Ладогу.

Въ такихъ-то постоянныхъ разъѣздахъ и мыканьи

первые годы семейной жизни царевича. Согласія и лада съ иноплеменкою женой, не знавшею ни слова по-русски и окруженною собственнымъ дворомъ, не было и быть не могло. Выходили частыя ссоры; царевича содержали скудно. Отъ огорченій онъ снова захворалъ и вторично былъ посланъ на излѣченіе за границу. Наблюдательный умъ его нашелъ тамъ не мало пищи для размышленія и сравненій родного гнета съ чужеземными порядками и льготами. Въ Карлсбадѣ, Франкфуртѣ и Берлинѣ онъ накупилъ нѣмецкихъ, французскихъ и польскихъ книгъ, философскіе трактаты Баронія, Де-Лявальеръ и Ларима, басни Езопа и другія. Полюбивъ, благодаря женѣ, музыку, онъ посѣщалъ духовные и свѣтскіе концерты и слѣдилъ по курантамъ за церковными и общественными событіями. По собственному благочестію, прочтя когда-то пять разъ подъ-рядъ Библію по-славянски и творенія св. отцевъ, онъ теперь ознакомился съ книгой *Манна небесная* Дрекселя, съ разсужденіями «объ истинной правдѣ», о томъ, «какъ скоро ученымъ себя сдѣлать», «какъ безъ болѣзни жить» и проч.

На родину царевичъ возвратился здоровый, но еще болѣе настроенный противъ дѣлъ, убѣжденій и стремленій отца. Да и какъ ему было сочувствовать отцу? Ихъ нравы были совершенно чужды и даже противоположны другъ другу.

Добрый, мягкій сердцемъ, щедрый и впечатлительный, царевичъ походилъ не на отца, а на тёзку-дѣда — «тишайшаго царя» Алексѣя Михайловича и отчасти на дядю, отцова брата, царя Ѳедора Алексѣевича. Суевѣрный и набожный, какъ дѣдъ, онъ былъ не прочь отъ занятій нетрудными дѣлами, предпочиталъ изученію неголоволомное чтеніе и умные разговоры, не отвергая пользы отъ образованія и изученія языковъ. Подобно же дядѣ, царю Ѳедору, онъ былъ подозрителенъ, слабъ волею, скрытенъ и остороженъ до трусости. Вставая поздно, за всякое, порученное отцомъ, дѣло брался неохотно и вяло. Огненный, не знавшій покоя и удержу, нравъ непосѣды-отца не выносилъ обычаевъ сына. Онъ осыпалъ его укоризнами, стыдилъ наединѣ и при другихъ, но всѣ укоры шли мимо. Сынъ не любилъ отца и какъ тирана своей матери, а сознавая, что нѣтъ болѣе тяжкихъ мукъ, какъ требованіе измѣнить, переломить врожденный нравъ, питалъ къ нему только недоброжелательство и страхъ.

Уклоняясь, подъ разными предлогами, отъ зова на отцовскіе смотры войскъ и верфей, свои домашніе досуги онъ проводилъ за бесѣдой и тихой, хотя подчасъ и болѣе знатной, выпивкой съ близкими пріятелями, съ которыми, въ подражаніе «всепьянѣйшему собору» отца, и у него, въ его холостые годы, бывали такія же «соборныя» засѣданія и бдѣнія. Принося жертвы Бахусу, отецъ своимъ сотрапезникамъ давалъ клички «всешутѣйшаго князь-папы», «князь-игуменьи», «патріарха Лузы и всего Кокуя», — участники пирушекъ царевича также носили клички: «Жибанда», «Захлюстки», «Ада», «Сатаны» и другихъ.

Женитьба мало измѣнила наклонности и привычки царевича. Хотя, послѣ семейныхъ ссоръ и огорченій, иногда во хмелю, онъ и жаловался «собиннымъ» друзьямъ на жену: «Вотъ, батюшкины клевреты чертовку-нѣмку навязали мнѣ! Иду къ ней, а она все сердитуетъ!»—молодая, образованная кронпринцесса находила способъ обуздывать и снова привлекать къ себѣ разгнѣваннаго мужа: вывезя изъ родного Брауншвейга любовь къ музыкѣ, она прекрасно играла на клавесинѣ. Торжественныя сонаты и фуги Баха, суровые псалмы и ораторіи Генделя и нѣжныя прелюдіи, аріи и менуэты Скарлатти приковывали къ себѣ, въ ея исполненіи, вниманіе царевича. Въ неизъяснимомъ восторгѣ, потрясенный и растроганный до глубины души, онъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ клавесина, подарка невѣстки, изъ котораго обыкновенно сухая и чопорная, затянутая въ фижмены, кронпринцесса извлекала такіе нѣжные и сладкіе, бурные и страстные звуки. Особенно Алексѣю нравилась въ игрѣ жены одна изъ сюитъ Генделя. Начинаясь лѣнивою и медленною саксонскою «алемандой», она переходила въ оживленную французскую «куранту», смѣнялась жгучею испанскою «сарабандой» и кончалась безумно-веселою англійскою «жигой». «Еще, либхенъ, герцхенъ, еще!»—повторялъ онъ женѣ, слушая эту сюиту и не отходя отъ клавесина,—а потомъ, bitte, изъ Ринальдо и Те-деумъ!..» Кронпринцесса молча поворачивала ноты и снова безъ умолку играла.

Съ минувшей осени все это кончилось. Жена царевича, родивъ сына, неожиданно для всѣхъ, скоропостижно умерла. Клавесинъ закрыли, ноты съ него убрали. Вдовый царевичъ заперся въ своемъ дворцѣ и никуд[illegible]вался, повп-

димому, ни отъ кого и ни отъ чего не ожидая болѣе отрады и счастья по душѣ.

На стѣнѣ, надъ клавесиномъ, однако, появилась лютня. Откуда она взялась и кто на ней игралъ, объ этомъ зналъ только онъ самъ и немногіе изъ его ближнихъ.

II.

«Да! какъ это было, какъ случилось?.. И неужели, Господи, все это произошло?»—съ замираніемъ сердца, вспоминая о прошломъ, думалъ царевичъ. И сколько онъ ни думалъ, мысленно кончалъ: «Да, все это было, произошло, но воротится ли опять?»

Два года назадъ ему купили у Нарышкина алатырскую вотчину, село Порѣчье. Ѣдучи туда, онъ остановился, по пути на ночлегъ, въ подмосковной деревушкѣ Вязёмахъ, родинѣ бывшаго своего дядьки Никифора, Вяземскаго. Звонили къ вечернѣ. Царевичъ зашелъ въ церковь, а послѣ службы присѣлъ на поповомъ крылечкѣ. Былъ конецъ покосовъ. Улицей съ поля шли косари и гребцы, спѣшившіе къ празднику по домамъ. Нѣсколько гребчихъ, съ домочадцами попа Созонта, вошли въ его дворъ. Между ними царевичъ разглядѣлъ статную и рослую, въ бѣломъ платкѣ, надъ густою, темнорусою косой, дѣвушку. Она бодро и весело шла, съ граблями на плечѣ; а когда во дворѣ увидѣла, что поповымъ работникамъ не сложить съ телѣгъ до ночи въ сарай подвезеннаго новаго сѣна, крикнула товаркамъ: «Ну-ка, дѣвушки, Веронья! Ѳедосья, за рожны!»—и принялась помогать рабочимъ. Алексѣй видѣлъ, какъ эта дюжая, полногрудая и голубоглазая дѣвушка, откинувъ съ головы на спину платокъ, смѣясь и скаля зубы, быстро взмахивала рожномъ и, то нагинаясь, то выпрямливаясь и опять натуживаясь всѣмъ станомъ, подавала въ окно сарая тяжелые сѣнные вороха. Долго слѣдилъ царевичъ съ крыльца за этою гребчихой, любуясь ея ловкостью и радостнымъ блескомъ ея красивой и сильной природы. «Кто это?»—спросилъ онъ попадью, шедшую въ ворота отъ сарая. Та оглянулась на сѣнникъ. «Толстогубая-то?»—спросила, усмѣхаясь, попадья.—«Да, что впереди всѣхъ». — «Наша питомка». — «Какъ звать?»—«Фрося».—«Откуда она у васъ?»—«Твоего пестуна, а намъ кума, Никифора Кондратьевича Вяземскаго крѣпостная, изъ плѣнныхъ, что ли...» — отвѣтила Созонтиха.— «Гдѣ взята въ полонъ?»—«Подъ Полтавой, сказывали, от-

бита, съ братомъ, у шведовъ; малыми ребятками были, Ванюша да Фрося, не помнящіе ни племени, ни родства; можетъ, изъ богатой, дворянской семьи, убіенной на войнѣ,— руки были бѣлыя, лица чистыя». — «Какъ же они попали къ вамъ сюда?»—«Раздавали въ ту пору плѣнныхъ боярамъ, этихъ записали за Вяземскимъ, а онъ дѣвчурку отдалъ, до возраста, въ науку намъ, бездѣтнымъ, а мальчёнку въ пѣвчіе. Дѣвка выросла у насъ, всякому рукомеслу обучилась, у мужа грамотѣ, а у братишки съ голоса пѣть, и надсѣдается нынче инова, какъ жаворонбчекъ тебѣ, либо какъ та пеструшка, и на крылосѣ поётъ...»—«Гдѣ же ея братъ?»— «Былъ тоже сперва у насъ, а недавно въ соборъ, въ Каширу, батюшка отослалъ».

Задумался царевичъ. Рабочіе и домочадцы отъ сѣнника разошлись. Дворъ опустѣлъ. Дюжая, съ рожномъ въ рукахъ, загорѣлая и весело скалившая зубы полонянка не выходила изъ головы Алексѣя. «Писаная красота! — мыслилъ онъ.— И какъ жаль! Не здѣсь ей быть, не на грубой и черной, простой работѣ! И почему Никифоръ столько времени молчалъ,—хоть слово бы сказалъ о своихъ плѣнныхъ?»

Стемнѣло. Царевичъ вышелъ въ садъ и долго тамъ ходилъ. Ночь была теплая, безлунная. Изъ-подъ развѣсистыхъ ивъ и липъ онъ прошелъ въ вишенникъ, оттуда на полянку къ рѣкѣ, въ малинникъ. Воздухъ былъ напоенъ цвѣтущими липами. За околицей водили хороводы; по рѣкѣ неслись пѣсни дѣвокъ и парней. Вдругъ Алексѣй замеръ. Съ вышки попова дома, черезъ садъ, послышались сперва тихіе, потомъ болѣе явственные струнные звуки, какъ бы отъ гуслей или торбона. Одно изъ оконъ на вышкѣ было отворено. Струнамъ вторилъ и человѣческій голосъ; пѣла, очевидно, женщина. «Неужели она, этотъ жаворонокъ, пеструшка?»— подумалъ царевичъ, упиваясь переливами голоса и струнъ. Съ шибко бившимся сердцемъ, онъ направился, пробиваясь сквозь кусты и деревья, къ дому. «Лютня! — проговорилъ онъ себѣ, узнавъ инструментъ, не разъ слышанный имъ въ горахъ Саксоніи,—и такъ стройно, душевно беретъ, искусница, лады!» Звуки затихли, окно на вышкѣ притворилось, но Алексѣй еще долго бродилъ по тропинкамъ сада, поглядывая на вышку.

На другой день онъ былъ у обѣдни. Сельская церковь была наполнена молящимися. Дьячку и [illegible] на кли-

росѣ подпѣвали племянницы священника и его питомка. Послѣдняя читала и апостолъ. Царевичъ не узналъ гребчихи. Въ праздничномъ аломъ сарафанѣ и бѣлыхъ кисейныхъ рукавахъ, съ двумя густыми русыми косами, въ синихъ лентахъ, взойдя на амвонъ среди церкви, она такъ степенно поклонилась на три стороны и, опустивъ глаза въ книгу, такъ истово и толково-звучно вычитывала святыя слова. хоть бы первому грамотею и чтецу. Когда лысый, подслѣповатый понамарь, въ концѣ обѣдни, вынесъ царевичу изъ алтаря на блюдѣ просвиру, Алексѣй, принявъ ее съ крестомъ и глядя на клиросъ, гдѣ стояла чтица, положилъ на блюдце золотой дукатъ.

Царевичъ прожилъ въ то время въ Порѣчьи недолго, опять завернувъ въ Вязёмы, гдѣ отдыхалъ и охотился, а когда вернулся въ Петербургъ, Вяземскій неожиданно для всѣхъ прислалъ обоимъ своимъ крѣпостнымъ плѣннымъ отпускныя. Бывшій каширскій пѣвчій, Иванъ Ѳедоровъ Аѳанасьевъ, тогда же былъ взятъ въ Петербургъ, ко двору царевича, гдѣ его назначили камердинеромъ и гардеробмейстеромъ Алексѣя, а вскорѣ къ нему на побывку пріѣхала и его сестра, Афросинья Ѳедоровна, по прозвищу взявшаго ее въ плѣнъ полтавскаго козака, Смолокурова. Она нѣсколько разъ навѣщала брата и впослѣдствіи. При жизни покойной жены царевича, его ближніе поговаривали о ней, какъ о будущей, новой камермедхенъ Шарлотты. Такого назначенія Смолокурова не получила, хотя, гостя у брата, при дворѣ царевича, допускалась и въ собственные аппартаменты кронпринцессы, гдѣ ее жаловали дозволеніемъ поиграть на лютнѣ. По смерти кронпринцессы, Афросинью отправили обратно въ деревню, но уже не въ Вязёмы, а, въ уваженіе ея брата, на мызу царевича, доглядывать за огородомъ, птичней, прядильнымъ дворомъ и садомъ, въ Порѣчьи. Попа Созонта туда же перевели.

Всѣ о ней вскорѣ забыли и вовсе перестали толковать. Не забылъ о ней самъ царевичъ. Онъ не только поминалъ ее, но тайно переписывался съ нею, посылалъ ей черезъ ближнихъ своихъ и получалъ отъ нея нѣжныя грамотки и, глядя на оставшуюся послѣ нея лютню, съ замираніемъ сердца, робко думалъ: «Вотъ гдѣ мое счастье, вотъ отрада! И ничего другого, кромѣ этого рая, жизни съ нею, если бы только то случилось, мнѣ болѣе не нужно!»

Тѣ же мысли наполняли Алексѣя и теперь.

«А отецъ? Что скажетъ онъ, какъ узнаетъ? — въ ужасѣ подумалъ онъ. — Куда загонитъ меня, какія кары наложитъ? — Царевичъ вспомнилъ о грозныхъ письмахъ, полученныхъ отъ отца. Ихъ было два и оба они лежали теперь у раскрытаго ларца. Онъ приподнялся и блѣдными, тонкими пальцами потянулъ къ себѣ эти письма. — Неужели же ихъ написалъ отецъ? И какой отецъ могъ выражаться такъ сурово и безпощадно-зло? Да, его почеркъ, его мысли!» — Алексѣй, съ содроганіемъ, снова прочелъ два посланія.

Первое письмо, врученное царевичу въ минувшемъ октябрѣ, вслѣдъ за похоронами невѣстки, Петръ озаглавилъ: «Объявленіе сыну моему». Вспоминая въ немъ свои успѣхи, послѣ начальныхъ тяжелыхъ годовъ своего царенія, онъ выразился: «И егда, сію радость разсмотряя, обозрюся на линію наслѣдства, горесть мя снѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго, — ибо Богъ разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ». «Есмь человѣкъ и смерти подлежу, — говорилось въ заключеніе этого письма, — то кому оставлю? За благо изобрѣлъ я сей тестаментъ тебѣ написать и еще мало подождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, извѣстенъ будь, что я тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангрéнный; и не мни себѣ, что ты одинъ у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину, како могу тебя, непотребнаго, жалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

Получивъ это письмо, Алексѣй бросился за совѣтомъ къ тайнымъ своимъ друзьямъ и въ томъ числѣ къ ближайшему изъ нихъ, дворецкому его тетки, царевны Марьи Алексѣевны, Александру Кикину, жившему не вдали отъ него, въ собственномъ домѣ, у Смольнаго двора. Друзья сказали: «Давай писемъ хоть тысячу, еще когда то что стрясется! Улита ѣдетъ, да коли-то будетъ! Это не запись съ неустойкою!» Алексѣй, помедливъ, отвѣтилъ отцу: «По погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, государь, вычелъ; на что иного донести не имѣю, только, буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны россійской, — буде по волѣ вашей, — о чемъ и я васъ, государь, всенижайше прошу. Всенижайшій рабъ и сынъ вашъ Алексѣй».

Второе письмо Петра сыну отъ 19 января было ...

ровѣе. На немъ значилось заглавіе: «Послѣднее напоминаніе еще». «Только о наслѣдствѣ вспоминаешь,—писалъ въ немъ отецъ сыну,—и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня; а что столько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Хотя бы и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ. Такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно. Или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ. На что дай немедленно отвѣтъ, на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобой какъ съ злодѣемъ поступлю».

Полученное шесть дней назадъ, это письмо еще болѣе взволновало и огорчило Алексѣя. Онъ снова поспѣшилъ къ Кикину.

— Да чего же ты сомнѣваешься, царевичъ?—сказалъ совѣтникъ.—Придетъ время и разстрижешься: клобукъ, вѣдь, не гвоздемъ къ головѣ прибитъ!

Алексѣй на другой день отвѣтилъ отцу: «Милостивѣйшій государь-батюшка. Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать, за болѣзнію, не могу. Желаю монашескаго чина и прошу вашего о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй».

Перечтя письма, Алексѣй молча уложилъ ихъ обратно въ ларецъ и спряталъ его въ шкапъ. Онъ вспомнилъ опять о Смолокуровой. «Какъ я низокъ и гнусенъ, что такъ мало забочусь и думаю о ней!—мыслилъ онъ, прохаживаясь по комнатѣ.—Почти забылъ ее, а она теперь единственное мое счастье, вся отрада! И какъ она любитъ, какія грамотки пишетъ; умница, богобоязненна, хозяйственна и добра. Но давно не отзывается,—ужъ здорова ли?»

Алексѣй живо представилъ себѣ дальнѣйшія встрѣчи съ Афросиньей въ Вязёмахъ, чрезъ которыя онъ не разъ потомъ ѣздилъ на осмотръ новокупленной вотчины и гдѣ иногда оставался охотиться. Послѣ вечерни, когда онъ впервые увидѣлъ ее во дворѣ священника, онъ, ѣдучи съ борзыми по полю, неожиданно встрѣтилъ ее у опушки лѣса. Смолокурова собирала съ подругами грибы. Алексѣй заговорилъ съ нею, шутилъ. «Какія мы милыя, да красавицы, съ

такими-то ручищами! — усмѣхнувшись, отвѣтила она, показывая свои загорѣлыя, точно испеченныя на солнцѣ, руки.— Этакими только жать, да вязать снопы!» Случались и другія встрѣчи, за околицей, на дорогѣ, у мельницы на рѣкѣ. Царевичу приходилось вскорѣ возвращаться изъ Порѣчья въ Петербургъ. Вязёмовскій священникъ въ ту пору отлучился въ Москву... Темною ночью, къ задворкамъ его усадьбы, подкатила телѣга. Бубенцы и колокольчикъ на лошадяхъ были подвязаны. Садомъ, въ огородъ, неслышно сошла попова питомка. Ее подхватили черезъ заборъ и усадили въ телѣгу. Лошади помчались. Ими правилъ въ кучерскомъ нарядѣ самъ царевичъ. Утромъ спохватились питомки,—ея и слѣдъ простылъ. Впослѣдствіи оказалось, что ее увезли, съ поклажей царевича, въ особой колымажкѣ, въ Москву. Здѣсь она нѣкоторое время скрывалась въ домѣ пріятеля царевича, Александра Васильевича Кикина, а потомъ навѣщала въ Петербургѣ своего брата, уже служившаго при дворѣ Алексѣя.

III.

Дверь въ кабинетъ изъ спальни отворилась. На ея порогѣ появился, радостно сіяющій, съ подносомъ въ рукѣ, камердинеръ.

— Что ты?—спросилъ его царевичъ.

— Отъ Александра Васильевича,—отвѣтилъ слуга, подавая на подносѣ письмо изъ Москвы:—коли что надо, наказалъ, писали бы; вечеромъ, молъ, опять въ вотчину оказія.

Алексѣй въ надписи на письмѣ узналъ четкій, прямой и крупный почеркъ Афросиньи.

— Ну, хорошо, ступай,—сказалъ онъ:—позову, когда надо.

Краска залила его лицо. Съ забившимся сердцемъ, онъ вскрылъ печать. На пакетѣ была надпись: «Государю моему, другу сердечному, царевичу Алексѣю Петровичу. Прійти близко, поклоннтеся низко, честь весело, быть радостну». Въ письмѣ было написано: «Государь мой батюшка, другъ желанный, царевичъ Алексѣй Петровичъ, здравствуй на много лѣтъ! Азъ же, по волѣ Божіей жива еще, по десятый день сего януарія. Не забудь, радость, любовь мою къ тебѣ, а во мнѣ духъ съ печали едва живъ. Охъ, другъ мой, любонька-свѣтъ! Съ ежечасной докуки свѣта Божьяго не вижу. Будь крылья у сироты у[illegible] прилетѣла бы. Ой, скучно, смерть моя! Милъ-[illegible] глазахъ.

И гдѣ прежнія веселыя восхищенія, гдѣ радости? Либо вызови, либо самъ пріѣзжай. Дай повидать свѣтлыя оченьки. Самъ не можешь, хоть вели, солнышко, ближнимъ по тайности отписати. Да пришли мою семиструнку. Ей, соскучилась, не на чемъ душеньку отвести. А я, писавши, остаюсь вѣрная твоя раба, женишка запретная Фроська, челомъ премного бью».

«Не запретная и не по тайности, — когда-нибудь все то обрѣтется и въ-явь!» —подумалъ царевичъ, пряча за пазуху письмо Смолокуровой. Онъ снова присѣлъ къ столу, досталъ бумаги, вырѣзалъ конвертъ, надписалъ на немъ: «Матушкѣ, хозяюшкѣ, любезнѣйшей Афросьюшкѣ. Прійти близко, поклонитеся низко, честь весело, принять радостно»—и подумавъ, съ разстановками, написалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Матушка Афросьюшка, другъ мой сердечный, здравствуй! О себѣ извѣствую, Божьею помощью такожде еще живъ, о твоемъ же здравіи непрестанно слышати желая. А что безгласна по се число была, ни единой грамотки не писала, и тѣмъ уязвися сердце мое печалью. Никто съ вотчины не писывалъ же, а иные съ домовъ непрестанно получаютъ. Ей, матушка, любонька, утѣшь, пожалѣй; не мало тяготы и смертныхъ докукъ отъ вышней стороны имѣемъ. Инако же не́ думаемъ, какъ объ увольненіи насъ отъ всѣхъ дѣлъ на покой, на наше съ тобою хозяйство. Какъ наши лебеди, павлины, гуси, живы ли? Какъ житный, скотный и конюшій дворы? такождe урожай каковъ вышелъ, варятъ ли брагу, меды? далъ ли Богъ уберечь улечковъ, пчелъ молодыхъ? Придетъ вешня пора, опиши все, сбережены ль пруды и какъ уродитъ всякій новый овощъ и хлѣба. Улетѣлъ бы я къ хозяюшкѣ. Вспомяни гулянье въ рощѣ. Возрѣвши кверху древа и видя гнѣздо и птичища, въ немъ сидяща, кому въ тѣ поры уподобила мя еси? малѣйшей птичицы хуже! У той—зелена, густа дубрава, у насъ сиротъ—скорбная тюрьма; у той — высота синь-небесная, воля — свѣтъ, намъ отъ родшаго ны — таковы печали, абы, случаю зовущу, не умрети безъ покаянія. И что́ нынѣ приводится: либо насильно пострищится, идти въ чернецы, либо таки на иноземной велятъ жениться. Только батюшка вершитъ свое, а Богъ свое. Попуститъ Богъ, женюсь, только по своей волѣ,—вить и батюшка таковымъ же образомъ учинилъ...»

Написавъ это, Алексѣй остановился и оглянулся. «Ну,

какъ кому изъ стороннихъ смотрѣльщиковъ попадутся эти строки?—подумалъ онъ,—пустяки! некому теперь смотрѣть и доносить. Отецъ съ осени ни когой сюда, со мной вовсе не говоритъ, а написавъ послѣднее свое напоминаніе, и окончательно махнулъ на меня рукой. Будь, что будетъ,—сердцу не преградить пути».

Алексѣй вспомнилъ просьбу Смолокуровой о присылкѣ ей въ Порѣчье лютни. Онъ снялъ послѣднюю со стѣны, отеръ съ нея пыль, тронулъ ея струны. Ему вспомнилась пѣсня, которую подъ эти струны пѣла Афросинья:

«Ахъ, сколь трудно человѣку
Жить безъ счастья въ младомъ вѣку!
О младыя мои лѣта,
Что дрожайша всяка цвѣта!
Коли пройдетъ цвѣтъ младости,
Не чаешь уже быть въ радости»...

— «Именно,—сказалъ себѣ Алексѣй:—на что и почести, сила и высокій санъ, коли нѣтъ счастья, нѣтъ радости?» Онъ снова склонился надъ бумагой и дописалъ: «Семиструнку твою, не безъ жалости, отсылаю, цѣлуя личико бѣлое, оченьки ясныя, рученьки и ноженьки. И пожалуй, матушка, не молчи, отписывай, а коли твоя воля на то, изволь безъ опаски и къ намъ побывать. Вышніе на-дняхъ паки отъѣзжаютъ къ арміи и надолго, и имъ, по всему видать, нынѣ не до насъ. За симъ, будь здорова, кланяюсь доловлонно. Писавый—другъ твой вѣрный, Алексѣй.»

Запечатавъ письмо, царевичъ позвалъ слугу, отдалъ ему пакетъ и лютню и велѣлъ немедленно отослать съ ѣздовымъ къ Кикину. «Да въ руки самому Александру Васильевичу, слышишь ли?—приказалъ онъ,—ему одному; не будетъ дома, чтобъ обождалъ».—«Не сомнѣвайтесь, ваше царское высочество!—отвѣтилъ слуга.—Недалекъ путь, самъ отнесу».

Алексѣй, съ облегченнымъ сердцемъ, опустился въ кресло. «Вѣрно написалъ я,—мыслилъ онъ,—батюшка вершитъ свое, а Богъ свое. Мало ли на что, по вынужденію, соглашаются? Ужли и вправду надѣть рясу и клобукъ, что Василію Шуйскому? Не попуститъ Богъ, руки коротки!»—Онъ вспомнилъ о забытомъ кофе, и только-что коснулся чашки, на улицѣ послышался звукъ барабана. Часовой у подъѣзда билъ тревогу. Царевичъ бросился къ окну
доумѣніи.

Караулъ у подъѣзда строился во фронтъ. Прохожіе на улицѣ снимали шапки. Со стороны Литейной неслись государевы сани. «Не ко мнѣ, вѣроятно, мимо, на прядильный дворъ,—подумалъ царевичъ,—не за чѣмъ ему сюда!» Сани, между тѣмъ, подкатили къ крыльцу. Отдавъ честь караулу, государь вышелъ изъ саней, отряхнулъ съ себя снѣгъ и сталъ подниматься на крыльцо. Совершенно растерявшійся Алексѣй нѣсколько секундъ не зналъ, что ему дѣлать. Опомнившись, онъ схватилъ съ полки и раскрылъ-было на столѣ еще осенью присланную отцомъ тетрадь пушкарныхъ чертежей, но раздумалъ, прилегъ на софу и, повторяя мысленно: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»—принялъ видъ недужнаго и страждущаго. Въ прихожей послышались знакомые тяжелые и твердые шаги. Они близились къ пріемной. «Гдѣ же онъ? здоровъ ли?»—громко спрашивалъ растерявшихся слугъ голосъ Петра.

Въ то утро, проснувшись, по обыкновенію, съ зарей и откинувъ занавѣску съ окна, государь навелъ подзорную трубу на противоположный берегъ Невы, гдѣ на окраинѣ Лѣтняго сада, рядомъ съ каменнымъ двухъэтажнымъ дворцомъ Екатерины, тогда строился новый флигель, очень заботившій Петра. Онъ самъ въ то время продолжалъ еще жить въ крошечномъ деревянкомъ дворцѣ, на Петербургской сторонѣ, гдѣ нынѣ часовня Спаса. Все его помѣщеніе состояло изъ маленькой пріемной, служившей вмѣстѣ и столовою, еще меньшей дежурной комнаты для адъютантовъ и ординарцевъ и кабинета, гдѣ государь и спалъ.

Дежурнымъ въ то утро состоялъ недавно возвратившійся изъ арміи, посланной противъ шведовъ, бывшій любимый государевъ денщикъ, нынѣ капитанъ гвардіи, Александръ Ивановичъ Румянцевъ. Ему было нѣсколько не по себѣ. Явясь, по привычкѣ, на дежурство до разсвѣта, онъ съ тревогой поглядывалъ на узенькую кабинетную дверь. Нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала дежурную комнату. Увидѣвъ на стулѣ у двери государевъ суконный зеленый кафтанъ, такіе же штиблеты и камзолъ, а на полу высокіе, съ раструбами, сапоги, Румянцевъ, не дождавшись камердинера, досталъ изъ шкапика въ углу комнаты ваксу и щетку, почистилъ государевы сапоги и принялся за его платье. Замѣтивъ отпоротый на камзолѣ позументъ и плохо держав-

шуюся на кафтанѣ пуговку, онъ отстегнулъ у себя лацканъ, гдѣ про запасъ всегда держалъ иглу, обмотанную ниткой, и, подсѣвъ къ свѣчкѣ, принялся штопать. «Вотъ она, его бережливость!—разсуждалъ онъ, закрѣпивъ пуговку и принимаясь чинить камзолъ.—Побывалъ я и въ Турціи, и въ Швеціи, сколько одежи истрепалъ, а онъ все одно и то же носитъ платье. Оно у него и будничное, и праздничное, — залоснилось на отворотахъ, стамедъ на подкладкѣ вытерся, а ему ничего, — о лучшемъ нарядѣ и не думаетъ. Хорошо еще, скупился бы на себя, да насъ не забывалъ бы... Куда! Зовемся ближними, видятъ по всѣ дни его царскую расположенность къ намъ, а въ домашнемъ обиходѣ совсѣмъ истончàли, живемъ скудно, чуть не въ бѣдности и послѣдней тѣснотѣ. Тридцать шестой годъ пошелъ, двѣнадцать лѣтъ несу службу и никакого состоянія; хоть бы деревнюшкой какой пожаловалъ или домомъ въ столицѣ. А того ли можно было, по близости къ цареву дому, ожидать?» Румянцеву вспомнилась первая его встрѣча съ царемъ.

Сынъ бѣднаго костромского дворянина, двѣнадцать лѣтъ назадъ записанный въ преображенскіе солдаты, онъ стоялъ на часахъ у только что отстроеннаго государева дворца. Петербургъ въ то время также едва возникалъ изъ болотъ. Былъ сильный, съ вѣтромъ, морозъ. Продрогнувшій до костей, въ неподбитомъ мѣхомъ плащѣ, широкоплечій и рослый, разрумяненный на морозѣ часовой, пожимаясь и постукивая ногой объ ногу, прохаживался у дворца съ ружьемъ на плечѣ. Государь былъ на постройкѣ верфи. Всѣ поглядывали на Неву; пушка давно пробила адмиральскій часъ. а государя еще не было. На льду показались, наконецъ. государевы сани. Завидѣвъ у крыльца статнаго, молодцеватаго солдата, Петръ подозвалъ его къ себѣ. «Какъ прозываешься?»—спросилъ онъ.—«Румянцевъ».—«Прозвище и лицо одной масти!—улыбнулся Петръ.—Коли нравъ и ревность къ службѣ не разнствуютъ отъ того жъ, быть тебѣ на отличіи... Имѣешь состояніе?»—«У отца двадцать душъ».—«Сильно озябъ?»—«Никакъ нѣтъ,—это что еще за морозъ! клюетъ только, не рветъ...»—«Шуба есть?»—«Въ деревнѣ у матушки осталась, — тутъ не до шубъ». — «Молодецъ!.. Смѣнишься, зайди къ Данилычу». Послѣ смѣны, явясь къ Меншикову, Румянцевъ былъ осчастливленъ двумя монаршими милостями: ему поднесли ——— собственной цар-

ской церковки и объявили, что государь изволилъ принять его, съ того же дня, въ ординарцы. За расторопность, честность и точность въ исполненіи множества ежедневныхъ порученій государя онъ вскорѣ былъ произведенъ въ сержанты гвардіи, за привозъ изъ Турціи извѣстія о мирѣ съ Портой — въ поручики и черезъ три года — въ капитаны гвардіи.

«Отличій, что и говорить, не мало, а жить, все-таки, нечѣмъ!—мыслилъ Румянцевъ, кончивъ штопанье государева платья и пряча иглу.—И сколько разъ жалобно печалился я ему; одинъ отвѣтъ: подожди! Ну, да, Господь дастъ, скоро авось оправимся. Отецъ наѣхалъ, сватаетъ богатую невѣсту. Только какъ и съ этимъ рѣшиться, не объявясь царю?»

IV.

Бережно сложивъ на стулъ государеву одежу и видя, что начало разсвѣтать, онъ загасилъ щипцами свѣчу. Вскорѣ за дверью послышались шаги государя въ туфляхъ. Румянцевъ, по привычкѣ, каждую минуту угадывалъ, что̀ въ извѣстную пору дѣлалъ государь. «Вотъ онъ откинулъ занавѣски у оконъ, умывается,—думалъ онъ.—Теперь умылся, чешется. скоро возьметъ одежу, станетъ молиться». И точно, дверь пріотворилась, въ нее просунулась мускулистая, волосатая рука государя: Петръ самъ взялъ платье и сапоги. Слышно было, какъ молча постоялъ, очевидно, молясь, и присѣлъ къ рабочему столу. Прошло съ полчаса. Послышался стукъ отодвинутаго стула; зазвучало точильное колесо. «Точитъ костяное паникадило,—скоро выйдетъ!»—сказалъ себѣ Румянцевъ, бросаясь въ столовую, взглянуть, — все ли тамъ припасено. Дверь отворилась.

— А это ты, Иванычъ?—произнесъ Петръ:—и, кстати, есть дѣло къ тебѣ. Готова ли закуска?

— Готова, ваше величество.

Петръ направился къ столовой. Румянцевъ у ея порога упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Что ты?—удивился государь.

— Много, превыше заслугъ, твоею милостью, государь, почтенъ, только не осуди за правое слово.

— Въ чемъ дѣло?.. Встань, говори.

Петръ вошелъ въ столовую, Румянцевъ за нимъ.

— За твои милости, великій государь, до конца дней буду

молить Бога о твоемъ здравіи,—сказала онъ, подносся Петру флягу тминной.—Люди мы только, прости, мелкотравчатые, малопомѣстные, жить въ скудости и бѣдности тяжело. За что попускаешь терпѣть недостатки?

— Учись, братецъ, терпѣнью, продолжай отличаться по службѣ,—произнесъ Петръ, выпивая тминной и закусывая ее кренделемъ,—придетъ время, рука моя развернется, посыплются и на тебя всякіе земные дары и блага.

— Казна у тебя, батюшка царь, не богата,—продолжалъ Румянцевъ:—много про нея нуждъ, а насъ, просящихъ, у тебя еще того больше... Есть, государь, иной способъ...

— Какой?

— Родитель сватаетъ мнѣ богатую невѣсту; назначена и вечеринка для смотринъ и сговора.

— Сколько за невѣстой приданаго?

— Тысяча душъ.

— Чьихъ будетъ невѣста?

— Племянница Кикина.

— Какого?

— Александра Васильевича.

— Но у него свои дѣти, почему такъ награждаетъ племянницу?

— Ея мать была изъ богатыхъ, родная сестра жены Кикина, у нихъ сирота и выросла.

Петръ помолчалъ.

— Нравится дѣвка тебѣ?—спросилъ онъ:—видѣлъ ты ее? хороша-ль?

— Не видѣлъ, государь, не утаю; а сказываютъ, не дурна и не глупа.

— Такъ съ чего жъ тебѣ за нее свататься? ужли потому только, что коза съ золотыми рогами?

Румянцевъ смѣшался, подыскивая, что отвѣтить государю.

«Кикинъ,—съ досадой думалъ тѣмъ временемъ Петръ,— сынку моему тайный доброхотъ и радѣлецъ во всѣхъ его непотребствахъ; смекнулъ, видно, что царскому ординарцу легче, чѣмъ иному, дойти до первыхъ степеней, и затѣялъ сбыть свою родню».

— Вотъ тебѣ, Румянцевъ, мое рѣшеніе,—сказалъ государь, вставая изъ-за стола.—Вечеринкѣ и смотри почему не быть, дозволяю,—отъ сговора же [illegible] медли, удержись... Когда назначена вечерин

— Завтра.

— Простая или какъ быть слѣдуетъ, съ музыкой и танцами, ассамблѣя?

— Ассамблѣя.

— Отлично. Дай сейчасъ знать Кикину, я и самъ буду у него на смотринахъ; и коли невѣста тебѣ пара, не стану перечить браку и твоему счастью.

Румянцевъ низко поклонился.

— А вотъ и кстати,—сказалъ Петръ, увидя въ окно готовыя сани у крыльца,—ѣдемъ вмѣстѣ; мнѣ къ Литейной, и тебѣ туда же,—подвезу.

Румянцевъ сталъ на запятки государевыхъ саней. Осмотрѣвъ постройку у Лѣтняго сада, Петръ на Литейной ссадилъ Румянцева, а самъ, повернувъ на Шпалерную, остановился у дворца Алексѣя.

— Что же и впрямь хвораешь?—спросилъ онъ, войдя къ сыну и видя, что тотъ, унылый и блѣдный, лежитъ на софѣ.

— Недуженъ, государь-батюшка,—отвѣтилъ, поднявшись и кланяясь, Алексѣй.

Петръ зорко осмотрѣлъ его, приподнялъ его волосы, коснулся лба и взялъ его руку.

— Жара не слышно, пульсъ умѣренный, лихоманки, стало-быть, нѣтъ,—въ чемъ же немочь, скажи?

Сынъ молчалъ. Отецъ взглянулъ на столъ.

— Чертежи разсматривалъ, — произнесъ онъ: — сдѣлалъ ремарки?

— Прости, государь, за хворостью, не успѣлъ.

Петръ покачалъ головой.

— Все некогда?—сказалъ онъ.—Мы къ обѣднѣ—тамъ отпѣли, мы къ обѣду—тамъ отъѣли, мы въ кабакъ—только такъ... Вѣрно ли говорю?

Увидя на полкѣ духовныя, въ почернѣлыхъ переплетахъ, книги, Петръ взялъ одну изъ нихъ, разогнулъ и сталъ просматривать.

— Ужли и впрямь готовишься,—спросилъ онъ:—слушая своихъ бородачей, подъ клобукъ?

Алексѣй молча переступилъ съ ноги на ногу.

Петръ бросилъ книгу на столъ и опустился въ кресло.

— Слушай, Алёша, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:—сядь и обдумай, что̀ скажу.

Царевичъ сѣлъ, противъ отца, на софѣ.

«Боже Господи, — съ радостно-забившимся сердцемъ подумалъ онъ,—Алёшей, какъ въ дѣтствѣ, назвалъ! Алёшей, вмѣсто ненавистаго, нѣмецкаго Зоона, и такъ добродушно... неужели привезъ прощеніе и забвеніе всему?»

— Ой, черноризцы, попы, бородачи,—корень всякому злу!—началъ Петръ. — Не научатъ они тебя, любезный, добру, помяни меня; ученіе въ этихъ книгахъ свѣтло, да душа-то ихъ и сами они черны, какъ переплетъ. Къ намъ приставлено по одному бѣсу, къ нимъ по семи. Скажи мнѣ, только откровенно, не картавя, безъ удобо-вымышленныхъ аргументовъ и лживыхъ рацей, — почему въ столь ранніе годы предпочитаешь ты живому, бодрящему дѣлу монашескій чинъ?.. Одни мы, никто насъ не слушаетъ, говори...

Государь всталъ, заглянулъ въ пріемную и въ опочивальню сына, заперъ обѣ двери и снова сѣлъ.

— Батюшка, — отвѣтилъ царевичъ, — дѣло простое: не всякому подъ силу тяжелый трудъ, тѣмъ паче воинское поведеніе.

— А меня, Алёша, тебѣ не жаль?—произнесъ Петръ.— Ты обученъ всему, получилъ доступъ къ умнымъ книгамъ, я же во младости былъ лишенъ не только дѣльныхъ наставниковъ, но и книгъ... Не взирая на то, поднялъ я непомѣрное бремя на плечи, отечество отъ прежнихъ азіатскихъ обычаевъ ввелъ въ Европу, и вездѣ одинъ, одинъ, какъ перстъ. Давно говорю тебѣ и всѣмъ вамъ,—лѣвшей не владѣю, въ одной же рукѣ держать шпагу и перо возможно ли, а помощниковъ вѣрныхъ, самъ знаешь, ни одного... Да хотя бы и были, развѣ они то же, что родной сынъ?

Слезы навернулись на глазахъ Алексѣя. Онъ дышалъ тяжело.

— Батюшка, помилуй,— сказалъ онъ, схвативъ руку отца и покрывая ее поцѣлуями.—Не велишь изъ жалости въ монахи, не принуждай къ дѣламъ, коихъ недостоинъ и не осилю,—отпусти, уволь отъ всего.

— Какъ уволить?—спросилъ, нахмурясь, Петръ.

— Въ деревнишки мои, на хозяйство,—отвѣтилъ, не выпуская руки отца, царевичъ.—Нынѣ Господь далъ мнѣ брата, у васъ второй есть сынъ, до его возраста управятъ другіе; дай вѣкъ въ тихости прожить, простымъ человѣ

Въ глазахъ Петра сверкнулъ гнѣвный огонь. Уголъ его рта, съ подстриженнымъ усомъ, судорожно задвигался.

— Это откуда,—вскрикнулъ онъ, вырвавъ отъ сына руку,— подсказано? Пароль суздальской чернохвостницы? Глупъ ты, Алексѣй; двадцать шесть лѣтъ тебѣ, а ты какъ птица желтоносая, безпёрая, все въ чужой ротъ смотришь. Эй, остерегись слушать льстивую, древнюю змѣю и всѣхъ черныхъ воронъ, старцевъ да поповъ, ея приспѣшниковъ и вѣрныхъ слугъ. Ну, да ты правды не скажешь и не сознаешься. Впослѣдствіи самъ доподлинно узнаешь ихъ скрытую прелесть и клевретные поступки. Не даромъ, поймешь, пошелъ я, съ костылемъ Грознаго, на всѣхъ этихъ безчинниковъ и ихъ крамолу. У исторіи ротъ незатворенный,—потомство узнаетъ все.

Петръ замолчалъ, стараясь утишить поднявшееся въ немъ негодованіе. Царевичъ обсуждалъ, сказать ли отцу завѣтную свою мысль объ Афросиньѣ. «Мы съ нимъ на одной стезѣ поставлены судьбой,—мыслилъ онъ,—подобно ему, и я полюбилъ плѣнницу, только онъ нѣмку, я русскую, онъ при живой женѣ, я вдовый. Кто изъ насъ болѣе правъ?»

— Такъ что же ты скажешь, чѣмъ окончательно рѣшишь?—спросилъ Петръ.—Черезъ три дня ѣду въ Копенгагенъ, хочешь ли быть мнѣ помощникомъ, или, въ стыдъ и досаду отечеству, на самомъ дѣлѣ примешь монашескій чинъ? Ужели царевичу, моему сыну, быть въ нѣтѣхъ?

Алексѣй склонилъ голову. «Не согласится отецъ, — мыслилъ онъ,—еще отъ гнѣва разразится въ конецъ, изведетъ неповинную».

— Позволь, государь, постричься, — отвѣтилъ онъ, кланяясь въ поясъ. — Въ томъ мое рѣшеніе, коли позволишь, нерушимо.

Петръ, медленно выпрямляясь, всталъ. «Вотъ оно, Авдотьино сѣмя, упорный заклятой родъ Милославскихъ, вотъ оно! — подумалъ онъ, съ горечью глядя на сына. — Да не будетъ потачки лицемѣрамъ и всякому ихъ дурну и злу! Малаго обошли, опутали черные пауки... Надо дать время; авось самъ комаръ вырвется изъ ихъ паутины».

— И это твое послѣднее слово?—спросилъ государь.

Алексѣй молча поклонился.

— Прощай же! Дѣло важное, одумайся, не спѣши. Мое мнѣніе—лучше взяться за открытую, прямую дорогу, чѣмъ

въ столь молодые годы идти въ чернецы. Я же не забылъ, что тебѣ отецъ, а потому вотъ тебѣ и мое послѣднее слово: буду ждать окончательнаго твоего рѣшенія, отъ сего дня, еще полгода.

Петръ надѣлъ шляпу, обнялъ сына и направился къ выходу.

— Кстати, — сказалъ онъ, одѣвшись и спускаясь съ крыльца къ сѣнямъ: — у насъ скоро быть помолвкѣ, твой пріятель Кикинъ племянницу сватаетъ.

— За кого, батюшка?

— За капитана Румянцева; не былъ бы ты въ траурѣ, вмѣстѣ бы поѣхали, — я же завтра на смотринахъ буду.

«Вотъ удивительно, — подумалъ царевичъ, — отецъ собирается къ Кикину: знать не къ добру».

Проводивъ государя, Алексѣй медленно возвратился въ кабинетъ, постоялъ передъ столомъ и упалъ, горько рыдая, на софу. «Молодые годы!.. прямой путь!—мысленно повторялъ онъ, ухватясь за голову.—Но если бы точно все это говорилъ отецъ, если бы онъ по правдѣ любилъ меня, ужли для молодости, для счастья родного сына онъ не уважилъ бы его искренней, душевной мольбы?»

V.

На другой день была ассамблея у Кикина. Гостей съѣхалось много. Кромѣ радушія привѣтливыхъ и умныхъ хозяевъ, всѣхъ привлекала вѣсть, что на ихъ вечеринкѣ будетъ самъ государь.

Александръ Васильевичъ Кикинъ двадцать лѣтъ назадъ, въ числѣ другихъ волонтеровъ, былъ при великомъ посольствѣ съ Петромъ въ Голландіи, гдѣ съ товарищами учился кораблестроенію. Вернувшись оттуда, въ званіи мачтъ-макера, онъ состоялъ на верфяхъ въ Воронежѣ и Олонцѣ. Въ чинѣ адмиралтействъ-совѣтника онъ снова побывалъ въ чужихъ краяхъ. По кончинѣ отца, получивъ изрядное наслѣдство, онъ сталъ проситься на покой, но не былъ уволенъ. Это было началомъ его охлажденія къ Петру. Назначенный состоять при дворѣ царевны Маріи Алексѣевны, Кикинъ, кромѣ дома, невдали отъ двора Меншикова, на набережной Васильевскаго острова, построилъ себѣ еще домъ, на Невѣ, у Смольнаго двора. Здѣсь онъ [illegible] семьей.

Перейдя въ рядъ тайныхъ недоброжелателей Петра, Кикинъ, и въ первые годы близкой службы при немъ, не вполнѣ одобрялъ ломки царемъ всего стараго, освященнаго обычаями вѣковъ. Отъ природы набожный, строго соблюдавшій посты и всѣ прочіе церковные обряды, онъ въ домашней жизни охотно допускалъ непротивные догматамъ отцовской вѣры европейскіе обычаи — вечеринки, музыку, танцы.

Ассамблея у Кикиныхъ была въ полномъ разгарѣ. Шли угощенія сластями и виномъ. Пожилые играли въ карты и шахматы. Танцы, въ ожиданіи царя, нѣкоторое время не начинались; но въ виду того, что государь не любилъ, чтобы имъ гдѣ-либо стѣснялись, хозяева дали знакъ музыкантамъ и молодежь пустилась въ плясъ. Гавоты смѣнялись менуэтами. Румянцевъ, познакомясь съ дѣвушкой, которую ему сватали, танцовалъ съ нею нѣсколько разъ, все поглядывая на входную дверь, гдѣ толпившаяся прислуга любовалась танцующими, разряженными въ пышныя робы дамами и дѣвицами. Вечеринка кончилась; ни хозяева, ни гости государя не видѣли. Впослѣдствіи только стало извѣстно, что уже въ концѣ вечеринки, когда подпившіе старики крикнули «русскую» и двое изъ лучшихъ гвардейцевъ-плясуновъ, выйдя на средину залы съ своими дамами, стали танцовать,—нежданно подъѣхавшій государь вошелъ въ переднюю, протискался между слугъ, поглядѣлъ изъ-за нихъ на гостей и, проговоривъ вполголоса: «Неважно! ничему не бывать!»—уѣхалъ.

На утро Петръ призвалъ Румянцева.

— Былъ я, братецъ, у Кикиныхъ,—сказалъ онъ ему:—на-короткѣ, а все видѣлъ; невѣста тебѣ не пара и о бракѣ съ нею позабудь. Ты вонъ какой молодецъ, и ростомъ взялъ, и красой, а она хоть и умильна, — отнять того нельзя,—но сухощава больно и мелка, въ родѣ, извини, какъ бы воробушекъ.

Румянцевъ нахмурился. «И какое ему дѣло, — подумалъ онъ, — вмѣшиваться, такъ разбирать? Одно ясно видно, не хочетъ онъ допустить просвѣтленія моей участи, даже и черезъ женитьбу».

— Печалишься, недоволенъ?—спросилъ Петръ. — Успокойся, я твой сватъ; найду и высватаю тебѣ получше. Приходи вечеромъ сегодня, увидишь, правду ли говорю.

Въ тотъ же день вечеромъ Румянцевъ снова явился къ государю.

— Вчера черезъ тебя я попалъ на одну вечеринку, — сказалъ ему Петръ: — сегодня самъ тебя свезу на другую. Домъ, куда поѣдемъ, не Кикинымъ чета. Тамъ будутъ дѣвушки иныя: выбирай любую, какая приглянется, — отказа черезъ меня не получишь.

Государь и Румянцевъ поѣхали въ домъ графа Матвѣева, на Луговую.

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ любимѣйшимъ изъ пособниковъ Петра. Сынъ знаменитаго боярина, Артамона Сергѣевича, у котораго царь Алексѣй нѣкогда высмотрѣлъ и посваталъ за себя Наталью Кирилловну Нарышкину, мать Петра, — Андрей Артамоновичъ свои дѣтскіе годы провелъ, при царѣ Ѳеодорѣ, въ ссылкѣ, въ Пустозерскомъ монастырѣ, гдѣ изгнанники жили въ нуждѣ и въ холодѣ, безъ печи и безъ хлѣба. Съ воцареніемъ Петра, Андрей Артамоновичъ былъ назначенъ двинскимъ воеводой, потомъ состоялъ посломъ въ Голландіи, Франціи, Англіи и Австріи. Пожалованный, два года назадъ, графомъ, сенаторомъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ плѣнялъ своимъ широкимъ и щедрымъ хлѣбосольствомъ.

Обширный каменный домъ графа Матвѣева, близъ адмиралтейства, на Луговой, состоялъ болѣе чѣмъ изъ тридцати комнатъ. Къ дому, сквозь каменныя ворота, съ дворянскимъ гербомъ на щитѣ, вела аллея изъ липъ и березъ. Стѣны столовой палаты въ домѣ были обиты нѣмецкими золочеными кожами. Передній уголъ въ ней и часть прилегающихъ къ нему стѣнъ были унизаны иконами, въ дорогихъ окладахъ, съ висящими передъ ними лампадами. На прочихъ стѣнахъ висѣли, въ рѣзныхъ деревянныхъ рамахъ, «персоны» царей Іоанна Васильевича Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, также французскаго Людовика XIV и шведскаго Карла XII. Окна въ столовой были въ два пояса, верхнія изъ нихъ по стекламъ расписаны сквозною живописью, фигурами красивыхъ женщинъ и воиновъ. На срединѣ полотнянаго, крытаго голубою краской, потолка золотомъ было изображено солнце, съ лучами, и во[illegible] созвѣздія и планеты. Изъ средины солнца [illegible]

опускалось костяное паникадило, о четырехъ поясахъ, съ шестью свѣчами въ каждомъ. Въ простѣнкахъ между оконъ висѣли зеркала въ точеныхъ деревянныхъ, посеребренныхъ и черепаховыхъ рамахъ. Скамьи и стулья были обиты синимъ сукномъ. На полкахъ и особыхъ поставцахъ красовалась старинная, серебряная и золотая посуда, — кубки, братины, кружки и ковши съ чеканенными на нихъ крылатыми геніями, деревьями и цвѣтами.

Въ пріемной-гостиной палатѣ окна были также въ два пояса, но на верхнихъ, вмѣсто фигуръ, были изображены сады и поля. Здѣсь былъ большой, на ножкахъ, голландскій изразцовый зеленый каминъ. На немъ стояли часы съ боемъ, и въ нихъ, вмѣсто маятника, амуръ, качавшійся на качели, подъ стекляннымъ колпакомъ. Стѣны гостиной палаты были обиты красным сукномъ, внеремежку съ холщевыми шпалерами, изображавшими морскіе виды и корабли. Съ потолка гостиной, на проволокѣ, съ хрустальными прорѣзями, спускались три хрустальныя люстры. Стулья и лавки здѣсь были обиты косматымъ бархатомъ и бухарскими коврами. Въ углу, на деревянномъ станкѣ, стоялъ нѣмецкій органъ. На стѣнѣ, противъ оконъ, висѣли три голландскія картины, съ библейскими изображеніями: Судъ Соломоновъ, Давидъ и Голіаѳъ и прекрасная Сусанна у купели; на полкахъ подъ ними были разставлены разныя вещи: шкатулки съ янтарною и костяною отдѣлкой, кувшинцы, сулей и чащки черепаховыя, фарфоровыя и алебастровыя, и костяныя фигурки, а по бокамъ полокъ висѣло древнее оружіе: мечи и кинжалы съ серебряною и финифтяною насѣчкой, обухи, пищали, протазаны, кульчуги, луки и топоры. Изъ пріемной одна дверь вела въ бильярдную, другая — въ библіотеку. Здѣсь въ фигурчатыхъ шкапахъ, вывезенныхъ хозяиномъ изъ Лондона и Вѣны, за стеклами, хранилось собраніе иностранныхъ изданій и русскія книги, по духу времени, большею частью церковныя: *Руно одушевленное*, *Евангеліе толковое*, *О благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ*, *Патерикъ печерскій*, *О титлѣ отца Христова*, *Объ антихристѣ* и пр. Но были здѣсь и свѣтскія: *Риѳмотворная*, *Право или уставы Галанскія земли*, *О гражданскомъ житіи и направленіи всѣхъ дѣлъ, яже надлежитъ народу* и *Како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ мать кесарева хотя погубити.*

Едва смерклось, дворъ графа Матвѣева освѣтился плошками и фонарями. Съ шести часовъ вечера начался съѣздъ гостей. Въ ворота то и дѣло въѣзжали шестерками и четверками, на полозьяхъ и колесахъ, колымаги, берлины и открытыя калѐши. Государь пріѣхалъ въ семь часовъ. Встрѣченный музыкой, онъ хозяиномъ и хозяйкой былъ проведенъ въ театральную палату, гдѣ дожидались уже всѣ гости. Здѣсь, по знаку хозяина, въ глубинѣ комнаты раздвинулась занавѣсь и на подмосткахъ, убранныхъ живыми растеніями, собственными актерами графа, изъ его дворовыхъ слугъ, была разыграна въ переводѣ комедія Мольера *Докторъ принужденной*, съ веселою интермедіей *О гаеръ, шляхтичъ, цыганъ, купецъ и двухъ молодкахъ*. Между дѣйствіями, гостямъ разносили вина, пуншъ и сласти.

По окончаніи представленія, начались танцы. Шведскій оркестръ духовыхъ и струнныхъ музыкантовъ игралъ съ разубранныхъ хоръ. Танцовали въ двухъ смежныхъ залахъ.

Бесѣдуя съ моряками, сенаторами и дипломатами, Петръ не спускалъ глазъ съ Румянцева. Изрѣдка онъ подзывалъ его къ себѣ.

— Что, Иванычъ, находишь по сердцу? — спрашивалъ онъ его:—нравится кто-нибудь?

— Глаза, государь, разбѣгаются, только не нашего все полета... гдѣ низменной синицѣ сравняться съ соколами, съ орлами?

— Полно, братецъ, не дешеви себя, приглядывайся.

Въ концѣ вечера, когда у гостей и у самого государя глаза стали особенно веселы отъ безпрестанно разносимыхъ гданскихъ, токайскихъ и иныхъ винъ, государь всталъ изъ-за стола, за которымъ игралъ въ карты съ Долгоруковымъ, Ягужинскимъ и Апраксинымъ, и подозвалъ къ себѣ Румянцева. Онъ приблизился съ нимъ къ залѣ, гдѣ оживленныя пары танцующихъ только-что кончили веселую, шумную куранту, и, медленно двигаясь въ менуэтѣ, то присѣдали другъ передъ другомъ, то плавнымъ шагомъ отходили и, снова присѣдая, сближались и кланялись.

— Приглянулась, нашелъ?—спросилъ Петръ Румянцева.

— Прости, государь! Что̀ вижу,—неприступно, что̀ нравится—и думать страшусь.

— Ну, а эти три? — указалъ государь на среднее

противъ котораго, съ морякомъ и гвардейцами, танцовали три дѣвушки.

Румянцевъ зналъ ихъ. То были бѣлокурыя княжны Шелешпанская и Щетинина и черноволосая дочь хозяина дома, графиня Матвѣева. «Неужели могу мыслить объ одной изъ этихъ? — подумалъ, замирая отъ волненія, Румянцевъ.—Нѣтъ, царь только испытываетъ, шутитъ, послѣ самъ засмѣетъ... У каждой за полмилліона приданаго. Отцы же ихъ, за дерзость одного помысла, опозорятъ, разнесутъ!»

— Что же молчишь?—спросилъ, пристально вглядываясь въ красавицъ, Петръ.

— Умъ цѣпенѣетъ, не смѣю и взора поднять.

— А ты подними, пріударь! — усмѣхнулся Петръ. — Съ малыми, да храбрыми батальонами не такія еще фортеціи берутъ. Вотъ хоть бы княжна Щетинина, да и графинюшка Марья Андреевна... отчего бы тебѣ не просить ихъ въ пару?.. Музыка перемѣнилась; ну-ка, не плошай, — начинаютъ гавотъ...

Государя ждали у карточнаго стола. Ему была очередь сдавать. Онъ возвратился туда. Продолжая игру, онъ видѣлъ, однако, что Румянцевъ, какъ вкопанный, оставался на мѣстѣ, слѣдя за танцующими, и не пригласилъ ни Шелешпанской, ни Матвѣевой. «Храбрецъ по этой части, видно, не изъ смѣлыхъ, — подумалъ Петръ. — Надо инымъ путемъ».

«Шутитъ государь или правду говоритъ? — терялся, въ то же время, въ догадкахъ Румянцевъ. — И неужели дѣло идетъ и онъ намекалъ о графинѣ Марьѣ Андреевнѣ? Нѣтъ, это несбыточно, невозможно!» Краска выступила на его лицѣ. Облокотясь о притолокъ двери, онъ пристально вглядывался въ высокую и стройную, черноглазую красавицу, со вздернутымъ носикомъ и приподнятою верхнею губой, обнажавшею при улыбкѣ бѣлые и острые, какъ у бѣлки, зубы. Онъ все забылъ, музыку, ярко-освѣщенный залъ и танцы, помня одно—эти пышные, черные волосы, вздернутый носикъ и бѣлые, сверкающіе зубы.

VI.

Музыка разомъ затихла, танцы прекратились. Гостей звали ужинать. Къ государю подошли хозяинъ и хозяйка.

Они, съ низкими поклонами, пригласили его откушать въ цвѣточную, носившую названіе зимняго сада. Петръ прошелъ туда съ немногими изъ приближенныхъ. Румянцевъ удостоился также ужинать съ государемъ. Не любившій вообще гдѣ-нибудь долго сидѣть, Петръ и здѣсь то и дѣло вставалъ, обходя ужинающихъ. Съ бокаломъ вина, а то и съ крылышкомъ недоѣденной дичи въ рукахъ, онъ одного изъ сотрапезниковъ уговаривалъ выпить налитый хозяиномъ ему, какъ и прочимъ, ковшъ аликанте; другому приказывалъ, при общемъ смѣхѣ, разсказать, какъ онъ нѣкогда былъ пойманъ и уличенъ своею женой въ тайной любовной авантюрѣ; третьяго заставлялъ осушить, присужденный, по примѣру царскихъ ассамблей, общимъ приговоромъ пирующихъ, за молчаливость, уныніе и скуку, огромный кубокъ мальвазіи.

Среди ужина, въ цвѣточную, двумя слугами, на серебряномъ блюдѣ, былъ внесенъ и поставленъ на столъ огромный, обложенный цукатами и облитый вареньемъ и ромомъ, пудингъ. Едва слуги отошли отъ стола, пудингъ распался, изъ него выскочили карликъ и карлица, одѣтые пастушками, и, подъ музыку изъ залы, начали тутъ же, на столѣ, между тарелками и бокалами, плясать менуэтъ. Веселью пирующихъ не было конца. Послѣ пирожнаго принесли корзину глиняныхъ трубокъ съ табакомъ. Дымъ поднялся коромысломъ. Разговоръ сталъ шумнѣе. Начались споры, даже перебранки хмельныхъ. Государь, куря трубку, всѣхъ подзадоривалъ. «Какой ты слуга? я вѣрнѣе тебя! — кричалъ, стуча по столу, сенаторъ Бутурлинъ сенатору Юшкову. — Васъ на алтынъ мѣняли!» — «По-нѣмецки пьешь, выпьемъ по-московски!—твердилъ Салтыковъ Стрешневу,— вотъ какъ, видишь?—вотъ!» — «Древнему другу и благодѣтелю! въ поминанье старыхъ благъ!»—обращался Головинъ къ Писареву.—«Маменька, другъ мой! вотъ какъ люблю!»— отвѣчалъ совсѣмъ растроганный Писаревъ. Раздался звонъ разбитой кѣмъ-то посуды. Всѣ хохотали, говорили безъ умолку. Кто-то, желая обнять сосѣда, полѣзъ къ нему черезъ столъ и сапогомъ попалъ прямо въ блюдо съ пирожнымъ. Кого-то за руки, а наконецъ и за воротъ оттаскивали отъ зеркала, которое [illegible] разбилъ головой, принявъ его за дверь...

Среди общаго шума, гама [illegible] го-

сударь, какъ видѣлъ Румянцевъ, былъ, по обыкновенію, свѣжъ и бодръ. Онъ всталъ изъ-за стола и, съ коротенькою голландскою трубкой въ зубахъ, прошелъ съ графомъ Матвѣевымъ въ сосѣднюю комнату. «О чемъ онъ съ нимъ бесѣдуетъ?»—размышлялъ Румянцевъ, глядя въ раскрытую дверь на Петра. Лицо государя казалось озабоченнымъ. Онъ то вынималъ изо рта трубку, поправлялъ въ ней пепелъ и разсматривалъ лѣпныя на ней изображенія, то опять порывисто курилъ.

— Завтра ѣду въ Копенгагенъ, — сказалъ онъ Матвѣеву: — а душа неспокойна, — царевича все сбиваютъ; имѣю несомнѣнный суспѣтъ на стороннихъ, и чего боялся паче всего—связей съ Суздалемъ, съ тамошнею моею черницей,—то, кажется, какъ разъ и дѣйствуетъ.

— Въ чемъ же твои подозрѣнія, государь?

— Умру, все погибнетъ и, вмѣсто славы, пойдетъ у насъ одно безславіе.

— Не понимаю, прости,—произнесъ Матвѣевъ.

— Алексѣя, скажу тебѣ, склоняютъ, по примѣру матери, также въ монастырь, — связь понятна... По кончинѣ моей оба скинутъ черныя рясы, облекутся въ иныя одежды и все повернутъ по-своему.

— Въ такомъ разѣ не соглашайся, батюшка, не давай своего благословенія, — и кто же противъ воли твоей пойдетъ?

Петръ положилъ трубку на столъ.

— Въ томъ-то и ловушка, самъ я ему, какъ вдовцу и лѣнивцу, въ острастку, предложилъ монашество, — сказалъ онъ:—а простака, видимо, научили, онъ и согласился, проситъ постриженія. Одинъ путь—Алешѣ жениться бы снова на здоровой, доброй бабѣ. Не знаешь ли подхожей какой, изъ видѣнныхъ тобою, опять-таки иноземныхъ, не худородныхъ принцессъ?

— Не мало пожелали бы съ вашимъ величествомъ породниться, на какую только страну изволишь бросить взглядъ.

Петръ подумалъ, прислушиваясь къ цвѣточной, откуда, попрежнему, неслись веселые голоса пирующихъ.

— Эта метерія еще терпитъ, теперь объ иномъ,—сказалъ онъ, положивъ руку на плечо Матвѣева,—выражусь прямо, безъ утайки... Одно сватанье въ сторону, другому, надѣюсь,

пособишь; у тебя, Андрей Артамоновичъ, невѣста, я къ тебѣ привезъ жениха.

Матвѣевъ растерянно взглянулъ на государя.

— Твоя дочь, Марьюшка, — ты знаешь, какъ я къ ней расположенъ,—продолжалъ Петръ:—умна, мила, привѣтлива; но, извини, по молодости, легкомысленна... да, да, не смущайся, это вѣрно! Ее надо выдать за такого, кто любилъ бы ее, но, притомъ, держалъ бы въ рукахъ...

— Развѣ, ваше величество, что за нею замѣчено? или проглядѣла глупая, слабая мать? Да я ее, негодницу, если въ чемъ провинилась, разражу, собственными руками убью...

— Успокойся, не стоитъ; лучшая, братецъ, исправка дѣвичьяго нрава — вѣнецъ, и я потому-то у тебя нынче и сватомъ...

— Много чести, великій государь; но кто, извини, выбранъ тобою?

— Вонъ онъ, у края стола,—указалъ государь въ цвѣточную на Румянцева,—этого предлагаю въ женихи твоей Марьюшкѣ; просимъ честью, не осуди жениха и свата.

Матвѣевъ сталъ бѣлѣе стѣны. Его грудь дышала тяжело; въ опущенныхъ глазахъ проступили слезы. «Какое униженіе и какой стыдъ!—мыслилъ онъ, не помня себя,—мелкопомѣстный дворянчикъ, изъ самыхъ бѣдныхъ, и это женихъ моей графинюшкѣ! За что такая немилость?»

— Ты недоволенъ, вижу, сватовство не по тебѣ?—спросилъ Петръ. — Говори прямо: считаешь его недостойнымъ твоей дочери и тебя?

— Затрудняюсь, великій государь... Тебѣ повелѣвать, намъ слушать и покоряться.

— Не ладно говоришь, Артамоновичъ, — не приказую и не насилую твоего рѣшенія... А только помни, этотъ слуга изъ близкихъ мнѣ, и я люблю его, какъ любилъ и тебя; ты за труды сенаторъ, министръ и графъ,—отъ меня, отъ моей милости, самъ ты знаешь, зависитъ и его сдѣлать счастливѣйшимъ между вами, превознести выше всѣхъ. Не знатенъ, не богатъ теперь, будетъ богатъ и знатенъ черезъ часъ.

Матвѣевъ молчалъ. Потъ крупными каплями падалъ съ его лица на расшитый золотомъ кафтанъ.

— Что же скажешь? согласенъ?—спросилъ Петръ.

— Весь въ твоей милости,—о[illegible] Матвѣевъ.—Необиженъ тобою донынѣ.

— Отлично, Артамонычъ,—сказалъ, обнявъ его и цѣлуя, Петръ.—Дѣло, значитъ, слажено; только заповѣдь тебѣ: до срока о томъ, чуръ, никому.

— А жениху, государь, изволишь объявить? — спросилъ Матвѣевъ.

— Никому, повторяю, и ты — ни женѣ, ни дочкѣ; приданаго тебѣ не готовить,—чай, давно полны сундуки; сговоръ останется тайнымъ, промежъ меня только да тебя. И тому важный резонъ: завтра надолго ѣду въ чужіе края, беру съ собой и жениха. Будемъ, съ Господомъ, живы, вернемся, напомню тогда,—за парадною помолвкой, сыграемъ и свадьбу.

Государь позвалъ Румянцева. Тотъ подалъ ему шляпу и шпагу. Провожаемый Матвѣевымъ, Петръ вышелъ въ сѣни. Здѣсь съ матерью, накинувъ на плечи желтую тафтяную шубку, въ зеленой бархатной шапочкѣ, съ алымъ верхомъ, стояла раскраснѣвшаяся отъ танцевъ графиня Марья Андреевна.

— И ты вышла проводить? — улыбнулся, увидя ее, Петръ. — Простудишься, плутовка! Береги здоровье, — оно надобно тебѣ,—иди...

Онъ обнялъ и поцѣловалъ дѣвушку въ обѣ щеки. Матвѣевъ подалъ государю теплый плащъ. Петръ уѣхалъ.

— Что же, братецъ, такъ и не выбралъ себѣ суженой?— спросилъ онъ Румянцева, подъѣзжая съ нимъ ко дворцу.

— Превыше силъ, прости, не смѣю...

— Я за тебя выбралъ... только до времени посмотрю еще на тебя, не скажу. Готовься, завтра ѣдешь со мной въ Данцигъ и далѣе въ Копенгагенъ.

Въ ту ночь совсѣмъ не спалось Румянцеву. Онъ ложился на правый бокъ и на лѣвый, закрывалъ глаза, вызывая дремоту, думалъ о морѣ и сигѣющей, колеблемой вѣтромъ ржи,—ничто не брало, сонъ бѣжалъ отъ него. Въ мысляхъ неотлучно были веселые черные глаза, вздернутый носикъ и зеленая шапочка, съ алымъ верхомъ, надъ пышными черными волосами.

Въ ожиданіи отъѣзда съ государемъ, Румянцевъ всталъ до зари, одѣлся въ парадную форму, уложилъ небольшой дорожный свой скарбъ и готовился ѣхать во дворецъ. Онъ жилъ у просвирни Казанской церкви, въ Мѣщанской сло-

бодкѣ, возлѣ Невской першпективы, занимая двѣ горенки, изъ которыхъ въ одной ютился самъ, а въ другой помѣщались его отецъ и мать, пріѣхавшіе провѣдать его изъ костромской деревушки. Отецъ привезъ ему волчью шубу, своей охоты, которой сынъ теперь, въ виду дальняго вояжа, особенно былъ радъ. Старики тоже встали рано, побывали въ банѣ и, красные, съ повязанными головами, хлопотали надъ укладкой сыновнихъ вещей.

— Ну, Александръ, что же государь? — спросилъ отецъ, увязывая узелъ съ бѣльемъ. — Какъ насчетъ, то-есть, сватовства? Выбралъ, наконецъ, указалъ тебѣ какую кралю?

— Молчитъ,—съ недовольствомъ отвѣтилъ сынъ,—и что у него на умѣ, не пойму...

— Молчитъ? А припасенную, указанную отцомъ и матерью, отвергъ?.. Ему что?—терпится; намъ-то каково? Хоть бы, примѣромъ, бѣлье,—нешто въ такомъ ходить гвардейскому офицеру, да еще капитану? Сорочки — одно званіе, карпетки—въ заплатахъ... Степанидушка, глянь сюда, ужли сына этакъ-то въ дорогу и снаряжать?

— Пусти, постылый, не видишь развѣ? — съ сердцемъ вскрикнула мать, вырывая у мужа обноски сына, — вотъ новые чулки... не помнишь нешто, какъ сама вязала? А вотъ и сорочекъ трое изъ фряжскаго холста. Гдѣ былъ? или опять запамятовалъ, какъ о Спаса пять ройковъ продали, кумà за холстомъ ѣздила?

— Такъ, такъ, сорокоумовцамъ продали.

— То-то, сорокоумовцамъ. Носи, Сашенька, насъ поминай. Безъ матери-отца кому вспомнить, приголубить тебя?

Старушка отерла слезы.

— Вотъ пирожки, съ сигомъ, да съ курятинкой, а на дорогу хозяйка печетъ блинцы. Не торопись, родимый, успѣешь еще,—духомъ принесу.

Старуха ушла къ хозяйкѣ.

VII.

— Ужъ не думаетъ ли царь,—сказалъ Румянцеву отецъ, когда они остались вдвоемъ,—не затѣялъ ли онъ выдать за тебя одну таковую персону?

— Какую?

Старикъ оглянулся.

— Новую одну матресишку, послѣднюю... это съ нимъ бываетъ.

— Кто же она?

— Ужли не знаешь?

— Я отсутствовалъ, только что вернулся изъ похода, почемъ же мнѣ всѣ здѣшнія новости знать?

— Да тебя же туда онъ и возилъ.

— Не понимаю, батюшка, о комъ рѣчь.

— О дочкѣ графа Андрея Артамоновича.

Румянцевъ не взвидѣлъ свѣта. Комната заходила въ его глазахъ.

— Клевета, родной, какъ же не видишь? Небылица!— вскрикнулъ онъ.—И кто тебѣ такія сплётки наплелъ?

— Не сплётки, Ликсаша, а истинная, должно быть, правда. Дворецкій изъ Катерингофа, — ну, старый знакомецъ ты знаешь его...

— Знаю, только что изъ того?

— Вечоръ это, какъ повезъ тебя государь къ Матвѣеву, онъ зашелъ и сказывалъ... и такое открылъ, что лучше бы не слышать...

— Эхъ, батюшка, не мучь; что же онъ, лысый чортъ, говорилъ такое? Языкъ бы ему клещами пощупать...

— Не горячись и не шумаркай, все скажу, только не прочуялъ бы кто посторонній.

Старикъ всталъ, посмотрѣлъ за дверь въ сѣни и заперъ ее на крючокъ.

— Такъ-то будетъ спокойнѣе,—сказалъ онъ. — Господи, какія дѣла! Вышнимъ полюбилась эта графинюшка Марья Андреевна и самой дѣвкѣ, видно, пріятны были милости оттоль. Да, да, не вскакивай, слушай... Какъ жилъ государь, лѣтось, съ царицей въ Катерингофѣ, и Матвѣевы на своей мызѣ, по близости, тамъ же въ тѣ поры пребывали. Государь ихъ чествовалъ и дочку ихъ, изъ пріязни, тоже отличалъ, бралъ въ одноколку съ собой кататься по садамъ и рощамъ, на буерѣ съ нею по Невѣ и по взморью до-поздна плавалъ. Тѣ ногъ подъ собой отъ радости не чуяли; счастье, молъ, такое имъ выпало. И все шло будто ладно, все лѣто они въ удовольствіяхъ и восхищеніяхъ проводили. А осенью, какъ царю пришлось переѣзжать уже на зиму во дворецъ, онъ и подмѣтилъ, что графинюшка Марья, такъ же, какъ съ нимъ, по рощамъ и по взморью каталась еще и съ нѣ-

кіимъ другимъ. Выслѣдилъ государь, самолично убѣдился, позвалъ ее на допросъ, та и повинилась.

— Фу, ты, Господи! Не вѣрится!.. И что же, родителю открылъ государь?

— Для чего? Нешто опять-таки его не знаешь? Самолично все прикончилъ... Никому не говоря, припасъ въ сѣнникѣ пукъ березовыхъ, пригласилъ ее туда, будто новую царицыну корову-голландку посмотрѣть, да собственноручно и высѣкъ.

Румянцевъ вскочилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это клевета, умыселъ на Матвѣевыхъ! И кто могъ это видѣть, узнать?

— Да полно тебѣ фуфыриться! Говорятъ тебѣ — вѣрно, ну такъ же, какъ мы вотъ тутъ сидимъ.

Старикъ еще что-то говорилъ, но сынъ не слушалъ его. «Графиня Марья Андреевна, красавица, гордая, недоступная, и такой о ней слухъ,—мыслилъ Румянцевъ.—Отецъ сердитъ, что не удалось сватовство за Кикину, и вѣритъ всяческой небылицѣ».

— Но зачѣмъ, батюшка, все это передалъ ты мнѣ?—спросилъ онъ.—Изъ ревности за предложенную тобой невѣсту? Да, вѣдь, государь, повторяю, никого еще не указалъ, а что до Матвѣевой—и намека о ней не бросилъ. Съ нею танцовали Шелешпанская, Щетинина и много другихъ,—можетъ быть, изъ тѣхъ, кого онъ имѣлъ на примѣтѣ.

— Какъ знаешь, Ликсаша, а только нашему роду еще не бывало подобнаго покора и стыда... И ужъ лучше, помни ты мое слово, вѣкъ въ нищетѣ доживать, чѣмъ таковую персону брать за себя.

Въ дверь постучались. Вошла съ крынкой блиновъ мать. Наскоро закусивъ, сынъ уложилъ на подводу свои пожитки, получилъ благословеніе родителей, простился съ ними, одѣлся въ привезенную отцомъ шубу и отправился ко дворцу.

— Своей охоты, Ликсаша, своей!—говорилъ отецъ, крестя сына и указывая ему на шубу.—Въ двѣ пороши затравилъ, одного живьемъ связаннаго привезъ.

Государь уѣхалъ послѣ ранняго обѣда. «Правъ отецъ, неподходжее было бы дѣло,—разсуждалъ Румянцевъ, ѣдучи въ одной изъ кибитокъ въ свитѣ государя. — Брош[illegible] фа-воритка,—какъ ни говори, [illegible], нену[illegible] И любить-то тебя, послѣ [illegible]торовъ

будетъ, да и выгоды, пожалуй, никакой!» Петербургъ вскорѣ скрылся за снѣжными холмами. Дорогу обступили стѣны темныхъ, вѣковѣчныхъ лѣсовъ. Издали блестѣлъ только шпицъ адмиралтейской башни. Вечерѣло; начиналъ падать снѣгъ. Ворòны взлетали надъ вершинами елей и березъ. Тройки царскаго поѣзда мчались безконечною лѣсною просѣкой.

Румянцевъ, укутавшись съ головой въ шубу, вспоминалъ недавнее прошлое, походъ въ Швецію, разговоръ съ царемъ на дежурствѣ, ассамблею у Кикиныхъ и ассамблею у Матвѣевыхъ. «А пышность и роскошь ихъ дома, а эта боярская сановитость ихъ рода! Нѣтъ, быть не можетъ!—разсуждалъ онъ.— Все слышанное отцомъ сущая злобная клевета! Государь недаромъ меня туда возилъ. Чтò въ его мысляхъ— не угадать... Но если-бъ онъ имѣлъ въ виду, не теперь, хоть современемъ...» Снѣгъ валилъ безъ остановки. Сумерки сгущались болѣе. Лошадей изъ кибитки трудно уже было разглядѣть. «Да и вдругъ все это, по правдѣ, небылица и ложь?—мыслилъ Румянцевъ,—и чтò, если государь и въ самомъ дѣлѣ рѣшитъ и скажетъ: вотъ тебѣ невѣста, графиня Марья? Боже-Господи, удостой этого выбора. Лучшаго счастья, полагаю, и во снѣ не видать, не испытать. И ужъ коли суждено было бы мнѣ стать зятемъ графа Андрея Артамоновича, Царица Небесная! какой колоколъ пожертвовалъ бы на церковь въ графскую вотчину,—въ пудъ, мало того, въ два-три пуда, изъ чистаго серебра!»

Царевичъ провожалъ государя до заставы. Онъ простудился дорогой и нѣсколько дней послѣ того не выѣзжалъ изъ дому, удивляясь, что никто изъ «сòбинныхъ» друзей его, даже Кикинъ, не навѣщалъ его. «Объ отошедшемъ, кажись бы, всюду промчалось,—разсуждалъ онъ,—не для кого болѣе подглядывать, а видно и теперь боятся!» Онъ послалъ за Кикинымъ; тотъ отвѣтилъ, что угорѣлъ послѣ бани и явится, когда одужаетъ. «Лукавитъ, дозора опасается, случая ждетъ!»—подумалъ Алексѣй. Онъ отъ скуки взошелъ наверхъ къ дѣтямъ и до вечера игралъ тамъ въ шахматы съ ихъ гофмейстериной. Возвратясь при свѣчахъ, онъ сталъ просматривать присланныя Меншиковымъ изъ сената дѣла. Скучно было ихъ читать. Ему подали письмо. Онъ по почерку узналъ руку попа Созонта Печунина, у котораго въ

Вязёмахъ жила нѣкогда Афросинья и который теперь, по милости Алексѣя, состоялъ при церкви въ Порѣчьи.

«Многолѣтно, благополучно и радостно здравствуй, батюшка-церевичъ,—писалъ попъ Созонтъ.— Высокоблагородствію твоему искатель милостей твоихъ челомъ земно бью; а посылаю превысочеству твоему бѣлужью тёшку, щукъ провѣсныхъ четыре, балычка прута два, да полпуда икорки,—изволь во здравіе кушать; помаранцевой настойки таkожде малое ведёрце, и его кушайже, во здравіе, съ пріятели. Покровенъ десницею Вышняго да пребудетъ домъ твой въ благодати на многіе предыдущіе годы. Про здравіе же твое слышати ежечасно желаю. Въ пріѣздишки твои кормилъ ты и поилъ насъ, сиротъ, доволѣ, а нынѣ безъ тебя зѣло мы оскудѣли. О, горе мнѣ, мизирному! Никто прошеньишка моего принять и честь не хочетъ. Младоумножаемая вѣтвь прекраснаго, цвѣтущаго и превысочайшаго царскаго древа! Воззри на нуждишки наши, ждемъ тебя, яко Миссію. Въ Вязёмахъ лугъ намъ давали, хлѣбушка съ копны, лѣсу—сколько зришь; тутъ все твоимъ старостою Мосеичемъ урѣзано, а за что, одинъ создавый ны вся вѣсть. Афросинью Ѳедоровну просили, ее не слушаютъ, — твое-де бабье дѣло токмо птичня, да огородъ, да кудель. А по-нашему вотъ кому, ей быть здѣся старостой. Яви божескую милость, а Мосеичу повели намъ пособить. У самого великій роскошь и деспотичество во всемъ, загребаетъ съ огуменниковъ, съ амбары и кладовыхъ, а на слугъ церковныхъ помощи никакой. И не ходи къ нему, всякой мольбѣ отсѣченіе, правдѣ—посрамленіе, добру—погубленіе, душѣ—углубшій гвоздь. За твою же милость азъ писавый, за весь праведный домъ твой и за всѣхъ любящихъ многолѣтнее здравіе твое, нынѣ и впредь, безъ урыву, вѣчный твой богомолецъ — смиренный Созонтъ».

«Надо ѣхать въ Порѣчье, вотъ какъ надо бы,—подумалъ царевичъ, прочтя посланіе Печунина.—Но какъ ѣхать? какой къ тому видимый предлогъ, да еще зимой? Донесутъ отцу, а тотъ сыщика слѣдомъ пошлетъ,—какія, молъ, такія хозяйскія нужды унесли его, оглашеннаго, отъ важныхъ штатскихъ дѣлъ на мызу въ такіе холода?» Жалобу Созонта Алексѣй вкратцѣ изложилъ въ цидулкѣ порѣченскому старостѣ, приказавъ дать Печунину все, [illegible] отпускалось въ Вязёма[illegible] вилъ въ ко[illegible] «А о

прочемъ, что доносятъ и слышу, разберу, коли Господь позволитъ самому быть въ вашихъ оныхъ мѣстахъ».

VIII.

Въ половинѣ февраля надъ Петербургомъ носился и гудѣлъ сильный снѣжный буранъ. Мятель сугробами устилала площади, преграждала улицы и заваливала переулки. Нѣкоторые дома были заметены снѣгомъ до крышъ. Ни проѣзда, ни прохода. Царевичъ, слушая свистъ и яростный ревъ бури, уже собирался на ночлегъ, когда слуга доложилъ ему, что его желаетъ видѣть Кикинъ. Алексѣй обрадовался и приказалъ звать его въ кабинетъ.

— Это банный угаръ доселѣ не пускалъ?—спросилъ онъ, встрѣчая гостя, стряхивавшаго съ волосъ и собольей шапки хлопья снѣгу.

— Всякаго угару вдоволь, — отвѣтилъ, оглядываясь, Кикинъ.

— Садись, Александръ Васильевичъ, будь гостемъ; пріятно видѣть хоть одного, когда остальные всѣ забыли.

— Да помнимъ ли мы сами себя и свою жизнь? Какъ живется-то намъ, спросилъ бы ты,—сказалъ Кикинъ, припирая дверь и садясь на софу рядомъ съ царевичемъ.

— Или стряслось что новое? — спросилъ, глядя на него, царевичъ.

— Все старое, батюшка Алексѣй Петровичъ. Довольно одного: Питеръ, гдѣ живемъ съ тобой. Что онъ? Съ одной стороны—море, съ другой горе, съ третьей—мохъ, съ четвертой—охъ...

Царевичъ улыбнулся. Онъ любилъ находчивость и всегда замысловатыя выраженія умнаго, бойкаго и наблюдательнаго эконома своей тетки, царевны Марьи Алексѣевны.

— Ну, слушай, — сказалъ царевичъ, взявъ за руки гостя:—скажу безъ утайки, и мнѣ тутъ тяжело; а гдѣ быть? куда укрыться?

— Ѣзжай въ чужіе края, у тебя великая протекція, — австрійскаго кесаря супруга—твоей покойной женѣ сестра; отъ нея и отъ самого кесаря всегда тебѣ будетъ защита и покой. Ты, вѣдь, россійскій кронпринцъ, и кесарю немалый резонъ тебѣ секундовàть во всемъ.

[illegible]къ рѣшиться? Опасно это, да и жаль родины, [illegible]ихъ.

— Съ весны мою царевну, вѣдомо, можетъ-быть, тебѣ, шлютъ, изъ-за ея болѣстей, на воды въ Карлсбадъ; ну, и я ѣду, въ провожатыхъ,—буду не вдали отъ Вѣны и о тебѣ могу, отъ чего же нѣтъ, промыслить тамъ.

— Ой, страшно, Васильевичъ! Гдѣ у кесаря скрыться? Батюшка легко, черезъ клевретовъ, откроетъ въ Вѣнѣ, — вѣдь, она на большой дорогѣ.

— Отпросишься, какъ уйдешь, въ итальянскія владычества кесаря,—тамъ не откроютъ; а ужъ тѣ палестины—неземныя красы, сущій рай, не разстанешься съ ними во вѣкъ.

— Ты же нешто былъ въ Италіи?

— Былъ, съ гардемаринами, на первой посылкѣ въ выучку.

Царевичъ задумался. Большіе черные глаза его съ грустью были устремлены на коверъ. Noскомъ башмака онъ водилъ по его узору.

— А скажи, Васильичъ, каковы тамъ люди и какъ живутъ?—спросилъ онъ, взглядывая на Кикина:—и впрямь н похоже на нашихъ?

— Ужъ истинно сказать, все не по-нашему; на улицахъ, въ городахъ, ночью, великая свѣтлость отъ фонарей, какъ днемъ; древнія и новыя хоромы больше все въ два жилья, а есть по четыре и пяти житій въ высоту; окна вездѣ стекольчатыя, не слюдяныя. А сады? Вездѣ, по препорціи, цвѣты—дивными штуками, першпективы зѣло изрядныя, на полянахъ лимоны, персикъ, померанцы, дули и миндаль; въ огородахъ — кудрявые салаты, капросы и всякій дивный овощь. Въ садахъ и на больвардахъ бесѣдки писаны хитрымъ, тамошнимъ письмомъ; пропускныя воды многоструйно прыщутъ вверхъ фонтаною, а на тѣхъ фонтанахъ — часы бываютъ, невиданнаго строенія, бьютъ водой перечасье въ великіе и малые колокола...

— А люди, народъ?

— На площадяхъ и улицахъ, по всякъ день, гулянье въ калешахъ предивной французской работы. И въ каждомъ, почитай, городѣ театрумъ, а въ немъ для увеселенія—опры, либо зѣло хитрая комедь.

— И ты видѣлъ опры и комедь?

— Бывалъ не разъ; между дѣйствами, гдѣ Аполло, либо Венусъ выходятъ и говорятъ вирши, дивные хоры увеселяютъ гостей на фрейтахъ, скрипицахъ и фіолгабалахъ предивнаго мусикійскаго мастерства.

— А какъ тамошніе баре?

— Главы женъ и дѣвицъ непокровенны, какъ и въ Дрезденѣ, и Карлсбадѣ ты видѣлъ. Только женскъ полъ къ уборамъ въ тѣхъ краяхъ больше охочи, къ дѣлу неприлежны, ко грѣху же зѣло слабы и нрава часомъ весьма зазорнаго. Ну, да ты, вѣдь, на нихъ и не взглянешь,—слышно, и впрямь собираешься въ монастырь.

Алексѣй отвернулся.

— Тебѣ шутки все шутить!—сказалъ онъ съ досадой.—До того ли мнѣ, и какой я монахъ?

— На что же, батюшка, въ такомъ разѣ, рѣшаешься, чѣмъ задумалъ кончить, по требованію отца?

— Объ одномъ мысль, къ одному стремлюсь,—произнесъ, задумчиво глядя передъ собой, царевичъ: — когда бы отъ всего меня уволили, чтобъ жить мнѣ, какъ Богъ изволитъ, въ деревнѣ, и ни до чего бы мнѣ дѣла не было.

— Ну, на это, самъ пойми, врядъ ли согласятся вышніе, — возразилъ, качая головой, Кикинъ:— потребуютъ несомнительно, жестоко притянутъ къ иному.

— Да не могу же я, Александръ Васильичъ, душа не лежитъ,—сказалъ Алексѣй.—Самъ ты говоришь: Питеръ — горе да охъ... Изъ-за чего отецъ старые порядки бросилъ, потопталъ? изъ-за чего, что ни день, заводитъ все новые? Мучитъ всѣхъ, во снѣ и наяву, шпыняетъ, теребитъ. Жило же царство безъ этихъ новшествъ, — безъ гвардіонцевъ и потѣшныхъ, — въ славѣ и силѣ состояло. Стрѣльцы били шведовъ, нѣмца и ляховъ. Всѣ сторожко и честью блюли нашъ народъ и санъ. Батюшка вѣру дѣдовъ и прадѣдовъ презрѣлъ, патріарха синодскими канцеляристами замѣнилъ. И на что намъ это, прости Господи, чортово болото—новая столица? На что кургузые кафтаны солдатства, а вмѣсто древнихъ, урядныхъ сарафановъ, хоть бы эти хвостатые роброны, на фижмахъ, да пудра? Истерзалъ отецъ родину, уродуетъ, кромсаетъ, какъ мясникъ телку, по живому тѣлу ножомъ...

Алексѣй всталъ. Лицо его залилъ румянецъ.

— И все потатчики подбиваютъ его на эти новшества,—продолжалъ онъ, порывисто ходя по комнатѣ, — измѣнники заповѣдямъ роднымъ, боголживцы, церковные и мірскіе мятежники,—Головкинъ, Шафировъ, Ромодановскій, Трубецкой и сколько иныхъ! Какъ попустить Господь взойти, послѣ

батюшки, на древній предковскій престолъ, быть на колахъ головамъ супостатовъ. Алексашка Меншиковъ особливо попомнитъ; мѣста на его шеѣ не станетъ, гдѣ упасть топору!

Алексѣй, оперпшсь о столъ, перевелъ дыханіе. Глаза его горѣли гнѣвомъ и негодованіемъ.

— Быть Петербургу пусту! — вскрикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Кораблей не стану строить, гвардію распущу, воевать брошу, — со всѣми будь миръ и покой. Зиму стану жить въ Москвѣ, лѣто въ Ярославлѣ... Плюю на всѣхъ, абы здорова была мнѣ чернь.

— Такъ-то такъ,—промолвилъ Кикинъ: — да чернь-то — стадо безсловесныхъ; имъ нуженъ съ доброю клюкой пастухъ, а ты мягокъ сердцемъ, вельми добръ.

— А тёзка мой, дѣдъ Алексѣй? Нешто не жилъ онъ въ Господней благодати, въ общей любви и уваженіи отъ иноземныхъ и своихъ? Никуда-то онъ, тишайшій, непрошенно не лѣзъ, никого не тормошилъ и не тиранилъ, а былъ счастливъ. Такъ, съ Господнею защитой, буду царствовать и я.

— Сядь, батюшка, царевичъ, сядь,— произнесъ Кикинъ, ловя Алексѣя за руку: — угомонись, для Бога, и слушай; объясню съ иной стороны.

Алексѣй, со вздохомъ, опустился въ кресло.

— Царствовать думаешь ты... великое слово, — продолжалъ Кикинъ:—только надо еще добиться того. А удастся ли, бабушка на-двое сказала.

— Такъ что же мнѣ дѣлать и о чемъ мыслить? — тихо проговорилъ царевичъ, ломая руки.—По волѣ батюшки, съ нищими, что ли, да съ дьячками, схоронить себя въ монастырѣ или отъѣхать, по-твоему, въ такое царство, гдѣ приходящихъ пріемлютъ и никому не выдаютъ? Какъ рѣшиться—на его или на твои слова? Вѣдь, я человѣкъ, Васильичъ, жить на волѣ, какъ всякій послѣдній смердъ, хочу, а развѣ въ черной рясѣ или на чужбинѣ вольная жизнь, по душѣ?

— Видишь ли, Алексѣй Петровичъ, не обезсудь, опять прямо скажу... Ты зѣло невоздержанъ въ рѣчахъ... Именно такъ... Мнѣ открываешься, но повѣдалъ, можетъ статься, и другимъ, а отцу-то долго ли отъ дозорцевъ про все узнать? Ну, раздѣлка и не далека...

— Ну что же отецъ, хоть и царь онъ, можетъ сотворить со мной?

Кикинъ сдвинулъ брови.

— Какъ что?—спросилъ онъ, глядя на царевича. — Да развѣ не знаешь, какъ таковы дѣла творились и творятся у насъ? Очень даже просто, — слышалъ, полагаю, про ядъ, потопленія и прочія наши галантереи?.. Вѣдь, даже Грозный царь Иванъ, какъ сравнить его съ батюшкой Петромъ Алексѣевичемъ, передъ нимъ, въ хитромъ неустанномъ тиранствѣ, малый шаловливый ребенокъ, шутникъ...

Алексѣй снова всталъ. Въ глазахъ его были слезы.

— Помоги, Александръ Васильичъ,—сказалъ онъ:—молю тебя, какъ мнѣ быть и какъ избавиться отъ отца?

— Невидимымъ учиниться! Былъ, молъ, человѣкъ и нѣтъ его, по-французскому термину, знаешь, чай, его, — il est eclipse...

— То-есть опять-таки говоришь о бѣгствѣ, о чужеземщинѣ?

Кикинъ молча кивнулъ головой. Царевичъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него, не находя выраженій тому, что вставало и кипѣло въ его душѣ. Грудь его дышала тяжело.

— Ахъ, другъ любезный, ахъ, радѣтель,—выговорилъ онъ черезъ силу:—ужели не понимаешь? Не могу я жить безъ Афросиньи... Вразуми, наставь, какъ не покидать мнѣ ея? Ну, вотъ птицѣ, малому звѣренку нуженъ воздухъ, рыбѣ вода... Она мнѣ—вода и воздухъ...

Кикинъ опустилъ глаза въ землю. Теребя свою курчавую, косматую голову, какъ бы въ тяжеломъ смущеніи, молчалъ.

— Былъ я въ Венеціи, — произнесъ онъ: — и слушалъ тамъ въ кляшторѣ езуита; онъ передъ принципомъ венецкимъ сказывалъ казаніе. Самъ въ чѣпи золотой, въ алмазныхъ запонахъ, фіолетовой робѣ и въ крахмальныхъ полотняныхъ брызжахъ около шеи, а недоросли-ребятки, въ бѣлыхъ стихарикахъ, подолъ той робы держали, какъ его на золоченомъ сѣднѣ покоевые камерѣры въ церковь внесли. Езуита сказывалъ, а наши, бывшіе тамъ долѣ, переводили. Его проповѣдь была про зѣло высокую гору, что въ Неаполѣ, отъ сотворенія міра, неустанно день и ночь горитъ. Ничѣмъ ея не угасить и не повергнуть въ темь. И равнялъ езуита ту гору Везувій съ душою людской; не угасить и въ человѣкѣ жара палящихъ страстей. Горячесть наша нынѣ спадетъ, завтра опять дымомъ и пепломъ бьетъ и огненные пускаетъ ручьи.

— Къ чему это ты ведешь?—спросилъ царевичъ.

— Помяненный сказатель навелъ, въ тѣ поры, на мою мысль и тебя. Не дивись, такъ оно и есть. Видѣлъ я твой предметъ, Афросьюшку, впервое на Москвѣ, въ непригожемъ, бѣдномъ уборѣ видѣлъ, но и тогда она пріятствомъ плѣняла. Брови черныя, союзныя, тѣломъ дородна, вся быдто облита молокомъ; возрастомъ изрядна, глаза велики, умные, а косы русыя, велики же, трубчатыя, падаютъ по плечамъ.

— Такъ и тебѣ, Васильичъ, она приглянулась?—съ счастливою улыбкой спросилъ Алексѣй.

— Еще бы, батюшка! А какъ нарядилъ ты ее и увидѣлъ я ее послѣ въ Питерѣ, просто диву дался. И не платьеце алъ-атласъ, не чулочки узорные, синій шелкъ, не башмаки съ каблучками, и не золото, серебро, канителью строченное по платью,—сама она, словно Венусъ планета, свѣтила между другихъ... И скажу безъ утайки, великаго ума и нѣжныхъ проницательствъ твоя Афросинья, хоть ты ее и не изъ высокаго ранга примѣтилъ и сблизилъ къ себѣ. Не въ такой,—въ высшей долѣ слѣдовало бы ей быть...

Алексѣй, въ безмолвномъ восхищеніи, слушалъ эти слова. «Переборщилъ, превысилъ похвалы Фроськѣ,—думалъ тѣмъ временемъ Кикинъ,—ну, да ладно, масломъ каши не испортишь; а взойдетъ онъ на отчій престолъ, Смолокурову царицей наречетъ,—быть мнѣ изъ первыхъ въ министрахъ».

— Такъ ты не шутишь, Васильичъ?—спросилъ Алексѣй:—одобрилъ бы этотъ союзъ? Вѣдь батюшкина нынѣшняя жонка изъ простыхъ полонянокъ, люторка, чухонкой въ услугахъ была... моя тоже полонянка, да русская и правой вѣры... Отецъ при живой женѣ ее взялъ къ себѣ, а я—вдовый...

— Что̀ и говорить!—отвѣтилъ Кикинъ.—Еще и еще повторю: какъ замѣтишь что неладное, неумедлительно бѣги; вручи себя въ добрую пріемность кесаря.

— А какъ же съ Афросиньей?

— Бери и ее. Только не сразу дѣлай; снабдѣвай недостатки, порывы нрава благоразуміемъ. Отведи глаза досмотрщикамъ: начни умненько охать, на недомоганье главы и всѣхъ мыслей жалуйся, съ недѣлю, двѣ не умывайся, не брейся,—сочтутъ тебя скорбнымъ и слабымъ... тутъ разомъ, все изготовя, и бѣги.

Царевичъ задумался.

— А ты побываешь въ Вѣнѣ?—спросилъ онъ, не спуская глазъ съ Кикина.

сбросили чехлы съ цвѣтовыхъ почекъ. На полянахъ лѣсовъ Васильевскаго острова и Охты дружно прорастали зеленыя травы и по нимъ выдѣлялись голубые и желтые пролѣски. Распускались вздутыя почки липъ и березъ. Съ орѣшника свѣшивались сѣрые цвѣточные локонцы. Въ садахъ пахло смолой раскрывшихся листьевъ тополей. Грачи и вороны, справивъ прошлогоднія гнѣзда, съ крикомъ носились надъ ними. Появились мошки и жуки. Въ лѣсныя затишья налетѣли зяблики, долгоносые удоды, сѣрые и черные дрозды. Зазеленѣла черёмуха и на вскрывшихся рѣкахъ показались первые дикіе гуси и утки.

Ко двору царевича, передъ Пасхой, прибылъ весенній обозъ изъ Порѣчья съ живностью,— копчеными окороками, масломъ, творогомъ, балыками, яйцами и провѣсными гусиными полотками. Съ обоза ему подали два письма. Первое вскрытое было отъ попа Печунина. Отецъ Созонтъ благодарилъ Алексѣя за оказанныя щедроты и дары. «О-ле, чудное милосердіе, Христе Боже!—писалъ онъ царевичу.— Хитродѣтелецъ и злопамятогубецъ, староста Мосеичъ, какъ ни роскошенъ и честолюбивъ, все по твоему указу исполнилъ. Не коритъ болѣе, не уязвляетъ каменномётными словесы; дай, Господи, тебѣ своего времени и лѣтъ царствованія твоего благолѣпно устроити, аки устроилъ и хозяйствишко твое на мызахъ. Молился азъ многогрѣшный тезоименнику твоему, человѣку Божьему Алексѣю, и оный преподобный мученикъ милости намъ отъ щедротъ твоихъ излія: дадены намъ лугъ и лѣсъ, пашенка и помощь въ скотѣ и прочемъ, на прокормленіе мучицы аржаной и ячной, а для просфоръ матушкѣ кладушечекъ двѣ и пшеничной крупчатки. И во всемъ томъ добросердная и къ помощи склонная моя питомка Ефросинья, вашей худобы блюстительница, совѣтомъ и дѣломъ помогла совершить. Азъ же, многогрѣховный и мизирный, пишу сіе, а оная къ милостямъ радѣтельница, Ефросинья Ѳедоровна, вышла отъ себя, супротивъ, на крылечко, зритъ въ вашъ садъ и онаго съ зимы, ей Господи, больше не познать. И егда убо дверцы въ оный садъ нынѣ на солнцѣ отверзлись, отъ тѣхъ древесъ и кустовъ, яко ароматъ изліянный, духъ сладкоуханъ и благоуханъ всѣхъ объя,—дворъ и церковка наша исполнися аки смирны и ладона. Въ прежнемъ житіи, въ Вязёмахъ, было хорошо; въ твоей же, батюшка-царевичъ, здѣсь

купленной мызѣ, ей многократъ лучше! Сему же письму конецъ предлагая и твоихъ милостей ввѣкъ не забывая, азъ писавый словесъ ставлю конецъ, да сохранитъ твое превысочество Богъ-отецъ».

«Виршами на радости кончилъ! — подумалъ съ улыбкой царевичъ, дочитавъ посланіе Созонта. — Что же, дай ему Господи! добрые люди оба они...»

Но во второмъ письмѣ онъ увидѣлъ надпись Смолокуровой. Краска восторга залила его лицо. Торопливо распечатавъ вчетверо сложенную бумагу, Алексѣй прочелъ слѣдующія строки:

«Государю моему, царевичу Алексѣю Петровичу. Прійтить близко, поклонитеся низко, честь весело, быть радостну. Съ особливымъ увеселеніемъ извѣщена есмь любительнѣйшимъ вашимъ писаніемъ. И мое письмишко честно да вручится тебѣ, государю моему, и ты впредь забвенно не учини, а мы о здравіи вашемъ хоть одну строку слышати на всякъ часъ желаемъ. Доношу же твоей милости, не видя ясныхъ твоихъ очей, несносная мнѣ печаль, сердечная, смертоносная язва. А кругомъ развѣ не рай? да кому безъ тебя, желанный, любоватися? Хозяйство ваше, аки младенецъ пріятный, ласковый, досмотрѣно мною паче зеницы. А которыя слова приказаны, все то сдѣлано. Солодовня починена, винокурня и маслобойня труждаются по всякъ день; ледники набиты и въ нихъ изъ медоварни и пивного завода вкачаны бочки новаго варева, до вашего пришествія къ намъ. Каменная рига покрыта, съ чешуйнымъ, зѣло краснымъ, обвиваніемъ по тёсу и съ пѣтушки. Въ хоромахъ потолокъ, по волѣ твоей, зѣло штучно, итальянскою работой, изъ гипса кладенъ, и слуги ваши, кормилицыны оба хлопчика, красно же одѣты,—плащикъ дологъ, бѣло сукно, шапочка бархатъ-синь, съ обручикомъ смушковымъ,—сама съ матушкой шила. Ахъ, пріѣзжай, любонька-свѣтъ, все повидишь, самъ не нахвалишься нашимъ трудамъ. На птичьемъ дворѣ—веселіе отъ крику и радости велія. Гуси, павлины, утки и куры вывели малыхъ птенцовъ. Отъ мельницы, какъ приказалъ ты, радость, ѣдучи, гирями въ огородъ тянется вода. Рѣки, ручьи въ мѣстахъ полистыхъ и лугахъ взыграли. Роща листьемъ кроется. Цвѣты изъ теплицъ выставлены и скоро аки бы цвѣсть яблонямъ, дулямъ, сливамъ и всему. Не пріѣдешь — въ конецъ я пропала. И какая это Богъ

мой, будетъ тоска! Виждь, свѣте мой, братецъ, простъ я сердцемъ человѣкъ, а всему свѣту доказала, въ любви вѣрна. Ахъ, сердце, ахъ, лапушка! Зови къ себѣ, либо пріѣзжай. Твой вѣрный другъ Афросинья».

«Надо ѣхать, — подумалъ царевичъ. — Какой ни придумать резонъ, нѣтъ силъ,—вырвусь и уѣду!»

Волга, Кама, Ока и Донъ въ то время уже вскрылись. Въ Воронежѣ готовились къ спуску на воду вновь построенныхъ кораблей. Алексѣй объявилъ въ сенатѣ, что, выполняя всегдашнія желанія отца и чувствуя себя нынѣ вполнѣ здравымъ, онъ рѣшилъ отбыть въ Воронежъ, для осмотра тамошнихъ судовъ и верфи. Получивъ отъ морской коллегіи прогоны и подъемныя, онъ собрался и вскорѣ, со слугой и поваромъ, двинулся на ямскихъ въ Москву, а оттуда на Муромъ и Арзамасъ, въ алатырскую свою вотчину, Порѣчье. «Въ Воронежъ еще успѣю, какъ просохнетъ, — думалъ онъ. — Давно собственнаго не видѣлъ хозяйства».

. . . .

Ноябрь 1890 года.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

СТАРОСВѢТСКІЙ МАЛЯРЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

«Ты куколка, я куколка,
«Ты маленькая, я маленькая—
«Приди ко мнѣ въ гости».
Изъ старой сказки.

I.

Было знойное лѣто. По гребню высокаго косогора, на возу съ пшеницей, по степи ѣхалъ старый хуторянинъ. Свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ голову на грудь, онъ покачивался подъ мѣрный шагъ воловъ, дремалъ и пѣлъ. Напѣвалъ онъ все одно и то же, а именно, слѣдующія слова, повидимому, начало любимой его пѣсни:

«Ой были у кума пчелы,
«Ой... да были-жъ... у кума... пче-е-лы!»

Онъ пѣлъ ясно первую строку, начало второй слабѣе, а конецъ уже—засыпая. Встрѣчный толчокъ будилъ его. Онъ просыпался, затягивалъ ту же пѣсню, засыпалъ на словахъ: «Ой... да были у кума... пчёлы»—и, проснувшись на новомъ толчкѣ, опять принимался за старое.

Далѣе новости о томъ, что «у кума были пчёлы», онъ не шелъ, и такъ ѣхалъ уже нѣсколько часовъ.

Ѣхалъ онъ въ Полтаву. Навстрѣчу ему, также подремывая и напѣвая, на телѣгѣ въ одну лошадь, двигался другой хуторянинъ-казакъ, молодой. Ѣхали казаки и сцѣпились возами.

Необычный скрипъ снастей разбудилъ ихъ. Они очнулись и молча стали погонять, старый — воловъ, молодой— своего коня.

Возы не трогались съ мѣста. Посыпались отрывочныя восклицанія.

— А! чтобъ тебѣ было пусто... — произнесъ старикъ, зѣвая и потягиваясь.

— Ишь, колодою развалился и не сворачиваетъ,—замѣтилъ молодой, также зѣвая...

— А ты что губы развѣсилъ? вѣрно тётку схоронилъ?—прибавилъ старикъ и, спустившись съ воза, принялся копаться около колесъ.

— Ты вѣрно. тётку схоронилъ! — обиженно произнесъ молодой, помолчавъ и усаживаясь на окраинѣ воза:—у тебя вѣрно тётка умерла, да и отецъ твой—пьяница!

— Какъ пьяница?—съ удивленіемъ спросилъ старикъ:—врешь ты! Не отецъ мой пьяница, а ты—такъ пьяница!—Синяки подъ глазами гдѣ взялъ?

Тотъ, къ кому относилось замѣчаніе о синякахъ, такъ часто этимъ украшался, что синякъ подъ его глазомъ скорѣе можно было принять за родимое пятно, чѣмъ за синякъ. Молодой хуторянинъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Пьяница? Я — пьяница? А чтобъ твоя жена была воровкою, чтобъ ты самъ проворовался, да еще пусть тебя поймаютъ и отдерутъ...

— Это тебя вѣрно отдерутъ! — сказалъ старикъ, безуспѣшно потягивая за колесный ободъ и очевидно теряясь отъ причитываній своего противника.

— Меня? Ахъ ты, старая подошва! Ахъ ты, бродяга... ишь, слюни распустилъ...

— Чтобъ тебѣ было пусто!—плюнулъ старикъ, не зная, куда дѣться отъ брани молодого, который гремѣлъ, какъ труба, сидя на окраинѣ воза.

Молодой не угомонился и еще прибавилъ:

— Чтобъ у тебя въ метель, посреди степи, кобыла распряглась, поясъ лопнулъ и руки окоченѣли...

Старикъ окончательно растерялся, выпустилъ ободъ и съ изумленіемъ замѣтилъ:

— Ахъ, да какъ же вы такъ удивительно ругаетесь!

Хуторяне развели возы, приподняли шапки и молча разъѣхались. Скоро отлогій косогоръ остался у каждаго за спиною. Странники раскинулись на возахъ и заснули.—Когда они снова открыли глаза, была уже ночь, возы ихъ стояли гдѣ-то, передъ низенькою хатою шинка, и стояли, къ уди-

вленію ихъ, опять сцѣпившись колесами... Молча покачали путники головами и слѣзли съ возовъ. — «Надо ночевать тутъ!» — сказалъ одинъ изъ нихъ. — «И то правда! надо ночевать!»—прибавилъ другой. Хуторяне распрягли воловъ и улеглись подъ открытымъ небомъ.

Скажемъ теперь, кто таковы были путники, такъ странно сведенные судьбою. Младшій былъ чумакъ, Омелько Брусъ, въ большихъ обозахъ и въ одиночку ѣздившій лѣтомъ за солью, а зимою, съ утра до ночи, лежавшій на печи, въ своемъ хуторѣ. Старшій... но о старшемъ надо сказать подробнѣе.

Старшій былъ старосвѣтскій маляръ, изъ Борисовки, по имени Ефимъ Сѣяшница. Старосвѣтскіе маляры нынче перевелись; но въ Борисовкѣ еще кое-гдѣ ихъ встрѣтишь. Сѣяшница былъ украшеніемъ и гордостью Борисовки; его носили на рукахъ. Это былъ худенькій, низенькій человѣкъ, совершенно сѣдой и обстриженный въ кружокъ, въ зеленомъ длинномъ кафтанѣ изъ набойки и въ синемъ жилетѣ. Его жилетъ былъ съ непомѣрно-глубокими карманами, куда Сѣяшница собиралъ все, что ни попадалось; ему стоило только опустить въ эту кладовую руку, и оттуда, когда нужно, появлялись: иголка съ нитками, наперстокъ, или мѣдная гребенка, ножницы, сломанный циркуль, пуговка, восковой огарокъ, пуля. Сѣяшница брилъ затылокъ, носилъ большой отложной воротъ рубахи, читалъ по воскресеньямъ Апостолъ и любилъ, ставъ на клиросѣ, подтягивать тоненькимъ дискантомъ соборнымъ пѣвчимъ. Вслѣдствіе разныхъ тревогъ въ жизни, Сѣяшница, и прежде ѣздившій довольно часто съ работою по сосѣднимъ слободамъ, рѣшился окончательно бросить родимую Борисовку, вблизи которой родился на слободскомъ хуторѣ, и кончить вѣкъ въ работѣ по добрымъ людямъ...

Чуть крикнули пѣтухи, путники уже проснулись. Но прежде проснулся маляръ.—Вѣтеръ колыхалъ пучокъ бѣлаго ковыля на длинномъ шестѣ корчмы, и стая скворцовъ съ шумомъ летѣла на ближнюю поляну, засѣянную горохомъ. Роса блестѣла по травѣ. Издалека неслись звуки церковнаго колокола. Въ полѣ раздавалось веселое ржанье жеребенка. Маляръ сталъ противъ восходящаго солнца, осѣнивъ глаза рукою. Онъ молчалъ. Грудь его дышала спокойно, и въ маленькихъ карихъ глазахъ отражалась такая безмятеж-

ность, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ хозяину давно стукнуло семьдесятъ лѣтъ.

— А знаете, оно хорошо было бы выпить!—раздался за его спиной голосъ. Сбяшница обернулся. Передъ нимъ стоялъ, протирая глаза и зѣвая во весь ротъ, его вчерашній знакомецъ, Омелько.

Шаровары Омельки были сильно выпачканы дегтемъ, ноги—босыя, шапка въ заплатахъ.

— Выпить, такъ и выпить!—рѣшилъ маляръ.

Шинкарь вынесъ водки. Путники потребовали хлѣба и сѣли подъ возами. О встрѣчѣ и перепалкѣ прошлаго дня не было и помину. Первый налилъ водки Омелько Брусъ.

— Будьте здоровы!—сказалъ онъ, осушая стаканчикъ, покривился, сплюнулъ, покачалъ головою, выпилъ еще стаканчикъ, посмотрѣлъ на его дно, махнулъ рукой, какъ бы говоря: «ну, теперь уже довольно!» и бережно поставилъ графинчикъ на траву.

— Откуда вы?—спросилъ маляръ.

— Ѣздилъ въ Крымъ за солью,—жена посылала; да только не доѣхалъ, чтобъ нечистый побилъ ту канальскую водку. Всѣ деньги пропилъ на дорогѣ, и кисетъ съ табакомъ пропилъ, и сапоги пропилъ, и теперь меня жена ужъ непремѣнно побьетъ...

Сбяшница покосился на плечи Бруса и нѣсколько усомнился въ томъ, что его можетъ побить жена.

— Ну, а вы, дядюшка, откуда?—спросилъ Брусъ, опять посматривая на стаканчикъ.

— Ѣду въ Полтаву къ одному знакомому человѣку хату писать.

— О, друже, такъ вы — маляръ? — вскрикнулъ Омелько Брусъ не безъ радости:—такъ вы уже лучше постойте. Лучше вы меня выслушайте.

— А что?

— Поцѣлуемся прежде!

— Поцѣлуемся...

Странники, снявъ шапки, чмокнули другъ друга въ усы!

— Бросьте вы Полтаву,—сказалъ Брусъ:—на нечистаго вамъ Полтава? ничего вы тамъ не сдѣлаете!

— Нѣтъ! — сказалъ маляръ, помолчавъ: — никакъ уже нельзя теперь, далъ слово, пріятель обругаетъ!

— Не обругаетъ. Поѣдемъ въ наши мѣста, работы не оберешься!

Малярь задумался.

— Нѣтъ, никакъ нельзя! — отвѣтилъ онъ рѣшительно:— далъ слово! и какъ это можно. Пріятель скажетъ, что у меня языкъ даромъ во рту колотится!

— Не скажетъ пріятель. Поѣдемъ въ нашъ край! паны у насъ—все люди хорошіе, а картинами всѣ панскія хоромы увѣшаны.

Маляръ взглянулъ на Бруса и подумалъ: «Какой же ты, однако, должно-быть, добрый человѣкъ! Оно сейчасъ видно: и не спѣсивъ, и водку хорошо тянешь»...

— Ѣду, такъ и быть!—сказалъ маляръ, махнувъ рукою.

Шинкарь вынесъ новую флягу горѣлки. Маляръ скинулъ свитку и обратился къ другимъ путникамъ, съ любопытствомъ обступившимъ новыхъ друзей:

— А ну, братцы, садитесь и вы, да помочимъ усы въ горѣлкѣ!

Омелько Брусъ взялся за флягу, и пошла попойка.— Солнце, между тѣмъ, стало сильно припекать. Распряженные волы маляра паслись за шинкомъ; лошадь Бруса щипала траву на взгорьѣ, за выгономъ.

Въ это время по дорогѣ показался какой-то человѣкъ, въ картузѣ, съ коротенькою трубкою и кнутомъ. Онъ шелъ прямо къ коню.

— Смотрите, кто-то идетъ къ вашему мерину!—замѣтилъ маляръ.

— Идетъ!—отвѣтилъ Брусъ, спокойно лежа на животѣ.

— Вѣдь онъ украдетъ вашего коня!—сказалъ маляръ.

— Нѣтъ, не украдетъ.

— Какъ не украдетъ? Да вѣдь онъ идетъ прямо къ нему!

— Такъ что же? — отвѣтилъ Брусъ: — развѣ коня ужъ нельзя и на выгонъ выпустить?

— Да вѣдь онъ уже берется за гриву!—сказалъ маляръ.

— Мало ли что! теперь день, и насъ семеро.

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся, взобрался на коня, хлестнулъ его кнутомъ и понесся по полю: только пыль столбомъ взвилась за нимъ.

Вскочили озадаченные хуторяне. Они безъ шапокъ бросились въ догонку за похитителемъ.

— Отдай, отдай коня, вражій сынъ!—кричалъ Брусъ:—держи его, держи...

Но всадникъ мелькнулъ въ луговой травѣ и скоро исчезъ за косогоромъ.

Вернулись хуторяне къ корчмѣ и, снова охая, усѣлись подъ возами.

— Коня теперь нѣтъ,—сказалъ Брусъ:—такъ зачѣмъ и телѣгѣ оставаться! Продадимъ телѣгу! Деньги на дорогу понадобятся: что-нибудь сломается, или за постой нужно будетъ заплатить.

Отуманенный маляръ сказалъ-было: «Не совѣтую! телѣга совсѣмъ новая!» Но тутъ же привсталъ, повозился зачѣмъ-то въ шароварахъ, опять сѣлъ и, сказавъ: «А не то, продавай телѣгу; она теперь совсѣмъ уже не нужна!» клюнулся головою въ траву и заснулъ... Омелько Брусъ продалъ телѣгу подъѣхавшимъ чумакамъ и, отведя ихъ за шинокъ, объявилъ, что хочетъ танцовать. Чумаки вытащили изъ корчмы мальчика съ дудкой. Мальчикъ утеръ носъ, усѣлся на землѣ и принялся играть.

— Пейте, братцы! гуляйте! — кричалъ Брусъ, взявшись подъ бока и съ трубкой въ зубахъ отвёртывая ногами бѣшеную присядку:—гуляйте такъ, чтобъ тошно стало самому нечистому...

Сперва Брусъ плясалъ подъ корчмой, а потомъ и въ самой корчмѣ, уже полной народа. И чего только онъ ни дѣлалъ: билъ себя по бокамъ и по головѣ, кидалъ направо и налѣво руки и ноги, и каждая складка платья, каждая жилка, руки и губы,—все въ немъ плясало...

Вспомнилъ Брусъ свое прошлое время, когда еще у него не было жены и онъ украдкою отъ дяди-кузнеца бѣгалъ на вечерницы.

Смерклось...

Омелько растолкалъ маляра, и широкій возъ хуторянъ снова заколыхался по пыльной дорогѣ.

II.

Ѣхали хуторяне долго, и въ дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Когда въ полѣ попадался имъ въ потертомъ халатѣ и съ кисетомъ за поясомъ прохожій и, приподнявъ передъ ними картузъ, говорилъ: «Душечка, дайте мнѣ грошикъ!» Омелько спрашивалъ: «На что вамъ гро-

шикъ?» Получая въ отвѣтъ: «Я за ваше здоровье, душечка, выпью!» онъ опускалъ руку въ карманъ маляра и, вынувъ оттуда деньги, говорилъ: «Вотъ вамъ грошикъ, только выпьемъ вмѣстѣ!» и подвозилъ его къ шинку.

По ночамъ путники не ѣздили, а всегда съ вечера гдѣ-нибудь останавливались.—Тутъ языкъ Бруса, при помощи денегъ, вырученныхъ за телѣгу, развязывался, и онъ угощалъ маляра разными любопытными разсказами.

Мало вниманія обращали странники на то, что у нихъ, наконецъ, не стало ни копейки денегъ.

Населенный и богатый край, родина Бруса, былъ не за горами. Какъ-то подъ вечеръ странники встрѣтили красноносаго городского скрипача. Едва державшійся на ногахъ, съ трубкою во рту и съ маленькою, потертою скрипкою подъ мышкой, музыкантъ, покачиваясь и понуривъ голову, подошелъ вензелями къ странникамъ. Снявъ шапку, онъ принялся напиливать на скрипкѣ что-то заунывное, закончилъ трепакомъ и, по обыкновенію всѣхъ слобожанскихъ скрипачей, попросилъ скрипкою пить: «пи-и-ти, пи-ти-ти». Но, увидѣвъ, что пить ему не даютъ, онъ объявилъ, что если у добрыхъ людей есть кнутъ и хворостина, то его надо побить, потому что онъ рѣшительно никуда не годится... Онъ тутъ же положилъ скрипку на траву, снялъ поясъ, растянулся по срединѣ дороги и отъ души сталъ просить хуторянъ исполнить его желаніе.

— Что же? побить, такъ и побить!—рѣшилъ Брусъ:—это ужъ такъ ему, видно, нужно, душа захотѣла...—И сталъ его слегка хлестать.

Въ другомъ мѣстѣ странники встрѣтили мужа, несшаго на рукахъ подкутившую жену. — «То, вѣрно, съ веселья идутъ!» — сказалъ при этомъ маляръ. — «У кума были!» — отвѣтилъ Брусъ, умильно слѣдя за счастливою четою.

Скоро потянулись хутора. Все здѣсь было спокойно и уютно. Жизнь тутъ текла, какъ тихая, дремотливая струйка воды въ лѣсу. Народъ сидѣлъ у своихъ хатъ и, кажется, почти не замѣчалъ, какъ солнце всходило и садилось за цвѣтущими полями, какъ смѣнялись вечеръ, утро и темная ночь. Омелько качалъ головою и говорилъ: «Вотъ жизнь!» Маляръ ему вторилъ.

Маляръ любилъ засматриваться на какого-нибудь казака или на бабу, написанную на вывѣскѣ шинка. Омелько же,

большею частью, спалъ безъ просыпу, какъ только могутъ спать хуторяне, прогулявшіе до копейки свое добро и ѣдущіе, подобно ему, домой къ сердитой и бойкой женѣ, пославшей мужа продать, напримѣръ, на ярмаркѣ мѣшокъ пшеницы, или годовалаго бычка. Пріѣзжаетъ такой хуторянинъ домой, хозяйка ласково встрѣчаетъ его и сажаетъ за столъ.—«Вотъ это жъ тебѣ—вареники, а вотъ это—блины! Кушай на здоровье, а я тебѣ еще и водочки поднесу!—Сидитъ пропащій мужъ, ни живъ, ни мертвъ, уплетаетъ молча вареники и блины и не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ бѣды!—«Ну, говори же!»—начинаетъ хозяйка:—«почемъ была пшеница на ярмаркѣ и почемъ бычки?»—Мужъ, утирая усы, принимается разсказывать.—«Ну, а кофту купилъ ты мнѣ?»—робко спрашиваетъ хозяйка, наливая мужу водки. — «Купилъ!»—отвѣчаетъ мужъ.—У хозяйки душа готова выпрыгнуть отъ радости. — «Гдѣ же она?» — «Тамъ!» — отчаянно отвѣчаетъ мужъ, махая рукою. — «Гдѣ тамъ?» — «Пропала наша пшеница, да пропалъ и бычокъ. Сижу я, голубочка ты моя, на возу и думаю, какъ бы это ихъ не украли...»—«Ну?»—«Вотъ, сижу я и думаю. Утро пришло, не украли!.. Обѣдъ пришелъ, не украли! Солнце стало садиться»...—«Ну?? Ну??»—«Да уже вечеромъ украли, вражьи люди!»—замѣчаетъ мужъ, утирая усы. Хозяйка, блѣдная и взбѣшенная, вскакиваетъ изъ-за лавки... Только такіе хуторяне и могутъ такъ спать, какъ спалъ во всю дорогу Брусъ. Наконецъ, путники увидѣли пристань своего странствованія.

Рано, на разсвѣтѣ теплой и влажной зари, передъ ними и съ косогора развернулась широкая долина, съ синѣющими лѣсами, курганами и лугами по берегамъ рѣки. Солнце только-что начинало подниматься изъ-за пригорковъ, и легкій туманъ висѣлъ по долинѣ.—Омелько Брусъ остановилъ воловъ, приподнялся на возу и, на вопросъ маляра, сказалъ:

— То, будто овцы по долинѣ бѣлѣютъ, деркачёвскіе хутора; на этихъ хуторахъ живетъ панъ добрый и богатый; мы у него тоже побываемъ...

III.

Былъ полдень.

На крыльцѣ хуторянскаго домика стоялъ низенькій господинъ, въ шелковомъ стеганомъ бешметѣ, въ нанковыхъ панталонахъ и въ гарусныхъ ботинкахъ на босу ногу.

Это былъ Михѣй Михѣичъ Деркачъ, обладатель деркачёвскихъ хуторовъ.

На головѣ Михѣя Михѣича была широкая, изъ степной травки, шляпа. Онъ держалъ въ рукахъ пѣнковую трубку съ большимъ янтаремъ и потиралъ въ раздумьѣ небритый подбородокъ. Этотъ подбородокъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы гладко его ни брили утромъ, къ вечеру того же дня обростать изсиня-черною щетиною.

Михѣй Михѣичъ пошелъ-было купаться, но уже было жарко. Мухи нестерпимо жужжали. Онъ вынулъ носовой платокъ и повязалъ его, въ видѣ вуали, на соломенную шляпу. Шедшія по дорогѣ бабы, присматриваясь къ бѣлому платку, который, какъ султанъ каски, отъ вѣтра то поднимался, то опускался на поляхъ шляпы, недоумѣвали, кто бы это могъ быть, и думали про себя: «Не то адъютантъ, не то дама!» — а подходя ближе, распознавали лицо добраго Михѣя Михѣича.

Передъ Михѣемъ Михѣичемъ у крыльца стояли, съ шапками въ рукахъ, уже извѣстные странники, маляръ Сбяшница и его спутникъ Омелько Брусъ.

Воловъ у маляра также уже не было, и отъ самаго воза осталась одна пустая дегтярная мазница, да и ту онъ заложилъ въ кабакѣ, при входѣ на деркачёвскіе хутора.

Помѣщикъ прошелся по крыльцу и, потягивая изъ трубочки, спросилъ:

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Я—маляръ!—сказалъ Сбяшница.

Окинувъ глазами сѣдую голову, долгополый зеленый кафтанъ и вообще всю слабую и плохенькую фигурку маляра, Михѣй Михѣичъ затянулся трубкой и, пуская дымъ колечками, произнесъ:

— Нѣтъ... идите съ Богомъ... мнѣ васъ... не нужно!

Маляръ съ уныніемъ взглянулъ на него и спросилъ:

— Отчего же... не нужно? Я вамъ такую вещь напишу, что еще сроду не видано!

Михѣй Михѣичъ помолчалъ.

— А карету распишешь?

— Распишу...

— Да вѣдь ты, я знаю тебя, заломишь, Богъ вѣсть какую цѣну? Маляръ изъ Бахмута брался расписать ее за пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— А я возьму... двадцать, а не то и меньше! — сказалъ Сöяшница.

— Когда такъ, то я согласенъ! — отвѣтилъ помѣщикъ.

Сдѣлка тутъ же была заключена на условіяхъ, что Сöяшница будетъ жить на барскихъ харчахъ до той поры, пока окончитъ всю работу; съ нимъ будетъ жить и Брусъ, въ качествѣ *подмалярія*; и каждому изъ нихъ, за обѣдомъ, будетъ подноситься по рюмкѣ водки, а за ужиномъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, по двѣ. Сверхъ того, имъ дозволено, разъ въ недѣлю, ходить въ гости къ сосѣднимъ хуторянамъ и, если пожелаютъ, напиваться пьяными, слѣдовательно, ходить на четверенькахъ. Полная расплата за работу должна была послѣдовать, когда деркачёвскій баринъ прокатится въ заново-отдѣланной каретѣ.

Маляръ и его другъ перешли на новое жительство.

Это былъ курень, съ навѣсомъ и погребомъ, въ садовой пäсекѣ. Омелько Брусъ скоро огласилъ своды новаго жилища звонкимъ храпомъ, а черезъ недѣлю, въ куренѣ, неизвѣстно откуда, появилась круглая и «полновидная» бабёнка, съ бѣлымъ лицомъ и въ аломъ платкѣ на черныхъ, лоснящихся волосахъ. И когда деркачёвская дворня, примѣтивъ эту гостью, иронически спрашивала у Бруса: «Чтò это за баба?» — Брусъ отвѣчалъ: «А то я сюда свою жену перевелъ, потому что какъ же на свѣтѣ человѣку жить безъ жены?» — А у тебя, Сöяшница, есть жена?» — спрашивала любопытная дворня. — «Есть! — нехотя отвѣчалъ маляръ: — только она ходитъ теперь... на заработкахъ!» — Дворня болѣе не разспрашивала. — Маляръ съѣздилъ въ уѣздный городъ, накупилъ кистей и красокъ, перетащилъ карету изъ сарая подъ навѣсъ пäсѣки и принялся за работу.

Старая, пыльная карета была вымыта, высушена, до половины закрыта широкою полотняною тканью, и маляръ, соскобливъ съ ея боковъ старую краску, началъ покрывать ее грунтомъ. Омелько Брусъ, получившій титулъ подмалярія, на гладко отполированномъ жерновѣ вѣтряной мельницы принялся растирать бѣлила, охру, сурикъ, синьку, и мѣдянку.

Работа пошла, какъ по маслу, и Сöяшница до того расходился, что, покрывая желтымъ слоемъ грунта кожаные бока кареты, захватилъ налету и стекла кареты, и порядочную часть собственнаго фартука.

Михѣй Михѣичъ, какъ человѣкъ знающій и старательный, хотя до того безтолковый, что, по замѣчанію сосѣдей, муха преспокойно могла усѣсться на кончикѣ его носа и загнать его въ болото, часто заходилъ въ мастерскую Сбяшницы.

— Это у тебя ямочки и негладко! —говорилъ онъ, водя рукой по загрунтованнымъ бокамъ кузова.

— И въ самомъ дѣлѣ, ямочки и негладко! — подхватывалъ маляръ, издали прищуриваясь на свою работу и тоже водя по ней рукою:—и какъ это могло случиться?

— Это нужно поправить! — говорилъ Михѣй Михѣичъ, сжавъ губы и вопросительно смотря на Сбяшницу.

— Поправлю!—отвѣчалъ Сбяшница:—безъ того нельзя... вонъ, трещины...

Михѣй Михѣичъ черезъ нѣсколько дней снова заходилъ на пасѣку.

— А вѣдь у тебя, погляди — опять ямочки и не заглажено!—говорилъ онъ, нагибая носъ къ каретѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, не заглажено!—удивлялся маляръ, недоумѣвая, какъ это могло случиться.

И сколько Михѣй Михѣичъ ни приходилъ на пасѣку, — медомъ тамъ удивительно пахло,—а ямочки и трещины на каретѣ оставались въ прежнемъ положеніи...

Между прочимъ, онъ крайне любопытствовалъ узнать, какъ маляръ обойдется, при своей работѣ, безъ должныхъ инструментовъ.

— Какъ это ты выточишь и вылощишь? — спрашивалъ онъ, указывая на разныя мѣста:— у тебя нѣтъ ни стамесокъ, ни пемзы!

— А вы не безпокойтесь!—отвѣчалъ маляръ:—я это все отлично сдѣлаю!—я это сапожнымъ шиломъ сдѣлаю!

— Какъ, сапожнымъ шиломъ?

— А такъ же: гдѣ вогнуто, я остріемъ-съ, а гдѣ гладко, проведу плашмя-съ...

Михѣй Михѣичъ на это теръ у себя переносицу и молча отправлялся смотрѣть пчелъ, за которыми, скажемъ мимоходомъ, въ свободное отъ работы время, было поручено смотрѣть Брусу.

Среди занятій по подмалёвкѣ и окраскѣ кареты незамѣтно мелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ.

Одинъ бокъ кузова былъ выправленъ и загрунтованъ.

Маляръ принялся за другой бокъ. Экономка Михѣя Михѣича аккуратно подносила малярамъ за обѣдомъ по рюмкѣ водки, а за ужиномъ по двѣ, и Михѣй Михѣичъ спокойно смотрѣлъ изъ окна гостиной, какъ, по условію, по праздникамъ, маляры прогуливались на четвереинькахъ передъ корчмою его хутора, несказанно тѣмъ потѣшая пеструю слобожанскую толпу.

— А знаешь что̀, Сѳяшница?—сказалъ однажды Михѣй Михѣичъ, навѣстивъ маляра: — ты бы тогда, какъ не пишешь кареты, и она сохнетъ, другое что̀ хорошее написалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Что даромъ время тратить!

— Что̀ же ты напишешь?

— Все на свѣтѣ. Для того мнѣ нужна только та краска, что зовутъ «кошечьи румяна», да хоть чуточку настоящихъ свинцовыхъ бѣлилъ.

«Кошечьи румяна», бѣлила и прочее были доставлены, и въ одно прекрасное утро Михѣй Михѣичъ обратился къ маляру съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну, что̀ же ты теперь мнѣ напишешь?

Маляръ опустилъ кисть и, глядя на оставленную работу, сказалъ:

— Напишу бѣднаго Лазаря, или прекраснаго Іосифа, высокую гору, или какъ мать сына въ походъ провожаетъ; напишу турецкаго пашу...

Черезъ нѣсколько недѣль Сѳяшница принесъ Михѣю Михѣичу что-то завернутое въ клѣтчатомъ синемъ платкѣ. На вопросъ барина: «это что такое?» онъ отвѣчалъ: «я вамъ, Михѣй Михѣичъ, снѣгиря поймалъ». — Снѣгирь, однакоже, оказался картиною, и Михѣй Михѣичъ, взявъ ее въ обѣ руки, сталъ ее глубокомысленно разсматривать... На полотнѣ былъ изображенъ кавказскій плѣнникъ.

— Хорошо, весьма хорошо!—сказалъ Михѣй Михѣичъ:— усы вышли нѣсколько будто голубые, но хорошо... очень хорошо... горы, черкесы и лѣсъ...

Услышавъ похвалу, Сѳяшница размахался руками.

— Эхъ, Михѣй Михѣичъ! Эхъ, сударь вы мой!—восклицалъ онъ:—да если бы мнѣ да этакое помѣщеніе, да краски, такъ я бы не то написалъ! Ну, что̀ это? Пустяки. Нѣтъ, я славную бы вещь написалъ! Эхъ, я уже знаю... да что... лучше и не говорить.

Раскозырявшемуся маляру, однакоже, пришлось получить

неожиданный щелчокъ судьбы. Михѣй Михѣичъ нечаянно взглянулъ на одно мѣсто картины и сдвинулъ брови.

— Послушай,— сказалъ онъ:—а рука плѣнника куда дѣвалась? ты рукавъ написалъ, и даже саблю на воздухѣ около него написалъ, а про руку и позабылъ.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! — вскрикнулъ Сбяшница: — совсѣмъ позабылъ! изъ головы вылетѣло, Михѣй Михѣичъ! право, вылетѣло!

И онъ тутъ же сбѣгалъ на пасѣку, усѣлся на перевернутомъ ведрѣ и пририсовалъ къ рукаву плѣнника забытую руку.

IV.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Другой бокъ кареты былъ окончательно загрунтованъ, и маляръ принялся покрывать его изсиня зеленою краской.

— Знаешь, Сбяшница, — сказалъ баринъ: — я думаю на дверцахъ написать свои гербы.

— Что же ничего... оно точно хорошо, какъ гербы...

— Какъ же ты думаешь, голубою или зеленою краскою написать гербы?—спрашивалъ онъ.

— Ни голубою, ни зеленою...

— Какъ такъ?

— А такъ же! Ужъ если что рисовать, такъ я вамъ съ каждой стороны, на дверцахъ, нарисую лучше по два самоварчика...

— Какъ, по два самоварчика??

— А видите ли: я въ Зміёвѣ нарисовалъ одному купцу, на вывѣскѣ, рядомъ по два одинаковыхъ самоварчика, и повѣрите ли, весь городъ повалилъ въ гостиницу къ тому купцу, и онъ разжился въ нѣсколько мѣсяцевъ, и мнѣ зато далъ плису на жилетъ и совсѣмъ почти новую шапку...

Михѣй Михѣичъ улыбнулся.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ самоварчиковъ лучше не рисуй.

— Отчего же не рисовать?

— Да такъ; это, кажется, теперь не въ модѣ.

— Такъ какъ же? Вѣдь этакъ вся карета будетъ безъ украшеній...

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше будетъ безъ украшеній, а самоварчики... это не въ модѣ...

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ съ той поры, какъ маляры поселились на пасѣкѣ Михѣя Михѣича.

Омелько Брусъ блаженствовалъ. Сояшница, однакоже, замѣтилъ, что его пріятель съ нѣкотораго времени начинаетъ впадать во многія, не совсѣмъ благовидныя наклонности, хмурилъ брови и дулся. Такъ, напримѣръ, оказалось, что въ ульяхъ садовой пасѣки, за которою Брусу было поручено ходить, когда ихъ осенью принесли къ подвалу, чтобы, по обыкновенію, подрѣзать соты, не отыскалось ни крошки меду.

Баринъ удивился.

— Куда дѣлся медъ? говори!—спросилъ онъ строго Бруса.

— А Богъ его знаетъ, куда!—отвѣтилъ спокойно Брусъ:—можетъ-быть, высокъ, или кто-нибудь его съѣлъ.

— А вотъ, я тебя какъ положу, да вспрысну березникомъ, такъ ты и будешь у меня разсказывать.

Михѣй Михѣичъ, впрочемъ, напрасно храбрился, такъ какъ во всю жизнь онъ наказалъ одно только существо, а именно, голландскаго гуся, который во время купанья укусилъ его за голую икру, за что въ тотъ же день и попалъ въ горшокъ съ борщомъ.

За Брусомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, и было велѣно перевести его изъ пасѣки въ особую хату.

Оказалось также, что Омелько Брусъ и его жена навѣдываются безъ спроса въ огородъ, гдѣ стали исчезать ягоды, картофель и бобы. Михѣй Михѣичъ замѣчалъ объ этомъ маляру, маляръ Брусу, но Брусъ на это отмалчивался или принимался икать.

Не радовалъ сердце друга Брусъ, какъ въ тѣ времена, когда они странствовали по степи и дѣлили вмѣстѣ счастье и горе, смѣхъ и слезы.

Работа подходила къ концу.

Колеса кареты были осмотрѣны и окрашены, и маляръ принимался за покрытіе всего кузова лакомъ. Злая грусть, между тѣмъ, съѣдала сердце маляра. Онъ выходилъ изъ пасѣки, глядѣлъ на улицу, гдѣ жилъ Брусъ, и молча хмурилъ брови. Омелько, видимо, его избѣгалъ, не являлся растирать на жерновѣ красокъ и водился либо съ зажиточными хуторянами, либо съ поповичами сосѣдняго мѣстечка. И часто, изъ-за ограды сада, маляръ слышалъ, какъ при его имени, произнесенномъ Брусомъ, головы хуторянъ

обращались къ пасѣкѣ и раздавался хохотъ чернобровыхъ хуторянскихъ красавицъ.

— Эхъ-ма!—говорилъ на это маляръ:—вѣдь вотъ человѣкъ! Ну, не говорилъ ли я? вѣдь только даромъ живетъ на свѣтѣ! Такіе ли бываютъ подмалярія? Знаемъ мы васъ, шеромыжниковъ... Эхъ, дай-ка мнѣ хорошихъ рабочихъ, написалъ бы я славную вещь... И всѣ бы тогда сказали: «ишь ты, сидѣлъ-сидѣлъ, да и написалъ такую вещь, что̀ еще и не видано...»

Замѣтивъ, что маляръ начинаетъ сильно тосковать, Михѣй Михѣичъ, въ утѣшеніе его, подарилъ ему старенькое охотницкое ружье.

Маляръ, однакоже, не прикасался къ ружью и даже съ сердцемъ говорилъ Брусу, который иногда являлся на па̀сѣку пострѣлять въ отсутствіе Солашницы воробьевъ: «оставь ты эту бѣсову вещь, Омелько, оставь: еще глазъ выбьешь!»—«Ничего, не выбью!» — отвѣчалъ на это Брусъ. — «Какъ, не выбьешь! оставь, говорю тебѣ: забылъ ты развѣ, какъ Михѣй Михѣичъ хотѣлъ тебя высѣчь за медъ? забылъ?»—«Гдѣ забылъ, вовсе не забывалъ! только ужъ не знаю, можно ли кого на свѣтѣ высѣчь за воробьевъ!»—«Воробьи, Омелько, тоже хотятъ жить, и ты—дрянь, а не человѣкъ, если станешь ихъ убивать!»

Однажды маляръ шелъ за мукою черезъ господскій дворъ. Въ окнахъ дома раздался крикъ. Помѣщикъ, блѣдный и растерянный, выбѣжалъ на крыльцо.

— Маляръ, маляръ!—кричалъ онъ:—бѣги скорѣе на па̀сѣку и неси свое ружье; мои заперты въ кладовой; а въ чуланъ вскочилъ бѣшенный котъ, только-что взбѣсился!

Маляръ оглянулся, выхватилъ изъ-подъ плеча пустой хлѣбный мѣшокъ и сказалъ: «на па̀сѣку далеко, а я и этимъ кота поймаю!» — Съ этими словами онъ вбѣжалъ на крыльцо, отперъ дверь чулана и остановился на порогѣ.

Жирный сѣрый котъ ключницы дѣйствительно взбѣсился и, злобно вращая помутившимися глазами, съ пѣною у рта, ходилъ по чулану...

Маляръ присѣлъ на корточки, разставилъ передъ собою мѣшокъ и сталъ подходить къ коту. Михѣй Михѣичъ, блѣдный, стоялъ за нимъ. Котъ вытянулся, ощетинился, замяукалъ и бросился на маляра; маляръ бросился на кота.

Помѣщикъ вскрикнулъ и пошатнулся. Когда онъ раскрылъ

глаза, котъ сидѣлъ уже въ мѣшкѣ маляра, и послѣдній молча закручивалъ надъ нимъ веревку.

— Въ воду, въ воду его!—кричали дворовые, когда маляръ вытащилъ и торжественно вынесъ кота на крыльцо.

Маляръ пошелъ къ рѣкѣ. Помѣщикъ и дворня слѣдили за нимъ.

«Зачѣмъ, — разсуждалъ маляръ, — я кину кота въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ? Мѣшокъ можетъ на что-нибудь пригодиться!»

Онъ сталъ развязывать мѣшокъ...

Но едва узелъ развязался, котъ стремительно ударился въ его руки, весь въ пѣнѣ выскочилъ изъ мѣшка и вспрыгнулъ ему на шапку. Маляръ въ ужасѣ присѣлъ къ землѣ...

Ощетинившись на немъ и дико мяукая, котъ сталъ его скрести когтями...

Михѣй Михѣичъ окончательно потерялся и бросился бѣжать къ дому безъ памяти, крича и махая руками.

Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, и котъ, завертѣвшись кубаремъ, полетѣлъ съ головы маляра въ воду. Всѣ съ изумленіемъ оглянулись на звукъ неожиданнаго выстрѣла...

Изъ двери пчелиннаго шалаша голубою струйкой тянулся дымокъ. Омелько Брусъ, склонившись надъ ружьемъ, блѣдный стоялъ у порога шалаша и молча осматривалъ курокъ.

Сбяшница увидѣлъ, кто былъ его спасителемъ, и въ безумной радости кинулся къ своему другу.—«Голубчикъ мой, Омелько! Такъ это ты убилъ кота?»—кричалъ онъ, смаргивая крупныя, катившіяся по усамъ слезы.

Брусъ на это не поднялъ даже головы, какъ будто это былъ не онъ, и сквозь зубы ворчалъ, пристально разглядывая ружье: — «Вотъ такъ ружье, Ей-Богу, и не думалъ, чтобы не промахнуться, а оно и убило кота! Славное ружье, чтобъ бѣсъ забралъ его батька!»

Въ груди маляра похолодѣло.

— Такъ ты не радъ, Омелько, что спасъ меня? — спросилъ маляръ.

— Гдѣ не радъ! Я только говорю, что какъ это я такъ вѣрно попалъ въ кота! И не думалъ совсѣмъ попадать, а уже на удачу...

Случилось около того же времени, маляръ завелся соб-

ственнымъ боченкомъ полынной водки и тщательно сберегалъ этотъ напитокъ въ погребѣ около шалаша.

Онъ долго имъ пользовался втихомолку и вдругъ замѣтилъ, что боченокъ началъ пустѣть, будто усыхать, и скоро водки осталось на его днѣ не болѣе нѣсколькихъ стакановъ... Изумился маляръ, осмотрѣлъ боченокъ: ни одной щели не было на его бокахъ. — «Должно-быть, повадился воръ!» — рѣшилъ Сѣяшница и задумалъ, во что бы то ни стало, поймать вора.

Онъ залѣзъ на ночь подъ лавку, на которой стоялъ боченокъ, и только-что успѣлъ умѣститься, какъ дверь погреба тихо скрипнула, и въ него сталъ спускаться какой-то человѣкъ съ фонаремъ.

Боченокъ снятъ со скамьи; кто-то опрокинулъ его надъ головой.

Сѣяшница быстро выскочилъ изъ своей засады и остолбенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Омелько Брусъ...

Маляръ стиснулъ зубы.

— Такъ это ты, Омелько, мою водку воруешь?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я! — отвѣтилъ Омелько, безсознательно разглядывая боченокъ...

Маляръ вздохнулъ.

— И полюбилась тебѣ моя водка?

— Какъ не полюбилась!..

— Отчего же ты не пришелъ ко мнѣ и не попросилъ?

Брусъ молчалъ.

— Зачѣмъ же ты... сюда... по ночамъ... сюда, Омелько?

Голосъ маляра дрогнулъ.

— Лучше бы ты, Омелько, взялъ ножъ да и зарѣзалъ меня, какъ стараго барана!—сказалъ Сѣяшница и вышелъ изъ погреба; слезы душили его, и онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

На другое утро маляръ, позабывшись, за чѣмъ-то опять вошелъ въ погребъ: боченокъ, ужъ окончательно допитый, лежалъ на полу.—«Собака!»—сказалъ съ холоднымъ негодованіемъ маляръ, отталкивая ногою боченокъ.

Съ той поры онъ заперся въ шалашѣ, перестал пускать къ себѣ Бруса и болѣе не промолвилъ съ нимъ ни слова. Да и не къ чему уже было говорить съ Омелькой.

Омелько въ это время неожиданно приказалъ всѣмъ долго жить...

Произошло это такимъ образомъ.

Было то тяжелое время, когда повсюду стали запрещать ѣсть дыни, арбузы, яблоки и всякую овощь, потому что появилась страшная болѣзнь, холера. Омелько Брусъ, незадолго до того времени, сталъ окончательно пропадать по оврагамъ и пропивать послѣдній платокъ жены. Но вдругъ онъ неожиданно остепенился и даже сталъ заводиться хозяйствомъ. Онъ, между прочимъ, посѣялъ огородъ и день и ночь его караулилъ, не трогая ни капли водки. Огородъ у Бруса созрѣлъ, но никто не покупалъ у него овощей.— «Что! — подумалъ Брусъ, — повезу я ихъ хоть по помѣщикамъ; можетъ, на кормъ скоту купятъ!» — И онъ навалилъ дынями и арбузами огромный возъ. Солнце пропекло его до костей. Воды негдѣ было взять, и Брусъ, забывшись, проткнулъ пальцемъ большую дыню, выпилъ ее съ сѣмечками до дна, заболѣлъ—да дорогою и умеръ.—Лошадь его привезла къ чьей-то усадьбѣ. Дворня со страхомъ обступила возъ и повернула его оглоблями назадъ; лошадь обратно повезла хозяина въ деркачёвскіе хутора.—Шумъ поднялся на тихой улицѣ. Народъ сбѣжался, но никто не рѣшился коснуться бѣднаго Бруса. Сама его жена, увидѣвъ трупъ мужа, забѣжала неизвѣстно куда, захвативъ съ собою все уцѣлѣвшее добро покойнаго. Коснулся Омельки Бруса, снялъ его съ воза, одѣлъ и похоронилъ одинъ только человѣкъ на всемъ хуторѣ. И былъ этотъ человѣкъ — старый маляръ Сояшница. — «Всѣмъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, всѣмъ, да проворовался, какъ собака!»—говорилъ сѣдой маляръ, стоя съ лопатой надъ могилою отошедшаго друга...

Вѣтеръ шумѣлъ между черными крестами хуторскаго погоста, волнуя траву, покрывавшую одинокія могилы, и никто не видѣлъ, какъ горевалъ маляръ надъ покойнымъ другомъ.—«Эхъ-ма!—говорилъ старикъ, качая головою: — зачѣмъ ты, Омелько, проворовался!»—И глухія рыданія прерывали сѣтованія осиротѣлаго маляра.

V.

Карета была окончательно окрашена, и чистенькая и свѣтлая, какъ новый поливянный кувшинчикъ, стояла подъ навѣсомъ пчельника. Маляръ видѣлъ, что дѣло пришло къ цѣли, что настала пора расплаты; но все еще ходилъ и возился возлѣ кареты, смотрѣлъ на ея дверцы и колеса и не

рѣшался сказать ея обладателю, что работа совершенно окончена. Жаль было старику покинуть пригрѣтое и обжитое мѣстечко. Онъ кашлялъ и смотрѣлъ въ землю, встрѣчаясь съ Михѣемъ Михѣичемъ, и всегда заводилъ посторонній разговоръ. Да и Михѣй Михѣичъ, впрочемъ не торопился съ каретой. Онъ очень удобно ѣздилъ въ самодѣлковыхъ деревянныхъ дрожкахъ, которыхъ имя было «чертапхàны».

Сóяшница не зналъ, куда дѣться отъ тоски. Скитаясь безъ цѣли изъ угла въ уголъ, онъ привязывался то къ голубямъ, то къ послѣдней дворовой собакѣ, которую всѣ гнали и били безъ милосердія.

Неожиданно судьба послала ему утѣшеніе.

Стоялъ однажды, по своему обыкновенію, Михѣй Михѣичъ на крыльцѣ. Изъ кухни вышелъ заспанный лакей, Терéшко. Онъ былъ любимецъ барина и имѣлъ право заговаривать съ нимъ во всякое время, заложа руки за жилетъ и отставивъ одну ногу впередъ.

— Чего тебѣ, Терéшко?—спросилъ баринъ.

— Да я къ вашей милости.

— А что, развѣ?

— Да тамъ такое диво, что я и родился, и выросъ, и вашей милости служу, а не видѣлъ еще такого, убей Богъ...

— Что-жъ тамъ за диво?

— Гляну я въ окно, идетъ по улицѣ фокусникъ, а за нимъ бѣжитъ весь хуторъ, и мужики, и бабы. Вынулъ фокусникъ дудку и мѣшокъ, а въ мѣшкѣ сидѣлъ ученый пѣтухъ.

— Ну?

— Вынулъ фокусникъ того пѣтуха, подвязалъ ему къ ногамъ ходули изъ палочекъ и сталъ играть на дудкѣ.

— Такъ что же?

— Да бабы просятъ зазвать фокусника...

— А зазвать, такъ и зазвать.

Передъ домомъ собралась густая толпа дворни.

Фокусникъ, оказавшійся скромнымъ продавцомъ гребенокъ и ножей, явился, весело поглядывая на окружающихъ; онъ поклонился барину, попросилъ рюмку водки, выпилъ, и представленіе началось. Пѣтухъ сталъ огромными шагами расхаживать подъ дудку хозяина. Присутствующіе заливались дружнымъ хохотомъ. Баринъ всталъ. — «Терѐшко, а бѣги въ комнаты и принеси сюда моего пѣтуха!—сказалъ онъ

слугѣ:—«пусть онъ побьется съ пѣтухомъ фокусника. Я знаю, мой пѣтухъ хоть съ кѣмъ угодно побьется».

Терёшко побѣжалъ исполнять приказаніе Михѣя Михѣича.

Пѣтухъ, за которымъ онъ побѣжалъ, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный. Михѣй Михѣичъ гдѣ-то прочелъ, что если птичьи яйца положить въ теплый песокъ, на солнце, или даже просто подъ мышки, во что-нибудь мягкое, то изъ нихъ, въ опредѣленный срокъ, выйдутъ маленькіе птенцы. Онъ приказалъ себѣ принести свѣжихъ куриныхъ яицъ и, обернувъ ихъ ватою изъ теплой фуражки, подвязалъ себѣ подъ мышки платкомъ, да такъ бережно и носилъ ихъ тамъ что-то около шести недѣль. Въ ваточныхъ гнѣздахъ вывелись цыплята: подъ однимъ плечомъ курочка, а подъ другимъ пѣтухъ. Курочка скоро пропала, а пѣтушокъ выросъ и сталъ бѣгать по комнатамъ. Михѣй Михѣичъ обвилъ ему ножки краснымъ гарусомъ и продѣлъ въ ушки серьги. Пѣтухъ получилъ имя Пѣтуха Иваныча, подросъ, завелся дюжиной женъ.

— А ну-ка, Терёшко, бросай его на ученую птицу!—закричалъ Михѣй Михѣичъ, сбѣгая съ крыльца.

Гребенщикъ снялъ своего пѣтуха съ ходуль. Произошли два воинственныхъ скачка. Шеи, съ ощетинившимися перьями, протянулись, крылья развѣсились, и головы, съ налитыми кровью глазами, стали носъ противъ носа. Воинственные скачки повторились. Пѣтухи опустили головы до самой земли.—«А ну-ка, Терёшко, подталкивай нашего пѣтуха!»—сказалъ Михѣй Михѣичъ. Пѣтухи сразились. Перья на спинѣ каждаго встали и раздулись. Смертельный ударъ готовился съ обѣихъ сторонъ. Присутствующіе смотрѣли, едва переводя дыханіе... Пѣтухъ Иванычъ еще свирѣпѣе ринулся на своего соперника. Но соперникъ привскочилъ и со всею силою стукнулъ его по головѣ... Пѣтухъ Иванычъ клюнулся въ траву и распласталъ крылья. Болѣе онъ не пикнулъ: онъ былъ убитъ на повалъ...

— Ка-а-къ!—закричалъ съ запальчивостью Михѣй Михѣичъ:—такъ ты пришелъ моихъ пѣтуховъ убивать? Взять у него пѣтуха и отдать его на жаркое...

Побѣдитель безъ жалости былъ унесенъ на кухню.

Гребенщикъ оглянулся. Всѣ разошлись. Слезы закапали съ его усовъ. Онъ съ силою ударилъ дудку о крыльцо. Дудка разлетѣлась въ дребезги. Онъ пошелъ въ кабакъ.

Тамъ его отыскалъ Сояшница. Онъ приласкалъ его, утѣшилъ и даже рѣшился перевести въ свой шалашъ. Гребенщикъ съ той поры, въ самомъ дѣлѣ, и поселился у маляра. И когда Михѣй Михѣичъ, выходя прогуляться, спрашивалъ маляра: «а скажи мнѣ, Сояшница, что это у тебя за человѣкъ живетъ тамъ въ шалашѣ?»—Сояшница на это отвѣчалъ: «то ничего; то я себѣ нанялъ опять краски растирать!»—Михѣй Михѣичъ довольствовался отвѣтомъ Сояшницы и не тревожилъ его новыми разспросами.

Недолго, однако, наслаждался Сояшница обществомъ нового своего друга.

Однажды (это было въ началѣ первыхъ зимнихъ морозовъ, когда холодный вѣтеръ неожиданно потянулъ изъ-за рѣчки) Сояшница жарко истопилъ печь, легъ на лежанку и до глубокой ночи не могъ закрыть глазъ, ворочаясь съ боку набокъ и невольно сравнивая своего молчаливаго гостя съ покойнымъ Омелькой Брусомъ. И сквозь легкую дремоту видѣлось ему былое, невозвратное время, статный, широкоплечій парень, съ синякомъ, похожимъ на родимое пятно, подъ глазомъ, цвѣтущая степь, широкій косогоръ и море травъ, по которымъ ныряетъ пара круторогихъ воловъ и тяжелый хуторянскій возъ.—Гость маляра также не спалъ и поминутно ворочался.

Когда маляръ проснулся и протеръ глаза, въ шалашѣ не было ни души. Кровать, на которой спалъ его гость, была пуста, и вѣтеръ прорывался въ раскрытую дверь. Сояшница накинулъ на плечи шубу, выскочилъ изъ шалаша, заглянулъ подъ навѣсъ, гдѣ стояла карета, заглянулъ въ погребъ: нѣтъ ни души, и только первый снѣгъ кружился и сыпался на землю тяжелыми, волнующимися хлопьями. Первою мыслію маляра было, что молчаливый гость обворовалъ его и убѣжалъ. Но онъ тутъ же отклонилъ отъ себя это недостойное подозрѣніе и рѣшилъ, что гость, вѣроятно, соскучился и пошелъ искать себѣ инаго пріюта и иныхъ друзей.

Горько усмѣхнулся Сояшница, надвинулъ на уши шапку и вышелъ изъ шалаша, съ цѣлью, во что бы то ни стало, вернуть назадъ безумнаго сожителя. Свѣжіе слѣды виднѣлись подъ навѣсомъ куреня, у двери, на занесенной полоскѣ снѣгу. Онъ кинулся по этимъ слѣдамъ. На дворѣ его окликнулъ сторожъ, одинъ изъ его пріятелей:

— Куда ты въ такую пору, Сояшница?

— А вотъ, я на амбаръ: хочется на голубей посмотрѣть — не подмерзли бы!—отвѣтилъ старикъ, и онъ скоро скрылся изъ глазъ сторожа...

Слѣдующее за этимъ утро было ясно и безоблачно. Солнце весело катилось по голубому небу. Равнины искрились серебромъ перваго снѣжнаго убора. Михѣй Михѣичъ, въ тепломъ бешметѣ и въ ваточномъ картузѣ, съ суконными клапанчиками на ушахъ, сходилъ съ крыльца, собираясь побродить по хозяйству. И только-что онъ подумалъ: « а посмотримъ, много ли дѣвки надрали пуху», — какъ къ его дому подъѣхалъ возъ, покрытый рогожею. Сотскій шелъ возлѣ воза и что-то говорилъ рыжему въ веснушкахъ парню, который погонялъ воловъ.

— Что тебѣ, Никита? — спросилъ Михѣй Михѣичъ сотскаго.

— А вотъ, работникъ мой ѣхалъ по степи съ сѣномъ и подъ стогомъ нашелъ двухъ замерзшихъ людей.

Парень откинулъ съ воза рогожу. На кучѣ сѣна лежали окоченѣлые маляръ Сбяшница и гребенщикъ.

VI.

Судьба сжалилась надъ маляромъ и не допустила его отойти изъ дольняго міра такимъ печальнымъ путемъ. По распоряженію Михѣя Михѣича, тѣла замерзшихъ со всѣми усиліями были оттираемы, и когда ничто не помогало, ихъ поставили въ такъ называемый *мертвый домикъ*, который читатель всегда встрѣтитъ на многихъ степныхъ кладбищахъ.

Михѣй Михѣичъ нѣсколько трусилъ, не зная, кому отдать слѣдуемую плату за карету, и опасаясь, какъ бы маляръ самъ, въ видѣ мертвеца, не пришелъ за нею ночью. Мертвецъ, однако, его не безпокоилъ. Когда, передъ вечеромъ, сторожъ вошелъ въ мертвый домикъ, замерзшій гребенщикъ лежалъ на столѣ, а маляра тамъ не было. — Сторожъ заглянулъ подъ столъ и въ канавы, окружавшія кладбище, даже на колокольню: нигдѣ не было старика. Сбяшница ожилъ, покинулъ мертвый домикъ и притащился къ себѣ въ шалашъ, истопилъ тамъ печь, сварилъ себѣ кашу, обогрѣлся, про палъ чуть не цѣлыя сутки и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но уже лучшія струны его души были порваны, и онъ болѣе не выходилъ изъ холодной, постоянной тоски. Тѣнь

перваго его друга, Омельки Бруса, носилась передъ нимъ, и онъ съ печальнымъ раздумьемъ смотрѣлъ черезъ заборъ сада. Однажды онъ пробовалъ-было расхрабриться передъ хуторянскими молодицами и объявилъ, что вы, вотъ, не смѣйтесь, что онъ самъ женатъ, и что его жена молода и не уступитъ никакимъ на свѣтѣ молодицамъ. И когда въ его словахъ усомнились, онъ пошелъ къ Михѣю Михѣичу, занялъ у него, въ счетъ будущей платы за карету, денегъ и сообщилъ, что пойдетъ за женою и приведетъ ее на хуторъ.—Отправился маляръ въ дорогу. Весь путь его мочилъ холодный дождь и била острая осенняя стужа. Иззябшій и измученный, добрался онъ къ купцу, у котораго проживала работницею его жена. — Нѣсколько десятковъ верстъ, пройденныхъ пѣшкомъ, дали себя знать старику. Купецъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: «Да развѣ это твоя жена?»—«Моя!»—отвѣтилъ Сояшница.— Купецъ задумался, повелъ его въ свои комнаты, накормилъ его, напоилъ и сказалъ: «Жены твоей теперь у меня нѣтъ!»— «Какъ нѣтъ? Гдѣ же она?»—спросилъ маляръ измѣнившимся голосомъ.—«Она,—вотъ видишь ли... она теперь уже не у меня, а у одного аптекаря, въ Харьковѣ, нанимается... ключницею». — Маляръ разставилъ руки и вперилъ глаза въ землю. Слеза выкатилась изъ-подъ его рѣсницы и, задрожавъ, повисла на небритомъ подбородкѣ.—«Ступай и возьми свою жену! она здорова, сыта и тебѣ обрадуется!» — сказалъ купецъ.

Маляръ печально улыбнулся.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ: — жена теперь не пойдетъ за мною! Дождь, и теперь очень мокро!

— Какъ не пойдетъ? Да ты ее возьми силою; на то ты мужъ..,

— Мужъ!.. нѣтъ, она не пойдетъ!—замоталъ головою маляръ:—я ужъ знаю свою жену! не пойдетъ, потому дождь и мокро.

И, несмотря на всѣ увѣщанія купца, онъ покинулъ Харьковъ и опять пустился въ длинный путь. Ночуя подъ копнами и въ старыхъ кирпичныхъ заводахъ, пришелъ онъ къ Михѣю Михѣичу и молча подалъ ему гривенникъ.

— Что это?—спросилъ его изумленный баринъ.

— Это осталось отъ денегъ! Возьмите, отдадите разомъ, при расплатѣ за карету; а то еще пропьешь его, какъ паршивый бродяга.

— А гдѣ же твоя жена?
— Осталась тамъ.
— Какъ осталась!—ты развѣ не былъ въ Харьковѣ?
— Былъ, да она не пошла бы за мною!
— Какъ не пошла бы?—Что ты городишь?
— Мокро!.. Я ужъ знаю свою жену; не пошла бы, потому что дождь и очень мокро.

Съ той поры маляръ точно преобразился, сталъ совершенно спокоенъ. Еще онъ иногда возился съ подпилкомъ у винтовъ и у ручекъ кареты. Но уже работы надъ нею не доводилъ до конца. Прислонясь къ забору сада, онъ смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ въ поле, по которому носились, каркая, черныя ворòны. Онъ ужъ не встряхивалъ сѣдыми волосами, говоря о томъ, что вотъ придетъ время, и онъ напишетъ такую славную и хорошую вещь... Маляръ видимо угасалъ и, какъ бы предчувствуя близкій конецъ, не заводилъ ни съ кѣмъ разговора.

Баринъ звалъ его иногда къ передъ-обѣденной порціи водки. Но маляръ отводилъ рукой поданную ему рюмку и молча устремлялъ въ землю глаза, нежданно залитые слезами. Баринъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на маляра.

— Чтò съ тобою, Сòяшница?—спрашивалъ онъ.
— Скучно мнѣ, сударь, вотъ чтò...
— Какъ скучно?—что за чепуха...
— Такъ-таки совсѣмъ скучно!

Баринъ смотрѣлъ на донышко рюмки.

— Но отчего же тебѣ скучно?
— А врагъ его знаетъ!—отвѣчалъ маляръ, утирая рукавомъ катившіяся на кончикъ носа слезы:—вездѣ скучно: и въ шалашѣ скучно, и на хуторѣ, и въ полѣ, просто—на свѣтъ бы не глядѣлъ...
— Что же? вѣрно война будетъ?—спрашивалъ Михѣй Михѣичъ.
— Ну, войны не будетъ! а просто скучно—руки бы на себя наложилъ...
— Тебѣ, вѣрно, жаль... кого?—допрашивалъ Михѣй Михѣичъ:—вѣрно, жены?
— Не ее, а Бруса!—отвѣчалъ тихо маляръ и уже не могъ удержаться... Глухія рыданія вырывались изъ его старой груди.

Въ свѣтлый іюньскій вечеръ, когда въ прозрачномъ воздухѣ, противъ солнца, роились мошки и облака ярко блистали за рѣкою,—когда дружно звучали въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пѣсни идущихъ съ работы косарей и на хуторѣ передъ колодцемъ, тихо бесѣдуя, стояли поселяне и поселянки,—маляръ Сѣяшница, лежа на тулупѣ передъ шалашомъ, вслушивался въ шопотливые звуки степного вечера. Отрадно было ему дышать свѣжимъ воздухомъ, напоеннымъ благоуханіями цвѣтовъ. Онъ робко улыбался, вглядываясь въ отдаленные очерки полей. Солнце золотило круглую вершину клена, одиноко поднявшагося на просѣкѣ зеленаго сада. Кукушка звонко куковала въ кустахъ за рѣчкой, въ осиновой рощѣ... Маляръ сталъ считать крики кукушки, далеко разносившіеся въ чистомъ вечернемъ воздухѣ,—сталъ считать съ мыслью:—«а посмотримъ, сколько еще мнѣ лѣтъ остается жить на свѣтѣ»... и не досчиталъ. Стараго Сѣяшницы не стало въ живыхъ...

Случилось мнѣ, въ качествѣ депутата крестьянскаго комитета, проѣзжать мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе разсказа. Вечеръ засталъ меня въ полѣ, и я завернулъ на постоялый въ деркачевскихъ хуторахъ. Постоялый былъ вблизи хуторского кладбища.

Я вспомнилъ о лицахъ, похороненныхъ здѣсь, и захотѣлъ взглянуть на ихъ одинокія могилы.

Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Въ концѣ хутора показались двое крестьянъ.

Я подозвалъ одного изъ нихъ, онъ вызвался меня проводить на кладбище.—«Гдѣ тутъ могила маляра Сѣяшницы?»—спросилъ я его.

Провожатый указалъ палкой на деревянный крестъ и отвѣтилъ:

— Вонъ она.

Я подошелъ къ кресту.

— А гдѣ могила Омельки Бруса, что похороненъ тутъ? Провожатый помолчалъ и отвѣтилъ:

— Да это она же и есть.

— Какъ она? Ты же сказалъ, что это — могила маляра! Мужикъ звѣвнулъ и сказалъ:

— Ну, да, она и есть могила маляра!

— А Омелько Брусъ гдѣ похороненъ?—спросилъ я.

— Омелько Брусъ?

— Да!

— Не знаю. Такого тутъ и не бывало. Да и маляръ, постойте, должно быть, не тутъ похороненъ! — прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

— Ну, а не знаешь ли ты, гдѣ похороненъ у васъ прохожій гребенщикъ? онъ тоже, если помнишь...

Мужикъ надвинулъ шапку, запахнулъ полы зипуна и молча пошелъ обратно къ кабаку, не удостоивъ меня отвѣтомъ... У кабака слышалась пѣсня.

На постояломъ мнѣ не спалось. Я всталъ, посмотрѣлъ на часы, закурилъ сигару и вышелъ на улицу.

Деревушка стихла.

Посидѣвъ нѣсколько времени на откосѣ канавы у барскаго двора, я уже хотѣлъ идти обратно на постоялый, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто̀ едва двигался и бормоталъ, или, вздыхая, пѣлъ. — «Конкуррѐнтусъ, винѐнтусъ, бабѐнтусъ»...—отдавалось въ тишинѣ.

Я поднялъ голову. При блескѣ мѣсяца, на полянѣ показалась, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ длинномъ балахонѣ, фигура старика, повидимому, слѣпого. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятныя слова, онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю!—сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты?—спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Михѣя Михѣича... крѣпостной и усердный рабъ или холопъ, Емельянъ Иванычъ Бутко... Отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій, — отъ малыхъ лѣтъ, отъ холопства имѣлъ необычайный голосъ!.. А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство. Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все—пустяки, дрянь, ваша милость.

— Какъ пустяки, отчего?

— Пустяки,—повторилъ онъ и даже плюнулъ:—сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ! Я съ малыхъ лѣтъ былъ пѣвчимъ у

дѣда и у отца моего нынѣшняго владѣльца: дискантище у меня былъ бѣдовый! А теперь? Вотъ, вчера и сегодня я пьянъ; ну, пьянъ, и пьянъ, даже въ канавѣ вонъ проспалъ цѣлый день... Ну, а баринъ мой, значитъ, Михѣй Михѣичъ наидобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно, а прежде дали бы дерку, посватали бы съ березой, на пять недѣль закаялся бы...

Я не оспаривалъ отставного музыканта, сказавъ только, что, пожалуй, ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ опять усмѣхнулся, замигалъ слабыми глазами и смолкъ. Выраженіе его безбородаго, желто-блѣднаго и морщиноватаго лица изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое.

— Скучно на свѣтѣ, вотъ что-съ,—добавилъ онъ:—скучно, а выпьешь, и веселѣе станетъ... Эхъ, сударь вы мой,— покачалъ онъ сѣдой, плотно остриженной головой: — гдѣ она, вольность-то, у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или мухи крылатыя? или звѣрь полевой? Нѣтъ ея, нѣтъ, и бѣсъ одинъ, видно, знаетъ, гдѣ она! Нѣту. И пусть на нее молодые не таращатся. Нѣту-ти, и лучше не ищите!

Онъ тряхнулъ картузомъ, какъ-то всхлипывая, вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью разъ и другой, надѣлъ его на затылокъ и пошелъ далѣе черезъ дворъ къ какой-то канурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Емельянъ Ивановичъ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» — Но старикъ не воротился.

Ночь свѣжѣла. «Стожаръ», или «волосожаръ», по мѣстному названію—золотая горсточка звѣздъ на сѣверной сторонѣ неба—высоко поднималась надъ землей,—признакъ близости утра. Большая Медвѣдица, по-здѣшнему—возъ, склонила къ землѣ свое дышло и подняла бока своей воздушной колесницы...

Со стороны кладбища, къ которому принадлежалъ огородъ и садъ хутора, послышался въ тишинѣ протяжный окликъ. Онъ замолчалъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды и кладбище, должно быть, парень, кричалъ товарищу: «Иване, Иване! А чи не хочешь ты Гапки?» — И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по огородамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

1853 г.

ХРИСТОСЪ-СѢЯТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Жилъ старый и вдовый казакъ Наумъ. У него было два сына, Андрей и Иванъ. Наумъ разбогатѣлъ извозомъ соли и торговлею скотомъ, выселился изъ родной деревни и сѣлъ невдали отъ нея особнякомъ, завелъ въ степи, у лѣса, свой хуторъ.

Люди завидовали счастью и богатству Наума. Хата у него была просторная, крыта подъ гребёнку камышомъ и раскрашена цвѣтными разводами, дворъ обнесенъ заборомъ. А во дворѣ—чего не было? телята, куры, гуси, свиньи, крѣпкія доморослыя лошади и раскормленные, круторогіе волы, да не одна пара, а паръ пять—какъ вытянутся въ возахъ подъ солью, точно писанные, идутъ важно и тащатъ каждый за двухъ и трехъ.

Старикъ былъ еще въ силахъ, но почувствовалъ близкій конецъ и позвалъ старшаго сына Андрея. Говоритъ ему:

— Ты уже женатъ, хозяйка у тебя добрая, имѣешь малыхъ дѣтокъ,—а Иванъ еще холостъ: оставляю вамъ наслѣдство. Бери заступъ.

И повелъ Андрея къ лѣсу.

Былъ вечеръ, взошелъ мѣсяцъ. Они достигли лѣса и здѣсь остановились на полянѣ, въ кустахъ, у корявaго дуплистаго дуба.

— Копай,—сказалъ отецъ:—а я буду сторожить.

Андрей сталъ копать и выкопалъ чугунный котелокъ съ крышкою. Отецъ поднялъ крышку: котелокъ полонъ сере-

бряныхъ дукатовъ, а между ними желтѣютъ на мѣсяцѣ и червонцы.

— Слушай,—сказалъ отецъ Андрею:—ты теперь знаешь, гдѣ наше добро. Люди считаютъ меня колдуномъ, а дѣло простое: все нажито моими и вашими трудами. Говорятъ, золото вѣско, а къ верху тянетъ, и что всего веселѣе свои деньги считать. А я скажу: трудись, паши и сѣй; какова пашня, таково брашно. Пёсъ косматъ, ему тепло; мужикъ богатъ, ему добро. Только деньгами не чваньтесь и Бога чтите. Иванъ молодъ; когда женится и будетъ у него первый ребенокъ, отдайте часть этихъ денегъ на домъ Божій, остальнымъ и прочимъ подѣлитесь по-ровну и, чтя Господа, разживайтесь далѣе. Богъ вѣнчаетъ труды; малъ муравей, а горы роетъ. Я тебѣ, какъ старшему, повѣдалъ эту тайну; блюди ее и всю семью накрѣпко.

Котелокъ опять зарыли въ землю и возвратились. Старикъ прожилъ еще лѣто, дотянулъ до осени и осенью померъ.

Прошли три года. Андрей и Иванъ живутъ дружно, трудятся, торгуютъ и ведутъ хозяйство, какъ и при отцѣ.— «Вотъ лихой не взялъ колдуновыхъ дѣтей,—толкуютъ люди:— они еще гораздѣе отца. Все имъ спорится. Золотой молотокъ и желѣзныя ворота прокуетъ!»—Весною третьяго года Иванъ, на проводахъ, на родныхъ могилахъ, разглядѣлъ чернобровую и румяную Ганну. Ганна полюбилась ему. Любовь—не пожаръ, загорится—не потушишь; Иванъ рѣшилъ посвататься.

Миновала лѣтняя страдная пора, поспѣлъ, былъ убранъ и обмолоченъ хлѣбъ. Пошли по селамъ и хуторамъ гулянки и веселье; извѣстно, осенью и у воробьевъ—пиво. На Покровъ Андрей послалъ братниныхъ сватовъ къ отцу Ганны, а передъ Филипповками справилъ и братнину свадьбу.

Жены Андрея и Ивана зажили мирно; по очереди прибирали хату, пекли и варили, шили и пряли, доили коровъ и ходили за птицею и скотомъ. Не налюбуются братья своими хозяйками. Такъ прошелъ еще годъ.

Андрей видитъ, что Иванъ все бездѣтенъ, и стало ему жаль брата. Онъ вспомнилъ завѣщаніе отца. Хочется ему утѣшить Ивана, раздѣлить съ нимъ отцовы деньги и прочее наслѣдство, и боится нарушить заповѣдь отца. Придумалъ другое. Выждалъ время и, когда оба они пахали, выпрягъ воловъ, пустилъ ихъ на пашню и повелъ брата къ дубу.

— Ты, Иванъ, добрый и мнѣ почтительный братъ,—сказалъ онъ: — и твоя хозяйка уважаетъ мою. Скажу я тебѣ отцову тайну. Онъ намъ, кромѣ хозяйства, оставилъ деньги. Вотъ у этого дуба, съ этой стороны и подъ этимъ корнемъ, зарытъ котелокъ съ дукатами и червонцами. Говорю это тебѣ на случай моей смерти. Никто, кромѣ меня, даже моя хозяйка, про то не знаетъ. Видишь, я тебѣ открылся; но дѣлиться мы до срока не можемъ,—отецъ положилъ зарокъ.

И онъ разсказалъ брату этотъ зарокъ. Иванъ поклонился Андрею въ ноги. Говоритъ:

— Спасибо тебѣ, что ты мнѣ довѣрилъ; другой на твоемъ мѣстѣ утаилъ бы такое наслѣдіе; вижу—настоящій ты мнѣ братъ. Можетъ-быть, ожидать намъ уже недалеко, — соблюдемъ волю отца.

Иванъ говорилъ отъ сердца. Какъ сказалъ, такъ и поступилъ; не настаивалъ на раздѣлѣ отцова наслѣдства, продолжалъ трудиться вмѣстѣ съ братомъ, но не утерпѣлъ обрадовать жену. Былъ Иванъ съ нею на ярмаркѣ. Видитъ, что всѣ, даже послѣдніе, завалящіе мужиченки снуютъ у красныхъ товаровъ, женамъ покупаютъ наряды. Иной и въ вешній день, какъ обгорѣлый пень,—ни хижи, ни крыши, пыль, да копоть, что нечего и лопать,—а тоже на послѣднюю полтину тащитъ женѣ обновку. Тотъ красную плахту, этотъ коралловое монисто, цвѣтные сапоги, либо платокъ.

И взяла Ивана досада. Въ тотъ годъ былъ неурожай, скотъ дешевъ, и всѣ обратно гнали домой непроданный товаръ. Гдѣ тутъ было просить у брата денегъ на наряды женѣ? Андрей же и съ своею хозяйкою былъ на это скупенекъ, говоря въ шутку: «лучшее ожерелье — женино смиренье!»

— Не тужи,—сказалъ Иванъ дорогою хозяйкѣ:—будутъ и у насъ деньги; тогда все тебѣ куплю, будешь какъ писаная краля. Пойдемъ на богомолье, отслужимъ молебенъ, и Господь намъ дастъ дѣтей. Дѣти—благодать Божья; у кого ихъ много, тотъ не забытъ отъ Бога.

Ганна и безъ того въ послѣднее время была сама не своя, а тутъ совсѣмъ задумалась: на что это намекаетъ мужъ? Дѣло не простое; у него что-нибудь особое на умѣ. Она стала допытывать мужа; онъ не сдается. Но когда они сходили на богомолье и возвращались домой черезъ лѣсъ, Иванъ, будто отъ усталости, присѣлъ подъ дубомъ,

заставилъ жену побожиться, что она никому не выдастъ его словъ, и не только разсказалъ ей завѣтъ отца о кладѣ, но и показалъ ей самое мѣсто, гдѣ кладъ былъ зарытъ. Жена отъ радости заплакала и всѣми святыми поклялась, что никому не откроетъ сообщенной ей тайны.

Съ той поры Ганна повеселѣла и еще болѣе стала угождать мужу и семьѣ брата. Ранѣе другихъ встанетъ, позже всѣхъ ложится спать. Копаетъ въ огородѣ—поетъ; треплетъ кудель, или по колѣна въ водѣ моетъ бѣлье, голосистая пѣсня не умолкаетъ. Люди говорятъ: «Андреева баба—молодецъ, а Иванова и того лучше; никто противъ нея не смолотитъ и не сожнетъ; по ихъ хутору и по ихъ землѣ Богъ походилъ».

Было о Петровкахъ. Стояло грозовое лѣто. Тучи сходились, застилая небо. Раздавались раскаты грома и падали обильные, благодатные дожди. Хлѣба зазеленѣли на диво. Травы стояли по поясъ. Вздорожалъ скотъ, овцы и всякая живность. Братья погнали на ближній торгъ старыхъ коровъ и лишнихъ овецъ и отлично продали. Рѣшили—и на другой, болѣе дальній торгъ погнали откормленныхъ за зиму воловъ. Съ ними по пути поѣхала и Андреева жена,—показать знахарю больное дитя. Дома осталась одна Ганна. Она управилась по хозяйству, уложила Андреевыхъ дѣтей спать и сама легла. Не спится ей. Смутныя мысли проносятся въ головѣ. Лѣсной кладъ не выходитъ изъ ума.

Ганна вышла изъ хаты, постлала зипунъ у порога и легла. Свѣжѣе на воздухѣ. Ночь темная, тихая. Все небо усѣяно звѣздами; то и дѣло онѣ золотыми искрами сыплются съ неба на землю.—«Точно червонцы!»—подумала Ганна, накрывая зипуномъ голову, чтобы не видѣть этихъ падучихъ огней, этого непрестаннаго сверканія.—«Нѣтъ, то—Божій теремъ,—думаетъ она,—звѣзды—окна, и черезъ нихъ ангелы вылетаютъ на землю!»

И вдругъ она вздрогнула, не понимая, во снѣ или на яву она испытывала то, что̀ потомъ съ нею сталось. Ганна подумала: «Зачѣмъ Ивану дѣлить кладъ съ Андреемъ? Иванъ лучше Андрея: такъ красивъ и добръ, а ужъ любитъ меня... Завладѣемъ сами отцовскимъ богатствомъ; не даромъ всѣ смѣются, зовутъ насъ скопидомами; покажемъ людямъ, какъ слѣдуетъ жить,—да мужъ еще и болѣе по-

любить меня». — Она вспомнила, куда поставила заступъ, взяла его и, не обувшись, на босу ногу, пошла въ лѣсъ.

Въ лѣсу было тихо и темно. Ганна отыскала поляну и дубъ, стала рыть у его корня, а руки трясутся, едва держать заступъ. Поборола она страхъ, выкопала котелокъ и заровняла землю, даже травою прикрыла то мѣсто, гдѣ онъ былъ зарытъ. Открыла крышку, тронула подъ нею рукой и обомлѣла: котелокъ, дѣйствительно, былъ полонъ денегъ.— «Ну, куда же съ этимъ теперь?—стала думать Ганна:— дома не спрятать, не уберечь; кинутся, отыщутъ и все отберутъ».—Она прошла въ глубину лѣса, исколола ноги и руки и, разглядѣвъ при мерцаніи звѣздъ суховерхую, далеко съ поля всегда видную липу, зарыла подъ нею котелокъ.— «Теперь не найдутъ!» —подумала Ганна и ушла, оглядываясь, чтобы получше запомнить выбранное мѣсто. Пришла домой, поставила на мѣсто заступъ, легла у порога и заснула.

Долго ли Ганна спала, она не помнила и даже ясно не сознавала, спала ли здѣсь въ ту именно ночь, когда сходила въ лѣсъ, или это было спустя нѣсколько времени,— только слышитъ, надъ нею говорятъ. Тихо повернула она голову: видитъ, будто свѣтаетъ, и возлѣ нея лежитъ воротившійся съ торгу Иванъ, а къ нему нагнулся, будитъ его и ему что-то тихо и испуганно говоритъ блѣдный и на себя не похожій Андрей.—«Что тебѣ?»—спросилъ его проснувшійся Иванъ.—«Какъ что? большое горе.»—«Какое?»— «Отцовъ кладъ украли.» — «А ты почемъ знаешь?» — «Ходилъ повѣрять; стащили.»—«Кого повѣрять?»—Андрей молчалъ. — «Не я укралъ!» — проговорилъ Иванъ. — «Кто же?»—«Не знаю.»—«Слушай Иванъ,—сказалъ Андрей:— кромѣ тебя никто про это не зналъ и не знаетъ; покайся, укажи, куда ты деньги снесъ, я тебя прощу». — «Не я укралъ, божусь.»—«Нѣтъ, ты.»—Иванъ вскочилъ. Ганна, ни жива, ни мертва, лежала, боясь шелохнуться и выдать себя. Кругомъ еще болѣе посвѣтлѣло.—«Такъ я—воръ?»— спросилъ Иванъ.—«Да, воръ,—отвѣтилъ Андрей:—и если ты не признаешься, не скажешь,—конецъ тебѣ».—Иванъ бросился на брата; а у того въ рукахъ ножъ. Ганна примѣтила лезвіе ножа, увидѣла искаженное злобою лицо деверя и обиженное лицо мужа, хотѣла крикнуть имъ, сознаться во всемъ, и не могла произнести ни слова. Надъ нею въ су-

меркахъ началась нѣмая, страшная борьба родныхъ братьевъ. Ни криковъ, ни стоновъ. Теплая кровь закапала на лицо Ганны.

Она очнулась. Видитъ, — давно наступило утро; мычатъ въ хлѣвахъ коровы, отзываются телята и овцы, просясь въ поле. Ганна вскочила, оглянулась по двору, бросилась въ хату и тутъ поняла, что ей привидѣлся сонъ: клада она не вырывала и Андрей съ Иваномъ еще не возвращались домой.

«Такъ это былъ сонъ? — подумала, крестясь, Ганна,— сонъ—смерти братъ; но хоть грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ». И принялась опять за свое дѣло. Братья возвратились. Жизнь на хуторѣ пошла по прежнему. Не по прежнему только на душѣ Ганны. Ея не покидала мысль о сонномъ видѣніи.—«Что бы это значило?—разсуждала она,— недаромъ такое привидѣлось. Сонъ правду скажетъ, да не всякому. Или я ступила въ чужой, лихой слѣдъ? или до утренней зари посмотрѣла въ окно? Братъ кинулся на брата... пустяки! Они такъ дружны; изъ-за денегъ не схватятся за ножи».—И стала она думать-думать, поглядывая въ поле, на лѣсъ. Байракъ пожелтѣлъ; съ него осыпались листья. Наступила зима. Снѣгъ занесъ поле, завалилъ сугробами оголѣлые деревья и кусты.

Весною Ганна сходила, будто за ландышами, въ лѣсъ. Поляна около дуба уже зеленѣла; земля у его корня не была рушена.—«Все цѣло,—успокоилась Ганна:—будь, что будетъ; и то правда, лучше подождемъ. Да и что богатство! богатые на томъ свѣтѣ голыми руками каленые пятаки считаютъ!»

Наступила небывалая жара. Люди съ тревогою поглядывали на небо, напрасно ожидая дождя. Небо было безоблачно. Зной стоялъ неугасимый. Растрескалась земля; все увядало и сохло. Иванъ и Андрей съ женою пахали, подъ озими, въ полѣ. Ганну оставили дома, варить ѣсть и доглядать дѣтей. Она съ осени недомогала; все ей было какъ-то тошно и не мило: она то вздыхала и молилась, то плакала, и отъ слабости едва ходила. Андрей, глядя на нее и на брата, думалъ: «Ну, теперь уже, кажется, и вправду не долго ждать».

Былъ обѣденный часъ. Ганна выглянула въ окно и не

узнала выгона. Небо потускнѣло. Облаковъ и тучъ не было видно, но въ воздухѣ стояла какая-то мгла, сквозь которую туманомъ синѣлъ чуть видный лѣсъ. Ганна вышла изъ хаты. Слышитъ, куры кудахчутъ; видитъ, воробьи купаются въ пыли. Думаетъ: «Слава те, Господи, къ дождю; недаромъ небо было красно до зари». Она накормила Андреевыхъ дѣтей, прибрала посуду, налила въ чистый горшокъ горячаго борщу, нарѣзала хлѣба и все увязала въ платокъ, чтобы нести въ поле. Обулась, сказала дѣтямъ: «сидите же смирно, пока возвращусь» — и вышла съ узломъ въ сѣни. Тутъ она увидѣла въ углу заступъ и замерла.—«Сонъ, сонъ!»—подумала она, не помня себя отъ страха и мучительной, ей самой непонятной радости. Отворивъ дверь въ каморку, она ткнула туда узелъ, схватила заступъ и безъ оглядки пошла къ лѣсу. Идетъ, какъ на крыльяхъ.

Идетъ, а навстрѣчу ей изъ-за лѣса подымается и растетъ темная, грозная туча, мигаетъ голубыми и алыми молніями. — «Пойдетъ дождь, меня не спохватятся, — думаетъ Ганна,—успѣю откопать и зарыть и въ иное мѣсто».— Ужъ она надъ деревьями завидѣла маковку старой суховерхой липы. Ганна подошла къ лѣсу. Огромная дождевая капля упала ей на лицо.

Тутъ откуда-то вырвался и взыгрался страшный вихорь. Раздался оглушительный ударъ грома. Все завертѣлось въ пыли, сорванныхъ листьяхъ и сучьяхъ: поле, травы, лѣсъ и сама Ганна. Она видитъ, что заступъ выпалъ у нея изъ рукъ и ее, какъ былинку, несетъ куда-то высоко-высоко, съ листьями и сучьями, что-то бѣлое, туманное и гремящее непрерывными раскатами грозы. Она съ ужасомъ поняла, что ее подхватилъ налетѣвшій полевой вихорь. Ни молиться, ни думать отъ страху она не могла. Взглянула внизъ— земля чуть видна; кругомъ облака, молніи, а громъ реветъ и стонетъ.

Вихорь унесъ Ганну на небо.

Облака разсѣялись. Выглянуло солнце. Поверхъ облаковъ—другая земля. Зеленѣютъ травы, а по свѣжей пахоти ходятъ какіе-то старцы. Ганна очутилась возлѣ нихъ и поняла, что впереди—самъ Господь Христосъ, а за нимъ апостолы Петръ и Павелъ и угодникъ Божій, побѣдоносецъ Юрій. Удивилась Ганна: Господь-Христосъ въ сѣромъ зипунѣ, простоволосый и съ лукошкомъ черезъ плечо. Іисусъ

бралъ горстью зерна пшеницы и сѣялъ; Петръ ему подсыпалъ изъ мѣрника, а Павелъ и Юрій, ведя сзади воловъ, боронили слѣдомъ землю.

И увидѣлъ Господь Ганну и позвалъ ее. Та упала ему въ ноги.

— Господи, Іисусе сладчайшій,—рѣшилась, не смѣя глянуть на Спаса, проговорить Ганна:—вижу твое чудо, я на небѣ; но зачѣмъ ты меня, грѣшную и глупую рабу, взялъ съ земли, отъ мужа и близкихъ, въ твое высокое царствіе?

Раздалось властное слово:

— Чтобъ ты видѣла все.

— Но, Боже милый, Боже правый,—проговорила Ганна:— я грѣшными мыслями мыслила, что твое царствіе въ вѣчномъ сіяніи солнца, что ты на престолѣ облачномъ, въ вѣнцѣ изъ звѣздъ и въ одеждѣ изъ утренней и вечерней зари; а ты въ простомъ зипунѣ и, какъ убогій пахарь, сѣешь землю. Тебѣ служатъ ангелы и апостолы, не тебѣ ли быть въ вѣчномъ достаткѣ и насъ, всѣхъ бѣдныхъ, сдѣлать богачами? Мы бы тогда не работали, жили бы на покоѣ и вѣчно прославляли бы имя твое.

Прозвучала тихая, милостивая рѣчь.

— Рабыня добрая, но малосмысленная! Богатому сладко ѣстся, но плохо спится. О деньгахъ не думай; когда деньги говорятъ, тогда правда молчитъ. Нѣтъ выше благодатнаго, земельнаго труда. Въ немъ, послѣ молитвы, все спасеніе и все счастье на землѣ. Трудись и тому же учи своихъ дѣтей.

— Но какъ же, какъ же?—взмолилась въ слезахъ горестная бабенка: — мужъ у меня хорошій человѣкъ, но денегъ у насъ мало; все, что наживается, идетъ на хозяйство; домъ, какъ яма, никогда не наполнишь; у меня же, боженька, ни шелковаго платка, ни добрыхъ коралловъ, ни красныхъ сапоговъ. И мужа до сихъ поръ не слушаютъ на міру...

— Все выраститъ изъ земли отъ вашихъ рукъ,—прозвучалъ ей отвѣтъ:—будетъ колосъ, будетъ и голосъ.

Ганна слышитъ, опять взыгралъ вихорь. Она подняла голову. Видитъ: она сама лежитъ ничкомъ, на полянѣ, у дуба. А надъ лѣсомъ, гремя и сверкая молніями, въ небо уносится бѣлотуманная туча, и отъ той тучи, какъ отъ кадильнаго дыма, идетъ благоуханіе по всему лѣсу.

Ганна встала. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, росъ спѣлый и сочный, несмотря на засуху, пшеничный колосъ. Ганна все передала мужу и привела его сюда. Иванъ, сорвавъ колосъ, сообщилъ о случаѣ съ женою Андрею. Братья подумали и рѣшили отдать кладъ, на поминъ отца, цѣликомъ на бѣдныхъ и на церковь.

Въ ихъ селѣ и донынѣ показываютъ иконостасъ, на-диво расписанный на ихъ жертву. Ганнѣ, вскорѣ послѣ того, когда съ нею было видѣніе, Господь далъ сына, и родители назвали его Богданомъ. Отъ найденнаго колоса пошла въ той сторонѣ пшеница-усатка, какой дотолѣ и не видывали. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ диковинный, и обрадованные братья накупили женамъ всякихъ нарядовъ.

1886 г.

СТРѢЛОЧНИКЪ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.)

На одной желѣзной дорогѣ жилъ стрѣлочникъ, отставной, уже пожилыхъ лѣтъ, но еще бодрый солдатъ, Емельянъ. Его стрѣлка была въ полѣ, въ концѣ выѣзда изъ большого города. Онъ помѣщался въ ближней сторожкѣ, съ женою Ариной и съ подросткомъ сыномъ, Васей, веселымъ и шустрымъ мальчикомъ. Емельянъ женился, лѣтъ семь назадъ, на молодой, работящей бабѣ и служилъ, вообще, исправно. Прежде онъ сильно пилъ, но, женившись и получивъ хорошее мѣсто, одумался, а съ недавняго времени опять втайнѣ началъ выпивать, и не то, чтобы съ горя, или возвратился прежній запой, а такъ, — попробовалъ на радости, потомъ для компаніи, да и пошелъ куликать.

Жена въ страхѣ стала уговаривать его.

— Стыдись,—говорила она ему, когда онъ, бывало, опять опомнится:—жалованье пропиваешь, пропьешь скоро вовсе и совѣсть!

— Мнѣ что,—отгрызался Емельянъ: - шутка ли? Господь сына на старости далъ, да какого! Выраститъ, будетъ молодецъ, прокормитъ и тебя, и меня.

— А, не дай Богъ, во хмелю спутаешь стрѣлку? Великому горю быть... Сколько погубишь невинныхъ душъ!

— И видно, что баба дура, — отвѣчалъ Емельянъ:— нѣшто видѣла, чтобы я хмельной да осмѣлился когда къ стрѣлкѣ стать?

Жена со страхомъ разсказывала кумѣ, кухаркѣ городского лѣкаря, что Емельянъ иной разъ, послѣ запоя, говорилъ несуразныя вещи: то онъ видѣлъ въ сторожкѣ мно

жество змѣй и жабъ, будто бы ползавшихъ кучами по полу и по окнамъ; то ему казались противные, какъ мыши, бѣсенята, съ рожками, во всѣхъ углахъ и за печью, и онъ, просыпаясь, плевался и отгонялъ ихъ, точно мухъ. Временами Емельянъ брался за умъ и не касался до чарки, особенно, если никто изъ товарищей не подвертывался ему и его не соблазнялъ. Онъ усердно посѣщалъ церковь, былъ грамотный, съ чувствомъ читалъ, въ часы раскаянія, житія святыхъ—и тѣмъ, хотя отчасти, сдерживалъ себя.

Васѣ пошелъ шестой годъ. Еще красивѣе сталъ вертунъ: румяный, кудрявый, черноглазый. Всѣ имъ любовались. Арина ходила въ городъ прачкой, поденно мыла бѣлье въ хорошихъ домахъ. Она справила, на свои заработки, Васѣ картузъ и козловые сапожки, на высокихъ каблукахъ. Емельянъ посмотрѣлъ, подумалъ: «опередила баба»—и купилъ сыну на базарѣ красную шерстяную рубашку и плисовые шароварцы; не мальчикъ вышелъ—сущая картинка!— «Развѣ въ сапогахъ дѣло?—думалъ онъ:—походилъ бы и босикомъ, а въ рубашкѣ—настоящій купеческій дворникъ».

Передъ Спасомъ, Емельянъ былъ не на очереди. У кабака онъ увидѣлъ своего кума, дистаночнаго десятника, угостилъ его—и самъ нарѣзался. Загорѣлась въ немъ опять жажда къ водкѣ; казалось, море бы выпилъ; только онъ пересилилъ себя. Хотѣлъ-было закурить трубку, но увидѣлъ, что забылъ дома табакъ. Пришелъ къ вечеру въ сторожку; жена стряпала въ печи. Набилъ онъ трубку, напустилъ табачища въ сторожкѣ и давай куражиться надъ хозяйкой.

— Мой сынъ!—сказалъ онъ:—любуйся! Не видать бы тебѣ, глупой, безъ меня такого!

— Такой же твой, какъ и мой,—отвѣчала жена, съ досадой глядя на его хмельную рожу:—обоимъ Господь послалъ.

— Нѣтъ, мой!

— Нѣтъ, нашъ,—обоихъ.

Емельянъ обезумѣлъ. Искры завертѣлись у него въ глазахъ.

— А! такъ вонъ оно кàкъ!—крикнулъ онъ въ злобѣ:— надо мной похваляешься? Вонъ изъ моего дома! Чтобы и духу твоего тутъ не пахло.

— Да за чтò же, Емельянъ Мосеичъ? Слыхано ли?

— А за то... Я голова всему, я! Скомандовалъ и—проваливай.

— Но куда же мнѣ, противъ ночи, подумай?

— Куда знаешь, мало ли въ городѣ у вашей братіи угловъ.

Обидѣлась Арина, въ слезы.

— У полицмейстерши,—говоритъ:—все намедни помыли; у лѣкарши еще черезъ два дня главная стирка,—теперь только постирушка дѣтямъ, куда мнѣ, постыдись, въ такую темь?

— Вонъ, чортова голова, не перечь,—затопалъ ногами Емельянъ:—не уйдешь съ глазъ долой, полѣномъ выгоню, искалѣчу въ труху.

Пуще заплакала Арина; видитъ, ничего съ окаяннымъ не подѣлаешь. Отерла слезы, увязала въ узелокъ одеженку, заслонила печь, взяла краюху хлѣба, перекрестила спавшаго въ уголку Васю и пошла въ городъ.

«Такъ ей, сатанѣ, и надо!—подумалъ Емельянъ, усѣвшись у дверей сторожки и глядя въ темноту, вслѣдъ за женой,—тоже, лапотницы, важничаютъ! Взялъ ее въ лаптяхъ, да въ дерюгѣ; теперь въ ситцѣ стала ходить; начальствовать, вишь, затѣяла, укорять. Не усмири, не притопчи бабу,—верхъ возьметъ. Давно пора! опостылѣла! а мы и сами сына выростимъ, сбережемъ!»

Настала ночь... Хмель сильнѣе стала разбирать Емельяна. Впотьмахъ мимо него гремѣли товарные, длинные поѣзда, пыхтѣли закоптѣлыя трубы, сыпались искры и свистѣли горластые свистки. Онъ курилъ, глядѣлъ передъ собой, и вдругъ ему жутко стало: впотьмахъ ему опять померещились разныя чудища, а при этомъ, какъ живой, привидѣлся изможденный, нѣкій преподобный старецъ, съ длинною, сѣдою бородой, о которомъ онъ недавно вычиталъ въ житіяхъ святыхъ. Онъ вспомнилъ, какъ этотъ страстотерпецъ—угодникъ божій, спасался въ аравійской пустынѣ, и какъ къ его пещерѣ подошелъ ночью кто-то изъ пустыни и сталъ молить его—сдвинуть камень отъ входа.—«Впусти меня,—молился плачущій голосъ:—пусти, старче, левъ рыкаяй гонится за мной, хочетъ разорвать; я безъ одежды, на холодѣ, и три дня безъ ѣды».—Старецъ засвѣтилъ лампаду, отодвинулъ камень; вошла женщина—неописанной красоты. То было, какъ помнилъ Емельянъ, видѣніе. Старецъ зажегъ хворостъ и сталъ палить свою руку на огнѣ; кожа трескалась, сукровица и жиръ капали на угли, смрадъ наполнилъ пещеру,—но преподобный молился,—не при-

коснулся къ гостьѣ. Бѣлолилейный ангелъ явился тутъ въ туманѣ, вывелъ гостью,—то былъ дьяволъ,—и спасъ старца.

— Чуръ меня, чуръ! — шепталъ, вспоминая это видѣніе, Емельянъ: — и меня тянуло и тянетъ... не пойду, не стану пить!

Онъ перекрестился.

«Выраститъ Васька, — разсуждалъ онъ: — обучу его грамотѣ, а кумъ-десятникъ пристроитъ его на правленскій счетъ въ дорожное училище. Станетъ онъ человѣкомъ. Да, не бабѣ-дурѣ оборудовать такое дѣло,—нашему только брату, потому къ намъ, за наши заслуги, благоволитъ начальство. Станетъ Васютка слесаремъ, кочегаромъ, а далѣе—и машинистомъ, будетъ водить поѣзда, и за мои хлопоты доглядитъ отца до кончины дней. Что мать? молитвамъ только выучила сына... оно ладно, да не прокормитъ...»

Емельянъ вздохнулъ.

«А надо правду сказать,—какъ онъ, пострѣленокъ, ловко за нею молится, всякія молитвы знаетъ: отъ несчастій разныхъ, отъ злого случая и тяжкой, нежданной бѣды. Выучила сына, а все-таки, треклятая баба, мужа пьяницей зоветъ, не уважаетъ, озорница... А какой я пьяница? изъ всѣхъ слугъ первый и главный слуга! И теперь вотъ хочется выпить, да не пойду... Руку на кострѣ сожгу, какъ тотъ преподобный, а ужъ въ ротъ—ни-ни...»

Емельянъ собрался въ сторожку спать, да глянулъ по направленію къ городу. Издали, черезъ дорожное полотно, какъ красный глазъ, еще свѣтилось окно въ крайнемъ городскомъ кабакѣ.

«Видно, еще рано: у кабатчика гости и все, должно-быть, наши! — подумалъ Емельянъ, — пойти развѣ такъ, на зло женѣ, — только поглядѣть. Пусть плачетъ, чертова баба! [illegible],—хоть не даромъ же слушать бабьи угрозы».

И онъ спать пошелъ въ кабакъ. А тамъ и впрямь были все свои, — смазчикъ вагоновъ, кривенькій сосѣдній стрѣлочникъ [illegible]. Онъ выпилъ съ [illegible] и другую. Въ кабакъ завернулъ и [illegible] ихъ [illegible] и пьяница— [illegible] съ утра, [illegible] и, когда разо- [illegible]. Емельянъ уже не помнитъ, какъ онъ [illegible] [illegible] и [illegible]

пещера, гдѣ уже не красавица, а онъ водкой соблазнялъ старца. Въ ужасѣ онъ искалъ словъ молитвы — и не находилъ.

На зарѣ его разбудилъ голосъ Васи:

— Тятя, тятенька! — повторялъ на всѣ лады мальчикъ, теребя его за рукавъ: — твоя очередь, старшо́й кликаетъ давно!

Емельянъ вскочилъ, сталъ протирать глаза. Утро только что начинало брезжить въ окна сторожки. Какъ ни трещала голова Емельяна, онъ умылъ Васю, причесалъ его, обулъ, одѣлъ и накормилъ вчерашнею кашей. Но все это у него плохо выходило; непривычными къ дитяти руками онъ и рубашонку его облилъ водой, и больно гребнемъ дергалъ его встрепанные волосы, и насилу розыскалъ подъ лавкой и напялилъ ему на ноги сапожки, а все-таки остался доволенъ, что обрядилъ сына.

— Такъ-то,—сказалъ онъ себѣ, вспоминая, какъ съ вечера прогналъ жену:—не провалюсь! и безъ бабьяго духа все, какъ слѣдуетъ, наладимъ!

Онъ заставилъ сына прочесть молитвы.

Вася прочелъ «Отче нашъ» и «Богородицу» и сталъ проситься поиграть, съ деревенскими ребятами, въ ближній березовый лѣсокъ.

— Да чего ты тамъ не видѣлъ?

— Галчата, тятенька; на березѣ цѣлое гнѣздо!

— Зачѣмъ такъ рано?

— Ребята сказываютъ, что теперь они одни,—матки въ разлетѣ за ѣдой... Пусти; галчата прежде были махонькіе, голенькіе, а теперь вотъ какіе, въ перѣ.

— Ну, иди, Богъ съ тобою! — объявилъ Емельянъ:— только не лазь на дерево, — еще оборвешься; собакъ тоже берегись; не забодали бы коровы въ лѣсу...

— Вона! не боюсь!

Васька побѣжалъ въ поле. На дворѣ посвѣтлѣло, хотя надъ полемъ и окраинами города былъ еще туманъ. Поверхъ тумана блеснула маковка соборной колокольни. Емельянъ вспомнилъ, что онъ ставилъ сына на молитву, но не молился самъ, и, снявъ шапку, уже повернулся-было на восходъ солнца, но ему почудился гдѣ-то въ полѣ сигнальный свистокъ.

— Помолюсь послѣ!—рѣшилъ Емельянъ и, застегиваясь, бросился къ стрѣлкѣ.

Вправо забѣлѣло облако дыма и сталъ виденъ вдали медленно подходившій, изъ-за пригорка, товарный поѣздъ. Прямо противъ стрѣлки, по другой бокъ чугунки, шлёпая по грязи, двигалось городское стадо коровъ, за ними, въ разсыпную, овцы; еще далѣе, проселкомъ, тащились телѣги съ кладью и одинокіе пѣшеходы.

«Куда имъ всѣмъ до чугунки!—подумалъ Емельянъ, потягиваясь и разминаясь съ трубой у стрѣлки, на утреннемъ холодку:—все одно, что бабѣ до солдата! Загудитъ, загремитъ—и всѣхъ ихъ обгонитъ нашъ кормилецъ—скороходъ!»

За дорогою, надъ березами, поднялась стая галокъ. Емельянъ вспомнилъ о Васѣ и галчатахъ.

«Маху далъ,—подумалъ онъ,—отпустилъ сына къ ребятамъ; не напроказилъ бы чего,—будетъ отъ жены! Ну, да ладно; пропущу товарный, отзову его».

Слѣва тѣмъ временемъ нежданно послышался другой, болѣе сильный свистокъ. Емельянъ удивился, соображая, неужели время уже подходить отъ города скорому, курьерскому поѣзду?

«Проспалъ во хмелю!»—съ досадой подумалъ Емельянъ.

Издали въ туманѣ послышались, перекликаясь, трубы ближайшихъ къ городу стрѣлочниковъ. На ихъ сигналы отозвался и кривенькій, сосѣдній Емельяну, стрѣлочникъ-матросъ, бывшій ночью въ кабакѣ; затрубилъ о свободномъ пути и Емельянъ, а самъ зорко смотритъ влѣво, за ближайшій мостъ: вотъ-вотъ, съ нѣмцемъ-машинистомъ, выскочитъ изъ-за холма на мостъ утренній курьеръ.

Громыхнули, слѣва, еще въ туманной дали, тяжелыя колеса и скрѣпы поѣзда, выдвинулся грузный, троеглазый паровикъ, и длиннымъ змѣемъ, по насыпи, стала приближаться вереница вагоновъ. Дымъ валилъ изъ черной трубы и стлался надъ дорожнымъ полотномъ и его откосами. Стало слышно пыхтѣніе широкотрубнаго, американскаго силача-паровика.

Но опять, видимо не по положенію, оттуда же, слѣва, повторился свистокъ и другой. Емельянъ ухватился за рукоятку стрѣлки.

«А, понимаю!—подумалъ онъ,—меня завидѣлъ и распознал глазастый нѣмецъ-машинистъ; полагаетъ, не выпилъ ли

я? Врешь, не собьюсь. Вижу все, какъ на ладони; вонъ справа—подходитъ товарный, съ углемъ; ему—одна дорога, а тебѣ—другая...»

Тревожные свистки, однако, не унимались. Поѣздъ слѣва летѣлъ по насыпи, не убавляя хода.

«Чтò за оказія?—подумалъ, теряясь, Емельянъ,—даетъ сигналы, а тормозить не успѣютъ, да и зачѣмъ?»

Онъ глянулъ вдоль дорожнаго полотна и замеръ.

Товарный поѣздъ также несся къ березамъ. Тамъ, гдѣ деревья за стрѣлкой разошлись и къ нимъ изъ-за пригорка приближался товарный поѣздъ, машинистъ съ курьерскаго, очевидно, примѣтилъ на рельсахъ чтò-то живое, не то овцу, не то человѣка, потому и давалъ свистки.

— Да чтò же это?—вскрикнулъ Емельянъ, не помня себя:—Господи, Господи!

На полотнѣ дороги, между двухъ, на полномъ ходу близившихся другъ къ другу, поѣздовъ, онъ увидѣлъ чтò-то красное,—точно лоскутъ кумача несло по рельсамъ и поддувало вѣтромъ. Емельянъ въ ужасѣ узналъ красную рубашку Васи.

— Бѣги, бѣги въ сторону!—хотѣлъ-было онъ крикнуть сыну и не могъ.—«Нѣтъ, онъ еще испугается, споткнется и попадетъ подъ колеса!—пробѣжало въ мысляхъ Емельяна,—но какъ спасти его, какъ?»

Оставалось одно средство,—повернуть стрѣлку и направить курьерскій поѣздъ по другому пути, навстрѣчу набѣгавшему товарному.

«Столкнутся; будетъ крушеніе, великій грѣхъ!—колебался Емельянъ,—да что же? сынъ вѣдь! единственный сынишка...»

Оставалось полминуты... Емельянъ уже налегъ-было ногою на стрѣлку. Курьерскій поѣздъ гремѣлъ слѣва, въ ста шагахъ, перебѣгая невысокій каменный мостикъ, за которымъ, у насыпи, стоялъ Емельянъ. Дымъ отъ подходившаго справа товарнаго застилалъ березы и рельсы, среди которыхъ все еще мелькала красная рубашечка Васи. Ребенокъ, наконецъ, самъ, очевидно, понялъ угрожавшую ему бѣду. Онъ на мгновеніе остановился, бросился вправо, бросился влѣво и, второпяхъ зацѣпясь за шпалы, упалъ ничкомъ прямо на рельсы.

— Отче, Пресвятая Богородица!.. Ариша! — гдѣ ты? прости, касатикъ, молись!—прошепталъ Емельянъ.

Оставалась секунда...

Бѣлый, какъ полотно, Емельянъ вытянулся и подумалъ: «Будь, что будетъ... всѣмъ ли погибать за одного?» — и, придерживая стрѣлку, остался неподвиженъ.

Курьерскій поѣздъ помчался мимо товарнаго. Крикъ ужаса раздался на обоихъ паровикахъ. Цѣпь вагоновъ, въ дыму и выпущенномъ парѣ, налетѣла на то мѣсто, гдѣ, среди рельсовъ, припалъ комочкомъ Вася.

Паръ свился въ облачко, поднялся, протянулся и, словно бѣлолилейное легкокрылое видѣніе, понесся въ воздухѣ.

Оба поѣзда, разминувшись, остановились. Емельянъ бросился туда. Онъ бѣжалъ, не переводя духа и стараясь не думать о томъ, почему остановились вагоны и соскочившіе съ поѣздовъ кондукторы и кочегары столпились у откоса, какъ бы разсматривая что-то, лежавшее на землѣ.

— Гдѣ онъ, отцы родные, гдѣ?—крикнулъ Емельянъ, добѣжавъ до насыпи: — пустите, соколики, дайте взглянуть... убитъ?..

«Раздавленъ до смерти, въ куски!—думалъ Емельянъ, карабкаясь на откосъ,—Аринушка! не жить мнѣ теперь... Одна пьяницѣ дорога—въ омутъ!»

Емельянъ, обрываясь и падая по зеленому откосу, взобрался на насыпь. Бывшіе тамъ разступились. Среди нихъ, на корточкахъ, съ галченкомъ въ рукѣ, сидѣлъ, таращa глаза и плача, измаранный грязью Вася.

— Живъ, живъ!—крикнулъ Емельянъ, подбѣгая къ сыну и подхватывая его на руки:—сыночекъ, сынъ мой!

— А коли и вправду ты ему отецъ, вотъ на что гляди,— сказалъ старичекъ-кондукторъ съ курьерскаго поѣзда:—эва, какъ его укоротило!

Емельянъ опустилъ сына на земь, посмотрѣлъ, — Вася и впрямь сталъ будто короче на вершокъ.

— На каблукъ гляди, на каблукъ! — кричали стоявшіе кругомъ.

Емельянъ опять приподнялъ сына, осмотрѣлъ его—и упалъ на колѣни. Онъ сталъ молиться, кладя земные поклоны. Вася былъ невредимъ. Цѣлый поѣздъ пролетѣлъ надъ нимъ, не придавивъ его. Колесами вагоновъ на его ногѣ отчахнуло только, точно ножемъ, одинъ каблучекъ, сорвавъ часть сапожнаго задника. Всѣ дивовались и ахали.

Поѣзда засвистѣли опять, загремѣли и разошлись. Долго

Емельянъ не могъ опомниться. Онъ смотрѣлъ вдоль дороги, крестился и шепталъ молитву.

— Она тебя спасла!—проговорилъ онъ, наконецъ, взявъ сына за руку.

— Кто, тятя?—спросилъ мальчикъ, всхлипывая.

— Материнская молитва! больше некому... Отстоимъ очередь, пойдемъ къ мамѣ въ городъ.

— Нѣтъ, тятя, меня сдвинуло что-то бѣлое... я упалъ, а оно, точно дымъ, навалило—и отпихнуло меня...

Емельянъ пошелъ съ сыномъ къ старшому — проситься въ городъ. Вася бѣжалъ рядомъ съ нимъ, держа въ рукѣ оравшаго галченка.

— Эхъ, Васютка, не ладно,—сказалъ отецъ:—зачѣмъ мучить божью тварь?

Сынъ удивленно посмотрѣлъ на отца.

— Пусти его на волю,—сказалъ Емельянъ: — пусть живетъ и за насъ, грѣшныхъ, Господа славитъ.

Вася пустилъ галченка. Тотъ полетѣлъ въ кусты. Емельянъ не спускалъ глазъ съ неба. Ему казалось, что надъ кустами и полемъ не переставалъ парить бѣлолилейный, крылатый ангелъ.

У лѣкарши стрѣлочнику сказали, что его жена кончила постирушку и пошла на рѣку. Онъ засталъ Арину на городскомъ плоту. Кругомъ мыли бѣлье и тарантили во все горло другія прачки. Онъ прямо къ женѣ.

— Прости, Аринушка,—сказалъ Емельянъ, кланяясь ей въ ноги при всѣхъ:—былъ на свѣтѣ старый пьяница и баловникъ, загуливалъ и не по правдѣ жилъ; пойдемъ молебенъ править,—ты своими молитвами спасла сына, спасла и меня.

Всѣ въ городѣ узнали о чудѣ надъ Васей. Но случилось и другое чудо. Съ той поры Емельянъ хмельного не пьетъ и въ кабакъ даже съ товарищами не ходитъ. Въ сторожкѣ, у образовъ, онъ помѣстилъ новую икону. На ней изображенъ въ бѣлой ризѣ крылатый Георгій Побѣдоносецъ, на конѣ и съ мечемъ, надъ поверженнымъ дьяволомъ. Когда Емельяна спрашиваютъ, откуда онъ взялъ этотъ образъ, онъ отвѣчаетъ:

— Ходилъ на богомолье; человѣкъ слабъ, а въ одномъ Богѣ и его угодникахъ — *сила въ борьбѣ противъ окаянства и зла.*

1886 г.

УКРАИНСКІЯ СКАЗКИ.

Помѣщаемыя здѣсь сказки принадлежатъ къ дѣтскимъ воспоминаніямъ, къ той же семейной старинѣ автора.

Въ сказкѣ каждаго народа дорогъ прежде всего вымыселъ, плѣнительный, вѣками созданный *миѳъ*. Передается народная сказка почти всегда «своими словами», причемъ неизмѣнными остаются въ ней одни вставочныя мѣста, а именно пѣсни ея героевъ. Подобныя мѣста — и въ этомъ только сходство сказки съ народною пѣсней—неизмѣнно передаются въ стихахъ и непремѣнно, при повѣствованіи, поются. Въ народныхъ сказкахъ есть ненужныя длинноты и дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же, почему-либо характерныхъ выраженій. Предлагаемыя сказки—не переводъ. Въ нихъ сохранены только народные миѳы и особенно мѣткія и живописныя присловья тѣхъ, кто ихъ передавалъ.

Большинство приводимыхъ здѣсь украинскихъ сказокъ авторъ слышалъ отъ своей няни Аграфены и отъ ея мужа Анисима, человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго. Анисимъ былъ огромнаго роста, силачъ, но дѣтской доброты, и всѣ его привычки были женскія. Онъ постоянно портняжилъ, но больше по бабьей части,—шилъ рубахи, мерѐжилъ полотенца; прялъ, вязалъ чулки, занимался шептаньемъ отъ глаза, отъ боли зубовъ и живота, кормилъ куръ и доилъ коровъ. Умеръ онъ семидесяти лѣтъ. Аграфена его пережила.

Сказки этихъ стариковъ производили глубокое впечатлѣніе. Бывало, разсказъ давно конченъ, свѣча потухла. Всѣ спятъ, а у дѣтскаго изголовья всю ночь до утра отзывается жалобный голосъ рыбки, бывшей когда-то красавицей-ху-

торянкой; стучитъ-гремитъ по лѣсу страшная кобылья голова, шепчутся и шелестятъ степныя травы, которымъ внимаетъ казакъ-плѣнникъ въ Крыму; плачетъ переселенная въ свирѣль душа зарѣзанной дѣвочки; юлитъ носатый каратышка, солнце бесѣдуетъ съ матерью, вечорней зарей; поетъ Ивашко, котораго хочетъ съѣсть вѣдьма; а изъ-за угла выглядываютъ рога лукавой козы и уши пронырливой лисички-сестрички...

Любилъ сказки и мой дѣдушка. Онъ, подобно герою повѣсти Даля, говорилъ подъ вечеръ своему слугѣ: «ну, теперь ты меня положи, да укрой, да подоткни; еще перекрести и разскажи сказку, а ужъ засну я самъ»... — Но слуга дѣдушкѣ говорилъ сказки иного рода, богатырскія,— о Еруславѣ, Бовѣ-королевичѣ. Я ихъ не любилъ; сказки няни и ея мужа—бытовыя, напоминающія жизнь хуторовъ и слободокъ, мнѣ болѣе нравились.

I.

Кума-лисица, пастухъ, рыболовъ и возница.

Жили были дѣдъ да баба,
Да убогіе такіе,
Что у бабы на хозяйствѣ
Только курочка ходила;
А у дѣда, у сѣдого,
Пѣтушокъ золотопёрый.
Вотъ, какъ все они поѣли,
Стали думать, чѣмъ кормиться.
И надумала тутъ баба:
—«Знаешь, есть у насъ по птицѣ:
Кто скорѣй свою поймаетъ,
Ту къ обѣду и зарѣжемъ!»
Идутъ оба на курятникъ,
Стали по двору гоняться;
Только смотритъ дѣдъ, а баба
Загнала насѣдку въ уголъ.
Сѣла на земь, будто ловитъ,
Да надъ нею, какъ слѣпая,
Руки даромъ и разводитъ...

«Э! хозяйка, надуваешь!»
Дѣдъ помыслилъ и промолвилъ:
—«Нѣтъ, постой-ка ты, старуха;
Лучше мы по чистой правдѣ,
Никого не обижая,
Обоихъ зарѣжемъ разомъ!»
Призадумалась старуха;
Дѣду ножъ несетъ изъ хаты;
Дѣдъ попробовалъ, востёръ ли,
На крыльцо съ ножомъ садится;
Да какъ глянутъ другъ на дружку,
И расплакались, какъ дѣти.
—«Ну, старуха, Богъ съ тобою!
Пусть живетъ твоя насѣдка!»
—«Пѣтушка жъ и я не трону!»
Говоритъ ему хозяйка;
Посудили, порядили,
И пустили куръ въ курятникъ.
Въ тотъ же день пѣтухъ за это
Натаскалъ пшеничныхъ зеренъ,
А насѣдка постаралась,
Раздобыла гдѣ-то маку.

Заходилась стряпать баба,
Пирожокъ съ начинкой мѣситъ.
А подъ лѣсомъ, той порою,
Сѣрый волкъ, съ кумой-лисою,
Выходилъ на заработки.
— «Ты, кума, иди по селамъ,
Я жъ пойду кругомъ, полями;
И дѣлить потомъ мы станемъ,
Что̀ путемъ дорогой стянемъ!»
Разошлися кумъ съ кумою;
На село пошла лисица.

Тутъ, пирогъ набивши макомъ,
Баба печь ужъ затопила;
Слышитъ, кто-то стукъ въ окошко,
— «Охъ, впусти меня ты, баба!»
Голосъ плачется подъ хатой:
«У меня въ печи погасло!»

Баба угли раздуваетъ,
Говоритъ:—«Войди, сосѣдка!»
Гостья входитъ, носомъ водитъ,
А ужъ ушки на макушкѣ;
Хвостъ колечкомъ подвернула,
Подползла тайкомъ къ печуркѣ,
Пирожокъ схватила съ макомъ,
Въ двери шмыгъ, да и пропала...
Баба чуть успѣла ахнуть!

Съ пирожкомъ бѣжитъ лисица,
На пути проголодалась;
Съ макомъ выѣла середку,
Пирожокъ трухой набила,
Да подъ ночь и обмѣнила
На бычка пирогъ ребятамъ,
Загонявшимъ стадо къ хатамъ...

Стережетъ бычка лисица
Думу думаетъ такую:
«Кумъ сытёхонекъ навѣрно;
Поживлюсь и я добычей!»
Поднялася спозаранку,
Всласть наѣлась, отдохнула;
Кожу листьями набила,
Оперла бычка на кустикъ,
Въ середину напустила
Воробьевъ и галченятъ,
И подъ лѣсомъ, какъ живого,
Сторожить усѣлась снова...

Ѣдетъ въ санкахъ понамарь.
— «Что, кума, бычокъ продажный?»
— «И не спрашивай, бери:
На кормѣ совсѣмъ проѣлась!»
Вотъ, ударивъ по рукамъ,
Сторговалась съ нимъ лисица,
Отдаетъ бычка за санки,
Отдаетъ за непростыя,
За рѣзныя, росписныя.
Увезла лисица санки...

Понамарь опять въ дорогу;
Потянулъ бычка за поводъ,
А бычокъ—бултыхъ съ сугроба,
Бокъ распоротый раскрылся:
И взвилися надъ сугробомъ
Воробьи и галченята.

———

Понеслась лисица полемъ;
Ей навстрѣчу волкъ голодный
— «Помоги кума: ни крошки
Не успѣлъ я заработать!»
— «Охъ, и я три дня не ѣла!»
Говоритъ лисица куму.
Посудили, порядили,
Да возокъ и подѣлили:
Кумъ себѣ оглобли выбралъ,
А кума усѣлась въ кузовъ,
Пригнѣздилась, развалилась
И, раскинувъ хвостъ и лапки,
Приговариваетъ тихо:
«Тощій сытаго везетъ,
Тощій сытаго везетъ!»
— «Что̀, кума, ты говоришь?»
— «Да о томъ, что мы не ѣли»...

Смотрятъ путники, навстрѣчу
Ѣдутъ съ рыбой чумаки.
— «Ну, теперь скорѣй бѣги ты!—
Говоритъ лисица волку:—
Дожидай меня подъ стогомъ,
Что подъ тою подъ горою;
Я-жъ дѣла пока устрою!»

Кумъ съ санями потащился,
А кума, какъ неживая,
Разметавши хвостъ и ноги,
Улеглася у дороги.
Чумаки съ ней поровнялись,
Стали думать вкругъ лисицы:
«Мѣхъ какъ разъ на рукавицы!»

Посудили, да находку
Прямо въ рыбу и свалили.

На возу лежитъ лисица,
А сама буравитъ дырку;
И давай кидать въ оконце
Замороженную рыбку...
Вотъ очистила до крошки,
Прыгъ сама, давай въ охабку
Подбирать съ дороги рыбку,
И усѣлася подъ стогомъ,
Но не въ полѣ, подъ горою,
А въ слободкѣ, надъ рѣкою,
Рыбу ѣсть, ждетъ кума въ гости,
А за стогъ кидаетъ кости.

Вотъ, когда ужъ постемнѣло,
Видитъ—кумъ бѣжитъ долиной,
Еле-еле тащитъ санки...
— «Охъ, кума, куда зашла ты?
Всѣ поляны я обѣгалъ;
Нѣтъ ли чѣмъ прочистить горло?»
— «Да и я, какъ неживая!—
Говоритъ лисица волку,
Лапкой рыльце утирая:—
Мерзлой рыбкой поживилась,
Но чуть-чуть не подавилась;
Просто кости, а не рыба,
Вотъ бы свѣжей наловилъ ты»...

Носъ повѣся, у сугроба
Кумъ съ кумой усѣлись оба,
Долго-ль, нѣтъ ли, горевали,
Собираться къ рѣчкѣ стали.

Кумъ, какъ былъ запряженъ въ санки,
Хвостъ лохматый, словно неводъ,
Окунулъ со льдины въ прорубь;
А кума, присѣвъ къ сторонкѣ,
Приговариваетъ тихо:
— «Мерзни, мерзни, волчій хвостъ,

Мерзни, мерзни, волчій хвостъ!»
— «Что, кума, ты говоришь?»
— «Охъ, все счастье намъ звала я:
Ты ловись, ловися рыбка,
Рыбка малая, большая!»

Вотъ примерзъ ко льдинѣ хвостъ;
Показались дровосѣки,
Увидали рыболова
И давай его въ дубины...
Безъ хвоста и весь избитый,
Волкъ ушелъ отъ нихъ полями
И столкнулся тутъ съ кумою.
А кума не оплошала,
На селѣ ужъ побывала,
Вся опачкалася тѣстомъ
И бѣжитъ навстрѣчу куму,
Громко жалуясь, что бабы
Въ кровь всю голову избили...
Пораздумалъ волкъ голодный
И кумѣ жъ подставилъ санки...
Та спокойно сѣла снова,
Пригнѣздилась, развалилась
И, раскинувъ хвость и лапки,
Приговариваетъ тихо:
— «Битъ небитаго везетъ,
Битъ небитаго везетъ!»
— «Что, кума, ты говоришь?»
— «Да о томъ, что мы съ тобою
И не сыты, и побиты!

Вдругъ откуда ни возьмися,
На дорогу выбѣгаетъ
Изъ курятника насѣдка,
А за ней, раскинувъ крылья,
Пѣтушокъ золотопёрый.

Волкъ забылъ совсѣмъ про санки
Мигомъ кинулся за ними
И завязъ съ кумой въ воротахъ...
Какъ ужъ тутъ они ни бились,

Какъ изъ силъ всѣхъ ни возились,
Пѣтушокъ вскочилъ въ окошко
И во все-то горло крикнулъ:
— «Выбѣгайте, дѣдъ и баба,
На дворѣ у насъ добыча,
А добыча не простая».
Дѣдъ схватилъ съ прилавка вилы,
А старуха съ печи донце,
Въ двери выскочили разомъ
И въ воротахъ уходили
Кума сѣраго съ кумою...

Съ той поры у дѣда волчья,
А у бабы лисья шуба.
Дѣдъ съ старухой, по задворью,
Дружка дружку возятъ въ санкахъ;
А пѣтухъ съ насѣдкой ходятъ
Каждый день на заработки,
И хозяевамъ таскаютъ
На оладьи ежевику,
На водянку комонику.

II.

Живая свирѣль.

Вдали жилья и всѣхъ дорогъ, въ степи,
Гдѣ пахнетъ такъ клубникой, васильками,
И то желтѣетъ все отъ сонъ-травы,
То ало все отъ мака до горошка,
Жилъ пасѣчникъ съ женою и дѣтьми.

Раздолье—степь, лѣнись себѣ на волѣ.
Онъ такъ и дѣлалъ, думалъ да курилъ,
Лежалъ въ тѣни прохладной шалаша,
А на зарѣ стрѣлялъ гусей да утокъ.
Не спорилъ онъ съ хозяйкою сердитой,
Не выходилъ изъ пасѣки отъ пчелъ,
И на пролетъ всѣ дни лежалъ въ травѣ.
Въ полудремотѣ, глядя въ синій воздухъ...
А въ воздухѣ недвижно и неслышно,

Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,
Предъ нимъ висѣли мошки, комары,
Шмели сновали, золотыя мухи
И гуломъ струнъ звенѣли въ ульяхъ пчелы...

Разъ позвала дѣтей своихъ хозяйка,
Двухъ дочерей, да сына—невеличку,
И такъ сказала имъ:—«ступайте дочки,
Вонъ за курганомъ, у ручья, лѣсокъ,
Грибы поспѣли, ягода клубника,
Да кстати ножъ возьмите, лыкъ нарѣжьте,
И будетъ вамъ по лентѣ на сестру».
Меньшая дочь взяла на руки брата
И весело пошла къ кургану въ лѣсъ;
Дочь старшая—была то баловница,
Любимица и нѣженка въ семьѣ—
Надулася, въ сердцахъ взяла лукошко,
Лѣниво, чуть бредя, пошла къ опушкѣ,
Легла въ камышъ, свернулась и заснула...
И снится ей, что у сестры въ косѣ
Двѣ ленты, у нея жь на шеѣ лыко.

Вотъ дочь меньшая набрала грибовъ,
Наѣлась ягодъ, брата угостила;
И видитъ: яблонька невдалекѣ,
На яблонѣ жъ два яблока такія,
Что чудо, сочныя, да золотыя.
Сорвавъ находку, дѣвочка тайкомъ
Отъ брата—прыгъ въ кусты и убѣжала.
Подъ лѣсомъ, слышитъ, ей кричитъ сестра:
— «Постой, куда спѣшишь, домой успѣешь—
Сядь я тебѣ головку расчешу»...
Сестра послушалась, къ сестрѣ присѣла
И, утомленная, заснула скоро.
Увидѣла завистница находку.
«Какія яблоки—вотъ чудо! спитъ дурнушка».
И въ сердце ножъ сестра сестрѣ воткнула...

Не пикнула бѣдняжка, а убійца
Въ тростникъ ее стащила и домой
Вернулась, хвастая своей находкой...

— «А гдѣжъ сестра?»—спросилъ отецъ.—«Не знаю
И какъ мнѣ знать! мы порознь съ ней ходили».
Искала мать, искали всѣ, напрасно...
«Звѣрь утащилъ, на то, знать, Божья воля»...
Погоревали такъ, потолковали,
Года прошли, и бѣдную забыли.

Вотъ и подросъ, сталъ бѣгать братъ убитой,
А надъ ея костьми—какъ лѣсъ, камышъ
Шумитъ, звенитъ, и чуть подуетъ вѣтеръ,
Въ сто голосовъ такъ жалобно поетъ.

Заслышалъ звуки тѣ однажды мальчикъ,
Пошелъ къ ручью, нагнулъ и срѣзалъ стволъ,
Очистилъ, навертѣлъ съ боковъ отверстій,
Къ губамъ поднесъ,—и та свирѣль запѣла,
Какъ оживленная, такую пѣсню:

«Потише, тише, братецъ, играй;
Не рази сердца моего въ край!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила,
За клубочекъ
Ягодъ,
За золотое яблочко!»

Услышалъ тѣ слова отецъ, поднесъ
Свирѣль къ губамъ, и та опять запѣла:
«Потише, тише, отецъ, играй,
Не рази сердца моего въ край!
Меня сестрица сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила,
За клубочекъ
Ягодъ,
За золотое яблочко!»

О чудѣ томъ узнали на селѣ,
Сбѣжались люди, требуютъ убійцу,
И у нея въ рукахъ свирѣль запѣла:
«Потише, тише, сестра, играй,
Не рази сердца моего въ край!

Меня, сестра, ты сгубила,
Ножъ въ мое сердце вонзила,
За клубочекъ
Ягодъ,
За золотое яблочко!»

Народъ убійцу осудилъ на смерть.
Онъ привязалъ ее къ хвосту коня
И такъ пустилъ его по вольной степи.
И гдѣ сестра безжалостная грудью
Ударилась, тамъ выросъ тернъ колючій;
Гдѣ русою ударилась косою,
Тамъ забѣлѣла сплошь ковыль-трава;
А гдѣ рукой ударилась грѣховной,
Тамъ протянулись черныя могилы.
Мать бросилась за дочкою любимой,
Да какъ взглянула, такъ и замерла:
Въ степь отъ кургана руки протянула
И обратилась въ темнолистный яворъ.

III.

Озеро-слободка.

Какъ-то по озеру съ удочкой ѣздилъ рыбакъ въ перелѣскѣ;
Рыба почти не ловилась, и сталъ онъ домой собираться.
Вдругъ и поймалась одна, да такая красивая рыбка,
Что ни перомъ описать, ни въ словахъ разсказать не сумѣешь.
Чуть онъ въ ведерко успѣлъ перебросить вертлявую рыбку,
Тихо предъ нимъ поднялась надъ пучиною рыбка постарше,—
Блѣдная вся, будто кто испугалъ ее, вышла наружу
И человѣческимъ голосомъ вскрикнула такъ надъ водою:
— «Гдѣ ты, дитя мое, гдѣ, моя неразумная рыбка?
Стадо пора загонять; погляди, закатилося солнце...
Гдѣ ты, откликнись, дитя! али хищная цапля рѣчная
Въ когти изъ волнъ подхватила тебя, моя рыбка родная!»

Долго сновала по озеру, въ страхѣ и въ трепетѣ, рыбка;
Долго рыбакъ, опустивши весло, съ челнока дивовался...
Взялъ напослѣдокъ ведро онъ, привсталъ и откликнулся рыбкѣ:

— «Вотъ твое дитятко, вотъ: ты возьми свою дочку, пожалуй,
Но уговоръ лучше денегъ: повѣдай по истинной правдѣ,
Что̀ ты за диво сама и какіе края ваши воды?»

Быстро плеснувшись въ водѣ и уставя пугливые глазки,
Такъ начала говорить замирающимъ голосомъ рыбка:
— «Охъ, человѣкъ, много лѣтъ той порѣ, какъ на этой полянѣ,
Вмѣсто воды, камышей и кустовъ, красовалась слободка,
Въ шумной слободкѣ жила на дворѣ на широкомъ молодка.
Много добра и богатства у ней по амбарамъ лежало,
Много далекихъ купцовъ и міряиъ къ ней во дворъ заѣзжало.
Разъ, о полудни, она на крыльцѣ на тесовомъ сидѣла;
Дочь на рукахъ убаюкавъ, съ крыльца за ворота глядѣла.
Видитъ, идетъ отъ села человѣкъ, утомился бѣдняга—
Низко поклоны кладетъ у воротъ и у оконъ слободки:
Проситъ онъ ковшикъ студеной воды у ребятъ и у старшихъ...
Только не слышатъ ребята, играютъ себѣ по затишьямъ;
Старшіе жъ, кто на гумнѣ, кто съ иглой, али съ пряжей усѣлся.
Вотъ подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ: — «Твоя хижина съ краю,
Глушь за тобой и поля; я жъ отъ жары изнываю;
Встань, захвати гдѣ-нибудь мнѣ хоть каплю водицы студёной!»—
Ужъ ли померкъ у меня, и теперь разгадать не умѣю;
Только въ отвѣтъ старику я промолвила такъ, усмѣхаясь:
— «Какъ, старина, разбудить, какъ покинуть мнѣ малую дочку?
Хочешь напиться, такъ вонъ, погляди, и ручей подъ горою;
Полемъ успѣешь дойти и авось не умрешь на дорогѣ,—
Здѣсь же у насъ, въ слободѣ, ты и капли воды не отыщешь!»
Странникъ поникъ головой и, какъ тѣнь, изъ околицы вышелъ...

Вдругъ слышу я, въ тишинѣ, по околицѣ звуки несутся;
Точно посыпался градъ, али гдѣ-то западали зерна...
Вижу — и замеръ мой духъ: на столѣ самъ собой, за порогомъ,
Брызнулъ кувшинъ, а за нимъ у дверей изъ печурки плеснуло;

Возлѣ, изъ погреба, струйка воды, словно дымъ, поднялся;
Миски, лоханки и ведра всплываютъ, несутся къ воротамъ;
Имъ же навстрѣчу, смотрю, выбѣгаютъ другіе потоки!
Въ ближнихъ дворахъ та же притча: всплываютъ шесты
и заборы...
И не опомнилась я, какъ кругомъ берегъ поднялся;
Зелено стало въ глазахъ; колыхаясь, осѣла слободка;
Тамъ же, вверху, какъ туманъ, заходили студеныя волны...

Ты не дивися, рыбакъ, если въ озеро днемъ ты посмотришь:
Темныя кочки на днѣ—это хижины нашей слободки;
Мелкія травки—сады, а ложбинки—пруды да колодцы.
Ранней зарею, пока не шелохнулись по лѣсу листья,
Съ берега ухо наставь ты къ водѣ, тутъ сейчасъ и услы-
шишь—
Какъ далеко-далеко, подъ тобой, въ потопленной слободкѣ,
Вѣтеръ по кровлямъ шумитъ, словно плещутся мелкія
струйки,
Куры кудахчутъ, пѣтухъ на гумнѣ заливается звонко...
И раздаются въ водѣ колокольные тихіе звуки,
Будто засохшій тростникъ отъ дуновенія вѣтра
Тихо звенитъ надъ водой, надъ пустыннымъ прибрежьемъ
качаясь!»
Рыбка замолкла, едва отливаясь на зыби стемнѣвшей...
Въ волны ей бросилъ рыбакъ цѣлыхъ сутокъ добычу обратно;
И, привязавши челнокъ межъ осокой, обратно въ потемкахъ
Вышелъ на берегъ, безлюдный и дикій, съ пустыми руками.

IV.

Братъ и сестра.

Жили-были сироточки.
Пошли они искать себѣ
Промежъ людей пристанища.
Не день идутъ, но два идутъ,
И стала ихъ жара томить;
Измучились путемъ они—
Путемъ чудо увидѣли...
Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
Весь бѣлый самъ и съ бѣлою

Повозкою и лошадью.
— «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
Ручья путемъ дорогою?»
— «Не видѣлъ я ручья путемъ,
А видѣлъ, межъ двухъ дубовъ,
Пробилъ ногой конь ямочку—
И въ ней съ дождя воды глотокъ!»
Хотѣлъ испить усталый братъ,
Сестра ему въ отвѣтъ на то:
— «Не пей, не пей, Иванечко,
Не пей, конемъ прикинешься!»

Пошли опять съ сестрою братъ,
Опять жарой измучились,
Опять чудо увидѣли:
Навстрѣчу имъ мужикъ идетъ,
Весь огненный, какъ жаръ горитъ,
И огненныхъ воловъ ведетъ.
— «Не видѣлъ ли ты, дядюшка,
Ручья путемъ дорогою?»
— «Не видѣлъ я ручья путемъ,
А видѣлъ я, подъ горкою,
Ступалъ козелъ копытцами,
Пробилъ въ землѣ двѣ ямочки—
И въ нихъ съ дождя воды глотокъ!»
Хотѣлъ испить усталый братъ,
Сестра ему въ отвѣтъ на то:
— «Не пей, не пей, Иванечко,
Не пей, козломъ прикинешься!»

Сестра соснуть въ копнѣ легла;
Усталый братъ ослушался...
Испилъ воды съ земли сырой
И сталъ мохнатъ, съ бородкою,
И съ рожками, и съ хвостикомъ;
Пошелъ блеять по-козьему,
Траву щипать по рытвинамъ...
Сестра его, какъ вскинулась,
Увидѣла и ахнула;
Усѣлася подъ кочкою,
Плететъ косу, рыдаючи:

— «Пасись, пасись, козлёночекъ,
Тебя теперь не брошу я».
Взошла заря вечерняя;
Домой съ торговъ купецъ спѣшитъ,
Сталъ дѣвочку разспрашивать,
Узналъ про все и ей сказалъ:
— «Пойдемъ со мной, сироточка;
Тебѣ я дамъ пристанище,
А козлика рогатаго
Я выкормлю и выращу
На всемъ добрѣ, на роскоши».

Пошла къ нему сироточка;
За всѣмъ глядитъ, ночей не спитъ,
И стала вновь кручиниться...
Что́ день—глядитъ на улицу
Зарей стада съ полей идутъ,
Веселыя, сытёхоньки;
Одинъ козелъ, понурившись,
Домой идетъ непоенный.
Некормленный, всю ночь стоитъ—
Солому рветъ съ плетней и крышъ,
Давай сестра купца просить;
И радъ бы онъ помочь бѣдѣ:
Жена, вѣдьма сердитая,
Всѣхъ гонитъ прочь отъ козлика,
На зло моритъ голоднаго.
Пошла сестра зарей къ рѣкѣ,
Да въ глубь ея и бросилась

Припалъ къ рѣкѣ козлёночекъ,
Дрожитъ, кричитъ у берега:
— «Сестра, сестра родимая!
Ты встань ко мнѣ, ты выплыви;
Меня, козла рогатаго,
Колоть хотятъ, губить хотятъ,
Бросать въ котлы кипучіе!»
Со дна рѣки сестра ему:
— «Охъ, братъ ты мой, родименькій,
Не встать ужъ мнѣ, не вынырнуть:
Пески въ водѣ усыпали

Всю косу мнѣ, всю русую;
Въ камышъ руки увязнули,
А грудь мою змѣя-тоска
Сосетъ-грызетъ безъ устали!»

V.

Крымскій плѣнникъ.

Давно то было—жилъ казакъ, Вакула,
А по прозванію—Налѣво Хатка.
Былъ добрый онъ, былъ ласковый, непьющій;
Умѣлъ колеса дѣлать, миски, грабли,
Зимой портняжилъ, лѣтомъ по лугамъ
Ходилъ съ ружьемъ; да какъ-то зазѣвался
И угодилъ съ охоты въ плѣнъ къ татарамъ.

Его хозяинъ былъ богачъ и князь,
Стадамъ его въ Крыму не знали счета;
Онъ плѣнника назначилъ пастухомъ.
Зайдетъ Вакула въ степь, въ траву забьётся;
Да день-денской на волѣ и лежитъ:
И голова лежитъ, и обѣ руки
Раскинулись привольно и лежатъ;
Лежатъ и ноги, шапка, чубъ и трубка...
И весь лежитъ, какъ будто не живой!
А тамъ, внизу, въ травѣ, жужжитъ комаръ,
Вверху звенятъ и мчатся журавли;
И не рѣшишь, куда глядѣть, что̀ слушать;
Подумаешь, съ собою погадаешь,
И кончишь тѣмъ, что цѣлый день проспишь.

Одна бѣда—татары горемыку
Кормили власть, но строго заказали
Не пробовать того, что̀ сами ѣли...
«Что тутъ за притча?» мыслить сталъ Вакула.
Онъ разъ пришелъ со степи, думалъ-думалъ
(Татары въ лѣсъ тогда пошли за чѣмъ-то),
Да и хлебнулъ съ хозяйскаго горшка...
Ѣсть не поѣлъ, невкусно и несытно—
Взялъ палку и опять погналъ овецъ.

Но вдругъ, чуть вышелъ въ поле,—что за дивы
Сталъ понимать онъ говоръ каждой травки...
Безчисленные, пестрые цвѣты
Качаются на тонкихъ стебелькахъ,
Поводятъ желтыми и голубыми,
Лиловыми и алыми глазками,
Какъ пчелы шепчутся и шелестятъ...

И кланяются травы казаку,
И говорятъ ему по-человѣчьи.
Канӱперъ говоритъ: я отъ запоя;
Полынь кричитъ: а я отъ лихорадки;
Любистокъ увѣряетъ, что ему
Извѣстны тайны дѣвичьихъ сердецъ,
Перѣступень кричитъ: я отъ надрыва;
Бодягъ отъ ранъ, иссопъ—отъ зуда въ горлѣ;
Сорочье-мыло—отъ морщинъ, веснушекъ;
И всѣхъ ихъ голосъ чортова орѣшка
Надъ полемъ покрываетъ: «Кто меня
Сорветъ, тому всѣ клады станутъ видны».
— «А я,—звенитъ съ поляны сонъ-трава:—
Я больше всѣхъ васъ, тетушки и дяди,
Доставлю счастья; кто меня сорветъ,
Тотъ сладко, на привольѣ всёмъ уснетъ,
Надъ всякою работою, надъ сказкой,
Надъ топоромъ, у стада, надъ указкой...
И кто сорвать меня рѣшится, съ нимъ
За тридевять земель мы улетимъ»...

— «Вотъ такъ находка»,—думаетъ Вакула;
И онъ сорвалъ пахучей сонъ-травы.
Понюхалъ, опьянѣлъ и, вмѣсто травъ,
Вокругъ себя вдругъ увидѣлъ человѣчковъ;
Всѣ зелены и ростомъ со стрекозу,
И счета нѣтъ въ травѣ тѣмъ человѣчкамъ.
Такъ день лежалъ и два лежалъ Вакула,
Все слушая, что травы говорятъ,
И глядя на зеленыхъ человѣчковъ...
И такъ лежалъ онъ, все курилъ, да думалъ,
А рой годовъ надъ нимъ незримо мчался,

И зарастать казакъ травою сталъ...
И такъ сто лѣтъ онъ ровно пролежалъ.

Сто лѣтъ!—Онъ легъ подъ тонкимъ стебелькомъ,
А всталъ подъ старымъ, коренастымъ дубомъ;
Легъ черноусымъ, статнымъ казакомъ,
А всталъ горбатымъ, скрючившимся дѣдомъ,
Въ истлѣвшей свитѣ, съ бородой по поясъ...
И только недокуренная трубка
Торчала у него между усовъ.

VI.

Снѣгурка.

Жилъ да былъ старикъ со старухой,
Не было у нихъ дѣтей.
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба;
А на улицѣ, надъ рѣчкой,
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
Вотъ и спрашиваетъ баба:
«Не пойти ли, человѣче,
Намъ на улицу съ тобою?»
— «А и въ самомъ дѣлѣ, баба!»
Отвѣчаетъ дѣдъ на это;
И шары лѣпить изъ снѣгу
Начинаютъ дѣдъ и баба.
— «Чтò вы дѣлаете, старцы?»
Молвитъ, кланяясь, прохожій—
Старый дряхлый, съ бородою.
— «Лѣпимъ дитятко!» съ усмѣшкой
Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.
— «Помогай же Богъ вамъ, старцы!»
Молвитъ, кланяясь, прохожій
И за рѣчкой исчезаетъ...

Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ

Теплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись—
И красавица Снѣгурка,
Отряхая мягкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась, какъ живая.
— «Крошка!—молвила старуха:—
Будь отнынѣ нашей дочкой!»
И, въ тулупъ закутавъ теплый,
Унесла Снѣгурку въ хату.

Вотъ идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, а по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
Осмотрѣться, оглядѣться,
Стала дѣвочкой-рѣзвушкой
Русокудрая Снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Справить ей на косы ленты,
А на шубку позументы,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая Снѣгурка.
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота!

Всѣмъ была она красотка,
Только вовсе безъ румянцу,
Безъ одной кровинки въ тѣлѣ;
Да еще бывала рада
Тучамъ, будто милымъ сестрамъ,
Вольнымъ бурямъ да метелямъ,
Будто сватьямъ да золовкамъ,
А туману—словно брату...

Бокогрѣй-февраль спустился,
Мартъ ключи въ долинахъ отперъ,
И затаяли потоки...
Призадумалась, замолкла

И головкою поникла
Русокудрая Снѣгурка...

Разъ, зарею ранней было,
Вешнихъ водъ струи гремѣли;
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
И старухѣ тихо молвилъ:
«Посмотри, какою павой
Выступаетъ наша дочка!»

А красавица Снѣгурка
Отъ рѣки, промежъ заборовъ,
Коромысло взявъ на плечи,
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ,
Шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
Пошатнулась, оступилась—
И тихонько стала таять.
Стала таять, словно свѣчка;
Заклубилась легкимъ паромъ
Тихо въ облачко свернулась
И разсѣялась въ лазури.

VII.

Дѣдовы козы.

Были козы у стараго дѣда.
Посылалъ старый дѣдъ въ поле дочку,
На привольѣ пасти свое стадо;
Самъ подъ вечеръ въ тесовыхъ воротахъ
Становился въ червонныхъ сапожкахъ,
Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
Вопрошалъ у любимаго стада:

— «Козы дорогія,
Козы непростыя!
Ѣли-ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?»

Тутъ выходитъ коза-лиходѣйка,
Говоритъ громкимъ голосомъ дѣду:

— «Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили
Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
Ухватили кленовый листочекъ;
Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
Поживилися каплей одною;
Только ѣли мы, только и пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

Осерчалъ старый дѣдъ, расходился,
Сталъ бранить и корить свою дочку:
— «Не пасла, не кормила ты стада,
Наказать тебя, вижу я, надо!»
И сажалъ онъ ее въ темный погребъ,
Козъ пасти высылалъ въ поле сына.
Выходила коза-лиходѣйка,
Дѣду плакалась громко на сына,
А потомъ обнесла и старуху...
Дѣдъ корилъ ихъ, бранилъ, дивовался,
Да за умъ напослѣдокъ и взялся.
Сапоги надѣвалъ постарѣе,
Самъ пасти своихъ козъ вышелъ въ поле;
Накормилъ ихъ травой шелковою,
Напоилъ ихъ водой ключевою;
А подъ вечеръ, другою дорогой
Обогнавъ ихъ, въ тесовыхъ воротахъ
Выжидалъ милыхъ козъ изъ-за сада,
Вопрошалъ у любимаго стада:

— «Козы дорогія!
Козы непростыя!
Ѣли-ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?»

Выходила коза-лиходѣйка,
Громко плакалась старому дѣду:

— «Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!

Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
Ухватили кленовый листочекъ;
Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
Поживилися каплей одною;
Только ѣли мы, только и пили,
Какъ весь день въ чистомъ полѣ ходили!»

Тутъ не вытерпѣлъ дѣдъ, на расправу
За рога потащилъ лиходѣйку:
«Лиходѣйка-коза, лиходѣйка,
Расплатиться теперь ты сумѣй-ка!»
И срамилъ онъ ее передъ стадомъ,
Сѣкъ ее за лихія лукавства,
Снялъ съ боковъ напослѣдокъ ей кожу
И пустилъ ее такъ въ чисто поле...

Но и тутъ та коза не смирилась;
Прибѣжала въ лисичкину хатку,
Стала прыгать по окнамъ, по лавкамъ,
На чужое хозяйство насѣлась.
Къ ночи въ хатку вернулась лисичка,
Слышитъ—возится что-то такое...
Постучалась лисичка-сестричка:
— «Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»
Завозилась коза за дверями,
Страшнымъ голосомъ ей отвѣчаетъ:

— «Я коза сѣчена,
Съ боковъ перемѣчена;
Топъ-топъ ногами,
Заколю рогами,
Ножками загребу,
Хвостикомъ замету!»

Безъ оглядки лиса убѣжала;
А навстрѣчу ей сѣренькій зайчикъ.
— «Помоги ты мнѣ, сѣренькій зайчикъ,
Вѣкъ тебя я за то не забуду:

У меня что-то страшное въ хаткѣ!»
Прибѣжали они; тихо зайчикъ
Лапкой—стукъ въ затворённыя двери:
— «Кто такой, кто въ лисичкиной хаткѣ?»
Завозилась коза за дверями,
Напугала и сѣраго зайку:
«Охъ, боюсь я, лисичка-сестричка;
Лучше мы побѣжимъ за другими!»

Забѣгали они во всѣ норы,
Приводили съ собой на подмогу
И грача трубача, и лягушку—
Скакуна, и ежа пѣхотинца,
Всѣхъ великихъ звѣрей и звѣрюшекъ...
Но никто самъ собой не рѣшался
Посмотрѣть, кто забрался къ лисицѣ;
И рѣшился лѣнтяй и трусишка,
Ракъ ползунъ и хромой лежебока...
Онъ тихонько, бочкомъ, перебрался
За порогъ; увидалъ, что за диво
Расходилось въ лисичкиной хаткѣ,
И пошелъ расправляться клещами...
Безъ оглядки коза припустилась;
На нее нападали всѣ звѣри—
И гуртомъ за лихія лукавства
Разрывали ее по кусочкамъ.

VIII.

Младенцы-утопленники.

Жилъ себѣ человѣкъ небогатый,
Съ молодою женою и съ сыномъ.

Разъ ходилъ онъ по нивѣ за плугомъ,
Видитъ: возлѣ, за нимъ, по полянѣ,
Ходитъ старецъ, съ сѣдой бородою.

Вотъ и сталъ человѣкъ небогатый
Говорить за работою старцу:
— «Ты скажи мнѣ, скажи, человѣче,

Для чего за волами ты ходишь,
И какая тебѣ въ томъ охота?»
Отвѣчалъ ему старецъ прохожій:
— «Для того я хожу за волами,
Что хочу у тебя допытаться:
Ты скажи мнѣ, по правдѣ, по чистой,
Легче-ль юношѣ тяжкое горе,
Или дряхлому, старому старцу?»
Отвѣчалъ человѣкъ небогатый:—
Легче юношѣ тяжкое горе».
Но, едва онъ слова тѣ промолвилъ,
Надъ поляною старца не стало;
Обломались колеса у плуга,
И волы на траву повалились...

Воротился домой горемыка,
Ни двора, ни хозяйки, ни сына—
Все огнемъ у него погорѣло!
Поглядѣлъ на свое пепелище,
Покачалъ головой горомыка
И пошелъ наниматься по людямъ.

Не сгорѣлъ его сынъ, не погибнулъ;
Приключилось съ нимъ дивное диво...
Онъ сидѣлъ въ тростникѣ надъ водою
И поймалъ окунька да плотичку.
Только чуть потянулъ онъ плотичку,
Краснопёрая рыбка плеснулась
И на дно за собой утащила
Вмѣстѣ съ удочкой въ волны малютку...

Сталъ играть день и ночь у плотички,
Въ водныхъ плёсахъ, утопшій малютка;
Съ дѣтворой шаловливой плотички
Сталъ изъ раковинъ домики строить,
Изъ травы городить огороды.
И такія жъ, какъ самъ онъ, пичужки,
По рѣкамъ утонувшія крошки,
Отовсюду къ нему собралися;
Сталъ надъ ними онъ въ играхъ владыкой
И забылъ въ водномъ омутѣ землю,

И отца, и родимую хатку...
Такъ промчалися многіе годы!
А отецъ его съ лютаго горя
Одряхлѣлъ, посѣдѣлъ, бросилъ домъ свой
И съ сумою пошелъ вдоль по міру...
Много лѣтъ онъ ходилъ неутѣшный
И присѣлъ отдохнуть надъ рѣкою.
Той порой, съ своимъ войскомъ подводнымъ,
Въ вольныхъ плесахъ рѣзвился малютка;
Изъ воды поглядѣлъ на прибрежье
И отъ жалости чуть не заплакалъ...
Видитъ возлѣ, у самаго плеса,
Пригорюнился старецъ прохожій
И, какъ малое дитятко, плачетъ.

Опустился на дно соглядатай—
Сталъ скликать свое вѣрное войско
И повѣдалъ, что̀ видѣлъ на свѣтѣ...
Расшумѣлося рѣзвое войско:
Это, вѣрно, завистницы-рыбы
Разобидѣли бѣднаго старца!
Бросимъ ихъ мы зато всѣмъ народомъ,
«А его, чѣмъ сумѣемъ, утѣшимъ!»

Поглядѣли малютки, какъ старецъ
Надъ рѣкой задремалъ,—потихоньку
Наносили къ ногамъ его всякихъ
Спѣлыхъ ягодъ, душистаго меду,
А въ суму̀ драгоцѣнныхъ жемчужинъ.
Той порой надъ полями, холмами,
Паутинное лѣто стояло,—
По холмамъ, по доламъ паутинки
Надъ землей до небесъ протянулись,
Колыхались, по вѣтру летѣли...
И по тѣмъ золотымъ паутинкамъ,
Какъ по нитямъ развѣшенныхъ лѣстницъ,
Поднялось, успокоившись, войско
Утонувшихъ на свѣтѣ младенцевъ,—
Въ небо синее всѣ улетѣли.

IX.

Смоляной бычокъ

Жилъ да былъ старикъ съ старухой.
Вотъ старуха и давай просить:
— «Ты слѣпи мнѣ, дѣдъ, слѣпи бычка
Изъ смолы, изъ вару чернаго!»
Какъ слѣпилъ старухѣ дѣдъ бычка,
Гнала въ степь она пасти его;
Подъ ракитою садилася,
Да и стала приговаривать:

«Ты пасись бычокъ, по выгону,
Пряжу я тѣмъ часомъ выпряду;
Ты пасись, пасись по травушкѣ,
По муравушкѣ-дубравушкѣ!»

Поплелась старуха къ выгону.
Изъ-за темныхъ горъ медвѣдь бѣжитъ,
Раскричался, разаукался:

— «Кто тутъ ходитъ, кто такой,
Отвѣчай передо мной!»
Смоляной бычокъ въ отвѣтъ ему:
«Такъ и такъ, бычокъ я маленькій,
Изъ простого вару слаженный!»
Говоритъ медвѣдь, подумавши:
— «Коль бычокъ ты не простой,
Коль и вправду смоляной,
Дай смолы ты мнѣ комокъ,
Позамазать рваный бокъ!»

Смоляной бычокъ на эту рѣчь
Не перечитъ, соглашается.
Принялся медвѣдь смолу сдирать
И завязилъ зубы вострые...

Смотритъ баба, передъ вечеромъ,
Къ воротамъ бычокъ бѣгомъ бѣжитъ,
Волочетъ медвѣдя бураго.

Увидалъ старикъ, разахался;
Заперевъ въ погребъ косолапаго,
А зарей старуха, до свѣту,
Гнала въ поле вновь бычка пасти.

Выбѣгаетъ волкъ изъ темныхъ лозъ,
Сталъ кричать, съ бычка смолу сдирать,
И завязилъ зубы вострые...

Приволокъ бычокъ и сѣраго,
Черезъ день стащилъ къ околицѣ
Онъ лисицу Патрикѣевну,
Побродягу и курятницу,
А за ней и зайку бѣлаго,
Скомороха и капустника.

Вотъ, когда ихъ понабралося,
Дѣдъ садился передъ погребомъ,
Начиналъ точить на камнѣ ножъ.
Той порой медвѣдь разспрашивалъ:
— «Для чего, чего ты, старый дѣдъ,
У порога точишь вострый ножъ?»
— «Для того, что шубу зимнюю
Шить мы съ старою задумали!»
— «Ты меня не трогай, дѣдушка!—
Говоритъ медвѣдь изъ погреба:—
Прикачу тебѣ за это я
Бочку меду, меду чистаго!»
Дѣдъ пускалъ на волю Мишеньку,
Вновь точилъ на камнѣ вострый ножъ.
Сѣрый волкъ изъ ямы спрашивалъ:
— «Для чего, чего ты, старый дѣдъ,
У порога точишь вострый ножъ?»
— «Для того, что шапку на зиму
Шить съ старухой мы задумали!»
— «Ты меня не трогай, дѣдушка!—
Говорилъ ему изъ ямы волкъ:—
Отплачу тебѣ за это я,
Пригоню табунъ коней степныхъ!»
Дѣдъ пускалъ и волка сѣраго,
Вновь садился ножъ точить-вострить

На лису онъ Патрикѣевну
И на зайку косолапаго.
Дѣду нужны были о-зиму
Рукавицы на морозный день,
На метель, на снѣгъ наушники.
Слезно дѣду оба плакались,-
Притащить лисица старому
Всякой птицы вызывалася,
А старухѣ бѣлый заинька—
Лентъ, мониста самоцвѣтнаго.

Выпускалъ на волю всѣхъ старикъ,
Самъ садился на заваленку,
Говорилъ съ своей старухою.

Не успѣла зорька ясная
Закатиться за околицу,
Стало слышно, долъ шумитъ, гудитъ,
По горѣ медвѣдь къ околицѣ
Катитъ бочку меду чистаго;
Гонитъ волкъ табунъ коней степныхъ.
Не успѣлъ туманъ покрыть луга,
Замолчать, заснуть околица,
Стали слышны крики всякіе:
Ко двору лисица хлыстикомъ
Гонитъ куръ, гусей и лебедей;
А ужъ зайка, зайка бѣленькій,
Просто диво сдѣлалъ дивное,..

Прибѣжалъ въ село онъ дальнее
(Посидѣлки тамъ сбиралися),—
Подъ порогомъ легъ и ну кричать:
— «Охъ, спасите, дѣвки, заиньку;
Обогрѣйте меня, красныя!»
Взяли дѣвки въ хату заиньку,
Обогрѣли его, купцаго.
А когда его на радостяхъ
Нарядили дѣвки красныя
Въ ожерелья, въ ленты алыя
И въ мониcто самоцвѣтное,—
Началъ бѣгать бѣлый заинька,

Да къ окошку ближе, ближе все,
Поглядѣлъ, прыгнулъ и былъ таковъ...
Ужъ и гнался жъ онъ проселками,
Ужъ и гнался жъ онъ окольными!

Прибѣжалъ къ избѣ, запыхавшись,
И давай стучать, въ окно кричать:
— «Отворяй ты двери, бабушка!
Принимай ты гостя дальняго;
Гостя дальняго, знакомаго,
Не съ пустой мошной, съ подарками;
Полно охать да печалиться,
Часъ пришелъ и покуражиться!»

X.

Бѣсы.

Разъ въ судѣ было дѣло такое:
Сталъ богачъ за избенку тягаться
Съ сиротою, убогой вдовою.
За него и почетъ, и попойки,
И дукаты усердно хлопочатъ;
За нее только слезы да горе.
Долго дѣло по судамъ тянулось;
Разорилась совсѣмъ горемыка.

Богачу не въ избенкѣ находка,
Да себя показать захотѣлось.
Вотъ, зовутъ ихъ на судъ напослѣдокъ!
Передъ ними читаютъ рѣшенье:
Богачу все отдать присуждаютъ...
Залилась сирота тутъ слезами:
— «То была я бѣдна и убога,
А теперь еще стала бѣднѣе!»
Поклонилась она низко судьямъ
И пошла со двора безъ оглядки.
А богачъ ей кричитъ изъ окошка:
— «Такъ и надо вамъ всѣмъ, попрошайкамъ,
Чтобъ не очень носы задирали!»
Тутъ откуда передъ нимъ ни возьмись

Человѣчекъ, какъ уголь, весь черный,
Курьи ножки и хвостъ закорючкой;
Говоритъ богачу съ укоризной:
— «Эхъ, ты сватъ, какъ тебѣ не зазорно!
Оттягалъ ты у нищей избенку,
Да еще и глумишься надъ нею!»
Раскричался богачъ, расходился:
— «Какъ ты смѣешь соваться съ укоромъ?
Да мое, слышь ты, правое дѣло
Такъ рѣшили законно и честно,
Что и чорту бъ во снѣ не приснилось!»
Отозвался ему человѣчекъ:
— «Какъ тамъ дѣло твое ни рѣшили,
Только чорта напрасно ты вспомнилъ!»
Съ этимъ словомъ онъ ножкою шаркнулъ
И пропалъ, какъ сквозь полъ провалился.
По дворамъ разошлися всѣ судьи,
Скоро смерклось, и всѣ улеглися.

А въ глухую-то самую полночь—
Растворились всѣ окна и двери,
Стали всѣ выбѣгать за ворота..
Въ темнотѣ, межъ дворовъ, тихимъ шагомъ,
Отъ конца до конца черезъ городъ,
Показался невиданный поѣздъ:
Поднимая десятки чернильницъ
И неся очиненныя перья,
Вдоль по улицѣ двигались черти...
И такія все рыла да хари:
На одномъ былъ мундиръ полицейскій,
На другомъ канцелярскій фрачишка;
По бокамъ пауки, черепахи,
На метлахъ съ протоколами крысы;
А сѣдые, столѣтніе бѣсы
Съ сургучомъ и съ большою печатью.
Въѣхалъ поѣздъ на главную площадь.
Распахнулись въ судѣ настежь двери,
Стали бѣсы всходить по ступенькамъ;
Они сѣли рядкомъ, засвѣтили
Вкругъ стола погребальныя свѣчки
И всю ночь напролетъ судъ судили;

А на-утро, передъ тою порою,
Какъ кричать пѣтухамъ приходилось,
Всей ордой на гербовой бумагѣ
Черти свой приговоръ прописали,
Приложили бѣсовскія лапы
И опять черезъ городъ, попарно,
Потянулися тѣмъ же порядкомъ...

Стали судьи къ крыльцу собираться;
На судейскомъ столѣ, посрединѣ,
На гербовой бумагѣ такое
Изреченье передъ ними лежало:
— «Душегубы и воры вы, судьи!
Покривили душой вы не мало;
Воротите вдовѣ все, что взяли,
За убытки жъ ея и обиду,
Всякъ имѣньемъ своимъ поплатитесь...
А не то—будетъ вамъ на орѣхи!»
Межъ собой переглянулись судьи:
— «Нѣтъ! не дурни на свѣтъ мы родились,
«Чтобъ послушать лукаваго бѣса!»
Со стола подъ сукно тихомолкомъ
Они сунули тутъ же рѣшенье
И судить по мѣстамъ вновь усѣлись.
Только глядь, а стряпня-то нечистыхъ
На сукно вновь предъ ними ложится...

И ужъ какъ они тутъ не вертѣлись,
А послушались воли бѣсовской.

XI.

Ивашко.

Жилъ-былъ себѣ когда-то дѣдъ да баба;
У нихъ былъ сынъ, по имени Ивашко.
Подросъ онъ, справили ему челнокъ,
И сталъ онъ ѣздить съ удочкой по рыбу.
Отъѣдетъ озеромъ, молчитъ и ждетъ,
Покамѣстъ рыбка поплавокъ не клюнетъ.
А въ темной глубинѣ подъ нимъ, вверхъ днемъ,

Другой челнокъ, качаяся, плыветъ,—
На челнокѣ сидитъ другой Ивашко,
И вкругъ него такая тишь, да глушь...
Придетъ въ обѣдъ къ нему старуха-мать
И такъ поетъ, зоветъ его на берегъ:

«Ивашко мой, Ивашечко,
Приплынь, приплынь ты къ берегу;
Я съ слободки пришла,
Тебѣ ѣсть принесла!»

Услышитъ голосъ матери Ивашко
И такъ на зовъ ей тихо отвѣчаетъ:

«Плыви, плыви ты, челнокъ,
Выплывай на бережокъ;
Ко мнѣ мать пришла,
Мнѣ ѣсть принесла!»

Заслышала тѣ пѣсни злая вѣдьма
И рѣчью матери изъ-за кустовъ
Ну подзывать на берегъ рыболова.
Ивашко ни гу-гу, узналъ уловку
И про себя вполголоса поетъ:

«Дальше, дальше ты, челнокъ,
Не плыви на бережокъ...»

Взбѣсилась вѣдьма, въ кузницу бѣжитъ:
«Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ голосъ
Такой, какой у матери Ивашки!..»
Раздулъ кузнецъ огонь, досталъ клещи,
Нагрѣлъ ихъ, ухватилъ за горло вѣдьму
И сталъ ковать, причитывая такъ:

«Куйся, куйся, голосъ злой!
Стань добрѣй,
Пой нѣжнѣй...»

Вернулась вѣдьма въ лѣсъ, запѣла нѣжно,
Въ прибрежный илъ Ивашку заманила,

Въ мѣшкѣ снесла его къ себѣ домой
И такъ Алёнкѣ дочкѣ приказала:
— «Неси дрова, топи скорѣе печь,
Да жарче протопи мнѣ, баловница!
Умой, напой и накорми Ивашку,
И на обѣдъ его зажарь въ печи, -
А я пойду, провѣтрюся маленько».

Нагрѣла печь Алёнка, накормила
Ивашку и наставила лопату:
— «Ну, сердце, полѣзай да погляди,
Я хорошо ли вытопила печку?»
Прикинулся Ивашко, что не понялъ,
И голову слегка просунулъ въ печь.
«Не такъ!»—Съ лопаты онъ продвинулъ руку.
«Не такъ!»—Онъ ногу въ печку протянулъ.
«Не такъ, не такъ!»—«Такъ какъ же? я не знаю!
Ты покажи сама мнѣ напередъ».

Бочкомъ Алёнка сѣла на лопату;
Ивашко толкъ ее, приперъ заслонкой,
Да за порогъ и на осину взлѣзъ.
Приходитъ вѣдьма, дочь Алёнку съѣла
И начала внизъ по горѣ кататься:

«Покачусь, повалюсь,
Закусивъ мясцомъ Ивашки!»

А съ дерева Ивашко ей въ отвѣтъ:

«Покатись, повались,
Закусивъ мясцомъ Алёнки!»

«Что бъ это было?»—мыслитъ людоѣдка
И говоритъ, покатываясь вновь:

«Покачусь, повалюсь,
Закусивъ мясцомъ Ивашки!»

Ивашко ей съ осины отвѣчаетъ:

«Покатись, поваляйсь,
Закусивъ мясцомъ Алёнки!»

Завыла вѣдьма, кинулась къ осинѣ
И ну ее въ безсильной злобѣ грызть.
Грызетъ она, Ивашко жъ видитъ—гуси
Летятъ, и ихъ съ вершины сталъ просить:

«Гуси-гуси, лебедята,
Дайте мнѣ свои крылята!
Унесите вы скорѣй
Сына къ матери моей!
Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,
Сытно ѣсть, медъ, пиво пить!»

Но гуси надъ Ивашкой пролетаютъ
И такъ ему изъ облаковъ въ отвѣтъ:
«Пускай тебя возьмутъ иные гуси!»
Тѣмъ часомъ вѣдьма зубъ переломила
И къ кузнецу опять въ село бѣжитъ:
— «Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ зубъ,
Да поплотнѣй, изъ чистаго желѣза!»
Бѣжитъ назадъ опять къ осинѣ вѣдьма,
А гуси надъ Ивашкой пролетаютъ
И съ облаковъ опять ему въ отвѣтъ:
«Пускай тебя возьмутъ иные гуси!»
Качнулся стволъ, Ивашко сталъ ужъ падать...

Но тутъ послѣдній гусь изъ всей ватаги,
Общипанный, голодный, безъ хвоста,
Его услышалъ, подхватилъ съ осины
И поднялся съ нимъ вплоть до самыхъ тучъ.
Отъ злости вѣдьма обернулась въ вихорь,
За бѣглецомъ вдогонку понеслась;
Но дунулъ вѣтеръ и развѣялъ вихорь.

А той порой Ивашко опустился
На крышу хатки; слышитъ—подъ окномъ
Вечёряютъ отецъ и мать-старуха
И дѣлятъ межъ собою пироги:
— «Вотъ пирожокъ тебѣ, а этотъ мнѣ!»

— «А мнѣ?»—Ивашко спрашиваетъ сверху.
«Что̀ бъ это было?»—крестится старуха
И вновь со старымъ дѣлитъ пироги:
— «Вотъ пирожокъ тебѣ, а этотъ мнѣ!»
— «А мнѣ?»—опять перебиваетъ кто-то.

Тутъ отъ окна вскочили дѣдъ и баба,
Ивашку съ гусемъ на̀ землю спустили,
И не было ихъ радости конца.

XII.

Каратышка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ небываломъ,
Въ нашемъ уѣздѣ немаломъ,
Жилъ мужикъ, небогатый человѣкъ,
Плотничалъ и кручинился весь свой вѣкъ.
Вотъ и родила ему хозяйка сынишку,
Да такого-то Каратышку-невеличку,
Что усѣлся бы онъ верхомъ на муху,
Когда бъ на мухѣ верхомъ кто ѣздилъ;
И пролѣзъ бы въ иголочное ухо,
Когда-бъ притомъ не носище,
Величиною чуть не съ топорище.
Пожалъ плечами горемыка,
Говоритъ хозяйкѣ:—«Вотъ, поди-ка;
Родила ты мнѣ на смѣхъ ребенка,
Не то воробья, не то котенка!»
Невеличка выглянулъ съ печи
И къ отцу на такія рѣчи:
— «Это еще не бѣда, что я невеличка;
Когда-бъ не носъ, ко всему бываетъ привычка.
Ты подай-ка мнѣ все, что̀ пожелаю,
Такъ я тебѣ и за десятерыхъ наверстаю!»
Сталъ мужикъ за ухомъ чесаться,
Сталъ, глядя на сына, слегка утѣшаться.

А сынишка и впрямь догадался,
За умъ, не теряючи времени, взялся:
— «Собирайся ты, батько, съ дѣлами;

Поѣдемъ мы въ лѣсъ за дровами!»
— «Да какъ же намъ ѣхать, когда нѣтъ у насъ вовсе
Ни коня, ни хомута, ни воза!»
— «Ничего,—говоритъ весело Каратышка:
На такое дѣло станетъ умишка!»
Откопалъ башмакъ, изловчился
Запрягся въ него и пустился.

Вотъ ѣдетъ навстрѣчу, въ рыдванѣ,
Панъ судья, а съ нимъ вельможная пани.
«Пади!»—кричитъ Каратышка съ мосточка.
Конюхъ смотритъ: не то человѣкъ, не то кочка.
Спрашиваетъ судья:—«Эй ты, плотникъ,
Что это у тебя за работникъ?»
Отвѣчаетъ мужикъ безъ утайки:
— «Дождался я сына отъ хозяйки;
Ростомъ онъ совсѣмъ съ рукавицу,
А, поди, раскуси эту птицу!
Хоть и малъ, а въ дѣлѣ не сплошаетъ
И за десятерыхъ наверстаетъ!»
Расходилась въ рыдванѣ судьиха...
— «Это не тебѣ чета!»—говоритъ мужъ тихо:
Покупай мнѣ сейчасъ Каратышку;
Если спросятъ, давай и лишку,
А безъ него я жить не стану,
Засохну и завяну!»
Дѣлать нечего, судья вздыхаетъ,
Кошелекъ вынимаетъ, въ торги вступаетъ
И беретъ Каратышку въ бумажку,
За анисовой водки фляжку,
За пригоршню цѣлковыхъ,
Да за три кафтана новыхъ.
Поѣхалъ Каратышка въ рыдванѣ;
Судьиха держитъ его въ карманѣ.
Дорогой онъ толкался и возился,
У господъ провѣтриться просился.
Господа бумажку раскрывали,
Его побѣгать, опростаться пускали;
И онъ бѣгалъ, скакалъ, крутилъ носомъ,
Прибивалъ пыль по колесамъ...
А отецъ домой воротился,

Строить новую хату заходился;
Накупилъ полотна, хлѣба въ волю
И сталъ благодарить долю:
«Ай да сынишка! кабы онъ догадался;
Да почаще бы судьихамъ попадался!»

Вотъ, не прошло недѣли,
Двери новыя въ хатѣ заскрипѣли.
Прибѣжалъ домой Каратышка,
Еле ноги волочитъ, напала одышка;
Тоненькій, дрябленькій, еще жиже:
Узналъ жизнь-то поближе!
Только ничего, переждалъ, откормился,
Опять думать о дѣлѣ заходился:
— «Это чтò еще, батько, за доля,
Что у тебя хата, а нѣтъ своего поля?
Нельзя ли намъ приловчиться,
Чтобъ и вовсе на волю откупиться?»
Отецъ сказалъ: «ладно!»
И дѣло пошло у нихъ складно.

Говоритъ Каратышка: «Нашу поляну
Пахать я однимъ воломъ стану».
— «Да какъ же однимъ? вотъ заврался!»
Каратышка, однако, подобрался;
Поюлилъ, пофинтилъ и прыгъ волу въ ухо,
Начинаетъ тамъ ёрзать и орать, что есть духу.
Волъ струхнулъ, замоталъ головою
И пошелъ плугомъ рыть, какъ иглою...
Не успѣлъ отецъ надивиться,
А ужъ дѣло къ концу и валится.

Смотритъ, тѣмъ часомъ ѣдетъ карета,
Въ ней помѣщикъ и дочка куколкой разодѣта;
Такая барышня красотка,
Хоть какому жениху находка.
Увидѣлъ помѣщикъ, дивуется диву:
«Какъ одинъ волъ пашетъ цѣлую ниву?»
Закричалъ мужику: «Эй ты, пахарь!
Колдунъ ты какой, или знахарь?
И какъ это волъ у тебя поспѣваетъ,

Что съ плугомъ такъ по полю шныряетъ?»
Мужикъ говоритъ: «Это мой сынишка;
Ростомъ онъ Каратышка
И почти съ рукавицу,
А, поди, раскуси эту птицу!»
Вышелъ помѣщикъ изъ кареты,
Крикнулъ Каратышкѣ: «Гдѣ ты?»
Парень на землю фертикомъ вышелъ,
Подбоченился, козыремъ ходитъ, будто не слышалъ;
Взялъ у отца трубку, куритъ,
На помѣщичью дочку глаза щуритъ...
Стала тутъ барышня влюбляться,
Стала съ отцомъ въ каретѣ шептаться:
— «Ахъ, папенька, какое жъ это диво,
Что такой невеличка и одинъ пашетъ ниву!
Ты купи мнѣ, купи Каратышку,
Если спросятъ, давай и лишку,
А безъ него я жить не стану,
Засохну и завяну!»

Дѣлать нечего: помѣщикъ вздыхаетъ,
Кошелекъ вынимаетъ, въ торги вступаетъ
И беретъ Каратышку съ собою,
За шкатулку, съ дорогою казною,
За непростую, росписную;
Въ той шкатулкѣ лежали барышнины гребни,
Духи, колечки, наперстки и серьги
И всякія зелья и примочки,
Чѣмъ барышни румянятъ себѣ щечки,
И отчего женихи ихъ любятъ,
И чѣмъ онѣ родъ мужской губятъ...
Завернули господа Каратышку въ бумажку
И примчали домой въ одну упряжку.
Барышня его въ кармашкѣ держала,
Всю дорогу на воздухъ не пускала;
Какъ онъ ни толкался, ни возился,
Какъ у господъ провѣтриться не просился...
А мужикъ воротился съ казною,
Припѣваючи, зажилъ на покоѣ
И забылъ совсѣмъ про сынишку,
Про лихого «пройди-свѣта» Каратышку.

———

Только разъ колокола загремѣли
По улицѣ новыя сани пролетѣли;
Барчёнокъ подъѣзжаетъ къ хатѣ:
Въ собольей шапкѣ, въ шелковомъ халатѣ,
Въ зубахъ торчитъ трубка, бровями моргаетъ,
Руки въ боки, самъ фертомъ выступаетъ;
Совсѣмъ-то красавчикъ, когда-бъ не носище,
Величиной чуть не съ топорище.
На крыльцо съ надворья важно онъ всходитъ,
За бѣлую ручку жену свою вводитъ,
Да такую толстушечку, пыхтушечку,
Изъ лица совсѣмъ игрушечку:
Поступь лебединая, щеки—красны маки,
И что вся не краля, это только враки!

Молодые прямо, какъ вошли съ дороги,
Слова не сказали, родителямъ въ ноги;
Съ ними шли рядочкомъ малыхъ два сынишка,
Точь-въ-точь, какъ отецъ ихъ—оба каратышки.
Вслѣдъ за ними слуги несли изъ кареты
Всякое добро и тряпьё безъ смѣты,
Строили господамъ новую палату,
Не то, чтобъ курень или хату—
На славу жилище,
Чуть не съ гору, какой городище!

Вотъ вамъ и сказка,
Мнѣ бубляковъ вязка,
Говорилъ дѣдъ Лукашка,
Латанная рубашка.

XIII.

Лѣсная хатка.

Какъ жили, да были старикъ и старуха,
У старой и стараго было по дочкѣ.
Вотъ баба и стала приказывать дѣду:
«Вези, старый хрѣнъ, со двора свою дочку,
Вези куда знаешь, вези, да и только!»

Старикъ не перечитъ, беретъ свою дочку,
Везетъ ее лѣсомъ: въ лѣсу стоитъ хатка.

— «Сиди моя дочка, сиди, дожидайся,
Пока я въ овражекъ схожу за дровами!»
Уходитъ старикъ, прицѣпилъ потихоньку
У самой у хатки на вѣтку дощечку...
Дощечка отъ вѣтра стучитъ по березѣ,
Долбитъ словно дятелъ, о бѣлу кору.
Ждетъ дѣдова дочка, сама размышляетъ:
«То батюшка рубитъ въ оврагѣ полѣнья!»
Румяная зорька по залѣсью гаснетъ,
А дѣдъ не приходитъ съ дровами изъ лѣса!

Вотъ стало темнѣе, кругомъ затихаетъ,
И вдругъ въ отдаленьи послышался грохотъ:
Стучитъ и гремитъ, сукъ за сукомъ ломаетъ,
Безъ ногъ «Голова Лошадиная» мчится...

Къ избѣ Голова подкатилась и молвитъ:
— «Дѣвчонка! дѣвчонка! открой мнѣ ворота!»
Послушалась дѣдова дочка, открыла.
— «Дѣвчонка! дѣвчонка! съ порога на лавку
Меня посади ты, меня накорми ты
И спать на постелю меня уложи ты!»
Послушалась дочка: ее посадила,
Ее накормила, въ постель уложила
И сказки ей на ночь еще говорила.
— «Дѣвчонка! дѣвчонка! теперь полѣзай ты
Мнѣ въ лѣвое ухо, а въ правое вылѣзь:
Тебя награжу за почетъ, за послугу!»
Тутъ дѣдова дочка, не молвя ни слова,
Нагнулась, полѣзла ей въ лѣвое ухо,
А правымъ наружу, какъ дверкою, вышла...
И стала она красоты несказанной,
Царевною сѣла въ рыдванъ золоченый,
Серебряный конь ее вывезъ изъ лѣса;
Къ отцу завезла на слободку подарки,
И всѣ выбѣгали—глядѣли, какъ ѣдетъ
Царевна въ свои государскія земли...

[illegible] ли, за холодомъ зимнимъ,
[illegible] по бѣлому свѣту;
[illegible] стала баба приказывать дѣду:
[illegible] ты теперь, старый хрѣнъ, мою дочку,
[illegible] завозилъ и свою, да скорѣе!»
Старикъ не перечитъ, беретъ ея дочку,
А дочка была преехидное зелье;
Она и руками, она и ногами,
Да только осилилъ ее старичина.
Поѣхалъ онъ лѣсомъ, въ лѣсу стоитъ хатка...
И сталъ говорить онъ: «сиди, дожидайся,
Пока я въ овражекъ схожу за дровами!»
Ушелъ и опять прицѣпилъ потихоньку
У самой у хатки на вѣтку дощечку...
Дощечка отъ вѣтра стучитъ по березѣ,
Долбитъ, словно дятелъ, о бѣлу кору...
Ждетъ бабина дочка, въ сердцахъ размышляетъ:
«Когда бъ его волки скорѣе заѣли!
Сидишь, какъ колода, а толку ни крошки!»

Опять затемнѣло по старому лѣсу;
Опять въ отдаленьи послышался грохотъ:
Стучитъ и гремитъ, сукъ за сукомъ ломаетъ,
Безъ ногъ «Голова Лошадиная» мчится...
Къ избѣ Голова подкатилась и молвитъ:
— «Дѣвчонка, дѣвчонка, открой мнѣ ворота!»
— «Не знатная пани, сама ты отворишь!»
— «Дѣвчонка, дѣвчонка, съ порога на лавку
Меня посади ты, меня накорми ты,
И спать на постелю меня уложи ты!»
— «Не знатная пани, сама ты и сядешь,
Сама и наѣшься, сама же и ляжешь!»
— «Дѣвчонка, дѣвчонка, теперь полѣзай ты
Мнѣ въ лѣвое ухо, а въ правое вылѣзь:
Тебя награжу за почетъ, за послугу!»
Тутъ бабина дочка смекнула, въ чемъ дѣло:
Нагнулась, полѣзла ей въ лѣвое ухо,
А правымъ наружу, какъ дверкою, вышла,—
И стала, да только не пышной царевной,
А старой-престарой, беззубой каргою!..

Домой доплелася, стучится въ ворота—
Взглянулъ на нее старый дѣдъ, да и плюнулъ.

XIV.

Смерть.

Въ чистомъ полѣ косарь косилъ сѣно,
Вдругъ за что-то коса зацѣпилась
И въ рукахъ у него зазвенѣла.
— «Эхъ, коса наскочила на камень!»
Говоритъ онъ, и все себѣ коситъ.
— «Да! держи ты карманъ, простофиля!—
Говоритъ у него подъ ногами:—
Гдѣ ты видѣлъ такіе каменья?»

Смотритъ въ землю косарь: что за чудо?
Передъ нимъ поднимается кочка,
Будто кротъ ее роетъ, все больше,
И становится лютою Смертью,
Что въ церквахъ на страхъ людямъ малюютъ,
Что на ней и тряпья, и лохмотьевъ,
И лица человѣчьяго нѣту;
Замахнулся косарь на хрычовку,
Извести ее думаетъ разомъ.
— «Нѣтъ, постой, куманёкъ; что за радость
Извести меня, старую, даромъ?
Ты меня отпусти, а за это
Я тебя научу, да такому
Что какъ выйдешь, да по міру глянешь,
Загребать станешь деньги лопатой!»
Уговоръ тутъ они заключили;
Посудили слегка, порядили,
И пошли всякъ своею дорогой
— «Ты ступай,—ему Смерть провѣщала:—
По дорогѣ лѣчи всѣхъ недужныхъ;
Съ этихъ поръ я тебѣ стану зрима.
Только глянь, гдѣ въ свѣтлицѣ я стала:
Если стала въ ногахъ у больного,
Значитъ, кинетъ недужнаго немочь;
Если же въ головы я помѣстилась,

Отъ недуга ему не подняться!»
Въ путь собрался косарь тѣмъ же часомъ,
Сталъ лѣчить всѣхъ больныхъ и недужныхъ;
И засыпали знахаря въ волю
Самоцвѣтные камни и жемчугъ,
Дорогія парчи и дукаты...

Только вотъ, какъ ужъ онъ пообжился
И въ мѣшки какъ по горло зарылся,
Призываютъ его о полночи
Къ одному богачу на подворье.
Глянулъ онъ и задумался крѣпко:
Надъ больнымъ, у пуховой постели,
Прямо въ головы Смерть помѣстилась,
Держитъ косу въ рукахъ наготовѣ.
А богачъ его голосно молитъ:
— «Помоги ты мнѣ, братъ, сдѣлай милость;
Лѣчишь ты всѣхъ больныхъ и недужныхъ;
Я въ долгу у тебя не останусь—
Дамъ тебѣ по заслугамъ награду:
Половиной добра и богатства
За твои за труды поклонюся».
Началъ тутъ про себя думать знахарь:
«Что за бѣсъ, да и что за причина?
Отчего не надуть мнѣ и Смерти?
Вѣдь случается лѣчить же въ свѣтѣ
И такихъ, что давно отпѣваютъ!»
Принимается онъ за больного,
Говоритъ: «ты не бойся, я справлюсь».
Только къ утру больной, передъ свѣтомъ,
Свою душеньку Богу и отдалъ...

Не успѣло пройти и недѣли,
Непохожъ на себя сталъ и знахарь:
Ходитъ, голову низко повѣсилъ,
Все ему и противно, и тошно,
И на свѣтъ не глядѣлъ бы, казалось.
Повалился какъ снопъ онъ въ постелю,
Зажигаетъ кругомъ себя свѣчи,
Куритъ ладаномъ, молится крѣпко,
А въ окошко швыряетъ дукаты,

Созываетъ убогихъ и нищихъ;
Вкругъ себя самъ боится и глянуть:
Смерть стоитъ у него въ изголовьѣ!

Кличетъ вѣрныхъ онъ слугъ на подмогу,
Переставить велитъ свое ложе,
Повернуть головами къ порогу...
Переставятъ его потихоньку,
Вкругъ себя по свѣтелкѣ онъ глянетъ—
Смерть опять у него въ изголовьѣ,
Держитъ косу въ рукахъ наготовѣ!
Напослѣдокъ она провѣщала:
— «Отложи ты свое попеченье;
Не бывать тебѣ больше поблажки!
Какъ лѣчилъ бы ты честью, да правдой,
То еще бы на свѣтѣ ты пожилъ!»
Тутъ недужнаго кара лихая
Подхватила и кинула ð-земь...
Такъ и отдалъ онъ душеньку Богу!

XV.

Сонъ въ Ивановскую ночь.

Три брата, и они же три Кондрата,
Задумали поѣхать въ степь когда-то,
Чтобы втроемъ, полночною прохладой,
Засѣять лугъ арбузною бакшой.
Поѣхали за дѣломъ казаки
И захватили въ путь съ собой припасовъ:
Одинъ Кондратъ взялъ трубку и кремень,
Другой Кондратъ табачныхъ корешковъ;
А третій задумалъ взять огниво,
Да какъ-то замотался и забылъ...
Вспахали братья къ ночи десятину
И вздумали вздохнуть и покурить...

Туда-сюда, табакъ и трубка есть,
А вырубить огня, хоть тресни, нечѣмъ.
Вотъ младшему Кондрату два Кондрата
Изъ старшихъ, помолчавъ, и говорятъ:

— «Вонъ подъ горой, у рѣчки, огородникъ,
Поди, не раздобудешься ль огнива?»

Идетъ Кондратъ и видитъ въ темнотѣ,
У куреня сидитъ сѣдой старикъ
И молча куритъ глиняную трубку.
«Дай, дѣдъ, огня».—«Дамъ, а разскажёшь сказку?»
«Да не умѣю...»—«Присказку скажи!»
«Не смѣю!»—«Ну, такъ я съ твоей спины,
«Отъ головы до пятъ, скрою ремень».
— «Нѣтъ, дѣдъ, постой, ужъ такъ и быть: я сказку
Надумалъ. Только слушай,—если ты
Меня собьешь на словѣ, или скажешь:
Сбрехалъ, неправда!—я съ твоей спины
Ужъ не одинъ, а два ремня скрою».
— «Изволь».—«На ярмарку, за бочкой дёгтю
Отецъ мой на твоемъ отцѣ верхомъ...»
— «Какъ, на моемъ отцѣ? да врешь...»—«А слово?
Давай-ка спину!.. стой, не убѣжишь».
Но дѣдъ вскочилъ, заткнулъ за поясъ полы
И ну бѣжать... Кондратъ вслѣдъ за нимъ,
Кричитъ, ножемъ ему грозитъ и машетъ,
Да вдругъ впотьмахъ о что-то поскользнулся,
Упалъ и ножъ куда-то уронилъ,
Глядитъ—а ножъ его воткнулся въ дыню
И, какъ въ водѣ, въ ней съ ручкой утонулъ.

Кондратъ въ досадѣ, жаль ему ножа;
Разулся и полѣзъ въ отверстье дыни—
Глядитъ, а тамъ ужъ бродитъ человѣкъ.
«А! кумъ Кондратъ!»—«Здорово, кумъ Данило!
Куда тебя нелегкая несетъ?..»
— «Ищу воловъ, а ты?»—«Ищу ножа».
— «Напрасно, братъ, смотри, какая темень!
Ни зги не видно... Подождемъ зари!»
— «Готовъ, но скука; развѣ скажешь сказку?»
«Изволь, но чуръ—дослушать до конца...
«Жила-была красавица казачка,
Высокая, степенная, лихая,
И многіе къ ней сватались въ селѣ.
Но больше всѣхъ ей два пришлись по нраву,

А именно—сапожникъ и кузнецъ.
Кузнецъ еще и такъ, и сякъ, сапожникъ
Такъ тотъ и свадьбу скоро заварилъ.
— «Постой же,—думаетъ кузнецъ въ досадѣ:—
Я проучу тебя, ременный шовъ!»
Идетъ онъ разъ съ казачкой по селу
И видитъ, пара новыхъ сапоговъ
Торчитъ въ окно сапожниковой хаты.
— «Вотъ диво!»—говоритъ кузнецъ.—«А что?»
— «Да то, что твой женихъ мертвецки пьётъ,
Чуть выпилъ, и протянетъ въ окна ноги.
Да такъ весь день-денской лежитъ и спитъ».
Задумалась о женихѣ казачка,
Но думала недолго: пьяный мужъ,
Зато какіе шьетъ онъ башмаки!
Сошлось на свадьбу цѣлое село.
Кузнецъ туда жъ, но прежде потихоньку
На угольяхъ подкову раскалилъ,
Щипцами взялъ ее, подъ полу спряталъ
И такъ пришелъ къ красавицѣ на свадьбу
И рядомъ сѣлъ съ соперникомъ своимъ
— «Здоровы будьте, сыты и богаты!»
Сказалъ и опустилъ за голенище
Сапожнику горячую подкову.
Но не моргнулъ, не подалъ вида тотъ...
Закрывъ полой прожженное колѣно,
Онъ стиснулъ зубы, крякнулъ, усмѣхнулся,
Налилъ вина и пожелалъ злодѣю:
Богатства, счастья, правды у людей,
Жены красивой, нравомъ неспѣсивой...
И досидѣлъ всю свадьбу до конца.
Жена любила мужа-молодца».

«Вотъ, кумъ Кондратъ, и сказка».—«Хороша!»
— «Теперь тебѣ чередъ; заходитъ мѣсяцъ,
И знать заря—кричатъ ужъ пѣтухи».
«Шли,—началъ такъ Кондратъ:—два казака,
Отецъ и сынъ, и видятъ: по дорогѣ
Идетъ барышникъ съ парою воловъ.
— «А хочешь, батько, я воловъ украду?»
«Ну, гдѣ тебѣ, дуракъ! Съ твоимъ ли рыломъ?»

— «Съ моимъ ли? ну, смотри же, замѣчай».
Скидаетъ сынъ съ одной ноги сапогъ
И на пути барышника бросаетъ,
А самъ въ оврагъ и спрятался въ травѣ,
Дошелъ барышникъ, видитъ—на дорогѣ
Лежитъ въ пыли новешенькій сапогъ.
Подумалъ онъ: «вотъ притча! вѣрно съ пьяну!»
И далѣе погналъ себѣ воловъ.
Встаетъ опять казакъ, какъ-слѣдъ, обулся,
Барышника полями обогналъ
И на пути его другой сапогъ
Оставилъ, самъ запрятался въ траву.
Дошелъ барышникъ, видитъ—на дорогѣ
Лежитъ другой новешенькій сапогъ...
— «Эхъ!—думаетъ:—досада! и другой!..
Вернуться надо...» Ну, и возвратился,
Оставя на пути своихъ воловъ
А казаку того и было нужно!
Обулся онъ, пригналъ къ отцу воловъ;
Глядятъ—у нихъ же ихъ весной украли...»

— «Вотъ и моя, товарищъ, небылица!
Теперь рѣшай, кто лучше разсказалъ,
Тому изъ дыни первому и вылѣзть...
Ну, кумъ Данило, что же ты молчишь?
Эге! да гдѣ же я?.. Вотъ, право, чудо:
Ни кума, ни бакши, ни ночи,—утро...»
Глядитъ Кондратъ—а онъ въ своемъ саду,
Подъ вишней, рядомъ съ нимъ его два брата:
Пахать они не ѣздили къ рѣкѣ
И напролетъ Ивановскую ночь,
Спокойно развалясь себѣ, проспали.

XVI.

Доля

Жилъ себѣ въ свѣтѣ чумакъ, небогатый и вовсе безродный:
Мучилась крѣпко въ родахъ у него, дни и ночи, хозяйка.
Разъ, передъ вечеромъ было, она и давай просить мужа:
«Видно, приходитъ мой часъ: не дожить мнѣ до бѣлаго утра;

Встань, побѣги ты въ лѣсокъ и нарви мнѣ хоть горсточку
яблокъ».
Всталъ и поплелся онъ въ лѣсъ изъ слободки, съ мѣшкомъ
за плечами;
Ходитъ, а день все темнѣй, и въ лѣсу потерялъ онъ дорогу.
Видитъ, ограда.—«То, вѣрно, лѣсничихи нашей избушка!»
Тихо онъ стукнулъ въ ворота; ворота передъ нимъ раство-
рились;
Встрѣтила старая баба, усталаго на печь пустила.
Легъ онъ, не спитъ, все молчитъ, и въ глубокую самую полночь
Слышитъ, къ окну кто-то тихо впотьмахъ подошелъ и
ударилъ:
— «Бабушка, бабушка, слушай - ты! — голосъ въ окно
отозвался:—
Сто двадцать-пять человѣкъ въ эту ночь вновь на свѣтъ
народилось;
Будетъ ли ихъ житіе долговѣчно и мирно на свѣтѣ?»
Молча старуха подумала и такъ отвѣтила: «будетъ!»
Голосъ затихъ подъ окномъ, и впотьмахъ стало слышно,
какъ вѣтеръ
Вдругъ по кустамъ побѣжалъ, зашумѣлъ по трубѣ и оградѣ.
Вновь сквозь просонокъ мужикъ слышитъ, кто-то въ потем-
кахъ подходитъ.
— «Бабушка, бабушка, слушай!.— опять тихій голосъ
раздался:
Сто двадцать-пять человѣкъ вновь на свѣтъ въ этотъ часъ
народилось;
Будетъ ли ихъ житіе, какъ и тѣхъ, долговѣчно и мирно?»
Съ лавки старуха опять поднялась, отвѣчала съ досадой:
— «Охъ! надоѣлъ ты съ своимъ мнѣ постылымъ докладомъ
сегодня!
Вновь нарожденнымъ на свѣтъ не видать долголѣтья и
счастья!»
Голосъ у хатки замолкъ, зашумѣло въ лѣсу, загудѣло.
Утромъ чумакъ воротился домой, поглядѣлъ, да и ахнулъ:
Въ хатѣ хозяйка лежитъ, а у печки, на лавкѣ, съ ней рядомъ,—
Двое дѣтей-близнецовъ, въ эту самую полночь рожденныхъ!
Вспомнилъ про рѣчи ночныя чумакъ и задумался крѣпко.

———

Вотъ начинаютъ расти близнецы, но по днямъ, по минутамъ.
Только отъ горя отецъ, что ни день, то печалится больше.

Все хорошо: молодцы, словно кровь съ молокомъ, волосъ
въ волосъ,
Оба лицомъ, красотой и умомъ, какъ одинъ, дружка въ дружку.
Только одна лишь бѣда: братъ постарше, во всемъ, что-бъ
ни дѣлалъ,
Былъ и востеръ, и гораздъ, и въ рукахъ его дѣло кипѣло;
Братъ же меньшой ни успѣху въ работѣ, ни проку не видѣлъ!
Такъ проходили года; сыновьямъ, что ни день, онъ дивился...
Кажется, что бы? Ни силой, ни смѣткою не были разны.
Вотъ и задумалъ отецъ попытать съ ними лютую долю...
Взялъ и послалъ сыновей за дровами, а самъ потихоньку
Легъ у рѣки на мосту и, какъ разъ на срединѣ помоста,
Кинулъ онучи, глядитъ и тайкомъ самъ съ собой размышляетъ:
— «Бѣдный сынишка ты мой! родился ты не въ пору и
время;
Доля рожденнымъ тогда предрекала несчастье и горе!
Можетъ, ошиблась она; на онучи путемъ ты наткнешься;
Въ свѣтѣ же молвятъ: съ находки всегда разживаются люди!»
Ждетъ онъ и ждетъ у рѣки; сынъ меньшой показался изъ
лѣсу.
Тихо идетъ, на мостокъ ужъ ступилъ и къ онучамъ подходитъ,
Да заглядѣлся, увидѣлъ, что братъ припоздалъ на работѣ;
Сѣлъ съ топоромъ у моста, сталъ дремать и заснулъ, какъ
убитый.
Старшій же братъ подошелъ, на дорогѣ находку увидѣлъ,
Поднялъ и началъ толкать подъ бока задремавшаго брата:
— «Соня ты, соня, вставай; погляди, что нашелъ близъ
тебя я:
Это къ добру; вѣдь съ находки всегда разживаются люди!»
Братъ поглядѣлъ, помолчалъ, и, толкуя, они поплелися.
Чуть же они отошли, всталъ отецъ и со вздохомъ промолвилъ:
— «Нѣтъ! вижу я, какъ ни бейся, а доли своей не минуешь;
Съ нею родишься на свѣтъ, съ нею и въ могилу ты ляжешь!»

XVII.

Папоротникъ.

Похвасталъ разъ нашъ деревенскій писарь.
Что не бывалъ онъ отъ рожденья трусомъ
И никогда не вѣрилъ въ домовыхъ;

И, въ подтвержденье истины, пошелъ
Подъ самаго Купала, ровно въ полночь,
За папортникомъ, на болото, въ лѣсъ...
Пришелъ храбрецъ, запрятался въ кусты
И ждетъ, когда цвѣтокъ травы завѣтной
Средь темноты полночной зацвѣтетъ,
Ждалъ часъ—другой, кругомъ вдругъ засіяло,
И голубой дымящійся цвѣтокъ,
У ногъ его на стебелькѣ сталъ виденъ.
Но чуть къ цвѣтку онъ руку протянулъ,
Тотъ злой собакой мигомъ обернулся
И ждетъ его, оскалясь и рыча.
Хотѣлъ идти онъ, вдругъ еще ужаснѣй:
Межъ лопуховъ, въ травѣ, змѣя ползетъ
Зеленая, съ пѣтушьей головой;
На рѣшетѣ по вѣтру мчится вѣдьма;
Безрукій мальчикъ вышелъ изъ воды,
Смѣется, въ омутъ за собою манитъ;
А далѣе мышей летучихъ рой
Вспорхнулъ, моргаетъ красными глазами;
Крылатые проносятся коты,
Лягушки, скрипки, перья и страницы,
Оторванныя изъ какой-то книги...
Не подался той чертовщинѣ писарь:
Онъ смѣло огненный цвѣтокъ сорвалъ
И, завязавъ его въ платокъ, пустился
Сквозь новыя препятствія домой.

Чуть онъ ступилъ въ околицу села,
Откуда не возьмись, ему навстрѣчу
Съ цыплятами насѣдка: такъ въ глаза,
Кудахча, и кидается ему.
Но онъ идетъ своимъ путемъ-дорогой,
Насѣдка и цыплята исчезаютъ.
Идетъ онъ дальше: травы и хлѣба
Становятся водою... Всю поляну
Рѣка, шумя, по горло заливаетъ;
Но онъ идетъ,—расходится вода.
«Ну!—писарь мыслитъ,—домъ не за горами!»
И видитъ, на жеребчикѣ, въ телѣжкѣ,
Знакомый дьякъ спѣшитъ ему навстрѣчу.

«Откуда?»—«Съ поля».—«А въ платкѣ что̀ держишь?»
— «Гостинецъ».—«Ну, садися же со мною,
«Вотъ вожжи, правь, я же сберегу гостинецъ».
Сѣлъ писарь, ну кaураго стегать—
Домъ близокъ: «вотъ теперь разбогатѣю!»
И слышитъ вдругъ, какъ будто невдали
Пропѣли пѣтухи... Глядитъ—и что̀ же?..
Исчезло все: дьячокъ, цвѣтокъ и лошадь;
Онъ самъ сидитъ на палочкѣ верхомъ,
Слободкою по улицѣ гарцуетъ
И погоняетъ плеткой рысака...
Такъ писаря надулъ лукавый чортъ,
А ужъ куда умнѣй былъ чорта писарь!

XVIII.

Охъ.

Жилъ-былъ себѣ казакъ, и сталъ онъ думать,
Куда-бъ въ науку сына помѣстить.
Отдалъ въ сапожники—забраковали;
Попробовалъ въ ветошники отдать,
Въ ветошники—забраковали тоже;
Онъ отдалъ сына въ ле̒жни, но и въ ле̒жняхъ
Отвѣтъ одинъ и тотъ же: не годится.
Задумался отецъ, махнулъ рукою,
Взялъ сына и пошелъ бродить по свѣту.

Шелъ день онъ, два, вошелъ въ дремучій лѣсъ,
Присѣлъ на пень, да съ горя и вздохнулъ:
«Охъ, охъ!.. Судьба, судьба моя лихая!»
Глядь, изъ земли вдругъ вышелъ человѣкъ
И говоритъ:—«А что тебѣ, старикъ?
Ты звалъ меня, я—Охъ, и вотъ явился:
Приказывай, служить какую службу?»
Не оплошалъ казакъ, все разсказалъ.
— «Ну, кумъ, постой, тебѣ я помогу.
Въ ученье мнѣ отдать попробуй сына,
И въ эту пору, ровно черезъ годъ,
За нимъ приди: останешься доволенъ».
Старикъ подумалъ, отдалъ сына Оху,

А тотъ раздвинулъ сучья и юркнулъ
Съ ученикомъ подъ оголѣлый пень,
Въ свое лѣсное царство-государство...

Тамъ, подъ землей, его онъ накормилъ
И говоритъ: «фу-фу, какъ пахнетъ свѣтомъ!
Носи дрова,—все старое долой».
Онъ навалилъ костеръ, ученика
На томъ кострѣ спалилъ и самый пепелъ
На всѣ четыре стороны пустилъ.
Къ ногамъ его скатился уголёкъ;
Онъ взялъ его, какимъ-то зельемъ спрыснулъ,
И передъ нимъ вновь ожилъ ученикъ.

Срокъ наступилъ, и въ лѣсъ къ тому же пню
Отецъ явился; смотритъ: сизокрылый
Къ нему летитъ навстрѣчу голубокъ,
Обнялъ его и на ухо воркуетъ:
«Отецъ, отецъ! Когда у Оха нынче
Меня просить ты станешь, не забудь—
Онъ обратитъ насъ всѣхъ, учениковъ,
Въ барашковъ; какъ одинъ мы будемъ схожи,
Но я начну блеять—и ты узнаешь».
Настало время выбора.—«А ну-ка,—
Смѣется Охъ:—который твой? рѣшай.
Узнаешь, такъ и быть, бери безъ платы».
— «Вотъ сынъ мой»—указалъ казакъ барашка.
— «Ты угадалъ! но погоди, почтенный,
Вновь черезъ годъ за сыномъ приходи!»

Къ тому же пню, на слѣдующій годъ
Пришелъ отецъ, и снова сизокрылый
Къ нему слетѣлъ, воркуя, голубокъ:
— «Сегодня, батюшка, передъ тобою
Хозяинъ обратитъ насъ въ пѣтуховъ;
Всѣ будутъ, какъ одинъ, всѣ будутъ схожи;
Но ты гляди и выбери того,
Чей гребешокъ немного будетъ на бокъ!»
Настало время выбора, отецъ
Вновь указалъ межъ пѣтухами сына.

«Бери,—сказалъ ему съ усмѣшкой Охъ:—
Но помни, съ нимъ легко я не разстанусь».

Казакъ взялъ сына, съ нимъ пришелъ на торгъ.
— «Постой-ка,—сынъ ему:—я обращусь
Въ персидскаго, лихого жеребца.
Ты продавай меня, бери дороже,
Но ни за что̀ не продавай съ уздечкой».
Торгуется отецъ съ покупщиками
И самъ себѣ не вѣритъ: за коня
Даютъ червонцевъ ковшъ, двѣ скирды сѣна.
— «А я прибавлю бочку запеканки!—
Кричитъ, въ толпу протискавшись, цыганъ:—
Но, съ уговоромъ: продавай коня
Не одного, а какъ есть, съ уздечкой!»
— «Что̀,—думаетъ отецъ,—какое диво
Въ уздечкѣ? запеканка жъ не пустякъ».
И отдалъ онъ коня съ уздечкой...

Взялъ старый деньги, принялъ и придачу.
А покупщикъ (то былъ волшебникъ Охъ)
Укоротилъ коню уздечку, мигомъ
Вскочилъ къ нему на спину и давай
Его гонять, что силы, вдоль по полю.
А вечеромъ его въ конюшню заперъ
И привязалъ къ высокому столбу,
Чтобъ тотъ не могъ достать и горстки сѣна.
Но чуть ушелъ онъ въ хату, слышитъ крикъ:
«Что̀ дѣлать намъ?—работники вбѣгаютъ:—
Мы повели коней на водопой,
Глядимъ, а конь, что ты купилъ сегодня,
Къ водѣ припалъ, съ него свалилась въ воду
Уздечка, стала окунемъ, плеснулась
И уплыла, а съ ней исчезъ и конь!»
Помчался Охъ къ рѣкѣ и въ волны—бухъ!
Становится въ волнахъ зубатой щукой
И, окуня догнавши, говоритъ:

— «Окунь, окунь, окунецъ,
Ненаглядный молодецъ,
Обернися головой,

Побесѣдуемъ съ тобой!»
Окунь ей на то въ отвѣтъ:
— «Коли ты, кума, быстра,
То лови меня съ хвоста!»

Уйдя отъ щуки, окунь обернулся
Касаткою и полемъ полетѣлъ;
Глядитъ, а Охъ за нимъ орломъ несется
И, когти выпустивъ, вотъ-вотъ догонитъ.
Касатка обратилася въ копну,
А Охъ въ огонь, и запылало сѣно.
Насилу вырвался казакъ изъ дыма
И побѣжалъ по степи сѣрымъ зайцемъ;
Охъ волкомъ, заяцъ—бабочкою сталъ...
За нимъ въ догонку Охъ совой помчался.

И видитъ бабочка—внизу, подъ садомъ,
Въ дому окно раскрыто; у окна
Сидитъ за прялкой панночка-красотка
И, поводя веретеномъ, прядетъ.
Въ окно влетаетъ бабочка нежданно,
Становится красавцемъ-казакомъ
И говоритъ, склоняясь на колѣни:
— «О, панночка, спаси меня, спаси!
Я обращусь въ кольцо, меня надѣнь ты;
И, чуть сюда войдетъ волшебникъ Охъ
И у тебя потребуетъ тотъ перстень,
Ты брось его о землю и скажи:

Пусть ни тебѣ, ни мнѣ колечко это!
Я жъ предъ тобой разсыплюся пшеномъ;
Одно зерно ты ножкой придави
И такъ держи, моя душа въ немъ будетъ».
Тутъ распахнулась дверь, въ нее вошли
Отецъ красавицы и жидъ-мѣняло.
— «Послушай, дочка, что за штуки вновь?
Зачѣмъ взяла ты у него кольцо?»
— «А!—я взяла? такъ вотъ ему за это:
Пусть ни ему, ни мнѣ оно не будетъ!»
И ѝ землю ударила кольцо.
Оно пшеномъ разсыпалось; одно

Зерно ногою панночка прижала.
Охъ въ пѣтуха тѣмъ часомъ обратился,
Крыломъ захлопалъ, носомъ въ полъ застукалъ
И улетѣлъ въ открытое окно.

Казакъ же вышелъ изъ-подъ ножки пани
И такъ хозяйской дочкѣ полюбился,
Что въ тотъ же день засватали его...
На свадьбѣ той и я когда-то былъ,
За молодыхъ гулялъ, медъ-пиво пилъ.

XIX.

Путь къ солнцу.

Мужикъ продалъ свою душу бѣсу,
Богачу и злому чародѣю.
Какъ пришелъ часъ расплатиться
И взять свой зарокъ обратно,
Приходитъ мужикъ къ бѣсу,
А тотъ и говоритъ ему:
— «Я тогда отдамъ тебѣ зарокъ обратно,
Какъ узнаешь ты мнѣ, по правдѣ, по чистой
Отчего солнце по утру весело,
И темно и печально въ сумерки?»
Мужикъ бѣсу поклонился
И пошелъ отыскивать солнце...

День идетъ, два идетъ, ужъ и близко;
Только солнце постоитъ надъ землею,
И окунется за лѣса, за горы,
И за дальнее синее море.
Закручинился мужикъ; идетъ полемъ,
Смотритъ, на курганѣ колышекъ,

А на колышкѣ, на ножкѣ, человѣчекъ;
И мотается тотъ, куда повѣетъ вѣтеръ,
И всего-то его вѣтромъ истрепало,
Бурей-непогодой измотало,
А сорваться съ колышка не можетъ.
Спрашиваетъ мужикъ:—«куда путь къ солнцу?»

Отвѣчаетъ человѣчекъ:—«Я отвѣчу,
Коль узнаешь ты отъ самого солнца:
Долго ли мнѣ еще на колышкѣ мотаться,
И за что я такою напастью наказанъ?»
Говоритъ мужикъ:—«Я узнаю!»
Тутъ человѣчекъ на ножкѣ повернулся
И сказалъ:—«Иди ты прямо;
Будетъ тебѣ на дорогѣ рѣчка,
Тамъ ты все и узнаешь!»

Приходитъ мужикъ къ рѣчкѣ,
Видитъ: стоитъ человѣкъ въ водѣ по горло;
Студёныя струйки бѣгутъ мимо его,
Надъ головой поспѣваютъ яблоки;
Только онъ не можетъ къ водѣ нагнуться,
Ухватить студёной струйки,
Сорвать съ вѣтки яблока.
Спрашиваетъ мужикъ:—«Куда путь къ солнцу?»
Отвѣчаетъ человѣкъ:—«Я тогда отвѣчу,
Коль узнаешь ты отъ самого солнца:
Долго ли мнѣ тутъ еще мучиться,
И за что я такою напастью наказанъ?»
Говоритъ мужикъ:—«Я узнаю!»
Тутъ человѣкъ промолчалъ и промолвилъ:
— «Иди ты отсюда все прямо;
Будетъ тебѣ на дорогѣ избушка—
Въ ней всю правду ты и узнаешь!»

Пришелъ мужикъ къ избушкѣ...
А въ избушкѣ живетъ сестра Солнца,
Старшая сестра, Заря Утренняя;
На часахъ надъ ней стоитъ Мѣсяцъ,
Стережетъ Зарю Утреннюю,
А приказовъ ждутъ ясныя Звѣзды,
Солнцевы сестры младшія, золотистыя,
На посылкахъ у Зари слуги вѣрные...

Какъ пришелъ мужикъ къ Зарѣ Утренней,
Поклонился ей въ самыя ноги,
Говорилъ ей всю правду, всю чистую.
Жалѣла его Заря Утренняя,

Призывала себѣ вѣрныхъ слугъ,
Отряжала ему путь указывать.
Провожали его Звѣзды по край земли,
Подстилали ему подъ ноги лунный лучъ...
Поднимался онъ по лучу въ небесный край,
Въ самое царство Солнца краснаго,
Гдѣ дорога идетъ въ адъ и въ рай
И гдѣ спать ложится Солнце красное.

Какъ поднялся мужикъ до облаковъ,
Увидалъ онъ дорогу въ адъ и въ рай.
По пути тутъ сидѣли покойники,
Души правыя и души виноватыя,
Всѣ по отдѣламъ сидѣли души усопшія.
Передъ тѣми, кто помогалъ на землѣ неимущимъ,
Такъ вся милостыня тутъ и лежала:
Краюшка ли хлѣба, грошъ, иль одежда..
По сторонамъ ходили быки тощіе, голодные:
То были все богачи криводушные;
А въ самомъ огнѣ, въ полымѣ,
Гдѣ ужъ начинались муки вѣчныя,
Двѣ собаки косматыя грызлися:
То были два брата родимые,
Что на землѣ межъ собою все ссорились,
Дружка на дружку съ ножами шли...

И вступилъ мужикъ въ хоромы Солнца.
Встрѣчала его Заря Вечерняя,
Златовласая Солнцева матушка.
Сажала она его за перегородку,
Изъ чистаго серебра кованную;
Спрашивала о своихъ дочкахъ любимыхъ,
О Зарѣ Утренней и о Звѣздахъ:
Что когда-то она съ ними встрѣтится,
И хорошо ли ихъ стережетъ Мѣсяцъ-братъ?
Отвѣчалъ мужикъ все по истинѣ.
Долго съ ней въ хоромахъ разговаривалъ..
Вскорѣ засіяли высокія горенки:
Стало подходить отъ земли Солнце красное.
И какъ бы не та перегородка,

Изъ чистаго серебра кованная,
У мужика бы глаза выжглися.

Вступало Солнце въ двери высокія,
На золотую кровать ложилося;
Чесала ему голову Заря Вечерняя,
Начинала сына допытывать:
— «Ты скажи мнѣ, скажи, Солнце красное,
Отчего на свѣтѣ человѣкъ есть,
На одной ногѣ онъ вертится,
Съ колышка сорваться не можетъ,
И долго ли терпѣть ему такое горе?»
Отвѣчало Солнце:—«Милая матушка!
Онъ за то наказанъ, что былъ измѣнникомъ,
Продалъ родину, отцовъ и прадѣдовъ;
И будетъ онъ вертѣться до конца вѣка!»
Спрашивала Заря Вечерняя:
— «Ты скажи мнѣ, скажи, Солнце красное,
Отчего человѣкъ на свѣтѣ въ водѣ стоитъ,
Студёныя струйки бѣгутъ мимо его
Надъ головой зрѣютъ яблоки,
А онъ не можетъ ухватить капельки,
Сорвать съ вѣтки яблока,
И долго ли терпѣть ему такое горе?»
Отвѣчало Солнце:—«Милая матушка!
Онъ за то въ водѣ, что гналъ немощныхъ,
Не давалъ голоднымъ ни пить, ни ѣсть,
И будетъ онъ мучиться до конца вѣка!»
— «А скажи мнѣ, скажи, Солнце красное,
Отчего ты утромъ весело,
И темно и печально въ сумерки?»
Отвѣчало Солнце, задумавшись:
— «Оттого я поутру весело,
Что иду въ обиходъ по поднебесью,
Не видя еще зла житейскаго!
А печально я потому въ сумерки,
Что иду съ обхода на отдыхъ,
И нечѣмъ мнѣ тебя, матушка,
Повеселить часто и порадовать!
Вотъ, хоть бы и теперь я скажу тебѣ:
Есть на свѣтѣ богачъ и злой чародѣй;

Коли онъ собою не покается,
Я отдамъ его бѣсенятамъ безъ жалости:
Пусть они имъ тѣшатся,
Палятъ и жарятъ его на угольяхъ»...
Съ тѣмъ заснуло Солнце красное...
Провожала гостя Заря Вечерняя.
И опять становился онъ на лунный лучъ,
Опускался вновь на бѣлый свѣтъ,
Богача-чародѣя отыскивалъ...
Приходилъ богачъ въ смертный страхъ.
И когда онъ покаялся,
Простило его Солнце красное.

1847—1860 гг.

ПѢСНЯ БАНДУРИСТА.

Сѣлъ на курганъ съ бандурою слѣпецъ,
И сталъ играть и пѣть сѣдой пѣвецъ.
Пустыня пѣсни старца повторяла—
И ни одна душа имъ не внимала...
«Охъ, лугъ-отецъ! охъ, мать ты наша Сѣчь!
О васъ летитъ недаромъ птица-рѣчь...
Какъ по Украйнѣ нашей смерть гуляла,
Съ бойцами пиръ кровавый пировала!
Одинъ лишь Богъ святой на небѣ зналъ,
Что запорожецъ думалъ, да гадалъ,
Зачѣмъ кидалъ онъ степь съ роднымъ домомъ,
Куда онъ мчался молніей и громомъ,
Гдѣ комаровъ казакъ собой кормилъ,
Въ какихъ огняхъ усы и чубъ палилъ,
И гдѣ леталъ онъ, славы добывая,
Да буйную головушку слагая!
Какъ грянулъ громъ на сто холмовъ и рвовъ,
На тысячу лѣсовъ и городовъ,
И застонали рѣки и равнины,
И застонали горы и долины!
Не Божій громъ въ поднебесіи гремѣлъ:
То колоколъ надъ Сѣчею гудѣлъ!
Межъ темныхъ тучъ мерцаютъ свѣчки-звѣзды,
Цари-орлы бросаютъ съ шумомъ гнѣзды;

И застилаетъ черной пеленой
Ночная тьма курганъ береговой,
А мѣсяцъ, словно лысый дѣдъ, выходитъ
Изъ-за него, по длиннымъ селамъ бродитъ,
По хатамъ стелетъ бѣлые платки
И сыплетъ искры по волнамъ рѣки.
Набатъ затихъ.—Гонцы сторожевые
Бѣдутъ по селамъ; бочки смоляныя
Горятъ, и дымъ встаетъ—летитъ столбомъ,
И грозно степь стихаетъ надъ Днѣпромъ,
И, полные смятенья и тревоги,
Ревутъ во тьмѣ Днѣпровскіе пороги!
Беретъ казакъ завѣтное копье,
Беретъ кинжалъ, черкеску и ружье,
И ятаганъ, звѣзду казацкой славы,
Натбченный о вражескія главы,
Подъ образа оружіе кладетъ
И на могилы праотцевъ идетъ.
Тамъ, поклонясь гробамъ бойцовъ могучихъ,
Беретъ онъ горсть земли съ могилъ сыпучихъ,
Кладетъ ее на грудь къ себѣ съ мольбой,
Чтобъ и во гробъ сойти съ родной землей,
И крестится, и слезы утираетъ.
Идетъ въ курень, товарищей сзываетъ,
И до утра казаки пьютъ, шумятъ,
О стародавнихъ битвахъ говорятъ.
Нахмурившись сидятъ ихъ атаманы,
Сидятъ, да молча правятъ ятаганы,
И до утра танцуютъ гопака
Межъ бочками два пьяныхъ казака...
Вотъ поднялись туманы отъ земли,
Надъ синей степью маки зацвѣли,—
Кунтуши запорожскіе алѣютъ,
На бунчукахъ султаны гордо вѣютъ,
Въ походъ идетъ казакъ, и гайдамакъ,
И строится походъ тремя полками,
Тремя полками, подъ тремя горами.
Какъ первый полкъ ведетъ Самкб-Мушкетъ,
А на Самкѣ китайчатый бешметъ,
Къ казаку мать-старуха выбѣгаетъ,
За стремя сына милаго хватаетъ:

— «Охъ, сынъ мой, сынъ! Меня ты погубилъ!
Меня живую въ гробъ ты положилъ!»
И голоситъ, и плачетъ соколица,
Какъ сирота въ поляхъ перепелица.
— «Мнѣ тошно, мать! Убей тоску мою,
Я, какъ мертвецъ, лежу, не ѣмъ, не пью!
Ужъ что же мнѣ, родимая, не пьется,
Вкругъ сердца моего ехидна вьется?..
Знать, мнѣ пора на волѣ погулять,
Кудрявымъ чубомъ съ вѣтромъ поиграть!»
— «Охъ, сынъ мой, сынъ! меня ты покидаешь,
Меня съ сестрой теперь не приласкаешь!
— «Не для того мнѣ матерь и сестра,
Чтобъ не бросать мнѣ хаты да двора!
Ужъ если надо мнѣ кого ласкать,
Такъ не сестру ласкать мнѣ и не мать!
Есть у меня дончакъ лихой коняка
Товарищъ смѣлый, бѣшеный гуляка:
Того коня я буду вѣкъ любить,
Его за ковшъ червонцевъ не купить!
Есть у меня и вѣрная сестрица:
У бока сабля, пани соболица!
Спроси ее, спроси, голубка-мать,
Чѣмъ ей со мной не жить, не гарцовать.
Охъ, сабля-жъ, сабля, съ ляхомъ ты встрѣчалась,
Да и не дважды съ нимъ ты цѣловалась!»
Походный рогъ въ послѣдній разъ трубитъ,
Казакъ своей родимой говоритъ:
— «Не убивайся, матушка, съ печали,
Уже въ сурьмы и бубны заиграли,
И заигралъ мой буйный вороной,—
Иди скорѣй, родимая, домой!
Ты горькими слезами умывайся,
Ты рукавомъ узорнымъ утирайся,
И вспоминай ты чаще обо мнѣ,
Какъ буду я въ далекой сторонѣ...
Припомнишь—червь костей мнѣ не источитъ,
А не припомнишь—горной кошкой вскочитъ
На плечи бѣсъ ко мнѣ и загрызетъ,
И прахомъ очи въ битвѣ замететъ!»
Второй отрядъ, въ черкескѣ бѣлой, новой,

Выводитъ Кукуруза чернобровый.
За кушакомъ его горитъ, какъ жаръ,
Наслѣдіе пяти родовъ татаръ—
Алмазами усыпанная шашка;
Жемчужиной пунцовая рубашка
Застегнута; во фляжкѣ за сѣдломъ
Качается столѣтній польскій ромъ;
И шелкъ усовъ курчавыхъ, и ланиты
Лучомъ зари пурпуровой облиты,—
И на бекрень заломленъ на ушахъ
Барашковый серебряный папахъ.
Какъ лучъ изъ тучъ, хорунжій выступаетъ
И такъ сестру съ усмѣшкой утѣшаетъ:
— «Не плачь, сестра, довольно жить да спать:
Пришла пора по свѣту погулять!
Тотъ не казакъ, кто водъ не пилъ Подольскихъ,
Не цѣловалъ въ уста красавицъ польскихъ,
И дорогихъ атласовъ и парчей
Не привозилъ сторонушкѣ своей.
Охъ, степь ли, степь! не одного съ сестрою,
Аль съ чернобровой, вѣрною женою,
Ты разлучала, буйная, навѣкъ...
Да не сидитъ чубатый человѣкъ!
Я объ одномъ молю тебя, родная,
Есть у меня коханка молодая,
Ужъ я жъ ее лелѣялъ, да ласкалъ!
Возьми, сестрица, въ домъ къ себѣ голубку,
Одѣнь ее въ матерчатую шубку,
Дукатами ей шейку убери,
А лаской слезы жгучія утри.
И ужъ обуй ты бѣленькія ножки
Въ сафьянные съ подковами сапожки,
И ужъ люби-жъ ее, да почитай,
Да милою сестрою называй!»
— «На все, на все твоя, соколикъ, воля:
Ужъ такова твоя лихая доля...
Ступай, гуляй, съ лихимъ врагомъ играй,
Да къ Покрову съ похода пріѣзжай!»
— «Охъ, я бы и скорѣй къ тебѣ вернулся,
Да что-то конь мой въ воротахъ споткнулся:
На грудь мою печаль свинцомъ легла,

И словно смерть меня за чубъ взяла».
Послѣдній полкъ равниною песчаной
Велъ Полтора-Кожуха безталанной...
Никто бойца, никто не провожалъ,
И громкимъ крикомъ степь онъ оглашалъ:
— «Сестра моя въ Крыму, а мать въ Полтавѣ!
Гуляй, казакъ, на всей казацкой славѣ!»
И словно барсъ по камнямъ, мчался конь,
И вылеталъ изъ-подъ копытъ огонь...
Такъ курени вояки покидали,
Казачки, молча, у воротъ стояли,
И, молча, милыхъ взоромъ провожали,
И, плача, руки бѣлыя ломали...

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ пошелъ Самкó-Мушкетъ,
А за хорунжимъ ѣхало во слѣдъ
Едва чѣмъ менѣе трехъ тысячъ братьевъ,
Все храбрыхъ душъ, все запорожцевъ-хватовъ.
Они стамбулки синія дымятъ,
Какъ пчелы въ ульѣ, шепчутся, гудятъ,
Гремятъ въ сурьмы, въ литавры, въ барабаны,
И словно жаръ пылаютъ ихъ жупаны,
На длинныхъ пикахъ вѣютъ бунчуки,
Ревутъ волы, гарцуютъ сердюки;
Идетъ обозъ тяжелымъ караваномъ,
Летятъ стрѣлки, разсыпаясь по полянамъ;
На плащаницахъ шелковыхъ знаменъ
Сверкаютъ лики дѣдовскихъ иконъ;
И булавы полковъ заповѣдныя
Несутъ на плечахъ старцы—кошевые,
И ѣдетъ сзади писарь войсковой
Съ чернильницей, Хмѣльницкій молодой!
Казаки шапки черныя скидаютъ
И Господу хваленья возсылаютъ,
Кладутъ кресты, поютъ святой канонъ
И молятся до войсковыхъ иконъ:
«Дай Богъ пожить намъ съ воеводой славнымъ,
Какъ жили мы—всѣ братствомъ православнымъ,
Ѣсть хлѣбъ его, конемъ враговъ топтать,

Да славы Запорожью наживать!»
Отрядъ несется пыльною дорогой—
Одинъ хорунжій занятъ думой строгой.
Онъ на конѣ не вьется, не кипитъ,
Все сивый усъ кусаетъ, да молчитъ:
Чтобъ сто бѣсовъ убили то молчанье,
То крѣпкое и грозное гаданье!
Самко-Мушкетъ поникнулъ головой
И говоритъ въ раздумьѣ самъ съ собой:
«Что, если какъ въ аду, насъ ляхи сжарятъ
Да изъ костей казацкихъ пиръ заварятъ?
Что, если нашимъ бѣднымъ головамъ
Да лечь во прахъ по вражескимъ полямъ?
Закрячетъ воронъ, степь перелетая,
Застонетъ лебедь, въ небѣ утопая,
И сизый соколъ станетъ тосковать,
И сизый коршунъ станетъ горевать
Все по своимъ товарищамъ, казакамъ,
Все по могучимъ братьямъ, гайдамакамъ?
Аль занесло ихъ пылью на ходу,
Аль ихъ враги пожарили въ аду,
Что не видать ни по степямъ чубатыхъ,
Что не видать ни по лугамъ усатыхъ,
Ни по турецкимъ землямъ и морямъ,
Ни по подольскимъ рѣкамъ и полямъ?
Хрустятъ, какъ щепки, кости по долинѣ,
Звенятъ мечи и копья по равнинѣ,
А сѣрая сорока бьетъ крыломъ,
Оскалилась и прыгаетъ сверчкомъ...
Висятъ чубы бойцовъ съ головъ кровавыхъ,
Какъ будто ляхъ наплёлъ жгутовъ кудрявыхъ,
Въ крови чубы, въ крови позапеклись,
Вотъ такъ-то славы всѣ мы набрались!»
И горестно Самко-Мушкетъ вздыхаетъ,
Покинулъ поводъ, думаетъ, гадаетъ,
И отстаетъ отъ войска своего,
И, словно коршунъ, рѣетъ мысль его!
И видитъ онъ: лихого казачину
Берутъ враги за сивую чуприну,
На крюкъ цѣпляютъ храбраго ребромъ
И жгутъ его медлительнымъ огнемъ,

По поясъ кожу съ рыцаря сдираютъ,
Кровавый черепъ солью посыпаютъ —
И въ полымѣ свистящаго огня
Костлявый трупъ качается три дня!

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ пошелъ Самкò-Мушкетъ,
Другимъ, за Кукурузою вослѣдъ,
Пошло не менѣе трехъ тысячъ братовъ,
Все храбрыхъ душъ, все запорожцевъ-хватовъ.
Они горой зеленою идутъ,
Шумятъ, поютъ и въ барабаны бьютъ,
И молвятъ такъ хорунжему лихому,
Степанкѣ Кукурузѣ молодому:
— «Здоровъ ли ты и живъ ли, панъ Степанъ?
Что плачешь ты, иль спозаранку пьянъ?
Или тебя, казакъ, заворожили,
Любовнымъ зельемъ свахи опоили?
Печаль да слезы храбрымъ не рука,
Лихая смерть найдетъ и казака.
Когда-нибудь и насъ съ тобой зароютъ,
И будутъ насъ старухи поминать,
А по тебѣ... красотки горевать».
И молвитъ рыцарь:—«Все ты одинаковъ,
Будь ты Якимъ, аль будь ты просто Яковъ...
Вотъ, какъ прійдемъ мы до горы седьмой,
Да какъ грозой на насъ ударитъ бой,
То будетъ намъ все то, что куковала
Кукушка, что въ сыромъ бору летала!
А чтò она вѣщала, вѣрь тому,
Какъ вѣришь, рыцарь, сердцу своему!
И занесутъ насъ прахомъ ураганы,
И обовьютъ насъ саваномъ туманы,
И станетъ ждать добычи сѣрый волкъ,
Какъ разобьютъ враги нашъ славный полкъ.
Лихая смерть сравняетъ всѣхъ насъ, дѣти
Не долго жить орламъ на бѣломъ свѣтѣ!»
Ужъ и по правдѣ-жъ, ясный панъ-отецъ,
Ужъ и по чистой правдѣ удалецъ,
Ты говорилъ: не миновало году,

Отпѣли запорожцы воеводу...
Нечистый ляхъ тебя въ цѣпяхъ держалъ,
И, какъ раба, въ цѣпяхъ колесовалъ!

Какъ на четыре поля шли казаки,
На пятое, Подолье, шли вояки.
Однимъ путемъ шелъ удалой Самкò,
Другимъ путемъ шелъ молодой Стецькò,
А третьимъ шелъ, безъ чуба и безъ уха,
Карпò, прозваньемъ Полторà-Кожỳха.
Онъ на конѣ передъ полкомъ игралъ,
Въ одной сорочкѣ рыцарь гарцовалъ,
И волновались въ буйномъ безпорядкѣ
Его шальваръ безчисленныя складки,
Сверкали шпоры желтыхъ сапоговъ,
Чернѣли змѣи длинныя усовъ,
А вѣтеръ вѣялъ шелковой уздечкой,
Уздечкой съ кабардинскою насѣчкой,
Да съ сивой шапки алый платъ висѣлъ,
Да ятаганъ у пояса звенѣлъ.
Ведетъ Карпò три тысячи казаковъ,
Все храбрыхъ братьевъ, славныхъ гайдамаковъ.
Они стамбулки синія дымятъ,
Какъ пчелы въ ульѣ, шепчутся, гудятъ,
Гремятъ въ сурьмы, въ литавры, въ барабаны,
И, словно жаръ, пылаютъ ихъ жупаны,
На длинныхъ пикахъ вѣютъ бунчуки,
Ревутъ волы, гарцуютъ сердюки;
Идетъ обозъ тяжелымъ караваномъ,
Летятъ стрѣлки, разсыплясь по полянамъ;
И бодро полкъ волнуется, идетъ,
И панъ Карпò передъ полкомъ поетъ:
«На горѣ-ль зеленой да жнецы жнутъ,
А подъ той горою,
Подъ горой крутою,
Въ барабаны бьютъ!
Передъ казаками вождь похода
Ведетъ свою лаву,
Запорожцевъ славу,
Воевода!
Середи казаковъ атаманы,

У нихъ кони злы
Кони вороные,
Ураганы!
А панъ Сагайдачный въ хвостъ забился!
Онъ отдалъ за трубку
Ясную голубку—
И напился!
Охъ, вернись, вернися, казачина,
Возьми свою радость,
Отдай мою сладость,
Молодчина!
Мнѣ съ женою твоею не возиться,
А безъ трубки въ полѣ
Казаку на волѣ
Не ужиться...
Гей, кто въ буйномъ лѣсѣ, отзовися,
Да костеръ навалимъ,
Да тютюнъ запалимъ,
Веселися!»
Такъ на конѣ, гремя и распѣвая,
И бунчукомъ надъ головой махая,
Карпô на бой кровавый выступалъ,
Въ одной сорочкѣ рыцарь гарцовалъ,
И волновались въ буйномъ безпорядкѣ
Его шальваръ безчисленныя складки,
Сверкали шпоры желтыхъ сапоговъ,
Чернѣли змѣи длинныя усовъ,
А вѣтеръ вѣялъ шелковой уздечкой,
Уздечкой съ кабардинскою насѣчкой,
Да съ сивой шапки алый платъ висѣлъ,
Да ятаганъ у пояса звенѣлъ.

* * *

Охъ, братъ казакъ, ты всласть навеселился,
Въ лихомъ пиру ты смерти полюбился!
Пьяно было кровавое вино,
Тебя, какъ снопъ, свалило въ прахъ оно,
А надъ бойцомъ и люба насмѣялась,
Съ другими смерть въ бою нацѣловалась...
Летитъ гроза, ковыль-трава шумитъ,
Карпô въ степи застрѣленный лежитъ,
Припалъ къ кургану бѣдной головою,

Накрылъ глаза осокою рѣчною.
И жметъ къ груди изрубленный жупанъ,
И кровь бѣжитъ изъ трехъ широкихъ ранъ,
А въ головахъ казака воронъ крячетъ,
Въ ногахъ любимый конь тоскуетъ, плачетъ,
И въ землю бьетъ копытомъ и храпитъ,
И съ паномъ такъ въ пустынѣ говоритъ:
— «Ой, панъ мой, панъ, безъ чуба и безъ уха,
Ой, панъ хорунжій, Полторà-Кожýха!
Кому теперь покинешь ты меня,
Кому отдашь ты вѣрнаго коня?
Отдашь ли нѣмцамъ ты, аль янычарамъ,
Аль подаришь ты крымчакамъ-татарамъ?
— «Тебя, мой конь, нечистымъ не поймать,
Тебя лихимъ врагамъ не осѣдлать!
Бѣги, летунъ мой, синими степями,
Бѣги, соколикъ, топкими лугами,
И прибѣги ты на мое крыльцо,
Ужъ и ударь ты въ звонкое кольцо.
Къ тебѣ навстрѣчу выбѣжитъ сѣдая
Казачка, руки бѣлыя ломая.
Она тебя за поводъ станетъ брать,
Начнетъ тебя ласкать, да миловать,
Омоетъ пыль съ тебя водой студеной,
Тебя укроетъ шелковой попоной,
Начнетъ кормить душистою травой,
Начнетъ поить янтарною сытой.
И, плача, станетъ спрашивать о сынѣ,
О гайдамакѣ, славномъ казачинѣ:
«Ой, конь мой, конь, летунъ ты вороной,
Скажи-ка, гдѣ ѣздокъ твой дорогой?
Аль ты убилъ его въ бою кипучемъ,
Аль обронилъ его въ лѣсу дремучемъ?»
— Я казака, скажи, не убивалъ,
Его въ лѣсу дремучемъ не ронялъ:
Казакъ женился, взялъ себѣ панянку,
Во чистомъ полѣ взялъ себѣ землянку:
Туда и вѣтеръ вольный не зайдетъ,
Туда и солнце свѣта не прольетъ,
Тамъ въ бочкѣ винной чумаки степные
Зарыли въ землю кости удалыя...

Печаленъ былъ усатаго конецъ,
Да крѣпко спитъ рубака-молодецъ,—
И спитъ онъ весь, и спятъ, во тьмѣ могилы,
Его на вѣтеръ кинутыя силы,
И сторожитъ далекая земля—
Въ чужомъ краю кормило корабля!»

Слѣпецъ замолкъ. Подавленный тоскою,
Поникъ на грудь сѣдою головою,
И очи онъ незрячія возвелъ
На даль небесъ, на безграничный долъ.
А вкругъ него тянулися курганы,
Неслись столбовъ песчаныхъ караваны,
Да буйный вѣтеръ бушевалъ кругомъ,
Струя ковыль волнистымъ серебромъ,
Да стражъ степей, орелъ, подъ небесами
Сновалъ, кружилъ зловѣщими крылами.
И всталъ старикъ, и громко зарыдалъ,
И надъ своей бандурою припалъ:
«Охъ, ты, бандура, люба ты моя,
Орломъ влетала въ душу пѣснь твоя!
Что-жъ сиротой ты горемычной плачешь,
Что-жъ воронёнкомъ ты безкрылымъ крячешь?
Не я ль тебя подъ грозой прижилъ,
Не я ль тебя безвременьемъ повилъ,
Согрѣлъ печалью, выкормилъ бѣдами,
Да безталанными вспоилъ слезами?
Иль душу я на торжищѣ продалъ,
Иль память я по вѣтру разметалъ?..
Греми-жъ, бандура, плачь и надрывайся,
Да въ сумрачной бывальщинѣ купайся!
Греми и пой о славѣ казакòвъ,
О славѣ храброй Сѣчи соколòвъ!
За то греми, что тѣ латинство гнали,
Что бусурманъ нещадно побѣждали,
Что православный крестъ своихъ отцовъ
Спасли цѣной казаческихъ головъ,
Что за свою за славу погибали,
Да внукамъ мечъ свой грозный завѣщали...
И будетъ слава по міру летать,
И будутъ славу славно поминать,

Промежъ казаками,
Промежъ удальцами,
Промежъ всѣми къ свѣтѣ молодцами,
Горами
И долами!
Промежъ люда царскаго,
Народа христіанскаго,
Съ долиною Днѣпровою,
Низовою,
На многія лѣта
До конца свѣта!..

Мартъ 1852 г.

Оглавленіе

VIII тома.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

МИРОВИЧЪ.

(1762—1764 г.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЦАРСТВЕННЫЙ УЗНИКЪ.

— «Да,—скажутъ наши правнуки:—
имъ было больно угнетеніе Россіи».

Ледяной домъ.

I.

Курьеръ изъ завоеванной Пруссіи.

Императрица Елисавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 года, въ самый разгаръ войны Россіи съ Пруссіей. Войска Фридриха были уже не тѣ: лучшіе его офицеры убиты или взяты въ плѣнъ.

За годъ передъ тѣмъ, отрядъ генералъ-поручика Петра Ивановича Панина овладѣлъ Берлиномъ. Казаки, съ союзниками-кроатами, опустошили столицу Фридриха-Второго, разграбили въ ней до трехъ-сотъ домовъ, не пощадили и загороднаго королевскаго дворца: изломали въ немъ дорогую мебель, перебили фарфоръ, бронзы и зеркала, изорвали штофные и гобелѐновые обои, изрубили итальянскія картины и разнесли въ клочки кабинетъ рѣдкостей.

Начальники не отставали отъ подчиненныхъ. Дано было приказаніе прогнать сквозь строй «Подъ-Липами» берлинскихъ «газетировъ» за то, что эти публицисты слишкомъ обидно и дерзко писали о русскихъ. Вслѣдствіе такого при-

[illegible] «[illegible]» Россія, печатныя въ газетахъ письма» [illegible] подъ висѣлицей, а сочинителей тѣхъ [illegible] на [illegible]-плацъ, чтобы наказать, за ихъ противности, [illegible]рутеномъ. Генералъ Чернышевъ ихъ [illegible]. Одного «дусёргельда» на вино, на сигары и вообще на [illegible] русской арміи было истребовано отъ Берлина сто тысячъ. Измѣна командира отдѣльнаго русскаго корпуса, графа Тотлебена, и его арестъ, съ общаго совѣта всѣхъ русскихъ полковыхъ командировъ, на маршѣ въ Помераніи не измѣнили рвенія побѣдоносной арміи. Положеніе Фридриха было отчаянное. Онъ изъ прусскаго короля сталъ опять [illegible] бранденбургскимъ курфюрстомъ. Въ Кёнигсбергѣ поселился русскій губернаторъ, отецъ Суворова. Вся Пруссія была завоевана и, — послѣ роковой надписи Елизаветы «быть по сему» на докладѣ о ея присоединеніи, — присягнула въ подданство русской императрицѣ. Въ этой новой «губерніи» стали вводить русскіе порядки. Въ ней явилась русская миссія съ архимандритомъ; начали чеканить русскую монету. И вдругъ обстоятельства измѣнились...

Племянникъ Елисаветы Петровны, императоръ Петръ III-й, въ самый день смерти тётки, вошелъ съ обожаемымъ имъ королемъ Фридрихомъ въ переговоры о перемиріи. Губернаторъ Суворовъ, по именному указу, сдалъ войска и управленіе прусскимъ королевствомъ генералъ-поручику Петру Ивановичу Панину, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ и сталъ, изъ-за долговъ, публиковать въ вѣдомостяхъ о продажѣ своего имущества. За нимъ, радуясь манифесту «о вольности дворянства», двинулись подъ разными предлогами въ Россію и другіе офицеры, особенно штабные. Огорченія обидныхъ уступокъ забывались. Всѣхъ волей-неволей манило изъ долгаго похода на родину...

Въ концѣ февраля 1762 года, на курьерской тройкѣ въ [illegible], по пути изъ Пруссіи въ Петербургъ выѣхалъ средняго роста, лѣтъ двадцати-двухъ, сухощавый, съ черными, строгими, нѣсколько разсѣянными и какъ бы недовольными глазами, офицеръ изъ Кёнигсберга. Былъ второй часъ пополудни. Онъ спѣшилъ застать присутствіе въ военной коллегіи. Отъ въѣзда въ городъ у Калинкина моста, [illegible] [illegible]чіи (Штегельмановскій домъ на Мойкѣ, у

Краснаго моста,—гдѣ нынѣ институтъ глухонѣмыхъ), офицеръ всячески торопилъ ямщика. Десять дней пути въ ростепель и половодье по Литвѣ сильно его утомили. Онъ везъ собственноручныя бумаги Панина, съ робкимъ, хотя яснымъ предложеніемъ—попытаться продолжать войну. Въ мысляхъ офицера рисовался ожидаемый имъ, полный неизвѣстности, пріемъ, борьба Панина съ двòрскими партіями и вѣроятное сочувствіе и поздравленія товарищей. Онъ добрался до коллегіи, одернулъ на себѣ поношенный зеленый, съ такимъ же воротомъ, кафтанъ и красный камзолъ, обмахнулъ снѣгъ съ черныхъ штиблетъ и тупоносыхъ, безъ пряжекъ, истоптанныхъ башмаковъ, и оправилъ ненапудренныя букли и космы развившейся въ дорогѣ свѣтло-русой, запорошенной инеемъ, косы. Спросивъ въ коллегіи генерала, къ которому везъ отъ Панина еще частное письмо, онъ сдалъ пакеты и, измученный дорогой, ожидалъ, чтò его станутъ разспрашивать, готовилъ въ умѣ отвѣты, подбиралъ убѣдительныя слова. «Войско,—думалъ онъ,—рвется сражаться, смѣлый прожектъ Петра Иваныча одолѣетъ... Себя не пожалѣю, всю правду докажу. Лишь бы отечеству польза,—лишь бы оцѣнили смѣлость столь честнаго и неподкупнаго командира!..»

Бѣлолицый, важный ростомъ и повадкой, дежурный генералъ Бехлешовъ прочиталъ привезенное письмо, остальныя бумаги отложилъ къ сторонѣ, пристально вглядѣлся въ посланнаго, сердито потоптался на мѣстѣ и, презрительно фыркая, сказалъ: «Новости твои, сударь, вовсе не важны... А Петръ Иванычъ хоть и почтенный патріотъ, почтенный,—но... да это не твое дѣло... Война—экіе смѣльчаки! тутъ о перемиріи, а они о войнѣ! Завтра, сударь, воскресенье... а, впрочемъ, навѣдайся послѣзавтра...» Офицеръ вспыхнулъ. «Ахъ, ты, кукла плюгавая, пузырь!—хотѣлъ онъ сказать:— еще о патріотахъ судитъ. Ну, да этотъ еще не Богъ-вѣсть какая птица! Чтò скажутъ другіе, вся коллегія?» Онъ вздохнулъ, вышелъ, постоялъ, нѣсколько опѣшенный, на улицѣ, и велѣлъ ямщику ѣхать на Васильевскій Островъ. На сердцѣ у него отлегло. Видъ знакомыхъ, когда-то близкихъ, мѣстъ отрадно повѣялъ на него. И солнце кстати выглянуло и такъ весело освѣтило улицы, дома и душу путника.

Проѣзжая мимо шляхетнаго кадетскаго корпуса (домъ Меншикова, теперь Павловское военное училище), онъ снялъ шляпу и перекрестился; здѣсь прошло его ученіе и отсюда,

изъ кадетовъ, два года назадъ, онъ былъ посланъ въ заграничную армію. На углу одной изъ дальнихъ линій и набережной Невы, онъ завидѣлъ почернѣлый заборъ и ветхую крышу домика, съ давнихъ поръ принадлежавшаго вдовѣ лейбъ-кампанца, Настасьѣ Бавыкиной.

Сердце путника сжалось. Сюда по праздничнымъ днямъ, бездомный, круглый сирота, столько лѣтъ сряду, хаживалъ онъ изъ корпуса въ гости. Здѣсь привѣтная и твердая нравомъ, бездѣтная и сердобольная старуха, Настасья Филатовна, прозваніемъ «царицына-сказочница», ласкала его, и въ немъ, бѣдномъ кадетѣ, находила утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ и сиротствѣ. Домъ ея былъ въ ту зиму, какъ зналъ изъ ея писемъ офицеръ, проданъ за долги, и его хозяйка переѣхала куда-то на квартиру, не успѣвъ ему сообщить новаго своего адреса. Офицеръ остановился у знакомыхъ воротъ.

— Вамъ кого?—спросилъ его какой-то мѣщанинъ, сидѣвшій подъ навѣсомъ сосѣдняго крыльца.

Офицеръ назвалъ Бавыкину.

— Рухнулъ древній, крѣпкій столбъ, — сказалъ мѣщанинъ:—и она, властная, сократилась: изъ домохозяйки жилицей стала... Приходятъ, знать, послѣдни времена.

— Да куда жъ она переѣхала? гдѣ живетъ?

— У звѣздочета какого-то, ученаго... Уѣла нынѣ насъ всѣхъ эта анаѳема — дороговизна... Приступу ни къ чему нѣту-ти, хоть ложись, да помирай... На погорѣлыхъ, слышно, мѣстахъ, на Мойкѣ, каменный домъ чей-то противъ Съѣзжей, а Филитовна во дворѣ, внизу, въ деревянномъ фатеру снимаетъ,—тамъ вывѣска портного... Спроси звѣздочета—всякъ тебѣ тамъ покажетъ...

Офицеръ поѣхалъ къ Синему мосту, а оттуда вправо, берегомъ Мойки, и остановился противъ мѣста, гдѣ теперь, у пѣшеходнаго мостика, помѣщаются зданія почтамта. Здѣсь на пустынный и низменный, безъ набережной и ограды, берегъ Мойки выходилъ кирпичный, одноэтажный, похожій на фабрику, домъ, съ высокой трубой. На заборѣ была вывѣска портного. За каменнымъ зданіемъ, въ глубинѣ двора, высился обветшалыми стѣнами другой домъ, деревянный въ два яруса, съ красною голландскою черепичною крышей. Снизу въ верхнюю половину этого дома вела открытая, съ площадкой, лѣстница, навѣсомъ для которой служили вѣтви

высокой, въ нѣсколько обхватовъ, березы, росшей на дворѣ у крыльца и, безъ всякаго сомнѣнія, видѣвшей еще шведовъ и Перваго Петра. Влѣво, за вторымъ домомъ, выглядывалъ безлистый, обсыпанный снѣгомъ садъ.

Смеркалось, когда голубая, цвѣта васильковъ, тогдашняя обще-армейская шинель путника показалась во дворѣ, гдѣ теперь жила Бавыкина. Чуть не потерявъ на крыльцѣ истрепанной вѣтромъ, съ трехъ угловъ подвернутой, поярковой шляпы, офицеръ съ тощимъ чемоданомъ подъ мышкой быстро вошелъ въ нижнія сѣни. Онъ сунулъ въ уголъ чемоданъ, шагнулъ въ полуосвѣщенную комнату направо, оттуда въ какую-то «бокóвушку» налѣво и, растерявшись, остановился у новой двери. За нею была опять перегородка. Въ щель этой двери пробивался свѣтъ. «Вѣрно тутъ, — подумалъ гость, оглядываясь и переводя дыханіе:—вотъ удивится!»

— Настасья Филатовна, здравствуйте!—сказалъ онъ, постучавшись въ дверь.

— Никакой Настасьи Филатовны здѣсь нѣту-ти-съ! — отозвался недовольный суровый голосъ изъ-за перегородки:— дессіансъ-академіи академикъ тутъ живетъ... извините...

«Что же это значитъ?»—подумалъ озадаченный гость.

— Академіи-дессіансъ академикъ здѣсь, богъ мой! — добавилъ нетерпѣливо голосъ:—а къ жилицѣ, благоволите, изъ прихожей налѣво... но ея нѣтъ дома.

Офицеръ поблагодарилъ,—хотѣлъ идти.

— Вы же, извините, кто? — послышалось за дверью: — кáкъ сказать, коли возвратится?

— Заграничной арміи курьеръ, генеральсъ-адъютантъ прусскаго губернатора Панина,—отвѣтилъ офицеръ.

За перегородкой послышался торопливый шорохъ. Дверь отворилась. На ея порогѣ, въ халатѣ, показался высокаго роста, лѣтъ за пятьдесятъ, плечистый и плотный человѣкъ съ умнымъ, усталымъ, въ красивыхъ морщинахъ, лицомъ, съ недоумѣвающими, добрыми глазами, лысый и съ крупными жилистыми руками, изъ которыхъ въ одной была табакерка, въ другой перо.

— Изъ арміи? чтò вы сказали?.. изъ Пруссіи?..

— Точно такъ-съ... Нарвскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ, ордонансъ Панина, курьеромъ съ бумагами.

— Знакомецъ моей жилицы?

зъ кадетовъ, два
раничную армію
абережной Невы
рышу домика,
ейбъ-кампанца,
Сердце путни
бездомный, круг
онъ изъ корпус
вомъ, бездѣтна
говна, прозван
въ немъ, бѣд
одиночествѣ и
зналъ изъ ея
зяйка переѣх
щить новаго
мыхъ воротъ
— Вамъ
шій подъ н
Офицеръ
— Рухн
ринъ:—и о
щей стал
— Да
— У з
сѣхъ эта
ѣту-ти, х
ѣстахъ,
Филито
аетъ,—
обѣ там
Офице
гомъ
шеход
пуст
йки
ику,
этног
ся
яр
зу
ща

.дцати, тоненькая, бѣлокурая, въ локонахъ, — голубыми .азами и улыбкой похожая на отца. За нею, съ тазомъ и ;вшиномъ воды, — повторяя снова: «bitte, bitte», вошла ще красивая, полная, въ бѣломъ фартукѣ, чепцѣ и съ асученными по локти рукавами, жена хозяина. Всѣ они і самыя комнаты, теплыя, уютныя, казались офицеру такими добрыми, ласковыми.

— Вотъ вамъ, голубчикъ вы мой, мыло и вода! — сказалъ академикъ, когда дамы ушли: — дѣлайте свой туалетъ безъ церемоній, а я—простите за любопытство—еще коео-чемъ васъ разспрошу... Такъ, перемиріе? Ахъ, они окаянные, слѣпцы...

— Панинъ хочетъ поправить дѣло и прислалъ рапортъ; жалко, армія стремится къ бою.

— И что жъ? есть надежда поправить дѣло?

— Богъ вѣсть, какъ посудятъ; союзниковъ нынче, сказываютъ, у Пруссіи немало и здѣсь.

— Рвань поросячья! Каины! Черти особые, ихъ же и крестъ россійскій не беретъ! — шагая по горенкѣ, сердито вскрикнулъ академикъ: — иродовы души! травка гнусная, фуфарка!..

Онъ закашлялся и, побарая волненіе, остановился у стемнѣвшаго окна.

— Бѣсъ шелъ сѣять на болото всякія плевелы и дрянь,— сказалъ онъ не оглядываясь, — да и просыпалъ нечаянно это зелье—фуфарку; ну, изъ него и отродился весь нѣмецкій синклитъ,—самъ старый лукавецъ Фрицъ, его генералы Гильзенъ и Циттенъ, а съ ними и наши доморослые колбасники—Бироны, Тауберты, Винцгеймы, и вся братія... И ихъ еще не ругать? Вздоръ! — обернулся и махнулъ кулакомъ академикъ: — я ихъ ругаю за нелюбовь къ кормящей ихъ Россіи, позорно, въ глаза, самою сугубою и ихъ же пакостною нѣмецкою бранью. Говорю-жъ съ ними въ конференціи не иначе, какъ по-латыни. Не выноситъ ихъ бунтующая противъ такой напасти и такого безстыдства душа.

— Но ихъ сила, господинъ академикъ!—произнесъ офицеръ: — не лучше ли имѣть съ ними волчій зубъ, да лисій хвостъ?

— Одинъ волчій зубъ, безъ всякаго хвоста! — болѣе и болѣе раздражаясь, крикнулъ академикъ: — не церемонюсь я съ несытыми въ алчной злобѣ проходимцами, и потому

у нихъ не въ авантажѣ... Таковъ, сударь, моей натуры чинъ и складъ!.. Ахъ, дерзость! Ахъ, нескончаемая лютость, поправшая всякій естества законъ... Такъ это правда? Успѣла голубица мира, успѣлъ Гудовичъ доставить масличную вѣтку въ Берлинъ? Боже-Господи! Ужли-жъ побѣжденному королю ввѣрять судьбы россійской исконной политики? Да этого, другъ мой, Россія съ ордынскихъ баскаковъ не видывала...

— Жилъ я между нѣмцами, — сказалъ офицеръ: — извините, хоть и враги наши, а у нихъ хорошо: порядокъ, науки.

— Да насъ-то они ненавидятъ, не признаютъ. Бить бы тамошнихъ до конца, здѣшніе бы присмирѣли!.. Ни одобренія къ возрастанію родныхъ наукъ, ни чести по рангу, ни вниманія къ каторжному, въ здѣшнемъ краѣ, ученому труду! Я мозаику, сударь, я стеклянный заводъ завелъ, — а они, — конюховъ да сапожниковъ креатуры, — жалованье мнѣ завалящими книжками изъ академической лавки платили. Я открытія дѣлалъ, оды писалъ, а съ меня, когда я жилъ въ казенномъ домѣ, деньги за двѣ убогихъ горенки высчитывали. Истомили, меня, истерзали кляузами... Поневолѣ другой сталъ бы пригинаться, слабѣть, какъ иные, — не хочу ихъ называть, — Лазаря знатнымъ барамъ пѣть, на заднихъ лапкахъ за подачкой стоять... Да не буду стоять! не буду подличать!.. Друзья у меня не по знатности, — по генію и по усердству наукъ... И душа моя, сударь, плебейская, поморская... Воспиталъ ее въ соловецкихъ-бѣломорскихъ зыбяхъ студеный, надполярный океанъ... Оттого-то вѣтеръ солёный, морской ходитъ въ ней, бушуетъ по-часту...

«Вотъ человѣкъ, открытая, смѣлая душа!» — подумалъ офицеръ, съ горячимъ, почтительнымъ сочувствіемъ глядя на матерого плебея-академика, съ распахнутою, могучею грудью, шагавшаго передъ нимъ въ старенькомъ китайчатомъ халатѣ.

— Охъ, извините, — сказалъ тотъ, остановясь: — вы привезли зѣло печальныя, волнующія вѣсти; не удержишься. А потому, — вдругъ добавилъ онъ, понижая голосъ и какъ-то дѣтски-робко оглядываясь на дверь, — если вы въ сей моментъ, какъ военный, походный человѣкъ, готовы и расположены, то померекайте тутъ съ вашею старою пріятелькой, а черезъ часъ, черезъ два, за калиткой будетъ стоять

договоренная мной городовая коляска... Дòма, въ горницахъ, бесѣдовать по душѣ тѣсновато... Я-жъ проболѣлъ и давно не выѣзжалъ. Такъ мы съ вами, сударь, коль согласны, поѣдемъ въ гербергъ къ Иберкампфу; сыграемъ на бильярдѣ, разопьемъ бутылочку и потолкуемъ обо всемъ на свободѣ...

— Не по рангу мнѣ, господинъ-академикъ... притомъ же дорòга... мои финансы...

— Полно, полно, другъ. Давно я, говорю, соблюдалъ лѣчебный дигèтъ, ну, и постъ; а сегодня вотъ кстати и жалованье изъ конференціи прислали... Поѣдемъ; тамъ, государь мой, устерсы фленскія, áнкерки токайскіе, бургонское и особый, скажу вамъ, новоманерный пуншъ...

Дверь распахнулась.

— Какой пуншъ? кто пуншъ?—вскинувъ руками, произнесла на порогѣ полная, сѣдая, но еще румяная и бодрая, въ темной душегрѣѣ и въ такой же кичкѣ, съ калитой и ключами у пояса, шестидесятилѣтняя старуха. Это и была свѣтъ-матушка, древній, властный столбъ, Настасья Филатовна.

Она взглянула на офицера, отступила.

— Вася! ой, да стой же... что это?.. Василёкъ, голубчикъ ты мой!—вскрикнула и повисла на шеѣ гостя старуха.

Смуглыя, обвѣтренныя щеки офицера дрогнули. Онъ горячо припалъ къ Филатовнѣ, съ радостными слезами безмолвно обнимавшей нежданнаго гост

— Охъ, милый, вотъ такъ утѣшилъ, — сказала она: — одначе, стой... Такъ и есть, не стыдно ли? Не сѣло, не пало, а ужъ и за компанство, за пуншъ... Да и вы, ваше высокородіе — хоть и хозяинъ мой... Стыдно! Вотъ я супружницѣ вашей все отлèпортую...

— Долгъ гостепріимства, сударыня,—отвѣтилъ, глядя на офицера, академикъ.

— Гостепріимства! а ты?—ласково обратилась къ гостю, по уходѣ хозяина, старуха:—ну-ка, испиватель пуншей, кадетъ, разсмотрю, каковъ ты нынче сталъ.

Бавыкина обвела его свѣчой.

— Сердечный мой, радостный! едва тебя спознала! вотъ она, походная-то доля, какъ возмужалъ! Ну, ангелъ мой Васенька, пойдемъ же въ мою конуру, — не своя теперь, чужая...

Они прошли въ сѣни. за которыми Бавыкина снимала двѣ комнаты.

— Вася! соколикъ мой! — сказала, припавъ опять къ гостю, старуха:—повидала я тебя, а не чаяла болѣе... Не такою ты оставилъ вдову сударя Анисима Поликарпыча... Дубъ оголѣлый—нынче я... облетѣли всѣ листочки, вѣтромъ ошàрпало ихъ, сдуло... Не въ этакой узкости и тѣснотѣ суждено было вѣкъ доживать. Ахъ! и гдѣ-то, Вася, тѣ счастливые, да шумные старые годы?..

Вдова Анисима Поликарпыча,—кто не зналъ общей печальницы и утѣшницы?—самой государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ угодила, безсонныя ночи ей грѣшнымъ рабьимъ языкомъ коротала. Сильно скучала иной разъ ласковая царица, и хаживали ее утѣшать изъ предмѣстьевъ да съ базаровъ бабы-цокотухи, умѣлыя, бѣдовыя на языкъ. Хаживала и лейбкампанша Настасья. Сидитъ, бывало, ея величество въ кофтѣ, да въ платочкѣ поверхъ русыхъ, пудреныхъ волосъ, и спрашиваетъ гостью: «отчего ты, Филатовна, темна будто становишься?»—«Старѣю, матушка, запустила себя, ласковая; прежде пачкалась бѣлилами, брови марала, румянилась... Нынѣ все бросила»... — «Румяниться не надо,—говоритъ царица:—а брови марай... Ну, сядь же, соври про разбойниковъ, или про какія иныя дѣла». — «Казни, всевластная, не въ мочь; вся душенька во мнѣ трепехчется»... — «Отчего жъ она у тебя трепехчется?» — смѣется государыня. — «Какъ иду къ тебѣ, милостивая, будто на исповѣдь, а вышла, точно у причастія была»...— И припадетъ Настасья къ постели царицы, ножки, юпочки ея цѣлуетъ, до утра ей тараторитъ. — «Въ чемъ счастье, Филатовна?» — «Въ силѣ, матушка-государыня, въ знатности, да въ деньгахъ. По деньгамъ и молебны служатъ». — «А горе въ чемъ?» — «Безъ денегъ, всемилостивая». — «Да ты нешто, вѣдьма, жадна?» — «Жадна, охъ, жадна, и все, пресвѣтлая, чтò пожалуешь, возьму... Деньгà, — охъ! — она вѣдь и попа купитъ, и Бога обманетъ»...—Весело царицѣ.— «Вотъ, было въ старые годы»...» — начнетъ Филатовна, и говоритъ про все, чтò видѣла и слышала на свѣтѣ, на долгомъ вѣку. Фавориты ее побаивались, и самъ канцлеръ Бестужевъ, въ праздники, посылалъ ей подарки — муки, меду, пудовыхъ бѣлугъ и осетровъ. И хоть недолго Филатовна пожила за вдовцомъ, сержантомъ лейбкампаніи, зато

всласть, въ полную волю. Анисимъ Поликарпычъ нерѣдко загуливалъ и буянилъ, но уважалъ Настю и тоже побаивался, а по смерти, отказалъ ей домъ на Острову у Невы. Падчерицу она пристроила за повара графа Разумовскаго, но вскорѣ ее схоронила и осталась круглой сиротой. Зато, кто ее не зналъ? Совѣтъ ли дать, навѣстить ли въ горѣ, похлопотать ли за кого—ея было дѣло. Не только свѣтскіе, духовные ее уважали... Церкви Андрея попъ взялъ ее къ себѣ кумой. Домъ, хозяйство Филатовны славились въ околоткѣ. Сама она стряпала, окна и полы мыла, безъ очковъ на старости лѣтъ шила бисеромъ, золотомъ, копала огородъ и доила коровъ. И не разъ сама государыня Елисавета Петровна лично удостоивала ее заѣздомъ къ ней,—малины тарелку откушать, прямо съ кустовъ, либо выпить изъ холодильни стаканъ свѣжаго, неснятаго молока. И деньги водились у Филатовны. Они-то ее и погубили. Отдавала она ихъ тайкомъ богатенькимъ господамъ въ ростъ. Но попуталъ бѣсъ. Одна знакомка дала совѣтъ. Погналась Бавыкина за большимъ барышемъ, ссудила немалый кушъ извѣстному гвардейскому моту, и всю казну потеряла. Хотѣла извернуться молчкомъ; поплакала, погоревала и заложила свой участокъ банкиру Фюреру, но не выдержала срочныхъ платежей, и домъ ея со дворомъ были проданы въ началѣ той зимы съ молотка.

Таковъ-то безлистый, оголѣлый на вѣтрѣ дубъ стоялъ теперь передъ залётнымъ гостемъ.

— Ну, да что̀ тутъ, садись, соколикъ, — сказала Бавыкина офицеру.

Они сѣли.

— Не тѣ времена, Вася; все ушло, все улетѣло, какъ почила наша пресвѣтлая благодѣтельница... Что̀ сберегла добра, рухлядишки, все перевезла сюда... Остальное—разобрали люди.

— Ничего! дастъ Богъ, поправитесь; вотъ я пріѣхалъ,— подумаемъ...

— Поздно, другъ сердечный, поправляться да думать. Другимъ, видно, чередъ насталъ. Вотъ, къ грекѐнѣ къ одной, въ никано̀рши зовутъ, за хозяйствомъ глядѣть; приходится въ наймы на старости лѣтъ... Все прахомъ пошло... А я мыслила о тебѣ, тебѣ сберегала... Ну, да вой, не вой, не

то и велика рыба, чтобъ мелкихъ-то живьёмъ глотать... Повѣдай лучше о себѣ.

Офицеръ вздохнулъ. Рѣчь не слушалась. Два года разлуки немало унесли молодыхъ ожиданій, вѣры въ счастье, надеждъ.

— Въ карты, Вася, по-былому, извини, играешь?—спросила, взглянувъ на него, старуха:—да ты не сердись: дѣло говорю.

— Что вы, помилуйте,—отвѣтилъ гость:—жалованье какое! а тутъ, сами знаете, походы, контуженъ былъ, — до того ли?.. притомъ...

Офицеръ хотѣлъ еще что-то сказать; слова ускользали съ языка. По лицу прошло облако. Глаза смотрѣли разсѣянно, куда-то далеко. У губъ обозначилась сердитая, угрюмая складка.

Бавыкина покачала головой.

— Ужли и тамъ не забылъ?—спросила она.

— Вотъ, пустяки, охота вамъ...

— Да ты, вьюнъ, не финти; говори, въ резонтъ спрашиваю.

Офицеръ всталъ, оправилъ волосы. Точно отгоняя тяжелую мысль, онъ провелъ рукой по лицу, подумалъ и снова молча присѣлъ къ столу.

«Такъ, такъ, изъ-за нея,—мыслила тѣмъ временемъ старуха, — изъ-за Поликсены ты и пріѣхалъ, чуть смогъ вырваться оттоль... Знаю тебя! отъ гордости молчишь, — а самъ бы кинулся, готовъ просить: голубушка, родная, здорова ли она, жива ль?»

Офицеръ, сгорбившись, молчалъ. Филатовна не выдержала.

— Не закусишь ли съ дороги? Молочка, сбитню не согрѣть ли?

Гость отказался.—«Ну, Богъ съ нимъ, сердечнымъ, усталость, знать, одолѣла». — Старуха постлала ему постель въ собственной спальнѣ, дала ему огарокъ свѣчи, а разспросъ о сердечныхъ его дѣлахъ отложила до другого раза: «всякъ божій день не безъ завтрашняго».

Офицеръ раздѣлся, досталъ изъ чемодана святцы и образокъ, поставилъ его въ углу на столѣ, раскрылъ святцы, разсѣяннымъ взоромъ прочелъ нѣсколько страницъ, перевелъ глаза къ темному окну и долго молился, кладя земные поклоны и прося у Бога новаго терпѣнія и новыхъ силъ.

«Родина, дорогая родина!—мыслилъ онъ,—вотъ она, наконецъ, и я опять среди нея... Храмъ Соломона!.. далеко, кажется, до него... На чемъ-то они теперь стоятъ, чего держатся? Освѣтилъ ли ихъ хоть малость свѣтъ истинной жизни, свѣтъ разума и вышней братской любви? Или все тотъ же этотъ край, хмурный, непривѣтный, запустѣлый и вѣющій холодомъ?..»

— Что? легъ спать? — перегодя, спросилъ Бавыкину, встрѣтясь съ нею въ общихъ сѣняхъ, академикъ.

— Спитъ, — нѣхотя отвѣтила Филатовна: — еще бы! намаялся сердечный: столько дёнъ, сломя голову, скакалъ. А вамъ, сударь, чтò до него?

— Да я такъ, новостей онъ привезъ, и любопытно разспросить.

— Ну, только, ужъ извините, это завтра...

— А какъ, бишь, упомнилъ, фамилія этого вашего гостя?

— Родомъ малороссіянецъ, и имя ему Василій Яковлевичъ Мирòвичъ... Сызмальства... Да что! спокойной ночи, сударь... Только опять же совѣтую,—хоть вы и хозяинъ— не держите долго огня... Все-то у васъ бумаги, да книжки... пожаръ еще, упаси Господи, не напроворили бъ... и то вотъ на погорѣломъ дворищѣ построились...

«Ишь козырь, доброобычайная старица, какъ распекаетъ! — улыбнулся академикъ, съ потупленной головой, вновь пробираясь въ свои горницы: — да оно и лучше! и здоровью легче. — Вотъ печень намедни какъ было опять разгулялась! и дѣлъ, по правдѣ, не оберешься. Мозаику кончать, о метеорахъ писать... Бàста!.. Скудель тѣсная — существа предѣлъ!.. Прощай, былые годы!.. Mens sana in corpore sano»...

— Настасья Филатовна, кто, скажите, вашъ хозяинъ?— спросилъ Мирòвичъ изъ спальни, уже впотьмахъ:—я и забылъ освѣдомиться.

— И этотъ тоже! да чтò съ вами подѣлалось?.. точно сговорились! Пàра онъ тебѣ, что ли? Коллежскій совѣтникъ,—почитай бригадиръ... Спать пора! индо напугалъ.

Василій Яковлевичъ Мирòвичъ крѣпко заснулъ. Міръ давно забытыхъ картинъ охватилъ его. Ему грезились давніе, дѣтскіе и отроческіе годы, угрюмая Сибирь, потомъ украинскій тихій хуторъ, старый заповѣдный лѣсъ и пчелы,

бѣдность и горести нѣкогда богатой и знатной, потомъ гонимой судьбою, разоренной и обѣднѣвшей семьи.

II.

Прошлое Мировича.

Предокъ Мировича, во время казни гетмана Остраницы, былъ въ Варшавѣ, съ другими плѣнными казацкими сотниками, прибитъ гвоздями къ осмоленнымъ доскамъ и сожженъ медленнымъ огнемъ.

Его прадѣдъ, Иванъ Мировичъ, переяславскій полковникъ, былъ бѣшеной храбрости человѣкъ. Гетманъ Мазепа выдалъ за него, вторымъ бракомъ, выписанную изъ Польши свою сестру, Янѣлю. Разгромивъ татаръ у Перекопа и Очакова, Иванъ Мировичъ возилъ въ Москву плѣнниковъ и пушки, и, возвратясь оттуда съ щедрыми подарками, началъ строить каменный переяславскій покровскій соборъ, но вскорѣ скончался. Здѣсь, по его заказу, на большомъ запрестольномъ образѣ, весьма схоже, былъ изображенъ Петръ I, возлѣ него гетманъ Мазепа и духовенство, поодаль придворныя дамы, народъ и казацкое войско, а надъ всѣми, въ облакахъ, Покровъ эллинской Божіей Матери. У этой еще неоконченной церкви, по преданію, гетманъ Мазепа, поскользнувшись, упалъ съ конемъ. — «Не къ добру!» — сказалъ народъ и вспомнилъ это послѣ полтавскаго боя.

Сынъ Ивана отъ перваго брака, Ѳедоръ Мировичъ, былъ генеральнымъ есауломъ Орлика. Посланный вельможнымъ дядей-гетманомъ въ Польшу, подъ команду Паткуля, завзятый рубака, Ѳедоръ Мировичъ не вынесъ «муштры» нѣмца, бившаго казаковъ палками, и возвратился съ даннымъ ему полкомъ въ Украйну. Мазепа отплатилъ племяннику. Въ 1706 г. огромныя силы шведовъ осадили Мировича въ Ляховичахъ. Мазепа, сославшись на половодье, не доставилъ ему помощи. Брошенный своими, тѣснимый врагомъ, полковникъ Ѳедоръ Мировичъ сдался съ отрядомъ и былъ увезенъ въ цѣпяхъ въ Стокгольмъ. Церковь въ Переяславлѣ, заложенную его отцомъ, достроила впослѣдствіи его жена, племянница гетмана Самойловича, Пелагея Захаровна, урожденная Голубина. Освободившись изъ плѣна, Ѳедоръ Мировичъ жилъ нѣкоторое время въ Турціи, потомъ въ Вар-

шавѣ у Вишневецкаго, гдѣ и умеръ. За сношенія Ѳедора Иваныча съ угнетенной родиной, Петръ I-й сослалъ его жену и сыновей въ Сибирь и отобралъ въ казну имѣнія не только виноватаго передъ нимъ Ѳедора Мировича, но и ни въ чемъ неповинной его жены.

Юныхъ сыновей Ѳедора Иваныча государь, спустя нѣкоторое время, помиловалъ. Мировичей отпустили изъ Сибири въ Черниговъ, къ ихъ дядѣ, знаменитому Павлу Полуботку который въ 1723 г. отвезъ ихъ въ Петербургъ, и помѣстилъ, для прохожденія наукъ, въ академическую гимназію. Здѣсь они были недолго. Полуботокъ кончилъ жизнь въ крѣпости, племянники остались безъ средствъ и отъ бѣдности бросили науку. Старшій изъ нихъ, Петръ, получилъ мѣсто секретаря при дворѣ великой княжны Елисаветы Петровны; младшаго, Якова, взялъ къ себѣ изъ милости польскій посланникъ, графъ Потоцкій, съ которымъ тотъ побывалъ и въ Польшѣ. Но было вскорѣ перехвачено письмо Петра Мировича въ Варшаву къ отцу, съ копіей указа о Полуботкѣ и съ извѣстіемъ о притѣсненіяхъ малороссійскаго народа. Братьѣвъ опять арестовали и перевезли въ Москву, потомъ въ 1732 г. снова выслали, подъ видомъ боярскихъ дѣтей, въ Сибирь, гдѣ Петръ Мировичъ дослужился мѣста управителя заводской исетской конторы, а впослѣдствіи даже былъ назначенъ воеводой енисейской провинціи.

Во время коронаціи Елисаветы въ Москвѣ бывшій еще недавно пѣвчій цесаревны, Алёшка, теперь же всесильный и вельможный графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій напомнилъ императрицѣ о судьбѣ своихъ забытыхъ земляковъ, Мировичей. Государыня лично въ сенатѣ, въ 1742 г., объявила именной указъ, которымъ обоимъ братьямъ Мировичамъ, послѣ вторичной десятилѣтней ссылки въ Сибирь, даровалось прощеніе и предоставлялось служить, гдѣ они захотятъ. Они пожелали докончить вѣкъ на покоѣ, на родинѣ, куда, послѣ нѣкотораго пребыванія въ Москвѣ, и переѣхали.

Старая «Мировичка», мать Петра и Якова Ѳедорычей, Пелагея Захаровна, была отпущена изъ Сибири въ Малороссію двумя годами позже сыновей. Тщетно она подавала изъ ссылки и изъ Малороссіи прошенія царицамъ Аннѣ и Елисаветѣ, умоляя ихъ о возвращеніи ей, если не мужниныхъ, то хотя бы части ея собственныхъ, приданыхъ и благог

брѣтенныхъ имѣній. На всѣ ея прошенія были получены отказы. Нѣкогда вольможная пани-есаульша, родня по мужу Полуботкамъ, Мокіевскимъ, Забѣлло и Ломиковскимъ, и жена гетманскаго племянника, Пелагея Захаровна умерла, по возвращеніи на родину, въ бѣдности. Богатая и знатная, также ограбленная ея родня не туда смотрѣла, сыновья пособлять не могли, а чтò получала она отъ немногихъ старыхъ друзей, употребляла на додѣлки неконченнаго свекромъ и мужемъ собора.

Отставной енисейскій воевода, Петръ Өедорычъ Мирòвичъ, былъ нрава буйнаго, заносчиваго и дикаго. Въ Сибири онъ, между прочимъ, былъ одно время подъ слѣдствіемъ за то, что, въ качествѣ управителя енисейской провинціи, явился въ воеводскую канцелярію въ халатѣ и въ колпакѣ, и тамъ передъ зерцаломъ обругалъ первостатейныхъ купцовъ самыми непотребными словами. Слѣдователи, впрочемъ, его оправдали. Возвратясь изъ Сибири въ Москву, а потомъ на родину, онъ не укротилъ своего нрава. Будучи бѣденъ и гордъ и доживая вѣкъ гдѣ-то въ глухомъ мѣстечкѣ, на небольшомъ пособіи отъ какого-то сосѣдняго магната, онъ никому не уступалъ и умеръ отъ запоя, изрубивъ передъ кончиной полицейскаго офицера за то, что тотъ передъ нимъ не снялъ шляпы.

Братъ Петра, Яковъ Мирòвичъ, былъ нрава кроткаго и тихаго, притомъ съ дѣтства слабый здоровьемъ. Наука ему плохо далась. Петербурга, гдѣ онъ нѣкоторое время былъ въ академической гимназіи, какъ и нахожденія у Потоцкаго, онъ почти не помнилъ. Во время первой ссылки, въ Тобольскѣ, онъ обучался въ школѣ у нѣкоего «несчастливца» Сильвестровича, который хорошо игралъ на скрипицѣ, но по-русски почти не говорилъ. Женившись на небогатой купеческой дочкѣ Акишевой, во время пребыванія въ Москвѣ, Яковъ Өедорычъ, при жизни матери и брата, кое-какъ еще содержалъ семью. По смерти же ихъ, онъ впалъ въ окончательную нищету, овдовѣлъ, огрубѣлъ и, одичавъ отъ бѣдности, ужъ мало чѣмъ отличался отъ любого простолюдина-батрака: ходилъ въ сермягѣ и въ дегтярныхъ сапогахъ и нанимался у сосѣдей-помѣщиковъ то въ ключники, то въ объѣздные, торговалъ нѣкоторое время водкой, гонялъ на продажу гурты скота, а состарѣвшись и не видя себѣ ни въ чемъ удачи и успѣха, сѣлъ у хуторянина-кума Данилы

Майстрюка, въ лѣсу на пасѣкѣ, глядѣть пчелъ. Кумъ Данило держалъ отъ какого-то графа на арендѣ клочекъ той самой земли, которая была отнята у отца Мировича.—«Тутъ и умру! — сказалъ себѣ Яковъ Ѳедорычъ, сидя у стараго омшенника, въ заповѣдной, медвяной явӧрщинѣ кума: сложу здѣсь кости! земля все-таки наша»...—«А сынъ? а дочери?»—спрашивалъ себя старикъ.

У Якова Ѳедорыча Мировича, отъ рано-умершей и такой же, какъ онъ, плохой здоровьемъ жены, остались четверо дѣтей: три дочери, Прасковья, Аграфена и Александра, и сынъ Василій. Дочекъ разобрали по рукамъ добрые люди. Мальчикъ подросталъ при отцѣ.

Зимой Вася учился на хуторѣ у дьячка, лѣтомъ помогалъ отцу у пчелъ, носилъ ему въ лѣсъ обѣдать и ужинать, плелъ корзины, строгалъ бабамъ ложки и веретена, игралъ на дудкѣ и торбанѣ. Кто-то забросилъ въ рѣку сѣраго щенка; Вася съ плачемъ кинулся, чуть не утонулъ, но успѣлъ его спасти и выростилъ.

Разъ услыхалъ отецъ, какъ его десятилѣтній Василь въ церкви поетъ и читаетъ апостола, и задумался. — «Нѣтъ, ему жить не въ лѣсу, не на селѣ! — сказалъ себѣ Яковъ Ѳедорычъ,—другимъ удается,—попытаюсь и я о немъ! Все-же онъ дворянской крови... Предки знатные были и не подъ тыномъ валялись... А царица Лизавета Петровна до Украйны милостей своихъ еще не замуровала въ стѣну»... Думалъ онъ долго, и рѣшился, наконецъ, устроить судьбу сына.

Это случилось восемь лѣтъ назадъ, а именно въ 1754 году.

Былъ жаркій лѣтній день.

Изъ Малороссіи въ Петербургъ, на парѣ воловъ и на простомъ мужицкомъ возу, пріѣхалъ путникъ—высокій, костлявый, лѣтъ за пятьдесятъ. Онъ былъ въ долгополой, черной свитѣ и въ сѣрой, барашковой шапкѣ. Самъ сѣдъ, а черные глаза, какъ угли, свѣтились изъ-подъ насупленныхъ бровей. На возу у него сидѣлъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати, съ небольшимъ. У воза шла сѣрая лохматая собака. Ѣхали они проселками, продовольствовали воловъ на подножномъ корму, сами питались сухарями. Отправились изъ дому въ срединѣ апрѣля, прибыли въ Петербургъ въ началѣ іюня. Въ дорогѣ, слѣдовательно, находились почти два мѣсяца. То были Яковъ Ѳедорычъ Мировичъ и его сынъ Василій

Остановились они на отдыхъ на обширномъ, поросшемъ густою зеленою травой, Адмиралтейскомъ лугу (нынѣшняя Исаакіевская площадь, съ новымъ садомъ). Выпрягли воловъ, умылись въ Невѣ, Богу помолились и закусили. Мальчикъ, болтая босыми ногами въ рѣкѣ, примѣтилъ подъ бастіонами крѣпости (на мѣстѣ нѣнѣшняго адмиралтейскаго бульвара) стадо пасшихся на травѣ придворныхъ коровъ, и подогналъ къ нимъ своихъ круторогихъ. Старикъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу, долго думалъ надъ ней, сунулъ ее опять на мѣсто и, съ кнутомъ въ рукѣ, пошелъ кого-то отыскивать по Невской «першпективѣ».

Мальчикъ, тѣмъ временемъ, вышелъ съ собакой на площадь и сталъ разглядывать городъ. Все его занимало: красота и обширность зданій, пушки на бастіонахъ, шумъ уличной ѣзды и суета рабочихъ, съ криками и пѣснями выгружавшихъ въ то время съ канала, у нынѣшней разводной дворцовой площадки, послѣдній камень, кирпичъ, громадныя бревна и доски для постройки, тогда заложеннаго Растреліемъ, нынѣшняго Зимняго дворца. Залюбовался мальчикъ и золотыми, ярко горѣвшими на солнцѣ, шпицами адмиралтейства, Петропавловскаго собора и прежней Исаакіевской церкви, стоявшей близъ того мѣста, гдѣ теперь памятникъ Петру. Обернулся мальчикъ назадъ, передъ нимъ, въ безконечную даль, тянулась, вся въ яркой зелени густыхъ, въ четыре ряда, высокихъ липъ, Невская першпектива. А по ней шли нарядные господа, скакали верхомъ военные, мчались цугомъ раззолоченныя кареты.

Яковъ Ѳедорычъ, со словами: «а будьте ласковы, скажите, гдѣ тутъ?»—снималъ шапку чуть не передъ каждымъ прохожимъ. Всѣ дивились на него, на его рѣчь, одежду и на почернѣлое отъ зноя, съ сѣдыми усами, лицо. Прохожіе пожимали плечами и шли далѣе. Горожанамъ было не до него; да украинца рѣдко кто и понималъ.

Понялъ и выслушалъ Якова Ѳедорыча случайно встрѣченный имъ у тогдашняго деревяннаго Аничкова моста, нѣкій важный и съ виду гордый человѣкъ. Съ двойнымъ подбородкомъ и объемистымъ животомъ, этотъ господинъ, отдуваясь и еле передвигая ноги, шелъ въ вощанковой зеленой шляпѣ, въ голубомъ камзолѣ и въ красныхъ башмакахъ.

День былъ душный. Незнакомецъ, несмотря на свой на-

рядъ, несъ съ живейнаго рынка, бывшаго за мостомъ, на Литейной, въ одной рукѣ—пукъ зелени, а въ другой—пару, перевернутыхъ вверхъ ногами, живыхъ каплуновъ. Мирòвичъ съ поклонами передалъ и ему, въ чемъ дѣло. Пузанъ оказался его землякомъ.

— Такъ тебѣ, землячекъ, графа Разумовскаго?—сказалъ онъ, поморщившись и крякнувъ.

— Его-жъ, его-жъ... Рòзума нашего и кормильца!...

— Квартируетъ онъ въ самомъ ца́рскомъ дворцѣ, а съ мѣсяцъ, за передѣлками тамъ, вотъ гдѣ проживаетъ!—гордо ткнулъ пучкомъ зелени важный господинъ, указывая, черезъ поросшій травой берегъ Фонтанки, на жестяные куполы Аничкова дворца:—то будетъ его хижка... Царица ему подаровàла... Чтò хорошо?

— Фить-фить!—засвисталъ удивленно старый Мирòвичъ:—а вы-жъ, ваше сіятельство, чѣмъ будете? и какъ васъ титуловать?

— Кофи-шѐнкомъ у графа!—еще важнѣе пыхнулъ сквозь зубы толстякъ:—и я тебѣ, землячекъ, подозволь, такъ и быть, въ чемъ нужно, помогу...

— Какъ же это кофи-шенкъ? въ какомъ будетъ рангѣ?

— А то же, почитай, что гофъ-диннеръ,—пускалъ пыль въ глаза толстякъ:—мало чѣмъ меньше тафельдекера, а то и больше того...

Мирòвичъ снялъ шапку и ужъ ее не надѣвалъ.

Землякъ привелъ его къ Аничкову саду, занимавшему въ то время все мѣсто, гдѣ теперь площадь съ Александринскимъ театромъ, памятникомъ Екатерины и Публичной библіотекой. Они обогнули этотъ садъ со стороны Гостинаго двора, и отъ зàводей Фонтанки и Чернышовскихъ прудовъ, бывшихъ на мѣстѣ нынѣшнихъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, подошли къ небольшой садовой калиткѣ. Вожатый, на разставаньѣ, далъ Мирòвичу нѣсколько наставленій и обѣщалъ, если понадобится, пристроить его на квартирѣ.

— Вонъ, малый, крыльцо,—указалъ онъ въ калитку на одинъ изъ лѣтнихъ павильоновъ дворца: — ступай прямо туда... Изъ прихожей будетъ тебѣ, братецъ, свѣтличка,—въ ней графъ завелъ теперь принимать просителей... Тамъ, коли не опоздалъ сегодня, и дожидайся...

Мирòвичъ, тѣнистыми, пахучими аллеями, прошелъ къ

указанному павильону, заглянулъ въ прихожую — ни души, заглянулъ въ пріемную — тоже никого: постоялъ у порога, раза два кашлянулъ и, какъ былъ, въ черной свитѣ и смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, поджавъ ноги, присѣлъ на голубую, штофную, съ золотыми точеными ножками софу.

Долго онъ дожидался. Никто не приходилъ и не подавалъ голоса. Пріемъ, очевидно, кончился. Но разъ попавъ такъ легко къ высокому графу,—о которомъ онъ, какъ о благодѣтелѣ своей семьи, столько наслышался и про котораго такая слава и такой говоръ стояли на родинѣ,—Мировичъ рѣшился, во что бы то ни стало, ждать. «А какъ выгонятъ?.. Ну, дворянина, пожалуй, и не посмѣютъ...»

Въ комнатѣ было еще жарче, чѣмъ на дворѣ.

Мухи то-и-дѣло садились на потное, обросшее за дорогу, лицо украинца. Мировичъ то дремалъ, отъ усталости, то, съ досадой и бранью, отмахиваясь отъ мухъ, ловилъ ихъ на-лету и давилъ. Одна особенно назойливо и долго приставала къ нему. Онъ ее согналъ съ шеи, — она укусила его за щеку и пересѣла ему на колѣно. Стиснувъ зубы, онъ прицѣлился на нее, хлопнулъ по ногѣ, но промахнулся: муха увильнула, посновала по комнатѣ и опустилась на большую, японскую вазу. Задремалъ въ тишинѣ Мировичъ. Солнечные лучи, врываясь сквозь вѣтви тихо трепетавшихъ липъ, яркими, извилистыми просвѣтами играли по паркету, бронзѣ и зеркаламъ. Муха опять сѣла на щеку Мировича, жужжа и путаясь въ усахъ, укусила его и вновь улетѣла на вазу. «А, каторжная!—проворчалъ Мировичъ:—постой же! шкода! теперь не уйдешь!»

Онъ всталъ и тихо, на цыпочкахъ, началъ подкрадываться къ обидчицѣ; изловчился, размахнулся, но муха снова мимо, а ваза съ громомъ рухнула съ поставца и разлетѣлась вдребезги.

Рѣзная лаковая дверка отворилась въ углу комнаты. За нею показалась пола бархатнаго вишневаго халата, звѣзда на лацканѣ и румяное, удивленное, а вмѣстѣ смѣющееся лицо: густыя черныя брови, карія, съ поволокой и краснинкой, глаза и вздрагивавшія отъ позывовъ къ смѣху, крупныя и влажныя, добрыя губы...

— А що, земляче, піймàвъ?—раздался голосъ пышущаго здоровьемъ, сорокалѣтняго вельможи, узнавшаго въ гостѣ земляка.

Яковъ Өедорычъ упалъ передъ нимъ на колѣни. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій милостиво ободрилъ растерявшагося просителя, ласково ввелъ его въ свой кабинетъ, усадилъ въ кресло и сталъ разспрашивать, кто онъ и какъ сюда попалъ?

— Знаю, знаю, сердце!.. Но неужто на волахъ?—спросилъ, удивленно поднявъ брови, Разумовскій;—не шутишь? такъ-таки, гȯлубе сизый, на вȯликахъ, да еще, можетъ, и на сѣрыхъ?..

— На сирыхъ, ваша графская свѣтлость, ни сирыхъ...

— И погȯныча, хлȯпчика, вѣрно, взялъ?

— Сына... подросточка...

— Давай же его, голубоньку, сюда, можетъ, и пѣсни играетъ? гдѣ онъ?

— На лугу, у новаго дворца, скотину съ собакою пасетъ.

— Какъ? гдѣ?..

Мирȯвичъ объяснилъ. Графъ окончательно покатился со смѣху...

— Вотъ такъ придумалъ!—бархатнымъ пѣвучимъ горломъ выводилъ Разумовскій:—кто жъ тебя ко мнѣ направилъ?

Мирȯвичъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ кофи-шенкомъ графа, который и на квартирѣ, у тещи своей, обѣщалъ его пристроить.

— Какой кофи-шенкъ? и чтȯ ты, диду, городишь?—опять зашевелилъ поднятыми бровями графъ:—землякъ? и толстый? А!.. такъ вотъ оно кто... Юрченко Абрашка! Ну, назвался же, собачій сынъ, какимъ титуломъ... А онъ у меня за подручнаго въ поварнѣ на людской... Кофи-шенкомъ же, друже, у меня французъ Бріȯшь, и такая, скажу тебѣ, шельма искусная, да гордая, что Абрашку еще за вихры отдубаситъ, какъ узнаетъ о его самозванствѣ... Такъ, такъ, онъ самый и есть! и у его тещи, Бавыкинши, свой домъ на острову... и отлично...

Разумовскій позвонилъ.

— Ѣзжай же ты, сердце, къ ней, — сказалъ онъ: — а завтра въ эту же пору—или нѣтъ, постой,—лучше къ вечеру,—будь ты опять у меня, да, непремѣнно, съ сыномъ и на волахъ... Тогда и о дѣлѣ твоемъ потолкуемъ. А теперь нѣкогда,—ѣду во дворецъ.

За стѣной послышалась суета. Поспѣшно вошелъ разодѣтый въ золотую ливрею слуга, за нимъ—другой.

— Торохъ. торохъ, посыпался горохъ!.. Эка, пентюхи... Вы спите тамъ, — сказалъ Разумовскій: — я тутъ, чтобъ чортъ такъ и этакъ побилъ вашего батька — добрый человѣкъ дожидается... Позвать повара Абрашку.

Вошелъ Абрамъ. Мировичъ глазамъ своимъ не вѣрилъ: куда дѣлась важность мнимаго кофи-шенка,—и животъ осунулся, и куда-то въ камзолъ спрятался двойной, вспотѣвшій подбородокъ.

— Не пьянъ сегодня? — спросилъ, строго хмуря брови, графъ: — ну, и отлично! рѣдко съ вами, архибестіи, бываетъ... Такъ вотъ же что... Бери ты, Абрашка, вотъ сего сизаго голубя къ своей тещѣ на постой, да береги его, слышишь, пуще глазу... Угости тамъ, успокой и покажи ему и его хлопцу столицу... А это ему пока на расходъ.

Графъ бросилъ повару кошелекъ.

На другой день государыня Елисавета Петровна пила у графа, въ Аничковскомъ саду, вечерній чай. Прибыла она изъ лѣтняго дворца, гдѣ теперь инженерный замокъ, на катерѣ съ гребцами и съ роговою музыкою. Катеръ въѣхалъ изъ Фонтанки прямо въ прудъ, бывшій тогда среди Аничкова двора.

Государынѣ въ саду графомъ были представлены Яковъ Ѳедорычъ и его сынъ Василій. Мальчикъ игралъ императрицѣ на торбанѣ, пѣлъ «Горлицу», «Грицяя», — плясалъ «трепака» и декламировалъ хвалебный, въ честь царицы сложенный въ то время кіевскими бурсаками кантъ. Государыня прослезилась. Но, спустя недѣли три, когда ей отъ сената доставили справку о томъ, за что ея покойный родитель отобралъ въ казну имѣнія Мировичей, она не нашла возможнымъ исполнить просьбу Якова Ѳедорыча.

— Чудасія мосьпане, да и полно!—воскликнулъ, топорща брови, неуспѣвшій въ своей протекціи Разумовскій: — не все, братику, по-нашему! — пивень каже кудкудакъ, а курочка—не такъ! Но дѣло твое, не унывай, еще выгоритъ... Докажи, чуешь, что въ отобранныхъ у васъ помѣстьяхъ были родовыя, собственныя маетности твоей матери. А безъ того — чтобъ имъ болячка, — не можно... убей Богъ, не можно... Посуди... сенатъ въ твою пользу не доложитъ... Сказано: москали! лыкомъ вязано, въ лыкахъ ходитъ, подъ лыкомъ спитъ... Видишь, сердце, какія у нихъ прицѣпки,

да щупы,—на три аршина, собаки, подъ землей щупаютъ. Нельзя... финанціи, казенный интересъ!..

Слезы прошибли Мировича. Онъ не ожидалъ отказа и неуспѣха, когда добился свиданія не только съ графомъ, но и съ царицей, подбиралъ, что бы еще сказать, и не находилъ словъ.

— А о хлопчикѣ твоемъ, о сынѣ, и не думай!—сказалъ тронутый его горемъ графъ: — государыня, до его великовозрастія, возьметъ его подъ свою опеку и милость. И такой-сякой я буду, слышишь, коли вру! Наплюй тогда въ глаза... Завтра же велитъ его записать въ кадеты, въ шляхетный здѣшній корпусъ,—бо онъ у тебя, братику, все-таки дворянинъ, нельзя! э! того нельзя!.. Да еще вонъ какой до чорта письменный... стихи важно дуетъ—и дискантъ преизрядный... Безъ каммертона, сразу верхнія ноты, собачій сынъ, беретъ... Горлицу, не ходи Грицю, какъ отчикрыжилъ!.. Херувимскую московскую тоже вонъ знатно спѣлъ, безъ ошибокъ; да, полагаю, и по придворному, концертному, скоро насобачится... А воловъ своего кума, сердце, знаешь, лучше оставь тутъ, — продай ихъ хоть и мнѣ... Славные волы! и жалко ихъ, диду, опять гнать, бѣсъ его знаетъ, и куда... Я бы, слышишь, послалъ ихъ на дачу тутъ свою, въ Гостилицы... У меня, сердце, тамъ дворецъ, а какіе луга! Нехай бы ходили, шановались, да радовались по пашѣ... Гей, гей, родина, хуторы наши, раздолье... Эхъ-ма! А, впрочемъ, какъ знаешь. Братъ Кирило въ Батуринъ новоманерную мебель посылаетъ себѣ на-дняхъ въ гетманскій дворецъ... Такъ и ты бы, можетъ, поѣхалъ съ его хлопцами...

Яковъ Ѳедорычъ поблагодарилъ, но, пристроивъ сына въ корпусъ, поѣхалъ съ лохматымъ сѣркомъ домой на волахъ.

По возвращеніи на родину, старикъ протянулъ недолго: простудился осенью на пасѣкѣ и умеръ. Объ этомъ написали молодому Мировичу сестры, жившія по людямъ въ Москвѣ. Зять Бавыкиной, Юрченко, потерявъ отъ преждевременныхъ родовъ жену, запилъ съ горя на графской кухнѣ и также въ томъ году скончался.

Настасья Филатовна, на своемъ сиротствѣ, незамѣтно и крѣпко привязалась къ Васѣ Мировичу; брала неуклюжаго и на первыхъ порахъ медвѣдеобразнаго, а потомъ рѣзваго

и шустраго, миловиднаго кадетика къ себѣ по праздникамъ, ласкала его, журила и няньчила, какъ родного. Изъ кадетика вышелъ вскорѣ кадетъ, изъ тощаго заморыша-мальчёнки— рослый и полный здоровья юноша, который не зналъ, куда дѣть вытянувшіяся руки и ноги; не по днямъ, а, казалось, по часамъ, такъ и выпирало его изъ казеннаго узкаго кафтанишки.—«И куда ты это, Васёнька, лѣзешь въ гору, такъ растешь?—говорила старуха:—инъ скоро ужъ, пожалуй, и рукой не досягну до твоего вихра!»

Сперва Вася лазилъ во дворѣ у Настасьи Филатовны по крышамъ, по яблонямъ и березамъ, гонялъ голубей, въ свайку да въ бабки игралъ съ уличными мальчишками. Ссадины не сходили у Васи съ носа, синяки съ висковъ. Филатовна то-и-дѣло чинила его камзольчики и штанишки, штопала ему чулки. Но вотъ Вася окончательно вытянулся и остепенился. Сухощавый, скулистый, плечистый, будто увалень, а въ черныхъ глазёнкахъ такъ и бѣгаютъ огоньки. Ландшафты рисуетъ красками и миніатюрой, хитрыя виньеты къ нотамъ Разумовскому чертитъ и ему носитъ. Ходитъ съ книжкой по саду Бавыкиной, вслухъ читаетъ какіе-то стихи; говоритъ, что твердитъ роль для кадетскаго театра. Зеленый ученическій кафтанъ на немъ чистъ, русая коса въ завиткахъ и припомажена; шляпа на три угла, какъ съ иголочки, бѣлыя манжеты и чулки отнюдь не примараны. Ему исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ корпусѣ онъ былъ уже шестой годъ.

— Кто же васъ тамъ ахтерству этому обучаетъ?—спрашивала его Филатовна.

— Самъ Александръ Петровичъ, самъ господинъ Сумароковъ!—отвѣчалъ Вася Мировичъ:—и мы играли намедни, на домашнемъ нашемъ театрѣ, его комедію «Чудовищи», а въ скорости при дворѣ, въ собственныхъ внутреннихъ аппартаментахъ государыни, будемъ играть его же тражеди «Гамлета»... Ахъ! какіе стихи, какіе!

«... Люблю Офелію, но сердце благородно
«Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно...»

Сердце кадета Мировича, на самомъ дѣлѣ, вскорѣ было плѣнено. Онъ нашелъ свою Офелію и сразу влюбился въ нее страстно, безъ ума, о чемъ признался товарищу, уроженцу харьковскаго намѣстничества.

Случилось это въ 1759 году, незадолго до выпуска стар-

шаго курса изъ корпуса. Въ Петербургѣ и въ окрестныхъ дачахъ вельможъ, по случаю пріѣзда принца Карла Саксонскаго, шли непрерывныя празднества и торжества,—съ качелями, каруселями, катаньемъ съ горъ, рыбными ловлями, стрѣльбой въ цѣль и театрами.

Въ Гостилицахъ, на дачѣ Разумовскаго, давали переведенную съ французскаго пьесу: «Пастухъ и прегордая пастушка». Кадетъ старшаго курса, Мировичъ, кончившій геометрію и фортификацію съ аттакой и изучавшій въ томъ году у корпуснаго ученаго адъюнкта, Флюга, гражданскую юриспруденцію, натуральное право и нѣмецкій штиль, игралъ роль пастуха. Роль пастушки исполняла одна изъ хорошенькихъ и веселыхъ камеръ-медхенъ императрицы Елисаветы, Поликсена Ивановна Пчёлкина,—непомнящій родства подкидышъ. Свою фамилію она получила вслѣдствіе того, что государыня, встрѣтивъ въ коридорахъ дворца кудрявую, съ сѣрыми глазками и съ золотистыми волосами, дѣвочку, остановилась и сказала: «Вотъ распѣваетъ, жужжитъ, точно пчёлка!»—Съ той поры она и осталась Пчёлкиной.

Влюбленный въ неприступную и гордую пастушку на сценѣ пастухъ-Мировичъ поймалъ ее врасплохъ за кулисами, обнялъ за талію и, страстно припадая къ ея розовымъ, съ ямочками, набѣленнымъ и облѣпленнымъ мушками щекамъ, нѣжно прошепталъ изъ своей роли:

«Когда жъ бѣдняжку-пастуха—
«Когда полюбишь ты, пастушка?..»

Пчёлкина вырвалась отъ него, оправила смятыя блонды и ленты и, сдѣлавъ вздыхателю реверансъ, съ насмѣшливой важностью, отвѣтила также стихами разыгранной пасторали:

«Когда ты будешь богачомъ,
«Вельможей, а не пастухомъ,—
«Чтобъ не въ убогой жить намъ хатѣ,
«А въ роззолоченной палатѣ...»

Тѣнь всякаго спокойствія, съ той поры, покинула влюбленнаго кадета. Гражданская юриспруденція, нѣмецкій штиль и натуральное право Флюга были заброшены. Ихъ замѣнили безсонныя ночи, вздохи, писаніе страстныхъ и нѣжныхъ мадригаловъ, а въ промежуткахъ, съ горя — попойки съ городскими кутилами и карты.—«Хохлёнокъ сду-

рѣлъ!» — говорили товарищи. И точно: Мировичъ сталъ раздражителенъ, мраченъ, ушелъ въ глубь себя. Бавыкина собиралась не разъ вызвать на голову завертѣвшагося своего любимца громы и молніи со стороны Разумовскаго. Но всесильный графъ давно забылъ и думать о юношѣ, который когда-то пѣлъ кантъ и плясалъ «журавля» въ его саду, хотя при встрѣчахъ съ нимъ обыкновенно шутилъ: «Виньеты славно чертишь, и херувимовъ, и гербы... А постой, одначе, постой! Хочешь, кукѳночка, варенниковъ? и когда на волахъ до дому?»

Днемъ, повидавъ украдкой Пчёлкину, Мировичъ вписывалъ въ свой дневникъ стансы къ милой:

«Лишенъ любовныхъ разговоровъ,
«Я вижу тѣнь твою съ собой...
«И, ахъ! твоихъ не зрю хоть взоровъ,
«Но мысль всегда, вездѣ съ тобой...»

Вечеромъ, въ корпусномъ дортуарѣ или въ душномъ служительскомъ чуланѣ, онъ рѣзался съ богатыми изъ товарищей въ ля-мушъ и въ фараонъ. Жажда выиграть, разбогатѣть тянула его къ себѣ, и онъ, къ собственному удивленію, выигрывалъ. Сперва серебро, а потомъ и золото завелись у кадета. Нерѣдко полные карманы рублевиковъ таскалъ онъ къ Настасьѣ Филатовнѣ.

— Откуда берешь, пострѣлъ?—допрашивала она.

— Спрячьте, голубушка, спрячьте бережнѣе, а то опять спущу!..—отвѣчалъ онъ:—это для Полиньки! все ей... какъ выйду въ офицеры, посватаюсь и женюсь...

Молва о счастливой игрѣ Мировича дошла и до начальника корпуса, богатаго и знатнаго князя Юсупова. Строгій распорядитель и любимецъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, онъ тоже былъ страстный игрокъ.

— А играешь ли въ рокамболь? — спросилъ его однажды князь.

Мировичъ въ это время готовился къ окончанію экзаменовъ.

— Во что угодно-съ...

— И въ вистъ-руаяль?

— И въ вистъ...

— Почемъ роберъ?

— Хоть по десять рублевъ.

— Вотъ какъ! А въ пикетъ знаешь?

— Знаю.

— Ну, приходи ко мнѣ: завтра Срѣтеніе, праздникъ, — сыграемъ во что-нибудь...

Мировичъ за два дня передъ тѣмъ видѣлся съ Поликсеной у знакомой Настасьи Филатовны, у поручицы Птицыной, и все время послѣ встрѣчи съ обожаемой, неприступной красавицей былъ какъ въ чаду. Онъ усердно помолился объ успѣшной игрѣ, даже обѣщалъ поставить свѣчку у Исаакія, если выиграетъ, и, вопреки совѣтамъ товарища-харьковца, пошелъ на квартиру къ Юсупову.

— Ну, сядемъ въ бириби,—сказалъ вельможный начальникъ, кладя карты на столъ:—огурчики, огурцы, пошли въ дѣло молодцы!.. такъ ли? ну-ка, сивая, пойдемъ въ походъ!.. деньги есть?

Кадетъ показалъ дукаты. Юсуповъ поставилъ возлѣ себя ларецъ. Они стали играть. «Мать пресвятая, владычица Казанская помоги!—думалъ Мировичъ,—что, если выиграю у него, не то что сотню, полтысячи, тысячу рублевъ?.. Онъ богачъ, въ игрѣ, слышно, зарывается, неотходчивъ... Тогда... о! тогда Поликсена моя...»

И онъ дѣйствительно сталъ выигрывать.

Когда стемнѣло и подали свѣчи, серебро, а потомъ и золото изъ ларца Юсупова наполовину перешли въ шляпу кадета. Руки князя дрожали, брови удивленно шевелились, старческое, апоплексически-красное лицо покрылось бѣлыми пятнами. Онъ не переставалъ сыпать любимыми поговорками.

— И начала она сомнѣватися!.. и начала! — возглашалъ онъ, судорожно хлопая картой по картѣ: — ура, сивая, не отставай!.. окунулся по уши, валяй и по маковку туда жъ...

Ларецъ Юсупова опустѣлъ.

— Эй, вина! венгерскаго! выпьемъ, братъ! — забывшись, крикнулъ начальникъ:—что-то душно...

— Не пью-съ! — пролепеталъ блѣдный, взволнованный успѣхомъ Мировичъ.

— Вздоръ, приложимся! у меня, братъ, старое...

Подали бутылки и рюмки. Князь выпилъ, налилъ и партнёру, выпилъ и еще; труня надъ своей неудачей, распахнулъ окно въ оранжерею, а дверь заперъ на ключъ, досталъ изъ пузатаго, выложеннаго бронзой, бюро горсть

кораловъ и нѣсколько ювелирныхъ вещицъ, и началъ удваивать ставки.

— Ахъ вы, Сашки-канашки мои, куда дѣли подтяжки мои?—шутилъ онъ, щелкая картами по столу.

Къ полночи Юсуповъ выбился изъ силъ и откинулся на спинку кресла. Все вынутое было вновь проиграно. Глаза князя лихорадочно сверкали, на углахъ губъ проступила пѣна.

— Ты магъ, кудесникъ!—прохрипѣлъ онъ, въ охмеленіи глядя на кадета и срывая съ горла обшитый пуанъ-дешпанами платокъ: — не вывезла, сивая, усомнилася!.. отстала?.. Уходи теперь, братецъ, какъ есть, будто не игралъ... иначе,—прибавилъ вдругъ Юсуповъ:—я тебя за карточную игру подъ судъ...

Мировичъ помертвѣлъ.

— Ваше сіятельство, князь! вы шутите? — проговорилъ онъ, заикаясь.

— Не шучу, не шучу... Иди по добру, по здорову... Не то я тебя, каналья, выпровожу... нечисто, знать, играешь...

— Какъ смѣете! — вскрикнулъ, вскакивая, Мировичъ: — вы забылись... Такія слова природному дворянину... Мои предки не меньше вашихъ вельможами были...

На Мировичѣ не стало лица. Руки и подбородокъ его дрожали. Онъ какъ пьяный шатался, стоя чрезъ столъ въ угрожающемъ положеніи противъ князя. Глаза его застилало пеленой.

— Вонъ, молокососъ, вонъ!—закричалъ Юсуповъ, также поднимаясь съ кресла и толстыми прыгающими пальцами загребая снова въ ларецъ лежавшія на столѣ деньги, кораллы и ювелирныя вещицы: — я тебя, сударь, только пыталъ!.. Аль не догадался? Вижу нонѣ, какова ты птица... Юсупова, братъ, князя не проведешь...

Свѣтъ окончательно померкъ въ глазахъ Мировича.

Онъ опрокинулъ столъ съ картами и съ виномъ, рванулся къ князю, выбилъ у него ларецъ и ухватилъ его за руки. Борьба между сильнымъ, тучнымъ старикомъ и ловкимъ дерзкимъ юношей началась отчаянная. Огромный парикъ князя слетѣлъ подъ софу, часы были обронены въ схваткѣ и растоптаны подъ ногами, рубаха и манжеты изорваны въ клочки. Сильно досталось и кадету. Съ отхваченнымъ лацканомъ кафтана, лопнувшимъ по швамъ кам-

золомъ и съ развитой косой, онъ въ рукопашномъ бою нечаянно далъ выскользнуть сопѣвшему въ его объятіяхъ князю, получилъ отъ него мѣткій ударъ чѣмъ-то тяжелымъ въ голову, но изловчился, опять поймалъ его за каминомъ въ углу и, съ крикомъ: «молись! теперь тебѣ, извергъ, капутъ!»—тонкими пальцами изо всѣхъ силъ ухватилъ его за жирное горло.

Мировичъ задушилъ бы князя Юсупова, но изъ прихожей къ кабинету, на возгласы ихъ и возню, сбѣжались слуги.

Въ двери стали стучать. Мировичъ опомнился, выпустилъ князя. Юсуповъ, задыхаясь, молча указалъ ему окно въ теплицу, откуда былъ особый выходъ въ садъ. Тотъ медлилъ. Князь, злобно хрипя и потирая горло, отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Мировичъ схватилъ шляпу и выскочилъ.

Юсуповъ пришелъ въ себя. Не отворяя двери, онъ крикнулъ, что никого не звалъ и чтобъ его оставили въ покоѣ, привелъ въ порядокъ свою одежду, мебель и вещи, и закрылъ окно. Опустивъ гардины, онъ выпилъ цѣлый графинъ воды, крестясь и охая, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и сѣлъ писать къ фавориту государыни, Ивану Иванычу Шувалову, длинное письмо.

Черезъ недѣлю послѣ этого казуса, кадетъ Мировичъ, за лѣность, а также за продерзостное и кутежное поведеніе, не кончивъ курса, былъ отосланъ солдатомъ въ пѣхоту, въ заграничную армію, гдѣ въ два года дослужился до подпоручика.

Юсупова разбилъ параличъ. Послѣ долговременнаго управленія кадетскимъ корпусомъ, онъ былъ уволенъ отъ этой должности и вскорѣ скончался. Онъ словесно передъ смертью пожелалъ выслать за границу исключенному кадету крупную сумму денегъ. Но ближніе его посмотрѣли на это, какъ на излишнюю поблажку, и приказа его не исполнили.

III.

Петербургъ временъ Петра Третьяго.

Крѣпко спалось съ заграничной дороги Мировичу у Настасьи Филатовны, да и было такъ тихо въ теплой, уютной горенкѣ. Городской ѣзды по берегу Мойки въ томъ мѣстѣ почти не было слышно. Бавыкина и въ церкви побывала, и на рынокъ сходила, и кончила въ кухнѣ обѣденную

стряпню. «Вотъ заспался, сердечный», — разсуждала она. Разбудили Мировича неразлучныя канарейки хозяйки. Онѣ такъ весело растрещались на солнцѣ, что онъ проснулся, открылъ глаза, но не сразу пришелъ въ себя, глядѣлъ по комнатѣ, припоминалъ...

Вотъ старый, почернѣлый, дубовый комодъ Филатовны,— березовый, со стеклами, посудный поставецъ. Въ комодѣ лежали когда-то его кадетскія рубашенки, тетрадки, потертые въ бѣготнѣ чулки. А изъ поставца всегда такъ пахло корицей, имбиремъ, и лежали тамъ, ждали его къ праздникамъ пряники, орѣхи, шептала. На стѣнѣ — поясной портретъ, красками, покойнаго Бавыкина. Сударь Анисимъ Поликарпычъ, въ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, и въ лейбъ-кампанской, съ перьями, шапкѣ, гордо и важно глядитъ изъ рамы и будто повторяетъ слова манифеста Елисаветы Петровны: «а особливо и наипаче лейбъ-гвардіи нашей шквадрона по прошенію престолъ нашъ воспріять мы соизволили». Мировичъ не засталъ уже Бавыкина въ живыхъ. Но власть и мочь покойника еще признавались памятью знавшихъ его. Одинъ изъ трехъ-сотъ гренадеровъ, возведшихъ Елисавету на тронъ, во дни загула онъ—«подпіяхомъ съ пріятелями»,—бывало, подниметъ такое веселье, что канцлеръ Бестужевъ, слыша изъ своего дома, черезъ Неву, буйные пѣсни и крики у его воротъ, посылалъ цидулки къ генералъ-полиціймейстеру о командированіи пикетовъ для охраны спокойствія сосѣднихъ улицъ и домовъ.

— Все отдамъ, все тебѣ послѣ смерти откажу, — говорила въ оные дни Настасья Филатовна кадету Мировичу:— учись только уважать начальство, въ люди выходи. Станешь въ чинахъ, будешь знатенъ, анбиціи своей не преклонишь, и меня до конца вѣку доглядишь... Оно точно: на рать сѣна не накосишься, на міръ хлѣба не насѣешься. А бери, сударикъ, примѣръ хоть бы съ меня... Самой царицѣ угождала, ея душеньку брехнёю услащала... И былъ зато бабѣ Настасьѣ почетъ и привѣтъ... Дѣвка гуляй, а дѣло помни... Даромъ, братъ, ничего; даромъ и чирей не сядетъ...

Все измѣнилось, все прошло. Бѣдность видимо проглядывала теперь во всей обстановкѣ Бавыкиной. Не оправдалъ ея надеждъ и былой ея питомецъ. Мировича замѣтили, за отличіе подъ Берлиномъ, гдѣ онъ былъ контуженъ, произ-

вели въ офицеры. Но тяжело дались ему двухлѣтніе походы, лишенія всякаго рода, обиды старшихъ, измѣны и подкопы товарищей, и та же суровая бѣдность, бѣдность безъ конца. Онъ еще болѣе сосредоточился, сталъ скрытенъ, завистливъ, раздражителенъ и гордъ. Чужіе края во многомъ открыли ему глаза. Онъ сходился тамъ съ умными людьми, въ томъ числѣ съ масонами, читалъ книги, немало перенялъ, сунулъ носъ и въ такія рѣчи и дѣла, о которыхъ ему прежде и не снилось. Грубость генерала Беклешова на утреннемъ пріемѣ въ коллегіи не выходила у него изъ головы. «Скрыть хотятъ пропозиціи Панина, — не выходило у него теперь изъ мыслей: — измѣнники! берлинскіе угодники!.. не скроютъ... Завтра опять пойду и добьюсь».

Мировичъ всталъ, быстро одѣлся и вышелъ на улицу. У него что-то сидѣло въ головѣ. Доѣхавъ на извозчикѣ на Литейную, онъ высмотрѣлъ чей-то дворъ, между свѣтлицъ придворныхъ чиновъ, обошелъ его, долго глядѣлъ на окна и двери, и спросилъ кого-то вышедшаго изъ того двора. Ему вызвали слугу. Отвѣты послѣдняго не привели ни къ чему. Еще постоялъ Мировичъ передъ завѣтнымъ домомъ, еще поглядѣлъ на окна. Онъ чернѣй тучи возвратился на Мойку, пробрался въ горенку Филатовны и молча прилегъ опять на постель. Бавыкина вошла къ нему съ завтракомъ.

— Думала спитъ, а ужъ онъ и по дѣламъ, сказала она, присѣвъ противъ него и съ любопытствомъ его разсматривая.

Онъ молчалъ.

— Это же что у тебя? — сказала она, взглянувъ на истрепанную тетрадку, лежавшую на кучѣ хлама, вынутаго изъ чемодана.

Мировичъ и на это ничего не отвѣтилъ. На заголовкѣ тетради, красивыми росчерками, стояла надпись: «Храмъ Апрантифской». Вокругъ заглавія были рисунки тушью, — два столба, треугольникъ, отвѣсъ, молотокъ и другіе знаки. То былъ масонскій катехизисъ, ложи св. Іоанна, ученической степени (apprenti).

— Дипломъ, что ли, на чинъ? — спросила, просіявъ, Филатовна.

— Да... нѣтъ, бишь... артикулъ. — товарищи дали, — нехотя отвѣтилъ Мировичъ.

— Служи, Василій, служи; времена тяжкія; добивайся!.. Песъ косматъ,—ему тепло; намъ зато вотъ какъ холодно... А золотой молотъ, паря, онъ и желѣзны вороты прокуётъ. А почему? Потому нонѣшній свѣтъ онъ самый, какъ есть, минуцій... Тлёю надъ нами пахнетъ... Нынче корова, а завтра пáдаль...

Бавыкина вздохнула, оперлась на руку головой.

— И ужъ такъ-то плохо, такъ... Все махонькое въ большаки, вишь, просится. Да не быть медвѣдю стадоводникомъ, а свиньѣ огородникомъ. А что прогорѣла, то еще не бѣда. Города—и тѣ чинятъ, не токмо рубашки.

Мирòвичъ не отзывался. Бавыкина пристальнѣе взглянула на него.

— Да ты не на Литейну ли отмахалъ? Что смотришь? Угадала, небось? Признавайся.

— Гдѣ Полинька?—спросилъ Мирòвичъ.

— Нешто самъ не знаешь, не списывался съ нею?

— Четыре мѣсяца ни слуху про нее, молчитъ, на письма не отвѣчала, — отрывисто и грубо проговорилъ Мирòвичъ.

— То-то, Василій, скрытничаешь, — сказала, покачавъ головой, Филатовна:—а я, признаться, иной разъ спрашивала. Помнила твои гонянья... Вотъ и сегодня... Только, братъ, ни Птицыны, ни Прохоръ Ипатьичъ, — кучеръ покойной царицы, ни Шепелёвыхъ кума, — дворцовая кастелянша, никто не знаетъ. Какъ померла на Рождество государыня, твоя-то, вѣрнишь ли, точно въ воду канула. Да и дива нѣтъ. Порядки, самъ вѣдаешь, пошли все иные. Дворъ покойной царицы распустили, ослобонили, — кто куда. Ну, а она, извѣстно,—голячка, сирота; гдѣ ей въ здѣшнемъ-то Вавилонѣ болтаться. Куда-нибудь отъ глазырниковъ въ тихости дѣвка и схоронилася... Самому знакомъ ейный нравъ,— недотрога, гордецъ, и обидъ, — этакая, подумаешь, цàца,— не любитъ. За границу развѣ?.. Такъ нѣтъ: знали бы. Безъ паспорта, чай, сразу и не уѣдешь...

— Чудеса! — произнесъ Мирòвичъ: — ужъ жива ли, или впрямь куда уѣхала?

— А про то, братецъ, говорю тебѣ, не свѣдома!—съ неудовольствіемъ отвѣтила Филатовна: —дворъ, соколъ ты мой, новый и порядки новые. Не то, что камеръ-медхены, гофъ-енералы, у новаго царя и у его хозяйки—всѣ почти пере-

мѣнились. А вѣдь твоя-то, правду сказать, человѣкъ небольшой; разсчитали, ну, вѣтеръ ее, мелкотравчату, и сдулъ съ земли долой.

Мировичъ не слушалъ Филатовны. Та взялась за подносъ, брякнула тарелками.

— А я вотъ что̀ тебѣ скажу, — заговорила опять Филатовна: — что̀ твоя Поликсена? ну, говори! Голь безшабашная и только. Тебѣ, сударь, не того нужно. Нѣтъ грѣх хуже бѣдности. Помни зарокъ бабы Насти, — тутъ вся правда. Ну, посуди! Ты молодъ, изъ себя красивъ, чинъ у тебя тоже вонъ ужъ офицерскій, и всякая за тебя теперь, ну, писаная краля пойдетъ... Да вотъ, на прикладъ, хоть бы и дочка самой Птицыной... чѣмъ не невѣста? Повидишь, какая пава стала, — выровнялась за это время, станъ тебѣ полненькій, ходитъ, вертитъ хвостомъ какъ уточка,—а волосы, а глазищи... Да притомъ, Василій, домъ какой на Литейной, дача на Каменномъ; а по смерти матери, въ сходствіе ейнаго счастья, еще и капиталъ. Прокормишься, ну, и меня въ тѣ поры не забудешь... Вонъ я послѣднюю холопку Гашку изъ-за бѣдности продала енералу Гудовичу, какъ сюда съѣзжала на фатеру. Вѣришь, пухомъ да перьями нонѣ торгую, — продолжала, всхлипнувъ и утираясь, Филатовна:—скупаю по господамъ, да перепродаю въ Гостиный на подушки и пуховики... Право, подумай, голубчикъ, не спѣши. На рѣзвомъ конѣ свататься не пытайся; а жена, братъ, не гусли, поигравъ, на сукъ не повѣсишь...

Мировичъ въ досадѣ и нетерпѣніи постукивалъ о полъ ногою. Онъ сидѣлъ молча, понурившись. Его божество, стройная, худенькая пастушка, съ лукавымъ взоромъ холодныхъ, сѣрыхъ и загадочныхъ, какъ у сфинкса, глазъ, съ ямочками и мушками на щекахъ и съ гордо-вздернутой, насмѣшливо-дрожащей губкой, не отходила отъ его мысленныхъ взоровъ.

Филатовна озлилась. Гремя въ посудномъ поставцѣ, она чуть не разбила любимой чашки.

— Да чѣмъ бы вы жили?—ну, отвѣчай! и каковы нынче цѣны? Да ты не крути носомъ, прокуратъ, а толкомъ разбери: фунтъ чаю два съ полтиной, сажень дровъ рубь шесть гривенъ... а? Да что! Слыхано ли: пудъ аржаной муки двадцать шесть копеекъ. Свѣтопредставленіе, да и все... Говя-

дины, говядины фунтъ—меньше двухъ копеекъ не отдаютъ... Какъ тутъ жить?

— Ну, какъ жить, про то ужъ не знаю, — полупрезрительно отвѣтилъ, вставая, Мировичъ: — и пойдетъ ли за меня Поликсена... А подруги ея, Птицыной, прежде не примѣчалъ, да и теперь видѣть не хочу... Вы спрашивали, что это вотъ за книжка?—Мудрыя въ ней слова.

— Каки-таки слова?

— Міръ на трехъ основахъ сотворенъ, — продолжалъ гордо и какъ бы въ раздумьѣ Мировичъ:—на разумѣ, силѣ и красотѣ.—Разумъ—для предпріятія, сила—для приведенія въ дѣйство, красота — для украшенія... Жизнь наша—храмъ Соломоновъ, и каждый камень въ немъ да кладется безъ устали и ропоту... Впрочемъ, вы того, простите, не поймете... Но стойте, одно слово. Окажите такую милость. Сходите еще разъ къ кучеру Прохору Ипатьичу, къ Птицынымъ и къ Шепелёвымъ кумѣ, кастеляншѣ... Узнайте, куда отъ двора могли доставить Пчёлкину? Чай не выкинули же на улицу, въ придворномъ экипажѣ везли.

— Такъ вотъ тебѣ, высуня языкъ, и стану бѣгать за дѣвками! — отвѣчала, отмахнувшись, Филатовна: — стара, братъ, стала! пора бы и на покой... Садись развѣ самъ, да и пиши публикацію въ газетахъ, какъ въ старину письма къ любовницамъ писали: сладостныя, молъ, гортани словеса медоточныя, гдѣ вы, отзовитеся! Красоты безмѣрной власы! стопы превожделѣнныя, улыбаніе полезное и пріятное, нравъ веселый и пресвѣтлый, ластовица моя златообразная, откликнись!.. Нѣтъ, братъ, уволь, — винты развинтилися, не гожусь... въ ломку пора...

Филатовна, однакожъ, только храбрилась. Подъ предлогомъ сношеній съ перинщиками, она сказала, что надо послѣ обѣда сходить въ Гостиный, накинула поношенный шушунчикъ, взяла какой-то узелъ, вышла за калитку и опять поплелась къ лейбъ-кучеру, къ Шепелёвыхъ кумѣ, кастеляншѣ, и къ Птицынымъ.

Возвратилась Бавыкина въ сумерки. Она была сильно не въ духѣ, хмурилась и бранилась.

— Эки концы, прости Господи! Вотъ она торговля.... Коли не камеръ-фурьеры Герасимъ Крашенинниковъ, да Василій Кирилычъ Рубановскій, — сказала она, бросивъ въ уголъ ношу и глядя на Мировича: — такъ никто ужъ въ свѣтѣ и

не скажетъ тебѣ, гдѣ нонѣ Поликсена... Они заправляли списками при похоронахъ государыни; имъ только теперь и знать, куда направила лыжи твоя Миликтриса Кирибитьевна.

Она выпила. Мировичъ записалъ въ бумажникъ названныя ею имена и засуетился надъ чемоданомъ. Заперевъ дверь, онъ принялся чистить сильно поношенный кафтанъ, шинель и башмаки, досталъ изъ какого-то свертка иглу, заштопалъ штиблеты и долго, вздыхая, возился надъ распоротымъ у подошвы башмакомъ; расчесалъ и тщательно завилъ косу и букли, — обвязалъ ихъ, для сохранности, на сонъ грядущій, платкомъ и попросилъ разбудить себя на зарѣ, чтобъ успѣть напудриться, побриться и, отбывъ утромъ явку къ начальству, пуститься на поиски камеръ-фурьеровъ Крашенинникова и Рубановскаго. — «Доля проклятая, — гдѣ-жъ ты? — ворчалъ онъ, раздѣваясь: — на днѣ моря, въ землѣ, или выше того?»

Утромъ Мировичъ изъ первыхъ явился въ коллегію. Тамъ его, сверхъ ожиданія, задержали долго. Толпились приказные, гвардейскіе и армейскіе офицеры. Изъ заграничнаго отряда въ ночь прискакалъ новый курьеръ. Къ полудню пріемная и лѣстница коллегіи гудѣли отъ говора разномастнаго люда, какъ улей. Брякая шпорами и дерзко волоча палаши по ногамъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, съ наглыми казарменными ухватками, рѣчами и громкимъ смѣхомъ, прошли вслѣдъ за какимъ-то, бѣлобрысымъ и куцымъ, голштинскимъ бригадиромъ, ново-испеченные гвардейскіе любимцы. Между мелкосошною мундирной братіей стали говорить шепотомъ, а потомъ и громче, что общія смутныя предсказанія сбылись: голштинцы торжествовали, и Волконскому въ пограничный корпусъ посылалось предписаніе — войти въ формальные переговоры о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ принцемъ Беверискимъ. О «пропозиціяхъ» Панина не было и помина. На Мировича, сидѣвшаго въ углу на скамьѣ и поджимавшаго заштопанную колѣнку и плохо зашитый башмакъ, теперь ужъ никто не обращалъ и вниманія. Вчерашній, сердитый и надутый, какъ пѣтухъ, генералъ Бехлешовъ, выйдя съ озабоченнымъ и, казалось, невыспавшимся лицомъ въ пріемную, замѣтилъ его и кивкомъ, пренебрежительно, подозвалъ къ себѣ. Пыхтя и разглядывая свои бѣлыя, маленькія ручки, онъ помолчалъ и

вдругъ, поглядѣвъ на него въ упоръ, напустился: «Такъ ты — Мировичъ? а? а? Мировичъ? ордонансъ Панина?.. А отчего у тебя, сударь, кафтанъ стараго образца? Да и галстукъ—папильономъ, сирѣчь, бабочкой, не по формѣ повязанъ! Ордонансы! баловники!—кричалъ топая ножками, генералъ: — развѣ вамъ не были посланы указы о новыхъ мундирахъ? а? Вольнодумствомъ вы только занимались тамъ, по театрамъ, по оберҗамъ, вертопрашили, да дусёргельды дѣлили на пирушкахъ!.. Шалберники, роскошники, моты!..»

— Не заслужилъ, не заслужилъ! — отвѣтилъ, вспыхнувъ и самъ не помня себя, Мировичъ:—подобный афронтъ офицеру... я... вы... вы...

— Здѣсь столица, самъ, государь,—а не ордеръ-де-баталія!..—крикнулъ еще запальчивѣе Бехлешовъ:—ступай, сударь, да берегись... слышь, говорю тебѣ, берегись! Любимчики штабные! ордонансы! А понадобишься, за тобой пришлютъ.

«Ахъ ты ракалія!—подумалъ съ дрожью Мировичъ:—да что-жъ это? и за что? только что пріѣхалъ, и вдругъ»...

Горло его схватили судороги. Онъ молча повернулся, спустился блѣдный съ лѣстницы и, стиснувъ зубы, глотая слезы негодованія, поѣхалъ домой, повторяя: «ну, родина! угостила съ первыхъ же разовъ»...

Бавыкиной онъ не засталъ дома. За нею пришли изъ какой-то лавки. Прождавъ ее часъ-другой, Мировичъ успокоился, пришелъ въ себя. Онъ вспомнилъ объ академикѣ, освѣдомился о немъ у прислуги и смѣшался. — «Такъ вотъ кто это!» — пробѣжало въ его мысляхъ. Онъ въ раздумьѣ поднялся по наружной лѣстницѣ флигеля. Академикъ былъ въ верхней, угольной комнатѣ, выходившей въ садъ.

Ломоносовъ стоялъ за простымъ круглымъ столомъ. Солнце ярко свѣтило въ окна. Онъ курилъ небольшую пѣнковую трубку и, нагнувшись надъ картой Сѣвернаго океана, чертилъ на ней предположенный имъ путь, въ обходъ Сибири, въ Китай и въ Индію. Теперь онъ былъ принаряженъ; — въ парикѣ, безъ пудры, въ суконномъ, кирпичнаго цвѣта кафтанѣ, въ чистыхъ манжетахъ и въ бѣломъ шейномъ платкѣ. Въ креслѣ у камина, съ книжкой въ рукѣ, сидѣла бѣлокурая Леночка. Въ книжку она смотрѣла разсѣянно,

украдкой слѣдя за сѣрымъ котёнкомъ, игравшимъ съ бахромой ковра на полу.

— А! господинъ офицеръ!—сказалъ съ улыбкой, подвигая стулъ, Ломоносовъ:—очень радъ... Садитесь, батюшка... Давеча вы меня порядкомъ смутили. Старъ становлюсь, да и болѣлъ эту зиму, ноги остудилъ, на смертной постели лежалъ; ну, и не удерживаюсь иной разъ. Да и какъ удержаться! Я дописывалъ новую оду, а поговоривъ съ вами, бросилъ ее въ печку и, какъ есть, всю-то ночь не спалъ. Выѣхалъ сегодня въ академію, — ваши слова подтверждаются, — только и говору вездѣ, что о перемиріи... Совралъ видно я, писавъ сгоряча на новый этотъ годъ:

Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ русская страна...

— Миръ! да лучше бы кнутомъ меня на площади били, самого нѣмцемъ сдѣлали, чѣмъ это слышать! — произнесъ Ломоносовъ, бросая трубку на столъ и закашливаясь.

Краска залила его изъ-желта блѣдныя, въ суровыхъ морщинахъ щеки. Желтизна проступила и въ затуманенныхъ годами, большихъ, строгихъ и вмѣстѣ ласковыхъ глазахъ.

— Леночка! пивца бы намъ аглицкаго!—сказалъ онъ дочери:—возьми у мамы ключи, да холодненькаго, изъ западни... душу отвести... пару бутылочекъ, не больше...

Леночка нѣсколько разъ бѣгала въ западню.

Пиво развязало языки новыхъ знакомцевъ. Ломоносовъ сталъ на картѣ объяснять Мировичу выгоды отъ придуманнаго имъ, мимо Сибири, пути въ Индію.

— И все ферфлюхтеры, все нѣмцы мѣшаютъ,—сказалъ онъ:—сегодня въ конференціи, вѣрите ли, чуть глотки въ спорѣ съ ними не перервалъ... Скопъ злобы! Ничего, какъ есть не подѣлаешь съ толикимъ препятствомъ, съ толикимъ избыткомъ завистливой кривды и лжи...

— А что, Михайло Васильичъ,—спросилъ Мировичъ:—не уступи нашъ новый государь, Петръ Ѳедоровичъ, своему другу, рѣшись, по мысли Панина, продолжать войну,—вѣдь на вѣкъ бы нѣмцевъ мы урезонили.

Лицо Ломоносова омрачилось.

— Плохо,—сказалъ онъ, махнувъ рукой и подвигаясь съ кресломъ къ камину:—и не приведи Богъ, какъ плохо.

— Что же-съ? Развѣ здоровьемъ слабъ государь?—спросилъ Мировичъ.

Ломоносовъ кивнулъ дочери, чтобъ ушла.

— Слушай, молодой человѣкъ, и суди!—началъ онъ, помолчавъ: — о тебѣ много наслышался отъ своего стараго друга; да и пріѣхалъ ты изъ такой дализны... Взвѣсь, оцѣни, на свѣжую голову, неудобства нашихъ темныхъ, бурливыхъ дней, и скажи, по сердцу, свое мнѣніе. Чай, знаешь дѣла-то великаго Петра... Что въ Римѣ въ двѣсти лѣтъ, отъ первой пунической войны до Августа, всѣ эти Сципіоны, да Суллы, да Катоны сдѣлали, то онъ въ свою токмо жизнь, онъ одинъ въ Россіи совершилъ. Первые преемники были куда не по немъ! Хоть бы дворъ при царицѣ Аннѣ Ивановнѣ...—какъ бы тебѣ выразиться,—былъ на фасонъ нѣмецкаго, плохонькаго владѣтельнаго дворика. Но и тогда русскіе лучшіе люди всюду, въ глубинѣ-то страны, еще по-русски жили и говорили. Царица въ оперу, въ спальномъ шлафрокѣ, ѣздила, Бироновыхъ дѣтей няньчила, курляндскимъ конюхамъ, да ловчимъ все правленіе въ опеку отдала. Да вѣдь эти-то Бироны, Остерманы и Минихи, они все-таки были подданные русскіе, во имя Россіи дѣйствовали. И повальнаго, братъ, онѣмеченія еще у насъ въ тѣ поры не было... Правительница Анна Леопольдовна — слыхалъ ли ты про нее и про ея тяжкую судьбу?

— Мало слышалъ... въ школѣ и на службѣ-съ было не до того... кое-что говорили...

— Ну, такъ скажу въ краткости и о ней... Она драмы Аддисона, «Зайру» Вольтера любила декламировать и по три дня, простонравная безпечница, не чесалась... При ней зато нѣмцы нѣмцевъ ѣли и намъ оттого было не безъ пріятства и пользы... А покойная государыня, божество мое, Лисаветъ-Петровна? Охъ! что грѣха таить! при ней! — не на твоей, разумѣется, памяти, — все у насъ иноземнымъ, французскимъ стало,—обычаи, нравы, моды и языкъ... Но все-жъ, голубчикъ ты мой, хохликъ,—лучшіе русскіе люди, лучшіе умы и сердца ее окружали... Умѣла она ихъ выбирать и цѣнить... И я, россійскій, природный поэтъ и витія, я—Ломоносовъ—не даромъ, слышь ты, по сердцу, отъ души ее воспѣвалъ...

— Помню ваши стихи, — съ чувствомъ перебилъ Мировичъ: —

«Царей и царствъ земныхъ отрада»...

и другіе о ней же:

«Владѣешь нами двадцать лѣтъ»...

— Она смертную казнь отмѣнила въ Россіи! — продолжалъ Ломоносовъ: — въ Москвѣ, по моей мысли, открыла университетъ; на родинѣ твоей, на Украйнѣ, въ Батуринѣ, тоже, въ сходствіе моего прожекта, открыла бы, если бъ не померла,—и свято чтила, лебедь моя бѣлая, дѣла своего родителя, великаго и единаго въ мірѣ моего героя, Петра...

— Однако, — замѣтилъ, подумавъ, Мировичъ: — то были женщины,—Екатерина, двѣ Анны, Елисавета, и почти подъ рядъ... Бабье царство, — говорили въ народѣ. Войску надоѣло быть подъ женскою управой... Теперь у насъ на тронѣ монархъ, и снова Петръ...

— Петръ, да не первый! — сказалъ Ломоносовъ: — не было и не будетъ такого другого. По примѣру дѣда-то великаго думаетъ онъ управлять? Далеко, другъ любезный! Дудки! Я самъ надѣялся... Оно, конечно... и Петръ, Второй, мальчёночекъ, въ сенатѣ, торжественно обѣщалъ, подобно Веспасьяну, править, никого не печалить... А что содѣялось потомъ? Я неотесанъ, я грубъ, и меня, дикаго помора, сударь,—за непорядочные поступки и озорничество съ сѣдою обезьяной Винцгеймомъ, Таубертомъ и съ другими академическими нашими колбасниками, — подъ арестомъ при полиціи держали. Но, ѣздивъ еще съ отцомъ, на рыбачьемъ карбасѣ, по сѣверному ледяному морю, я привыкъ бороться съ злыми стихіями... Великая и грозная, сударь, природа студёнаго надполярнаго океана воспитала меня... Я просто-совѣстенъ, братъ, но не податливъ... И ничѣмъ ты не купишь недовольства и угрюмства обиженной и бунтующей моей души... Скажу тебѣ, юноша, правду... У насъ теперь нашествіе не русскихъ нѣмцевъ, а нѣмецкихъ, самыхъ сугубыхъ и лютыхъ... И нынѣ, братецъ, — прибавилъ вполголоса Ломоносовъ, склонясь къ Мировичу:— коли не найдется у насъ генія, чтобъ нами побитаго лукавца Фридриха водрузить въ прежнихъ умѣренныхъ предѣлахъ, то всю инфлюэнцію нашу на европейскія дѣла у насъ исторгнутъ. И будетъ нашъ великій канцлеръ, а мой давній благопріятель, Воронцовъ, министромъ токмо не своего монарха, а того же, черезъ насъ вновь оживающаго, Фридриха. Шутка ли, въ военной коллегіи, въ конференціи, гдѣ Шереметевыхъ, Апраксиныхъ, Бестужевыхъ витаютъ имена, нынѣ компасомъ всѣхъ дѣлъ являются только-что при-

бывшій изъ Берлина, Фридриховъ посланникъ, Гольцъ, и дядюшка государевъ, командиръ его голштинцевъ, принцъ Жоржъ.

— А что слышно о государевой супругѣ, о Екатеринѣ Алексѣевнѣ?—спросилъ Мировичъ.

— Погоди, дойду и до нея... Тяжкій грѣхъ взяла на себя покойная императрица Елисаветъ-Петровна... По особымъ важнымъ политическимъ и статскимъ резонамъ, она, необъявленная въ бракѣ, выписала себѣ въ преемники, изъ Голштиніи, своего родного племянника, нынѣшняго государя, Петра Өедоровича, когда ему исполнилось уже четырнадцать лѣтъ. Помню, какъ привезъ его изъ Киля во дворецъ теперешній здѣшній генералъ-полицмейстеръ, баронъ Николай Андреевичъ Корфъ. Грустно было смотрѣть на этого ласковаго—и скажу—съ добрымъ сердцемъ юношу. Худенькій, щуплый, блѣдный, вѣрой притомъ, отъ случайныхъ обстоятельствъ, лютеранинъ... чуточку по-французски зналъ, но, представь — ни слова не говорилъ по-русски. Такого ли ожидать было въ преемники къ россійскому наслѣдію великаго Петра? Ученье его въ Голштиніи совсѣмъ было заброшено. Учителя-шведы готовили его на стокгольмскій престолъ и воспитывали, разумѣется, не токмо въ холодности, а даже въ презрѣніи къ далекимъ русскимъ варварамъ. И таковъ-то именно онъ явился, двадцать лѣтъ назадъ, въ Петербургъ... Говорю, добрый онъ, и къ наукамъ не безъ склонностей; кое-что и въ искусствѣ свѣдалъ: егерь Бастіанъ выучилъ его въ Голштиніи на скрипкѣ играть... Но не повезло племяннику императрицы въ Россіи: чуть его доставили, бѣднаго посѣтила оспа. Государыня-тетка полюбила его, жалѣла, сама первымъ русскимъ молитвамъ обучила. Потомъ обвѣнчали Петра Өедорыча, и взялъ онъ за себя, — выборъ счастливый, — принцессу, разумную, обстоятельную, нравомъ женерозную, твердую и пылкую, сущій огонь... Ты спросилъ о Екатеринѣ Алексѣевнѣ, какова?.. Да, другъ мой... Вотъ гдѣ сила воли, вотъ ума палата и всякихъ даровъ и качествъ пріятство!.. Да что! Развѣ, среди нахлынувшей, подобной заморской челяди, убережешь сердце свято? А Петра Өедорыча окружили какими наперсниками! Изъ Киля ему цѣлое войско грубѣйшихъ голштинскихъ скотинъ вывезли. И начали его новые друзья, Цвейдели, да Штофели, да Катцау, отклонять отъ

разумницы, преданной жены. Ея общество онъ промѣнялъ на компанію своихъ капраловъ, на смѣхи да утѣхи съ вертухой Лопухиной, съ дочкой первоначальнаго нашего злодѣя, Бирона, съ дѣвицей Карръ и съ княжной Шалиховой... Государыня-тетка увидѣла все ясно, только ужъ было поздно. Она даже хотѣла выслать племянника опять за границу...

— Что вы? — спросилъ съ удивленіемъ Мировичъ: — кого жъ въ такомъ разѣ объявили бы наслѣдникомъ?

Ломоносовъ посмотрѣлъ на него и вздохнулъ.

— Есть одинъ... былъ, — сказалъ онъ будто про себя: — и судьба ему улыбалась, столько было у его колыбели ожиданій, надеждъ... На пурпурной бархатной подушкѣ дитятею его народу показывали, чеканили съ его портретомъ монету, присягали ему, манифесты именемъ его издавали... Прочили русскихъ ему учителей, и меня, нижайшаго еще въ той порѣ студента, думали пригласить...

— Что жъ онъ? умеръ?

— Умеръ, или, вѣрнѣе... живой погребенъ!.. Царственный узникъ!.. и живъ, и вмѣстѣ мертвъ...

— Какъ живъ? Какъ узникъ? Отчего жъ онъ не правитъ? и гдѣ онъ?

— Не спрашивай объ этомъ, голубчикъ ты мой, Василій Яковлевичъ:—когда-нибудь въ другой разъ! А лучше и вовсе никогда.

Ломоносовъ задумался. Большіе строгіе его глаза еще больше затуманились. Изъ взволнованной далекими воспоминаніями, широкой груди вырывался тревожный хрипъ. Общее молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Маятникъ на стѣнѣ кабинета мирно тикалъ.

— А вотъ я вамъ, государь мой, — отвѣтилъ, вдругъ рѣзко засмѣявшись, Ломоносовъ: — я вамъ, для увеселенія, могъ бы прочесть сочиненный на меня, на Ломоносова, здѣшними нѣмецкими тупицами злой и преострый пашквиль... На-дняхъ въ академіи на мой столъ подбросили... Да очень ужъ много чести... Гунсвоты! Рвань поросячья!.. Это любимая моя данная имъ кличка... Попрекаютъ, что я мужикъ и что не прочь подъ часъ покомпанствовать... То правда... Ругайте, наглецы, слабости, страсти непреодолѣнны!.. Ругайте и за то, что я — противъ нашествія языковъ, а самъ, смѣху подобно, у нѣмцевъ учился и на нѣмкѣ

женатъ... Браните. Все это вѣрно... Учился я у нѣмцевъ, умнѣй насъ они, и долго еще намъ не обойтись безъ нихъ... Но сами-то, сами ругатели хороши-ль? Потатчики ошибокъ и слабостей властелина! Льстецы!.. Подбили монарха дать вольности дворянству. И господа сенатъ до того обрадовались, что депутацію прислали благодарить, золотую статую, въ честь новаго Солона, хотѣли отлить... Дмитрій Сѣченовъ хвалебную рѣчь на это сказалъ... И я, грѣшный, до того всѣми былъ увлеченъ, что больной оду написалъ. Да теперь думаю: ну, нешто барамъ нужны вольности? Народу, вотъ, другъ мой, кому!.. Не твои сытые родичи,—извини,—мои сермяжники въ нихъ нуждаются, по нимъ всуе молятся Господу Богу... Оно точно, правду ты, Василій Яковлевичъ, сказалъ, не женщина теперь на престолѣ. Да что, я у тебя спрашиваю, въ томъ толку? Вы тамъ кровь проливали, безсердечнаго хитроумца и льстеца Фридриха били, а тутъ передъ его портретомъ на колѣнки въ Рамбовѣ становились, кричали ему съ виннымъ бокаломъ: hoch! и съ насмѣхательствомъ, всякими шпыняньями встрѣчали наши надъ нѣмцами побѣды...

— Можетъ ли это быть?—сумрачно спросилъ Мировичъ:—не клевета ли? это черезчуръ.

— Богомъ тебѣ клянусь, не шучу... Говорятъ новымъ совѣтникамъ государя — нѣтъ у насъ настоящаго уложенія; онъ кодексъ-фридериціанусъ для Россіи указалъ переводить. Бѣдная Екатерина Алексѣевна совсѣмъ нынче брошена, забыта; набитый пентюхъ, Лисавета Воронцова въ фаворѣ. Единственнаго сына государева, Павла, о-сю пору не объявляютъ наслѣдникомъ. И стоятъ, сплошной стѣной стоятъ, вокругъ добраго, довѣрчиваго, но слабаго волей монарха не мудрые совѣтники, а молодые вертопрахи, жадные чужеземцы... И ужъ такъ-то его берегутъ... Хотѣлъ-было я, вглядѣвшись поближе, посатирствовать, войной пойти на эту челядь. Да, ну ихъ... Мудра пословица: не гоже въ крапиву... садиться...

Мировичъ не спускалъ глазъ съ собесѣдника. Онъ слушалъ, и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Все, что вскользь говорилось въ иностранныхъ газетахъ и что на ихъ враждебныхъ столбцахъ могло казаться умышленно-злою издѣвкой надъ Россіей, подтверждалось устами великаго ученаго. — «Богъ отвернулся отъ вашей Россіи, — сказалъ Мировичу,

въ засѣданіи масонской ложи въ Кёнигсбергѣ, одинъ каноникъ:—она на распутіи между востокомъ и западомъ, тьмой и свѣтомъ, свободой и рабствомъ... Нужны великія жертвы, нужны смѣлые мужи добра, иначе уйдетъ она въ Азію... будетъ проклята Богомъ и людьми..»

— О чемъ говорено, чуръ, изъ избы сметья не выносить! — сказалъ въ заключеніе Ломоносовъ: — а къ Иберкампфу, на Милліонную, на бильярдѣ поиграть и распить ренского, вѣрно ужъ не пойдемъ? Ну, ну... Настасья Филатовна не услышитъ. Да я, сударь, и шучу. Инъ и вправду, мы на огнедышащемъ кратерѣ... Не праздновать, не застольныя пѣсни, видно, нынѣ пѣть. Смиреніе древнихъ и постъ!.. Будемъ трезвости слугами, будемъ мудры... Такъ, къ соблазнителямъ ни ногой?

— Ни ногой,—отвѣтилъ, задумавшись, Мировичъ.

— Зарокъ?

— Зарокъ...

— Руку!

Новые знакомцы ударили по рукамъ.

На другой день Мировичъ молчкомъ пустился въ поиски указанныхъ Филатовной камеръ-фурьеровъ Крашенинникова и Рубановскаго. Приглядывался онъ къ домамъ, къ улицамъ и площадямъ Петербурга, гдѣ мелькнули годы его ученья, и весь онъ теперь, послѣ чужихъ краевъ, показывался ему такимъ непригляднымъ, суровымъ и бѣднымъ.

Петербургъ въ 1762 году былъ все тотъ же, въ зимніе мѣсяцы—грязный, а въ лѣтніе—пыльный, малоосвѣщенный, до крайности разбросанный и на двѣ трети бревенчатый, чухонско-нѣмецкій городокъ. Жителей въ немъ тогда считалось съ небольшимъ сто тысячъ. Воды его были безъ набережныхъ, съ навозными плотинами и деревянными мостами, ухабы зимой по улицамъ чуть не по поясъ человѣка. Вмѣсто улицъ, вдоль линіи Васильевскаго острова, шли, какъ въ Венеціи, каналы съ разводными мостами на перекресткахъ проспектовъ. Кучи навоза и всякой брошенной дряни загромождали тротуары и углы перекрестковъ, валялись и, испуская вредныя испаренія, тлѣли на площадяхъ. Соръ, грязь и мертвечину съ улицъ и пустырей очищали колодники. Бездомныя одичалыя собаки, наводя страхъ на пѣшихъ и конныхъ, бродили стаями по городу, бѣсились

и кусали людей. Отъ нищихъ, калѣкъ и всякихъ попрошаекъ не было прохода.

Покойная государыня Елисавета Петровна, въ болѣзняхъ которой подъ конецъ чаще и чаще стала грезиться первая ночь ея царствованія, страдала безсонницами. Она то-и-дѣло мѣняла свои опочивальни. Въ девять часовъ вечера никто уже не смѣлъ ѣздить мимо оконъ ея временного, деревяннаго зимняго дворца, бывшаго на Мойкѣ у Полицейскаго моста. Въ девять часовъ смолкалъ весь Петербургъ. Раздавался по городу только безконечный лай цѣпныхъ и праздношатающихся собакъ, да оклики, на стѣнахъ адмиралтейства и крѣпости, часовыхъ, которыхъ, для безопасности, иной разъ ставили и на перекресткахъ. Всѣ помнили еще недавнее время, когда петербургскія улицы, изъ-за поджигателей, грабителей, воровъ и всякихъ непотребныхъ людей, на ночь на-глухо запирались рогатками, такъ какъ назначаемыя для обхода по городу «пристойныя партіи фузилировъ и драгунъ» оказывались недостаточными. Еще въ присутствіи государыни дѣло городского благоприличія шло кое-какъ. Во время же ея отъѣздовъ въ Москву,—а она тамъ живала по полугоду и болѣе,—улицы Петербурга приходили въ окончательное запустѣніе и поростали травой. Городскія австеріи, гдѣ Петръ I по праздникамъ любилъ чинно выпивать, среди матросовъ и шкиперовъ, чарку тминной водки, обращались въ притоны буйства и дикаго разгула.

Въ грязь по Петербургу не было прохода. Городскихъ извозчиковъ состояло въ то время весьма немного. Петръ III завелъ съ нихъ сборъ по два рубля въ годъ и далъ имъ особые кожаные ярлыки. Люди средняго сословія въ тѣ поры болѣе ходили пѣшкомъ. Богатые и знатные, особенно гвардейскіе офицеры, ѣздили въ своихъ экипажахъ или верхомъ. Модные щеголи и щеголихи то-и-дѣло давили пѣшеходовъ. Разъ они чуть не до смерти смяли фельдмаршала Миниха. Зато доставалось и барамъ: уличные мальчишки, на Гороховой, Луговой (т.-с. Морской) и даже по Невскому, несмотря на объявленія полиціи, пускали бумажныхъ змѣевъ и тѣмъ пугали и бѣсили рѣзвыхъ вельможныхъ рысаковъ. Генералъ-полицеймейстеръ Корфъ, съ скакавшими у его кареты адъютантами, не поспѣвалъ являться туда, гдѣ оказывались безпорядки. Нерѣдко, среди бѣлаго

дня, на рынкахъ или у новаго оканчиваемаго постройкой зимняго дворца, между неубранныхъ еще хибарокъ, избушекъ, шалашей и всякихъ сарайчиковъ, раздавались отчаянные крики подравшейся черни: «караулъ! грабятъ! рѣжутъ!»

Невская перспектива въ полдень покрывалась гуляющими. Шли статскіе щеголи, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, лосинныхъ панталонахъ и ботфортахъ выше колѣнъ, либо въ розовыхъ и желтыхъ, шелковыхъ фракахъ, съ огромными лорнетами, а когда было холодно — съ куньими и собольими муфтами. Щеголихи, съ затянутыми, въ видѣ осъ, тальями, несли на головахъ хитро-устроенныя прически, на манеръ рыцарскихъ зáмковъ, цвѣточныхъ корзинъ, китайскихъ бесѣдокъ и кораблей. Но и на этой первостатейной улицѣ не обходилось безъ непріятностей. У кофейной Мура или у магазина модъ госпожи Токè, не обращая вниманія на разряженныхъ въ пухъ и прахъ прохожихъ, лежалъ, растянувшись по тротуару, избитый въ кровь и съ разорванными портами, мертвецки пьяный матросъ. Верховой конногвардеецъ, съ громкою бранью и съ обезображеннымъ отъ злобы лицомъ, у чьего-то дома, стегалъ хлыстомъ чужого напудреннаго и важнаго кучера зато, что тотъ не свернулъ раззолоченной, съ кожаными занавѣсами, кареты, и тѣмъ помѣшалъ ему проскакать въ догонку за какою-то умчавшейся красавицей.

Въ срединѣ великаго поста, въ 1762 г., прошелъ слухъ о появленіи на Фонтанкѣ, въ деревнѣ Матисовкѣ, близъ нынѣшней Коломны, цѣлой шайки вооруженныхъ грабителей. Петръ III вышелъ изъ себя.—«О-го-го! Tausend Teufel!—сказалъ онъ Корфу:—пора опять приняться за висѣлицы! Дѣдъ мой Петръ зналъ это лучше всякаго изъ насъ... Напишу: «approbatur,—Peter», и кончено,—увидите... o, ja...» — Висѣлицы, однако, не поставили. Безпорядки длились и къ нимъ привыкали, какъ къ чему-то, безъ чего нельзя было обойтись и ужиться. На всякій уличный переполохъ, какъ на театръ, въ сосѣднихъ домахъ поднимались окончины, и нарядныя дамы выглядывали оттуда, слѣдя съ любопытствомъ, изъ-за модныхъ вѣеровъ, чѣмъ кончится казусъ.

Частныя зданія на Невскомъ, со стороны адмиралтейства, тогда начинались лишь отъ Полицейскаго моста. От-

сюда, вплоть до Аничкова, по правой и лѣвой сторонамъ проспекта, было немногимъ болѣе десятка домовъ, да и то на-половину деревянныхъ. Домовладѣльцы на главныхъ улицахъ были бо̀льшею частью иностранцы или инородцы. У разъѣздной площадки временного зимняго дворца, выходившаго на Мойку, на Невскій и Луговую, нынѣ Морскую, былъ домъ купца Дюбиссона, съ надписью на вывѣскѣ: «Продажа гамбургскихъ канареекъ и попугаевъ». Въ Кирпичномъ переулкѣ, наискось противъ нынѣшняго ресторана Дюссо, былъ домъ банкира Кнутсена. На углу Гороховой и Луговой — домъ красильщика Краузе; у Синяго моста—вывѣска шорника Матьяса За̀ккова. Немного далѣе, по Мойкѣ—цвѣточный магазинъ Вольфа, съ надписью: «Изрядныя ананасныя планты». Еще далѣе, по Вознесенскому проспекту — дома: Пильхау, Рашке, Зушке, Хабасова и Клуга. У Вознесенскаго моста, на берегу Глухой рѣчки, нынѣ Екатерининскій каналъ—заведеніе оконнаго мастера Берга.

Придворные сады—Лѣтній, Итальянскаго дворца на Литейной, въ Екатерингофѣ и на цвѣточныхъ променадахъ Царицына Луга—были открыты для публики. Но въ нихъ не пускали матросовъ, ливрейныхъ лакеевъ, женщинъ съ платками на головахъ, мужчинъ въ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и вообще,—какъ тогда говорили въ газетахъ и въ публикаціяхъ полиціи — «подлаго народа». — Требовались модныя и красивыя одежды. По указу императрицы Елисаветы, ставили клейма на фалды господъ, являвшихся ко двору въ старыхъ или вышедшихъ изъ моды «несообразныхъ кафтанахъ». Послѣ самой императрицы осталось пятнадцать тысячъ почти новыхъ платьевъ, нѣсколько тысячъ башмаковъ и два сундука чулокъ и лентъ. Между тѣмъ, мясныя, зеленныя и рыбныя лавки, кабаки и постоялые дворы невозбранно распространяли запахъ грязи и всякаго сора, валявшихся въ нихъ и возлѣ нихъ. Утонченная Европа и дикая, неумытая Азія—уживались рядомъ другъ съ другомъ.

Болотныя лихорадки, повальныя горячки, оспа, скарлатина и корь не покидали Петербурга. Врачей въ то время было мало, и тѣ брали непомѣрно дорого. Модные врачи, Монсій и Фузадьё, брали, не стѣсняясь, по пятнадцати червонцевъ за визитъ. Обученіе дѣтей сплошь было въ рукахъ невообразимыхъ проходимцевъ. Нѣкая иностранная фамилія

«шляхетнаго и честнаго рода» печатала о себѣ въ тогдашнихъ газетахъ, что она «учитъ дѣвицъ, по понятію каждой, языкамъ, шитью, экономіи, танцамъ, а притомъ и чтенію вѣдомостей».—Другая, иноземная же особа, а именно,—нѣкоторая г-жа Ренуардъ (адресъ: Милліонная, въ домѣ портного Экка) публиковала, что обучаетъ дѣвицъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи—«а также и писать».—Въ казенные и домашніе учителя нерѣдко попадали забираемые по понедѣльникамъ со съѣзжей уличные «шататели» и «пьянчужки», замѣшанные иногда въ дебошахъ, кончавшихся смертоубійствомъ.

Благородныя дѣвицы перенимали другъ у друга тайны, какъ затягивать получше таліи, какъ дѣлать реверансы и налѣпливать на лицо мушки. Въ косметическихъ лавкахъ продавались особыя, красивыя коробочки съ черными мушками. При наймѣ женской прислуги спрашивали тогда: «на хозяйскихъ ли румянахъ и бѣлилахъ?» Знатные и богатые люди заботились о составленіи библіотекъ изъ французскихъ книгъ, въ которыя, впрочемъ, немногіе изъ нихъ заглядывали. Мужчины учились у мужчинъ, какъ надѣть круглую вощанковую, или трехъ-угольную пуховую шляпу; какъ открыть табакерку, оправлять на манжетахъ алансоны и пуандеппаны, нюхать табакъ и вынимать и встряхивать цвѣтной, пропитанный духами a la Reine, фуляровый платокъ. Парикмахеры на Морской и на Невскомъ завивали букли и заплетали и пудрили косы русскимъ петиметрамъ, назначавшимъ другъ другу вечернія свиданія въ невышедшемъ еще изъ моды, со временъ Лестока, трактирѣ савояра Берляра и Иберкампфа, въ гербергахъ, погребахъ Гантовера, Ретса и въ вольныхъ домахъ, австеріяхъ Винклерши, Шмидши, Кохши и другихъ.

Государыня Елисавета Петровна ѣздила запросто на вечеринки къ вельможамъ, кутая своею муфтой и платкомъ руки и горло провожавшему ее графу-мужу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, подъ письмами къ которому она въ шутку подписывалась: «вашъ первый дишкантистъ». У постели же ея, по простотѣ, со временъ еще ея дѣвичества, на разостланномъ тюфячкѣ, для охраны ея, спалъ на полу старичекъ, любимый ея камердинеръ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ. Государыня, вставая иной разъ ранѣе его, будила вѣрнаго слугу, а онъ трепалъ

ее по плечу, зѣвая и ворча: «Ну-ну, лебедка моя! ужъ ты и встала».—Другъ Елисаветы, Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелёва, писала къ ней: «ваша раба и дочь, и холопка, и кузына», а мужа Шуваловой Алексѣй Разумовскій, подгулявъ на охотѣ, билъ батогами.

Ко двору Елисаветы Петровны, для ловли въ ея аппартаментахъ мышей, особыми указами выписывались изъ Казани умѣлые и «пристойнаго вида» сибирскіе коты, а изъ-за границы мартышки «столь малыя, чтобы входили въ индѣйскій кокосовый орѣхъ». Костромская помѣщица, Анна Ватазина, письменно предлагала государынѣ, коли произведутъ ея мужа въ коллежскіе асессоры, поднести въ даръ четырехъ собакъ: Еполита, Женету, Маркиза и Жулію. Въ молодости Елисавета, цесаревной, писала нѣжные мадригалы:

«Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?»

При Елисаветѣ, по улицамъ было видно болѣе мирныхъ статскихъ. При Петрѣ III, Петербургъ сталъ наполняться разнокалиберными и дравшими носъ военными.

На дворцовомъ плацу, чуть не ежедневно, производились шумные — съ криками виватъ, маршировками и всякими муштрованіями—вахтпарады. По улицамъ озабоченно и торопливо скакали адъютанты, сновали пѣшіе и конные вѣстовые. Петровскіе, широкіе и длинные кафтаны гвардіи и арміи замѣнились куцыми и узкими мундирами, на манеръ прусскихъ. Исконный зеленый цвѣтъ кафтановъ и красный — воротниковъ и камзоловъ разрѣшено замѣнять, по произволу командировъ полковъ, оранжевымъ, голубымъ, лиловымъ, канареечнаго цвѣта и всякимъ. Петръ III ввелъ еще аксельбанты и эспантоны, трости у офицеровъ и урядниковъ. Онъ же отмѣнилъ ношеніе на вахтпарады, за капралами и унтеръ-офицерами, слугами ихъ, ружей и алебардъ.

Въ началѣ великаго поста, Петръ Ѳедоровичъ издалъ повелѣніе: всѣмъ сановникамъ и вельможамъ, носившимъ титулы командировъ взводовъ, баталіоновъ и полковъ, быть неотлучно на ученьяхъ, во главѣ своихъ частей. Это приказаніе привело всѣхъ въ неописанный конфузъ. Публика съ изумленіемъ увидѣла, по улицамъ, марширующихъ по щиколку въ грязи, передъ своими батальонами и взводами, генералъ-фельдмаршаловъ: графовъ Александра Иваныча

Шувалова и изнѣженнаго сибарита и сластуна Алексѣя Разумовскаго, дядю государя—принца Жоржа и больного одышкой, въ бархатныхъ штиблетахъ на опухшихъ, подагрическихъ ногахъ, князя Никиту Юрьича Трубецкого. Гетманъ Разумовскій даже нанялъ особаго голштинскаго офицера для уроковъ новой муштровки. Придворные и статскіе чины были не менѣе озадачены. Парикмахера своего Брессана государь назначилъ въ директоры фабрики гобеленей и произвелъ въ камергеры; ямщика же, какого-то Патрикѣева, въ титулярные совѣтники.

Передъ пасхой Петръ III писалъ къ своему другу королю Фридриху, что, не остерегаясь ничего и никого, онъ предаетъ себя на волю Бога и въ охрану своему народу, и безъ провожатыхъ по Петербургу ходитъ пѣшкомъ.

IV.

Дрезденша.

У Вознесенскаго моста стоялъ обветшалый и огромный, съ кучею амбаровъ, конюшенъ и покосившихся флигелей, деревянный, съ поросшей мхомъ кровлей, домъ царевича Леона Грузинскаго. Черезъ переулокъ за нимъ былъ такой же старый домъ камеръ-фурьера Рубановскаго. Сюда, послѣ неудачной справки у Крашенинникова, подъ вечеръ, подошелъ Мировичъ.

Его озадачили крики и пѣсни пьяной черни, вырывавшіеся изъ грязнаго темнаго кабака, на углу этого дома, рядомъ съ вонючею рыбною лавкой. Онъ поднялъ глаза — на сосѣднемъ балконѣ, выходившемъ на проспектъ, были вывѣшены, для провѣтриванія, какія-то шубейки, подушки и дѣтское бѣлье. Убитая кошка валялась среди улицы.

«Нѣтъ, Кенигсбергъ не въ примѣръ лучше и чище Петербурга: тамъ аккуратнѣе и такого неряшества не позволятъ!» — подумалъ Мировичъ, съ трудомъ перейдя черезъ растаявшую обширную лужу, у спуска съ Вознесенскаго моста. Онъ вошелъ къ Рубановскому. Ему сказали, что Василій Кириллычъ хотя и у себя, но послѣ обѣда передъ всенощной почиваетъ, а потому, если ему есть надобность,— не угодно ли подождать

Дѣлать нечего. Сталъ дожидаться Мировичъ въ кабинетѣ. Онъ усталъ за день въ ходьбѣ по городу и сильно прого-

лодался. Комната, куда его ввели, была маленькая, душная. Пахло ладаномъ и къ тому какъ бы пригорѣлымъ, постнымъ масломъ. Со стѣны глядѣлъ портретъ какого-то толстаго, крупноносаго протоіерея. Въ пяльцахъ у окна стояло неконченное женское шитье по бархату. На столѣ у диванчика лежало нѣсколько тощихъ и сѣрыхъ тетрадокъ, въ четвертку, тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», двѣ-три книжечки академическихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», колода старыхъ игральныхъ картъ и въ кожаномъ, закапанномъ воскомъ переплетѣ, объемистая книга «Камень вѣры».

«Ну-ка, что̀ пишутъ о нашихъ дѣлахъ съ пруссаками?— подумалъ Миро̀вичъ, — какъ цѣнятъ наши побѣды и что̀ случилось новаго послѣ меня?» — Онъ сталъ просматривать «С.-Петербургскія Вѣдомости».

Новости этой газеты сильно опаздывали. Въ нумерѣ отъ 1 марта, вѣсти изъ Парижа были отъ 1 февраля, изъ «Гишпаніи» отъ 18 января. Гдѣ-то была даже просто ого̀ворка отъ редакціи: «Иностранныя газеты не бывали». О дѣлахъ Россіи съ Пруссіей ни слова.

«Ну, нашихъ газетировъ, — злобно усмѣхнулся Миро̀вичъ, — нѣмцы не будутъ сѣчь на Невскомъ, коли когданибудь возьмутъ Петербургъ!»

Онъ началъ перелистывать литературный журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія». Въ одной книжкѣ было длинное разсужденіе о кубовой краскѣ, въ другой — о строеніи погребовъ. Въ нумерѣ за январь была статья изъ англійскаго «Спектатора»: «Разговоръ между любовью и разумомъ». Миро̀вичъ, отъ нечего дѣлать, сталъ ее перелистывать.

Разумъ.—Весьма бы трудно было, любезная сестрица, сойтиться намъ съ вами.—*Любовь.*—Не вижу я благоразумія въ бракахъ, сдѣланныхъ только для одной корысти... Когда я возжигаю любовь, то возвышаю низкое состояніе до знатности, или повергаю высокое до подлости... Кто много разсуждаетъ — тотъ худо любитъ, а кто горячо любитъ — тотъ мало разсуждаетъ...

Миро̀вичъ закрылъ книгу, вздохнулъ и задумался. — «Это вѣрно!—утвердительно сказалъ онъ себѣ:—кто горячо любитъ, тотъ не разсуждаетъ».

На дворѣ, между тѣмъ, стало темнѣть. Ѣзда по улицамъ затихла. Въ сосѣдней комнатѣ чирикали стѣнные часы. Сверчокъ трещалъ вблизи за сундукомъ. Тяжелая, темная

лампада теплилась въ углу, у кіота. Мировичъ взглянулъ на иконы. — «Я былъ во тьмѣ, — подумалъ онъ, — и увидѣлъ свѣтъ... Да, я его увидѣлъ... Съ остріемъ шпаги у груди, меня ввели въ засѣданіе франмасоновъ... И я клялся быть совершеннымъ и справедливымъ. Я обновился, — иной становлюсь теперь человѣкъ. Болѣе не злиться, не проклинать. Всепрощеніе, вѣра въ людей и любовь къ нимъ, высокая любовь... Но кого я люблю болѣе всего? Поликсену... Да гдѣ же она? Ея нѣтъ... и неужели я никогда, никогда болѣе ея не увижу?»

За дверью, въ прихожей, раздался удушливый, старческій кашель. Шлепая туфлями, въ комнату вошелъ, въ халатѣ на мерлушкахъ, сгорбленный, сонный, худой и съ крючковатымъ носомъ старикъ. То былъ Рубановскій.

— Авдіенціи у государя ищете? просьбица есть?—спросилъ камеръ-фурьеръ, скрипя табакеркой и изъ-подъ кустоватыхъ бровей подозрительно щурясь на гостя.

Мировичъ объяснилъ, зачѣмъ пришелъ.

— Бабьи интрижки, сударь, кхе! смѣхи да волокитство!— продолжалъ Рубановскій, сердито тряся головой: — не по нашей части... гм!.. пустобрёшество одно! просимъ извинить... кхе-кхе! Часъ, въ онь-же ко всенощной добрые люди, а вы...

— Василій Кирилычъ, помилуйте!—заговорилъ, хмурясь, Мировичъ: — къ вамъ пришли, на васъ только и надежда. Вамъ однимъ можно знать, куда отъ двора отъѣхала дѣвица Пчёлкина... а вы...

— Не шаматонъ я гвардейскій и не шаркунъ! и любовными дуростями, сударикъ, не занимаюсь, вотъ что-съ!— свирѣпо набивая носъ, отрѣзалъ Рубановскій:—да коли бы и зналъ, то-бъ не сказалъ. У меня, сударь, дѣти, дочки.. А мало ли, не въ проносъ слово, не въ обиду сказать, нонѣ всякихъ шалберниковъ, совратителей дѣвицъ?

— Но я... Василій Кирилычъ, развѣ изъ такихъ! — возвысилъ голосъ Мировичъ: — и притомъ, какъ вы можете? это, наконецъ, обидно... афронтъ...

— Да не о тебѣ, батюшка, не о тебѣ... Что вскинулся! Экъ, испугалъ! Нечего пугать! Сами не изъ робкихъ... А что до твоей сударушки, такъ я и посесть часъ несвѣдомъ, гдѣ она, да—кольми паче—и знать мнѣ, слышишь, по моему рангу, не для чего... Дорожка, сударь, скатертью! дорожк...

склонивъ голову и сердито топчась на мѣстѣ, отвѣтилъ Рубановскій: — просимъ извинить и не осудить... да-съ, не осудить...

Бѣшенство проняло Мировича. Иголки заходили у него въ рукахъ. Не помня себя отъ ряда неудачъ и гнѣва, онъ вышелъ на улицу. — «Будь не старикъ, да не у себя въ домѣ,—сказалъ онъ себѣ, сжавъ кулаки:—я-бъ тебѣ, постнику, показалъ!» — Голова Мировича кружилась. Горло подергивали судороги. Съ трудомъ дыша, онъ, какъ пьяный, шатаясь, прошелъ нѣсколько шаговъ. На улицѣ кое-гдѣ тускло зажигались фонари.

«Куда же теперь?—злобно спросилъ онъ себя:—или идти къ государеву секретарю Волкову, добиться пріема и просить, за воинскія мои старанія и услуги, о розысканіи во что бы то ни стало дѣвицы Пчёлкиной? Ха-ха!.. Безуміе! За воинскія заслуги! Какія онѣ? Развѣ къ Разумовскому? Но онъ, послѣ моей стычки съ Юсуповымъ, совсѣмъ отъ меня отказался. Писалъ я ему съ походовъ не одну цидулку; онъ и не откликнулся... Неужели-жъ опять за границу, въ Кёнигсбергъ, когда армія и безъ того вотъ-вотъ повернетъ оглобли въ Россію?.. Есть, кажется, выходъ, и простой,—да подлые, малодушные люди! все ихъ тянетъ въ водоворотъ, въ суету, — уѣхать бы на Украйну, къ другу Якову Евстафьичу, или въ Кіевъ, выйти въ отставку, на тихомъ хуторѣ поселиться, въ раю...

За спиной его послышался окликъ. Его назвали по имени. Онъ оглянулся.

У Вознесенскаго моста стоялъ добродушный, невысокаго роста, круглый, съ краснымъ, въ веснушкахъ, лицомъ и съ манерами безпечнаго кутилы и щеголя, нѣсколько навеселѣ, лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ, пѣхотный офицеръ. То былъ дѣлившій съ Мировичемъ часть заграничнаго похода, его знакомый, поручикъ великолуцкаго армейскаго полка, Аполлонъ Ильичъ Ушаковъ. Онъ мѣсяцемъ раньше Мировича былъ присланъ, по фуражнымъ дѣламъ, изъ арміи въ Петербургъ, гдѣ и остался. Племянникъ знаменитаго Андрея Ивановича Ушакова, грозы розыскной экспедиціи прежнихъ лѣтъ, онъ давно промоталъ отцовское состояніе и жилъ аферами, дружбой съ повѣсами и мотами всевозможныхъ слоевъ и неизмѣннымъ посѣщеніемъ трактировъ, харчевень

и кофейныхъ домовъ. При деньгахъ онъ былъ веселъ и смѣлъ; безъ денегъ—тряпка-тряпкой.

— Камими судьбами? вотъ не ожидалъ! — воскликнулъ оперившійся въ Петербургѣ и бывшій въ эту минуту, точно на крыльяхъ, Ушаковъ!

— По службѣ; какъ и ты, разумѣется, съ порученіемъ!— отвѣтилъ, отвернувшись отъ него, Мировичъ.

— Ну, и гутъ, хохландія; значитъ, запылимъ! Хочешь, пойдемъ, сокрушимъ по маленькой? Финансы въ авантажѣ... Откуда въ сей моментъ?

Мировичъ указалъ назадъ, за церковь.

— Отъ Дрезденши?—спросилъ, не спуская съ него веселыхъ, на выкатѣ смѣющихся глазъ, Ушаковъ.

— Отъ какой Дрезденши?

— Такъ ты Дрезденши не знаешь? шреклихъ!.. вотъ невинность, недоросль изъ Чухломы...

Мировичъ былъ не радъ этой встрѣчѣ и нетерпѣливо поглядывалъ въ ближайшій переулокъ.

— Голоденъ?—спросилъ, будто что-то вспомнивъ, Ушаковъ:—желаешь кстати и черепочекъ раздавить? желаешь, такъ угощу и разскажу...

— Кошелекъ забылъ,—отвѣтилъ Мировичъ.

— Экъ, дура, дура, дѣвка Тимофѣевна! — насмѣшливо сказалъ, обыкновенно уступавшій и благоговѣвшій передъ сдержаннымъ Мировичемъ, Ушаковъ:—а еще офицеръ прозывается!—Срамъ и всему воинству обида... Parole d'honneur... Не масонство-ли воспрещаетъ?.. Такъ и я, смѣю доложить, съ этого мѣсяца масонъ, хоть и не принадлежу къ вашему lata observantia... Дрезденши не знаетъ! Пойдемъ же; на угощенье товарища и у насъ хватитъ казны... Вонъ Дрезденша!..

И онъ, обернувшись, подмигнулъ съ набережной на красный фонарь особаго подъѣзда въ домѣ князя Леона Грузинскаго, неосвѣщенная часть оконъ котораго глядѣла на Вознесенскій проспектъ, а другая, въ веселыхъ огонькахъ, была обращена на берегъ Глухой рѣки (нынѣ Екатерининскій каналъ).

— Дрезденша, рыцарь ты мой, она же и Фёлькнерша, это вотъ что! и ты сію комедіянтскую фабулу послушай!— лихо выпрямившись, сказалъ Ушаковъ, замедлясь у крас-

наго фонаря:—жила она при покойной государынѣ не здѣсь, а подалѣе, въ домѣ Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Не повезло только ей тогда. Спознала государыня Елисаветъ-Петровна добронравная, что въ вольный домъ, въ австерію, къ Дрезденшѣ, множество статскихъ и чуть не вся гвардія ѣздятъ, не токмо на бильярдѣ, али въ кегли забавляться, но и ради чего иного. Была тутъ другая, Василій Яковличъ, приманка: аки-бы для музыки и въ услуженіе мужеска пола посѣтителей, было у нея не мало иноземныхъ и здѣшнихъ дѣвицъ, да все, душечка, ахтительныя красавицы... На бандорахъ, гитаркахъ, играли, пѣли и плясали... Окромя-же того, на вечеринки къ Дрезденшѣ, съ другого хода, стали ѣздить, надо тебѣ тоже сказать, не одни мужчины, а и барыни-модницы, на свиданіе съ милъ-дружками, въ тайности отъ своихъ мужей. Ну, королевичъ ты мой, ревнивые глаза анъ видятъ еще подальше орлиныхъ!.. Донесли о томъ государынѣ. А Елисаветъ-Петровна, самъ ты знаешь, какъ любила такія явныя дурости, да шаматонства...

— Что-жъ она?—спросилъ Мировичъ.

— Отдала престрогій приказъ... И вся сія потайная и противная аки-бы добрымъ нравамъ торговлишка кончилась, братецъ ты мой, плохо, не токмо для Дрезденши, а и для другихъ. Съ нею пострадала и всѣмъ любезная Амбахарша, ея землячка, въ Конюшенной, и шведская поручица Делегринша, на Литейной. Но паче всѣхъ скопъ лютости упалъ на Дрезденшу!.. Ее выслали за границу, а всѣхъ ея соблазнительницъ зефиръ, безъ жалости, отправили на прядильный дворъ, въ Калинкину деревню. Кабинетъ-министръ Демидовъ производилъ тогда слѣдствіе, и многіе важные модники и барыни-щеголихи сильно притомъ поплатились. По именному повелѣнію государыни, астронома Попова, да асессора мануфактуръ-коллегіи Ладыгина отлучили отъ церкви, а потомъ повѣнчали въ соборной казанской церкви, да съ такими красавицами, что тѣ молодчики и не спохватились...

— Не слыхалъ я про то,—сказалъ Мировичъ.

— Гдѣ тебѣ слышать! Ты тогда еще въ бабки игралъ. Да не только посѣтители, — офицеры, поставленные на часахъ у заключенныхъ на прядильномъ дворѣ дѣвицъ,—и тѣ не устояли противъ лукаваго, ударились въ волокитство на караулѣ, захотѣли бандоръ да гитарокъ послушать, пѣсенкой

побаловаться, и за то подверглись также немалому афронту и несчастью... Такъ вотъ тебѣ, сударь, кто Дрезденша...

— Но изъ-за чего-жъ, изъ-за чего?—вдругъ уцѣпился Мировичъ:—не можетъ быть, чтобъ даромъ все это... мало-ли, куда внѣ фронта гвардія ходила и ходитъ... Кому какое дѣло?

— Правду ты сказалъ, Василій! всегда справедливъ и прозорливъ!—пріятно удивясь, отвѣтилъ Ушаковъ:—были и другіе резоны... Искали, не хаживалъ ли къ этимъ восхитительницамъ близкій въ то время къ другой особѣ повыше— Бутурлинъ... Ну, помощница Дрезденши, Лизута Черная, подъ кошками и покаялась...

Мировичъ вздрогнулъ.

— Подъ кошками?

— Да...

— Экое варварство...

Пріятели помолчали.

— Но ты, Аполлонъ,—спросилъ Мировичъ:—ты сказалъ, что Дрезденша была выслана за границу?

— Да, была выслана, при покойной царицѣ. А какъ только на престолъ взошелъ нынѣ нами владѣющій государь-императоръ, такъ эта Дрезденша,—а за нею и другія ея землячки, — вновь, и еще съ бóльшею бомбардирáдой, проявились здѣсь, сѣли себѣ попрежнему—и вотъ она первая... любуйся!

— Не пойду, — сказалъ Мировичъ: — Боже Господи! кошки...

— Э, полно! тó было вонъ когда! вздоръ! пойдемъ. Теперь тутъ благороднѣе, вальяжнѣе, чище. И Дрезденша состарѣлась, и нравы смягчились. Внизу закуски и бильярдъ,— скажемъ: здравствуйте стакашки, канашки, каково поживали, насъ поминали? — а наверху, Василій, карты, бываетъ музыка и всякій тебѣ горе-отгонительный куплетъ увидишь...

Вздохнулъ голодный, раздосадованный неудачами Мировичъ и противъ желанія вошелъ за Ушаковымъ въ нижнее отдѣленіе ресторана Дрезденши.

Ему было не по себѣ. Онъ чуть не вслухъ бранился. «Тьфу ты, малодушіе, подлость!—ворчалъ онъ и язвительно улыбался:—чтó сказала бы Филатовна и какъ посудило бы начальство, если бъ увидѣли меня здѣсь?»

Первое, впрочемъ, что̀ бросилось ему въ глаза, при входѣ въ освѣщенную восковыми свѣчами, прокуренную кнастеромъ и полную шума и говора, нижнюю залу, было лицо сердитаго и важнаго генерала Бехлешова, такъ распекавшаго его тѣмъ утромъ за галстукъ и вообще за не въ порядкѣ оказавшійся его нарядъ. Надутый, суровый видъ генерала исчезъ. Онъ, съ растегнутымъ камзоломъ и съ веселымъ, безпечно-ухмылявшимся лицомъ, сидя въ углу, допивалъ четвертый, съ гданской водкой, пуншъ и, то-и-дѣло отирая лобъ и бѣлыя, полныя щеки, жадно слѣдилъ за бильярдною игрой. Не успѣлъ Мировичъ съ Ушаковымъ потребовать въ сосѣднюю комнату подо̀ваго, съ сигомъ и севрюжьей головой, пирога, не успѣлъ онъ «раздавить» съ нимъ по маленькой, а потомъ и по большой,—въ залу вошелъ, за полчаса такъ удивившій его строгимъ нравомъ, сосѣдъ Дрезденши, Рубановскій. Охранитель чести дѣвицъ, усердный молитвенникъ и постникъ, вынулъ пѣнковую, съ витымъ чубукомъ, трубочку, потребовалъ и себѣ здоровенный стаканъ пуншу и также усѣлся къ сторонѣ глядѣть на бильярдныхъ игроковъ.

«О, люди! — съ тайнымъ негодованіемъ подумалъ Миро̀вичъ,—просителя считаютъ за собаку, изреченія какія отпускаютъ. Сами же... А будь деньги, будь богатъ...»

Онъ, злобно передернувшись, громко разсмѣялся.

— Что ты?—спросилъ, обведя его глазами, Ушаковъ.

— Такъ, мерзости, братъ... Подлецовъ, ухъ, да какъ же много нынче на свѣтѣ развелось. Тѣсно отъ нихъ.

Проговоривъ это, Миро̀вичъ опять рѣзко, отрывисто захохоталъ.

— А ты знаешь настоящее средство отъ всякихъ, то-есть, навожденій?—спросилъ Ушаковъ.

— Какое?

— Выпьемъ, Василій Яковличъ, сотворимъ во благо еще... Или вашъ Obidienz-und-Unterfügungsact мѣшаетъ тому? Вздоръ... Жизнь, милый, вотъ какъ коротка и скучна... Да и родила насъ мама, что не принимаетъ и яма... Что̀ хмуришься? Аль подрядился на собакъ сѣно косить?.. Эй, малый, еще бутылочку рижскаго!

Подали пива, и опять подали. Изъ дальнихъ комнатъ доносились звуки музыки.

— Кутятъ гвардейцы,—произнесъ Ушаковъ.

— Дьяволы, анаѳемы!—опять, точно сорвавшись, сказалъ Мировичъ.

— Да о комъ ты это, разскажи?—спросилъ, уставясь на него, Ушаковъ.

Мировичъ вздохнулъ. Въ его черныхъ, безъ блеска, сердитыхъ глазахъ начиналъ свѣтиться дикій, блуждающій огонекъ.

— Изъ-за чего такія несправедливости? Ну, изъ-за чего?—произнесъ онъ, посмотрѣвъ куда-то въ воздухъ:—вѣришь ли, фу—какая тоска!

— Какія несправедливости?

— Да какъ же, посуди. Ну, какъ могъ человѣкъ, по контракту съ обществомъ и государствомъ, передать другимъ то, на что самъ не имѣетъ права,—располагать своею свободою, совѣстью, жизнью?

— Фю-фю!—засвисталъ, что-то смутно, лѣниво припоминая, Ушаковъ:—ты это по Мартинецу? Опоздалъ! Не знаю, братъ, этихъ вашихъ новыхъ откровеній; хоть и слышалъ о вашей ложѣ, ничего особаго въ ней нѣтъ... А вотъ въ «Трехъ глобусахъ», такъ соглашусь...

— Drei Weltkugeln, или ложа св. Іоанна,—это все едино, глупецъ!—презрительно и грубо перебилъ Мировичъ:—горе въ томъ, что всѣ въ темнотѣ, всѣ смотрятъ врозь. А сколько силой воли одного человѣка можно сдѣлать!..

— Да опять-таки ты не о томъ, ахъ, опять не туда,—отвѣтилъ, не обижаясь и весело замахавъ руками, замѣтно хмелѣвшій Ушаковъ:—я бы тебѣ все изложилъ, все... все... Только, канальство, надо бы вотъ зайти... Ну, да, слушай... ты вотъ куда взгляни, это чѣмъ пахнетъ? — сказалъ онъ, разставивъ передъ собой ладони:—слышалъ ты, какую силу забираютъ нѣмцы? Вездѣ, братъ, ползутъ, вездѣ, да не простые, самые патентованные, изъ Киля... Командиры полковъ назначены сплошь голштинцы: коннаго—Цобельтицъ, инфантеріи—Цеге-фонъ-Мантейфель... Крюгеръ, Одельрогъ, Кеттенбургъ, да Вейссъ, а въ кавалеріи—Лёвенъ, Лотцовъ, Шильдъ и дядюшка государевъ, новый генералъ-фельдмаршалъ, принцъ Жоржъ... Имена полковъ тоже измѣнены... Нарвскій твой уже не нарвскій, а Эссена; смоленскій, что въ Шлиссельбургѣ стоитъ, Фулертоновымъ прозывается... Иного колбасника-собаку даже не выговоришь, цѣпляется языкъ... А все-таки, ну вонъ, что хочешь, а я государя-

люблю... Добрякъ онъ, веселый, откровенный и ужъ простота... Видѣлъ ты его? И глаза у него такіе добрые, а хохочетъ, заливается, точно школьникъ... Одно—любитъ не наши поговорки... Я на вахтъ-парадѣ намедни его слышалъ... Душа человѣка! Скажи, въ огонь и въ воду пойду за него... Да ты, Василій, можетъ, катериновецъ?.. Признайся!.. Царёва жена подбираетъ, слыхомъ-слыхать, партію, да какую... И у Дрезденши, скажу по секрету, здѣсь иной разъ собирается главный ихъ притонъ. Давеча, какъ смеркалось, пятеро санокъ, должно, сюда съ медвѣжьей травли катили. Чтò имъ дѣлать! Кружатъ веселыя головушки, негдѣ удали дѣть!

— Катериновецъ! Петровецъ! — съ дрожью въ голосѣ, злобно воскликнулъ, обыкновенно сильно, мертвенно-блѣднѣвшій отъ возліяній, Мирòвичъ:—экъ разнесло ихъ! ха-ха! Тоже о партіонныхъ кличкахъ толкуютъ... Англія, что-ли, здѣсь, или французскіе парламенты? Плевать я хотѣлъ на клички, плевать! дуракъ! Гляди вотъ куда... Читалъ ты господина Руссо? читалъ его «Contrat social?» Ну, чтò тамъ сказано о правахъ человѣчества! Понялъ теперь о правахъ? То-то же. И если что по-правдѣ плохо у насъ, такъ это, что нашего брата, мелку сошку, вездѣ нынче считаютъ за ничто... собаками, какъ есть собаками... Ни нажиться, ни произойти въ чины...

Въ это время изъ бильярдной комнаты раздался взрывъ дружнаго и громкаго хохота. Перекаты его черезъ минуту возобновились.

Въ раскрытую дверь было видно, какъ молодцоватый и лихой, лѣтъ двадцати-семи-восьми, въ подбитомъ соболями кафтанѣ, огромнаго роста, съ римскимъ носомъ и замѣчательно-красивый артиллеристъ-гвардеецъ, обыгравъ старичка-маркера, съ кіемъ въ одной рукѣ и съ голландской трубкой въ другой, слегка перегнувшись и разставивъ обутыя въ дорожные ботфорты ноги, повторялъ: «пуць-пуць-пуць», и до слезъ хохоталъ среди комнаты. А тучный, съ кривыми ногами и желтымъ, отекшимъ лицомъ, маркёръ въ пятый разъ, кряхтя и охая, пролѣзалъ подъ бильярдъ и, съ тупо-удивленной недовольной рожей, принимался, по уговору, пить новый стаканъ холодной воды. Толпа зрителей—въ томъ числѣ Рубановскій и утренній генералъ — глядя съ своихъ мѣстъ на эту картину, въ неудержимомъ смѣхѣ

вскрикивали, хватались за животы и махали руками и ногами.

Мировичъ, оправивъ на себѣ кафтанъ и прическу, съ нервической дрожью, сказалъ Ушакову: «низость какова, а еще гвардейцы! Расплатись, Аполлонъ, да дай взаймы чуточку»...—И не успѣлъ Ушаковъ опомниться, — онъ торопливо протиснулся сквозь толпу и подошелъ къ артиллеристу, черты котораго были ему какъ-бы нѣсколько знакомы.

— Любители на бильярдѣ? — спросилъ онъ вѣжливо, косясь на него.

— Да-съ... а вы? — удивленно и бѣгло окинувъ его глазами, произнесъ гвардеецъ.

— И въ моей манерѣ эта игра не послѣдняя-съ!

— Такъ не угодно ли? — спросилъ, брякнувъ шпорами и улыбаясь, артиллеристъ.—Его улыбка была обворожительно-добрая, женственно-безпечная.

«Эка сволочь! — холодно и злобно про-себя усмѣхнулся Мировичъ:—а разрядился какъ!.. да какъ баба и смазливъ... букольки на вискахъ распомажены, точно прилизаны у болвана языкомъ...»

— Оно ничего-съ и съ охотой,—отвѣтилъ, пуще хмурясь, Мировичъ:—только извините, ха-ха! вотъ никакъ не пойму... Отчего это вы играете съ подлымъ слугой, а не съ кѣмъ-либо изъ благородной публики?

— О! нынче, сударь, я въ превеликомъ амбарѣ! — простодушно опять улыбнулся красавецъ-гвардеецъ: — никто вотъ — хоть тресни, а ни-ни! — не хочетъ со мной помѣряться.

— Въ такомъ разѣ, съ моимъ съ превеликимъ удовольствіемъ!—сказалъ, раздражительно торопясь, Мировичъ.

— На деньги, или тоже въ шутку, на подобный уговоръ?—спросилъ, насмѣшливо глядя на него и на присутствовавшихъ, гвардеецъ.

— Инъ хоть и на уговоръ!

Игра началась.

Съ первыхъ ходовъ Мировичъ, и безъ того блѣдный, еще болѣе смутился и оробѣлъ. Дрожащей рукой намѣтилъ онъ кій, угловато-ухарски повелъ плечомъ и нацѣлился. Его шаръ такъ ловко щелкнулъ шаръ противника, что гвардеецъ изумленно покосился на него и замялся.

— Можетъ-быть, вы, сударь, на деньги?—спросилъ онъ:— что̀ даромъ время терять?

— А вотъ ужъ мы сперва по-уговору-съ... смажемъ вотъ этого,—сказалъ Миро̀вичъ:—а потомъ хоть и этого... я не чинюсь... готовъ...

Кій опять щелкнулъ. За краснымъ съ громомъ въ лузу влетѣлъ бѣлый, за бѣлымъ опять красный шаръ. Игра была кончена.

— Пуць-пуць, или какъ вы тамъ, сударь! ха-ха! лѣзьте, значитъ, подъ бильярдъ,—неестественно зѣвнувъ и откидывая волосы, презрительно произнесъ Миро̀вичъ:—а для прохлады, не въ проносъ слово, испейте кстати и холодной водицы...

Артиллеристъ прикипѣлъ на мѣстѣ. Румянецъ залилъ его бѣлыя, женственно-нѣжныя щеки. Въ блестящихъ, карихъ, съ поволокой, глазахъ, выразились удивленіе, почти дѣтская досада и невольный стыдъ. Онъ бросилъ растерянный, робкій взглядъ по сторонамъ, подумалъ: «вотъ бестія! а уговоръ исполнять слѣдуетъ, — расплачивайся!» — и ловко скинулъ съ себя дорожный, расшитый золотомъ, на соболяхъ, щегольской гвердейскій кафтанъ.—Дѣлать нечего, онъ присѣлъ, съ улыбкой пролѣзъ на четвереньках подъ бильярдомъ и залпомъ выпилъ поданный хихикающимъ маркёромъ стаканъ воды.

— А что-жъ? другую партію! — сказалъ онъ, не одѣваясь: — три дня за медвѣдями охотились, только-что съ Волхова... будто промахнулась рука... Угодно ли?

«Оставь его, оставь!—шепталъ, дергая Миро̀вича за рукавъ, красный, какъ ракъ, Ушаковъ:—Катериновецъ вѣдь это!.. какъ бы онъ тебѣ не отплатилъ»...

Миро̀вичъ его не слушалъ. Игра возобновилась. И во второй разъ молодцоватый гвардеецъ, въ то утро посадившій на рогатину медвѣдя, полѣзъ подъ бильярдъ и опять пилъ поданную ликующимъ маркёромъ воду.

Зрителей надвинулось на эту картину множество. Явились, съ тоненькими кривыми сигарами и трубками, — другіе—военные, статскіе и моряки. Между ними протискался, въ ермолкѣ, въ ваточномъ халатѣ и въ плисовыхъ туфляхъ, самъ царевичъ, старикъ Леонъ Грузинскій, имѣвшій обыкновеніе въ такомъ нарядѣ, какъ хозяинъ помѣщенія, проводить бо̀льшую часть вечеровъ въ вольномъ домѣ Дрез-

дөнши. Послѣ новой, неудачной партіи, гвардеецъ остановился.

— Да вы заговорённый, — сказалъ онъ, отходя съ Мировичемъ къ сторонѣ: — попроворили какъ разбить... Не угодно ли въ такомъ разѣ и въ карты?

— Всеодолженнѣйшій слуга!—съ радостной дрожью произнесъ, не поднимая глазъ, и надменно поклонился Мировичъ.

— Такъ пойдемте на-верхъ, — сказалъ, опять облекаясь въ кафтанъ, гвардеецъ.

— Только я вотъ товарища что-то потерялъ изъ виду!— оглянулся Мировичъ:—коли проиграюсь, а счастье не вѣчно везетъ, не у кого будетъ взять здѣсь сикурсу...

— Въ долгъ повѣримъ, — съ усмѣшкой смѣрявъ пѣхотинца глазами, сказалъ гвардеецъ:—мы по простотѣ, сударь, безъ фасоновъ...

— И намъ, государь мой, фасоны не надобны!—съ достоинствомъ отвѣтилъ Мировичъ: — а въ долгъ, къ слову сказать, еще не игрывали...

Внутренней, витой лѣстницей они взошли въ верхнія комнаты Дрезденши.

«И этого-то человѣка и какъ стопталъ, разбилъ! — шептали между тѣмъ гости, при проходѣ среди нихъ щеголя-артиллериста и его побѣдителя:—всѣ пуандешпаны ему перемялъ этимъ лазаньемъ... Слыхано ли? Перваго въ гвардіи директора веселостей и всякихъ игорныхъ затѣй»...

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ гвардеецъ.

Мировичъ назвалъ себя.

— А вы?—спросилъ послѣдній.

— Цальмейстеръ гвардейской артиллеріи, Григорій Григорьичъ Орловъ, — отвѣтилъ красивый офицеръ, концами нѣжныхъ, въ кольцахъ, пальцевъ оправляя букли и на груди кружева.

«Онъ самый и есть! такъ вотъ это кто!»—подумалъ Мировичъ, съ новой, презрительной злобой вглядываясь въ пышущее здоровьемъ, румяное и удалое лицо Григорія Орлова, котораго онъ засталъ когда-то на нѣсколько мѣсяцевъ въ корпусѣ. Орловъ потребовалъ шампанскаго, бутылка котораго тогда стоила рубль тридцать копеекъ. Они чокнулись и выпили по нѣскольку бокаловъ.

— Коли въ карты, — сказалъ Орловъ: — такъ пойдемъ дальше.

Онъ провелъ Мировича въ слѣдующія комнаты. Тамъ увеселенія нѣкогда потайной, а нынѣ явной, модной австеріи — шли въ полномъ разгарѣ. Играли въ бирибú, въ ламушъ, въ тогдашній банкъ-фараонъ и въ «кàмписъ», любимую игру новаго государя и его голштинцевъ, въ которой каждый получалъ нѣсколько «жизней», и кто переживалъ, тотъ и выигрывалъ. Дымъ кнастера клубами стлался по комнатамъ, смѣшиваясь съ дымомъ сигаръ фидибусъ. Изъ большой сосѣдней залы явственнѣе доносились звуки венгерской струнной музыки, нанятой возвратившимися съ медвѣжьей травли гвардейцами. Тамъ шли танцы и слышались смѣхъ и веселые голоса итальянскихъ и французскихъ хористокъ придворной оперной труппы, любившихъ здѣсь дѣлить время въ обществѣ столичныхъ богачей.

Сама Дрезденша, она же и Фёлькнерша, пятидесятилѣтняя, набѣленная и плотная женщина, появлялась среди карточныхъ столовъ. Подбоченясь, она останавливалась передъ играющими; сѣрыми ястребиными глазами слѣдила за тѣми, кто побѣждалъ, съ возгласами: «Ach, Herr Je...», громко хохотала надъ тѣми, кто проигрывалъ, — предлагала яства и питія и исчезала во внутреннія комнаты всякій разъ, когда выходилъ какой-нибудь дебошъ. Военные звали Дрезденшу командиршей, моряки — адмиральшей, статскіе — тàнточкой.

Въ одной изъ игральныхъ комнатъ, куда, вслѣдъ за Орловымъ, вошелъ Мировичъ, за большимъ круглымъ столомъ сидѣлъ атлетическаго вида, девяти пудовъ вѣсомъ, съ мужиковатою повадкой и площадными французскими и русскими присловьями лицомъ, впрочемъ, очень похожій на старшаго брата — красавца Григорія, — расфранченный и раздушенный преображенскій сержантъ, Алексѣй Орловъ. Его окружали пріѣхавшіе съ медвѣжьей травли другіе гвардейцы. Здѣсь играли въ фараонъ. По просьбѣ богатаго товарища-однополчанина, Михаила Егорыча Баскакова, Алексѣй Орловъ металъ банкъ. Другіе, стоя, сидя и съ вынутой картой въ волненіи прохаживаясь, понтировали. Оживленіе было общее.

— Мѣсто, Ласунскій! дай пустить ерша, — подходя и

также беря карту, шепнулъ Григорій Орловъ невысокому, расфранченному въ серебряныхъ галунахъ, измайловцу.— «Не пускай его,—усмѣхнулся длинный, въ очкахъ и вялый съ виду, другой измайловецъ, Николай Рославлевъ: — безпремѣнно проиграется! намедни насилу ихъ розняли въ Волочкѣ съ Несвитскимъ и съ Хитрово»... — Да я не для себя, господа... parole d'honneur! — произнесъ Григорій Орловъ, указывая глазами на подведеннаго имъ новаго понтера. — Мировичъ долго не рѣшался ставить карты. — «Гвардейцы, катериновцы,—ухари, богачи,—мыслилъ онъ, замирая:—не пара... Съ ними свяжешься, не радъ будешь. Проиграешься, на днѣ моря найдутъ; выиграешь, какъ бы еще не кончилось, какъ тогда съ Юсуповымъ... Нѣтъ! два года терпѣлъ, не зарывался... Великій Руссо, учитель мой! Помню твои слова.. Силой воли, воли одного человѣка, все достигнешь... Баста, картъ въ руки не возьму».

У игральнаго стола шелъ оживленный, русско-французскій разговоръ. Слышался изрѣдка смѣхъ.

— Что-жъ, отче многомилостивый? — уставясь въ него и продолжая толстыми, жилистыми пальцами метать фараонъ, пробасилъ исполинъ Алексѣй Орловъ:—уважьте компанію-съ... отвѣдайте въ прусскаго короля счастья. Кому терѣть, кому въ теркѣ быть. Либо дупеля, либо пуделя... voyons, allez vite...

Кто-то изъ постороннихъ, ставя карту, прошепталъ:— «Была не была, отвѣдай еще, Хавронья!»—Мировичъ оперся рукой о столъ. Лица понтеровъ были ему неизвѣстны. Передъ нимъ лежала колода.—«Поликсена, далекая, дорогая, недобрая, выручай»,—подумалъ онъ, прикрывъ занятымъ у Ушакова червонцемъ пятерку, названіе которой начиналось одной буквой съ именемъ Поликсены. — «О-го, свернулъ овцѣ шею! Дана»,—пропустилъ веселымъ басомъ банкометъ. Ознобъ пробѣжалъ съ головы до пятъ Мировича. Онъ удвоилъ ставку на той же картѣ. Алексѣй Орловъ принялся опять метать и, снова вскинувъ на него удалыми, смѣющимися глазами, сказалъ: «Дана, сударушка, и эта-съ!»— Подошли новые игроки. Снизу явился и Рубановскій.— «Молодецъ, молодецъ! — шепталъ теперь старикъ Мировичу:—такому можно постараться... можетъ и найду!..»

Мировичъ не обращалъ вниманія на окружающихъ. Духъ игрока воскресъ въ немъ съ прежней, давно-неиспытанной

силой. Глаза у него помутились, ноздри расширились, духъ захватывало. Забылъ онъ и Руссо, и ложу св. Іоанна, и силу воли, и все. Загибая пароли и ставя уголъ на пѐ, онъ выигралъ почти сряду еще нѣсколько картъ. — «Экое счастье,—анаѳемское, дьявольское счастье!»—шептали кругомъ.—«Qui est ça?»—«А шутъ его знаетъ»...—«Да откуда взялся?»—«Григорій, что ли, привелъ»...—«Sacré nom! Невзрачный, а какъ загребаетъ».—«Но это случай, parbleu! не все же будетъ брать»...—Мировичъ, между тѣмъ, поднялъ глаза къ потолку. Держа колоду картъ, онъ подумалъ: «Пчёлкина... Поликсена... двѣ одинаковыхъ буквы въ началѣ имени и фамиліи... Попробуемъ еще такъ» — вынулъ пятерку пикъ, загнулъ на ней всѣ четыре угла и пустилъ такимъ образомъ все, что̀ было у него выиграно. Карта снова, къ общему изумленію, взяла.

— Банкъ сорветъ! что вы! — дернулъ за руку Алексѣя Орлова Бредихинъ:—гдѣ Баскаковъ?

— Съ Машутой амурится...—отвѣтилъ, указавъ на дверь, Хитрово.

— Mais allez donc,—шепнулъ брату Алексѣй Орловъ:—пусть броситъ амуры и выручаетъ... какого козыря притащили!..

Гурьевъ и Хитрово привели Баскакова. Понтеры разступились. Кто-то сказалъ: «Поздно, други; скоро станутъ гасить свѣчи. Не сбрызнуть ли поле?»—Подали шампанскаго. Ласунскій съ Рославлевымъ и Гурьевымъ принялись сводить мѣломъ счеты проигрыша, выигрыша, за карты и за вино. Посторонніе зрители стали понемногу расходиться. Гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько человѣкъ несвязно пѣли: «Ленъ, ленъ, молодой»... Раздавалось ухарское тренканье гитары. Хлопали пробки, звенѣли бросаемые о-полъ стаканы.

— Что-жъ, господа, если не хотите, если... я самъ готовъ метать банкъ! — сказалъ Мировичъ, неловко суя по карманамъ дукаты и рубли: — только въ этомъ и радость... Живемъ въ сумнительныя времена... Ахъ какъ, матушка, въ Кіевѣ хорошо... — вдругъ прибавилъ онъ, ни съ того ни съ сего.

Его душилъ смѣхъ, давно-неиспытанная веселость подмывала, раздражала. Онъ начиналъ несвязно болтать, за-

мѣтно покачивался. Глаза слипались. Хмель отъ выигрыша смѣшался съ хмелемъ отъ вина.

Григорій Орловъ переглянулся съ пріятелями.

— Если продолжать, такъ не лучше ли у меня? — сказалъ онъ: — или доиграемъ у князя Чурмантѣева! у него нынче рокамболь съ ужиномъ... просилъ прямо съ охоты...

Товарищи рѣшили, что къ князю Чурмантѣеву на Васильевскій далеко, лучше къ Орлову.

— А вы? — спросилъ Григорій Мировича: — сани мои готовы, и я живу на Мойкѣ, въ домѣ Кнутсена, возлѣ дворца.

— Знаю, знаю, — банкиръ! — а то хоть и къ Чурмантѣеву... готовъ! — отвѣтилъ, хватаясь за спинку стула, Мировичъ: — я пѣхотный, значитъ, не богатъ человѣкъ... инфантерія-съ... пѣхтура!.. одначе, нѣтъ... извините, господа! не уступлю никому, — ни-ни... Ахъ, какъ матушка, то-есть, въ Кіевѣ хорошо...

— А вы были въ Кіевѣ? — кто-то спросилъ, подойдя: — тамъ есть медвѣди?

Мировичъ мутными глазами молча посмотрѣлъ на него.

— Григорашъ, бери его! — сказалъ Баскаковъ Орлову.

— Но какъ бы онъ не учинилъ дебоша?

— Пустяки, бери...

Всѣ были согласны, что жаль такъ бросить среди ночи храбраго, охмелѣвшаго въ-конецъ армейца, котораго и фамилію какъ-то въ суетѣ забыли, да и его адреса теперь врядъ ли можно было добиться. Гвардейцы свели Мировича на улицу, посадили въ сани Григорія Орлова и повезли на квартиру послѣдняго. Но тѣмъ приключенія той ночи не были кончены.

Помнилъ впослѣдствіи Мировичъ, что когда его подсаживали въ сани, у подъѣзда Дрезденши, какой-то сгорбленный, въ камлотовой шинелькѣ, старичокъ протискался къ нему сквозь толпу провожающихъ и, ёжась отъ холода, шепнулъ: «Молодчина... козырь... и все пятеркой, пятеркой!.. умру, а найду»...

Припомнилъ также Мировичъ, что по пути къ квартирѣ Орлова вся эта развеселая и шумная ватага молодыхъ повѣсъ, гремя колокольцами, шумя и громко смѣясь, заѣзжала еще въ двѣ какія-то австеріи. Въ одной Мировичу услуж-

ливые весельчаки давали, для освѣженія, умыться, и опять играли на бильярдѣ и пили. Онъ притомъ былъ безмѣрно веселъ, также пилъ, шутилъ и даже пѣлъ какую-то ухарскую, плясовую украинскую пѣсню.—«Расходились орлята-шельмецы!»—толковали окрестные горожане, слыша сквозь двойныя рамы и ставни топотъ коней, звонъ гремушекъ, хохотъ и возгласы носившихся по морознымъ улицамъ, знакомыхъ забубенныхъ гулякъ.

Въ другой австеріи, а именно, у землячки и друга Дрезденши, Амбахарши, случился казусъ. Тамъ компанія разгулявшихся повѣсъ нежданно наткнулась на извѣстнаго и непримиримаго соперника силачей Орловыхъ, на бывшаго кронштадтскаго коменданта Шванвича.

Каждаго изъ Орловыхъ порознь въ борьбѣ Шванвичъ легко осиливалъ; двое же брали надъ нимъ верхъ. А потому между ними, разъ навсегда, было условлено, что если гдѣ-нибудь въ австеріи Шванвичъ встрѣтитъ одного изъ Орловыхъ, то они должны были немедленно уходить, оставляя въ его распоряженіи все вино, бильярдъ и красавицъ. Гдѣ же Шванвичъ заставалъ двухъ изъ семьи Орловыхъ, то самъ, безъ дальнѣйшаго разговора, долженъ былъ имъ уступать поле дѣйствій. Повѣсы ворвались въ австерію Амбахарши на этотъ разъ именно въ то время, когда изъ ея дверей вылетѣлъ во дворъ, вытолкнутый Шванвичемъ, третій изъ Орловыхъ—Ѳедоръ.—«Какъ? кому? лаптю кланяться? отступать?—гаркнулъ обезкураженному брату Алексѣй Орловъ:—нѣтъ, Ѳедя, дудки! secré nom! впередъ!»—Всѣ встали съ саней.

Въ комнатахъ Амбахарши поднялся невообразимый шумъ. Шванвичъ не уступалъ. Одни изъ гостей держали сторону Орловыхъ, другіе съ осипшими глотками кричали, что такъ нельзя, что они должны въ точности исполнить уговоръ. Шванвичъ увѣсистою лапой сгребъ опять за шиворотъ рослаго Ѳедора Орлова. На выручку младшаго птенца двинулся громадина Алексѣй... Два плечистыхъ буяна общими силами смяли противника, опрокинули его навзничъ, и Алексѣй Орловъ, съ налитымъ кровью лицомъ, вытащилъ подъ мышки блѣднаго отъ злости, брыкающагося моряка за дверь и, въ свой чередъ, столкнулъ его съ крыльца австеріи въ снѣгъ.

Товарищи потребовали съ Орловыхъ при этомъ случаѣ

новаго угощенія. Опять явилось вино. У Өедора Орлова оказался изорваннымъ рукавъ и текла изъ носу кровь. Алексѣй растиралъ снѣгомъ вывихнутые пальцы. Шумъ, гамъ и смѣхъ слышались изъ трактира далеко. Тутъ были и цыгане. Неугомонные гуляки перешли въ большой кегельный залъ и стали тамъ прыгать другъ черезъ друга въ чехарду. Мировичъ возилъ кого-то при этомъ на себѣ верхомъ... Григорій Орловъ, съ красивой, чернобровой цыганкой Аксюшей, подъ хоровую пѣсню и звуки бандуръ, снявъ кафтанъ и камзолъ, въ кумачной рубахѣ, размахивая платкомъ, плясалъ въ присядку трепака. Гремѣла опять пѣсня: «Ленъ, ленъ»...

Но когда толпа, вдоволь угостившись, двинулась къ санямъ, Алексѣй Орловъ, не доходя воротъ, вдругъ охнулъ и, съ окровавленнымъ лицомъ, упалъ среди двора на снѣгъ. Кто-то въ то же время кинулся отъ крыльца бѣжать по улицѣ...

— Tiens, comme il l'a balafré!—вскрикнулъ Бредихинъ, съ подоспѣвшими камрадами, въ силу поднимая Алексѣя Орлова, у котораго Шванвичемъ изъ засады была наискось разсѣчена лѣвая щека.

Нѣкто изъ толпы выхватилъ шпагу и съ крикомъ: «Такъ вотъ какова честь! вотъ подлость! смерть предателю!»—бросился въ догонку за убѣжавшимъ Шванвичемъ. «Удержать его, удержать,—всю улицу разбудитъ и переполошитъ!» — раздались у воротъ голоса. Непрошеннаго защитника привели обратно въ трактиръ. То былъ Мировичъ. Никто его не могъ унять. Пока суетились, перевязывая рану Орлову, онъ, не выпуская изъ рукъ шпаги, продолжалъ шумѣть и, съ пѣной у рта и скрежетомъ зубовъ крича: «убью измѣнника, убью подлаго труса!»—порывался къ двери.

Изъ толпы трактирнаго люда, съ краснымъ отъ возліяній лицомъ, озабоченно выдвинулся плотный, въ мѣховой епанчѣ, господинъ. Замѣтно покачиваясь, онъ нагнулся къ Мировичу, взялъ его ласково за руку и со вздохомъ сказалъ:

— Уймись, Василій Яковлевичъ, уймись... Видишь, и я, и ты... дали зарокъ, а сами...

— Balafré... зарокъ!.. у Чурмантѣева доигрывать... умру, а найду! — безсознательно повторялъ про себя Мировичъ, уносимый по улицѣ въ саняхъ Ломоносова.

Загоралась блѣдная заря. Домà, заборы и перекрестки

начинали вырѣзываться изъ темной морозной мглы. Сани, скрипя, остановились на берегу Мойки. Мировичъ взошелъ, шатаясь, на лѣстницу второго этажа, и какъ былъ одѣтъ, въ шляпѣ, въ шинели и въ башмакахъ, свалился на первый попавшійся диванъ и какъ убитый заснулъ.

V.

Слѣдъ найденъ.

Два года назадъ, а именно, въ началѣ зимы 1760 года, послѣ высылки Мировича въ заграничную армію, Пчёлкина обратила на себя вниманіе разомъ нѣсколькихъ придворныхъ вздыхателей.

Поликсенѣ тогда исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она подросла и стала не столько пригожѣе, сколько миловиднѣе, находчивѣе, бойчѣй. Ея сѣрые глаза, продолговатые, какъ у сфинкса, были также загадочны, безстрастны и насмѣшливо-холодны. Золотистые волосы, когда она ихъ не пудрила, густыми янтарными волнами падали съ ея сухой, строгой и гордо посаженной головы. Ухаживали за красивою, худенькою камеръ-медхенъ государыни военные и статскіе. «Пчелка златая, что ты жужжишь?»—сочинилъ, по слухамъ, именно о ней одинъ стихотворецъ, и городскіе модники распѣвали подъ клавикорды эту пѣсню. Первые столичные щеголи, на холостыхъ пирушкахъ, не разъ бились объ закладъ, что не пройдетъ недѣли—если они только захотятъ—Пчёлкина будетъ ими побѣждена. Заклады проигрывались. Вздыхатели ошибались.

Поликсену сердили ихъ преслѣдованія. «Безмозглые, противные!—дрожа и блѣднѣя, шептала она сквозь слезы: — и все потому, что я подкидышъ, ни роду, ни племени... По милости государыни, хорошо одѣта, въ моду вошла и нравлюсь всѣмъ,—вонъ цѣлая корзинка амурныхъ цидулокъ на полкѣ... И ужъ хоть бы ухаживали отъ сердца... Гнусные пустозвоны! Вертопрахъ этотъ, богачъ Нарышкинъ, слѣдомъ бѣгаетъ цѣлый мѣсяцъ; камергеръ Лоскутьевъ вздумалъ ухаживать, голштинецъ Цобельтишъ... Отъ уличной щеголихи къ актрисѣ, отъ актрисы... ну, и за нашею сестрой, за камеристкой, отчего не погоняться?»

Часто вспоминала и обсуждала Поликсена свое прошлое,—странное, не какъ у другихъ, — одинокое дѣтство, бѣганіе

по лѣстницамъ, коридорамъ и переходамъ стараго зимняго дворца и первыя сознательныя тревоги, рѣдкія радости, зато частыя горькія слезы босоногой швейки, потомъ ковёрницы у статсъ-дамы Апраксиной, и, наконецъ, кружевницы и камеръ-медхенъ самой государыни. По случаю одного изъ придворныхъ спектаклей, когда заболѣла какая-то актриса, ее начали учить по-французски, потомъ по-нѣмецки. Она оказала большія способности. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ задумалъ опредѣлить Пчёлкину въ оперный хоръ и поручилъ ее попеченію тогдашней первой пѣвицы Либеры Сакко, которая давала своей новой ученицѣ читать драмы, комедіи и повѣсти, и успѣла ее развить. Черезъ нее Пчёлкина ознакомилась и съ Руссо, прочла его «Эмиля» и кое-что изъ его философскихъ сочиненій.

Никогда не могла забыть Поликсена одного дня въ своемъ дѣтствѣ. Ее, рѣзвую и дикую дѣвочку, сильно побилъ въ игрѣ какой-то дворцовый злюка-арапченокъ. На ея угрозу: «вотъ, постой, чортъ лупоглазый, маменькѣ пожалуюсь!» — лупоглазый чортъ, скаля зубы и наставя черный кулакъ, ей отвѣтилъ: «никакой матери у тебя, рыжутка-Полька, нѣтъ и не было... да и отца не было!.. а ты, Полька, нищенка, подмётышекъ, сорочье дитё!»—«Какъ подмётышекъ, сорочье дитё?»—стала накидываться и допрашивать встрѣчныхъ и поперечныхъ дѣвочка. Ей объяснили, что дѣйствительно ее нашли въ опоркахъ какой-то шубейки, на кучѣ сѣнныхъ выгребковъ, подъ дворцовымъ конюшеннымъ крыльцомъ. Горько заплакала Поликсена, и съ той поры, забиваясь въ углы чернаго двора, все высматривала на сметьѣ сорокъ: какая ей будетъ матерью?

Прочла однажды Поликсена французскую драму, данную ей Либерой Сакко, и чуть не сошла съ ума. Въ драмѣ изображалась Орлеанская Дѣва, избранная Провидѣніемъ для совершенія великаго подвига. Съ той поры судьба Іоанны д'Аркъ не давала покоя Пчёлкиной. Ей грезились громкія дѣла, міровая слава, общая признательность. Нерѣдко дни напролетъ, въ гардеробной императрицы, она просиживала молча, какъ истуканъ. Ей мерещился вѣковѣчный, дремучій дубовый лѣсъ, мхи и скалы. Войско стоитъ у опушки. Сверкаютъ латы, гремитъ оружіе. Гонимый король, Карлъ VII, лежитъ у палатки. И вотъ, изъ лѣса, въ шлемѣ и съ мечомъ, выходитъ свѣтозарная дѣвица. «Я спасу

тебя, возведу на престолъ»,—говоритъ она королю. И эта дѣвица — Поликсена... Работа валилась изъ ея рукъ. Робъ-роны и блонды государыни долгіе часы она гладила совершенно остывшимъ утюгомъ, жгла воротнички, вышивала по канвѣ, вмѣсто алыхъ, синія и зеленыя розы. «Влюблена, влюблена», — шептали о ней подруги-камеристки. Явилась въ Петербургъ знаменитая ярославская ворожея, Варварушка. Всѣ у нея гадали. Обратилась къ ней и Пчёлкина. Она пробралась къ ней на Охту, съ женой Ипатьича, кучера государыни, въ платочкѣ и старенькомъ платьицѣ. Варварушка долго отказывалась гадать. — «Силы у меня ноньче нѣту-ти, въ косточки вся ушла»,—говорила она. Провожатая Поликсены положила передъ нею два рублевика и конецъ холста. Варварушка стала гадать на кофе. Кучеровой женѣ, страдавшей запоемъ, такъ и сказала: «Смерть тебѣ не скоро; блинкомъ подавишься, только оживешь».— Поликсенѣ предсказала двухъ молодыхъ и красивыхъ жениховъ.

— Оба будутъ тебя вотъ какъ любить, и за одного, дѣвка, ты бы и пошла, да не станется; не выйдешь и за другого.

— Почему?—спросила съ испугомъ Пчёлкина.

— Черезъ шумъ и черезъ кровь.

— Что же, милостивая, — вмѣшалась кучерова жена: — родственники они эти-то кровные межъ собой, или просто побьются?

— Не родные, а дальніе, и не побьются; только выходятъ черезъ кровь и черезъ шумъ,—подтвердила Варвара.

Кучерова жена приказала долго жить въ ту же зиму, опившись до смерти запеканки-перцовки, на именинахъ кумы, и никакимъ блиномъ не давилась. «Ну, и обо мнѣ знать ворожея наплела»,—думала, неравнодушно вспоминая гаданье Варварушки, Пчёлкина. Она читала «Эмиля» и вмѣстѣ отдавала дань вѣку — вѣрила снамъ и гаданьямъ. Когда въ числѣ воздыхателей подвернулся ей кадетъ Мировичъ, она, разглядѣвъ тогдашній скромный, простой и добродушный до глупости видъ влюбленнаго юноши, не разъ съ досадой спрашивала себя: «да неужели жъ этотъ?»—Ей льстили страстныя ухаживанья Мировича, его преданность. Но она гнала прочь всякую мысль о возможности остановиться выборомъ надъ нимъ. «Армейскій пѣхотный офицеришка будетъ — не велика находка!» — говорила она себѣ,

охорашиваясь, въ пышныхъ янтарныхъ локонахъ, передъ зеркаломъ. И вотъ, его нѣтъ, онъ разжалованъ, высланъ. Пожалѣла его Пчелкина, даже поплакала о его судьбѣ. Но прошелъ годъ, — о Мировичѣ ни слуха. Живъ ли бѣдный, робкій вздыхатель?

Наступила новая, особенно веселая зима. Придворные балы смѣнялись концертами, концерты—маскарадами. Покойная императрица любила, чтобы хорошенькія изъ ея свиты, не только фрейлины, даже камеристки, за-просто являлись поплясать въ ея присутствіи на обычныхъ куртагахъ.

— Пора Пчелкину замужъ отдавать,—объявила разъ государыня статсъ-дамѣ Аграфенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной, на одномъ изъ маскарадовъ, гдѣ Поликсена, съ другими изъ свѣтскихъ дѣвицъ, въ костюмѣ нимфы, танцовала минуэтъ съ наслѣдникомъ престола: — ишь, Петръ-отъ Ѳедорычъ какъ передъ ней ферлакуритъ.

— А и то правда, матушка-государыня,—отвѣтила Апраксина: — нуко-си, лѣтомъ и впрямь найдемъ ей жениха, а осенью, передъ филипповками, сыграемъ и свадьбу.

— Но у Пчелкиной чуть ли ужъ не припасенъ суженый, да онъ на войнѣ,—замѣтилъ кто-то при этомъ.

— Тѣмъ лучше, — сказала Елисавета Петровна: — выпишемъ молодца,—амуры раскончить... а къ той порѣ, чай, и войнѣ ужъ не бывать.

Въ концѣ той зимы подвернулся особый случай.

Служившій въ военной коллегіи, женатый на богатой купеческой дочкѣ Ульянѣ Пусловой, полковникъ Бехлешовъ— долженъ былъ везти въ чужіе края, на воды въ Спа, больную жену, и вызывалъ для нея, черезъ «Вѣдомости», знающую иностранные языки компаньонку. Ухаживанья Петра Ѳедоровича за Пчёлкиной не прекращались. «Пусть проѣздится»,—рѣшила имератрица, и стороной, черезъ Апраксину, велѣла посовѣтовать своей камеръ-медхенъ принять приглашеніе Бехлешова. Пчёлкина была изумлена и вмѣстѣ обрадована.— «Откуда такое счастье?—повторила она себѣ:— удаляютъ, кажись, отъ важнаго лица. Стало быть, я опасна... Вотъ что сулитъ и куда ведетъ жребій». — Она получила отпускъ до сентября, и въ маѣ, черезъ Дрезденъ и Вѣну, съ Бехлешовыми уѣхала за границу.

Поликсена часто писала оттуда Птицынымъ. Все занимало ее въ чужихъ краяхъ: невиданные нравы и обычаи,

отмѣнные отъ всего того, къ чему она приглядѣлась въ Россіи, роскошные сады и парки, чистота и красота нѣмецкихъ городовъ и деревень. Разнообразное и оживленное общество съѣхалось къ моднымъ цѣлебнымъ водамъ. Здѣсь былъ цвѣтъ разслабленной и изнѣженной тогдашней европейской аристократіи. Между больными было видно немало и раненыхъ на войнѣ, гремѣвшей невдали, въ разбитой русскими войсками Пруссіи.

Пчёлкина съ Бехлешовой посѣщала курзалъ, съ жадностью читала и переводила больной газетную болтовню и новые романы. На водахъ также произошло нѣсколько романовъ. У какого-то лорда австрійскій кирасиръ увезъ дочь; жена рейнскаго богатаго виноторговца бѣжала съ парижскимъ актеромъ. Поликсена тоже почувствовала себя неладно.

Полковникъ Бехлешовъ, привезя жену, думалъ пробыть въ Спа не болѣе недѣли, и жилъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Сопровождая жену и ея компаньонку въ прогулкахъ, онъ сперва былъ весьма сдержанъ, потомъ сталъ, какъ бы случайно, оказывать ту или другую услугу Пчёлкиной: съ заботливой вѣжливостью подсаживалъ ее въ экипажъ, приносилъ ей съ почты письма, покупалъ любимыя лакомства, фрукты, а разъ при женѣ подарилъ ей моднаго штофа на платье. Поликсена отъ подарка отказалась. Бехлешовъ началъ искать предлоговъ для бесѣдъ съ нею наединѣ.

«Что бы это значило?» — думала она, теряясь въ догадкахъ, и всякій разъ обрывала эти встрѣчи. Больной стало хуже. Она разнемоглась отъ измѣнившейся погоды и нѣсколько времени не выходила изъ своей комнаты.

Былъ теплый, влажный послѣ недавней грозы вечеръ. Бехлешовъ встрѣтилъ Поликсену въ небольшомъ саду при своей квартирѣ, попросилъ ее сѣсть на скамью и, послѣ нѣкотораго колебанія, шепнулъ ей:

— Волшебница! я отъ тебя безъ ума.

— Стыдитесь, полковникъ! — вспыхнувъ, сказала Поликсена: — у васъ славная, умная жена, такая [illegible], а вы... ведете себя, извините, какъ мальчикъ...

— Не ваша забота, — отвѣтилъ Бехлешовъ, загородивъ ей дорогу [illegible] — я все для тебя, все...

Поликсена [illegible] на него молнію изъ сѣрыхъ глазъ, оттолкнула [illegible] и молча ушла въ [illegible].

— Погоди жъ ты, рыжая гордячка! дамъ тебѣ отплату!— проворчалъ ей вслѣдъ взбѣшенный неудачей Бехлешовъ.

Любезничанья съ Пчёлкиной толстенькаго, сѣдого и короткаго ростомъ куртизана прекратились. За чаемъ, обѣдомъ и за ужиномъ онъ не говорилъ съ ней почти ни слова. Женѣ его стало лучше, и Бехлешовъ началъ укладываться, съ цѣлью возвратиться въ Петербургъ. Пчёлкина, чтобъ смягчить разладъ, собиралась просить его разузнать въ коллегіи о Мировичѣ, съ которымъ она переписывалась и отъ котораго, передъ выѣздомъ изъ Россіи, получила къ-ряду два нѣжныхъ письма.—«Спросить, не женихъ ли?—думала она:— нарочно скажу — женихъ... и побѣсится, и отстанетъ скорѣе... А чѣмъ же Мировичъ и не женихъ?—съ горечью прибавила она и вздохнула:—и влюбленъ, и вѣренъ... чего же больше?»

Сидѣла Поликсена какъ-то у себя наверху. Была ночь. Она дописывала письмо къ Птицыной о приключеніи съ Бехлешовымъ и задумалась. — «Вѣдь это, пожалуй, всегда такъ будетъ,—сказала она себѣ:—гдѣ жъ конецъ? И неужели выхода нѣтъ?.. Мировичъ! Ну, что онъ такое? Да какъ всѣ: добрый, незнатный, безродный, какъ и я; говорятъ, склоненъ къ картамъ, мотовству... Но отъ мотовства и отъ картъ можно еще исправиться, въ люди выйти... Молодъ,— остепенится... Слышно, имъ теперь довольны; даже за отличіе повысили... Но не то, все не то... Бѣденъ, и то пустяки... Жить нечѣмъ будетъ,—государыня поможетъ. Да о томъ ли я мечтала, того ли ждала!»

Поликсена остановилась писать. Воспоминанія вновь зароились въ ея головѣ: злой арапченокъ, сорочье дите, Іоанна д'Аркъ, съ мечомъ и шлемомъ, у опушки дремучаго дубоваго лѣса, предсказаніе ворожеи... кровь и шумъ...

Она сидѣла, склонясь горячимъ лбомъ на холодную, исхудалую руку. Слезы навертывались на глаза. Снизу по лѣстницѣ послышались шаги. Кто-то будто поднялся на нѣсколько ступенекъ и остановился.—«Мнѣ почудилось,—сказала себѣ Поликсена: — счастье! не дождаться мнѣ видно его... А у другихъ,—вонъ въ газетахъ, — только и говору, что о романахъ, о любви... И почему мнѣ не видать счастья? Почему къ другимъ оно приходитъ, да такое щедрое,— негаданно, нежданно?.. Мужья знатные, въ чести...»

Она опять взялась за перо.

Въ раскрытое окно мезонина виднѣлись очертанія окрестныхъ арденскихъ холмовъ и лѣсовъ, надъ ними—усѣянное звѣздами, тихое іюльское небо. Подъ окномъ былъ скалистый обрывъ надъ ручьемъ. Въ домѣ давно всѣ улеглись, заснули. На утро Бехлешовъ уѣзжалъ въ Россію. Недалеко оставалось до зари.

Пчёлкина медленно протянула руку къ чернильницѣ, обмакнула перо и стала вновь прислушиваться. Пламя свѣчи въ тяжеломъ шандалѣ будто колыхнулось. Видно, съ надворья пахнуло свѣжимъ передразсвѣтнымъ вѣтеркомъ... На коврѣ, за стуломъ, чтò-то шелохнулось... Поликсена подняла глаза: передъ нею, расфранченный, завитой и напудренный, съ пучкомъ лилій и розъ въ рукѣ, стоялъ кругленькій толстенькій Бехлешовъ.

— Добрый вечеръ, Поликсена Ивановна,—произнесъ онъ, робко улыбаясь.

Она вскочила, взглянула на дверь.

— Здѣсь и снизу заперто: тш!—сказалъ онъ:—мы одни... выслушайте меня...

— Чтò это значитъ? — спросила Поликсена: — какъ смѣете вы?..

Бехлешовъ протянулъ ей букетъ.

— Райскій цвѣтикъ, волшебница! — шепталъ онъ, не сходя съ мѣста:—сна нѣтъ, страдаю, томлюсь...

— Романъ! — усмѣхнулась Пчёлкина: — но, довольно! идите, сударь; не васъ мнѣ жаль,—вашей жены...

— Королева! зорька моя! — сказалъ, опускаясь передъ ней на колѣно, Бехлешовъ: — клянусь тебѣ, люблю... убей, только выслушай... Все бери, деньги, алмазы... Осчастливь, убѣжимъ...

Поликсенѣ вспомнились слова ворожеи.

— Все бери,—ничего не пожалѣю!—шепталъ Бехлешовъ, прижимая къ груди букетъ: — слово только скажи... Семью брошу, службу, хоть на край свѣта съ тобой... Озолочу, въ кабалу отдамся: сто душъ на Уралѣ на тебя отпишу...

Поликсена сложила руки.

— Какое униженіе, какой позоръ! — сказала она съ дрожью: — вонъ отсюда, слышите? вонъ! — бѣшено топнувъ ногой, продолжала она, указывая на дверь: — уходите; иначе, не гнѣвайтесь, подниму крикъ, разбужу весь домъ...

Бехлешовъ подошелъ къ ней. Она бросилась къ окну.

— Шагъ сдѣлайте,—вскрикнула она, указывая за окно:— брошусь туда... на вашей душѣ будетъ смерть...

— Стойте, стойте, — прошепталъ Бехлешовъ: — ужли на томъ и конецъ?..

Пчёлкина молчала. Негодующіе сѣрые глаза холодно и бѣшено смотрѣли на него отъ окна.

— Будешь меня помнить! — проговорилъ, уходя, Бехлешовъ.

Поликсена утромъ явилась къ больной, попросила свое выслуженное жалованье, отперла сундукъ, взяла свой паспортъ, узелокъ съ вещами и сходила на почту. Къ обѣду она вошла въ кабинетъ къ Бехлешову. Въ рукахъ ея были книги и газеты. Полковникъ, сидя у раскрытаго бюрò, сводилъ счеты. При входѣ Пчёлкиной, онъ слегка поблѣднѣлъ, но не оглянулся, будто ея не замѣтилъ.

— Ошиблись вы, Валерьянъ Ильичъ, — почтительно и сдержанно сказала Поликсена: — но болѣ васъ ошиблась я сама. Не знала я доподлинно, каковы нонѣ люди на свѣтѣ. Теперь знаю... Гнуснѣе, ничтожнѣе иного человѣка — охъ, ничего не найдешь...

Бехлешовъ упорно молчалъ. Лицо его слегка залила синева. Онъ тяжело дышалъ, попрежнему, не оглядываясь на говорившую.

— У васъ даже совѣсти нѣтъ, — съ горькой усмѣшкой продолжала Поликсена:—ужли-жъ и впрямь нѣту? И всѣ ли нынче таковы? Опозорить, погубить, раздавить бѣдную, нищую сироту — вамъ нипочемъ. Съ такою-де можно!.. Но не всѣ сироты одинаковы... Ошибаетесь... И не всякой непомнящей родства, подкидышу, по плечу грязь, ничтожество и позолоченное безчестіе, изъ-за куска хлѣба. Иная, сударь, вѣритъ и въ лучшую долю...

Губы Бехлешова шевельнулись. Онъ хотѣлъ чтò-то сказать и опять не отозвался.

— Вы молчите?—кончила Пчёлкина:—горды вы, чтобъ покаяться передъ такою пустошью?.. Подъ крыльцомъ въ выгребкахъ ее нашли!.. Будьте жъ вы прокляты, съ вашимъ богатствомъ и съ вашею низкой, одного токмо себя любящей душой... А это — данное вами, сударь, для чтенія... Вразумили вы меня окончательно многимъ изъ этого... особенно жъ вотъ этимъ: въ книгѣ я нашла къ вамъ письмо отъ вашей фаворитки изъ Россіи...

Поликсена бросила книги, газеты и найденное письмо на столъ, медленно вышла и въ тотъ же вечеръ, въ почтовомъ омнибусѣ, уѣхала въ Вѣну и далѣе въ Петербургъ.

Осенью минувшаго 1761 г. императрица сильно захворала, а въ декабрѣ скончалась. Пристроить Поликсену, съ Апраксиной и съ Шуваловымъ, она не успѣла — ни въ оперу, ни замужъ. Хотя, во время болѣзни государыни, Пчёлкину всѣ дворскіе волокиты оставили въ покоѣ,—имъ тогда было не до нея,—но Бехлешовъ не упускалъ ея изъ виду. Со смертью государыни все измѣнилось. Шуваловы пали. Вліяніе Апраксиной замѣнилось вліяніемъ Лизаветы Воронцовой. Къ новому году Бехлешовъ, благодаря покровительству своего родича, Гудовича, былъ назначенъ помощникомъ оберкригскомиссара, голштинца Цейца, и произведенъ въ генералы. Служебное значеніе его въ военной коллегіи, а съ нимъ и его связи повысились. Несмотря на возвратъ изъ чужихъ краевъ жены, онъ то посылалъ Пчёлкиной, черезъ ея подругъ, словесные поклоны, то письменно клялся ей въ неизмѣнной любви.

Поликсена колебалась недолго. По совѣту Апраксиной, она сходила къ Лизаветѣ Воронцовой, просить мѣста при супругѣ государя. Воронцова послала ее къ своей сестрѣ, Дашковой. Взглянувъ на худенькую и бѣдно-одѣтую камеристку стараго, ненавистнаго ей двора, надменная Екатерина Романовна презрительно улыбнулась и, отвернувшись, вполголоса сказала по-французски Никитѣ Панину: «какая дерзость! всякая горничная мѣтитъ въ наперстницы къ новой государынѣ».—Поликсена стала бѣлѣе стѣны, смѣряла взглядомъ Дашкову и молча удалилась.—«Сочтемся когда-нибудь!»—подумала она.

Оставшись за штатомъ, она рѣшилась не ждать болѣе ничего, не просить и не ходить ни къ кому, а выѣхать изъ столицы, скрыться въ такую глушь, гдѣ бы и слѣдовъ ея никто не могъ найти. Задумавъ это, она выискала случай, и въ срединѣ зимы 1762 года, послѣ похоронъ императрицы, не простившись даже съ знакомыми, на-скоро собралась, написала прощальное письмо—также уѣзжавшей изъ столицы актрисѣ Сакко, — и, безъ сожалѣнія, такъ быстро оставила Петербургъ, что ни Бавыкина, ни близкіе ея знакомые не знали, куда она дѣлась.

Ночная попойка заставила Мировича болѣе сутокъ не выходить сверху изъ комнатъ Ломоносова. Оба они скрывались тамъ, — одинъ отъ жены, другой отъ Настасьи Филатовны. У Ломоносова, вслѣдствіе невоздержности, возвратился особенный, судорожный, съ страннымъ и смѣшнымъ присвистомъ, кашель, которымъ онъ, какъ и опухолью ногъ, страдалъ въ послѣдніе годы. Ломоносовъ въ шутку называлъ его своимъ «соловьемъ». И этотъ соловей имѣлъ своеобразный обычай: онъ начиналъ въ немъ распѣвать именно всякій разъ, когда Ломоносовъ не выдерживалъ и заходилъ въ ресторанъ Иберкампфа, Гантовера или бывшей невдали отъ Синяго моста Амбахáрши.

Бесѣдуя съ Михаиломъ Васильевичемъ, въ кабинетѣ послѣдняго, о масонствѣ, о чужихъ странахъ и новостяхъ дня, Мировичъ вкратцѣ передалъ ему и о своемъ, такъ печально кончившемся, сердечномъ романѣ. Поликсены не было, и гдѣ она — рѣшительно нельзя было узнать. Ломоносовъ, выслушавъ исповѣдь Мировича, нахмурился.— «Вотъ она, судьба, — думалъ онъ, — чтò любимъ, чего жаждемъ, того и нѣтъ... И она-то что за птица? И чѣмъ онъ ей не пара? Писалъ, перестала отвѣчать... А можетъ, только прячется, испытываетъ молодого человѣка, каковъ онъ и будетъ ли вѣренъ ей?» — Хозяинъ и гость дѣлали разныя предположенія, судили, рядили. Міръ фантастическихъ грезъ охватилъ опять и не покидалъ Мировича. Ночью къ постели его слетались странные, тревожные образы: опять война, онъ раненъ, брошенъ гдѣ-то въ незнакомомъ городѣ. Соборъ залитъ огнями; пышные экипажи, разряженная публика. Кого-то вѣнчаютъ. Новобрачная сходитъ по ступенямъ паперти,—это Поликсена. Мировичъ въ рубищѣ, на костылѣ, пробирается сквозь толпу, хочетъ крикнуть—и просыпается...

Вечеромъ вторыхъ сутокъ дочь Ломоносова, Леночка, принесла наверхъ записку, доставленную съ придворнымъ лакеемъ. То было письмо къ Мировичу отъ камерфурьера Василія Кирилыча Рубановскаго.

«Любленія ради человѣческаго,—писалъ ему старый риторъ-бурсакъ, — отъ ветхаго и годами источеннаго древа, листвію зеленому и многоцѣнному, въ разумѣ же, дѣлѣхъ, а такожде и въ забавахъ искусствомъ умиляющу и всѣми дарами сіяющу, государю моему, подпоручику Мировичу,— поклонъ! А я,—государь мой и многомилостивый патронъ,—

дознался для тебя о мѣстѣ, гдѣ днесь пребываетъ лѣпо-кудрая и нравомъ достойная, искомая вами, отроковица Пчёлкина. А отъѣхала она, въ генварѣ, въ городъ Шлиссельбургъ и живетъ нынѣ тамо въ крѣпости бонною, сирѣчь—губернёркою, при дѣтяхъ вдоваго капитана гвардіи, князя Чурмантѣева. Числится же тотъ Чурмантѣевъ съ новаго сего года главнымъ приставомъ при тамошней статсъ-тюрьмѣ; а и какъ вамъ попасть туда, я не свѣдомъ. Цидулку же сію доставитъ вамъ камерлакей внутреннихъ аппартаментовъ покойныя государыни, Тихонъ Касаткинъ. Онъ же и отвозилъ дѣвицу Пчёлкину отъ двора въ городъ Шлюшинъ. Засимъ, а ревуаръ, здравствуйте... А о петеркѣ чудодѣйственной не забыть мнѣ отнынѣ и до вѣку».

Прочитавъ разъ и другой это письмо, Мировичъ передалъ его Ломоносову, а самъ поспѣшилъ внизъ—объясниться съ Касаткинымъ. Онъ возвратился радостный, взолнованный...

— Боже мой, слышишь? — вскрикнулъ ему навстрѣчу Ломоносовъ: — тайная государственная тюрьма! князь Чурмантѣевъ...

— Да, такъ написано и посланный то же подтвердилъ.

— Но знаешь ли ты, кто въ этой тюрьмѣ сидитъ?— спросилъ, уставясь въ него, Ломоносовъ.

— Не знаю, Михаилъ Васильичъ, почемъ мнѣ знать...

— Онъ... онъ!—продолжалъ, волнуясь и заглушая рвавшійся изъ груди судорожный, свистящій кашель, Ломоносовъ: — отъ колыбели! двадцать второй годъ онъ томится въ душномъ застѣнкѣ...

— Да кто же онъ?

— Царственный узникъ!.. помнишь, я тебѣ говорилъ?.. Богомъ назначенный, а людьми свергнутый, россійскій, природный царямъ и въ Россіи рожденный императоръ, Іоаннъ Третій, какъ его именовали въ актахъ, Антоновичъ!..

Леночка, видя смущеніе и даже какъ бы испугъ отца, присѣла въ темномъ углу, робко выглядывая изъ-за шкапа. Ломоносовъ всталъ, прошелся по кабинету, вздохнулъ, провелъ рукою по глазамъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Онъ ухватился за сердце, бросился къ рабочему столу и изъ потайного ящика, дрожащими руками, досталъ нѣсколько пожелтѣлыхъ, истрепанныхъ, печатныхъ листковъ.

— Оды мои! вотъ лучшія хвалебныя мои оды въ честь этого императора!—сказалъ Ломоносовъ, блуждающимъ взо-

ромъ глядя какъ бы въ нѣкоторую свѣтозарную даль:—я, государь мой, прибылъ сюда изъ Германіи лѣтомъ, въ правленіе именно этого младенца-царя... Ты поймешь, какъ мнѣ дорого это имя! Я писалъ отъ сердца, я былъ искренно, глубоко восхищенъ... слушай...

«Нагрѣты нѣжнымъ воды югомъ
«Ликуютъ свѣтло другъ предъ другомъ—
«Златой начался снова вѣкъ...
«Природы царской вѣтвь прекрасна,
«Моя надежда, радость, свѣтъ,
«Счастливыхъ дней Аврора ясна,
«Монархъ-младенецъ, райскій цвѣтъ!..»

— И ты знаешь? я пошелъ съ этими стихами въ прежній дворецъ, прочелъ ихъ передъ правительницей Анной Леопольдовной и младенцемъ, и она при всемъ дворѣ, въ благодарность, склонила мнѣ съ подушки августѣйшую головку сына... Понимаешь ли, что̀ я тогда чувствовалъ? Вотъ, смотри, читай...

— Странно!—произнесъ Миро̀вичъ:—стихи напечатаны, а я ихъ нигдѣ не встрѣчалъ...

— Они явились въ отдѣльномъ прибавленіи при «Вѣдомостяхъ»... Но ихъ отобрали, когда на престолъ взошла Елисавета; мало того,—ихъ жгли съ манифестами, указами, присяжными листами и другими актами, гдѣ только упоминалось имя этого несчастнорожденнаго...

— Манифесты были его имени?

— Какъ же! Четыреста четыре дня страна читала: «Божіею милостію, мы, Іоаннъ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій...»

— Извините меня, Михайло Васильичъ!—сказалъ въ глубокомъ изумленіи Миро̀вичъ:—мало я, какъ есть, знаю объ этихъ событіяхъ. У насъ въ корпусѣ о томъ молчали, за границей, видно, забыли... Слышалъ я отъ одного товарища и отъ Настасьи Филатовны, да смутно... Скупа она всегда была на этотъ счетъ. Какъ и почему все это произошло?

— Злополучные аргонавты! — отвѣтилъ Ломоносовъ:— роковое же, золотое руно, выпавшее имъ на долю, былъ императоръ-застѣнщикъ... Изволь, я тебѣ, что̀ знаю, когда-нибудь при случаѣ разскажу. Печальный трактамѐнтъ услышишь, печальный...

Онъ спряталъ листки обратно въ столъ, подложилъ въ каминъ полѣньевъ, сѣлъ въ кресла, закрылъ лицо рукой и

задумался. Мировичъ сидѣлъ возлѣ него, не спуская съ него глазъ, и ждалъ, чуть переводя дыханіе. Минутъ черезъ десять Ломоносовъ очнулся, но заговорилъ о другомъ. «Разспрошу Филатовну»,—подумалъ, уходя отъ него, Мировичъ.

VI.

Несчастнорожденный.

Дня черезъ два Ломоносовъ, поздно вечеромъ, позвалъ Мировича наверхъ и подвелъ его къ окну. Все небо было залито сѣвернымъ сіяніемъ.

— Сполохи отворённаго воздушнаго моря!—сказалъ Михайло Васильевичъ, наводя въ форточку новую изобрѣтенную имъ трубу.

Долго оба они слѣдили за пышными, будто двигавшимися, то розовыми, то голубыми огненными столбами. Вдругъ Ломоносовъ всталъ, прошелся по комнатѣ и опять сѣлъ.

— Эпокъ царствованія моей богини, — Елисаветъ Петровны,—началъ онъ, покашливая:—цѣпь ни вѣсть какихъ противорѣчій! И я тебѣ, государь мой, въ разсужденіе прерваннаго намедни нашего трактамѐнта доложу — не инако, какъ съ прискорбіемъ — много, много лежитъ грѣха на ея совѣтникахъ... Сколько она страдала, сколько ждала! Дщерь Петра — и не была допущена на родительскій престолъ... Всѣми была оставлена, и ей не помогали; отринута, пренебрежена, — и за нее не отмщали!.. Но сама героиня сѣвера о себѣ подумала... Слушай... Всѣмъ памятна ночь, на двадцать пятое ноября, семьсотъ сорокъ перваго года... Елисаветъ Петровна, богоравная, надѣла кирасу на платье, помолясь, сѣла въ сани и поѣхала, съ своими партизантами, въ преображенскія казармы. Тамъ объявила она себя императрицей, пошла съ вѣрными гренадерами въ зимній дворецъ и арестовала всю спавшую брауншвейгскую фамилію: правительницу государства, Анну Леопольдовну, ея мужа, добряка-заику, генералиссимуса Антона Ульриха, и ихъ сына, младенца-императора, Ивана Антоновича. Малютка былъ объявленъ самодержцемъ двухъ мѣсяцевъ отъ роду... Въ манифестѣ его назвали Іоанномъ Третьимъ; другіе же именовали впослѣдствіи Пятымъ и Шестымъ, памятуя древнихъ Іоанновъ. Была въ честь младенца-монарха выбита медаль, и на ней поднимавшаяся къ небу

императрица Анна вручила ему корону... Россія, отъ его лица, управлялась годъ и тридцать девять дней, а всего четыреста четыре дня...

Ломоносовъ остановился.

— Четыреста-четыре дня!.. И зато страдать годы, всю жизнь!—продолжалъ онъ:—гдѣ, въ какой странѣ, отыщешь подобный, столь трагическій и роковой исторіи примѣръ? Желѣзная маска? да и тому государственному узнику было легче...

— Спрашивалъ я Настасью Филатьевну, — проговорилъ Мировичъ;—чудныя дѣла.

— Ну, и что жъ разсказала она тебѣ?

— Сильно скорбитъ объ участи несчастнаго.

— Жестокая, жестокая издѣвка судьбы, — продолжалъ Ломоносовъ:—когда императрица Елисаветъ-Петровна привезла въ своей шубѣ, по морозу, низвергнутаго малютку-императора въ собственный свой дворецъ, — залилась она, добросклонная, слезами и воскликнула: «бѣдное дитя! Ты ни въ чемъ неповинно... Виноваты твои родители...»—Вышелъ вскорѣ манифестъ. Въ немъ было объявлено, что всю брауншвейгскую фамилію государыня, предавъ всѣ ихъ поступки забвенію, повелѣла съ надлежащею имъ честью и достойнымъ удовольствіемъ, отпустить навсегда обратно за границу—въ ихъ отечество. И повезли ихъ на родину, въ Германію. Но чего хотѣли добрые, того не попустили злые... Едва злосчастные странники, подъ надзоромъ генералъ-лейтенанта Салтыкова, пробираясь къ Кёнигсбергу, доѣхали до Риги, едва съ бывшей правительницы взяли тамъ присягу новой государынѣ, Елисаветъ-Петровна, по совѣту усерднаго Фридриха, своего лейбъ-медикуса Лестока, повелѣла имъ далѣе не двигаться. Въ то время, надо тебѣ сказать, изъ Голштиніи, съ великой тревогой, ждали въ Петербургѣ другого генерала, дѣйствительнаго камергера, барона Корфа, а съ нимъ родного племянника Елисаветы,— «чортушку, что жилъ въ Голштиніи», какъ звала царица Анна ненавистнаго ей принца Петра Өедорыча. Государынѣ шепнули — какъ бы германскіе родичи низложеннаго императора, въ отместку ей, не задержали на границѣ избраннаго ею наслѣдника. Но онъ благополучно прибылъ въ Петербургъ. И затѣяли его учить, а вскорѣ и женить. Пріѣхала инкогнито изъ Цербста, подъ именемъ графини

Рейнбушъ, — его невѣста, Екатерина Алексѣевна. Несчастнаго жъ правнука царя Ивана Алексѣича, съ семьей, стали держать въ рижской цитадели. Выгодно было пугать государыню. Ну, Лестокъ съ братіей и пугалъ. Щеголь и говорунъ былъ онъ, а ужъ сквернавецъ перваго ранжиру... На маковкѣ пудра, подъ маковкой тундра... Да что — не могу, не могу... Душа разрывается. Спроси другихъ, всякъ тебѣ нынче о томъ скажетъ.

Ломоносовъ смолкъ опять. Мировичъ, видя его волненіе, болѣе не разспрашивалъ. Ему и безъ него, въ эти дни, удалось узнать немало новаго. Филатовна была въ духѣ и, не то что прежніе годы, не стѣснялась. Питомецъ ея былъ теперь взрослый человѣкъ, и страшнаго тайнаго приказа уже третій мѣсяцъ не существовало. Тряхнула она своими воспоминаніями. А чего только по этому поводу не знала вдова лейбъ-кампанца, какъ отъ мужа, такъ и отъ его товарищей!

— Охъ, терпѣли высланные мученики, — разсказывала Мировичу Филатовна: — прожили въ Ригѣ болѣе года. А императрицѣ, свѣтъ-матушкѣ, доносили всякіе слухи и сплетни о задержанныхъ. Бывшая правительница ее-де не признаетъ, да не почитаетъ; а наперсница ея, фрейлина Менгденша, подбиваетъ-де ее къ бѣгству. Ходилъ, Вася, слухъ, будто правительница и взаправду покушалась бѣжать, въ мужицкомъ простомъ платьѣ, на кораблѣ. Изъ Риги ихъ перевели въ другую крѣпость. У Анны Леопольдовны здѣсь родилась дочь, Елизавета. Въ честь новой царицы назвали ее бѣдную... да не къ добру... Пробрехался въ Питерѣ спьяну одинъ камеръ-лакей, что вскорѣ снова ждать перемѣны, что быть опять царемъ Ивану Третьему. Твой землякъ какой-то, изъ старшинъ, писалъ другому, будто всѣ въ Питерѣ за Ивана, и это самое письмо было перехвачено... Да и фонъ-Минихъ съ Оптерманомъ, во время суда надъ ними, думая, что сосланная-то фамилія ужъ за границей, немало на нихъ плели.

— Гнусные трусы, себялюбцы! — произнесъ Мировичъ, не спуская съ разсказчицы пылавшихъ, негодующихъ глазъ.

— Такъ, такъ, Вася... А передъ тѣмъ пришелъ доносъ и о самомъ генералѣ Салтыковѣ, — чай, слышалъ о немъ? Онъ состоялъ при арестованныхъ. Ребенокъ-отъ импера-

торъ,—онъ въ ту пору былъ по четвертому годку—игралъ-де въ комнатѣ съ собачкой и ударилъ ее, этакъ шутя, по лбу ложкой. Нянька и спроси Иванушку: «кому-де, батюшка, какъ выростешь, голову отсѣчешь?» — А ребенокъ будто и отвѣтилъ: «Василію, молъ, Ѳедорычу», — сирѣчь Салтыкову. Вспрыгались тутъ отъ этакихъ вѣстей. Норовъ дитяти, вишь, сказывался преострый, догадливый. — «Сослать ихъ подалѣ, въ самую глубь Россіи!—сталъ твердить государынѣ лѣкарь ейный, Лештокъ: — безъ того-де тронъ твой новый непроченъ». — А тутъ поспѣлъ, съ волчьимъ совѣтомъ, и нѣмецкій король. «Не худо, — писалъ онъ государынѣ: — сослать Иванушку и его родителевъ въ такой уголъ, гдѣ-бъ о нихъ и память умерла... Въ вашей, молъ, странѣ, ваше царское величество, таковыхъ мѣстъ немало... Иначе ждите бѣдъ». — Таки-то рѣчи и порѣшили дѣло... Подумала свѣтъ-матушка-государыня, погадала и послала указъ: извѣстныхъ персонъ тайно отвезти въ городъ Ранибургъ, Рязанской, это выходитъ, губерніи. Снарядили бѣдныхъ, взяли, и по зимней стужѣ, въ метели и въ бездорожье, черезъ Калугу и Тулу, доставили въ Ранибургъ, въ началѣ весны. Приэтомъ ошиблись, Василій, конвойные и мало не завезли ихъ къ киргизамъ,—вмѣсто Ранибурга въ городъ Оренбургъ...

— Эка, варвары!—прошепталъ Мировичъ.

— Варвары? Слушай, другъ. То ли еще было впереди. На новомъ мѣстѣ несчастнымъ вышло хуже прежняго. Помѣстили ихъ, — о томъ мужу моему въ тайности сказывалъ опосля конвойный капралъ,—помѣстили въ ветхомъ и запущенномъ деревянномъ домѣ, гдѣ въ стары годы содержался въ ссылкѣ царевъ любимецъ, князь Меншиковъ. Не было тамъ ни годной провизіи, ни прислуги; вода гнилая, болотная. Принцесса была опять въ тягости. — Иванушка хворый. А тутъ въ Питерѣ снова пошли толки о возвратѣ къ правленію Ивана Антоныча. Осенью были страшныя казни: охъ! сама ходила — видѣла! А на допросѣ и не то еще подтвердилось... Въ гвардейскихъ полкахъ, другъ ты мой, такъ сдуру притомъ надѣялись, что говорили: наши, уповаемъ, и за ружье, въ такомъ разѣ, не возьмутся... А тутъ, по веснѣ, стала слышна новая молва... Въ городѣ шепотомъ, украдкой начали толковать, будто къ заключеннымъ въ Ранибургъ, — сама я слышала отъ кумы-протопо-

пицы, — дошелъ для сборовъ на церковь нѣкій, сказать тебѣ, раскольничій монахъ, и что онъ уговорился съ принцессою и съ принцемъ, тайно, съ ихъ согласія, похитилъ Иванушку, а дабы его укрыть, до возраста, среди своихъ единовѣрцевъ, бѣжалъ съ нимъ въ раскольничьи слободы, на Вятку, въ Польшу... Бѣглецовъ яко-бы настигли въ лѣсахъ подъ Смоленскомъ; монаха повезли на розыскъ въ Питеръ, а Иванушку въ Валдайскій монастырь... Да не отложить ли, Васенька, сказъ назавтра? Поздно, стемнѣло...

— Ахъ, матушка, вы моя родная, говорите, говорите! — сказалъ, ухвативъ за руки Филатовну, Мировичъ.

— Ну, послѣ такихъ слуховъ, Василій, въ рязанскую-то губернію къ заключеннымъ, какъ снѣгъ на голову, и прискакалъ нонѣшній нашъ енаралъ-полицмейстеръ, баронъ Корфъ. Ему велѣно было тѣхъ арестантовъ отвезти, подъ сильной стражей, еще далѣе, а именно въ городъ Архангельскъ, и оттолѣ ночью, по тайности, въ Соловецкій монастырь... Аки громъ сразила заключенныхъ эта вѣсть о новомъ переѣздѣ. Думали они, что ихъ везутъ въ Сибирь, въ тотъ городъ, гдѣ жилъ всѣми клятый Биронъ. — «Не видать мнѣ болѣ сына!—вопила, безъ памяти, принцесса:— прощай, Ваничка, мой царь, прощай навѣки!» Разлучили ее съ любимыми слугами и съ наперсницей, фрейлиной Менгденшей. Отобрали всѣ ея вещи, баулы, часы, дорогіе гребни, перстни... Сестру Менгденши я у Шепелёвыхъ послѣ видала, и она имъ про то сказывала... Аспиды, какъ есть, аспиды, послѣднюю атласну юпчёнку съ принцессы сняли, повезли ее въ простомъ платьѣ...

Бавыкина отерла глаза.

— Иванушку, по пятому годку,—продолжала она:—подъ охраной енарала Корфа, повезъ съ собой въ коляскѣ маіоръ, не помню, какого полку, а по прозвищу Миллеръ. Двинулись осенью, опять въ бездорожье, дождь, а потомъ въ снѣгъ и холода. Подводы впередъ и квартеры для ссыльныхъ готовилъ полковникъ — прости Господи! — Чёртовъ... Помню я его. Страшное этакое имя, а добрый былъ человѣкъ. Къ кучеру покойной царицы хаживалъ. Для сбереженія Иванушки велѣно ему было имѣть при коляскѣ нарочитаго солдата, а ребенка звать,—надо думать, въ напоминаніе о проклятомъ Гришкѣ Отрепьевѣ, — не иначе, какъ Григоріемъ, и, кого везетъ, никому не объявлять, а

верхъ въ коляскѣ держать повсегда закрытымъ. Пріѣхали путники къ Бѣлому морю... И хотя въ тайнѣ отъ всѣхъ держали тотъ отъѣздъ, только слухи о немъ все-таки дошли до Питера. Полковникъ Чёртовъ вдругъ, представь, тронулся умомъ, — Господень перстъ. А пока узнали о томъ и увезли его тоже куда-то, онъ, среди всякой пустоши, болталъ и о тѣхъ несчастныхъ. Болѣ, Васинька, ничего про нихъ не знаю. Таковъ-то нонѣ свѣтъ: самый онъ измѣнчивый, линущій; тлёю вездѣ пахнетъ... смертью..

Передавъ разсказъ Бавыкиной Ломоносову, Мировичъ, недѣлю спустя, улучилъ минуту и, будто мимоходомъ, спросилъ его, что̀ потомъ произошло съ бѣдными заключенными?

— Изволь, разскажу, — отвѣтилъ Ломоносовъ: — какъ сблизился я съ фаворитомъ покойной государыни, съ Иваномъ Иванычемъ Шуваловымъ, сталъ этотъ юный вельможа, а мой патронъ и другъ, ѣзжать ко мнѣ, на бесѣду о пользѣ наукъ и на уроки стихосложенія... Тутъ онъ иной разъ довѣрялъ мнѣ сказывать и о томъ, что̀ слышалъ о младенцѣ-императорѣ... «Гдѣ они теперь?» — спросилъ я разъ Ивана Иваныча. — «На твоей родинѣ, говоритъ, въ архіерейскомъ подворьѣ, въ Холмогорахъ». — Такъ у меня, другъ ты мой, сердце и замерло. — «А развѣ не въ Соловкахъ?» — «Коммуникаціи, — отвѣчаетъ, — по полугода съ берегомъ тамъ не бываетъ, такъ боятся этакъ-то поодаль держать... Да и ледъ съ осени помѣшалъ тронуться въ Бѣлое море». — «Какъ же они, спрашиваю, тамъ живутъ?» — «Иванушку, объясняетъ, порознь содержатъ отъ родителей и сестеръ... Внесли его, бѣднаго, въ монастырскій дворъ, закрытаго съ головой, чтобъ никто и не зналъ, гдѣ и кого тамъ спрячутъ?» — Тяжело стало здѣсь заключеннымъ. Въ Раненбургѣ, самъ понимаешь, всѣ были вмѣстѣ, да и свободнѣй жили, гуляли по рощѣ, по рѣкѣ. А тутъ не только за ограду двора, — изъ комнатъ на крыльцо ихъ не выпускали. Надо, впрочемъ, правду сказать о доставителѣ арестантовъ, о баронѣ Корфѣ: онъ сильно заботился о сосланныхъ. Но его отозвали, а надзоръ за секретными персонами поручили капитану Миллеру. По веснѣ принцесса родила второго сына, Петра, а черезъ годъ родила третьяго, Алексѣя, и отъ тѣхъ родовъ, на двадцать-восьмомъ году жизни, кончилась. Тѣло ея, по именному указу, было тайн

въ спиртѣ привезено въ Петербургъ и съ церемоніей погребено въ Александровской лаврѣ, рядомъ съ ея матерью, царевной Катериной Ивановной. Императрица, при похоронахъ, много плакала... Самъ я видѣлъ... Приставъ Миллеръ неотлучно находился при Иванушкѣ, чтобъ онъ въ двери не ушелъ, либо отъ рѣзвости въ окно не выскочилъ. Высокая деревянная ограда окружала дворъ, церковь, прудъ и дома, гдѣ поселились несчастные. Ворота постоянно были заперты тяжелыми замками. Въ такомъ уединеніи, унынія и скукѣ приставъ Миллеръ, какъ и капитанъ Чёртовъ, тоже было тронулся умомъ. Ему разрѣшили выписать и помѣстить съ собой жену, но съ тѣмъ, чтобъ и она, блюдя секретъ, въ принцевыхъ комнатахъ неисходна была... На десятомъ году Иванушка чуть не умеръ отъ повальной въ тѣхъ мѣстахъ какой-то злокачественной хворобы. На двѣнадцатомъ его разлучили съ Миллеромъ, коего наградили деревнями и перемѣстили полковникомъ фузилернаго какого-то полка въ Казань. Передъ его выѣздомъ изъ Холмогоръ, съ принцемъ одновременно произошли два весьма важныхъ событія...

— Какія?—спросилъ Мировичъ.

— А вотъ постой, стемнѣло, — растопимъ каминъ... Леночка, — обратился Ломоносовъ къ дочери, сидѣвшей тутъ: — глянь-ка, открыта-ль труба? — По словамъ однихъ, караульный солдатъ, а по увѣренію другихъ, изъ жалости къ мальчику, жена Миллера сообщила Іоанну о его происхожденіи.

— Что вы?—изумился Мировичъ.

— Отецъ принца, Антонъ Ульрихъ, до той поры, надо тебѣ сказать, жилъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ тюрьмы Иванушки и даже не подозрѣвалъ, въ какомъ небреженіи, за зеленѣющими противъ его оконъ вербами огорода, томился и чахнулъ его сынъ... Тутъ онъ умолилъ, сказываютъ, жену Миллера, и та, передъ выѣздомъ въ Казань, тайно съ мужемъ выучила принца молитвамъ и грамотѣ... Послѣ того Іоаннъ прожилъ въ Холмогорахъ еще пять лѣтъ... Чаша бѣдствъ еще не была переполнена... На семнадцатомъ году злополучнаго принца перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость...

— Но по какой же причинѣ перевезли принца въ Шлис-

сельбургъ? — спросилъ Мировичъ: — сколько теперь и въ корпусѣ я ни допытывался о томъ, никто не объяснилъ.

Михайло Васильевичъ затуманеннымъ взоромъ взглянулъ на него.

— Тотъ же лукавый и гордый Берлинъ, тотъ же безсердечный себялюбецъ Фридрихъ, загнавшій несчастныхъ въ ледяную могильную глушь, былъ тому причиной, а если хочешь, то и я самъ! — сдавленнымъ, глухимъ голосомъ добавилъ Ломоносовъ, поднявъ и опять безсильно опустивъ руки: — да, государь мой, я въ томъ виноватъ, — на мнѣ грѣхъ...

— Что вы, Михайло Васильевичъ, можетъ ли это быть?

— Не удивляйся! Именно такъ; слушай теперь ужъ до конца... Дивны дѣла твои, Господи... дивенъ перстъ Божій...

Нѣсколько мгновеній Ломоносовъ, понурясь, молча глядѣлъ въ разгоравшійся каминъ...

— Года за три до того,—или нѣтъ, постой, не такъ!—началъ онъ:—приходитъ разъ ко мнѣ въ лабораторію пребольшущій этакой, пустобородый, русъ волосомъ и ражій изъ себя купчина... Зовется тобольскимъ посадскимъ, Иваномъ Зубаревымъ. Проситъ образцы сибирскихъ рудъ испробовать въ академической лабораторіи. Подалъ я о нихъ аппробацію. Думалъ ли, что стрясется такое горе! Послѣ, представь, — образцы оказались не изъ Сибири. А между тѣмъ, онъ выспрашиваетъ о Холмогорахъ.—Вы, говоритъ, оттоль родиной; такъ и такъ, молъ, собираюсь туда торговать, коли казна не дастъ пособія на разработку рудъ. — Я съ нимъ сталъ водить компанію. Ну, не безъ того, что и въ герберги хаживали, по душѣ толковали... Зашла рѣчь и объ Иванѣ Антонычѣ. Сердце у меня всегда по немъ болѣло. Я, значитъ, то и другое ему о немъ и высказалъ. Слушаетъ купчина, а самъ на усъ мотаетъ.—«Вотъ бы,—вдругъ сказалъ онъ:—выкрасть бывшаго императора. То-то пошелъ бы сполохъ...»

— Что жъ вы ему на то?—спросилъ блѣдный, охваченный волненіемъ, Мировичъ.

— Привожу такіе и такіе статскіе и политическіе резоны,—«Какой,—говорю,—можетъ быть онъ государь?—онъ одичалъ, не учился».—Какъ попался Зубаревъ съ фальшивыми рудами, его въ сыскной приказъ. Но онъ оттуда далъ тягу. А черезъ годъ его поймали на посольской границѣ,

въ раскольничьихъ слободахъ, какъ шпіона прусскаго короля. Послѣ ужъ я вспомнилъ, что онъ крестился двуперстно, былъ раскольщикъ, да чуть ли къ тому и не скопецъ... Привезли его сначала въ Кіевъ съ бѣглыми конокрадами, потомъ опять въ Петербургъ. Тутъ онъ, въ тайной канцеляріи, по довольному увѣщанію, съ пристрастіемъ, ко всемъ Александру Ивановичу Шувалову и покаялся... Что же оказалось?.. Изъ приказа онъ бѣжалъ, черезъ Стародубъ, на Вѣтку, прямо въ раскольничій Лаврентьевъ монастырь,—куда передъ тѣмъ мѣтилъ и укрывшій Иванушку монахъ-бѣгунъ, — а оттуда пробрался чрезъ Кролевецъ въ Берлинъ. Бывшій въ нашей службѣ, выходецъ Манштейнъ представилъ его королю Фридриху. Фридрихъ далъ ему чинъ полковника своего регимента и послалъ его къ раскольникамъ. Тамъ, за обѣщаніе свободнаго выбора поповъ, онъ долженъ былъ подготовить бунтъ въ пользу Іоанна и затѣмъ ѣхать въ Архангельскъ,—куда къ веснѣ былъ снаряженъ прусскій король,— подкупить солдатъ и портомойку и похитить Ивана Антоныча въ Берлинъ... На дорогу Зубареву Фридрихъ собственноручно далъ тысячу червонцевъ и двѣ медали, съ портретами—своимъ и дѣда бывшаго императора. Во всемъ этомъ Зубаревъ сознался на допросѣ и вторично то же подтвердилъ передъ смертью, на исповѣди, въ тайной экспедиціи, гдѣ и умеръ... Не защити меня фаворитъ государыни, былъ бы и я на розыскѣ... Впрочемъ, спасло и то... о нашихъ рѣчахъ про Холмогоры Зубаревъ не сказалъ на розыскѣ ни слова. Чуть онъ все объяснилъ, въ Холмогоры поскакалъ сержантъ лейбъ-кампаніи Савинъ. Онъ въ наглухо закрытой каретѣ секретно ночью и вывезъ оттуда принца Іоанна... А приставу, сторожившему принца, объявили повелѣніе—никому не подавать ни малѣйшаго вида о вывозѣ арестанта, въ кабинетъ же рапортовать, что онъ, съ семьей, подъ его карауломъ находится, какъ и прежде, а за остальными наикрѣпчайше смотрѣть, чтобъ не учинили утечки. Савинъ доставилъ секретно Ивана Антоныча въ Шлиссельбургъ по веснѣ и всю дорогу отнюдь не смѣлъ ему говорить, куда онъ его везетъ и далеко ли будетъ то мѣсто отъ столицъ. Здѣсь принцу Іоанну дали прозвище колодника Безыменнаго, а ближайшими приставами надъ нимъ назначили какого-то прапорщика да сержанта... Фаворитъ Шуваловъ не мало удивлялся, что одинъ изъ нихъ

судился за убійство на экзекуціи солдата и помилованъ, съ переводомъ въ эту должность, а другого самого солдаты чуть не запороли, за жестокости,—такъ ихъ сквозь строй гоняли, а его въ крѣпость упрятали... Въ инструкціи приставамъ было сказано: кромѣ ихъ, въ казарму принца никому не ходить и его не видѣть; каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ, никому не говорить; и въ письмахъ въ домà свои не упоминать, гдѣ сами они находятся и изъ котораго мѣста пишутъ. Съ воцареніемъ новаго государя, въ прошломъ январѣ, главнымъ стражемъ надъ принцемъ назначили капитана гвардіи, князя Чурмантѣева...

— Вотъ случай! вотъ кстати!—радостно перебилъ Мировичъ. — Ахъ, Боже мой! всѣ эти дни я думалъ-думалъ... представьте, вечеръ-то у Дрезденши... тамъ именно толковали... и Рубановскій пишетъ...

— Не радуйся, Василій Яковличъ, не радуйся!—какъ бы не разслышавъ его, продолжалъ Ломоносовъ:— помни одно, строгостей въ этомъ, думаю, отнюдь не убавили... Тамошнему коменданту давно данъ такой приказъ, чтобъ въ крѣпость, кто бы ни пріѣхалъ, хотя бы генералъ, или фельдмаршалъ, или подобный имъ, никого не пускать. Но вотъ чтò еще ему добавили: что если и комнатъ его высочества, великаго князя Петра Ѳедорыча, камердинеръ въ крѣпость пріѣдетъ, то и того камердинера не пускать, а объявить ему, что безъ указа тайной канцеляріи—не велѣно. Много сатирствовалъ надъ этой добавкой къ указу фаворитъ покойной государыни... И тѣхъ инструкцій не отмѣнили...

— Умереть—не понимаю!—сказалъ Мировичъ: — изъ-за чего тутъ былъ упомянутъ великій князь?

— Упомянутъ онъ былъ здѣсь не даромъ... Въ то время наслѣдникъ особенно враждовалъ съ своей женой. А, разойдясь съ ней, по слѣпотству къ прусскому королю, онъ чуть въ конецъ не разошелся и съ государыней-теткой. Императрица до глубины души была возмущена такимъ шиканствомъ и противностями своего племянника. Примирить его съ женой ей не удалось, даже для вида. А въ поклоненіяхъ Пруссіи онъ былъ до того продерзостенъ, что не вѣрилъ побѣдамъ русскихъ и даже сообщалъ Фридриху тайные планы нашей арміи. Тогда-то одумавшійся канцлеръ Бестужевъ далъ Елизаветѣ совѣтъ: выслать племянника обратно за гра-

нцу, а на его мѣсто, въ наслѣдники русскаго престола, призвать изъ заточенія Ивана Антоныча...

— Быть не можетъ! — произнесъ, чуть не привскочивъ, Мировичъ:—опять на тронъ этого узника? желѣзную маску?..

— Вѣрь мнѣ, знаю это, какъ тебя вижу... Пять лѣтъ назадъ,—такъ кончу я печальную отповѣдь,—государыня Елисаветъ-Петровна объявила желаніе тайно видѣть принца Іоанна.

— И видѣла

— Одни говорятъ, что это свиданіе было въ домѣ Шувалова, на Невскомъ, у стараго дворца; другіе же, что государыня, при пособіи канцлера Воронцова, видѣлась съ принцемъ у Смольнаго, въ домѣ бывшаго секретаря тайной экспедиціи... Принца, подъ предлогомъ совѣта съ докторомъ, привезли на курьерскихъ къ ночи; рано утромъ онъ опять былъ въ Шлиссельбургѣ. Одѣли его въ дорогу прилично. Петербургскій форштадтъ онъ принялъ за слободу и не догадывался, съ кѣмъ, черезъ шестнадцать лѣтъ, ему пришлось снова встрѣтиться... Елисаветъ-Петровна на это свиданіе явилась въ мужскомъ платьѣ. Кроткій и важный видъ несчастнаго юноши глубоко ее тронулъ. Она взяла его за руку, несмѣло, подъ видомъ доктора, сдѣлала ему два-три ласковыхъ вопроса. Но, когда ничего не знавшій принцъ взглянулъ ей въ глаза и, въ отвѣтъ ей, послышался его жалобный, раздиравшій душу голосъ, государыня вздрогнула, залилась слезами и, прошептавъ окружавшимъ: «голубь, подстрѣленный голубь! не могу его видѣть!»—уѣхала и болѣе его не видѣла и о немъ не спрашивала... А на замыслы Фридриха освободить принца объявила: «ничего не подѣластъ король; сунется, велю Иванушкѣ голову отрубить»...

Ломоносовъ помѣшалъ въ каминѣ. Посыпалось нѣсколько искръ, но дрова, запылавшія вначалѣ, понемногу угасли. Въ комнатѣ окончательно стемнѣло. Столбы сѣвернаго сіянія сильнѣй разыгрались, пышно мерцая голубыми и розовыми полосами сквозь вѣтви безлистыхъ, глядѣвшихъ въ окно деревъ.

— Высылка за границу Петра Ѳедоровича, — заключилъ Ломоносовъ:—разумѣется, была отмѣнена. Но великій князь дознался о секретной встрѣчѣ тетки съ Иваномъ Антонычемъ. Онъ сильно сталъ опасаться этого тайнаго соперника и—странно сказать!—въ то же время, по природной добротѣ,

всѣмъ сердцемъ ему сострадалъ и сочувствовалъ. — Каковъ онъ, да гдѣ и какъ содержится? — допытывалъ во дворцѣ Петръ Ѳедорычъ встрѣчныхъ-поперечныхъ, распудренныхъ дворянчиковъ: — да что̀ онъ говорилъ съ государыней, въ какомъ мѣстѣ было рандеву и что̀ между нихъ, при той конверсанціи, условлено? — Точныхъ отвѣтовъ на это онъ ни отъ кого, разумѣется, не добился, а только больше и больше сердилъ безъ того недовольную государыню... Такъ прошелъ годъ и два, и цѣлыхъ пять... Со смерти императрицы, всѣ снова забыли о принцѣ... И живетъ онъ, двадцать-второй годъ живетъ въ застѣнкѣ, подъ замкомъ... И не видитъ, не слышитъ никого, кромѣ своей стражи. И врядъ ли знаетъ онъ, живы ли его родители, что̀ дѣлается на божьемъ свѣтѣ и гдѣ, на какомъ концѣ его былого царства находится его тюрьма... Что и говорить! царствовать онъ уже не можетъ: куда о томъ и думать!.. Да хоть бы на волю его, дать увидѣть свѣтъ, умягчить сердце бѣднаго, умъ... Ахъ, если бъ тебѣ удалось... побывать тамъ и узнать!.. только узнать... Да неужели-жъ не явится божьяго, сильнаго чуда, чтобъ избавить ни въ чемъ неповиннаго этого мученика?..

Ломоносовъ смолкъ. Въ темномъ углу, за шкапомъ, послышался подавленный вздохъ. Кто-то незримый тамъ тихо дышалъ и будто плакалъ.— «Неужели? — суевѣрно, съ шевельнувшимися на головѣ волосами, подумалъ Миро̀вичъ,— неужели духъ принца слетѣлъ и слушаетъ насъ?»—Ломоносовъ всталъ. За шкапомъ была его Леночка. Онъ притянулъ ее къ себѣ, осыпалъ поцѣлуями.

— Да за что же, за что? — повторяла, дрожа и ломая руки, потрясенная разсказомъ отца, дѣвочка:— ахъ, скверные люди!.. Какіе они злые!.. Иди, папа̀, къ царю — проси за бѣднаго...

— Слышишь, Василій Яковлевичъ? — произнесъ, прижимая дочь къ груди, Ломоносовъ:—слышишь?.. дѣти вопіютъ!.. А они вѣдь увидятъ царствіе небесное!..

— Я поѣду въ Шлиссельбургъ, къ приставу Чурмантѣеву!—сказалъ, отирая пылавшее лицо, Миро̀вичъ:—что̀ бы ни случилось, а я проникну туда; авось что-нибудь провѣдаю и о бѣдномъ, забытомъ всѣми затворникѣ... Генераловъ,

вонъ, даже фельдмаршаловъ туда не пускаютъ... ну, да посмотримъ—была не была...

— Эхъ-ма, старъ становлюсь, а то бы и я съ тобою покатилъ,—произнесъ Ломоносовъ:—погоди, не отыщу ли какой-нибудь, подходящей тебѣ въ ономъ любовномъ дѣлѣ, протекціи...

Ломоносовъ не могъ оказать пособія Мировичу. Выручилъ послѣдняго знакомецъ Григорія Орлова, князь Чурмантѣевъ, къ которому тотъ съ товарищами собирался, въ памятную кутежную ночь, доигрывать въ карты. Этотъ Чурмантѣевъ былъ отцомъ пристава шлиссельбургской тюрьмы. Мировичъ добылъ отъ него, черезъ Орлова, письмо къ его сыну Юрію Андреевичу, справилъ себѣ на выигранныя деньги полное обмундированіе, по новому прусскому образцу, нанялъ чухонскую тройку и поѣхалъ въ Шлиссельбургъ. Пріятель Ушаковъ оказалъ ему при этомъ случаѣ другую услугу, досталъ ему рекомендацію къ коменданту Бередникову, съ племянникомъ котораго оба они служили въ послѣднюю прусскую войну.

Шестьдесятъ верстъ, берегомъ Невы, а потомъ лѣсными, глухими проселками, мелькнули незамѣтно. Нѣкоторыя свѣдѣнія, переданныя камеръ-лакеемъ Касаткинымъ, сильно смутили Мировича. Тотъ, между прочимъ, сказалъ: «какъ было не уйти барышнѣ? За нею здѣсь такъ гонялись, что другая, не токма въ Шлюшинъ, на край свѣта бы ушла»...

— Боюсь я за тебя, боюсь, — толковала, провожая съ Ушаковымъ Мировича, все узнавшая отъ него Филатовна.

— Но, чего вы, смѣшно право, боитесь?

— Да вѣдь я жъ видѣла, Василій, сказываю тебѣ, какъ полосовалъ катъ на Сытномъ рынкѣ,—за эвтаго за самаго, за Иванушку, — первую статсъ-даму, Наталью Лопухину, а съ нею писаную красавицу Анну Бестужеву... Ой, смертный страхъ и вспомнить!.. Билъ тройчаткой въ клочья тѣло, разсѣкалъ въ кровь спины, тянулъ клещей изо ртовъ, при всемъ народѣ, языки... Куда ѣдешь? опомнись...

— Богъ съ вами, что вы, не бойтесь; не тѣ нынче времена, — сказалъ Филатовнѣ Ушаковъ: — вернется съ несомнѣннымъ успѣхомъ, свадебку сыграемъ...

— Тебѣ все свадьбы, шилохвостъ, блюдолизъ!—огрызнулась Бавыкина.

Была суббота въ концѣ четвертой недѣли великаго поста.

Мировичъ все это хорошо помнилъ, такъ какъ отлучка изъ Петербурга ему была разрѣшена только до Пасхи, на первый день которой императоръ собирался перейти въ новый, оконченный постройкой зимній дворецъ, и всѣмъ находившимся въ столицѣ офицерамъ былъ объявленъ приказъ: явиться въ тотъ день ко дворцу, на вахтпарадъ.

Отпустивъ чухонца, Мировичъ переночевалъ въ Шлиссельбургѣ, на постояломъ, побродилъ по городу и по берегу Ладожскаго озера, а когда стало смеркаться и въ крѣпостной церкви зазвонили къ вечернѣ, онъ прошелъ по льду къ крѣпости. Здѣсь у воротъ Мировичъ объявилъ, что привезъ письмо коменданту и приставу Чурмантѣеву. Его впустили въ крѣпость. Онъ взглянулъ на церковь. — «Спрошу когонибудь изъ богомольцевъ, какъ лучше пройти къ князю?»— подумалъ онъ, всходя на паперть.—Въ мягкомъ мглистомъ воздухѣ еще морозило, но уже слышалась близость недалекой весны и тепла.

VII.

Въ Шлиссельбургѣ.

Вечерня кончилась. Богомольцы стали выходить изъ церкви,—горожане—къ воротамъ, гарнизонные обыватели— по разнымъ угламъ крѣпости. Мировичъ обратился къ священнику.

— Письмо къ Юрію Андреевичу?—ласково спросилъ его плотный, рябой и бѣлолицый, съ темно-русой бородой, отецъ Исай:—отъ родителя, сударикъ, изволили доставить?

— Точно такъ-съ; комиссія отъ его отца—лично отдать.

Священникъ пожевалъ губами, погладилъ пушистую бороду. Онъ былъ большой добрякъ, но лѣнтяй невообразимый; день-деньской лежалъ у себя на диванчикѣ, даже иной разъ, лежа, и пищу принималъ отъ столько же лѣнивой, добросердечной и располнѣвшей дочери. А когда жилъ онъ въ селѣ, до перевода въ крѣпость, то ни плетня, ни канавъ не было у его двора, сарай много лѣтъ стоялъ безъ крыши, и лошаденки съ коровой пребывали на привязи на открытомъ воздухѣ, либо мыкались по сосѣднимъ дворамъ. Его и самого звали тамъ «попъ мытарь».

— Видите ли, какъ бы вамъ, то-есть,—въ раздумьѣ произнесъ отецъ Исай, косясь въ глубь двора: — князь нашъ

боленъ теперь, да и живетъ онъ не здѣсь, не съ нами се всѣми, а въ отдѣльномъ домѣ, за тою—вонъ видите—особок стѣнкой, за мостомъ... Эвось, макушечка-то... темной крыши макушечка... видно вамъ?

Отецъ Исай придержалъ рясу на правой рукѣ, кашлянулъ и указалъ на башню поверхъ высокой стѣны, замыкавшей особо-огражденное мѣсто въ лѣвомъ углу крѣпостного двора.

— Какъ же быть?—произнесъ Мировичъ.

— Да вамъ очень, тово... нужно?—спросилъ, поглядывая мягкими, сонными глазами въ лицо Мировича, священникъ.

— Еще бы... затѣмъ и ѣхалъ!.. издалека-съ!.. дѣло нетерпящее... и съ племянникомъ коменданта въ походѣ былъ... нельзя ли, батюшка, какъ-нибудь?

— Вотъ-вотъ... а вѣдь и не удастся, не удастся, пожалуй!—сказалъ, опять задвигавъ губами, отецъ Исай:—и ворота скоро запрутъ... и все! оно, если хотите, вольготнѣе у насъ нынче стало... вотъ и я въ крѣпости теперь, а не въ городѣ живу... только все еще, ой, какъ строго!.. Изъ Питера прибыли?

— Изъ Питера...

— И будете недовольны! а-а? сколько ѣхали!.. Развѣ вотъ что-съ: заверните-ка сюда... Это вотъ, за комендантскими, мои келейки. Обождите; попробую, снесусь цидулочкой съ княземъ. У насъ съ нимъ частыя передачи. Его гувернёрка и моихъ подросточковъ въ бурсу теперича готовитъ; сойдутся—чистый пинцыонъ... Третій мѣсяцъ ужъ этакъ-то живемъ; прежде не то было. Отслужилъ службу, да и за ворота въ Шлюшинъ... а теперь слободнѣе, при государѣ-то Петрѣ Ѳедоровичѣ... пожалуйте-съ.

Священникъ провелъ Мировича къ себѣ, усадилъ его, а самъ вышелъ отправить обѣщанную цидулку къ Чурмантѣеву.

— За письмомъ отъ князя пришли-съ,—погодя, сказалъ онъ Мировичу.

Онъ отворилъ дверь въ боковую, внутреннюю горницу. Мировичъ вошелъ туда. Тамъ, лицомъ къ окну, залитому блескомъ заходящей зари, стоялъ княжескій посолъ. Мировичъ вздрогнулъ, попятился: передъ нимъ была Поликсена.

Отецъ Исай увидѣлъ, какъ офицеръ и дѣвушка смѣшались, какъ въ лицахъ ихъ изобразилось недоумѣніе и радость, и какъ первый—горячо, вторая—растерянно протя-

нули другъ другу руки и нѣсколько мгновеній молчали, глядя другъ на друга.

«Вотъ оно чтò! влюбленныя, сирѣчь, пташки! тайная встрѣча! — подумалъ священникъ, отступивъ за порогъ и притворяя за собою дверь, — чего не бываетъ! и въ нашей трущобѣ свѣтъ жизни взойдетъ: Ревввку открывый, Исааку уневѣстивый... Исаійя, ликуй!»

— Какими судьбами? вотъ нежданно!—вся вспыхнувъ и чрезъ мгновеніе поблѣднѣвъ, произнесла Пчёлкина, въ загорѣломъ, сдержанномъ и мужественно-погрубѣвшемъ воинѣ узнавая черты когда-то застѣнчиваго, робкаго и до глупости влюбленнаго въ нее кадета:—откуда Богъ принесъ?

— Изъ арміи, васъ видѣть жаждалъ! — отвѣтилъ Мировичъ:—все бросилъ, службу...

— Узнали?

— Васъ-то?

Мировичъ не сводилъ тихо радостныхъ, сыпавшихъ искры глазъ съ Поликсены. Она, опустивъ руки и, по привычкѣ, слегка склонивъ голову, въ полъ-оборота, съ улыбкой, какъ бы чтò-то обдумывая, глядѣла на него.

— Нѣтъ больше вашей пастушки,—сказала она, шутливо хмуря брови:—не та, не та... не правда ли? Унесло время... Зачѣмъ пріѣхали?

— Все въ васъ то же, полноте! не измѣнились вы!—отвѣтилъ Мировичъ:—я только не выполнилъ завѣта... Не сталъ ни знатнѣй, ни богаче. Только васъ зато, видите, не забылъ... чуть вырвался, пріѣхалъ. Отчего вы не писали? отчего вдругъ замолкли? Или еще больше помучить хотѣли?

Поликсена усадила гостя рядомъ съ собой, еще разъ взглянула на него, ласково улыбнулась. Онъ сообщилъ ей о письмахъ къ Чурмантѣеву и къ коменданту Бередникову.

— Вотъ какъ устроилъ,—заключилъ онъ.

— Ну, можно ли,—сказалъ она:—какое дѣтство! изъ-за меня ѣхать, бросать дѣло. Стоило ли того! А сколько событій съ нашей разлуки, сколько перемѣнъ!

— Вы такъ исчезли, скрылись,—продолжалъ Мировичъ:—что и слѣдъ вашъ замело. Вѣрите ли, ужъ отчаявался, насилу васъ отыскалъ.

— А чтò здѣсь дѣлается, что здѣсь!—сказала Поликсена, указывая въ окно на мрачныя, внизу стемнѣвшія, вверху кое-гдѣ еще освѣщенныя зарей стѣны крѣпости:—слышали?..

И какъ васъ пропустили, какъ вы рѣшились явиться сюда?

— Если бъ вы были на днѣ моря, въ могилѣ, я бросился бы къ вамъ... Скажите, я кое-что слышалъ... кто васъ преслѣдовалъ. Назовите его... Отъ кого вы скрылись?

— Здѣсь могила,—отвѣтила Пчёлкина:—и знаете ли, слышали, кто здѣсь заключенъ?

— Знаю.

— Навѣки, вѣдь, съ дѣтства,—продолжала Поликсена:—ребенкомъ запертъ въ четыре стѣны,—безъ воздуха, свѣта, безъ живого людского слова, а онъ теперь ужъ не дитя, человѣкъ!

— Да,—произнесъ Мировичъ:—слышалъ я, не вѣрилось; не приведи Господь никому другому.

Внезапная мысль мелькнула въ головѣ Поликсены. «Отваженъ, смѣлъ,—подумала она,—попытаться?..»

— Вы хотѣли видѣть Юрія Андреича?—спросила она:—зачѣмъ?..

— Никого! васъ однѣхъ хотѣлъ я видѣть, васъ! — прошепталъ Мировичъ:—князь только предлогъ...

— И съ племянникомъ коменданта были въ походѣ?

— При мнѣ онъ былъ раненъ, подъ Берлиномъ, въ отрядѣ Хорвата, при бомбардировкѣ Галльскихъ воротъ. Я съ товарищемъ Ушаковымъ былъ и на его похоронахъ.

— Давайте, давайте скорѣе письма! — сказала, затормошившись, Поликсена:—приходите завтра. Сегодня ужъ поздно. Князь боленъ; но съ оглядкой, помните, къ намъ надо идти... Будьте осторожнѣй... Есть на то особая причина.

— Какая?

— Юрій Анреичъ заболѣлъ,—отвѣтила Пчёлкина, помедливъ:—недѣли двѣ назадъ, онъ сильно потревожился, испугался, какъ загорѣлось ночью въ казармѣ той персоны. Труба, что ли, въ печкѣ лопнула, затлѣлась перегородка, а тамъ и дверь.

— Что-жъ, спасли узника?

— Спасли, но князь свихнулъ себѣ ногу, какъ выбѣжалъ на морозную лѣстницу ночью, съ просонковъ. Всѣ, въ этомъ переполохѣ, потеряли головы. Казематъ починяютъ теперь, передѣлываютъ.

— А куда же дѣли, на время перестройки, принца?

Пчёлкина опять замолчала, прислушалась.

— *Пока стали* передѣлывать печь и чинить дверь, князь,

видите ли,—открою вамъ по секрету:—перевелъ принца въ свое помѣщеніе.

— Какъ? онъ и теперь у Чурмантѣева?

— Ну, да... у него... Никому князь не довѣряетъ... Только, ради Бога, молчите про это. Никому не скажете? даете слово?

— И вы видѣли принца? видѣли?—спросилъ, задыхаясь, Мировичъ.

«Какъ ему отвѣтить? чтò сказать?» —подумала Пчёлкина.

— Да... то-есть, нѣтъ,—отвѣтила она: — разумѣется, не видѣла... видѣть нельзя... Но если бы и случилось, вамъ чтò изъ того?

— Какъ? принца Іоанна? при такихъ строгостяхъ?

— Да, было бы чудо, не правда ли?—произнесла Пчёлкина:—комендантъ, всѣмъ извѣстно, строгій-престрогій, одна форма, машина, и не допустилъ бы принца перейти къ князю. Только самъ онъ, понимаете ли, виненъ въ этой печи; ну, и боится, что чуть не удушили принца... Не заслышь караульный дыма изъ сѣней,—все бы пропало... Теперь же молчитъ главный начальникъ, молчатъ и остальные.

— Чѣмъ же тутъ виноватъ Бередниковъ?

— Князь и его помощники неоднова̀ репортовали коменданту, что нужны починки въ томъ помѣщеніи, пророчили бѣду... По статуту, князь тоже долженъ былъ донести въ Питеръ, что комендантъ его не слушаетъ; и его, стало, есть доля отвѣта въ этомъ.

— Гдѣ-жъ помѣщается у князя принцъ?

— Нашего дома отсюда не видно, — отвѣтила Поликсена:—онъ въ два этажа, въ томъ вонъ дворѣ, за стѣной. Вверху мы помѣщаемся, внизу — караульные. У насъ семь комнатъ... Принцъ... ахъ, нѣтъ... даете ли слово молчать?

— Клянусь...

— Принцъ запертъ въ дальней, подъ замкомъ; тамъ и окно съ рѣшеткой. Одинъ ходъ отъ арестанта къ намъ, другой наружу, къ кухнѣ, гдѣ часовой. Съ той стороны комнату ему чистятъ; отъ насъ носятъ пищу. И ключи отъ дверей у князя.

— Кто-жъ носитъ пищу принцу?

— Самъ князь,—отвѣтила, подумавъ, Поликсена.

— Но онъ боленъ, вы говорите; какъ онъ можетъ прислуживать?

Глаза Пчёлкиной сверкнули досадой.

— Самъ, говорю, черезъ силу подаетъ, кому-же больше?— отвѣтила она недовольно:—хоть трудно, однако, другихъ не пускаетъ.

— А помощники князя? ихъ, слышно, двое...

— Да... но принцъ давно не выноситъ ихъ присутствія. Больно ужъ они его обижали, при прежнихъ старшихъ приставахъ. Знаете, какія строгости предписаны? Буде кто отважился бы освобождать арестанта, живого въ руки не велѣно его отдавать... А за непорядки и противности приставу, дозволено сажать его на цѣпь, пока не усмирится, а то бить палкою и плетью.

— Страшно! - сказалъ Мировичъ.

— Уходите, Василій Яковличъ, до-завтра. Но, ради всего святого, о слышанномъ отъ меня ни слова. Еще наговоримся... И, можетъ-быть, вы... или кто другой... мало ли... впрочемъ, это послѣ... Да вотъ еще, — не забудьте попросить князя и Бередникова о разрѣшеніи вамъ и впредь видѣться... До свиданія.

Мировичъ припалъ къ протянутой ему рукѣ.

«Ну, цѣлуются! — подумалъ подошедшій въ то время къ двери отецъ Исай, — дѣло идетъ на ладъ... На Ѳоминой, пожалуй, и свадьбу сыграемъ... Вотъ они, новыя-то времена!.. Уневѣстивый Исааку, открывый Ревеку»...

На утро Мировичъ явился къ князю Чурмантѣеву. Онъ не показалъ вида, что знаетъ, какая особа теперь гостила у него. Подготовленный Пчёлкиной, больной,—хотя и былъ въ постели,—принялъ Мировича отмѣнно-ласково. Онъ сказалъ, что ушибъ ногу на ледяной горкѣ, устроенной о масляной для его дѣвочекъ. Благодарилъ Мировича за вѣсти объ отцѣ и долго его разспрашивалъ о племянникѣ коменданта.

— Радъ будетъ старикъ услышать отъ васъ... А пока вотъ наша общая опекунша и утѣшительница, — сказалъ Чурмантѣевъ, обратясь къ Пчёлкиной: — и сиротъ, моихъ дѣвочекъ, досматриваетъ, и меня больного. Только недолго теперь, видно, быть ей съ нами! Улетитъ сѣра утушка за сизымъ селезнемъ,—прибавилъ князь, подмигивая гостю.

Поликсена его не слушала. Мысли ея были далеко.

«И здѣсь, чародѣйка, всѣхъ плѣнила и обворожила!»— [illegible]жно подумалъ Мировичъ. Онъ всталъ и обратился къ

приставу съ просьбой о дозволенiи продолжать ему визиты. Чурмантѣевъ потеръ переносицу.

— А комендантъ? — сказалъ онъ въ раздумьѣ: — развѣ вотъ что, сударь,—не играете ли въ шахматы? Нашъ старикъ великiй охотникъ.

— Игрывалъ, да ужъ давно, — отвѣтилъ Мировичъ: — развѣ для развлеченiя.

— И отлично, снесемся,—рѣшилъ приставъ:—зайдите къ нашему шефу, окажите решпектъ. Не снимутъ, чай, головы за то, что женихъ... извините, что такъ говорю... ну, влюбленный Адонисъ станетъ къ своей Филомелѣ хаживать, хоть бы и въ такой, прости Господи, гробовой трущобѣ, какъ наша... Не тѣ времена... У меня не дозволитъ видѣться, у него самого просите встрѣчаться...

Въ качествѣ искателя руки Поликсены, хотя и непомолвленнаго съ ней, Мировичу были разрѣшены посѣщенiя крѣпости. Комендантъ принялъ его холоднѣе и суше, чѣмъ Чурмантѣевъ. Но, когда въ слѣдующiй вечеръ Мировичъ проигралъ ему нѣсколько новенькихъ рублей, съ портретомъ Петра Третьяго, дѣло и тутъ устроилось.

— Юрiй Андреичъ проситъ за васъ,—сказалъ съ важностью Бередниковъ: — любовные, сударь, резоны извинительны. А проситъ, то пусть за васъ и отвѣчаетъ. Не крадете, впрочемъ, невѣсту, — сама идетъ за васъ... Приходя къ князю, не забывайте и насъ.

— А что, государынька, теперь, небось, и веселѣе стали,— спросилъ Чурмантѣевъ Поликсену: — эхъ-эхъ, опоздалъ я... Дай вамъ Богъ, дай... Я же, паче всего, теперь надѣюсь на вашу скромность... съ молодымъ человѣкомъ о чувствахъ можете, а о прочемъ-съ ни гу-гу. Понимаете?

Пчёлкина всѣми святыми клялась не выдавать тайны. Она, между тѣмъ, была далеко не по себѣ: провела безъ сна нѣсколько ночей, плакала и томилась, не помня себя.

Гарнизонъ къ Мировичу вскорѣ приглядѣлся. Часовые у воротъ крѣпости и у входа въ особый дворъ, гдѣ помѣщался главный приставъ, пропускали его безпрепятственно. Василiй Яковличъ заходилъ къ коменданту, бесѣдовалъ съ нимъ, игралъ въ шахматы, потомъ къ Чурмантѣеву, и оставался у послѣдняго нерѣдко до поздняго вечера. Въ разговорахъ съ Поликсеной и съ княземъ, онъ съ невольнымъ трепетомъ приглядывался къ стѣнамъ, прислушивался къ

мирной домашней хлопотнѣ, не мелькнетъ ли хоть нѣкое вѣяніе того, кто, какъ онъ зналъ, былъ гдѣ-то въ одной изъ этихъ самыхъ комнатъ, подъ одною съ нимъ кровлей, дышалъ однимъ съ нимъ воздухомъ.

Ничего не примѣчалось. Стѣны были нѣмы, либо оглашались смѣхомъ и бѣганьемъ дѣвочекъ Чурмантѣева, комнаты которыхъ были, какъ угадывалъ Мировичъ, смежны съ временной тюрьмой узника. Онъ даже разглядѣлъ въ глубинѣ дѣтскихъ покоевъ перегородку съ наглухо запертою дверью. За нею, очевидно, и былъ ходъ къ арестанту.

Поликсена, въ хорошую погоду, брала своихъ питомицъ и, въ сопровожденіи Мировича, выходила съ ними въ церковный садъ, либо за стѣны крѣпости. Дѣвочки рѣзвились, играли. Мировичъ велъ нескончаемыя рѣчи о прошломъ, о корпусѣ, о походѣ, строилъ планы о будущемъ, перебиралъ въ умѣ, какъ и когда ему приступить къ концу, просить о помолвкѣ и о назначеніи срока свадьбы. Поликсена слушала его съ раздраженіемъ, съ тайною болью въ сердцѣ. Ей было и жаль его, и досадно, жутко думать, что не тѣмъ были заняты ея мысли. «А тотъ бѣднякъ, тотъ застѣнщикъ, сидитъ и никто о немъ не помышляетъ!» — говорила она себѣ, разсѣянно внимая рѣчамъ Мировича.

Было рѣшено: едва Чурмантѣевъ переведетъ въ прежнее помѣщеніе ввѣреннаго ему затворника и оправится въ своемъ здоровьѣ, Поликсена уѣдетъ въ Петербургъ, остановится у Птицыныхъ и оттуда на свое мѣсто, къ дѣтямъ Чурмантѣева, вышлетъ другую няню.

— А тогда и свадьба, не правда ли? — спрашивалъ, вглядываясь въ нее, Мировичъ.

— Не уйдетъ отъ насъ,—отвѣчала она:—больше ждали, еще подождемъ... Не въ томъ дѣло. Ахъ, поймите же, не въ томъ...

— Да въ чемъ же?—спрашивалъ Мировичъ.

— Испытать васъ хочу, что вы за человѣкъ...

— Пытайте, налагайте искусъ, да тяжелѣе, поскорѣй.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! въ другой разъ... время идетъ, будьте готовы...

— Когда же?

— Увидите; будьте только готовы...

«Что у нея на умѣ?»—терялся въ догадкахъ Мировичъ.
Чурмантѣевъ обратился къ Пчёлкиной съ просьбой.

— Вы отходите отъ насъ,—сказалъ онъ ей наединѣ: — что̀ дѣлать. Судьбы законъ! помоги вамъ Богъ. Но, пока вы здѣсь, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мои дѣвочки при васъ отговѣли, а чтобъ ихъ шалости и бѣготни въ конецъ не досаждали принцу, начните, Поликсена Ивановна, хоть нынче.

Пчёлкина стала водить своихъ воспитанницъ утромъ и вечеромъ въ церковь.

Миро̀вичъ, въ ея отсутствіе, не удалялся отъ ширмы, за которою лежалъ въ постели больной Чурмантѣевъ. Онъ разсказывалъ князю о видѣнномъ и слышанномъ въ чужихъ краяхъ, перевязывалъ ему больную ногу, подавалъ лѣкарства, а когда Чурмантѣевъ въ томившей его лихорадкѣ страдалъ безсонницей, читалъ ему любимую книгу покойной жены князя, купленный ею гамбургскій переводъ на нѣмецкій языкъ «Робинзона Крузе».

Разъ,—то было на второй недѣлѣ пребыванія Миро̀вича въ Шлиссельбургѣ,—пришелъ онъ, по просьбѣ Чурмантѣева, передъ вечеромъ, изъ города въ крѣпость. Пчёлкина напоила больного и гостя сбитнемъ, взяла изъ-подъ подушки князя связку ключей, куда-то отнесла закрытый, съ закуской, подносъ, щелкнула въ дальней комнатѣ ключо̀мъ, помедлила, снова возвратилась и, положивъ ключи обратно подъ подушку князя, ушла съ дѣвочками въ церковь. Тамъ послѣ всенощной, онѣ и ихъ старуха-нянька должны были въ тотъ вечеръ исповѣдываться. Чурмантѣевъ остался съ гостемъ, къ которому за это время онъ невольно привязался.

Миро̀вичъ раскрылъ «Робинзона», прочелъ съ десятокъ-другой страницъ, и когда дошелъ до̀ того мѣста, гдѣ Робинзонъ отъ людоѣдовъ спасаетъ отца Пятницы, — изъ-за ширмы больного раздался тихій, а потомъ болѣе и болѣе явственный храпъ. Мучимый долгою безсоницей, Чурмантѣевъ на этотъ разъ крѣпко и сладко заснулъ. «Ну, пусть себѣ спитъ!» — рѣшилъ, понижая голосъ, Миро̀вичъ. Онъ закрылъ книгу, свѣчку перенесъ на другой бокъ ширмы, самъ плотнѣе пригнѣздился въ креслѣ, задумался и тоже сталъ дремать. «Кризисъ болѣзни, — мыслилъ онъ, — скоро встанетъ... Но какой искусъ на меня хочетъ наложить Поликсена? Куда ея мысли глядятъ? Себя не пожалѣю, а ужъ все, что̀ скажетъ, сдѣлаю...»

Долго ли, нѣтъ ли, сидѣлъ такъ, разсуждалъ и дремалъ Мировичъ, онъ этого не помнилъ. Но вдругъ онъ очнулся и сталъ прислушиваться.

Ему гдѣ-то, въ дальнихъ комнатахъ, явственно послышался скрипъ перегородки или двери и легкій шорохъ шаговъ. Точно какъ бы кто двинулъ мебелью, пошелъ и остановился. Сперва онъ подумалъ, что ему такъ померещилось, а потомъ, что звуки тѣ шли снаружи, съ крыльца, — изъ нижняго яруса дома... Шорохъ шаговъ затихъ, но опять возобновился. — «Няня, видно, — подумалъ Мировичъ, — прошла мимо меня, постлала дѣтямъ постели и теперь идетъ во-свояси... Такъ нѣтъ, и она отправилась ко всенощной...»

Дверь изъ ближайшей комнаты медленно, беззвучно полуоткрылась. На ея порогѣ обозначилась фигура человѣка. Мировичъ прикрылъ глаза ладонью, взглянулъ отъ ширмы на эту фигуру и остолбенѣлъ. Волосы невольно шевельнулись на его головѣ...

Въ дверяхъ, со свѣчей въ исхудалой блѣдной рукѣ, стоялъ сухощавый, футовъ шести ростомъ, съ длиннымъ прямымъ носомъ и выдающейся большою нижнею челюстью, молодой человѣкъ. У него были большіе свѣтло-голубые глаза, каштановая, чуть пробивавшаяся клиномъ бородка, и длинные, какъ у монаха, до плечъ спадавшіе бѣлокурые пушистые волосы. На немъ были—старая, заношенная, на-распашку, матросская куртка, грубая, бѣлая посконная рубаха, синіе, холщевые, полосатые шаравары и на босу ногу башмаки. Поразительно бѣлый и нѣжный цвѣтъ его лица показывалъ, что солнце никогда не роняетъ на него своихъ лучей. Видъ его былъ, какъ у нѣкоторыхъ схимниковъ-постниковъ, важно величавый и вмѣстѣ кроткій. Блуждающій, робкій и пытливый, какъ у дикаря, взглядъ былъ напряженно устремленъ впередъ. Полуоткрытыя, дѣтски-недоумѣвающія, блѣдныя губы что-то шептали. Завидя незнакомаго офицера, онъ нѣсколько мгновеній помедлилъ, отступилъ обратно въ сосѣднюю комнату и продолжалъ оттуда пристально, несмѣло смотрѣть.

«Неужели? — молніей пробѣжало въ головѣ Мировича:— неужели это *онъ*, царственный узникъ,—*онъ*—двадцать лѣтъ томящійся въ тюрьмѣ подъ замкомъ? И какъ онъ вышелъ? непостижимо! отомкнулъ, взломалъ задвижку? Перелѣзъ че-

резъ перегородку? или Поликсена, второпяхъ, забыла запереть дверь?»

— Подойдите! — раздался тихій, странно звенящій, раздиравшій душу, шопотъ:—о, умоляю! господинъ офицеръ, сюда...

Мировичъ подумалъ: «Поликсена!.. ей, бѣдной, придется отвѣтить за все!» — взглянулъ на спящаго Чурмантѣева, быстро всталъ и, не помня себя отъ смущенія и страха, на цыпочкахъ шагнулъ въ раскрытую дверь.

— Я духъ! безплотный! — шепталъ, озираясь, узникъ:— святой Григорій,—не бойтесь...

Сказалъ и замолчалъ, вглядываясь въ Мировича.

— Я душа принца Іоанна,—продолжалъ онъ:—меня въ заперти... о! спасите! гдѣ та ласковая?..

— Кто ваше... величество? — не спуская съ него глазъ, проговорилъ Мировичъ.

— Та... женщина.. тоненькая, — не знаю, какъ звать... святая Евфразія...

«Бредитъ... или сошелъ съ ума!—пробѣжало въ мысляхъ Мировича, — и какъ заикается, — едва его разберешь,— родная, знать, черта въ его фамиліи...»

— Какая Евфразія? — спросилъ, не двигаясь съ мѣста, Мировичъ.

— Да дѣвушка та... золотые волосы... пахнутъ ладаномъ, что ли... няня при дѣтяхъ этого!.. позови ее, батюшка-офицеръ...

Мировичъ молча глядѣлъ на колодника.

— Какого вы чина, извините, несвѣдомъ, — продолжалъ, жалко торопясь и заикаясь, узникъ: — сна нѣтъ, всё такіе сны... все ей, все, когда вырвусь отсель...

«Что слышу, влюбился въ Поликсену! — замирая отъ новаго страха, подумалъ Мировичъ, — такъ вотъ что... она проникала къ нему и скрыла отъ меня...»

— Ея нѣтъ... что вамъ угодно?

— Она новую книжку обѣщала, книжечку... листки...

— Какую?

Принцъ медлилъ отвѣтомъ. Недовѣріе, боязнь изобразились въ его лицѣ.

— Не бойтесь, — продолжалъ Мировичъ: — какія книги она вамъ приносила? Можетъ и я достану... ей передамъ...

— Лѣтописецъ краткій... родословіе царей... опять же...

Арестантъ остановился опять, боязливо поглядывая на незнакомца.

«Неужели книги Ломоносова? — подумалъ Мировичъ, — вотъ судьба—ожидалъ ли того Михайло Васильичъ?».

— Про царей тамъ,—продолжалъ узникъ:—про Петра и его брата, моего прадѣда, царя Ивана...

Волненіе болѣе и болѣе охватывало Мировича.

— Я вамъ все, какія угодно,—сказалъ онъ.

— Въ Маргаритѣ Златоустаго сказано, какъ погубили крестителя Іоанна... Я вѣдь, сударь, тоже Іоаннъ и меня Иродіада съ Фридрихомъ со свѣта гонитъ...

— Какая Иродіада?

— Читали вы про злющую? читали?—спросилъ, съ силой ухватя за руку Мировича, узникъ:—о! паки Иродіады бѣсится и пляшетъ, требуетъ главы!

Арестантъ замолчалъ. Глаза его сверкали бѣшенствомъ, ужасомъ и отчаяніемъ. Губы судорожно вздрагивали.

— Скажите,—вдругъ произнесъ онъ, улыбнувшись:—вѣрно рыжей-то нѣтъ ужъ на свѣтѣ?

— Кого?

— Да Петровны, сударь... царицы Лизаветы! — продолжалъ онъ:—не единъ убо звѣрь подобенъ женѣ злѣй... Змѣи и аспиды въ пустынѣ убояшася; Иродіада же на обѣдѣ его усѣчѣ.

Далѣе трудно было разобрать арестанта. Глаза его были широко раскрыты, губы, покрытыя пѣной, шептали безсвязныя слова.

— Государыня скончалась,—отвѣтилъ Мировичъ:—и притомъ, сударь, это была великаго сердца монархиня.

— Такъ померла? Иродіады нѣтъ болѣ на свѣтѣ?—чуть не выронивъ свѣчи, вскрикнулъ арестантъ.

Грудь его тяжело, порывисто дышала. Онъ не спускалъ глазъ съ Мировича.

— Кто-жъ нонѣ въ моемъ дворцѣ?—спросилъ Иванушка.

— Новый государь.

— Кто?

— Петръ Өедорычъ.

— Такъ... Вольнѣй будто стало. Добрый онъ? Будетъ прибавка провизіи? или останется двѣ полтины на обѣдъ и на все?

— Нѣтъ сомнѣнія, о васъ вспомнятъ.—сказалъ Мировичъ.

— Мучители, подло, — продолжалъ затворникъ: — нѣтъ сердца у женъ... Никого же, безстудная, щадитъ, ни левиты стыдится... ни священника чтитъ...

— Откройте, — прибавилъ онъ, помолчавъ и съ трудомъ подыскивая слова: — какой онъ изъ себя, этотъ новый царь?

Мировичъ вынулъ изъ кармана и подалъ принцу новый рублевикъ, съ портретомъ Петра Ѳедорыча. Тотъ жадно схватилъ его, поднесъ къ свѣчѣ и долго пристально на него смотрѣлъ.

— Силы, силы Давида! — шепталъ Иванушка, путаясь въ словахъ и задыхаясь: — слышите убо людіе, виждь Господи... невиненъ погребенъ...

Мировичъ опять не разобралъ нѣкоторыхъ словъ прица.

— Ваше благородіе, вы не здѣшній, помогите! — вдругъ обратился къ нему узникъ.

— Въ чемъ, государь?

— Уйти отсюда можно... по галлереѣ, въ окно, — зашепталъ арестантъ: — пилку мнѣ, пилку; рѣшетка, катеръ на озерѣ... на берегу-бъ лошадей... Лѣсомъ, горами!.. горы за озеромъ видны...

— Сударь! мнѣ васъ жаль, вотъ такъ жаль! — душимый слезами, проговорилъ Мировичъ: — но я присягалъ императору Петру Ѳедорычу... измѣнникомъ быть не желаю...

— Вы читаете, вѣрно умѣете и писать, — продолжалъ Мировичъ: — напишите вашему дядѣ-императору. Голову отсѣкутъ, а ужъ я ему ваше письмо доставлю. И если когда-нибудь, — сорвалось вдругъ отъ сердца у Мировича: — если вы и послѣ того будете также несчастны и угнетаемы, дайте мнѣ знать... я явлюсь въ вамъ... положу за васъ жизнь...

Принцъ Іоаннъ, съ удивленіемъ и дѣтскою радостью, глядя на Мировича, робко протянулъ ему руку, тронулъ его за плечо.

— Спасибо, — прошепталъ онъ: — они подло, а за васъ молиться буду...

— Чернилъ и пера не достанете, — продолжалъ Мировичъ, вынувъ записную книжку: — вотъ вамъ клочокъ бумаги и карандашъ... Выбросьте цидулку въ окно, въ форточку... Все откровенно изложите государю... Онъ добрый; лично не отзовется, вспомнитъ черезъ другихъ... Умѣете писать? два слова!..

Мировичъ не кончилъ. Сзади его послышался заглушен-

ный возгласъ, торопливые шаги. Онъ оглянулся: то была Полимсена.

— Безумцы! что вы надѣлали? скорѣе, скорѣй! — проговорила она, схвативъ за руку принца и увлекая его обратно въ его комнату:—спѣшите; дѣти раздѣваются, войдутъ сюда съ няней, и мы пропали...

Черезъ мгновеніе дверь Іоанна Антоновича была опять замкнута на задвижку. Пчёлкина бережно, мимо спящаго Чурмантѣева, вывела Мировича на крыльцо, возвратилась къ ширмѣ, вновь убѣдилась, что больной еще не просыпался, взяла у него изъ-подъ подушки ключи, заперла дверь къ принцу на замокъ, уложила дѣтей спать, погасила свѣчу и, горько, нервически рыдая, упала лицомъ въ подушку.

Въ слѣдующее утро Мировичъ явился къ Чурмантѣеву пасмурный, терзаемый ревностью, сомнѣніями, догадками.— «Такъ вотъ въ чемъ дѣло! — разсуждалъ онъ, — но какая причина заставила ее утаить отъ меня правду? Что у нея на умѣ? Та же сатанинская гордость, безуміе? Или судьба несчастнаго такъ ее тронула, потрясла, что она сама невольно стала къ нему неравнодушна? Мудренаго нѣтъ,— сколько было примѣровъ,—жены, дочери тюремщиковъ влюблялись въ заключенныхъ... отдавались имъ, бѣжали, или гибли съ ними...»

— Такъ вы видѣлись съ узникомъ? — угрюмо спросилъ Мировичъ Поликсену.

— Видѣлась... Ну, и что-жъ изъ того? Надо было помочь князю. Никому не обязана отчетомъ...

— Но зачѣмъ же вы скрыли отъ меня? Ужли не довѣряли?

— Ахъ, полноте... какое дѣтство!.. Дѣло ясно... Неужто не догадались? Не моя вѣдь это тайна... А досталась она вамъ, мимо меня, берегите ее свято... Шутить съ огнемъ опасно. Знаете, чѣмъ грозитъ здѣшній статутъ? Вы же притомъ военный; съ васъ взыщется строже.

— Знаю, знаю, — а вы все-таки не довѣрили мнѣ! Это обидно... Чѣмъ я заслужилъ?... Я ли не вызывался выполнить всякій вашъ искусъ, наказъ?

Поликсена пересилила себя. Ласковой кошечкой проникла она къ Мировичу, взяла его за руку, взглянула ему въ глаза съ довѣрчивой дѣтской улыбкой.

— О! много еще испытаній впереди! — сказала она: — другъ мой... вы не знаете меня! Жизнь передъ вами цѣлая,—

мало ли... все еще, всего можно ждать... А онъ-то, онъ! въ томъ же заточеніи, въ той же могилѣ вѣдь останется... и никто, никто не придетъ ему на помощь, не облегчитъ его судьбы.

Искреннія слезы хлынули и не дали кончить Поликсенѣ... Она плакала, не отрывая головы отъ плеча Мировича и какъ бы не чувствуя, какъ тотъ осыпалъ эту полную загадокъ, гордую и чуткую къ бѣдствіямъ ближняго, голову жаркими, давно сдержанными поцѣлуями.

Къ концу пятой недѣли поста, казематъ Іоанна Антоновича былъ эправленъ. Нога Чурмантѣева также настолько поджила, что онъ могъ подняться безъ костылей, и ночью, подъ своимъ надзоромъ, перевелъ арестанта Безыменнаго въ его прежнюю казарму, въ среднемъ этажѣ Свѣтличной башни.

Мировичъ торопилъ Поликсену къ отъѣзду, а самъ съ сердитой тревогой поглядывалъ на окна башни и все поджидалъ, не выкинетъ ли принцъ Іоаннъ въ форточку, или не перешлетъ ли ему какимъ-либо способомъ письмо къ государю? Ему вспоминалось, какъ онъ когда-то спасъ утопавшую, слабую собаченку. «Спасу и его» — повторялъ онъ себѣ.

Прошло еще нѣсколько дней. Форточка въ казематѣ арестанта была на-глухо заперта и никто письма отъ него Мировичу не приносилъ. Попытался-было Василій Яковлевичъ спросить Поликсену, была ли она при переводѣ принца отъ Чурмантѣева и въ какомъ настроеніи оказался при этомъ узникъ, чтò говорилъ и на кого и на чтò надѣялся? Поликсена жаловалась, что арестанта перемѣстили въ ночное время и въ такомъ секретѣ, что она о томъ узнала лишь на другой день.

Отъѣздъ Пчёлкиной въ Петербургъ былъ условленъ въ концѣ страстной недѣли. Въ исходѣ пятой, она пригласила Мировича на совѣщаніе къ священнику. Они остались вдвоемъ.

— Виновата я передъ вами, Василій Яковлевичъ,—сказала она, въ смущеніи опустивъ голову:—столько заставляла васъ тревожиться, ждать; объявляла, простите, — въ то время, — невозможныя дѣтскія условія. Теперь я вижу все ясно... Я васъ оцѣнила, я вѣрю вамъ...

Мировича подхватили эти слова, унесли въ седьмое небо. Его бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Онъ жадно слушалъ.

— Но я забыла, — продолжала, еще ниже склонясь лицомъ, Поликсена:—скажу вамъ откровенно... я упустила изъ виду главное, именно, свои собственныя къ вамъ обязанности. Если бъ случилось... ну, положимъ, если бъ все было кончено... скажите, что̀ принесу я вамъ сама? Вѣдь я сирота,—чай, знаете, безъ роду, безъ племени... Я бѣдна... притомъ мои привычки, мой несдержанный, строптивый нравъ...

— Не думайте о томъ, скажите слово, будьте моею, и ничего намъ больше не надо...

— Нѣтъ, нѣтъ! не говорите такъ... Я отъ васъ тогда въ шутку требовала; теперь, не шутя, требую того же отъ себя... Жизнь — вѣдь это тернистый путь; я узнала... Слушайте.

Она обернулась, подсѣла ближе къ Мировичу.

— Я выросла при дворѣ,—продолжала она:—сколько лѣтъ служила покойной государынѣ. И мною были довольны. Не оставятъ меня и теперь, авось, непричемъ. Такъ вотъ что̀ я придумала, — вотъ мое рѣшеніе... Довѣряю вамъ эту мою тайну.

Она остановилась, подумала.

— Поѣзжайте въ Петербургъ немедленно, завтра, даже сегодня и отпустите въ ящикъ, что̀ у дворца, вотъ это мое письмо.

Поликсена вынула изъ-подъ лифа запечатанный и обернутый въ бумагу пакетъ.

— На имя государя?—удивился, взглянувъ на надпись, Мировичъ.

— Да... государь самъ отмыкаетъ тотъ ящикъ, и прочтетъ это письмо. Выполнитъ онъ мою просьбу, я ваша... безъ того, простите, не могу... я прошу о пособіи...

Мировичъ сталъ отговаривать, доказывать, что ничего подобнаго не нужно. Поликсена стояла на своемъ.

— А если отвѣта не будетъ?—спросилъ онъ:—сколько-жъ опять ждать?..

— Не отвѣтятъ къ Пасхѣ,—ну, въ такомъ разѣ, даю слово, поѣдемъ отсюда на Ѳоминой...

Мировичъ съѣздилъ въ Петербургъ и опустилъ врученное ему письмо въ ящикъ у дворца.

VII.

Два Императора.

Было семнадцатое марта. Въ воздухѣ замѣтно тянуло тепломъ. Съ крышъ дружно капало. Снѣгъ на солнечныхъ пригрѣвахъ таялъ и исчезалъ. Ледъ вокругъ крѣпости посинѣлъ, взбухнулъ и, хрустя подъ ногами, пророчилъ близкое вскрытіе Невы. Изъ Шлиссельбурга утромъ шли рабочіе по льду въ крѣпость, ожидая, что къ вечеру на берегъ, быть-можетъ, придется вернуться на веслахъ. Туманъ далеко залегъ по озеру. Но подулъ крѣпкій, порывистый вѣтеръ и сталъ его разгонять. Къ ночи поднялась сильная съ-метелью буря. Она рвала крыши, кружила вороха падающаго снѣга, ревѣла въ бойницахъ и башняхъ, стучала желѣзными ставнями и дверьми.

Утромъ 18-го, комендантъ Бередниковъ и старшій и младшій тюремные пристава взошли на крѣпостную стѣну, взглянуть на рѣку. Вѣтеръ стихъ. По вскрывшейся, вкругъ острова, Невѣ плылъ сплошными бѣлыми грудами ледъ. Лодки перевозили ужъ съ берега въ крѣпость и обратно рабочій и служебный народъ. На берегу, — какъ ясно увидѣлъ въ подзорную трубу Бередниковъ,—стояли два, шестерикомъ, крытыхъ возка. Кучка лодочниковъ озабоченно толпилась возлѣ нихъ.

— Кто бы это былъ? — спросилъ въ раздумьѣ Бередниковъ.

— Изъ Питера, знать,—машутъ...

«Ужъ не ревизія ли?—пронеслось въ старой головѣ Бередникова,—не провѣдали-ль въ столицѣ о пожарѣ въ тайной тюрьмѣ? Ну, да все теперь благополучно кончено»...

— Веребьёвъ! надо послать катеръ, а пожалуй и лишнюю шлюпку!—сказалъ онъ капралу, оправляя на себѣ портупею и тревожно косясь на поношенные, старой формы кафтаны—какъ свой, такъ и прочихъ господъ офицеровъ.

«Видно, новенькаго какого опять привезли!»—со вздохомъ сказалъ себѣ, тѣмъ временемъ, князь Чурмантѣевъ.

Офицеры сошли со стѣны. Шестнадцати-весельный катеръ, а за нимъ восьмивесельная шлюпка, расталкивая баграми льдины, двинулись отъ крѣпости къ Шлиссельбургу.

На городскомъ берегу, прикрывая медвѣжьими шубами

звѣзды, въ треуголкахъ и собольихъ шапкахъ, стояли у взмыленныхъ шестериковъ нежданные-негаданные гости: рыжій, въ веснушкахъ, лѣтъ подъ тридцать, любимый генералъ-адъютантъ императора, баронъ Карлъ Карловичъ Унгернъ-Штернбергъ, петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, сухощавый, круглолицый, добродушный старикъ, Николай Андреевичъ Корфъ, щеголеватый и надменный оберъ-шталмейстеръ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ Мельгуновъ и, лѣтъ тридцати четырехъ, средняго роста и замѣтно-сутуловатый, тайный государевъ секретарь, статскій дѣйствительный совѣтникъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ. Ямщики и лодочники, глядя на Нарышкина, бывшаго представительнѣе и выше остальныхъ ростомъ, принимали его за государя. Народъ, стекаясь изъ города, толпился въ сторонѣ и, безъ шапокъ, глазѣлъ на прибывшихъ. Унгернъ хлопоталъ о переправѣ.

Въ кругу пышно-разряженныхъ, важныхъ вельможъ,—въ небольшой, на прусскій образецъ треуголкѣ, съ тростью, съ огромнымъ палашомъ, въ высокихъ ботфортахъ и въ простой безъ мѣха епанчѣ,—стоялъ средняго роста, вертлявый, невзрачный, плоскогрудый и сильно тронутый оспой, гвардейскій штабъ-офицеръ. Круглые, сѣроватые глазки его были заспаны, прямой, добрый носикъ покраснѣлъ отъ вѣтра, невыбритый въ то утро, полный, бѣлый подбородокъ, какъ и простоватыя, веселыя губы то-и-дѣло вздрагивали отъ громкаго, почти дѣтскаго смѣха. Онъ шутилъ съ вельможами. А тѣ, несмотря на свою важность и на его скромный видъ и нарядъ, почтительно внимали какъ его шуткамъ, такъ и вообще его рѣзкому, «скорôсому» — далекослышному, съ замѣтнымъ акцентомъ, и отличному отъ прочихъ голосу.

— Да знаешь ли, Дмитрій Васильичъ,—продолжалъ офицеръ, обращаясь къ тайному государеву секретарю, Волкову: — говорятъ, что ты, батюшка, съ этимъ... dass Ihr Beide mit diesen renommirten Chicaneur,—съ этимъ съ надутымъ придирщикомъ Ломоносовымъ прожектецъ составилъ— всѣхъ нѣмцевъ изъ Россіи выгнать? Правда ли то? ха-ха! Отвѣчай-ка мнѣ...

— То, ваше величество, сугубая напраслина,—покраснѣвъ и низко склонясь, отвѣтилъ Волковъ:—и я сему негоціатору вольнодумцевъ не похлѣбникъ!..

— То-то, Васильичъ, берегись,—и смѣясь скороговоркой продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—и я тебя, каналью, за то намедни чуть не закололь... Und noch ein Punkt... и вотъ еще одинъ пунктъ, Васильичъ... Caperment! Voyons... Долженъ бы ты, батюшка, за это подъ арестомъ посидѣть... Милости пожалуйста!.. Попроворилъ въ газетномъ артикулѣ, про кончину покойной государыни, мою жену императрицей назвать!.. Но я помню прежнія твои услуги... Сей грандъ-д'эспань, господа, мнѣ, какъ великому князю, копіи съ секретныхъ протоколовъ тайной конференціи выдавалъ... Покойной государынѣ измѣнялъ, мнѣ зато вѣрно служилъ... Ха-ха!.. Что, братецъ, выдалъ твои плутни? Погибнетъ птичка отъ своего язычка...

— Никогда того не было, ваше величество!—изъ краснаго ставъ блѣднымъ и еще ниже склонясь, отвѣтилъ Волковъ.

— Но, можетъ, ты, Васильичъ, — не унимался трунить Петръ Ѳедоровичъ: — можетъ, ты и моей женѣ теперь все такъ же переносишь, какъ проворилъ и мнѣ?.. Pah! s'ist mir Alles Eins!.. Мнѣ, господа, все одно! Милости пожалуйста!.. Мадамъ «La Ressource»,—и безъ усердныхъ предателей, пожалуй, все знаетъ... Безсердечныя и хитрыя женщины — тѣ же колдовки... А вотъ и катеръ... Карлъ Карлычъ, Левъ Александрычъ, герръ баронъ! садитесь... Nun vorwärts!.. ѣдемъ...

Унгернъ, Корфъ и Мельгуновъ сѣли съ государемъ въ катеръ. Нарышкинъ и Волковъ поѣхали, вслѣдъ за ними, въ шлюпкѣ.

— И такое великое хохотаніе постоянно! какъ видите!— усѣвшись въ шлюпку, вполголоса и нѣсколько по привычкѣ заикаясь и въ носъ, воскликнулъ Волковъ:—срамитъ и шпынястъ при всѣхъ: не знаешь, куда и глядѣть...

— А сама эта поѣздка?—нагнувшись къ Волкову, сердито произнесъ обыкновенно-веселый и безпечный Нарышкинъ:— собрался, представь, какъ на пожаръ. Даже дядя принцъ Жоржъ о томъ не провѣдалъ. И меня взялъ случайно, ужъ садясь въ возокъ... Что ему! была бы корзина съ кнастеромъ, да съ коллекціей солдатскихъ трубокъ. Надумалъ что, крикнетъ: vorwärts drauf los! и вся недолга...

— Да что же, что онъ надумалъ теперь? — допытывалъ Волковъ:—въ чемъ тутъ новыя конъюнктуры? И какъ о томъ же предупредили Александра Иваныча?

Волкову ясно вспомнился, въ эти мгновенія, сердитый правый глазъ Александра Иваныча Шувалова, разстроенный нерѣдко потрясавшими сценами допросовъ и пытокъ въ недавно-закрытой тайной канцеляріи. — «Какъ замигалъ бы этотъ глазъ,—думалось Волкову,—какъ скривилъ бы и всю правую сторону лица, если бъ ему сказали, что государь, очертя голову, бросился на такое неподобающее свиданіе!»

— Вся сія препозиція, ясно ужъ видно, на какой фасонъ,—косясь на гребцовъ, презрительно отвѣтилъ Нарышкинъ:—государь, очевидно, получилъ отсель изъ Шлюшина нѣкое подметное письмо: ну, и поѣхалъ... Иванушка, вишь, сильно ему понадобился...

— Но для чего, для чего? — продолжалъ допрашивать Волковъ.

— Дѣло ясное... чтобъ насолить женѣ... Твердитъ одно: не зналъ я, каково принцу... надо, вишь, ему помочь...

— Что-жъ ты на то скажешь?

— Да пустяки,—отвѣтилъ Нарышкинъ:—дурачокъ вѣдь принцъ Иванъ, совсѣмъ умишкомъ высохъ! Александръ Иванычъ еще недавно о немъ вспоминалъ... А ужъ ему ли доподлинно не знать про то? Всѣ репорты шли черезъ его руки. Безпамятенъ, сказываетъ, косноязыченъ сталъ и скорбенъ главой... И съ этакой-то дурафьёй еще возиться затѣяли... Одинъ смутъ и толченіе воды... Вотъ и вечеръ у Воронцовыхъ пропущенъ,—а нынче тамъ бирибй въ двухъ салонахъ и графъ Сенъ-Жерменъ о мертвыхъ обѣщалъ разсказать!—съ досадой прибавилъ Нарышкинъ.

— Будетъ намъ и съ живыми немало возни!—произнесъ Волковъ:—подметное письмо! чья рука тутъ колобродитъ? и какъ отвратить?

«Ужли изъ Берлина, Фридриховы новые ходы опять?—прибавилъ про себя Волковъ, — или здѣсь, поближе, искать новыхъ затѣй?»

Катеръ и шлюпка причалили къ острову. На катерѣ шелъ иной разговоръ.

— Боюсь, боюсь я этого свиданія! не выдержу! — въ искреннемъ волненіи и страхѣ, шепталъ, между тѣмъ, порусски Петръ Ѳедоровичъ Корфу:—какъ хочешь, братъ, а онъ вѣдь человѣкъ, притомъ какой семьи!

— И я въ немаломъ амбарѣ,— отвѣчалъ Корфъ: — везъ

когда-то его дитятичкой въ Холмогоръ... Но, courage, Majestät, смѣлѣй!.. являйте себѣ достойно вашъ санъ...

— Да вѣдь,—schlicht und recht!—по-правдѣ, не мнѣ бы слѣдовало на тронѣ быть, а ему,—не унимался Петръ Ѳедоровичъ:—какъ я на него посмотрю и что ему скажу?

— Въ такомъ разѣ, Majestät,—чопорно и важно вмѣшался Унгернъ:—напрасно было уфъ-въ эти мѣста и ѣхать...

— Напрасно, напрасно!.. двадцать лѣтъ бѣдный взаперти сидитъ... Экіе вы! Но вы еще про меня услышите...

Сойдя на плоскій берегъ у крѣпости, императоръ и его свита пошли влѣво къ воротамъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ, ставшій отъ страха хуже малаго дитяти, комендантъ Бередниковъ. Хотя императоръ желалъ выдержать строжайшее инкогнито, Бередниковъ сразу его узналъ. Петръ Ѳедоровичъ взялъ у Унгерна, за собственнымъ своимъ, отъ 17-го марта, подписаніемъ, именной на имя Бередникова указъ и, приложа руку къ шляпѣ, почтительно вручилъ его коменданту.

Въ указѣ было изображено: «Имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта Унгера и прочихъ съ нимъ, когда онъ прикажетъ, высокихъ подателей сего монаршаго повелѣнія, къ осмотру государственной шлиссельбургской тюрьмы, а буде они того пожелаютъ, то и къ свиданію, даже безъ свидѣтелей, съ извѣстною, тамо заключенной персоной. И если Унгернъ прикажетъ Чурмантѣеву, съ арестантомъ и его командою, изъ крѣпости въ другое какое мѣсто по нашему соизволенію выѣхать, то того не воспрещать».

— Это что?—спросилъ, ткнувъ тростью въ тяжелыя, дубовыя ворота, императоръ. На лѣвой половинѣ воротъ государевой башни была шведская надпись: «1649 года—18-го мая».

— Виноватъ, ваше... казните, какъ есть, забылъ соскоблить... стереть!—заговорилъ, отдуваясь, весь красный Бередниковъ.

— Но развѣ такія надписи, господинъ комендантъ, стираютъ?—насмѣшливо его оглядѣвъ, произнесъ императоръ:—эти литеры, господа, со временъ шведовъ... Я вѣдь учился, маракую... По симъ же плитамъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ самъ Петръ Великій изволилъ прохаживаться...

— Плиты не вынуты, такъ точно-съ! — утирая лицо и жалобно взглянувъ на свиту, сказалъ Бередниковъ.

— Еще бы вамъ крылечко изъ нихъ помостить!—улыбнулся императоръ: — гдѣ арестантъ Безыменный? ведите насъ къ нему!

На дворѣ, у церкви, высокимъ посѣтителямъ Бередниковъ представилъ князя Чурмантѣева.

— Хромаете? — въ войнѣ съ Пруссіей ранены?—нахмурясь, спросилъ государь.

— Упалъ здѣсь намедни съ лѣстницы, — отвѣтилъ старшій приставъ.

— Зять Ольдерога,—шепнулъ государю Унгернъ:—изъ Риги in der Garde переведенъ...

— А, очень радъ! веди же насъ, сударь,—обратился императоръ къ Чурмантѣеву:—только и намъ, батюшка, просимъ, ноги или руки при вѣрной оказіи не сломай...

Посѣтители обогнули церковь. Влѣво, по двору, вдоль крѣпостной куртины, шли въ два яруса, съ открытой галлереей, тяжелыя каменныя казармы внутренней стражи. Домъ коменданта особнякомъ стоялъ вправо, у церкви. Въ глубинѣ двора, за внутреннимъ каналомъ, посѣтителямъ предстала другая, мрачная, обросшая мхомъ стѣна. Черезъ каналъ велъ подъёмный мостъ. Противъ моста были ворота и возлѣ нихъ стоялъ часовой. За стѣною, какъ объяснилъ комендантъ, находился другой внутренній дворъ и тамъ, вправо, домъ старшаго пристава Чурмантѣева, влѣво — отдѣльная, въ два рѣшетчатыхъ окна, двухъ-ярусная Свѣтличная башня, съ казематомъ извѣстной персоны.

— Ist aber fest zugestopft alle Wetter!—сказалъ, входя въ этотъ дворъ, Петръ Ѳедоровичъ:—свѣту маловато, окно узко и то, sapermeut, заграждено снизу дровами...

Государь отозвалъ Чурмантѣева къ сторонѣ.

— Каковъ темпераментомъ принцъ?—спросилъ онъ, разглядывая лицо пристава.

— Какъ вамъ доложить?—смѣшался Чурмантѣевъ:—недавно я, государь, при немъ и потому...

— Правду, правду мнѣ говори, — перебилъ Петръ Ѳедоровичъ:—по душѣ, откровенно, als ein Soldat...

— Временемъ робокъ онъ, уклоненъ,—началъ приставъ:—вѣжливъ и даже стыдливъ; нрава тихаго, бываетъ же, сударь, и вотъ какъ понятливъ... Какъ спокоенъ — говоритъ

обо всемъ добропорядочно, толково; сказываетъ евангеліемъ, Минеею, Прологомъ и книгою Маргаритъ; толкуетъ, гдѣ и что̀ въ нихъ написано...

— Но какъ же, tausend Teufel!.. какъ же твой комендантъ доносилъ, — сердито топнулъ ногою государь: — все Шуваловымъ на угоду... Sclavisches Pack!.. увѣрялъ, что принцъ слабоуменъ и вообще выглядитъ точно звѣрь лѣсной.

— Какъ не быть звѣремъ, коли выведутъ изъ терпѣнія,— покосившись на помощниковъ, сказалъ Чурмантѣевъ:—взбаламутитъ его какая прижимка — зоветъ всѣхъ еретиками, шептунами, самъ плачетъ, говоритъ нѣмо, невнятно, и такъ отъ смуты косноязычитъ, что и привычнымъ въ силу его разумѣть. Да и не всѣмъ открываетъ свои способности...

— Скрытенъ? о! я угадалъ!.. Den Nagel auf dem Kopf getroffen!.. гвоздемъ въ центрумъ попалъ. Ну, а когда тихъ?

— Въ тихости весело и кротко такъ смѣется, — продолжалъ Чурмантѣевъ:—и,—дерзаю доложить,—на прикладъ даже становится забавенъ... веселъ, надѣется на все и прыгаетъ, аки малый ребенокъ... а то строитъ рожи...

— Кто его здѣсь дразнитъ? говори,—поглядѣвъ вокругъ, произнесъ государь.

Онъ досталъ изъ камзола инбирную карамельку и, съ цѣлью отбить изжогу минувшей безсонной ночи, опустилъ ее въ ротъ.

— Не усмотришь за всѣми, больше солдаты съ галлереи,—сказалъ Чурмантѣевъ:—а бываетъ, кто и выше... Ну, и не стерпитъ... Гордъ притомъ и любитъ, чтобъ былъ во всемъ порядокъ... Неучъ иной часовой, у его дверей, ночью начнетъ вертѣться, ногу объ ногу чесать, либо громко кашлянетъ, ружьемъ невѣжливо стукнетъ, — принцъ тотчасъ осерчаетъ, жалуется мнѣ утромъ: — смѣетъ ли, грубіянъ, тотъ солдатъ, такъ его обижать? я-де, говоритъ, вотъ какъ его уйму... И въ ту пору вновь старается доказать, какова онъ для всѣхъ высокая, важная персона...

— И что-жъ ты ему на это? — спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Говорю, полноте, сударь: все то вранье! и лучше вамъ такой пустоши о себѣ не думать и впередъ не врать... Куда! весь почернѣетъ отъ гнѣва, клянется, дрожитъ... Звѣри вы, говоритъ, колдуны и еретики! мучите меня, и Господь васъ,

за невиннаго страдальца, разразитъ и прахъ вашъ по вѣтру развѣетъ...

«Такъ, такъ! наклеветалъ Шуваловъ! — подумалъ государь,—въ письмѣ истина повѣдана...»

Онъ подошелъ къ башнѣ. Изъ-за дома пристава выбѣжала съ саночками дѣвочка, за нею другая. Увидѣвъ нежданныхъ гостей, онѣ въ испугѣ остановились и бросились къ крыльцу, у котораго ни жива, ни мертва стояла Поликсена.

— Ба-ба-ба! это что? — воскликнулъ государь: — юныя милыя созданія и съ ними комендантшей фея, прекрасное существо!.. въ такихъ ужасныхъ мѣстахъ!

— Мои дѣти и ихъ бонна,—пояснилъ князь Чурмантѣевъ.

Петръ Ѳедоровичъ взглянулъ пристальнѣе. Онъ узналъ Пчёлкину и ласково, разсѣянно ей поклонился.

«Боже, неужели все это черезъ меня?» — замирала тѣмъ временемъ, боясь поднять глаза, Поликсена.

По стоптаннымъ, бѣлокаменнымъ ступенямъ внутренней лѣстницы гости вошли налѣво, въ тѣсныя сѣни государственной тюрьмы. Чурмантѣевъ вынулъ изъ кармана большой черный ключъ, отомкнулъ имъ низенькую, черную, окованную желѣзомъ дверь, ввелъ гостей въ другія сѣни, отворилъ изъ нихъ новую дверь, прямо, и отступилъ. Свита также посторонилась. Унгернъ первый вошелъ въ казематъ Ивана Антоновича, за нимъ, сбросивъ верхнія одежды, государь, Волковъ, Корфъ и остальные.

Казематъ принца Іоанна былъ аршинъ въ десять длины и въ пять ширины. Мрачныя, подновленныя его стѣны были со сводомъ. Узкое, съ толстыми рѣшетками окно, вправо, невысоко отъ пола, выходило на галлерею. Влѣво отъ входа стояла большая, изъ зеленыхъ кафлей печь, съ топкою изъ сѣней. Поперекъ всей комнаты шла тесовая ширма. За ширмой помѣщалась постель. Возлѣ окна— столъ; у стола скамья. Дрова скрадывали свѣтъ, и безъ того слабо падавшій въ комнату.

— И только?.. Oh, über das Elend!.. какой ужасъ! гробъ, а не жилье! — сказалъ вполголоса Петръ Ѳедоровичъ Унгерну:—душно и темно... А Шуваловъ какъ расписывалъ!.. Nichts als Lug und Trug!.. Ненавидую гнусныя интриги, обманъ... Но гдѣ же онъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ?

— За ширмой, — отвѣтилъ Чурмантѣевъ: — онъ по ста-

туту... думаетъ, что пришли его комнату убирать... запрещено его видѣть даже слугамъ...

— Зовите его, — не громко сказалъ, не сходя съ своего мѣста, государь.

Чурмантѣевъ крикнулъ арестанта. Иванъ Антоновичъ вышелъ изъ-за ширмы. Видъ блестящей государевой свиты его ослѣпилъ. Онъ зашатался, чуть не упалъ, и, озираясь, какъ пойманный жалкій звѣрекъ, смѣшнымъ и неловкимъ движеніемъ попятился назадъ за перегородку.

— Не опасайтесь, сударь! — съ напускною смѣлостью, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — я къ вамъ посломъ... отъ самого государя. Подойдите ближе; смѣлѣй... вотъ такъ... Ну!.. скажите, что-нибудь вамъ въ этихъ мѣстахъ недостаетъ?.. Скажите! ваши слова приму не инако, какъ съ должнымъ вниманіемъ.

Иванушка бросилъ бѣглый взглядъ на узкоплечаго, плоскогрудаго, невзрачнаго и рябого офицера,—въ бѣломъ, съ бирюзовыми обшлагами, кафтанѣ, съ доброй улыбкой и грубокапральской выправкой,—стоявшаго впереди другихъ. Что-то странное, что-то хватавшее и уносившее куда-то далеко— отозвалось, заговорило въ душѣ узника. «Гдѣ-то видѣлъ, видѣлъ... но гдѣ...»—обливаясь кровью, шептало ему бѣдное, робко бившееся сердце. Онъ ступилъ шагъ впередъ, протянулъ руки.

— О, о,—началъ онъ, не спуская глазъ съ Петра:—я... я...

Онъ упалъ предъ нимъ на колѣни.

— Встаньте, принцъ!—съ рыцарскою вѣжливостью, тронувъ его лосинной перчаткой по плечу, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — будьте бодры, куражъ, я облегчу... я попрошу государя... облегчить и улучшить вашу участь... Я близокъ къ нему; меня онъ слушаетъ. Просите, что вамъ нужно?

Лицо узника страшно поблѣднѣло; губы исказились отъ усилій проронить слово. Рѣчь отказывалась ему служить. Языкъ коснѣлъ. Кровь молотомъ стучала въ голову. Онъ, озираясь на всѣхъ, не вставалъ.

— Просите, просите милостей! — шептали стоявшіе вокругъ.

— Я не тотъ, за кого... Душно!—проговорилъ узникъ:— тутъ вовсе душно — воздуху нѣту-ти... — продолжалъ онъ скороговоркой, сдерживая рукой дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, подбородокъ:—повидать бы нёбушко... зелень тоже...

походить бы на землѣ, по цвѣтамъ!.. отъ всего за то, все отдамъ... Я ихъ прошу, а они... подло...

Онъ не могъ говорить далѣе, робѣлъ и дико на всѣхъ смотрѣлъ.

— Кто вы?—спросилъ, поднимая его, государь.

Принцъ медлилъ отвѣтомъ.

— Кто вы и какъ сюда попали? — ласково повторилъ, улыбаясь, Петръ Ѳедоровичъ.

Арестантъ вздрогнулъ, вытянулся, сталъ шептать.

— Я... императоръ,—точно сорвавшись, проговорилъ онъ громко: — Божіею милостью... ну, Іоаннъ Третій, императоръ... царь!

— Кто тебѣ сказалъ, что ты императоръ?—нахмурясь и брякнувъ палашомъ, спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Я не тотъ, за кого!—отвѣтилъ, боязливо попятившись, узникъ: — да, да! Іоаннъ давно померъ, взятъ на небо. Я видѣлъ его—онъ здѣсь, во мнѣ...

— Кто тебя увѣрилъ, что ты государь? — спокойнѣе повторилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Кто сказалъ?—стойте—вспомнилъ!.. учитель сказалъ... потомъ караульный...

— Императоръ не сидѣлъ бы въ такомъ мѣстѣ, притомъ въ бородѣ...—произнесъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Меня заперли. Но... я лучше ихъ... чистый духъ,—а они—злюки, еретики.

— Что̀ вы помните о дѣтствѣ, о прошлыхъ годахъ?—спросилъ государь.

— Гдѣ помнить! голова темна, тошнехонько...

— Однакоже, повѣдайте, что вспомятовано будетъ.

— Все мучили... Былъ я вотъ какой ребенокъ, махотка-дѣтка. Разлучили съ матерью, отцомъ... Живы ли, не знаю...

— Ну, ну...

— Стали звать меня Гришкой, — ты не царь, а колодникъ!—отдали въ руки аспидовъ, колдуновъ. Да, да... колдуны... У нихъ дымъ изо рта... И начали возить изъ крѣпости въ крѣпость... И вотъ теперь Иванушкинъ дворецъ...

Узникъ смолкъ. Окружавшіе молча на него смотрѣли.

— Всѣ ли приставленные къ вамъ были злые люди? не было ли межъ нихъ и добрыхъ?—спросилъ государь.

— Было двое... Одинъ — старикъ съ женой! въ Холмо-

горахъ выучилъ молитвамъ, письму... Другой—помоложе...—да, совсѣмъ молодой...

— Ну, и что жъ этотъ другой? не бойтесь, говорите...

— Онъ меня, ребенка, махотку, провожалъ отъ матери, и всю дорогу, всю, какъ это ѣхали, вô-какъ ласкалъ. Жалѣлъ и плакалъ.

— А потомъ?

— Какъ пріѣхали это къ морю, давалъ этотъ-то молодой бѣгать по берегу, въ саду; садъ большущій, пахло такъ—цвѣты... и отъ монаховъ приносилъ игрушки...

— Гдѣ жъ онъ теперь?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Видно померъ, снится все... Въ книгахъ написано... оскудѣша... изліяся слава во прахъ...

«Начетчикъ, все по-словѣнски!»—подумалъ государь.

— Помните ли вы имена этихъ людей?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Лицо арестанта опять исказилось, выражая ужасъ и волненіе.—«Онъ, онъ!—звучало у него гдѣ-то на днѣ души,—онъ... не во снѣ ль я его видѣлъ?»

Иванушка хотѣлъ говорить, и не могъ.

— Courage, prince, courage! я васъ слушаю!—обратился къ нему государь.

— Перваго звали... постойте... охъ, забылъ...

— А второго?

— Второго... вспомнилъ... Корфъ, да, Корфъ...

Государь оглянулся. Николай Андреичъ Корфъ, усиливаясь что-то достать изъ задняго кармана, кривился и хмурился, всячески удерживаясь, чтобъ не заплакать. Слезы, между тѣмъ, катились по его вздрагивавшимъ, морщинистымъ щекамъ.

— Merkwürdig, Majestät, o! fabulös,—громко сморкаясь, крякнулъ онъ въ платокъ.

Государь былъ искренно, глубоко тронутъ. Обыкновенно безпечный, Нарышкинъ стоялъ сердитый и опѣшенный. Мельгуновъ и Волковъ угрюмо смотрѣли въ землю.—«Не малоумный, не дурафья, чортъ возьми!»—думали они. Унгернъ не спускалъ растерянныхъ глазъ съ государя.

— Бѣдный, жаль мнѣ тебя,—сорвалось чуть слышно съ языка Петра Ѳедоровича:—видите, баронъ, добрыя-то дѣла?..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но и его круглые, выпуклые глазки замигали. Онъ странно, по-дѣтски, всхлип-

нулъ, повернулся и, гремя шпорами и палашомъ, неуклюже пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Государь! о, государь!—закричалъ вдругъ, кинувшись за нимъ сквозь толпу окружавшихъ, Иванъ Антоновичъ.

— Какъ знаешь ты, что я государь? — спросилъ, обернувшись къ нему, Петръ Өедоровичъ. — Измѣна! предупредили? — продолжалъ онъ, съ гнѣвомъ взглянувъ на окружавшихъ.

— По портрету! — объяснилъ Иванъ Антоновичъ: — монета!.. вотъ, вотъ!.. это ты... Мы одной крови... ты дядя мнѣ и ты братъ по престолу... Братъ! помоги... Братъ! Освободи... въ глушь, въ Сибирь... только волю...

Петръ Өедоровичъ остолбенѣлъ.

Было мгновеніе — императоръ царствующій былъ готовъ броситься въ объятія императора-узника.

— Я подумаю... готовъ!.. о, я свѣтъ удивлю!—искренно воскликнулъ Петръ Өедоровичъ: — мучители, бандиты человѣчества! Истины не упрячешь, сквозь щели тюрьмы, сквозь крышку гроба: вездѣ она пробьется.

— Николай Андреичъ, Дмитрій Васильичъ, — обернулся онъ:—и вы, господа гарнизонный караулъ, на пару словъ. Ласкаюсь надеждой—взять резонабельныхъ мѣръ...

Онъ съ облегченнымъ сердцемъ быстро вышелъ изъ каземата во дворъ. Слѣдомъ за нимъ вышли Корфъ, Нарышкинъ, Волковъ и тюремное начальство. Съ принцемъ остался одинъ Унгернъ.

— Проклятый Фридрихъ, змѣй, сатана!—завопилъ, стуча себѣ въ грудь, Иванъ Антоновичъ:—это онъ, черезъ него...

— Что ты, батюшка, ш-ш!—зашипѣлъ на него Унгернъ:—да Петръ-то Өедоровичъ молится на него... Герръ Готтъ! А ты ручку лучше его величеству поцѣлуй, въ ножки поклонись, да проси его, проси...

Иванъ Антоновичъ бросился на колѣни передъ темнымъ, стараго письма, образомъ Спаса. Длинные, свѣтлорусые волосы его падали на холодный полъ, при каждомъ его поклонѣ. Онъ крестился большимъ крестомъ и торопливо шепталъ горячія, несвязныя молитвы.

IX.

Оранжевый воротникъ.

Петръ Ѳедоровичъ, мѣрными шагами, ходилъ взволнованный передъ башней. Рядомъ, прихрамывая и стараясь попадать съ нимъ въ ногу, ходилъ старшій тюремный приставъ, князь Чурмантѣевъ. Нарышкинъ и Волковъ, перешептываясь, стояли здѣсь же во дворѣ, за дровами; Унгернъ и Корфъ—въ глубинѣ площадки, у воротъ.

На коменданта государь осерчалъ, при выходѣ изъ каземата, и прогналъ его за ворота. Тамъ, у входа на мостъ, робко жались младшіе тюремные пристава, Власьевъ и Чекинъ, и прочіе гарнизонные офицеры. Далѣе, у церкви, стояли—подоспѣвшая посадская полиція, священникъ крѣпости и кое-кто изъ семействъ офицеровъ и именитыхъ горожанъ.

Между послѣдними былъ и Мировичъ. Онъ узналъ императора еще на берегу и, проникнувъ вслѣдъ за посадскими, стоялъ сильно озадаченный.—«Что бы это значило?—разсуждалъ онъ съ легкою дрожью,—какъ нежданно подъѣхалъ государь! Что, какъ принцъ выдастъ ему о свиданіи и разговорѣ со мной?.. Могутъ найти у него мою бумагу. Надо быть готовымъ ко всему. Могутъ потребовать, спрашивать. Не отрекусь ни отъ чего... Пропадай голова, все разскажу. Ужли мучиться ему долѣ?»

Императоръ остановился.

— Ну, а послушай-ка, сударь, теперь, — обратился онъ къ Чурмантѣеву: — скажи-ка ты мнѣ, да опять по чистой правдѣ, была рѣчь принцева и на мой счетъ?

Чурмантѣевъ замялся. — «Какъ ему сказать? — подумалъ онъ, — и что изъ того выйдетъ? И дѣйствительно ли онъ желаетъ облегчить участь принца?»

— Увольте, государь, — отвѣтилъ онъ: — не смѣть мнѣ, рабу...

— Сказывай, одинъ вѣдь тебя слушаю! — съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, хлопая лосиной перчаткой по перчаткѣ, настаивалъ Петръ Ѳедоровичъ.

Онъ вынулъ изъ камзола другую инбирную карамельку и опустилъ ее въ пересохшій отъ волненія ротъ.

— Съ новаго года, какъ я сюда прибылъ,—началъ Чурмантѣевъ: — принцъ ни разу не упомянулъ про васъ; и

[illegible]

— [illegible] госу-[illegible]

— [illegible]

— [illegible] — [illegible] — вы создадите

себѣ, государь, клянусь вамъ, опаснаго, гибельнаго соперника! И одни лишь отечества предатели, льстецы, могутъ давать такія антиполитическіе совѣты... Да и еще осмѣлюсь прибавить...

— Говори, — охъ, ужъ разумники! Что тамъ еще умыслилъ и на бобахъ развелъ? не испытывалъ, видно, самъ тюрьмы, оттого и храбришься...

— Обижать изволите, государь... Не въ моемъ нравѣ давать совѣты о тюремныхъ закрѣпахъ, да о цѣпяхъ... Вѣдать изволите, кто возымѣлъ счастье преславный манифестъ о вольностяхъ дворянства поднести къ вашему подписанію?.. Шагъ одинъ отнынѣ, сами такожде то сознать удостоили — къ освобожденію и прочихъ россійскихъ рабовъ... Но не слѣдуетъ упускать изъ виду гласа безсмертіемъ одаренныхъ геніевъ...

Волковъ помолчавъ и еще болѣе ободрился.

— Его величество король Фридрихъ,—сказалъ онъ, вновь склоняясь: — неоднова дружески совѣтовалъ вамъ остерегаться и покрѣпче держать взаперти принца Ивана, дабы чья-либо горячая голова, отъ мечтательной дерзости и лжемыслія, не вздумала возвести его на престолъ...

— Пустяки! суесловство! — рѣзко перебилъ и отвернулся отъ Волкова Петръ Ѳедоровичъ: — о тронѣ рѣчи нѣтъ!.. Кто тебѣ навралъ?.. Я одинъ, слышь ты, одинъ о томъ могу говорить...

Имя Фридриха, однако, замѣтно смутило государя. — «А вѣдь, пожалуй, и правду сказалъ этотъ безсердечный и ловкій всезнайка-говорунъ?—подумалъ онъ, сердито глянувъ въ продолговатое, сухое, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и красивымъ носомъ, лицо Волкова, сѣрые, умные глаза котораго почтительно и съ строгимъ вниманіемъ слѣдили за нимъ,—у такихъ краснобаевъ-совѣтниковъ всегда найдутся резоны кстати... Опасно-неопасно, а дѣло и впрямь надо бы похитрѣе и ловче обдѣлать... Я уже писалъ королю, что держу Ивана въ надежныхъ рукахъ, взаперти»...

Петръ Ѳедоровичъ еще разъ бросилъ взглядъ на Волкова, досадливо одернулъ на себѣ портупею и не такъ ужъ смѣло взялся за скобу тюремныхъ дверей.

— Господа!—обратился онъ къ свитѣ:—комендантъ, сюда, и вы слѣдуйте за мной... Что можно и что политическіе и штатскіе резоны позволятъ, все сдѣлаю, не глядя ни на

что. Я не забочусь о его мнимыхъ правахъ, — выбью глупую дурь изъ его головы — сдѣлаю его человѣкомъ, слуг... трона... изъ него выйдетъ бравый солдатъ...

Онъ снова вошелъ въ казематъ Ивана Антоновича. Сви... пристава и комендантъ размѣстились за нимъ у порога.

— Князь! — обратился императоръ къ принцу: — ско... день Благовѣщенія... Въ народѣ принято въ этотъ день на волю выпускать... Вы... вы...

Тутъ рѣзкій, странно дребезжавшій голосъ Петра Өедоровича мягко дрогнулъ и оборвался. Добрыя, искреннія слезы выступили на его глазахъ.

— Я обѣщалъ... я слово далъ міръ удивить! — продолжалъ онъ съ дѣтски-ласковой улыбкой:—не отъ своей персоны говорю! и вы ошибались, если меня приняли... думали... Я простой офицеръ; но меня государь любитъ и мнѣ аудіенціи даетъ... Господинъ комендантъ, слушайте... Положеніе арестанта, по истинѣ надо то сказать, ужасно. Поглядите на эти аркады, эти стѣны! съ рѣшеткой окно... Du lieber Gott!.. Здѣсь и при солнцѣ, безъ свѣчки, трудно оставаться... Воздухъ душенъ... Государь изъ одного откровеннаго письма все узналъ... Мнѣ дали комиссію въ этихъ дѣлахъ убѣдиться, и я убѣдился. Содержится принцъ хуже, чѣмъ послѣдній колодникъ, злодѣй... Стыдитесь, господа, — фуй, стыдитесь...

Государь остановился. Всѣ взоры были устремлены н... Ивана Антоновича. Онъ стоялъ, понурившись, и, тяжело дыша, длинными бѣлыми пальцами судорожно разглаживалъ свою шелковистую, каштановую бородку.

— Не въ кушаньѣ дѣло, господинъ комендантъ, — в... обхожденіи! — строго крикнулъ государь Бередникову: — принца въ невѣжествѣ оставляютъ, въ дикости, безъ наук... Вы про то молчать изволили; я отъ постороннихъ персонъ все узнавалъ. Это должно быть измѣнено... А потому, господинъ главный начальникъ здѣсь, и вы тоже, старш... приставъ... Im Namen,—отъ имени государя императора,— и въ силу данной мнѣ высочайшей резолюціи, вмѣняю вамъ отнынѣ — надъ лучшимъ положеніемъ принца наблюденіе имѣть... Колесо фортуны — гексенмейстерскій капризъ! — сегодня внизу, завтра вверху. Извольте—слышите ли то?— выводить принца, время отъ времени, гулять внутри крѣпости, а тамъ и за стѣнами. Пусть прогуливается, укр...

пляется добрымъ воздухомъ. Учите его. Читать онъ знаетъ: но того мало... Сего пункта надо усиливать... Свѣтъ науки да засвѣтитъ его умъ... Sind aber hier?.. есть ли въ этихъ мѣстахъ хорошіе учителя?.. Ласкаюсь надеждой, найдете...

Узникъ бросился къ ногамъ Петра Ѳедоровича. Грудь его вздымалась отъ сдержанныхъ рыданій.

— О!—визгливо вскрикнулъ онъ, хватая императора за полы кафтана:—Петръ, Петръ!.. братъ мой!.. Все бери себѣ, все отдаю...

Государь положилъ ему руку на плечо.

— Выстроить ему, господинъ комендантъ, особый, хорошій, пространный домъ, — продолжалъ Петръ, ласково кивая принцу: — да чтобъ окошки были не узенькія и на солнце. А когда зданіе будетъ готово, самъ я пріѣду сюда, чтобъ персонально его туда переводить. Къ моему... къ государеву тезоименитству... чтобъ все то было готово!.. А потомъ мы васъ, принцъ, въ военную службу—будете бравымъ воиномъ, въ офицеры, въ генералы дослужитесь... Довольны ли вы, принцъ?

— Сжалься, не уходи, не откладывай!—крикнулъ, порываясь къ императору, узникъ: — братъ!.. Петръ! не скрывайся, ты вѣдь государь!.. Зачѣмъ отсрочка?.. смилуйся!

Унгернъ и Корфъ бросились къ принцу. Государь ихъ остановилъ.

— Выпусти меня сейчасъ, выпусти!.. Призвахъ имя твое во гробѣхъ,—косноязыча и дико озираясь, кричалъ узникъ:— дай жить съ нею!.. видѣть ее, слышать!.. (Волненіе болѣе и болѣе охватывало его, путало слова)... Въ лѣса, въ Сибирь... только не здѣсь... Уйдешь, ни тебя, и ея не увижу... братъ, братъ!.. помилуй...

Присутствовавшіе были изумлены, потрясены.

— О комъ это? съ какою персоной онъ думаетъ жить?— спросилъ государь Унгерна. Тотъ взглянулъ на Бередникова, послѣдній на Чурмантѣева.

— Бредитъ, знать: изъ Маргаритъ что-нибудь вычиталъ и—простите—врётъ!—отвѣтилъ до крайности озадаченный Чурмантѣевъ:—что ни день, новыя, какъ видите, пустоши, новое вранье...

Иванъ Антоновичъ плакалъ, вставалъ и снова бросался на колѣни передъ императоромъ, хватая его за руки, волочась за нимъ и цѣлуя ему ноги, одежду. Безсвязной, ди-

кой, молящей его рѣчи нельзя ужъ было понять. Окружавшіе не могли его оттащить, остановить.

— Herr Gott... Armes Kind! силъ нѣтъ смотрѣть, пустите его!—сказалъ государь, замедлясь на порогѣ и добродушно, глазами, полными слезъ, смотря на принца;—пусть выйдетъ... пусть свѣжимъ воздухомъ вздохнетъ... на крыльцо его, на крыльцо...

— Но у него нѣтъ теплаго,—вмѣшался Волковъ:—еще простудится...

— Э, батюшка! когда я хочу, такъ ты!!.. колпакъ! — сердито крикнулъ и топнулъ государь: — вотъ мой плащъ, пусть надѣваетъ пока! Auf Wiedersehen!.. до свиданія, принцъ: — торопливо и сконфуженно отворачиваясь отъ Іоанна Антоновича, кивнулъ ему головой Петръ Ѳедоровичъ: — Карлъ Карлычъ! sagen Sie dass man... вели ему изъ кареты мой шлафрокъ въ презентъ принести... пусть себѣ, пусть...

Свита, съ своей стороны, поспѣшила вручить узнику подарки — кольца на память, табакерки, часы. Онъ неумѣлыми, похолодѣвшими руками неловко бралъ эти вещи, тыча ихъ въ карманы куртки и шароваръ.

Лица, стоявшія на дворѣ и въ числѣ ихъ Пчёлкина, видѣли, какъ у Свѣтличной башни вновь показалась царская свита и какъ, рядомъ съ государемъ, между Унгерномъ и Чурмантѣевымъ, вышелъ на крыльцо высокій, съ свѣтлорусыми, монашескими волосами и въ голубой гвардейской епанчѣ, блѣдный юноша. Государь, размахивая перчаткой, что-то съ сердцемъ высказывалъ коменданту. Этотъ съ рукой у шляпы, вытянувшись, молча стоялъ передъ нимъ.

«Чѣмъ-то рѣшено, какой конецъ?—мыслила тѣмъ временемъ, жадно пожирая глазами государя, Поликсена:—освободитъ ли онъ бѣднаго, раздавленнаго судьбой родича? Чтò говорилъ онъ съ нимъ? чтò рѣшено? Столько я учила принца, наставляла и все, все ему разсказывала... Какъ онъ жаждалъ свободы! какъ выпытывалъ о свѣтѣ, о людяхъ, клялся»...

«Ужли,—разсуждалъ въ то же время у церкви, въ толпѣ другихъ, Мировичъ: — ужли, наконецъ, и мнѣ окажетъ милость мачиха-фортуна? Не вѣрится! Кто обратитъ вниманіе

на столь мелкаго человѣка? Но если произойдетъ чудо, если рѣшатъ возвратить ко двору принца? Кто лучше его сумѣетъ тогда быть защитникомъ, охраной всѣхъ несчастныхъ, сирыхъ всѣхъ, обдѣленныхъ судьбой?.. Тогда и я подамъ прошеніе о возвратѣ дѣдовскихъ имѣній... Эка, чортъ, какія мысли! Такъ вотъ о тебѣ, собакѣ, и подумаютъ! О голштинцѣ какомъ-нибудь, о лакеѣ подумаютъ, а не о тебѣ. Боже, Господи! Ну, отчего бы теперь государю, и безъ принца, не обратить на меня вниманія? Что ни говори, — проклятыя связи! а вѣдь я былъ на войнѣ, трудился... Нѣтъ!—заключилъ Мировичъ, прячась за спины другихъ:— лучше пусть онъ, добрый, безсильный, нерѣшительный, лучше пусть и не замѣтитъ меня, еще, пожалуй, узнаетъ, что черезъ меня доставлены пропозиціи Панина о продленіи войны... Пронеси его мимо, злосчастная судьба»...

— Господинъ офицеръ! эй! оранжевый воротникъ! — долетѣлъ до него изъ-за моста громкій, стремительный голосъ.

Мировичъ оглянулся. Всѣ взоры почему-то были устремлены на него. Кто-то усердно толкалъ его подъ бокъ. Онъ подался впередъ. Толпа передъ нимъ разступилась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, вывернувъ врозь тупоносыя ступни тяжелыхъ ботфортовъ и держа наотмашъ огромный палашъ, стоялъ императоръ.

— Kreuz schock-bomben-donner-wetter-element! Формъ не соблюдаете:—сильно горячась, кричалъ на кого-то Петръ Ѳедоровичъ:—а вотъ примѣрный офицеръ,—прибавилъ онъ коменданту, указывая на куцый и узкій, новой прусской формы кафтанъ Мировича: — но это, сударь, жалко, — не изъ вашихъ! Срамъ, срамъ, говорю я.. шалберничество, вертопрашіе! У того шляпа, какъ сѣдло на коровѣ, у этого— сукно неуказанной толщины, портупея безъ бляхи. Не потерплю того, — слышите ли?—Saperment! не потерплю... У васъ самихъ, господинъ комендантъ, епанча не по табели... кошкинымъ мѣхомъ подбита... Бабамъ шубки такія носить, а не военнымъ! Служба тутъ ни ползетъ, знать, ни ѣдетъ...

«Великій Боже!—думалъ тѣмъ временемъ, глазъ-на-глазъ передъ государемъ, Мировичъ, — о, люди! видятъ ли меня? чудо чудное! Война, каторга походовъ не вывезла, вывезъ новый кафтанъ... Иные всю забитую, затертую, оплеванную жизнь добиваются, стремятся, а мнѣ легко такъ выпало на

долю... Ужли жъ сейчасъ подойдетъ, станетъ, въ отличіе другимъ, говорить со мной, разспрашивать?..»

— А это, это чтò?—шагнувъ въ сторону отъ Мирòвича, напустился вдругъ Петръ Өедоровичъ на помощника пристава, выпялившаго глаза, солдафона Власьева:—мало тебѣ, сударь, что въ старой, отмѣненной формѣ, да и ту еще небрежительно изволишь содержать!.. Чтò глядишь?.. Третья пуговка отъ галстука—ногами вверхъ пришита... Развѣ то порядокъ? дисциплина? Такъ по обѐржамъ только шляться, а не на службѣ!.. Чтобъ то было все записано и мнѣ доложено! — заключилъ Петръ Өедоровичъ, направляясь къ выходу изъ крѣпости: — пріѣду въ маѣ, чтобъ все было въ аккуратѣ, да не инако, какъ со старательствомъ... Будьте на-сторòжѣ, господинъ комендантъ... узнавайте гарнизонный уставъ... Васъ перваго заставлю прометать весь артикулъ...

Государь подошелъ къ воротамъ. Унгернъ накинулъ на него снятую съ Ивана Антоновича шинель. Петръ Өедоровичъ глянулъ къ башнѣ, гдѣ оставилъ принца. На опустѣвшей площадкѣ, попрежнему, расхаживалъ часовой. — «Бѣдный! опять заперли тебя!»—со вздохомъ подумалъ государь. Онъ отвернулся, взглянулъ къ дому Чурмантѣева, гдѣ стояла Поликсена, но и ея тамъ ужъ не было.

«И только, — сказалъ себѣ, оставленный отхлынувшей толпой, Мирòвичъ: — и для того были ожиданія принца, грезы, мечты? Чѣмъ порѣшилъ онъ судьбу несчастнаго? Ужли ничѣмъ? Ужли уйдетъ, и никогда болѣе хоть бы и мнѣ, мелкой сошкѣ, ничтожеству, праху отъ его ногъ, никогда болѣе не придется стоять такъ близко возлѣ него, глядѣть на него, его слушать? А я готовился всю правду сказать о принцѣ, просить о себѣ... Проклятая судьба, проклятая!.. Былъ одинъ случай, и тотъ пропустилъ...»

— Эй! оранжевый воротникъ! — долетѣлъ до него тотъ же рѣзкій, далеко слышный голосъ: —милости-съ, пожалуйста-съ. Интересовàтъ васъ видѣть поближе...

— Васъ зовутъ, васъ! — заговорили вкругъ Мирòвича блѣдныя, заискивающія лица.

«Иди, говори, проси!.. все теперь исполнитъ!» — жгучей волной пронеслось въ головѣ Мирòвича. Онъ встрепенулся, журавлемъ, въ темпъ отбивая на прусскій ладъ шаги, по-

шелъ къ воротамъ и, съ рукой у треуголки, вытянувшись, замеръ передъ императоромъ.

— Эссена, бывшаго нарвскаго полка?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Точно такъ, ваше величество...

— Фамилія?

Мировичъ назвалъ себя.

— Въ командировкѣ или въ отпуску?

— Въ командировкѣ былъ изъ штаба, теперь по домашнимъ дѣламъ въ отпуску.

Чурмантѣевъ объяснилъ императору, что Мировичъ женихъ, посватался за его бонну.

Глаза государя весело блеснули.

— А! очень радъ!—добродушно усмѣхнулся онъ:—вкусъ недуренъ, шельмовская парочка будетъ, хоть куда... Aber voyons!.. Невѣсту я, кажись, ужъ встрѣчалъ; при покойной теткѣ служила... мы вмѣстѣ танцами забавлялись... А ты при комъ въ штабѣ атташированъ былъ?..

— Генеральсъ-адъютантомъ при Панинѣ,—отвѣтилъ Мировичъ.

Государь поморщился.

— Перемиріе, господа, подписано!—сказалъ онъ, круто обернувшись къ гарнизоннымъ властямъ и щелкнувъ шпорами:—gratulire, поздравляю! скоро и вовсе конецъ войнѣ...

Всѣ молча отвѣсили поклонъ.

— Собираясь сюда,—продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—я въ печать отдавалъ полученныя кондиціи перемирія; скоро явятся въ вѣдомостяхъ... Довольно изъ пустяковъ кровь проливать. А тебя, господинъ подпоручикъ Мировичъ,—за добропорядочное выглядѣнье и молодецкую муштровку даже внѣ фронта,—жалую, не въ примѣръ прочимъ, персональнымъ моимъ порученіемъ... отчисляю отъ Панина въ столичный гарнизонъ...

Кровь бросилась въ голову Мировичу.

«Вотъ когда, вотъ!—мелькнуло у него въ умѣ:—Боги! фортуна! внемлю твоимъ велѣніямъ!»—сказалъ онъ себѣ, съ забившимся сердцемъ, опускаясь передъ государемъ на одно колѣно.

— Явись завтра на вахтпарадъ!—продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—или нѣтъ, еще день даю тебѣ въ презентъ... побудь съ невѣстой,—послѣзавтра... Рапортуй себя на

плацу оберъ-кригскомиссару... Понялъ?.. Онъ ужъ дальше о тебѣ доложитъ... Отъ коллегіи курьеромъ поѣдешь, съ дальнѣйшими негоціи о мирѣ, къ Бутурлину... А какъ возвратишься назадъ,—глаза императора опять добродушно и весело забѣгали: — зови, батюшка, на пиръ, на свадебку... Très content, très content!.. Въ память тетки, изволь, самъ я и посаженымъ быть готовъ... не просишь?

Мировичъ былъ ошеломленъ, потрясенъ. Вокругъ него раздавались поздравленія. Ему жали руки, что-то ему говорили. Онъ ничего не понималъ. Безсознательно отвѣтивъ на вопросъ тайнаго государева секретаря, на ходу записавшаго объявленное о немъ повелѣніе, онъ увидѣлъ, что всѣ бросились изъ крѣпости на берегъ за императоромъ, и самъ пошелъ туда же, вслѣдъ за другими.

— Herr Du mein Heiland ist das ein Volk!—садясь въ катеръ, сказалъ Унгеру Петръ Ѳедоровичъ: — крокодилово отродье! — бѣдный принцъ!.. Изъ ума нейдетъ... А гдѣ-жъ мы, voyons, господа, важныя дѣла сдѣлавши, нашу солдатскую трубку выкуривать будемъ?

— Alles ist im Posthause bereit, Majestät!—подсаживая государя, отвѣтилъ баронъ Унгернъ.

На городскомъ берегу Петра Ѳедоровича встрѣтила депутація отъ крестьянъ и мѣщанства. Впереди нѣсколькихъ, безъ шапокъ, старыхъ и молодыхъ, въ тулупахъ и охабняхъ, бородачей, къ нему выступилъ, съ хлѣбомъ-солью, высокій, тощій, съ тусклыми оловянными глазами желтолицый и, какъ юноша, безбородый петербургскій мѣщанинъ, недавно записавшійся въ здѣшніе купцы. Посадскій приставъ, завидѣвъ его съ лодки, сталъ бѣлъ, какъ снѣгъ. Купчина былъ тамошній салотопенный заводчикъ, изъ толка бѣгуновъ, извѣстный въ околоткѣ и въ столицѣ скопецъ Кондратій Селивановъ. Онъ содержалъ въ Шлиссельбургѣ подворье, гдѣ стоялъ и Мировичъ.

— Государь-батюшка, второй нашъ искупитель!—сказалъ, опускаясь на колѣни, Селивановъ: — бьютъ насъ, мучатъ іудеи, злы посадски фарисеи! ты одинъ нашъ надежа! Сокатился съ небеси... Удостой, батюшка, своимъ заѣздомъ вѣрныхъ, хоть и малыхъ твоихъ людишекъ... Заводъ мой тута неподалечку, въ лѣсу, и тебѣ, сударь, по дорогѣ...

— Уважь, родимый, уважь, батюшко!—поклонились прочіе изъ толпы.

— Сектантъ!—вполголоса сказалъ Унгернъ: — приставъ аттестуетъ,—раскольщикъ...

— Вѣроправность... der Glaube muss frei sein — отвѣтилъ императоръ.

Петръ Ѳедоровичъ заѣхалъ къ Селиванову. Тамъ государь кушалъ завтракъ, было притомъ куреніе всею компаніей трубокъ и обильное угощеніе всей свиты. Доставались и приносились изъ погребовъ водянки-холодянки, бархатное пиво, вина и сладкій медокъ.—Уѣзжая, государь пригласилъ Селиванова на свои именины въ гости, въ Ораніенбаумъ.— «Къ попу въ крѣпости не зашелъ, не заглянулъ и въ церковь»—шептали по курнымъ, темнымъ хатёнкамъ, на рынкѣ и по кружаламъ въ городѣ: — «а къ толстосуму-скопцу заѣхалъ... Знать, близки послѣдни времена».

На обратномъ пути съ Петромъ Ѳедоровичемъ въ возкѣ ѣхали Корфъ и Волковъ. Волковъ дремалъ. Корфъ усердно бесѣдовалъ съ государемъ. Угощенія на Селивановскомъ заводѣ развязали словоохотливый языкъ стараго барона. Онъ то смѣялся, то сыпалъ забавными, городскими анекдотами. Передразнивая тѣхъ, о комъ говорилъ, онъ сообщилъ, между прочимъ, свѣжія сплетни о недовольствѣ уволеннаго на отдыхъ отъ всѣхъ дѣлъ, графа Алексѣя Разумовскаго и о новыхъ любовныхъ интрижкахъ стараго и беззубаго подагрика, князя Никиты Трубецкого. При этомъ зашла рѣчь и объ Орловыхъ... Корфъ помолчалъ, что-то подумалъ и спросилъ государя, слышалъ ли онъ о томъ, что Шванвичъ, изрубившій младшаго изъ Орловыхъ, вновь показался въ Петербургѣ?

— Фанфаронъ и трусъ, этотъ твой Шванвичъ! и чего онъ ретировался!—сказалъ, нахмурясь, Петръ Ѳедоровичъ:— не худо бы и другого, старшаго изъ Орловыхъ, ему въ дисциплину привести... Нашъ ривàль—Григорій ужъ больно фанаберитъ... да не по носу табакъ... А съ женушкой мы еще посчитаемся...

— Обсервирую, ваше величество, обсервирую! — сказалъ Корфъ: — всѣ акціи, всѣ плутовства ихъ у меня пренумерòваны... Моментъ, ассюрирую васъ, моментъ, и всѣхъ накрывать будемъ...

Государь улыбнулся, весело посвисталъ.

— И у меня, баронъ, резонабельный и бравый прожек-

тецъ изготовленъ, — сказалъ онъ:—свѣтъ изумится! Потерпите только немного...

Поздно за полночь оба возка въѣхали въ Петербургъ! Волковъ, уткнувшись въ уголъ кареты, храпѣлъ. Корфъ также начиналъ подремывать.

— Э, бравò, тайный мой конференцъ-секретарь спитъ,— обратился Петръ Ѳедоровичъ къ Корфу:—даешь слово молчать?.. ein Wort—ein Mann?

— Ich schwöre! клянусь, ваше величество!

— Такъ держи-жъ секретъ--вотъ, чтò мнѣ совѣтуютъ... И ты, какъ честный солдатъ, пособляй мнѣ во всемъ... Въ маѣ, или—чтò то же—въ іюнѣ, возьму Иванушку изъ крѣпости въ Петербургъ, обвѣнчаю его съ дочкой моего дяди, принца Голштейнбекскаго, и прокламирую, — какъ своего наслѣдника...

Корфъ помертвѣлъ.

— Herr Gott!.. А государыня, а вашъ сынъ?—спросилъ онъ подъ скрипъ тяжелаго возка, нырнувшаго въ уличный громадный ухабъ.

Дремота мигомъ слетѣла съ головы барона.

— Мейне либе фрау, — улыбнулся императоръ: — я постригу въ монахини, какъ сдѣлалъ мой дѣдъ, великій Петръ, съ первою женою — пусть молится и кается! и посажу съ сыномъ въ Шлиссельбургъ, въ тотъ самый домъ, который для принца Ивана велѣлъ построить... Ну? was willst du sagen? И домъ тотъ будетъ имъ похоронный катафалкъ, каструмъ долòрисъ...

— Lieber Gott! ist das möglich, Majestät? Чтобъ съ того не вышла гибель для государства, а то и для васъ самихъ...

— Пустяки! vogue la galère!.. сдумано, сдѣлано! — сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — таковъ мой рыцарскій девизъ... Не отступать, чортъ побери, не отступать! Что? форсировано маленько? Трусишь? Wir wollen, голубчикъ, ein bischen Rebellion machen...

— Что моей роли касается, можете, ваше величество, фундаментально спокойны быть, — отвѣтилъ генералъ-полицеймейстеръ: — meine Ergebe nheit... моя преданность къ вамъ, Majestät, изъ мрамора, изъ гранита... и тайну эту изъ моей души до смерти не вырвутъ...

— — -

На другой день, поздно вечеромъ, Корфъ подъѣхалъ, съ

Мойки, къ аппартаментамъ императрицы, былъ тайно, по черной лѣстницѣ, къ ней введенъ и сообщилъ ей все слышанное отъ императора. Но его предупредили...

Волковъ еще ранѣе, а именно утромъ того дня, проникъ къ каммеръ-фрау государыни, Катеринѣ Ивановнѣ Шаргородской, и черезъ довѣренную особу,—съ которой онъ давно ужъ велъ на всякій случай переговоры,—сообщилъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ не только то, что̀ говорилъ государь Петръ Ѳедоровичъ, но и то, что̀ было притомъ отвѣчено Корфомъ.

«Петровцы» замѣтно начинали переходить въ лагерь «Екатериновцевъ». Приближались событія, такъ характерно названныя въ одномъ изъ украинскихъ мемуаровъ того времени «*похожденіями извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ*».

МИРОВИЧЪ.

(1762—1764 г.)

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОХОЖДЕНІЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢЙСТВЪ.

—«Роковая минута приближалась...»
Арапъ Петра Великаго.

X.

Помощница пристава.

Нежданное посѣщеніе императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ шлиссельбургской тюрьмы и посылка Мировича съ бумагами въ заграничную армію возбудили немало толковъ и подозрѣній въ высшей столичной петербургской средѣ.

Голштинская партія еще болѣе подняла голову. Хотя ея вожаки старались соблюдать тайну, но по ихъ лицамъ, движеніямъ, двусмысленнымъ улыбкамъ и рѣчамъ можно было догадаться, что при дворѣ затѣвалось нѣчто необычайное. Представители русской партіи — друзья императрицы — съ тревогой всматривались въ близкое будущее.

Пчёлкина изъ первыхъ узнала о послѣдствіяхъ свиданія государя съ его несчастнымъ родственникомъ. Въ участи секретнаго арестанта, очевидно, готовились новыя облегченія. Комендантъ и старшій приставъ, князь Чурмантѣевъ, суетились, шептались, готовились приступить къ чему-то, что́ волновало и смущало ихъ всѣхъ.

Мировичъ выѣхалъ въ Петербургъ, черезъ сутки послѣ

отъѣзда государя изъ Шлиссельбургской крѣпости, и написалъ оттуда Пчёлкиной, что его снарядили за границу, дали ему щедрое пособіе на подъемъ, а вскорѣ изъ Нарвы онъ сообщилъ ей, что ужъ находится по пути къ отряду Бутурлина.

Пчёлкина старалась собраться съ мыслями, обдумать свое положеніе, успокоиться,—и волновалась болѣе. Все, что съ нею произошло въ послѣднее время, было такъ неожиданно, такъ странно.

Она вспомнила свой пріѣздъ въ Шлиссельбургъ, перебирала въ умѣ малѣйшія подробности первыхъ дней своего пребыванія въ семьѣ Чурмантѣева. Здѣсь она думала найти миръ отъ треволненій недавней дворской жизни; но, узнавъ нѣкоторыя подробности о неизвѣстномъ арестантѣ, томившемся въ сосѣдней съ домомъ пристава Свѣтличной башнѣ, она потеряла душевный покой. Таинственный, незнаемый свѣтомъ образъ несчастнаго колодника сразу приковалъ къ себѣ вниманіе Пчёлкиной. Дни и ночи на-пролетъ она думала о немъ, жадно прислушивалась къ малѣйшему о немъ намеку въ крѣпости, старалась по своему представить себѣ его незримыя, скрытыя за стѣнами Свѣтличной башни, черты. Тогда еще не было случая съ пожаромъ въ помѣщеніи принца; таинственный, столь оберегаемый узникъ находился черезъ дворъ, противъ квартиры пристава, въ особомъ секретномъ казематѣ. Поликсена не спускала глазъ съ крыльца этой башни, гдѣ, молча, ходилъ съ ружьемъ часовой и всякій вечеръ вверху тускло освѣщалось, огражденное черной рѣшеткой, узкое окно. Разспрашивать Чурмантѣева Пчёлкина боялась; но добродушный приставъ самъ иной разъ ронялъ то или другое слово о заключенномъ. Онъ отъ души жалѣлъ порученнаго ему страдальца и радовался всякому слуху, изрѣдка долетавшему изъ столицы о возможности улучшенія его судьбы. Перемѣнъ, однако, тогда еще не было. Дни шли за днями въ той же, давно размѣренной, мертвенно-тихой и однообразной средѣ.

Кончивъ занятія съ дѣтьми, Поликсена садилась съ работой въ ихъ классной, и въ то время, когда дѣвочки Чурмантѣева играли въ куклы, бѣгали и рѣзвились, принималась упорно думать о «молчаливомъ призракѣ», томившемся въ таинственной башнѣ. Каковъ онъ, да что съ нимъ? Какъ отразилась на бѣдномъ затворникѣ двадцатилѣтняя,

ной туда арестантской аммуниціи и провизіи, у наружныхъ дверей поставили особаго часового. Такія перемѣщенія въ крѣпости не были новостью.

Чурмантѣевъ могъ успокоиться. Кромѣ гарнизоннаго фельдфебеля да фельдшера, никто бы и не зналъ, гдѣ именно находится ввѣренный ему Безыменный арестантъ. Но, сперва незамѣченный, вывихъ ноги вскорѣ далъ себя знать Чурмантѣеву.—«Вотъ, сударыня, одного буйнаго колодника перевелъ я подъ свой кровъ и фаворъ»,—сказалъ онъ Пчёлкиной, пробираясь утромъ съ ключами и съ чашкой арестантской стряпни, черезъ двѣ нежилыя горницы, бывшія за дѣтскою спальней и носившія названіе «старой кладовой». Этихъ комнатъ давно никто не видѣлъ, и онѣ въ послѣдніе годы были подъ замкомъ. Сходилъ туда Чурмантѣевъ еще разъ въ обѣдъ, потомъ вечеромъ, въ ужинъ; но къ ночи слегъ и разохался: ни спать, ни сѣсть отъ опухшей, ломившей ноги.

— Охъ, къ Власьеву написать, что ли, въ Ладогу,—говорилъ со стономъ приставъ:—вызвать бы его... и куда, въ самомъ дѣлѣ, одному со всѣмъ справиться?

— Хорошо сдѣлаете,—сказала Поликсена:—диктуйте, я принесу бумаги и перо.

— Нѣтъ, матушка, подожду ужъ... Не полегчитъ ли къ утру?

А за ночь хватила лихорадка, жаръ и бредъ. Чурмантѣевъ метался въ безсонницѣ, поминутно звалъ къ себѣ няню-чухонку, что-то все собирался ей сказать и не могъ: она была совсѣмъ глухая и мало понятливая баба.

«Не догадается, не пойметъ,—думалъ о ней, мучась, Чурмантѣевъ,—но другимъ можетъ придти въ голову, станутъ ее пытать, и она объявитъ секретъ».

На разсвѣтѣ Поликсена пришла провѣдать больного князя. Онъ лежалъ съ открытыми, горѣвшими, испуганными глазами.

— Что̀ съ вами?—спросила она.

— Тотъ-то... колодникъ-то,—прошепталъ Чурмантѣевъ, поднимаясь и шаря рукой подъ подушкой:—свѣжей водицы бъ ему, хлѣба, молока... дура эта чухонка... фельдфебеля звать не хочется.

— Давайте, я ему снесу; дѣти еще спятъ.

— И онъ кстати спитъ... Отнеси, матушка; тамъ пере-

городка, и опять дверь... отомкни, поставь бережно и скорехонько уходи. Охъ, онъ вѣдь... за всѣмъ слѣдятъ...

Голова Чурмантѣева закружилась. Онъ не договорилъ, подалъ ключи и въ изнеможеніи упалъ на постель. Поликсена была въ красивой ночной блузѣ. Накинувъ на голову платокъ, она пробралась въ бывшую кладовую. Няня и дѣти еще спали. Утренніе лучи уже пробивались съ надворья Пчёлкина отперла первую дверь, вторую; тихо нажавъ послѣднюю дверную ручку, она ступила за порогъ. — «Кто, однако, этотъ заключенный?—спрашивала она себя:—фанатикъ-раскольникъ, бунтовщикъ противъ власти, или важный военный дезертиръ? И каковъ онъ изъ себя? гдѣ спитъ? старый или молодой? Или впрямь это тотъ самый... таинственный, запрятанный сюда, принцъ, о которомъ говорятъ?»

Поликсена помедлила при входѣ. Въ комнатѣ было темно. Она отодвинула складной, внутренній, оконный ставень, оглянулась вокругъ себя. Вправо отъ входа, на желѣзной, заржавленной кровати, покрытой старымъ сбитымъ войлокомъ, въ посконной мужичьей рубахѣ и въ заношенныхъ, на босу ногу, башмакахъ, спалъ худощавый, блѣдный молодой человѣкъ. Русые, длинные волосы мягкими прядями укрывали подушку и часть красиваго, съ рыжеватой бородкой, лица. Нѣжная, женственно-бѣлая рука свѣшивалась изъ-подъ наброшеннаго на спящаго грубаго матросскаго плаща.—«Такъ молодъ—и ужъ колодникъ, — подумала Поликсена, бережно ставя воду и завтракъ на столъ, гдѣ лежала полураскрытая, почернѣлая, старой церковной печати, книга,—скорѣе—раскольникъ, ихъ архимандритъ или епископъ — и, видно, опасный», — досказала себѣ Поликсена, отходя къ порогу.

Арестантъ проснулся, вскочилъ, присѣлъ на кровати; его испугало невиданное явленіе. И никогда, въ остальные годы жизни, Поликсена не могла забыть этихъ кроткихъ глазъ и этого изумленнаго лица.— «Принцъ!» — подумала она, чувствуя, какъ молнія пронеслась у нея въ мысляхъ, обдавъ ее страхомъ и мучительной радостью. Она окаменѣла.

Арестантъ протянулъ передъ собой руки, протеръ себѣ глаза и что-то заговорилъ несмѣлымъ, молящимъ шопотомъ. Что говорилъ онъ въ это время и за кого принималъ, въ полу-снѣ, въ полу-сознаніи, вошедшую къ нему гостью— трудно было рѣшить. Въ его дѣтскихъ впечатлѣніяхъ оста-

лись смутныя воспоминанія о другомъ подобномъ, ласковомъ и нѣжномъ существѣ; но то была жалкая, высокая и худая особа, съ вѣчно-заплаканнымъ лицомъ, въ черномъ, траурномъ платьѣ, и съ глазами, полными ужаса и скорби. Арестанту впослѣдствіи казалось, или ему это говорили, что то была его несчастная, сосланная съ нимъ мать, принцесса Анна Леопольдовна. И онъ часто, съ болью сердца, раздражительно думалъ о прошломъ, приставалъ къ окружавшимъ съ разспросами о ней, старался мысленно себѣ представить эту далекую, дорогую, заплаканную мать. Нерѣдко, въ смутномъ тяжеломъ снѣ, Иванушкѣ мелькалъ на мигъ ея неуловимый, скорбный и вмѣстѣ плѣнительный, куда-то, въ безжалостный мракъ, убѣжавшій образъ. И вдругъ ему снова теперь показалось, что онъ спитъ и во снѣ нежданно увидѣлъ этотъ образъ. Нѣтъ, это не она. Той нельзя было разглядѣть, какъ онъ ни усиливался, какъ ни мучился. А эта — вонъ она стоитъ, у двери; ея свѣтлые, чарующіе глаза смотрятъ на него съ удивленіемъ и участіемъ, легкій станъ ея колеблется, ярко-цвѣтная блуза шелеститъ... Щелкнулъ дверной замокъ,—гостья скрылась...

Съ того дня Пчёлкина стала безпрепятственно навѣщать арестанта. Чурмантѣевъ хоть и сознавалъ неудобство этихъ свиданій, но было трудно ихъ избѣжать: онъ лежалъ больной, неподвижный. Въ Петербургъ о его болѣзни не рапортовали. Притомъ изъ столицы неслись утѣшительныя вѣсти; вездѣ сказывались облегченія, послабленія. — «Авось вспомнятъ и насъ, забытыхъ, не казнятъ, — думалъ приставъ, прикованный вывихомъ ноги къ постели, — Богъ мнѣ послалъ помощницу разумную, скромную».—И дѣйствительно, Поликсена держала себя такъ обдуманно, строго. Лишняго слова не скажетъ: осмотрительна, горда. Сторожей надо ли впустить, убрать комнату принца,—она выведетъ арестанта, запретъ въ смежную пустую горенку, — впуститъ фельдфебеля къ князю, за ключами, — а сама накинетъ шубку и стоитъ у наружныхъ дверей, пока гарнизонные солдаты метутъ, моютъ полы и провѣтриваютъ помѣщеніе принца.

Днемъ Поликсена приносила пищу, питье и книги арестанту; ночью сама читала съ нимъ, учила его писать, чертила ему виды крѣпости, озера, окрестныхъ мѣстъ, разсказывала о Петербургѣ. Замѣтивъ его заиканіе, а при волне-

нія даже косноязычіе, она заставляла его медленно, внятно читать и повторять за нею трудныя для него слова. Затворникъ оказался вовсе не такимъ малосмысленнымъ, слабымъ ребенкомъ, какимъ его представляла себѣ Поликсена. Онъ былъ смѣтливъ, находчивъ, и когда ничто его не раздражало, — быстро усвоивалъ новыя понятія и радовался всему безгранично. Эта радость иногда переходила въ веселость, неудержимую смѣшливость. Принцъ вскакивалъ, прыгалъ по комнатѣ, дѣлалъ забавныя выходки. — «Боже, когда бы скорѣе, скорѣй! — торопилась и трепетала Поликсена, со страхомъ приглядываясь къ работѣ, производившейся въ постоянной тюрьмѣ арестанта: — успѣю ли все ему передать, разсказать?»—Она видѣла, какъ по ночамъ, черезъ дворъ, съ фонарями, выносили изъ башни мусоръ, закопченный кирпичъ; новая труба поднялась на крышѣ; вымели кучу щепокъ съ крыльца; устроили у лѣстницы творило для извести, и, подъ конвоемъ инвалидовъ, сталъ ходить въ башню, съ ведеркомъ и съ кистью, посадскій маляръ. Передѣлки подходили къ концу.

Разъ, — это было вечеромъ, — къ больной ногѣ Чурмантѣева, дня за два передъ тѣмъ, привязалось рожистое воспаленіе, и онъ чувствовалъ себя очень неладно. Поликсена прошла, съ корзиной кушанья и новой книгой, къ арестанту.—«Пусть себѣ,— думалъ, глядя на нее, приставъ,— не велика бѣда: не встану, умру,— хоть добромъ помянутъ за неповиннаго, всѣми забытаго страдальца!» — Поликсена вошла къ узнику, замкнула за собою дверь, надвинула оконный ставень, зажгла принесенную восковую свѣчу и раскрыла книгу. Арестантъ сѣлъ рядомъ съ нею у стола. Она смотрѣла на него, стараясь проникнуть въ его мысли. Чтò думалъ о ней принцъ? чего ждалъ отъ нея, отъ своей судьбы? Онъ былъ не по себѣ; смотрѣлъ сумрачно. Тихо взявъ ее за руку и нѣжно глядя ей въ глаза, онъ робко коснулся къ этой рукѣ губами.

— Что вы?—спросила, вспыхнувъ, Поликсена.

— Всѣ ли вы... таковы?—произнесъ Иванушка.

— Много есть лучше,—отвѣтила Поликсена

— Имя твое?

— На чтò вамъ имя? зовите—другомъ...

— Останься, не уходи... будь вѣчно со мной!

Арестантъ прижалъ руку гостьи къ своей груди.

— Другъ, прикажи меня выпустить,—сказалъ онъ:—вѣдь всѣ тебя послушаютъ.

— Ошибаетесь, я здѣсь подначальная.

— Ты не человѣкъ... духъ съ неба, планида.

— Человѣкъ, и самый послѣдній, ничтожный.

— Ножъ возьми и ихъ убей!—сказалъ арестантъ, сверкнувъ глазами.

— Одного убить, останется много другихъ,—отвѣтила Поликсена:—терпите, молите Бога, принцъ! время придетъ, вы будете свободны.

Колодникъ слушалъ и не могъ понять, почему эта стройная красивая дѣвушка, отъ каждаго движенія, слова, отъ каждой складки платья которой вѣяло такимъ обаяніемъ, была не въ силахъ дать ему волю, его спасти.

— Меня всего лишили?—спросилъ онъ:—всего?

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Были другіе такіе мученики?

— Были... Несчастныхъ, какъ и васъ, лишали престола, царства.

— А скажи, кому-нибудь возвращали то, что̀ отнято?

Пчёлкина разсказала узнику о французскомъ королѣ Карлѣ Седьмомъ, и о его избавительницѣ, крестьянской дѣвушкѣ изъ Орлеана. Иванъ Антоновичъ слушалъ ее съ замираніемъ сердца, и когда она кончила разсказъ, схватилъ ее за руку и, страстно прижимаясь къ ней, сталъ просить, чтобъ и она вымолила у Бога чудо, спасла его отъ гонителей и тюрьмы. Его дѣтски-молящая, несвязная рѣчь, слезы и сильныя, мужественныя объятія заставили Поликсену опомниться. Она его отстранила, стараясь его успокоить.

— Вы будьте готовы, если думаете уйти,—можетъ-быть, я приду или дамъ знакъ,—сказала она.

— Приказывай, зови.

— А если откроютъ, догонятъ, убьютъ?

— Пошли, Боже, муки, смерть! лишь бы ты... лишь бы съ тобой...

Поликсена встала. Въ ея спокойныхъ, строгихъ глазахъ блеснулъ рѣшительный лучъ. Она положила руки на плечи узника, растерянно и съ робкой надеждой смотрѣвшаго на нее; судорожно сжала тонкіе пальцы, притянула его къ себѣ

и, страстно прикоснувшись губами къ его блѣдной, исхудалой щекѣ,—пошла къ двери.

Арестантъ обезумѣлъ, замеръ.

— Куда, куда? — крикнулъ онъ, кинувшись за ней: — свѣтъ... радость!

Дверь захлопнулась, все стихло.

Весь слѣдующій день Поликсена ходила, какъ потерянная. Вечеромъ этого дня, послѣ долгой разлуки, она неожиданно свидѣлась, у священника, съ Мировичемъ. Мысль о помощи принцу возродилась въ ней съ новой силой. Она терялась въ предположеніяхъ, планахъ, догадкахъ. И подыскался случай, указавшій, какъ ей дѣйствовать.

Ведя дѣтей на исповѣдь, она впопыхахъ забыла замкнуть дверь временного помѣщенія узника и тѣмъ вызвала нежданную встрѣчу съ нимъ Мировича.—«Судьба!»— сказала она себѣ, и тутъ ей пришло въ голову — откровеннымъ, безыменнымъ письмомъ побудить государя къ посѣщенію Шлиссельбургской тюрьмы. Ея смѣлый планъ удался, но не такихъ она ожидала послѣдствій. Царственный узникъ оставался, попрежнему, въ заточеніи; женихъ Поликсены былъ усланъ за границу, а Чурмантѣеву къ Пасхѣ объявили, что онъ замѣненъ другимъ и переводится, въ уваженіе его заслугъ, на покой, въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей, за Волгу.

Князь Чурмантѣевъ, передъ выѣздомъ, былъ вызванъ въ Петербургъ, для нѣкоторыхъ объясненій въ особой комиссіи — изъ Нарышкина, Мельгунова и Волкова, которымъ отнынѣ было поручено вѣдать дѣла арестанта Безыменнаго. Князь уѣхалъ, а дѣтей съ Пчёлкиной на время оставилъ, вслѣдствіе весенней распутицы, въ домѣ священника.

Преемникъ Чурмантѣева, премьеръ-майоръ Жихаревъ и его помощники, капитаны Батюшковъ и Уваровъ, приступили съ Бередниковымъ къ обсужденію мѣръ для исполненія личныхъ приказаній императора объ арестантѣ. Имъ, по поводу этого, изъ Петербурга писалъ Унгернъ: «арестантъ, послѣ учиненнаго ему посѣщенія, легко можетъ получить какія-либо новыя, неподходящія мысли; а потому всячески удерживайте его отъ новыхъ пагубныхъ вракъ,— о здоровьѣ жъ, о воздухѣ заботьтесь».

Первую прогулку съ арестантомъ сдѣлали послѣ Пасхи,

— Я всѣ планиды знаю,—сказалъ вдругъ арестантъ:— всѣ, всѣ, до одной...

— Что же вы знаете о нихъ?—спросилъ, зѣвнувъ, Жихаревъ.

— Въ окно высмотрѣлъ... какъ и что кому обозначено...

— И что-жъ на нихъ обозначено?

— Вонъ та, бѣлая... вонъ одна-то... видишь?.. это моя.

— Ну, а тѣ, подалѣе?

— Голубенькая — государева... Всѣ ночи глядѣлъ на нихъ, допытывался... спрашивалъ ихъ.

— И что-жъ вы спрашивали?

Арестантъ замолчалъ; въ досадливомъ нетерпѣніи, молчалъ и приставъ. Ночная какая-то птица въ это время налетѣла на нихъ и, пугливо шарахнувшись, унеслась въ сторону, къ темному бастіону.

— Не выпуститъ царь,—продолжалъ арестантъ:—не быть ему въ счастьѣ...

— Врете, сударь; охота пустое врать!

— Видишь? голубая планида, раньше бѣлой, за облакъ зашла?.. Ну, раньше моей закатится его доля...

— Чепуху, несуразное, сударь, говорите,—строго сказалъ, оглядываясь, Жихаревъ:—не бросите вранья, по начальству отпишу... Вамъ облегченіе, милости, а вы... пора по угламъ...

Арестантъ и его стражъ спустились съ куртины, сошли въ крѣпость и, церковнымъ садомъ, приблизились къ гауптвахтѣ. Изъ-за распускавшихся деревъ показался домъ священника. Принцъ взглянулъ туда, тихо вскрикнулъ и бросился впередъ.

— Куда вы, куда?—сказалъ Жихаревъ, схвативъ его за руку.

За выступомъ дома, у крыльца священника, стояла Пчёлкина.

— Ой, да пусти же ты, грубіянъ!—крикнулъ, вырываясь, арестантъ:—другъ, другъ!.. Ты здѣсь? вотъ я, спаси...

— Сударыня, уходите, — произнесъ приставъ: — прошу васъ, приказываю.

Арестантъ вырвался, добѣжалъ къ крыльцу.

— Гдѣ была? гдѣ? — задыхаясь, шепталъ онъ Поликсенѣ:—столько дней не слыхалъ голоса...

— Идите, покоритесь,—проговорила Пчёлкина:—и помните, гдѣ бы вы ни были,—я васъ не покину, найду...

Жихаревъ крикнулъ стражу съ гауптвахты. Караулъ окружилъ арестанта, который кидался на солдатъ и бѣшено отъ нихъ отбивался.

— Дикіе вы звѣри!—кричалъ онъ:—кого слушаете? государь волю мнѣ далъ, а вы не пускаете... самъ я государь...

— Успокойтесь, сударь; что вамъ угодно? — спросилъ Жихаревъ.

— Не хочу въ старую нору.

— Новое помѣщеніе не готово.

— Къ попу переведи, вотъ сюда...

— Здѣсь тѣсно, да и негоже для васъ, не пустятъ.

— Иди, собака, и проси... Знаешь самъ, каковъ я родомъ человѣкъ!

— Слушаю, сударь,—отвѣтилъ, найдясь, Жихаревъ:—вы точно не простая персона, а потому надо по приличности очистить здѣсь горницы. Пойду къ священнику, а пока переждите на старомъ мѣстѣ.

Арестантъ сдался. Жихаревъ его заперъ попрежнему въ казематъ и поставилъ къ нему у башни двойной караулъ. Пчёлкину на утро выпроводили изъ крѣпости. Написавъ Чурмантѣеву, она съ его дѣтьми перебралась въ шлиссельбургскій посадъ.

Такъ прошло двѣ недѣли. Узникъ впалъ въ безнадежное отчаяніе. Имъ овладѣли порывы неукротимой злобы и свирѣпаго, звѣрскаго бѣшенства.

Часовые, на утренней смѣнѣ, сообщали приставу и коменданту о безсонныхъ ночахъ, проводимыхъ принцемъ. Сѣни и узкій проходъ передъ казематомъ оглашались раздирающими душу стонами и криками узника. Онъ бѣсновался безъ умолку, съ бранью и проклятіями, стучалъ скобой желѣзныхъ дверей, опрокидывалъ мебель въ комнатѣ, билъ стекла, рвалъ на себѣ платье и бѣлье.

— Что вамъ, сударь, надобно?—спрашивали его часовые въ дверное, рѣшетчатое окно:—эвтимъ манеромъ аммуницію искалѣчите... себѣ и казнѣ ущербъ.

— Ведите Жихарева, его, пса, надо...

— Аспидъ ты, крокодилъ!—съ пѣной у рта кричалъ узникъ Жихареву:—ее приведи... слышишь? ее...

— Нельзя-съ, по статуту, уѣхала.

— Разлюбитъ... вѣдь разлюбитъ... слово одно, хоть взглянуть!..

Арестантъ грызъ себѣ руки, хватался зубами за оконную рѣшетку.

«Еще въ Питерѣ узнаютъ про экое озорство, — думалъ, замирая въ страхѣ, приставъ,—ужъ когда бы скорѣе рѣшали, что съ нимъ и какъ! все Чурмантѣевъ натворилъ! донести о немъ,—да жаль бѣднаго, засудятъ»...

— Скорпіоны, аспиды! запали ихъ, Боже, сокруши!— кричалъ день и ночь въ окно и двери узникъ: — змѣй на нихъ! камни! кляни ихъ! Боже, кляни...

— Бѣсъ обуялъ, испортили! сердечнаго — шептали въ сѣняхъ гарнизонные солдаты:—былъ тихъ, а теперь буря-буреи...

Забываясь краткимъ, тревожнымъ сномъ, арестантъ просыпался ночью, и еще тяжелѣе и горше было у него на душѣ. Каменный сводъ давилъ, какъ гробъ. Отъ молчаливыхъ, бѣлыхъ стѣнъ вѣяло холодомъ. Когда-то разсвѣтъ? Иванушка звалъ Поликсену, слалъ ей нѣжныя слова. Бросится къ форточкѣ каземата, распахнетъ ее, торопливо привстанетъ на цыпочки и жадно вдыхаетъ свѣжій, ночной воздухъ.. Виденъ край темнаго хмураго неба. Вонъ бѣлая и голубая звѣзды; высоко онѣ мерцаютъ надъ крѣпостью, ныряя въ налетающихъ облакахъ.

«Имъ вольно въ далекомъ небѣ, — мыслилъ онъ, — а я опять въ норѣ, опять взаперти».—Ночь проходитъ. Загорается блѣдное утро. Воробьи чирикаютъ, галки валетаютъ, чистятъ длинные, жадные носы. Солнце поднимается. Крики жаворонковъ, соловьевъ доносятся съ полянъ, изъ лѣсистыхъ, просыпающихся тайниковъ. Тамъ радость, тамъ жизнь. А здѣсь? И кажется Иванушкѣ, что не соловьи и не жаворонки отзываются на берегу, а трубятъ чудотворныя золотыя трубы, нѣкогда рушившія стѣны Іерихона.—«Осанна въ вышнихъ! — шепчетъ узникъ: — Египетъ даде руку, Ассуръ въ насыщеніе ихъ... Но гдѣ Египетъ и гдѣ освободитель Ассуръ?..»

Арестантъ силился взломать ржавую, оконную рѣшетку и до крови рѣзалъ себѣ руки.

Нѣтъ спасенія, нѣтъ воли... Почернѣлая, закапанная воскомъ книга разогнута на столѣ. Слабый утренній свѣтъ скользитъ по ней, и кропятъ ее горькія, жгучія слезы. Ива-

нушка читаетъ, но нѣтъ смысла и отрады въ прочитанномъ. Стѣны глухи и нѣмы, какъ могила. Кругомъ тишина.

«Бысть яко медвѣдь ловяй, яко левъ отъ сокровенныхъ»— читаетъ Иванушка, добиваясь отвѣта на свои терзанія.

«Не левъ я,—жалкая мошка, комаръ!.. А тамъ, за стѣной... тепло, воздухъ, люди и она... ха, - ха!.. звѣри, убійцы! звѣри»...

Дикій хохотъ, будя утреннюю тишину, несся изъ темнаго окна узника.

XI.

Надпись на воротахъ.

Мировичъ оставилъ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ и полный давно неиспытанныхъ, радостныхъ ощущеній. Подъ шумъ и плескъ вешнихъ водъ, онъ несся за границу на перекладной. Вотъ Луга, Псковъ, Двина—какъ море, берега Нѣмана. Весна въ Литвѣ стояла во всемъ разгарѣ. Тянулись вереницы дикихъ гусей, журавлей. Лѣса, водныя заросли синѣли въ туманѣ, стонали отъ птичьихъ криковъ и свистовъ. Пахло березовыми, смолистыми листьями, ландышами.

«Женюсь, все брошу, — думалъ Мировичъ, миновавъ границу, — возьму абшидъ, выйду въ чистую, и уѣду на родину — хлопотать о своихъ правахъ. Что намъ столица, блескъ жизни, фанфары, суета-суетъ? Поликсена сказала: когда не Питеръ, лучше уѣхать на твою Украйну, въ Переяславскій уѣздъ, нагулялись бы мы тамъ, по поясъ въ полевыхъ травахъ, надышались бы цвѣтомъ яблонь да грушъ!.. Повезу ее. Нѣтъ своего угла на родинѣ, добьемся его,—не черезъ себя, черезъ добрыхъ людей, а пока погостимъ у друзей. Никогда, кажись, такъ не жаждалъ достатка; а ужъ для нея... она хочетъ, и все будетъ!.. И Михайло Васильичъ Ломоносовъ одобрилъ, когда я ему все разсказалъ, по возвращеніи изъ Шлиссельбурга. Тамъ, на Трубежѣ, возлѣ былого дѣдовскаго Липоваго-Кута, — гдѣ пчелы отцовскаго кума и гдѣ я бѣгалъ мальчикомъ... Вотъ гдѣ рай... Хоть бы клочокъ родной земли! Панъ на загородѣ равенъ воеводѣ... Цѣла ли та пасѣка и живъ ли старый отцовъ кумъ, Майстрюкъ?..»

Солнце грѣло. Мировичъ дремалъ и видѣлъ себя въ полѣ.

Золотыя волны высокой, спѣлой пшеницы шуршали и колебались кругомъ. Онъ шелъ гдѣ-то нивой, въ гору. На горѣ церковь; въ ней пѣнье, горятъ свѣчи. Его ждутъ вѣнчать съ Поликсеной. А золотой пшеничной нивѣ нѣтъ конца. Колышатся и шепчутся душистыя волны; онъ тонетъ въ нихъ, выбивается изъ силъ. Мелькаютъ алые маки, васильки; на нихъ качаются сизыя, съ рогами, жуколицы, глазатые, пушистые пауки... «Что же я-то? у меня вѣдь крылья есть!»—думаетъ Мировичъ, распахнулъ крылья и летитъ надъ шуршащимъ моремъ и не видитъ колосьямъ конца. Поспѣетъ ли?.. Церковь далѣе и далѣе... Сердце замираетъ. Онъ очнулся. Передъ глазами сѣрый жидовскій балахонъ, сгорбленная спина и рыжіе пейсы возницы. Станція, смѣна лошадей...

Переговоры съ Пруссіей о заключеніи окончательнаго мира начались еще до пріѣзда Мировича въ отрядъ Бутурлина. Съ одной изъ такихъ экспедицій, въ числѣ другихъ офицеровъ, попалъ снова въ Берлинъ и Мировичъ.

Къ концу мая, онъ прислалъ изъ-за границы презенты невѣстѣ: сѣрое тафтяное платье, бархатный алый камзолъ, черепаховыя подвѣски, браслеты, склаважъ и модную, изъ бѣлой шали, накидку—барбаръ. Презенты были присланы, съ оказіей, на имя Бавыкиной. Настасья Филатовна похвастала ими Ломоносову.

— Вкусу немало,—сказалъ, разглядывая жениховы подарки, Михайло Васильевичъ.

— Такъ-то такъ,—произнесла, покачавъ головой, Филатовна:—только гдѣ онъ, прокуратъ, денегъ на все это досталъ? Ужли въ карты опять рѣзаться началъ? Какъ думаете, ваше высокородіе?

— Ужъ и въ карты, матушка, экія вы!..

— А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ, не въ карты!—сказала, обрадовавшись, Филатовна:—въ гору, пожалуй, пошелъ; вѣдь смышленый, хоть куда; ну, и отличаютъ... гляди-кось, еще съ оргеномъ воротится...

«Мнѣ-то только, бездольной, что дѣлать?—подумала, вздохнувъ, старуха, — куда дѣться? ужли такъ-то все торговлей на старости лѣтъ по улицамъ маяться? видно и впрямь, въ люди на мѣсто идти!»

Къ первому дню Пасхи императоръ Петръ Ѳедоровичъ

переѣхалъ въ новый зимній дворецъ. Строитель его, Растрелли, получилъ голштинскую Анненскую звѣзду, съ надписью: «Amantibus justitiam, pietatem, fidem». — Императрицу государь помѣстилъ въ отдаленномъ концѣ дворца; ближе къ себѣ восьмилѣтняго сына Павла, съ наставникомъ его флегматическимъ и мѣшковатымъ, но хитрымъ и умнымъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. На антресоляхъ было отведено помѣщеніе Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой, а въ особомъ флигелѣ дворца государь назначилъ аппартаменты предположенной имъ невѣстѣ заключеннаго принца Іоанна Антоновича, несовершеннолѣтней дочери своего дяди, генералъ-губернатора Петербурга, принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Голштейнъ-Бекской, съ ея гувернанткой, дѣвицей Мирабель.

Обѣдалъ и ужиналъ Петръ Ѳедоровичъ съ небольшой свитой. Голштинскіе любимцы окружали его тѣсной толпой. Императрица навѣщала мужа изрѣдка и то больше по утрамъ.

Заходя на половину къ сыну, государь трунилъ надъ его прошлымъ женскимъ воспитаніемъ и, теребя худенькаго, слабаго мальчика, со смѣхомъ говорилъ: «изъ Павлухи выйдетъ еще цѣлый молодецъ, лишь бы я успѣлъ съ нимъ заняться и сдѣлать изъ него браваго солдата. А теперь, что̀ онъ? телепень, бабій баловень и только... Въ походъ, сударь, въ походъ!»

Своего учителя на скрипкѣ, итальянца Пьери́, Петръ Ѳедоровичъ назначилъ придворнымъ капельмейстеромъ. Во дворцѣ давались концерты изъ знатныхъ любителей музыки. Братья Нарышкины,—одинъ изъ нихъ андреевскій кавалеръ,—участвовали въ этихъ музыкальныхъ состязаніяхъ, рядомъ съ важнымъ звѣздоносцемъ Адамомъ Олсуфьевымъ, правой рукой гетмана, президента академіи—статскимъ совѣтникомъ Григоріемъ Тепловымъ и академикомъ Штелиномъ. Императоръ являлся здѣсь запросто.

— Музыка у меня будетъ первый сортъ, — весело говорилъ онъ партнерамъ:—выпишу изъ Падуи знаменитаго ветерана скрипки, Тастини... Вѣдь онъ, saperment! между нами-то сказать,—одной со мной школы... Specialissime за нѣжные, ласкательные, а индѣ маэсто̀зные тоны и переходы... Нигдѣ грубыхъ эффектовъ, нигдѣ балаганныхъ увертокъ и штукъ... мелодія, одна мелодія!

Голштинцы протирались всюду, захватывали себѣ и своимъ «партизантамъ» главныя мѣста.

За два дня до Пасхи, въ прибавленіяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» явилась, обратившая на себя общее вниманіе столицы и, какъ полагали, писанная подъ диктовку посланника короля Фридриха, Гольца, слѣдующая передовая статья: «С.-Петербургъ, апрѣля 4-го 1762 г.— Всемилостивѣйшій нашъ государь, съ самаго восшествія своего на престолъ, не пропускаетъ ни единаго дня безъ изліянія новыхъ милостей, или не подавая существительныхъ опытовъ отеческаго своего о пользахъ подданныхъ попеченія и глубокаго въ государственныхъ дѣлахъ проницанія», и пр., и пр.

Ропотъ противъ голштинцевъ усиливался. Старые слуги Елисаветы не выносили этихъ незваныхъ пришлецовъ. Новыя преобразованія и льготы не искупали грубаго и обиднаго обращенія заморскихъ гостей съ русскими. Ломоносову приписывали слова: «Капуста и рѣпа еще не взошли въ огородахъ, за то всходятъ голштинскія реформы».

Всякъ, просыпаясь въ ту весну въ Петербургѣ, спрашивалъ себя: что̀ объявлено отъ сената сегодня и что̀ готовится на завтра? Всѣ ходили въ чаяніи нежданныхъ, негаданныхъ перемѣнъ. Даже всезнающій генералъ-полицеймейстеръ Корфъ не разъ подсылалъ тайкомъ во дворецъ своихъ адъютантовъ, говоря имъ: — Вызови-ка тамъ, батенька, Карла Иваныча Шпрингера, да узнавай отъ него,— hörst du! — умненько, чѣмъ и съ кѣмъ нынѣ занимается государь?

Вслѣдъ за уничтоженіемъ тайной канцеляріи и дарованіемъ вольности дворянству, новые фавориты Петра Третьяго посовѣтовали ему заняться, оставленнымъ со временъ Петра Великаго, проектомъ объ отобраніи монастырскихъ помѣстій и о назначеніи отъ казны содержанія, какъ черному, такъ и бѣлому духовенству.

Баронъ Унгернъ сказалъ однажды, за обѣдомъ у Алексѣя Разумовскаго, Волкову:

— Не худо бы передать архіепископу Димитрію объ отмѣнѣ постовъ... Ваше постное масло, рѣдька и щи не по желудкамъ нынѣшняго свѣта. Да сказать бы ему, à propos, что пора ужъ пересмотрѣть и во многомъ измѣнить и весь

вашъ старый монахизмъ, а духовенству разрѣшить брить бороды и ходить, какъ въ Европѣ, въ цивильныхъ кафтанахъ.

— Чей въ этомъ совѣтъ?—спросилъ Волковъ.

— Ну, да ты ужъ скажи преосвященному Димитрію,— загадачно улыбнулся Унгернъ:—пусть подумаетъ.

Эти слова быстро разнеслись по городу. Не въ однихъ боярскихъ хоромахъ вспомнили, что государь Петръ Ѳедоровичъ, вслѣдъ за погребеніемъ императрицы-тётки, посѣтилъ торжественную по ней панихиду въ католической церкви, гдѣ исполнялась печальная кантатареквіемъ, сочиненія Манфредини, и что, послѣ панихиды, онъ завтракалъ у патеровъ этого храма.

На Ѳоминой было приказано приступить къ немедленной постройкѣ, для иноземныхъ придворныхъ слугъ, лютеранской церкви при ораніенбаумскомъ лѣтнемъ дворцѣ.—«Лютеранство вводятъ въ Россіи», — стали толковать въ средѣ русскаго духовенства. Повторяли даже слова манифеста о вѣротерпимости, будто бы ужъ составленнаго на все готовымъ, генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ, гдѣ въ числѣ другихъ доводовъ приводились слова Евангелія: «Взгляните на птицы небесныя, иже не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы».

— И все-то голштинцы! — прибавляли въ народѣ: — все они, проклятые нехристи. — Составилась даже поговорка: «Голштинецъ дастъ тебѣ гостинецъ».

Ропотъ усилился, когда прошелъ кѣмъ-то пущенный слухъ, будто иноземные фавориты готовятъ указъ о вынесеніи изъ храмовъ всѣхъ старыхъ, якобы лишенныхъ благолѣпія, сирѣчь обезображенныхъ временемъ иконъ, и о закрытіи въ палатахъ вельможъ домовыхъ церквей: «не подобаетъ-де храмъ божій лишать благообразія, или держать оный у себя подъ рукой, на прикладъ своей бильярдной, кухни и того хуже».

Съ пріѣздомъ изъ Киля дяди государева, принца Жоржа, вліяніе нѣмцевъ стало еще сильнѣе. Повторялись имена столповъ этой партіи: Ольдерога, Цобельтиша, Кацау, Цегефонъ-Мантейфеля, Цейца. — «Новая Бироновщина настаетъ!» — громче и громче толковали обиженные русскіе. Юные совѣтники государя, между тѣмъ, не унывали. Они ему льстили и предрекали успѣхъ всѣмъ его ошибочнымъ,

проникнутымъ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ Россія, намѣреніямъ.

На обойной фабрикѣ гобеле́ней, — директоромъ которой былъ назначенъ, произведенный въ камергеры, любимецъ государя, придворный парикмахеръ Брессанъ, Петръ Ѳедоровичъ заказалъ, для передней въ новомъ зимнемъ дворцѣ, два большіе стѣнные ковра «haute lisse». Одинъ долженъ былъ изображать восшествіе на престолъ Елисаветы, другой—его собственное.

Въ маѣ были спущены на Неву два вновь построенные корабля. Одному государь далъ имя недавняго врага Россіи, своего друга, «Король Фридрихъ», другому—перваго принца крови, новаго фельдмаршала и эстляндскаго генералъ-губернатора—«Принцъ Жоржъ».

Приказавъ учредить, въ поддержку коммерціи и купечества, государственный банкъ, съ пятью милліонами рублей фонда, Петръ Ѳедоровичъ отдалъ повелѣніе объ устройствѣ, по примѣру заграничныхъ «долгаузовъ»—«нарочитаго» дома для «сущеглупыхъ», то-есть умалишенныхъ. Прогуливаясь какъ-то вечеромъ по городу, государь чуть не былъ искусанъ стаей бродячихъ собакъ. Онъ тотчасъ объявилъ повелѣніе объ образованіи изъ дворцовыхъ егерей «особой команды» для «наискорѣйшаго истребленія бездомныхъ собакъ». Этой же командѣ было разрѣшено стрѣлять на городскихъ площадяхъ и улицахъ «воронъ и прочихъ безхозяйныхъ птицъ». Усердные егеря стали стрѣлять по улицамъ чтимыхъ народомъ голубей.

Уволивъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ отставку, императоръ почасту заѣзжалъ къ нему въ Аничковъ дворецъ, гдѣ любилъ въ бесѣдѣ съ нимъ выкурить трубку кнастера или, вошедшую въ то время въ моду, сигару «фидибусъ». Дальновидный графъ, цѣня по своему это вниманіе, сказалъ по-украински государю:—«а подозвольте мнѣ, недостойному сыну гречкосѣя и внуку пастуха, снисканному толикою благосклонностью покойной государыни, подозвольте почествовать вашу милость» — и поднесъ въ презентъ высокому посѣтителю красивую трость, съ ручкой изъ слоновой кости, и въ придачу къ ней — на воинскія нужды государя—милліонъ рублей.

— Ба-ба-ба!—воскликнулъ дѣтски-обрадованный императоръ: — Potz-Blitz! да ты, Григорьичъ, Hexenmeister, кол-

дунъ; какъ разъ угадалъ, что мои финансы нарочито плохи... Спасибо, голубчикъ; вспамятовано будетъ! при случаѣ отблагодарю.

— Гвардія—это нынѣшніе янычары!—не стѣснился сказать Петръ Ѳедоровичъ гетману Кириллѣ Разумовскому, командиру любимыхъ Великимъ Петромъ и Елисаветой измайловцевъ: — ихъ въ скорости раскассирую, а пока стану ихъ замѣнять полевыми полками, да по-малу, на манеръ нашихъ бравыхъ голштинцевъ, реформировать...

Сильно взволновали эти слова весь военный, служилый людъ Петербурга.

— Развѣ мы преступники, измѣнники? — толковали обиженные слуги Елисаветы: — окружили государя продажные голштинскіе колбасники... Дай Богъ здравія его сыну и матушкѣ, его женѣ,—тѣ заморскихъ псовъ не жалуютъ.

Миръ съ Пруссіей былъ окончательно заключенъ, и десятаго мая торжественно отпразднованъ. Памятенъ остался этотъ день въ дворскомъ мірѣ.

Въ особой залѣ зимняго дворца былъ данъ пышно изготовленный обѣдъ. Съ крѣпости, съ адмиралтейства и судовъ, стоявшихъ на Невѣ, до поздней ночи раздавалась непрерывная пушечная пальба.

Было выпущено болѣе тысячи выстрѣловъ изъ орудій. Пили въ честь короля Фридриха и за продолженіе «счастливаго мира».

Провозгласивъ тостъ за собственную высокую фамилію, Петръ Ѳедоровичъ послалъ къ императрицѣ-супругѣ «берлинскую голубицу мира» — Андрея Гудовича, — спросить, отчего она при этомъ не встала? Государыня Екатерина Алексѣевна отвѣтила: «оттого, что вся наша фамилія, кромѣ его величества, государя, состоитъ лишь изъ меня, да изъ ребенка, моего сына».

— Передай ей, что она дура!.. — грубо крикнулъ государь:—передай, что кромѣ нея и сына, есть еще два члена нашей фамиліи, — дядя принцъ Жоржъ и его высочество принцъ Голштейнъ-Бекскій.

Императрица залилась слезами. Остроумный и находчивый графъ Строгоновъ стоялъ въ это время у нея за стуломъ. Чтобы развлечь государыню, онъ вполголоса разсказалъ ей свѣжій городской анекдотъ о нѣкоемъ влюбленномъ генералѣ Бехлешовѣ, который поѣхалъ амурничать въ Шлис-

сельбургъ и чуть, изъ-за перемѣны тамошняго начальства, не угодилъ въ казематъ крѣпости.

— Marlborough s'en va-t-en guerre...—шепталъ, нагнувшись, Строгоновъ.

Императрица сквозь слезы улыбнулась. Это замѣтили. Въ тотъ же вечеръ находчивый графъ былъ высланъ подъ арестъ въ свой загородный домъ, на Каменный островъ. Притомъ, черезъ князя Θедора Барятинскаго, былъ объявленъ арестъ и государынѣ; Барятинскій успѣлъ вызвать заступничество принца Жоржа, и распоряженіе объ арестѣ было отмѣнено.

Вскорѣ пронесся новый слухъ объ обѣдѣ въ Аничковомъ дворцѣ.

Сидя противъ датскаго посланника, Гакстгаузена, Петръ Θедоровичъ неожиданно для всѣхъ повелъ рѣчь о томъ, что Данія — исконный врагъ Россіи и что онъ намѣренъ датскому королю объявить войну, за притѣсненіе его родового герцогства, Голштиніи. На другой же день въ городѣ стали толковать, что противъ датчанъ дѣйствительно велѣно снаряжать двѣ сильныя арміи и что командиръ измайловцевъ, президентъ академіи наукъ и гетманъ Малороссіи, графъ Кирилла Разумовскій поведетъ за границу тридцать казачьихъ полковъ. Великій канцлеръ Воронцовъ и Волковъ совѣтовали государю не предпринимать этой войны. Онъ никого не слушалъ.

— Нѣтъ достойнаго полководца, фуражъ для арміи не выготовленъ,—говорилъ канцлеръ.

— Пустяки, съ провіантомъ еще успѣемъ... А что до полководца, я самъ стану во главѣ обѣихъ армій... Герцоги, мои предки, во время войны никогда не сидѣли дома... И прежде всего, по пути, я заѣду отдать аттенцію и кордіяльный решпектъ моему брату и государю, королю Фридриху... Я имѣлъ честь въ его арміи служить, какъ простой солдатъ... И никто изъ его братьевъ и подданныхъ не преданъ ему такъ, какъ я. Онъ опасается за мою жизнь, анонсируетъ мнѣ секретно, что русскіе не приспособлены оцѣнить женерозитетъ посланнаго имъ монарха... О-го! Larifari! посмотрю я, кто посмѣетъ противъ меня и моихъ вѣрныхъ, бравыхъ голштинскихъ быковъ! Съ ними я спокоенъ... А уѣхавъ, оставлю здѣсь въ арріергардѣ проницательныхъ и зоркихъ надсмотрщиковъ...

Дворъ къ одиннадцатому іюня готовился переѣхать за городъ. Было слышно, что государь, по обычаю, думаетъ поселиться въ любимомъ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, въ Ораніенбаумѣ, что сына онъ рѣшилъ оставить съ Панинымъ, въ Петербургѣ, а государынѣ приказалъ отвести для житья дворецъ въ Петергофѣ.

Дворъ веселился. Прогулки за городъ и вечера, съ игрой въ «бириби» и въ «кампись», чередовались съ концертами и распѣваніемъ, подъ звуки лютни, нѣжныхъ и чувствительныхъ, нѣмецкихъ романсовъ и русскихъ пѣсенъ, сочиненія придворнаго музыканта Белиградкаго.

Въ насмѣшку надъ замолчавшимъ Ломоносовымъ, иноземные фавориты посовѣтовали президенту академіи поощрить гуляку-стихотворца Баркова, которому, за оду въ честь новаго государя, и было дано званіе академическаго переводчика.

Короноваться государь откладывалъ до возвращенія изъ похода противъ Даніи.

— Корону заказать надо въ Гамбургѣ, — объявилъ онъ Унгерну: — въ Россіи нѣтъ и порядочныхъ ювелировъ; дорого, да и некогда, — увѣнчаемся сперва побѣдными, воинскими лаврами....

Объ императрицѣ не было почти слуха. Говорили одно, что государыня Екатерина Алексѣевна живетъ совершенной отшельницей, безъ всякаго значенія, силы и власти. На нее обращали менѣе вниманія, чѣмъ на племянницу канцлера, графиню Елисавету Романовну Воронцову.

— Я люблю дисциплину, я требователенъ, но даю и льготы!—говорилъ Петръ Ѳедоровичъ:—пусть народъ отдыхаетъ, — время строгостей и ужасовъ въ Россіи прошло... Пусть меня въ потомствѣ назовутъ ласковымъ Титомъ...

И дѣйствительно, — въ первые дни своего правленія, — Петръ Ѳедоровичъ возвратилъ изъ ссылки множество лицъ, сосланныхъ при его теткѣ, Елисаветѣ Петровнѣ.

На поприщѣ высшаго общества Петербурга, что ни день, съ весны 1762 года, стали появляться странные, незнакомые и чуждые новому поколѣнію, призраки прошлаго, престарѣлые елисаветинскіе сановники и временщики, которые нѣкогда ворочали судьбами Россіи, а теперь казались мертвецами, вставшими изъ давно-забытыхъ и обвалившихся могилъ.

Въ началѣ іюня, Мировичъ былъ на возвратномъ пути изъ Пруссіи. Но ему въ первомъ пограничномъ городѣ предъявили ордеръ военной коллегіи — остаться на мѣстѣ, въ Петербургъ не ѣхать и ждать дальнѣйшихъ распоряженій отъ ближайшаго начальства. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ Пчёлкиной.

Поликсена удивлялась, что онъ медлитъ возвратомъ и прибавила, что Чурмантѣевъ получилъ переводъ за Волгу, что онъ ужъ давно оставилъ Шлиссельбургъ и на-дняхъ ѣдетъ съ дѣтьми въ Казань и далѣе. Поликсена сперва предполагала остаться у Бавыкиной, но раздумала: какъ бы изъ того не вышло для нея, сосватанной невѣсты, какихъ вредительныхъ толковъ и послѣдствій.

«А куда дѣться, не знаю,—писала она:—вы же, сударь, Василій Яковлевичъ, такъ скупы на вѣсти. Зовутъ меня Птицыны; и я думаю къ нимъ временно переѣхать. Пишите туда. У нихъ дача на Каменномъ, и очень просятъ. Или посовѣтуете чтò иное?»

Ордеръ военной коллегіи и это письмо такъ смутили Мировича, что онъ не зналъ, на чтó рѣшиться.

«Чурмантѣевъ переведенъ за Волгу, Поликсена опять въ Петербургѣ, — терялся онъ въ догадкахъ: — вредительные толки и послѣдствія... Чтò все это значитъ? и гдѣ принцъ? ужели, наконецъ освобожденъ? Въ иноземныхъ журналахъ о томъ чтò-то писано»...

Императоръ Петръ Ѳедоровичъ, катаясь въ первыхъ числахъ іюня по Петербургу, вздумалъ осмотрѣть въ Петропавловской крѣпости монетный дворъ. При этомъ онъ сказалъ окружавшимъ:

— Сія фабрика мнѣ, господа, нравится больше другихъ; будь она прежде моя, не такъ бы я аранжировалъ ходъ моихъ финансій: зналъ бы, какъ ею пользоваться...

Въ крѣпость государь въѣхалъ въ сѣверныя, кронверкскія ворота, на которыхъ кинулась ему въ глаза нежданная, сильно озадачившая его надпись.

Большими, блѣдными, полинявшими отъ времени и солнца буквами, на верхней перекладинѣ, было написано: *«Іоанновскія ворота—1740 г.»*.

— Баронъ! — съ чувствомъ почти испуга, сказалъ императоръ, сидѣвшему рядомъ съ нимъ, Корфу: — взгляните!

1740 годъ!.. имя Іоанна! Вотъ чудо... Вездѣ это слово скоблили, плавили, жгли, а здѣсь-то, въ крѣпости, и проглядѣли... Когда придетъ моментъ и мой племянникъ, бывшій императоръ Іоаннъ Третій, съ должной помпой, опять со мной въѣдетъ въ Петербургъ, первое, что я ему укажу, будетъ это имя.

Случай съ надписью даромъ не пропалъ.

«Забылъ я о немъ, забылъ,—думалъ, ѣдучи изъ крѣпости, Петръ Өедоровичъ, — и никто не напомнилъ! Что откладывать и ждать постройки новаго дома? Вывезти его скорѣй изъ Шлиссельбурга... И ему станетъ легче, познакомится съ принцессой Екатериной, своей невѣстой, и задуманное дѣло по малу начнемъ»...

Черезъ день, въ Шлиссельбургъ отъ Унгерна была послана эстафета, сильно озадачившая коменданта и новаго старшаго пристава.

«А вѣдь бѣлую-то планиду и впрямь вспомнили на нашемъ горизонтѣ,—подумалъ Жихаревъ, идя объявить арестанту радостную вѣсть,—не забудь, о Господи! рядомъ съ нимъ и нашу долю»...

XII.

Московскій студентъ.

Въ началѣ іюня 1762 года, Ломоносовъ съѣздилъ на нѣсколько дней за городъ, въ собственныя, пожалованныя покойной государыней, мызы Коровалдай и Устьрудица, взглянуть на хозяйство и освѣжиться на сельскомъ воздухѣ.

Эти дачи лежали за Ораніенбаумомъ, въ тогдашнемъ Копорскомъ уѣздѣ, въ семидесяти верстахъ отъ Петербурга, и были подарены Ломоносову, для устройства фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру, пронизокъ и стеклярусу—«какъ первому въ Россіи тѣхъ вещей секрета сыскателю».—Земля этихъ имѣній омывалась глубокой и быстрой рѣкой Рудицей, на которой, лѣтъ десять назадъ, были устроены мельница, лѣсопильня и заводъ цвѣтныхъ стеколъ.

Теперь все это было запущено.

Небольшой изъ еловыхъ бревенъ домъ, съ постоянно закрытыми ставнями, одной стороной выходилъ къ сплошнымъ вѣковымъ лѣсамъ пустынной Ингріи, другою — къ холмистому берегу моря. Надъ почернѣлой, тесовой кровлей, со

скрипомъ, вертѣлся заржавленный жестяной Эолъ. То былъ значокъ самопишущей метеорологической обсерваторіи. Служилыя зданія вокругъ дома, фигурчатый досчатый заборъ и мостъ черезъ рѣку ветшали, безъ присмотра, и также были запущены. Одна дорога,—берегомъ моря, вела на Ораніенбаумъ и Петербургъ, другая — въ гору — къ сосѣдямъ, изъ которыхъ ближайшимъ былъ женатый на внучкѣ фельдмаршала Миниха, владѣлецъ мызы Аннenталь, баронъ Иванъ Андреевичъ Фитингофъ.

Тридцать лѣтъ назадъ самъ крестьянинъ-рыбакъ, Ломоносовъ съ своими двумя-стами крѣпостныхъ чухонъ, коихъ по указу «при той фабрикѣ — записали вѣчно», былъ заботливъ, справедливъ, но, какъ вообще съ подчиненными и младшими, требователенъ и строгъ. Онъ любилъ ихъ, заботился объ ихъ нуждахъ и не смотрѣлъ на нихъ какъ на чужаковъ, свысока, забавляясь, когда иной заморышъ-мужичонка, при встрѣчѣ, не снималъ передъ нимъ шапки и по простотѣ приходя къ своему знаменитому барину, садился передъ нимъ и разсказывалъ о своихъ нуждушкахъ. — «Дессьянсъ-академикъ я,—почтеніе отъ всѣхъ мнѣ указано свыше! — смотри, не осрами меня при другихъ!» — шутилъ коровалдайскій баринъ, угощая мужичонка брагой и виномъ.

Хозяйство Ломоносова, особенно въ послѣдніе годы, шло изъ рукъ-вонъ плохо. Желтоволосый и желтоглазый, но хитрый, туземный бурмистръ Адамка Кювеляйненъ, по мельницѣ и по прочимъ статьямъ давалъ въ настоящее время Михайлѣ Васильевичу такіе отчеты, что и шкурка за вычинку не выходила. Зато Адамка являлся передъ бариномъ изъ хатенки, сколоченной изъ пеньевъ, полѣньевъ, мху и коры, не только безъ шапки, но, въ доказательство своей убогости и ничтожества, нерѣдко даже босикомъ и называлъ его не иначе какъ «рафчикъ» и «ваше вишкаротіе», а его сума и самъ онъ—толстѣли не въ мѣру.

И въ тотъ пріѣздъ Михайло Васильевичъ больше занимался провѣркой самопишущаго Эола, чѣмъ учетомъ ветшавшей лѣсопильни и покривившейся на бокъ мельницы. Онъ поговорилъ съ Адамкой о приведеніи въ порядокъ дома, кое съ кѣмъ изъ крестьянъ; задумавшись, посидѣлъ на крыльцѣ, съ котораго виднѣлись бѣлѣвшія вдали готическія, деревянныя башенки Аннenталя; полюбовался видомъ тихаго, безбрежнаго моря и уѣхалъ въ Петербургъ лѣсною

глушью, полною птичьихъ пѣсенъ и криковъ и вечерняго запаха травъ и деревъ. — «Доброобычайный народъ,—думалъ онъ о крестьянахъ, въ помощь болѣвшему и хирѣвшему скоту которыхъ онъ велѣлъ и въ этотъ разъ, по случаю засухи и безкормицы, раздать лучшіе луга, — благороднымъ учтивствомъ и заботой лучше всего имъ фаворъ свой пріятнымъ и желаннымъ сдѣлаешь... Эхъ! Надо бы подольше погостить у нихъ, ближе приглядѣться къ симъ, мало еще осмысленнымъ... Да дѣла, службы складъ не допускаютъ... Надо урваться, подумать...»

Въ домъ свой, на Мойкѣ, Михайло Васильевичъ возвратился обновленный, съ легкой, открытой для тихихъ радостей, душой.

— Черезъ недѣльку, — ласково сказалъ онъ женѣ и дочери:—все на мызѣ будетъ готово. Вотъ вамъ сюрпризъ,— вы переѣдете туда на все нынѣшнее лѣто.

Дочь запрыгала отъ радости; жена вздохнула, нахмурилась.

— Въ городѣ все становится дорого, — объявилъ Ломоносовъ:—тамъ покупать нечего,—огородъ, живность и хлѣбъ свои. И коровы ваши подкормятся на лугахъ. Одна бѣда, сударыни мои, доходу притомъ ни алтына...

— Мы и такъ, герръ профессоръ,—перебирая фартукъ, отвѣтила жена, Лизавета Андреевна: —мы и такъ—что намъ?—привыкли сидѣть дома...

— И отлично, сударыня, дѣлаете! — съ улыбкой, поклонясь, произнесъ Михайло Васильевичъ:—лучше сидѣть, съ работой или съ умной книгой, дома, въ дализнѣ отъ шума и отъ всякихъ людскихъ дрязгъ, чѣмъ—Богъ мой!—имѣть обхожденіе съ пустыми комедіантами и вредными шатателями, да пересудчиками... Съ ними въ семьи вкрадываются дурныя упражненія, расколы, колобродства и всякія враки... Я—противъ нихъ, противъ нихъ!.. Да и вы, фрау профессоринъ, согласитесь, не наживете гипохондріи на хозяйствѣ, въ заботахъ о своихъ нуждахъ и о своемъ углѣ.

Рано утромъ слѣдующаго дня Ломоносовъ вышелъ въ свой городской садъ, подрѣзалъ нѣсколько сухихъ и лишнихъ вѣтокъ, осмотрѣлъ щепы и копировку плодовыхъ деревъ. Засучивъ рукава, докопалъ начатую грядку, для выписанныхъ, на пробу сѣмянъ дикаго хлопчатника,—saclepias sy-

гіаса, — и, обложенный книгами и рукописями, засѣлъ въ отдаленной рабочей бесѣдкѣ.

«Ну, теперь не скоро выйдетъ оттуда! — глядя въ садъ, подумала Лизавета Андреевна, — забудетъ обо всемъ, даже о ѣдѣ... O, du, mein Gott! ist das ein Mensch?.. Энтузіастъ! фантастъ! Не станетъ умываться, бородой обрастетъ... И такъ на недѣлю, на нѣсколько недѣль... охъ! и что̀ онъ пишетъ?.. О Сибири, объ индѣйскихъ и китайскихъ царствахъ твердитъ... А у меня всего одно шелковое платье,—всего одно... У академической секретарши Таубергъ, у профессорши Винцгеймъ по пяти, да еще въ своихъ колясках по городу ѣздятъ... Мы больше ходимъ пѣшкомъ. Были жильцы; а теперь, вонъ, портной Крихъ, будто изъ-за нашихъ перестроекъ, а я думаю изъ экономіи, изъ разсчета, переѣхалъ на Литейную; булочникъ Миллеръ мѣтитъ въ Ораніенбаумъ,— дворъ туда собирается,—да и фрау Бавыкина нашла мѣсто у какой-то греческой богатой дамы,—въ этакую глушь къ Калинкину мосту переѣхала... На мызу! И что̀ тамъ хорошаго, среди грубыхъ здѣшнихъ мужиковъ? Это не Марбургъ—золотая моя родина... О коровахъ, фантастъ, энтузіастъ, думаетъ, а о нашихъ удобствахъ ни слова...»

Лизавета Андреевна ошиблась. Михайло Васильевичъ, на этотъ разъ, въ должное время, а именно въ полдень, покинулъ бесѣдку, плотно, съ удовольствіемъ пообѣдалъ, пошутилъ съ Леночкой—«ты-де ланито-лилейная и золотокудрая, греческая Елена, и какъ бы тебя кто еще у меня тутъ не похитилъ!» — ушелъ въ опочивальню и заснулъ тамъ часа полтора. Потомъ опять занимался въ бесѣдкѣ.

Былъ уже вечеръ, когда Ломоносовъ оставилъ стемнѣвшій садъ и съ портфелью появился на крыльцѣ каменнаго дома на Мойкѣ, куда въ концѣ мая онъ перешелъ съ семьей, по случаю передѣлокъ въ очищенномъ жильцами флигелѣ. Михайло Васильевичъ не стѣснялся горожанъ. Онъ на виду всѣхъ любилъ по вечерамъ сиживать у себя на крыльцѣ подъ тѣнью березъ, — безъ парика и въ томъ самомъ стареренькомъ китайчатомъ халатѣ, въ которомъ обыкновенно работалъ. Въ этомъ же халатѣ онъ разъ здѣсь принималъ и знаменитаго своего друга и сосѣда, по Мойкѣ, Ивана Ивановича Шувалова, въ золотой каретѣ и въ лентѣ, въ былые дни заѣзжавшаго къ нему на бесѣду прямо изъ дворца.

Просторное, заслоненное березами, крыльцо выходило на

немощеный, поросшій травой, берегъ Мойки. Солдатки на плоту мыли бѣлье. Барочники, перекликаясь, тянули на лямкахъ грузную расшиву съ кирпичомъ. Чья-то гусыня, съ желтыми гусятами, паслась на травѣ. Гурьба босоногихъ ребятишекъ и дѣвочекъ съ сосѣднихъ дворовъ бѣгала взапуски по зеленому берегу, поднимая столбы густой, желтой пыли, всякій разъ, какъ выскакивала на избитую уличную колею. Краснопѣгая, голландская корова Лизаветы Андреевны, подойдя съ поля, ждала у воротъ, пока дворникъ и водовозъ, отставной бомбардиръ Скворцовъ, отопретъ ей калитку. Собственный, бѣлый чудской кабанъ Скворцова, хрюкая, терся у заборовъ.

Леночка принесла отцу на крыльцо ковшъ холоднаго мятнаго квасу. Онъ выпилъ его залпомъ, поцѣловалъ Леночку, потребовалъ еще кружку и отпустилъ дочку бѣгать на улицу. Усѣвшись на лавкѣ, онъ на кругломъ липовомъ столѣ увидѣлъ свой рабочій портфель и два письма.

Въ одномъ письмѣ было приглашеніе изъ Измайловскаго полка, на девятое іюня, отъ его сосѣда по мызѣ, барона Фитингофа, на вечеръ, на бесѣду и на трубку табаку.— «Знаю я эту трубку,—подумалъ, отодвигая письмо, Ломоносовъ,—вечеринка въ честь возвращеннаго, знаменитаго дѣда, Миниха... Нѣтъ сомнѣнія, вся знать будетъ тамъ, передъ разъѣздомъ дворовъ на дачи... Ораніенбаумцы и петергофцы... Монтекки и Капулетти... Одиннадцатаго іюня размѣстятся до новой стычки оба враждебныхъ лагеря... А до разъѣзда—эта сходка главныхъ нынѣшнихъ рѣшителей нашихъ судебъ, голштинцевъ и прочихъ нѣмцевъ. Противны пакостныхъ креатуръ лица и рѣчи!.. Ну ихъ къ ляду... не поѣду! Старъ сталъ — толкаться межъ дворскими, да и не къ чему. А они все ковы точатъ противъ Екатерины Алексѣевны... Жаль моей разумницы! Душу отдалъ бы за нее, гонимую, хоть и не знаетъ она этого, не вѣдаетъ. Вотъ отъ кого процвѣлъ бы соборъ драгихъ наукъ! Какъ-то ея занятія, бесѣды въ тишинѣ съ геніями вѣковъ! Шутка ли, по-русски говоритъ и пишетъ, какъ прирожденная россіянка,—да куда, лучше многихъ русскихъ... Навѣстилъ бы ее, еще осудятъ. Никуда теперь не ѣзжу, замкнулся и высматриваю, что̀ будетъ... А будетъ, кажется, неладное... Любопытно бы только, скоро ли?»

Второе письмо было съ почты, отъ Мировича.

«Высокочтимый и истинный мой защитникъ и покровитель», — писалъ Василій Яковлевичъ: — «прости за докуку сей моей цидулки. Со мной приключились дивныя, прискорбныя дѣла. Первое — миръ давно заключенъ, а меня, временно посланнаго съ комиссіей отъ нарвскаго полка, задержали при возвратѣ, яко бы для охраны раненыхъ, сперва подъ Ковною, а потомъ въ другой трущобѣ, въ сквернѣйшемъ жидовскомъ городишкѣ, въ Шавляхъ, гдѣ и нонѣ обрѣтаюсь. Ахъ, многомилостивый патронъ и радѣлецъ мой, спасите! Писалъ я неоднова при посылкѣ штафетъ, просилъ я отряднаго и лѣкарей: ну, точно, какъ всѣ глухіе.—Не прогнѣвайся,—отвѣчали мнѣ:—вздоръ городишь и разума, видно, весьма лишился; ну, нешто можемъ мы противъ воли свыше идти? Сиди и жди. — Михайло Васильевичъ! Господа-Бога-ради, побывайте у кого-либо изъ сильныхъ голштинцевъ. Вы ихъ браните; а они, властные, теперь еще болѣе въ ходу. Слышно, Биронъ, да и Минихъ также воротились изъ ссылки и, на прикладъ коршуновъ, опять витаютъ надъ столицей. Попросите ихъ или кого изъ нѣмцевъ въ вашей академіи, чтобъ меня выпустили отсель. Васъ послушаютъ. Не то— бѣда. Истина ужель прогнана изъ міра? Повышеніе—въ низость, отличіе—въ страданіе и въ горе обратились! Живу, какъ отшельникъ-монахъ, поучаюсь терпѣть и всякія муки въ вящшее назиданіе и въ побужденіе къ внутреннему свѣту принимаю. По завѣту учителей великаго ордена, совлекаюсь ветхаго Адама, готовъ ратоборствовать противъ тлѣна, грѣховъ и сатаны, готовъ подвизаться среди всякихъ соблазновъ, не касаясь сердцемъ ихъ суеты. Но станетъ ли силъ? Кругомъ зависть, злоба, оголѣлые пьяницы, моты, вѣчныя ссоры, попойки, картежъ. Бросилъ бы все, бѣжалъ бы, да засудятъ, какъ дезертира. Подожду еще малость. Не пособите вы мнѣ, — бѣда! Чтò предпріять, чтò и мыслить, несвѣдомъ. Ахъ, если бы вы видѣли ту мертвую глушь и дичь, тотъ хребетъ тигра, на коемъ я сижу нынѣ, между жизнью и смертью!— В. Мирòвичъ».

Задумался Ломоносовъ надъ этимъ письмомъ. «Къ голштинцамъ, къ доннерветтерамъ идти! Эка напасть Божья, натуры издѣвъ! — сказалъ онъ себѣ, разведя руками: — а жаль малаго! со смысломъ и съ душой! Совлекается ветхаго Адама... Насочинили вракъ тупыя нѣмецкія головы про масонство, сей и безъ того противуприродный, свѣтскій аске-

тизмъ... Жить бы, жить да утѣшаться... И предметъ его, та дѣвица, чай, по правдѣ, тоже не безъ тоски, въ толикомъ угрюмствѣ судьбы... И вездѣ-то, во всемъ такая безтолочь, такіе сполохи отвореннаго во всѣ концы политическаго и общественнаго нашего горизонта... Что же дѣлать? Что предпринять?»

Ломоносовъ открылъ портфель, бросилъ туда письмо, досталъ рабочую тетрадь, перевернулъ нѣсколько страницъ и задумался надъ стихотвореніемъ «Кузнечикъ». Онъ набросалъ его въ послѣдній изъ проѣздовъ черезъ петергофскіе лѣса:

«Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ!
«Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
«Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
«И наслаждаешься медвяною росою...
«Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
«Но въ самой истинѣ ты передъ ними царь...
«Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ...
«Что видишь—все твое, вездѣ въ своемъ дому—
«Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому...»

«Не просишь, не долженъ! — вздохнулъ Ломоносовъ: — а главное—свободенъ! Волюшка, родная воля! далекое Бѣлое море, отцовскій порогъ... А здѣсь? Интриги, перевертни-проходимцы и вѣчная подземная, кротовья война! Великій мой герой, Первый Петръ! Для того-ль, въ торжество ли и избыть иноземной, алчной лжи, затѣялъ ты любимое свое чадо — Петербургъ?.. Уѣду, брошу этотъ Вавилонъ, брошу невѣрные, бурливые дни. Въ сермягу одѣнусь, бороду отпущу и навсегда скроюсь въ деревенскую, тихую глушь... Вышелъ изъ народа, въ народъ возвращусь... Пора!»

Крики и бѣготня дѣтей на берегу нежданно смолкли. Ломоносовъ взглянулъ на улицу.

Шагахъ въ двухъ-стахъ отъ его двора, къ сторонѣ Синяго моста, остановилась наемная извозчичья коляска. Сидѣвшій въ ней, склоняясь, о чемъ-то говорилъ съ уличными ребятишками. Къ крыльцу подбѣжала Леночка.

— Кто, кто?—спросилъ Ломоносовъ.

— Виссенъ... фонъ... или какъ... ну, Виссенъ...—въ силу переводя духъ, отвѣтила вся красная отъ бѣганья Леночка: — студентъ изъ Москвы... онъ вамъ писалъ,..

— А! вспомнилъ, зови! — сказалъ, суетливо запахивая халатъ, Михайло Васильевичъ.

«Въ иностранную коллегію просится... стихи намедни прислалъ на прочтеніе!» — разсуждалъ онъ, прикрывая голову старымъ, порыжѣлымъ треуголомъ.

Коляска подъѣхала къ воротамъ. На крыльцо взошелъ круглолицый, съ румяными пушистыми щеками, пухлыми губками и большими выразительными глазами, восемнадцатилѣтній, миловидный, хотя нѣсколько мѣшковатый и не по годамъ полный юноша. На немъ былъ сѣрый, съ иголочки, студенческій, демикатоновый кафтанъ. Изъ-подъ приплюснутой треуголки выбивалась русая, въ природныхъ шелковистыхъ букол ькахъ, коса. Онъ улыбался, напоминая движеніями безпечность рѣзваго, хорошо откормленнаго, жеребенка-сосунка. Съ появленіемъ его на крыльцѣ, послышался запахъ вошедшихъ тогда въ моду духовъ киннамона, или пѣтушьихъ ягодъ, rosa cinnamonea.

— Лейбъ-гвардіи семеновскаго полка сержантъ и московскій студентъ... — началъ гость, добродушно и угловато раскланиваясь: — четыре года назадъ, въ домѣ нашего куратора, его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова, имѣлъ счастье быть вамъ здѣсь представленнымъ...

— Да, да... Какъ же-съ, помню. Добро пожаловать.

— И вы меня еще тогда спросили, чему я учился. А я имѣлъ честь отвѣтить, — по-латыни, за что и былъ вами апробованъ! — продолжалъ, обмахиваясь клѣтчатымъ платкомъ, студентъ.

— Такъ, такъ, господинъ Фонвизинъ! — и это все припоминаю, — произнесъ съ улыбкой, усаживая гостя, Ломоносовъ: — и письмо ваше получилъ, и экстрактецъ о задуманной комедіи одобряю. Что же? пишите — какъ, бишь, вы думаете назвать? — «Бригадира?»

— Началъ-съ, да не спорится все, — вспыхнувъ по-уши, отвѣтилъ юноша, восхищенный вниманіемъ великаго писателя.

— Что же мѣшало? — розы удовольствія? ученья шипы?

— Правду изволили сказать, развлеченій премного-съ!.. Знаете въ Москвѣ такъ весело, столько родныхъ... и подъ Москвой тоже... у бабушки. Маланья Ивановна, моя бабушка, — старенькая, а пребѣдовая, — на арфѣ играетъ, любитъ веселости и васъ всего наизусть знаетъ. Вотъ поступлю на службу, развѣ тогда...

— Пишите, государь мой, обличайте злые и глупые

равы, — сказалъ Ломоносовъ: — знатный вымыселъ взяли вы, и сюжетъ сильно сходствуетъ времени. Сколько таковыхъ бездѣльническихъ невѣждъ бременитъ землю! Да супругу-то задуманнаго пустозвона, бригадиршу-то, постарательнѣе оболваньте. Всѣмъ нашимъ дурафьямъ-щеголихамъ сродни таковая архибестія. Да умненько, батюшка,—острой ловкости слово выискавъ, — уязвите притомъ и наше гоняньe за модами, съ ихъ безтолочью, развратомъ и всякой пустошью!.. Вы это сумѣете. Имя и отчество ваше?

Гость назвалъ себя.

— Да-съ, Денисъ Иванычъ, пишите. Иначе — грѣхъ. Талантъ Господь Богъ далъ вамъ несомнѣнный.

— Стихи же... изволили-ль вы пробѣжать стишки? — пожирая восторженными глазами знаменитаго поэта, спросилъ Фонвизинъ: — я вамъ, Михайло Васильичъ, послалъ изъ Москвы нѣсколько листковъ...

— Не просто прелесть, а отмѣнная!—съ улыбкой ласковыхъ, строгихъ глазъ, откинувшись на лавку, сказалъ Ломоносовъ:—вотъ ваши писанія—здѣсь, въ эту дневную мою тетрадь вложены. Хотѣлъ отвѣчать, да былъ въ деревнѣ. Не разстаюся съ ними, любуюсь... Лиса-Казнодѣй восхитительна. Похвалы ея умершему льву безподобны: «онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ!» Ай да утѣшили... Премѣтко сказано, но не меньше гуморичны и злы и сіи протесты крота:

«Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
«Былъ сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей.
«Въ его правленіе любимцы и вельможи
«Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи...
«И словомъ, такъ была юстиція строга,
«Что кто кого смогá, такъ тотъ того въ рогá...»

— Поздравляю, государь мой, поздравляю! талантъ!— продолжалъ съ искреннимъ увлеченіемъ, похлопывая рукой по рукописи, Ломоносовъ:—стрѣлы Свифта и соль Буало!.. Мѣтите, сударь, прямо въ Горація... Выдержка только, выдержка,— неоскудѣвающее терпѣніе и трудъ. Въ посланіи жъ къ уму своему и благодушіе, и острая издѣвка сатирствуютъ вмѣстѣ...

«Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
«И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
«Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они?..

«Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
«Одна бы Франція казну обогатила...».

— Именно такъ, именно!—произнесъ, расхохотавшись и закашливаясь, Ломоносовъ: — ну, мило, да и все тутъ... Ѣдутъ, стремятся въ чужіе края—мудрости искать. А глядишь, юный россійскій поросенокъ, объѣздивъ театры да кофейни чужихъ краёвъ, возвращается отнюдь не умнѣе,— сущею русскою свиньей!.. Но позвольте, чѣмъ же васъ, сударь, потчивать?

— Помилуйте, — отвѣтилъ, вскочивъ и раскланиваясь, Фонвизинъ.

Онъ не зналъ, куда глядѣть. Вспотѣвшее, миловидное, обросшее пушкомъ его личико выражало дѣтскую растерянность и страстный восторгъ.

— Э, безъ того нельзя-съ... Леночка, а Леночка!— крикнулъ Михайло Васильевичъ: — моченой морошки намъ принеси, съ сахаркомъ... Холмогорскіе земляки, Денисъ Иванычъ, постомъ въ презентецъ привезли. Не обезсудьте, отвѣдайте...

Подали морошку.

Бесѣда не прерывалась. Солнце сѣло. Берегъ Мойки сталъ пустѣть. Ушли дѣти, бабы-матроски, гусыня съ гусятами, корова Лизаветы Андреевны и дворниковъ кабанъ. Хозяинъ и гость съ крыльца отправились въ садъ. Надъ сосѣдними кровлями вырѣзался мѣсяцъ. И пока онъ поднялся, освѣтивъ чистое, далеко видное небо, академикъ и студентъ, разговаривая, прогуливались по извилистымъ, полнымъ прохлады и смолистой мглы, дорожкамъ.

— И помните завѣтъ друга, — замедливъ шаги, сказалъ съ увлеченіемъ Ломоносовъ:—высоко чтите союзъ добродѣтелей, аккорды общаго блага и добра... Будьте благовѣстникомъ вѣчной правды, подальше бѣгите отъ несытыхъ въ роскоши и всякой подлости креатуръ низкопоклонной толпы. Чай, знаете, видывали таковыхъ; въ головѣ сквозитъ, пусто; на тѣлѣ иного свинопаса сорочки нѣтъ, а ходитъ въ бриліантахъ, въ шелку... на-те, молъ, каковы-де мы!

— Такъ вамъ, сударь, угодно, чтобъ я замолвилъ о васъ словцо канцлеру?—спросилъ, на разставаньѣ, Ломоносовъ.

— Вѣкъ Бога заставили бы молить.

— Но чѣмъ же моя рѣчь будетъ сильнѣй рѣчи хоть бы Ивана Иваныча, коему вы были когда-то представлены?

— Фаворитъ болѣ не фаворитъ... а Ломоносовъ былъ и вѣкъ останется Ломоносовымъ! — съ неподдѣльнымъ чувствомъ и снова вспыхнувъ до корней шелковистыхъ русыхъ буклей, отвѣтилъ Фонвизинъ.

— Такъ, такъ, — сказалъ, замявшись, Ломоносовъ:— много чести! только ошибаетесь вы, сударь... не тѣ нонче времена...

— Не ошибаюсь, Михайло Васильичъ. Канцлеръ чтитъ васъ и не откажетъ. А ужъ мнѣ-то какъ поможете! Служба дастъ положеніе въ свѣтѣ, средства къ жизни, — родители мои въ нихъ, къ сожалѣнію, недостаточны, — а съ средствами, съ поддержкой сочувственныхъ друзей, только и можно у насъ писать.

— Вѣрно сказано, по себѣ знаю,— произнесъ, оживляясь, Ломоносовъ:—поддержка, друзья,—съ ними прочнѣй работа... Шумя, пчелы медъ несутъ... Другую правду сказали. У насъ на писателя смотрятъ еще, аки на общаго обидчика или шута. Думаютъ, что ученый, подобно Діогену, долженъ съ собаками жить въ конурѣ. Срамословы, злые невѣжды и высокомѣрные фарисеи! У меня на прикладъ,—опять раздражившись, съ горечью воскликнулъ Ломоносовъ:—какъ хвороба зайдетъ, семьѣ подъ-часъ медикаментовъ не за что купить. Фабрика мозаическихъ стеколъ, да прочіе эксперименты всѣ доходы при трудностяхъ домашнихъ надолго поѣли... Шельма жъ, нашей конференціи совѣтникъ, Шумахеръ,— главный клеветатель и персональный мой врагъ,—зятю своему, Тауберту, въ приданое, почитай, всю академію отдалъ, а мнѣ— изобрѣтенной мною астрономической трубы на казенныя деньги, треанаѳемская нѣмецкая дубина, никакъ все не справитъ... Змѣи подъ травой! И ужъ какъ, право, жаль, что доселѣ ихъ не догадались перевѣшать...

Гость и хозяинъ подошли къ садовой калиткѣ.

— Такъ какъ же, Михайло Васильичъ,—утираясь платкомъ и опять распространяя запахъ киннамона, спросилъ Фонвизинъ:—удостоите поговорить обо мнѣ съ канцлеромъ?

Ломоносовъ не сразу отвѣтилъ. Онъ не спускалъ глазъ съ миловиднаго, даровитаго юноши, въ русыхъ буколькахъ и въ сѣромъ съ иголочки, лѣтнемъ, полусуконномъ кафтанчикѣ, стоявшаго передъ нимъ.—«Дай Богъ ему, дай Богъ!— думалъ онъ, — новая сила родного ума!.. Но какъ ему помочь?»—Онъ вспомнилъ о приглашеніи на вечеръ къ Фи-

тингофу.—«Давно я не вылѣзалъ изъ своей мурьи!—сказалъ себѣ Михайло Васильевичъ:—развѣ напялить парикъ, да форменный академическій кафтанъ, и ужъ за одно на томъ голштинскомъ сходбищѣ порадѣть и о Мировичѣ».

— Долго ли прогостите въ Питерѣ?—спросилъ онъ гостя.

— Съ недѣлю, а коли нужно, и долѣе. Отпущенъ родителями на мѣсяцъ.

— Гдѣ живете?

— У дяди, въ Измайловскомъ полку. Вотъ мой адресъ... Позвольте, у меня книжечка, я запишу... Какъ пріѣдете, спросите болото, за болотомъ огородъ, а на огородѣ, въ такой уединенной каменкѣ, — баня или кузница тамъ прежде была,—мнѣ, какъ наѣзжаю, и отводятъ жильё.

— И отлично, — сегодня четвергъ, — рѣшилъ Ломоносовъ: — въ воскресенье вечеринка въ Измайловскомъ тоже полку, у сосѣда моего по имѣнію, коли слышали, у барона Фитингофа. Канцлера давно я не посѣщалъ; никуда не ѣзжу. А онъ ихъ сторона... Я справлюсь, и если графъ Михайло Ларивонычъ будетъ тамъ, я также туда поѣду, и о васъ, государь мой, какъ бы къ случаю, понимаете, поговорю.

— Не нахожу словъ благодарить! — отвѣтилъ съ поклономъ Фонвизинъ.

— Недреманное бдѣніе грамотныхъ русскихъ людей, а особливо хоть молодыхъ, но столь талантливыхъ, — сказалъ Ломоносовъ: — государству нужно... Вонъ государева жена, Екатерина Алексѣевна, — слышали ль, какіе подвиги въ россійскомъ слогѣ въ тайности совершила? Давно ли, на моей памяти, писывала въ партикулярныхъ цидулкахъ: «ѣе мыслы...» «газайнъ»,—вмѣсто «ея мысли и хозяинъ...» А теперь и насъ съ вами за́-поясъ заткнетъ. Достойно подражанія... А знаете ли, сударь, кстати, какую опечатку, напримѣръ, сдѣлали въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», при оповѣщеніи, въ ноябрѣ шестидесятаго года, о взятіи Берлина?

— Не знаю.

— То была нарочитая и злѣйшая шпкана обиженныхъ здѣшнихъ нѣмецкихъ скотовъ... И я за нее чуть шандаломъ не съѣздилъ въ рожу академицкаго секретаря Тауберта... Бывшаго нашего посла въ Пруссіи графа-то Петра Чернышева, представьте, будто по ошибкѣ, — вмѣсто дѣйстви-

тельный камергеръ,—публично припечатали—действительный каммердинеръ.

XIII.

Балъ у Фитингофа.

Баронъ Иванъ Андреевичъ Фитингофъ, женатый на внучкѣ фельдмаршала, графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Минихъ, квартировалъ въ большомъ деревянномъ домѣ, выходившемъ окнами къ Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ домъ повѣреннаго Потемкина, извѣстнаго Гарновскаго, теперь занятый казармами. Здѣсь поселился на первыхъ порахъ, по возвращеніи въ ту весну изъ ссылки, Минихъ, позднѣе переѣхавшій въ домъ Нарышкина, у Семеновскаго моста.

Вечеръ воскресенья, девятаго іюня, привлекъ къ помѣщенію Фитингофа большую толпу зѣвакъ.

Набережная Фонтанки и обѣ стороны огромнаго, обнесеннаго высокою деревянною рѣшоткой двора были загромождены экипажами. Раззолоченныя и расписанныя амурами и цвѣтами кареты, коляски и крытыя вѣнскія долгуши то-и-дѣло, восьмерикомъ и четверней, проѣзжали съ набережной въ глубь обширнаго двора, гдѣ двумя рядами огней горѣли ярко освѣщенныя, кое-гдѣ настежъ раскрытыя окна.

Подъѣхала зеркальная, всѣмъ извѣстная карета шталмейстера Нарышкина; за нимъ ландо прусскаго посланника Гольца. Влетѣлъ шестерней, цугомъ, съ арапами и скороходами, свѣтло-голубой, открытый берлинъ молодого красавца-гусара Собаньскаго, родича «пане-коханку» Радзивилла. Управляемый Пьеро, гремѣлъ оркестръ придворной музыки. Его прерывалъ, расположенный за домомъ, въ саду, хоръ пѣвчихъ Белиградскаго. Цвѣтники и дорожки сада были иллюминованы. На прудѣ, противъ главной аллеи, готовился фейерверкъ.

«Балъ! чортъ съ печки упалъ! го-го!» — хохотали въ уличной толпѣ. — «Кашкады, робята, огненны фанталы будутъ, люминація! — подхватывали голоса: — оставайся хучь до утра!» — «Орѣхи, чай, рублевики будутъ въ окна сыпать...» — «Дадутъ тебѣ, Митька, орѣховъ... Ишь, аспиды алтинщы! трауръ по государынѣ не кончился, а они, супостаты, пиръ затѣяли...»

Съ улицы было видно, какъ разряженныя, въ цвѣтахъ и въ легкихъ бальныхъ платьяхъ, красавицы, порхая изъ экипажей, взбѣгали по красному сукну крыльца. — «Эвоси, Петряйка, глянь...—графиня Брюсова... Гагарина княгиня... гетманша съ дочками...» — «А отсуль въѣхалъ кто?» — «Откуль?»—«Да съ прешпекту».—«Баронъ какой-то...»

У освѣщенныхъ люстрами оконъ появлялись, въ звѣздахъ и лентахъ, извѣстные городу голштинскіе и русскіе сановники, мелькали напудренныя, въ косахъ, головы военныхъ и штатскихъ щеголей, толпились бѣлые, желтые и красные, новаго покроя, гвардейскіе и армейскіе мундиры.

Былъ въ началѣ девятый часъ вечера. Въ комнатахъ становилось душно. Танцы изъ переполненной гостями залы перевели въ просторную, цвѣточную галлерею, окнами въ садъ, выходившій въ первую роту Измайловскаго полка.

Минуэтъ смѣнялся котильономъ, гавотъ — гросфатеромъ, гросфатеръ — режуиссансомъ. Скрипка Пьери стонала горлинкой, блеяла барашкомъ, рокотала и заливалась соловьемъ. Кларнеты, гобои и флейты подхватывали ревъ мѣдныхъ трубъ; контрабасы гудѣли стадомъ налетающихъ майскихъ жуковъ.

«Генералъ-полицмейстеръ Корфъ ѣдетъ! Корфъ! Разступись, братцы! — отозвались съ набережной: — гетманъ, гетманъ!»—«Гдѣ?»—«Да вонъ онъ, передовые вершники скачутъ по мосту... фалеторъ кричитъ...» — «Уноси, Василь Митричъ, рыло,—скрозь промахнутъ!..»—«Ххо-хо-о!»—гоготала наваливавшая съ немощеной набережной толпа.

Въ портретной и кабинетѣ хозяина старики играли въ карты.

Лакеи разносили вина, ликеры, оршадъ и лимонадъ. Толстый и важный, какъ меделянскій песъ, краснорожій швейцаръ, въ большомъ напудренномъ парикѣ, съ длинными и тоненькими гусарскими косичками на вискахъ, въ аломъ кафтанѣ, съ позументомъ и витишкетами, въ чулкахъ и башмакахъ, стоялъ съ булавой у порога главной гостиной и басомъ, въ жабо, возглашалъ по новой модѣ имена входившихъ важныхъ особъ: Опперманъ, Цейцъ, Медемъ, Ольдерогъ, Буксгевденъ, Катцау, Унгернъ, Фредериксъ, Швейдель, Штоффельнъ, Розенъ—герба бѣлыхъ розъ, Розенъ—герба алыхъ розъ, Шлиппенбахъ и другіе.

Въ числѣ русскихъ, за генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ,

вошелъ еще красивый, съ тѣми же густыми, черными бровями и съ бархатными, но уже не смѣющимися глазами, казавшійся усталымъ и сильно похудѣвшій, фельдмаршалъ Алексѣй Разумовскій. За нимъ — сморщенный, съ дергающимся правымъ глазомъ, директоръ недавно закрытой тайной экспедиціи Александръ Щуваловъ и Волковъ. При имени Ломоносова, взоры многихъ, съ брезгливымъ любопытствомъ, обратились на мѣшковатый, кирпичнаго цвѣта, ученый мундиръ и на суровое, и смѣлое, съ желтизной, лицо атлетическаго плебея-академика, муза котораго упорно молчала всю первую половину этого года. Вмѣшавшись въ пеструю, гудѣвшую говоромъ толпу, Ломоносовъ сѣлъ на канапе у стѣны между двумя гостиными, и сталъ разсматривать.

Явилась въ красномъ, шелковомъ робронѣ, съ длиннымъ шлейфомъ, блестящая красотой и граціей, графиня Елена Степановна Куракина, фаворитка недавно умершаго графа Петра Шувалова. Ее тотчасъ окружилъ рой молодыхъ и старыхъ куртизановъ.—«Виновница вольностей дворянства,— шушукали о ней злые языки: — брилліантовъ-то, брилліантовъ!»—Куракина громко смѣялась на любезности вздыхателей и съ торжествующей улыбкой, прикрываясь вѣеромъ, зорко оглядывала наряды прочихъ записныхъ щеголихъ. Въ сопровожденіи двухъ племянниковъ-пажей, показалась въ синей бархатной робѣ, на фижменахъ, съ лентой черезъ плечо и въ огненно-дымчатомъ токѣ, кавалерственная дама Бутурлина. Глаза всѣхъ слѣдили за Куракиной. Кто-то вполголоса, подмигивая на послѣднюю, произнесъ возлѣ Ломоносова:—«Отбилъ красотку у покойнаго начальника Григорій Орловъ,—да въ гору пошелъ черезъ свою продерзость повыше»... — Толстая старуха Бутурлина отыскала глазами хозяйку дома. Пыхтя и переваливаясь съ ноги на ногу, она подошла къ Аннѣ Сергѣевнѣ Фитингофъ, неуклюже присѣла по новому придворному фасону и представила видъ, что чуть отъ того не упала. Баронесса и стоявшіе возлѣ нея разсмѣялись.—«Фигляритъ, шпыняетъ государевъ указъ!»—презрительно указалъ на нее Волкову Александръ Шуваловъ, проходя мимо Ломоносова. Михайлѣ Васильевичу было не до того. Онъ не спускалъ глазъ съ лукавой лисы, Разумовскаго, который любезничалъ и, со слезами на глазахъ, цѣловался съ любимцемъ государя Унгерномъ. —

«Лобза, его же предадѣ», — склонясь къ уху Ломоносова, шепнулъ сладенькій, шепелявившій Бецкій.

Но что это?.. Выходцы съ того свѣта...

Блестящая, разряженная въ шелкъ, въ кружева и бархатъ, молодежь засуетилась. Всѣ толпятся, указываютъ на сѣдыхъ и дряхлыхъ, но еще бодрившихся старцевъ, которые почти одновременно появляются въ глубинѣ гостиной. То были возвращенные ссыльные—Минихъ изъ Костромы, Лестокъ изъ Углича и Биронъ изъ Ярославля. Толпа разступилась. Ломоносова оттерли въ простѣнокъ къ окну.

Восьмидесятилѣтній, высокій, съ остатками былой величавости и красоты. Іоганнъ Бурхгардтъ, или, какъ его именовали русскіе, Иванъ Богданычъ Минихъ, возвратился изъ Сибири въ февралѣ. Сѣдовласый, но еще румяный, раздушенный и крѣпкій здоровьемъ, селадонъ будто и не былъ въ двадцатилѣтней ссылкѣ. Объ руку съ легкомысленной и красивой Еленой Степановной Куракиной и молодою графиней Брюсъ, онъ не перестаетъ куртизанить, какъ куртизанилъ въ царствованіе Анны Ивановны, цѣлуетъ ручки восхищенныхъ его вниманіемъ очаровательницъ, острятъ и морщится при видѣ казарменно-вахмистерскихъ лицъ и ухватокъ, составлявшихъ принадлежность новыхъ дворскихъ сферъ.

Поодаль отъ него, — семидесятилѣтній, сосланный этимъ Миннхомъ, недавній «бичъ Россіи»,— изъѣденный геморойдами, на тоненькихъ, подагрическихъ ножкахъ, съ потускнѣлыми черными «страшливыми» глазами, герцогъ Эрнстъ Биронъ. Возвращенный изъ ссылки въ мартѣ, онъ идетъ съ хозяйкой, баронессой Фитингофъ, брезгливо оттопыривъ твердую, мясистую нижнюю губу, искоса, несмѣло, изъ-подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ, поглядывая по сторонамъ и судорожно подергивая большой, точно изъ гранита изваянной, сухой, холодной и жесткой головой...

Сзади нихъ, прощенный еще въ декабрѣ, въ оливковомъ бархатномъ кафтанѣ и въ неряшливомъ, всклоченномъ, напудренномъ парикѣ, скрюченный годами, бѣдностью и всякими разочарованіями, беззубый, осыпанный нюхательнымъ табакомъ, хвастливый враль и мѣдный лобъ, смѣлый и наглый авантюристъ Лестокъ.—«Встрѣчаю шестое благополушне царствованіе — гм! — въ благополушня Рюси»...— острилъ онъ, хихикая и шаркая бархатными штиблетами

передъ разряженными старухами, нѣкогда первыми красавицами елисаветинскаго двора.

Ломоносовъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. На него какъ бы пахнуло могилой. Сердце его сжалось. Онъ смутно вглядывался въ живыхъ, но точно молью и тлѣніемъ тронутыхъ, грозныхъ старцевъ, нѣкогда двигавшихъ судьбами Россіи.— «Былые боги нѣмцевъ на Руси! такъ вотъ они, прощены!.. стадо лютыхъ волковъ... А нашего-то горетовскаго ссыльнаго, Бестужева, и забыли!—мыслилъ онъ, притиснутый къ окну, — Биронъ! вижу, наконецъ, вблизи этого брюхатаго, жаднаго и злого, курляндскаго паука, въ оны скорбные дни упивавшагося кровью тысячъ русскихъ... А этотъ, раздавившій и пожравшій земляка-друга, старый интриганъ Минихъ?.. Памятно-ль имъ ненавистное выраженіе «слово и дѣло» и нежданная встрѣча ихъ на станціи, когда одного мчали въ Сибирь, а другого, сосланнаго имъ, изъ Сибири? Вонъ раскланиваются, комплименты говорятъ, потчуютъ другъ друга табакомъ и оба воротятъ носы отъ сквернавца-француза Лестока, точно отъ него и взаправду пахнетъ кровью замученной фамиліи Ивана Антоновича»...

Стали приливать новые гости.

Биронъ, шаркая исхудалыми, невѣрными ножками и подергивая каменною головой, вмѣшался въ толпу. Минихъ также хотѣлъ пройти въ слѣдующую гостиную, но его окружила новая волна дамъ. И опять его зоркіе, сторожкіе, улыбающіеся глаза блеснули остротой. Онъ поднялъ руку съ лорнетомъ, что-то вполголоса нашептываетъ Куракиной.— «Да полноте, Иванъ Богданычъ! ахъ, ахъ, ваше сіятельство! ну, что это вы!» — ударяя его вѣеромъ по рукѣ, смѣется счастливая его вниманіемъ Елена Степановна.

«Двадцать лѣтъ назадъ,—подумалъ Ломоносовъ,—я стоялъ въ толпѣ народа, межъ академіей и коллегіями, а онъ, этотъ безпечный, твердый Минихъ высился во весь ростъ у плахи, рядомъ съ палачомъ. На немъ былъ красный фельдмаршальскій плащъ, лысая голова была обнажена, а на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Выслушавъ смертный приговоръ къ четвертованію, онъ шутилъ съ солдатами. — «Что, батенька, холодно?— сказалъ онъ съ улыбкой, сходя съ эшафота, полузамерзшему полицейскому офицеру:—шнапсику бы теперь,—адмиральскій часъ!»—Да, это будетъ надежнѣйшій оплотъ Петра Ѳедоровича».

Громъ музыки въ цвѣточной галлереѣ и новое движеніе пестрой веселой толпы прервали мысли Ломоносова. Онъ направился къ танцующимъ.

— Господа, кто желаетъ курить, въ кабинетъ, или къ китайской бесѣдкѣ!—говорилъ мужчинамъ по-нѣмецки и по-французски баронъ Иванъ Андреевичъ Фитингофъ.

Въ кабинетѣ толковали о недовольствѣ Франціи и Австріи, о предстоящей войнѣ съ Даніей. Слышалась одна нѣмецкая рѣчь, въ перебивку съ голштинскими поговорками. — «А знаете, какъ Нарышкинъ получилъ андреевскую ленту?— произнесъ кто-то въ углу: — надѣлъ ее, шутя, вышелъ въ пріемную, а потомъ докладываетъ государю:—совѣстно, позвольте не снимать,—всѣ засмѣютъ».—«Ха-ха-ха», — отзывались важные слушатели.

Часть гостей двинулась въ садъ, къ освѣщенной фонариками китайской бесѣдкѣ.

— Гдѣ канцлеръ? — спросилъ Ломоносовъ, встрѣтясь въ цвѣточной съ бывшимъ государевымъ учителемъ, академикомъ Штелиномъ.

— На что тебѣ? путь въ Индію все думаешь затѣвать? не тебѣ чета былъ Великій Петръ, и тотъ провалился.

— Не при пустоши. Перемолвить надо объ одномъ молодомъ человѣкѣ.

— Ищи въ саду, въ буфетѣ. Никогда Михайло Ларіоновичъ не курилъ; а теперь, представь, и онъ моднымъ человѣкомъ быть хочетъ.

— Не укажешь ли, кстати, оберъ-кригсъ-комиссара Цейца?—прибавилъ Ломоносовъ.

— Этотъ вашей милости для чего?— спросилъ, съ улыбкой, распомаженный и чистенькій, какъ сахарная куколка, Штелинъ:—вонъ онъ, видишь, высокій, у двери, съ плюмажемъ... Не поэму ли или оду въ честь голштинцевъ изволилъ, Михайло Васильевичъ, скомпоновать?

— Вздоръ городишь! — сердито отвѣтилъ, отвернувшись отъ коллеги, Ломоносовъ.

Онъ подошелъ къ Цейцу, съ достоинствомъ отрекомендовался и, для вящшаго успѣха, заговорилъ съ нимъ о Мировичѣ по-нѣмецки. Грубый, чопорный и совершенно глупый Цейцъ внимательно выслушалъ знаменитаго просителя, тревожно задвигалъ густыми, русыми бровями, и, думая по-нѣмецки, отвѣтилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: — «Вы

долгъ службы не знаете, вы диссиплинъ, извините, не понимаете, а потому... потому отказомъ не обижайтесь... Bitte um Verzeihung!» — Сказавъ это, тощій и длинный, какъ шестъ, государевъ ордонансъ угловато и сухо склонилъ на бокъ костлявый станъ, щелкнулъ огромными шпорами и молча, покачиваясь, отошелъ къ кружку другихъ генераловъ.

«Тьфу, ты, нѣмецкая, гнусная тварь! — чуть не вслухъ произнесъ Ломоносовъ, — еще наставленія, пакостная тара канья мощà, дѣлаетъ! зналъ бы и не просилъ!» — Но оставалось еще ходатайство о Фонвизинѣ. Михайло Васильевичъ пошелъ отыскивать канцлера Воронцова.

Вмѣсто дороги къ бесѣдкѣ вправо, Ломоносовъ съ балкона взялъ влѣво и попалъ въ малоосвѣщенную глубь сада. Здѣсь была полная тишина. Дорожки межъ высокихъ деревьевъ сходились въ извилистый, хитро-переплетенный лабиринтъ.

Въ концѣ сада, за прудомъ, на перекресткѣ двухъ аллей, стояла старая развѣсистая липа.

Подъ липой, на скамьяхъ, вокругъ простого некрашенаго стола, сидѣли трое изъ гостей. Ихъ трубки вспыхивали въ темнотѣ, какъ волчьи глаза. Четвертый, разговаривая, медленно прохаживался передъ ними. Имъ было видно всякаго, кто шелъ отъ дома. Ихъ можно было разглядѣть только вблизи. Они удалились сюда, для бесѣды и наединѣ и для освѣженія на чистомъ воздухѣ, увлажаемомъ близостью темнаго, покрытаго легкимъ бѣлымъ паромъ пруда. Двое изъ нихъ, на мировой во дворцѣ, для виду, на-дняхъ взялись за бокалы. Но едва государь отвернулся, они разошлись и не захотѣли пить другъ за друга. Здѣсь они были, повидимому, друзьями.

— Государь очень недоволенъ супругой, очень! — сказалъ, по-французски, остановившись у стола, Воронцовъ: — все тормазится отъ этой размолвки; фуражный подрядъ для по хода не розданъ до сихъ поръ... поставщики потеряли головы...

Старчески-ворчливый хрипъ и покряхтыванье отозвались въ отвѣтъ на эти слова. Все подъ липою опять замолкло.

— Куда идемъ? чего ждать? — продолжалъ то по-французски, то по-русски великій канцлеръ: — прихода ожидается пятнадцать милліоновъ, расхода шестнадцать съ половиной. Чѣмъ покрыть дефицитъ въъ полтора милліона? А тутъ эта

война съ Даніей! Всюду ропотъ! — въ собственной фамиліи государь отнюдь не ассюрированъ. Ни о чемъ нельзя просить, ни на что надѣяться...

— Племянниса ваша, Элиза Романовна, утѣшійтъ его! — отвѣтилъ по-русски, попыхивая изъ витой трубочки, Лестокъ: —женушка будетъ, обвѣншался можно тихимъ маньеръ...

— Опасно! —сказалъ Воронцовъ: — въ марьяжъ играть — не въ дурачки... Не простятъ намъ того наши персональные враги... И безъ того супцонируютъ... Положимъ, племянница моя такъ близка государю... Но за Екатерину Алексѣевну, —шутка ли, — гвардія, народъ... вездѣ неспокойно, подглядываютъ, слѣдятъ...

— Постричь немножко!.. въ монастырь на хлѣбъ и вода! —прошамкалъ сквозь зубы былой пособникъ императрицы Елисаветы, также когда-то выѣхавшій на монастырѣ: —пусть узнаетъ пословисъ, —какъ это? какъ?.. вотъ тебѣ, бабушка, Юричь день...

— Жаль, жаль бѣдную! — сказалъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, Минихъ: —она граціозна, деликатенъ такъ, тиха... Плутархъ шитаетъ, хронику отъ Таситъ, энсиклопедію Бель и Вольтеръ... Разумна головушка...

— Каприжесна и лукавъ! — презрительно и грубо проворчалъ третій собесѣдникъ, молча сидѣвшій на скамьѣ: — ребѐллы и конспиратòры! Машкарàтъ!.. бабѣ спустилъ, самъ бабамъ будешь...

— Но что же, ваше высочество, дѣлать? — обернувшись на голосъ этого третьяго, мягко спросилъ Воронцовъ: — dites-le, au nom de Dieu! votre expérience et puis... ваша опытность и предусмотрительность...

— Аррестъ и вѣшна казематъ! — прозвучалъ желѣзный голосъ изъ темноты.

— Mais... excellence, écoutez!.. кто насъ завѣритъ? Изъ тюрьмы вѣдь люди тоже выходятъ, —возразилъ Воронцовъ: — а заключеннаго—сколько примѣровъ? — могутъ отбить изъ-подъ всякихъ закрѣпъ и замковъ...

— Методъ есть кароша другой! — отозвался тотъ же голосъ изъ-подъ деревъ.

— Какой? —спросилъ съ невольною дрожью канцлеръ.

— Плаха и топоръ! — кругло и ужъ совершенно по-русски выговорилъ Биронъ.

Но аллеѣ, за ближними кустами, послышались шаги. Воронцовъ оглянулся, состроилъ лицо на ласковый, добродушный видъ и, безпечной развальцой, пошелъ навстрѣчу давнему пріятелю Ломоносову.

Они остановились поодаль отъ липы. Канцлеръ нетерпѣливо и разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ табакерку. Ломоносовъ, видя его смущенное и какъ бы провинившееся лицо, подумалъ: «Ужъ не пройти ли мимо? какой-то секретный тутъ консиліумъ... Нѣтъ, нечего терять времени».—Онъ пересилилъ себя и въ краткихъ словахъ передалъ канцлеру просьбу о студентѣ Фонвизинѣ.

— Все тотъ же мечтатель, добрякъ и хлопотунъ за другихъ!—утирая лицо и сморщившись, сказалъ Воронцовъ:— радъ тебя, дружище, видѣть, радъ! давно пора явиться... Но время ли, батенька, согласись, объ этомъ теперича, да еще на балу? Ты знаешь, я тебя люблю, всегда готовъ, но... смилуйся, Михайло Васильичъ, посуди самъ...

— Я, ваше сіятельство, домосѣдъ, берложный медвѣдь, не шаркунъ,—съ зудомъ въ горлѣ, сжимая широкія руки, сердито пробурчалъ Ломоносовъ:—но васъ, дерзаю такъ выразиться, на этотъ разъ трудить моей докукой не перестану...

— Но, cher ami и тезка! ваканціи въ коллегіи нонче нѣтути. Образумься, пощади! И высшіе рангами, смѣю увѣрить, какъ слѣдъ, не обнадежены... Куда я заткну твоего протеже? Чай, лоботрясъ, мальчонка-шатунъ, матушкинъ московскій сынокъ?..

— Не лоботрясъ, государь мой,—обидчиво отвѣтилъ Ломоносовъ:—а за шатуновъ я, отродясь, просителемъ еще не бывалъ. Мѣсто переводчика прошу я, графъ, этому студенту. Онъ басни Гольберга перевелъ, Кригеровы сны, Альзиру Вольтера... И первая книга издана въ Москвѣ коштомъ благотворителей... Усердные къ наукамъ у насъ не знаютъ, какъ имъ и ухватиться. И я прямо скажу,—таковыми людьми, а особливо русскими, въ отвращеніе вредительныхъ толковъ и факцій, брезгать бы не слѣдовало...

— Вредительныя факціи и толки! Богъ мой!—досадливо перебилъ Воронцовъ, оглядываясь къ липѣ, гдѣ впотьмахъ, какъ глаза шакаловъ, попрежнему вспыхивали трубки оставленныхъ имъ собесѣдниковъ:—écoutez, mon brave et honorable ami! правду-матку отрѣжу... О комъ ты говоришь! о какомъ-то студентишкѣ, о мизерномъ писцѣ какихъ-то тамъ

книжонокъ, не больше... Ну, стôитъ ли! И вдругъ вспылилъ! И все эвто ваша запальчивость! До того ли намъ теперича? То ли у всѣхъ на умѣ? Впрочемъ, изволь, — прибавилъ онъ, подумавъ: — развѣ сверхъ штата и безъ жалованья, да и то пусть прежде выдержитъ при коллегіи экзаментъ...

— Но, милостивый государь мой, — потерявъ терпѣніе, возвысилъ голосъ Ломоносовъ: — гдѣ видано?.. Онъ московскій, словесной и философской факультеты студентъ... а нѣмцевъ у васъ принимаютъ!.. Да когда же, наконецъ, столь роковой и пагубной слѣпотѣ увидимъ мы конецъ?

Онъ не кончилъ. Съ пруда, съ громкимъ свистомъ, взвилась ракета. По берегу вспыхнуло нѣсколько разноцвѣтныхъ огней. Дверь на балконъ изъ цвѣточной распахнулась настежь. Грянулъ голштинскій, съ барабанами и трубами, маршъ. И сквозь искры шутихъ и бураковъ было видно, какъ впереди блестящей военной свиты, на крыльцѣ, рядомъ съ Гудовичемъ, въ бѣломъ, съ бирюзовыми обшивками, голштинскомъ мундирѣ, съ аксельбантомъ и эполетомъ на одномъ плечѣ, показался императоръ.

— Такъ какъ же, графъ? Будетъ ли, наконецъ, уважено? — надвинувшись плечомъ на растерявшагося Воронцова, спросилъ Ломоносовъ.

— Ахъ, батенька! точно Цицеронъ: quosque tandem?.. недостаетъ еще Катилины!—торопливо, трусцой, исчезая въ боковой аллеѣ, проговорилъ великій канцлеръ: — коли согласны, экзаментъ и сверхъ штата...

— Гунсвоты! Канны! — проворчалъ взбѣшенный Ломоносовъ, шагнувъ за нимъ и чуть впотьмахъ не задѣвъ парикъ Лестока:—этакаго юноши и не оцѣнить... Рвань поросячья! куда ни глянешь, одна рвань...

— Quel môt de chien!—послышалось подъ липой.

— Ребѐлы и конспираторы! nichts weiter!—презрительно заключилъ, вставая на жиденькихъ, трясущихся ножкахъ, герцогъ Биронъ:—бѣдне Россіи конецъ... пунктумъ!..

Ломоносовъ завидѣлъ въ гущинѣ березокъ китайскую бесѣдку. Здѣсь теперь было пусто. Курильщики и любители пива отправились смотрѣть фейерверкъ. Михайло Васильевичъ присѣлъ къ столику. Нервная дрожь его не покидала. Онъ сидѣлъ безъ мысли, безъ движенія, прислушиваясь къ

музыкѣ и къ одобрительнымъ возгласамъ толпы, смотрѣвшей на иллюминацію. «Боже, Господи! да что же это?—сказалъ онъ себѣ:—куда я попалъ? И нужно было мнѣ лѣзть сюда!»—Онъ вышелъ изъ бесѣдки.

Первая часть фейерверка была кончена. Танцы въ домѣ возобновились. Освѣженные на воздухѣ, дамы и мужчины возвращались веселыми группами въ комнаты. Готовились начать безконечный, такъ-называемый «саксонскій» или нарышкинскій гросфатеръ.

Цвѣточная галлерея была переполнена. Съ пріѣздомъ государя, для танцевъ отворили новую, запасную, надушенную куреньями залу. Ломоносовъ, мимо напудренныхъ, въ цвѣтахъ и жемчугѣ женскихъ головъ, мимо гвардейскихъ мундировъ, эполетъ и палашей, тоненькихъ, въ длинныхъ перчаткахъ, дѣвичьихъ рукъ и низко обнаженныхъ, пышныхъ дамскихъ плечъ и спинъ, бокомъ протиснулся въ эту залу. Онъ еще разъ хотѣлъ найти Цейца и, при помощи гетмана, президента академіи, уговорить его оказать хоть какое-либо вниманіе Мировичу.

Суета и давка, предшествовавшія любимому, всѣхъ увлекавшему танцу, отодвинули Михайла Васильевича къ трельяжу изъ цвѣтовъ. За перегородкой въ оркестрѣ, онъ увидѣлъ, передъ пюпитромъ, со скрипкой въ рукѣ, императора.

Петръ Ѳедоровичъ, ладя струны и чему-то громко, беззастѣнчиво смѣясь, разговаривалъ съ баронессой Фитингофъ. Подъ руку съ нею, обмахиваясь вѣеромъ, стояла средняго роста, полная, прозванная городскими остряками «трактирщицей» — Лизавета Воронцова. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ бархатномъ, вишневаго цвѣта кафтанѣ, съ андреевской лентой и крупными брильянтами на пуговицахъ, суетился, бѣгалъ, останавливался, махалъ платкомъ и опять бѣгалъ, устраивая танецъ, въ музыкѣ котораго вызвался принять участіе государь.

«Они веселятся,—сказалъ себѣ Ломоносовъ:—фаворитка у всѣхъ на виду, всѣ ей поклоняются, льстятъ... А она, Екатерина Алексѣевна, умница моя, прячется, книги читаетъ, навѣщаетъ свѣжую могилу покойной императрицы... Сегодня я встрѣтилъ ее... Въ траурѣ, въ плерёзахъ и въ печальной, точно монашеской, шапочкѣ, ѣхала въ дрожкахъ молиться въ крѣпость»...

На другомъ концѣ залы, вниманіе Ломоносова привлекло

блѣдное, строгое, встревоженное лицо сухощавой, стройной дѣвушки.

Опершись на руку другой, румяной и веселой, и какъ бы окаменѣвъ, она, съ вытянутой шеей и сжатыми губами, не спускала робкихъ, молящихъ глазъ съ государя. Передъ ней въ бѣломъ доломанѣ, съ барсовымъ мѣхомъ на плечѣ, стоялъ лихой польскій гусаръ, родичъ Радзивила, Собаньскій. Улыбаясь, онъ давно ей что-то говорилъ, очевидно приглашая ее на гросфатеръ. Но вотъ она опомнилась, подала руку, обернулась къ подругѣ. Что-то знакомое встрѣтилось Ломоносову.—«Гдѣ я ее видѣлъ, или кто мнѣ о ней говорилъ? — подумалъ Михайло Васильевичъ, — лицо вижу какъ бы впервые, а между тѣмъ... точно гдѣ-то ее встрѣчалъ!.. Мушки и ямочки на щекахъ, сѣрые, какъ у сфинкса, миндалиной, будто безстрастные глаза,—и сколько въ нихъ вдумчивости, тайны и глубины... Тафтяной палевый робронъ, низанъ перлами, алый бархатный камзольчикъ и коралловые браслеты — склаважъ... Женниховы заграничные презенты... Бавыкина ихъ показывала... Неужели-жъ это невѣста Мировича — Пчѣлкина!.. Онъ ее такъ описывалъ... Но она была въ Шлиссельбургѣ... Какъ же и съ кѣмъ попала сюда? Вотъ случай... можетъ сообщить о немъ».

Громъ музыки прервалъ мысли Ломоносова.

Вертящійся гросфатеръ оттѣснилъ его къ оркестру. На толстыхъ, упругихъ, обтянутыхъ въ бѣлый шелкъ икрахъ, во главѣ пестрой вереницы, плылъ, отбивая хитрые батманы и пируэты, Нарышкинъ.—«Веселимся»,—сказалъ онъ кому-то близъ Ломоносова, качнувъ головой:—«веселимся!» — подтвердили глаза его и прочихъ танцующихъ, легкимъ роемъ пролетавшихъ мимо оркестра.

Не успѣлъ Михайло Васильевичъ посторониться, опомниться, не успѣлъ взглянуть въ ту сторону, куда упорхнула съ гусаромъ худощавая стройная дѣвушка, какъ его обдали волны зеленой, съ золотыми блестками, кисеи, и онъ почувствовалъ запахъ горошка и резеды. Передъ нимъ, съ головными уборами, въ видѣ корзинъ цвѣтовъ, улыбаясь, стояли красивая хозяйка дома и толстая, краснолицая, Лизавета Романовна Воронцова. Баронесса представила его послѣдней.

— Давно, давно наслышались, — нѣсколько грубымъ го-

лосомъ и нараспѣвъ обратилась къ нему по-русски фаворитка:—что пишете, Михайло Васильичъ?

Кровь бросилась въ голову Ломоносова. Ему вспомнилась государыня Екатерина Алексѣевна, на дрожкахъ, въ трауръ.

— Ничего не пишу... боленъ былъ, — отвѣтилъ онъ, съ судорогой въ горлѣ.

— Быть того не можетъ! что-жъ замолкла, никуда не является ваша муза?

— Юбка у ней кургуза,—думая, что говоритъ про себя, вслухъ сказалъ Ломоносовъ.

Обѣ дамы съ удивленіемъ взглянули ему въ лицо.

— Мы читали вашего «Кузнечика»,—сказала, желая его задобрить, баронесса:—voilà un vrai génie... délicieux!

— Если бъ я былъ, сударыня, стрекозой, — произнесъ, насупясь, Ломоносовъ:—я бы давно ускакалъ отсель, скрылся бы въ глушь, въ бурьянъ...

— Ни одной оды, помилуйте!—жеманясь, вертясь и оглядываясь по сторонамъ, продолжала, тономъ капризной властительницы, избалованная фаворитка: — были вѣдь какія торжества! миръ съ Пруссіей, фейерверки, спуски кораблей... вы же стихотворецъ, академикъ...

— На то есть другіе,—еще грубѣе, съ дрожаньемъ губъ и рукъ, пробурчалъ Ломоносовъ:—напишетъ сахарный Штелинъ, переведетъ Барковъ... его-жъ кстати посадили и въ дессіянсъ-академію, другимъ на зло...

Кто-то выручилъ дамъ. Онѣ отошли, пожимая плечами. «Неучъ, грубіянъ, и все тутъ!» — съ тревогой глядя къ оркестру, прошептала Воронцова.

XIV.

Аудіенція.

За перегородкой, между музыкантами, уже не было государя. Петръ Ѳедоровичъ сыгралъ первое колѣно гросфатера и передалъ скрипку Олсуфьеву. Въ глубинѣ залы онъ обратилъ вниманіе на дѣвушку, танцовавшую съ польскимъ гусаромъ. Едва они кончили фигуру и стали у двери, туда подошелъ государь.

— Ваше величество! — сказала, склонясь передъ нимъ, Пчёлкина:—удѣлите минуту несчастной.

Видно было, какъ Петръ Өедоровичъ ласково улыбнулся, подалъ ей руку, и выпрямившись по-военному, вѣжливо отошелъ съ ней мѣрнымъ шагомъ къ сторонѣ.

— Кто говоритъ съ государемъ? — спросила, въ сѣромъ шелковомъ молдаванѣ, румяная дамочка.

— Птицына... Маіора Птицына дочь...—отвѣтила ей другая дама, въ зеленомъ корнетѣ.

— Нѣтъ, ма шеръ, не Птицына; quelle idée! та повыше и полнѣе.

— Такъ кто же?

— У Оппермана спросить бы... Гдѣ баронъ?

— Ахъ, посмотри, какая кривляка... ну, безпримѣрная ужесть! глазами-то глазами! а плечами какъ выдѣлываетъ...

— Притомъ и блѣдна...—прибавила зеленая дамочка: — ахъ, какъ блѣдна!

— Да не блѣдна же, что ты! — перебила дама въ сѣромъ:—желта, ну, какъ мужичка, желта и черна...

— Ахъ—ахъ! посмотри... И вѣдь туда-жъ съ декларасьо̀нами!

— Э, полно, радость! божусь, даже смѣшно слушать,—съ декларасьо́нами! Этакую-то... Не думала я, ма шеръ, что ты такой педантъ...

— Господа, господа! вамъ начинать!—крикнулъ съ средины залы красный и въ поту, выбившійся изъ силъ Нарышкинъ:—tournez à gauche, balancez... chaine...

И опять свивался и длиннымъ, пестрымъ змѣемъ скользилъ безконечный, балансирующій, присѣдающій и, въ хитрыхъ батма̀нахъ и плié, порхающій гросфатеръ.

Государь и Пчёлкина отошли къ плющевому трельяжу. Свободные отъ танцевъ гости, по правиламъ этикета, полукругомъ, стали поодаль отъ нихъ.

— Въ чемъ же ваша просьба?—спросилъ императоръ.

— Я невѣста, — робко, молящимъ шопотомъ, сказала Пчёлкина: — моего жениха, по вашему повелѣнію, услали въ армію...

— Жениха? — а куртаги, ха-ха, минуэтъ въ костюмѣ нимфы, помните?—спросилъ Петръ Өедоровичъ, смѣясь.

— До того-ль теперь, простите, умоляю, ваше величество...

— Не терпится? хотите поскорѣй его видѣть? Но вѣдь теперь постъ,—свадьбы нельзя... Э!.. Подождите конецъ мѣ-

сяца, ну, моихъ именинъ... Я обѣщалъ тогда, и вашъ марьяжъ, вѣрьте, сыграемъ. Согласны?

— Слышно о новомъ походѣ, ваше величество, — поборовъ волненіе, продолжала Пчёлкина:—вы уѣдете... Я искала случая еще объ одномъ лицѣ васъ просить; вновь его всѣ забыли. Я хотѣла пасть къ ногамъ вашего величества... въ церкви, въ манежѣ, на площади у дворца... Ахъ, государь, помогите, окажите вашу милость... вы такъ добры...

— Не вамъ быть у чьихъ-либо ногъ,—лукаво улыбнувшись, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ:—я виноватъ... Но,—mille pardons,—о комъ вы еще просите?

— Вы, государь, обѣщали къ маю пріѣхать, освободить... принца Іоанна; а теперь іюнь... Простите, ваше величество, безумной, дерзкой... Я жила у тамошняго пристава; его смѣнили за нѣкое письмо; но не онъ вамъ его писалъ... Казните,—я рѣшилась тогда напомнить... и теперь дерзаю...

Поликсена не кончила.

Государь оглянулся. Передъ нимъ, съ блѣднымъ отъ негодованія и ревности лицомъ, стояла Воронцова. Багровыя пятна проступили на ея лбу и на трясущихся отъ волненія щекахъ.

— Пару словъ, ваше величество, — съ хрипомъ злости, сказала она по-французски:—дѣло весьма серьезное...

— Ну, ну, что тамъ за спѣхъ? Черезъ минуту, и къ вашимъ услугамъ, — обернулся государь, благосклонно кивнувъ Пчёлкиной.

Онъ подалъ руку Воронцовой. Толпа передъ ними разступилась. Они вышли въ сосѣднюю залу.

— Съ кѣмъ вы сейчасъ говорили? — спросила, подавляя бѣшенство, Воронцова: — удостойте отвѣтить, я все вижу, все...

— Съ одной дѣвушкой; она., просила о женихѣ.

— О женихѣ? А вы не видите, не слышите, что вкругъ васъ дѣлается? Спросите моего дядю. Онъ вѣрный вамъ слуга; но вы его не слушаете. Смѣлость враговъ зрѣетъ не по днямъ, по часамъ... Вы уѣдете, меня заточатъ, казнятъ,— заключила, сквозь слезы, Воронцова.

— Ай, Романовна, какъ все это скучно! — перебилъ съ нетерпѣніемъ Петръ Ѳедоровичъ, обернувшись къ двери, за которой оставилъ Поликсену:—ты по колѣни въ библіи ходишь, всякъ то знаетъ. Но вы, съ дядюшкой, да съ Гудо-

и смѣло, гордо глядя на почтительно-разступавшихся передъ нимъ нѣмцевъ и русскихъ.

Та же глубь сада и та же липа, на перекресткѣ двухъ аллей. Подъ липой, гдѣ два часа назадъ съ канцлеромъ бесѣдовали Минихъ, Лестокъ и Биронъ, безъ шляпы и со стаканомъ лимонада въ рукѣ, сидѣлъ, обмахиваясь платкомъ, императоръ. Передъ нимъ стояли Унгернъ и Корфъ. Завидя Ломоносова, государь всѣхъ отослалъ къ сторонѣ.

— Давно тебя не видѣлъ, Михайло Васильичъ, садись!— сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — ты меня совсѣмъ забылъ. Тётку поддерживалъ, въ одахъ воспѣвалъ. Меня, какъ вижу, меньше любишь. А на тебя всѣ смотрятъ, ждутъ, что ты скажешь.

Ломоносовъ, почтительно стоя, молчалъ.

«Вспомнилъ!—пронеслось въ его умѣ:—Господь, видящій сердце грѣшныхъ, вразуми меня и просвѣти»...

— Voyons... вотъ прошелъ слухъ,—съ улыбкой продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ:—будто ты составилъ прожектецъ всѣхъ нѣмцевъ изъ Россіи выгонять... Правда ли это?

— Сущая клевета и несообразность,—вспыхнувъ по уши, отвѣтилъ Ломоносовъ:—и я такими ребяческими колобродствами не занимаюсь. Бываю я, простите, особливо въ часъ гипохондріи, рѣзокъ на слова... Но не въ томъ наши пользы и нужды, государь... Хорошіе иностранцы—наши учители; а я, нижайшій, самъ у нихъ же, на ихъ роднинѣ, свѣтъ истины спозналъ. Не о варѳоломеевской ночи противъ чужеземныхъ наставниковъ думать намъ, а о возвышеніи и произрастаніи родныхъ наукъ. Поумнѣемъ, наѣзжіе менторы намъ не будутъ нужны..

«Расположу его къ себѣ, — насмѣшливо подумалъ Петръ Ѳедоровичъ, — россійскій Малербъ и Пиндаръ. Вотъ онъ стоитъ передо мной. А по-моему, просто ворчунъ и выдохшійся, съ годами, бумагомаратель и пересудчикъ...»

— Слушай, Михайло Васильичъ,—сказалъ государь:— я, какъ всѣ, какъ и дѣдъ мой, Великій Петръ, имѣю много непріятелей... Мнѣ предсказываютъ разныя бѣды, затрудненія. Тѣ совѣтуютъ одно, эти другое. Не знаешь, кому и вѣрить. Слушай... Проси у меня чего хочешь, все сдѣлаю... только подумай получше и дай мнѣ совѣтъ. У насъ нѣтъ публичныхъ ораторовъ, какъ въ Англіи, нѣтъ смѣлыхъ энциклопедистовъ, какъ во Франціи. Мнѣ хочется, ну, при-

шелъ капризъ, выслушать тебя. А вѣдь ты, слушай, и надо то признать, первый генiй, слава моего трона. Итакъ, слушаю, Михайло Васильичъ... Primo — проси; secundo — совѣтуй.

Что-то ѣдкое, жгучее подступило къ горлу Ломоносова. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ.—«Денегъ сейчасъ попросить»—пробѣжало въ весело-настроенныхъ мысляхъ Петра Өедоровича.

—Ни энциклопедистовъ, ни верхнихъ и нижнихъ парламентовъ у насъ нѣтъ, то правда! — сумрачно отвѣтилъ Ломоносовъ:—есть зато у тебя, государь, пѣснопѣвецъ, газéтъ гремящiй!.. Газéтъ гремящiй противъ злыхъ, припадочныхъ людей, противъ враговъ и завистниковъ родины... Лично за себя просьбъ не имѣю... Въ роды родовъ перейдетъ какъ твое имя, государь, такъ и твоего пѣснопѣвца. И никто не скажетъ, чтобъ былой рыбакъ, а нынѣ извѣстный всему свѣту, природный русскiй ученый и поэтъ, Михайло Ломоносовъ, чтобъ онъ продавалъ свои оды за подачки отъ рукъ его государей.

— Да я и не говорю! что ты? помилуй!..

— Пѣлъ твою тётку, пѣлося,—продолжалъ Ломоносовъ:— и тебя, обозрѣвъ твоихъ начинанiй черты, встрѣтилъ радостно... теперь молчу...

— Совѣтъ, совѣтъ! — нетерпѣливо застучавъ рукой по столу, сказалъ Петръ Өедоровичъ.

— Совѣтъ? изволь, государь, только не прогнѣвайся. Ты мягкiй душой, прямой и добрый человѣкъ. Всѣ это знаютъ. Но страна, данная тебѣ, не аллемáнское курфиршество... Она—Россiя!.. тебѣ нужны мудрые, генiемъ одаренные совѣтники.

— Кто они? гдѣ? — спросилъ, двинувшись на скамьѣ, императоръ.—«Ужъ не себя ли хочетъ предложить въ совѣтники?»—подумалъ онъ брезгливо.

— Помирись съ твоей супругой, — сказалъ, почтительно склонившись, Ломоносовъ: — лучшаго совѣтника и друга тебѣ не надо.

«То же и Фридрихъ совѣтуетъ — подумалъ Петръ Өедоровичъ,—но въ этомъ, и только въ этомъ, онъ ошибается,— не знаетъ мадамъ La Ressource...»

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтилъ съ раздраженiемъ государь:— жена непослушна, упорна, дерзка; скажу откровенно — по

уважаетъ лучшихъ и вѣрныхъ моихъ хранителей голштинцевъ. Клерикалы на ея сторонѣ; вся гвардейская молодежь, слышно, въ нее влюблена...

— И я, государь, прости, изъ ея жаркихъ поклонниковъ, — произнесъ, опять склонясь, Ломоносовъ.

«Точно сговорились», — съ досадой подумалъ Петръ Өедоровичъ.

— Ты ее обижаешь, тѣснишь, — продолжалъ Ломоносовъ: — а оторванные отъ нѣдръ близкихъ по-неволѣ ищутъ чужой поддержки и защиты... Таковъ естества и натуры чинъ!

— Дальше, дальше! — нетерпѣливо перебилъ императоръ.

Загладь тяжкую ошибку государыни — твоей тетки, — сказалъ Ломоносовъ: — освободи несчастнаго узника, бывшаго императора, Іоанна Антоновича... Двадцать лѣтъ вопіютъ изъ тюрьмы о его долѣ... Не приблизишь его къ своему трону, отпусти въ чужіе края...

Петръ Өедоровичъ сдѣлалъ опять движеніе.

— Унгернъ и дядя принцъ Жоржъ то же говорятъ, — произнесъ онъ: — да можно ли то, послушай?.. Ну, какъ его освободить? вѣдь онъ претендентъ!

— Можно. Въ томъ прерогативъ и величіе твоей власти. Дай ему кончить жизнь человѣкомъ... Воспитай его, укрѣпи здоровье бѣднаго, просвѣти благами вѣры и разума... Искупи прошлое... Иначе судъ Божій и людской, исторіи приговоръ — тебѣ не простятъ. Отошли его за границу, къ роднымъ...

Петръ Өедоровичъ всталъ. Сильное волненіе его охватило. Онъ порывисто оправилъ на себѣ шляпу, взялся за портупею, выпрямился, хотѣлъ говорить и нѣсколько секундъ не находилъ словъ. Шпага дрожала въ его рукѣ.

«И та дѣвушка — подумалъ онъ, — и она сейчасъ о томъ же просила... Я помню обѣщанія, надо слово сдержать...»

— Спасибо, — сказалъ императоръ: — часть того, что ты изложилъ, сущій резонъ... Послѣ узнаешь, я давно, и прежде тебя, думалъ о томъ же. Въ остальномъ, извини, ошибаешься. Впрочемъ, будь покоенъ, отнынѣ я за тебя. Вѣрю тебѣ и на тебя надѣюсь!.. Но ты ничего не просилъ?.. Voyons... Не хочешь о себѣ, проси за другихъ... Слушаю...

Ломоносовъ собрался съ мыслями и передалъ ходатайство о Мировичѣ и Фонвизинѣ. Государь подозвалъ Унгерна, которому тутъ же сообщилъ ордеръ о своемъ согласіи на обѣ просьбы.

— Студіозусъ твой, какъ видишь, будетъ принятъ... А за офицера, — произнесъ, улыбаясь, Петръ Ѳедоровичъ:— mille pardons не одинъ просишь... И его невѣста, ха-ха, моментъ назадъ, меня здѣсь о томъ же весьма бомбандировала! Ein Teufels mädel! чертовски-миленькая, умная дѣвушка...

Не слыша ногъ подъ собой и не покидая гордой осанки, Ломоносовъ прошелъ анфиладой комнатъ, мимо опять подобострастно-склонявшихся передъ нимъ головъ, отъ ужина отказался, простился съ хозяевами и, найдя шляпу и трость, пѣшкомъ отправился во-свояси, на Мойку. Глаза его были увлажены, сердце билось горячо. Длинная тѣнь отъ луны падала съ той стороны улицы, гдѣ, шепча какія-то слова, умиленный и растроганный, шагалъ «газѣтъ гремящій».

По уходѣ Ломоносова, Воронцовъ отыскалъ Миниха и долго, объ руку съ нимъ, прохаживался по отдаленнымъ дорожкамъ сада. Разговоръ шелъ о томъ же, объ упадкѣ финансовъ, о колебаніи всѣхъ дѣлъ и о фуражномъ подрядѣ для арміи.

— Je conjure votre Excellence:—говорилъ Воронцовъ:— напрягите ваше вліяніе, чтобъ государь оказалъ мнѣ этотъ фаворъ...

— Но что я могу?—спросилъ Минихъ: — was kann ich, mein liebster Михайло Ларіонычъ?

— Ecoutez...—шепталъ канцлеръ:—je vous offre encore une fois d'être en moitié avec moi dans ce négoce... мы подѣлимся, — вамъ половина, мнѣ другая,—прибавилъ онъ по-русски: — только осмотрительнѣй, по одной эхѣ могутъ пронюхать и перебьютъ...

Минихъ подумалъ, молча-покровительственно сжалъ подъ локтемъ руку канцлера и съ важностью вышелъ съ нимъ изъ сада.

— Самый опасный — Григорій Орловъ,—вполголоса сказалъ за ужиномъ императоръ Корфу: — надо приставить кого-нибудь въ тайности за нимъ наблюдать.

— Слушаю,—отвѣтилъ глазами генералъ-полицеймейстеръ.

— Надъ Дашковой,—продолжалъ государь:—будетъ лучшій аргусъ—Романовна, ея сестра... Кто ожидалъ? сколько притворства! Не даромъ я не жаловалъ ученыхъ; во дворцѣ ни одной латинской книжки въ моей библіотекѣ не велѣлъ ставить...

Утромъ императоръ призвалъ Гудовича, долго съ нимъ совѣщался, а въ тотъ же день былъ посланъ новый секретный гонецъ въ Шлиссельбургъ.—«Въ военную службу принца, — разсуждалъ Петръ Ѳедоровичъ: — я его перевоспитаю, выбью у него дурь изъ головы, и онъ броситъ бредить...»

Въ половинѣ іюня, поздно вечеромъ, къ дачѣ Гудовича, въ лѣсной глуши, на Каменномъ острову, подъѣхала, съ отпущенными шторами, запыленная извозчичья карета. Изъ нея вышли озабоченный, пожилой, въ синемъ гарнизонномъ кафтанѣ, офицеръ и длинноволосый, блѣдный, въ голштинскомъ плащѣ, съ подплетенными въ косу волосами, молодой человѣкъ.

Кромѣ государя, хозяина дачи и еще двухъ-трехъ сановниковъ, никто не зналъ о прибытіи этихъ путниковъ. Они заняли пустой флигель въ глубинѣ Гудовичева двора и первые дни никуда оттуда не выходили.

XV.

Пельмени.

Прождавъ день и другой Фонвизина, Ломоносовъ отправился его отыскивать.

«Кстати навѣщу и былую мою жилицу, Бавыкину»,— рѣшилъ онъ:—пока пошлютъ приказъ въ армію, узнаю отъ Настасьи Филатовны его вѣрный адресъ, и самъ его обрадую пріятною вѣстью».

Бавыкина квартировала теперь у Калинкина моста. Домъ дяди Фонвизина былъ невдали у озера, или скорѣе, у болота, между свѣтлицъ пятой роты измайловскаго полка.

Ломоносовъ заѣхалъ прежде къ Фонвизину. Среди двора его встрѣтила, съ чашей и съ грудой тарелокъ въ рукахъ, какая-то здоровенная, но еще молодая съ виду стряпуха. На вопросъ о Денисѣ Иванычѣ, она переспросила: «Чяво?»— и, съ досадой ткнувъ тарелками въ сторону небольшой каменки, стоявшей между вербъ и акацій, прибавила: «эвоси! тутъ аны и живутъ...»

Былъ еще десятый часъ дня. Изъ оконъ каменки, между тѣмъ, ужъ слышался стукъ ножей и вилокъ, и вкусно пахло жаренымъ, съ лукомъ, мясомъ. У крыльца валялись палки и большой шерстяной избитый мячъ, для игры въ лапту.

Смѣхъ и говоръ нѣсколькихъ молодыхъ голосовъ слышался изъ-за низенькихъ, покосившихся и вошедшихъ въ землю дверей.—«Рано, однако, обѣдаютъ на болотѣ!»—подумалъ, взявшись за дверную ручку, Ломоносовъ.

Его глазамъ, за порогомъ, представилась просторная, свѣтлая комната, загроможденная аммуничнымъ, книжнымъ и всякимъ хламомъ. Соръ въ ней, очевидно, не выметали по недѣлямъ. Пахло табачнымъ дымомъ. У раскрытаго въ обширный зеленый огородъ окна стоялъ тесовый столъ. За столомъ, передъ батареей пустыхъ и недопитыхъ пивныхъ бутылокъ, за блюдомъ дымившихся, плававшихъ въ маслѣ пельменей, съ добродушными, вспотѣвшими отъ ѣды лицами, въ рубахахъ и безъ шейныхъ платковъ, сидѣли трое смѣявшихся военныхъ молодыхъ людей. Одного Ломоносовъ тотчасъ узналъ. Прочіе двое—круглолицый, долговязый, румяный, съ крупнымъ носомъ и карими, весело глядѣвшими глазами, и другой — постарше, невысокій, широкоплечій и въ очкахъ,—были ему незнакомы.

— Куда жъ это вы, Денисъ Иванычъ, запропастились?— спросилъ Ломоносовъ, вваливаясь своимъ плотнымъ, здоровеннымъ станомъ черезъ порогъ горенки: — заѣхали, околдовали собой домосѣда и какъ въ воду канули... Я съ хорошими вѣстями...

— Михайло Васильевичъ!!! батюшка! великій нашъ...— вскрикнулъ и заметался, оторопѣлый и донельзя растерявшійся, Фонвизинъ: — господа, господа!—обратился онъ къ вскочившимъ и также, въ смущеніи, незнавшимъ что дѣлать пріятелямъ: — позвольте вамъ отрекомендовать... тьфу! что я!.. смѣю ли?..

— Да полно ты, Денисъ Иванычъ,—обратился къ нему Ломоносовъ, садясь на безногую, на какихъ-то смѣшныхъ подставкахъ, прикрытую коврикомъ, кровать:—назови, кто твои друзья, и все тутъ.

— Не сюда, не сюда, упадете... ахъ, въ кресло! тьфу ты пропасть! и оно вѣдь сломано... не могу! о! да знаете ли, други сердечные, кто это? знаете ли?—произнесъ Фонвизинъ, указывая на гостя:—нашъ первый, великій и единственный поэтъ, Михайло Васильичъ Ломоносовъ.

Молодые люди бросились къ своимъ галстукамъ и кафтанамъ, продолжая, съ раскраснѣвшимися лицами, смущенно и безмолвно смотрѣть на гостя.

— Вотъ я и нарушилъ дружескую конверсацію, — сказалъ, поднявшись съ кровати, Ломоносовъ:—зналъ бы и не зашелъ... Оставайтесь, господа, какъ есть, или я сейчасъ ретируюсь вспять.

— Помилуйте, какъ можно! ничуть-съ...—восклицали, натягивая камзолы и прочее, оторопѣлые пріятели Фонвизина.

— Мы играли въ мячъ, умаялись и закусываемъ,—объявилъ, глядя на пріятелей, Денисъ Иванычъ: — они зашли съ ученья!.. А теперь позвольте: вотъ этотъ-съ (онъ указалъ на круглолицаго и долговязаго, съ крупнымъ носомъ)—старый знакомецъ дядюшки по Казани, преображенскій рядовой и мой другъ по любви къ словесности, скромный писецъ любовныхъ и всякихъ веселыхъ стишковъ,—Гаврило Державинъ... Не краснѣй, братъ, не краснѣй!.. А этотъ (указывая на плечистаго и полнаго, въ очкахъ) его и мой пріятель, капитанъ того же полка, Петръ Богданычъ Пассекъ. Онъ-то и придумалъ сегодня пельмѐни... И оба они, Михайло Васильичъ, какъ и я, ваши поклонники...

Глаза Ломоносова радостно блеснули. Онъ отмѣнно-вѣжливо поклонился и, ласково глядя на упаренныя, цвѣтущія здоровьемъ лица молодыхъ людей, разсказалъ Фонвизину о своемъ предстательствѣ за него у канцлера и у самого государя. Денисъ Иванычъ хотѣлъ броситься къ покровителю на шею и остановился.

— Михайло Васильичъ! — воскликнулъ онъ: — какъ васъ благодарить! вотъ осчастливили, помогли...

— Резолюція канцлера,—заключилъ Ломоносовъ:—была, впрочемъ, сверхъ штата; государь, однако, велѣлъ вамъ дать жалованье... Только экзаменъ, другъ мой, экзаменъ, безъ этого нельзя...

— Пустяки, — сказалъ, махнувъ рукой, Фонвизинъ: — съѣзжу въ подмосковную, попрошу денегъ у бабушки или у тетушки, — богатая бабушка тамъ у меня, да какая! всего васъ знаетъ наизусть! и не далѣе конца мѣсяца выдержу всякое испытаніе... Не хотите ли трубочку, Михайло Васильичъ? вотъ пѣнковая, а вотъ и табакъ...

— Ну, и дѣло... Съ испытаніемъ мѣшкать нечего... А вы, сударь, тоже любите слагать стихи?—обратился Ломоносовъ къ преображенскому солдату.

— По ночамъ-съ, какъ улягутся въ казармѣ, — несмѣло и запинаясь отвѣтилъ Державинъ: — по ночамъ-съ... мараю

такъ себѣ, безъ правилъ, на риѳмы кладу. У насъ тѣсно опять же, солдатство не тѣмъ занято, аммуниція, смотры — больше въ карты, или въ свободные часы за виномъ...

— Что же пишете?—спросилъ гость.

— Тріолеты о красавицахъ,—произнесъ, ободрясь, Державинъ: — побаски насчетъ, то-есть, разныхъ полковыхъ дѣлъ... а, впрочемъ, пробовалъ перекладывать Телемака и Геллерта...

— На какой же ладъ вы пробовали ихъ?

— На образецъ, извините, вашему штилю подражалъ.

Ломоносовъ сталъ набивать трубку. Румянецъ выступилъ на его суровомъ, исхудаломъ лицѣ. Фонвизинъ дѣлалъ знаки пріятелямъ.

— А ну-ка, да ну же, изъ побасокъ что-нибудь, — сказалъ онъ, подмигивая, Державину. Хоть это:

«Я на то-ль тебя спозналъ,
Для тово твой плѣнникъ сталъ?» —

Или это:

«Ходитъ Бергеръ,—злы минуты,
Ко двору моей Анюты:..
Къ вахтпараду припоздалъ,
Въ кордегардію попалъ...»

— Ну, полно... охота!—перебилъ его, не зная, куда глядѣть, растерявшійся Державинъ: — такой ли пустошью занимать дорогого гостя?

— Трудитесь, государи мои, трудитесь,—сказалъ, раскуривъ и отставя трубку, Ломоносовъ: — вы наше наслѣдіе, преемники! Не давайте заглохнуть бѣдному, еще соломенному нашему царству... Пробуждайте, воскрешайте мертвую землю... Да чтобы въ вашу душу не вкрались дурныя какія упражненія и колобродства... Главное — трудъ! А безъ него ничего не подѣлаете. Хлѣбъ, господа, за брюхомъ не хаживалъ. И много тёрки вынесетъ пшеница, пока станетъ бѣлымъ калачомъ...

Разговорились о наукахъ, о литературѣ; отъ нихъ перешли къ городскимъ и дворскимъ новостямъ. Пельмéни были забыты. Мундиры и галстуки, по просьбѣ Ломоносова, снова сняты.

Вошелъ еще гость, лѣтъ восемнадцати, средняго роста, съ большимъ, покатымъ лбомъ, блѣдный, съ черными, за-

думчивыми глазами и робкою улыбкой на добрыхъ, мягко-очерченныхъ губахъ.

— Также вашъ поклонникъ, — произнесъ, указавъ на него, Фонвизинъ:—измайловскій солдатъ и постоялецъ здѣсь во дворѣ дядюшки, Николай Иванычъ Новиковъ. А этотъ?— обратился онъ къ Новикову: — вѣрно знаешь? нашъ безсмертный Михайло Васильичъ Ломоносовъ... Ну, какія новости, другъ? Въ сборной былъ? чтò говорятъ?

— Да, времячко!—сказалъ негромко, поглядывая на Ломоносова, Новиковъ: —нечего сказать... Попались въ перекрестную... Клади весла и молись Богу: внизъ — вода, вверхъ—бѣда...

— А что? да ты не стѣсняйся,—обратился къ нему Фонвизинъ:—на чистоту; ему можно... Онъ стойкій нашъ...

Новиковъ снялъ перевязь, утерся и присѣлъ на стулъ. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали.

— Такъ все натянуто, такъ, — сказалъ Новиковъ: — что и незаряженное ружье, гляди, выпалитъ... А иначе мыслить, лучше лишиться жизни...

— Да вы о чемъ это, господа? — вмѣшался, потягивая изъ трубки, Ломоносовъ.

Пріятели переглянулись. Фонвизинъ кивнулъ головой.

— Мы измайловцы, — тихо и глядя куда-то вдаль, проговорилъ Новиковъ: — всѣ, то-есть, какъ одинъ человѣкъ, ну, всѣ пойдемъ за нее въ огонь и воду.

— За нее, матушку нашу, богиню!—подхватилъ, вставая, Державинъ:—и мы, преображенцы, жизнь отдадимъ...

— За надежду, радость и спасеніе отечества! — произнесъ, схвативъ стаканъ съ пивомъ и чокаясь съ прочими, Пассекъ: — восемнадцать лѣтъ вѣдь она живетъ въ Россіи! узнала ее, полюбила и стала, почитай, лучше всякой русской. Покойная царица Елисавета Петровна съ Бестужевымъ ее, одаренную свыше, помимо ея мужа, прочила себѣ въ преемницы, да не успѣла совершить и объявить... помѣшали Шуваловы, Бестужева сослали...

«Эге-ге, вонъ оно куда!.. вонъ молодежь-то! — подумалъ, глядя на собесѣдниковъ, Ломоносовъ,—правду сказалъ Петръ Өедоровичъ... Ничѣмъ еще себя не заявили; скрòмные, какъ грибки-сыроѣжки подъ дупломъ, въ лѣсной глуши... Никто ихъ не знаетъ и не подозрѣваетъ, а всѣ они ея друзья.

Всѣ въ нее влюблены, и отъ нея, добросклонной, да внимательной, безъ ума!»

— А все-таки, въ чемъ же дѣла суть, государи мои, не понимаю?—спросилъ Ломоносовъ.

Фонвизинъ взглянулъ на Пассека, тотъ на Державина, оба на Новикова.

— Да что, сударь, порицайте насъ, судите! — сверкнувъ черными большими глазами, съ засвѣтившимся, блѣднымъ лицомъ, сказалъ Новиковъ, поднявшись со стула: — наше солдатство, измайловцы, рѣшили сегодня — говорю это по секрету — не слушаться выдумки голштинцевъ, нейти въ походъ въ Данію... Притомъ же лютеранство думаютъ ввести, кирку во дворцѣ въ Ораніенбаумѣ строятъ...

— И наши преображенцы за вами!—отозвался отъ окна, раскупоривавшій новую бутылку пива, Державинъ: — выбрали меня товарищи артельщикомъ на этотъ самый безтолковый походъ... Ну, только врядъ ли быть затѣянной войнѣ...

— Почему?—спросилъ Ломоносовъ.

— Порѣшило капральство, — сказалъ Новиковъ: — какъ только выйдемъ въ Ямскую, за Калинкинъ мостъ, станемъ и спросимъ, куда и зачѣмъ насъ ведутъ? зачѣмъ покидаемъ нашу матушку, государыню - надежду, Катерину Алексѣевну?

— Коей всѣ мы рады служить по гробъ, — прибавилъ Пассекъ.

— Еще каноникъ Менгденъ, слышно, — отозвался опять отъ окна Державинъ: — предсказалъ въ дѣтствѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ, что на ея головѣ будутъ три короны...

— Московская, Казанская и Астраханская! — чокнувшись съ Фонвизинымъ, сказалъ Новиковъ: — ура, наша радость, виватъ!

— Ну, словомъ, нейдемъ въ Данію! — заключилъ, наливая всѣмъ стаканы, Державинъ:—нейдемъ за голштинцевъ, да и баста...

— Но позвольте, господа, — обратился къ нимъ Ломоносовъ: — васъ за то, чай, вѣдь, не пожалуютъ... узнаютъ, откроютъ.

— Не попадемся, — отвѣтилъ, глядя на него поверхъ очковъ, Пассекъ:—я первый,—ни въ жизнь...

— Ну, поручиться трудно, — произнесъ Ломоносовъ: —

напрасныя, безвременныя жертвы, — да еще съ примѣсью лучшихъ, какъ вижу, силъ и умовъ...

— Нѣтъ, извините, лучшихъ, и нѣтъ худшихъ! — отвѣтилъ, поднявъ руку, Новиковъ: — человѣкъ отъ природы получилъ право на равенство со всѣми и на свободу. Равенство убито собственностью, свобода слѣпыми узаконеніями невѣжественныхъ обществъ... Богъ, матерія и миръ — одно и то же...

— Те-те-те... знакомыя хитросплетенія, не новость! Да вы, молодой человѣкъ, какъ вижу, розенкрейцеръ, иллюминатъ? — сказалъ, глядя на оратора, Ломоносовъ: — измайловскому рядовому это, простите, хоть бы и не подобало...

— Да здравствуетъ великій Адамъ Вейсгауптъ, Велльнеръ и Сенъ-Жерменъ! — не унимаясь и потрясая стаканомъ, воскликнулъ Новиковъ.

— Вы, сударь, столько насчитали великихъ, да еще чужеземцевъ, — сказалъ, поморщившись и вставая, Ломоносовъ: — что намъ, нижайшимъ, въ сей юдоли и тѣсно... Прощайте... Однако, не можете ли, прошу васъ, сказать, гдѣ нынче обрѣтается, восхваляемый вами, алхимикъ и фокусникъ, сей якобы жившій десятки вѣковъ, саго padre, Сенъ-Жерменъ?

— Графъ нынче въ Питерѣ, — нехотя отвѣтилъ Новиковъ: — желающіе его видѣть могутъ справиться у артиллерійскаго казначея, Григорія Орлова... бываетъ и въ австеріяхъ Дрезденши и Амбахарши.

— Графъ! о-го! — замѣтилъ, презрительно усмѣхнувшись, Ломоносовъ: — португальскую жидовскую скотину зовутъ графомъ!.. А вся его магнизація и сверхнатуральное состояніе не больше, какъ примѣшанный къ пуншу, либо къ кофію, на засѣданіяхъ масоновъ, опіумъ... Доподлинно то знаю! Что жъ до химіи, государи мои, такъ въ ней, вѣрьте мнѣ, онъ сущій невѣжда и дуракъ... Шарлатанитъ съ философскимъ камнемъ, воскрешаетъ аки бы мертвыхъ и раститъ на лысинѣ волоса! Впрочемъ, разстроеннымъ фанатизмой въ нервныхъ узлахъ барынямъ зѣло нравится и зато порядкомъ и по-дѣломъ ихъ обираетъ...

Ломоносовъ простился съ молодыми людьми и вышелъ. Фонвизинъ проводилъ его до воротъ.

— Какая жалость! мой дядя на охотѣ въ Ропшѣ, — сказалъ онъ, разставаясь съ знаменитымъ гостемъ: — двадцать

восьмого іюня день его рожденія; я хоть и уѣду въ Москву, но къ этому дню безпремѣнно возвращусь... Не откажите, Михайло Васильичъ, на пирогъ... И дядя, и тетка очень будутъ рады васъ видѣть. Они такъ вамъ благодарны за меня; двадцать восьмого,—не забудете?..

Ломоносовъ сперва отказался; двадцать девятаго іюня, въ день Петра и Павла, въ академіи было назначено торжественное засѣданіе, и ему поручили изготовить и сказать въ этотъ день хвалебную въ честь государя латинскую рѣчь. Но, подумавъ, онъ взглянулъ на юношу, ласково пожалъ ему руку и далъ слово быть у него на пирогъ дяди, послѣ академическаго засѣданія.

Разговоръ въ каменкѣ долго не выходилъ у Михайла Васильича изъ головы.

«Недобрыя затѣи; недобрыя, — размышлялъ онъ, — сущіе воробьи! переловятъ ихъ, коли хуже не будетъ, пропадутъ ни за что, ни про что... А тотъ-то, въ очкахъ, Пассекъ? ни въ жизнь, говоритъ, не попадусь... Экіе шустрые, чиликаютъ, топорщатся, прямо воробьи...»

Дни черезъ три Ломоносовъ справился въ коллегіи и узналъ, что приказъ, съ разрѣшеніемъ Мировичу возвратиться, подписанъ наканунѣ и уже посланъ въ армію. Онъ хотѣлъ ѣхать къ Калинкину мосту, отыскивать Бавыкину, какъ увидѣлъ на лѣстницѣ коллегіи Ушакова, съ которымъ познакомился весной, провожая Мировича въ Шлиссельбургъ. Ломоносовъ ему сообщилъ справку о его пріятелѣ и прибавилъ: «кстати, замѣните меня, съѣздите къ общей нашей знакомкѣ, Бавыкиной; что-то недомогаю, а надо бы узнать адресъ вашего друга и скорѣе его обрадовать».

Ушаковъ отправился къ Калинкину мосту.

Комната у грекѣни Бунди, гдѣ жила теперь Филатовна, была пропитана запахомъ домашней птицы. По сосѣдству, за дверью, помѣщался, очевидно, хозяйкинъ курятникъ. Сильно исхудалая, съ недовольнымъ и опечаленнымъ лицомъ, Бавыкина, прикрытая старенькой кацавейкой, лежала на сундукѣ, подъ образами.

— Что съ вами, матушка? — спросилъ Ушаковъ: — здоровы ли? какъ жаль, не дали о себѣ слуха: охотно бы навѣстилъ...

— Ну, ужъ ты-то навѣстишь! одна ягода съ другомъ

своимъ. Въ гробъ давно мнѣ пора; откройся, мать сыра-земля, — чуть взглянувъ на гостя, сумрачно и съ замѣшательствомъ проговорила Филатовна:—вотъ она, доля-то бабы Настасьи... въ птичницы, да въ огородницы въ экіе годы пошла!.. Что жъ, парень, не осуди; хлѣбушка всякому хочется жевать. И воду сама ношу... Да чуть съ лихоманки не померла, какъ его-то, твоего прокурата, проводивши, сюда переѣхала.

— А я къ вамъ, Настасья Филатовна, съ доброю вѣстью,—сказалъ, садясь, Ушаковъ:—не у всѣхъ дѣла хороши, и я вотъ въ тѣснотѣ, поистратился опять. Отъ Василія-жъ намедни была получена цидулка,—просилъ похлопотать о его возвратѣ; иначе, — писалъ, — безъ спросу, на гибель свою, готовъ стать дезертиромъ. Ну, ему сильные люди и выхлопотали апробацію! вчера, поздравьте, написано Бутурлину и въ его нарвскій полкъ...

Бавыкина подняла съ подушки голову. Ея глаза тревожно забѣгали по комнатѣ, съ испугомъ остановясь на ситцевой занавѣскѣ, протянутой отъ печи къ посудному поставцу. Губы что-то шептали.

— Что вы, матушка? не слышу,—сказалъ, нагибаясь къ ней, Ушаковъ.

Филатовна, качая головой, не спускала испуганныхъ глазъ съ поставца. — «Что бы это значило?» — подумалъ Ушаковъ. Онъ всталъ, тихо приподнялъ пологъ.

У печи, схватившись за волосы, въ забрызганныхъ грязью шинели и высокихъ дорожныхъ сапогахъ, сидѣлъ, понурясь, Мировичъ.

— Боги праведные... что вижу? ты ли? — вскрикнулъ Ушаковъ:—какъ и когда? отпускъ только-что посланъ.

— Безъ отпуска, уходомъ...

— Но вѣдь это дезертирство! какъ ты могъ рѣшиться?

— Что спрашивать, полно! невидаль какая! не стерпѣлъ— ну, и все тутъ!—грубо отвѣтилъ Мировичъ:—значитъ была причина.

— Когда пріѣхалъ?

— Сегодня ночью, съ жидами, великолуцкими фурлейтами.

— И не боишься? не подождалъ! ну, какъ выдадутъ жиды?

— Не выдадутъ. Не всѣ жъ Каины, предатели. А донесутъ, — э, чортъ! туда и дорога! — рѣзко сказалъ Миро-

вичъ:—офицеръ, нашей ложи масонъ, провожалъ аммуницію изъ Митавы; ну, и провезъ черезъ рогатки, въ тюкахъ.

Ушаковъ не могъ придти въ себя. Превосходившій его нравственнымъ складомъ и умомъ, Мировичъ ему казался въ эту минуту жалкимъ, ничтожнымъ.

— Что же теперь! — сказалъ Ушаковъ: — вѣдь военный судъ, вѣдь гибель надъ головой... А онъ сидитъ... Ахъ, Василій, припомни встрѣчу у Дрезденши, твои слова о силѣ воли, о совѣтахъ разума! Съ Іисусомъ Навиномъ солнце собирался остановить, съ пророкомъ Иліей хотѣлъ отворять и затворять небо, — а не могъ выждать, изъ-за границы, увольненія въ отпускъ, по командѣ! шрѣклихъ!..

— Э, убирайся, чортъ! совѣты еще! пропадать, такъ пропадать. Все ложь и обманъ,—мрачно и злобно проговорилъ Мировичъ:—всѣ подлецы, самомерзѣйшія твари, и ты первая изъ нихъ... Одна въ свѣтѣ истина, одна, — любовь... Вотъ развѣ, впрочемъ, и она... да наплевать!.. Хоть бы скорѣй этому рѣшеніе, конецъ...

— Успокойся, другъ Василій, успокойся,—сказалъ, мигнувъ Филатовнѣ, Ушаковъ:—объясни лучше, какъ это случилось. И съ предметомъ своимъ теперь скоро, — ну, хоть и сегодня, — встрѣтишься, я видѣлъ ее... Дѣвица отмѣнно достойная, и, вѣроятно, ждетъ не дождется... А ужъ отъ суда, Вася, какъ-нибудь, въ столь необычайной факціи, постараются тебя спасти сильные друзья...

Мировичъ, презрительно зѣвнувъ, ничего не отвѣтилъ.

Ушаковъ далъ знать о пріѣздѣ пріятеля Ломоносову, прося замолвить о немъ слово гетману, и напомнилъ Мировичу о весеннемъ его знакомцѣ по дому Дрезденши, о Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ, куда тотъ на другой день и отправился.

— А!.. Дивно-губительная пятерка! — вскрикнулъ, при видѣ Мировича, цальмейстеръ гвардейской артиллеріи, Григорій Орловъ:—какъ дѣла съ фараономъ и съ бильярдомъ?

— Плохо, Григорій Григорьевичъ! весь, какъ есть, прогорѣлъ.

— Что же, денегъ надо?

— Нѣтъ, не ихъ. Разъ помогли вы, за что по гробъ благодаренъ,—еще въ одномъ пособите... отслужу...

— Въ чемъ же дѣло?

Мировичъ разсказалъ о своемъ уходѣ. Орловъ опустилъ руки.

— Плохо, братъ, примѣчательно плохо! — сказалъ онъ, покачавъ головой:—ты масонъ? да говори, не бойся,—и я масонъ...

Мировичъ сдѣлалъ особый, странный знакъ рукой.

«Отлично,—я такъ и думалъ, пригодится,—сказалъ себѣ Григорій Орловъ: — вольный каменщикъ и охотникъ до картъ! Степана Васильевича Перфильева за нами приставили наблюдать, а мы въ соглядатаи за ними поставимъ этого гуся. Перфильевъ въ пикетъ собаку съѣлъ,—зато въ ламушъ ему не везетъ... Вотъ ему разомъ и дистракція, и отместка... Этотъ его ужъ, безъ сомнѣнія, забьетъ съ первыхъ ходовъ!»

— Приходи завтра,—произнесъ Орловъ:—обсудимъ твое дѣло.

Мировича одѣли, ссудили деньгами. Чтобъ избавить его отъ отвѣта въ самовольной его отлучкѣ изъ арміи, Орловъ устроилъ такъ, что рапортъ о немъ спрятали, въ нарвскій полкъ дали знать, что онъ временно назначенъ по артиллеріи, въ комиссію «о пересмотрѣ шуваловскихъ голубицъ», а ему велѣли сидѣть съ Перфильевымъ и носу никуда не показывать. Въ этомъ помогли и масоны, одной ложи съ Орловымъ.

Василій Яковлевичъ украдкой увидѣлся съ Пчёлкиной. Съ отъѣзда изъ Шлиссельбурга, она жила на Каменномъ, у Птицыныхъ. Встрѣча ихъ была странная. Поликсена будто обрадовалась, даже какъ-то порывисто, нервно расплакалась. Мировичъ, однако, увидѣлъ нѣчто другое, не то, чего онъ ожидалъ. Самъ не давая себѣ отчета, въ чемъ дѣло, онъ молча, угрюмо сѣлъ и все время исподлобья смотрѣлъ, слушая Поликсену.—«Сущій волчёнокъ—подумала о немъ Птицына, бывшая при этой встрѣчѣ,—и какъ она его не бережется! глаза—острые ножи!»

Устроитель гвардейскихъ веселостей, Орловъ свелъ Мировича, въ масонской ложѣ, съ Перфильевымъ. Новые знакомцы, какъ засѣли за столъ, такъ ужъ и не вставали. Дни шли, ночи на пролетъ,—они безъ отдыха играли, изрѣдка лишь перемѣняя мѣсто игры, да когда подходили другіе охотники, садились въ круговую за бирибй, или въ фараонъ. Опіумъ масонства, слившись въ Мировичѣ съ хмелемъ карточной игры, въ конецъ поработилъ его мысли, сердце, волю.

Двадцать-третьяго іюня, Мировичъ, исхудалый, съ впалыми щеками и съ блуждающимъ, потухшимъ, сердитымъ взглядомъ, пріѣхалъ къ Ломоносову, прошелъ къ нему въ садъ и, присѣвъ у него въ бесѣдкѣ, прерывающимся, сильно-взволнованнымъ голосомъ спросилъ его:

— Знаете, что̀ случилось?

— Не знаю...

Миро̀вичъ не поднималъ глазъ. Сгорбившись и нахохлившись, онъ просидѣлъ нѣсколько секундъ молча, съ отвисшею, нижнею губой и упавшими съ колѣнъ руками, злобно выжидая, что̀ еще скажетъ ему Ломоносовъ.

— Я только-что съ Каменнаго, — началъ опять Миро̀вичъ, нарочно цѣдя слова: — вчера Поликсена гуляла съ дѣтьми Птицыныхъ... ну, гуляла и забрела въ рощу къ Невкѣ...

— Что̀ же тамъ увидѣла?—спросилъ Ломоносовъ.

— Дѣти собирали грибы; Поликсена читала книжку... ха-ха!.. въ это время — книжку!.. Вдругъ слышитъ шаги; поглядѣла—идутъ двое...

Сказавъ это, Миро̀вичъ судорожно повелъ плечами, точно его знобило, и нервно зѣвнулъ.

— И кто же, думаете, были эти двое? угадайте, — спросилъ, какъ-то неестественно улыбнувшись, Миро̀вичъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Ломоносовъ:—почемъ знать?

— Принцъ Іоаннъ Антоновичъ и съ нимъ, должно, новый шлиссельбургскій приставъ, — съ презрительно-гордой усмѣшкой проговорилъ Миро̀вичъ.

— Что ты, Василій Яковличъ! быть не можетъ... ужели принцъ?..

— Онъ! Поликсена не ошиблась, узнала... онъ! вторую недѣлю въ тайности живетъ на дачѣ Гудовича въ лѣсу.

Ломоносовъ, черезъ голову Миро̀вича и верхушки деревъ, взглянулъ на вечерѣющее, залитое дымчатымъ заревомъ небо и съ чувствомъ, медленно перекрестился.

— Но есть и другое дѣло,—продолжалъ, торопясь и переминаясь, Миро̀вичъ:—и то, о чемъ я свѣдалъ случайно,—ну, играя съ одной тутъ компаніей,—такъ о томъ страшно и вымолвить...

— Что̀ же ты узналъ?

— Не нынче, завтра, ожидаютъ смуты, волненія,—отвѣтилъ, уставясь въ Ломоносова черными, безъ блеска, гла-

замп Мировичъ:—все, увѣряютъ, готово и вѣрнѣйшіе, близкіе къ монарху люди передаются, если ужъ не передались его врагамъ.

Произнося это, Мировичъ покраснѣлъ и замолчалъ.

— Полно, мало ли что болтаютъ! — сказалъ Ломоносовъ, вспоминая бесѣду у Фонвизина:—упаси Господи отъ злыхъ, крамольныхъ дней! все пойдетъ вверхъ дномъ.

— Не вѣрите?—спросилъ, вставая, Мировичъ.

Онъ выпрямился, судорожно оправилъ волосы. Черные, затуманенные волненіемъ и безсонницей, его глаза глядѣли сердито. Въ нихъ начиналъ свѣтиться злой и дикій огонь. Скопленіе всякой горечи, ненависти и мести вызывало чрезмѣрное возбужденіе.

— Покажу имъ,—сказалъ онъ съ холодной злобой,—спознаю ближе, и все, какъ есть, открою. Я терпѣлъ ужасную, неисходную бѣдность, нужду, нищету, а пріятели мои были богаты и знатны. Пора выбиться... И ужъ коли и за то не получу сатисфакціи во всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ, — нѣтъ правды на землѣ!...

Мировичъ вышелъ. Шаги его затихли въ концѣ сада.

Ломоносовъ ему ничего не отвѣтилъ и его не проводилъ.

Онъ продолжалъ изъ бесѣдки смотрѣть на темнѣющее, надъ деревьями, въ послѣднихъ отблескахъ заката, небо и думалъ о другомъ. Изможденный тюрьмой, кроткій и важный видомъ, юноша не отходилъ отъ его мысленныхъ глазъ...

XVI.

На дачѣ Гудовича.

День двадцать-четвертаго іюня былъ жаркій, душный. Его смѣнила тихая, вся залитая голубоватымъ луннымъ блескомъ, ночь.

Душистая, болотно-луговая мгла, не расходясь, наполняла каждую поляну, каждый укромный, древесный тайникъ. Воздухъ былъ недвижимъ. Длинные столбы обрадованныхъ теплу мошекъ, то свиваясь, то развиваясь, шевелились, плыли надъ вершинами погруженныхъ въ дремоту невскихъ лѣсовъ.

Бѣлый туманъ, какъ саванъ, подползалъ съ запада, съ поморья, гдѣ на краткій отдыхъ спряталось, багровымъ шаромъ горѣвшее, солнце. Запахомъ ёлей и травъ, точно

ладаномъ, тянулъ по пустырямъ чуть замѣтный утренній вѣтеръ. Онъ проснулся за синимъ гребнемъ лѣса, тамъ, гдѣ вскорѣ должна была заняться полоска ранней зари, и чуть шевелилъ стеблями лопуховъ и папоротниковъ, гоня мошекъ и будя залетныхъ, недолго поющихъ здѣсь, соловьевъ.

Въ темныхъ озерахъ и заводяхъ отражался полный мѣсяцъ, просѣки, сады и дома тамъ и здѣсь одиноко разбросанныхъ дачъ. Летучія мыши, шныряя за мошками и всякою комашнёй, беззвучно мелькали въ лунныхъ лучахъ. Дача Гудовича стояла на берегу безыменной рѣчонки, отдѣлявшей Каменный островъ отъ Крестовскаго.

Высокій, досчатый заборъ окружалъ дворовое и садовое мѣста. Главный, со стекольчатой теплицей домъ, гдѣ лѣтомъ проживала семья любимаго государева слуги, выходилъ на большую дорогу. Запасной, новый флигель былъ расположенъ въ глубинѣ двора, къ саду, примыкавшему къ рѣкѣ. Молодечня, конюшня, коровникъ и прочія службы шли вправо и влѣво отъ главнаго дома. Самъ хозяинъ изрѣдка наѣзжалъ сюда на отдыхъ и чтобъ взглянуть лошадей, до которыхъ былъ большой охотникъ.

Вторую недѣлю Гудовичъ неотлучно находился при государѣ въ Ораніенбаумѣ, но извѣстилъ, что вскорѣ пріѣдетъ. Старуха-мать и сестры-дѣвицы поджидали его съ-часу-на-часъ и до-поздна не ложились спать. Долго свѣтились огни въ большомъ домѣ и рядомъ съ нимъ въ молодечнѣ, гдѣ почему-то, съ недавней поры, чередовался секретный ночной караулъ изъ полицейскихъ и крѣпостныхъ инвалидовъ. Два хожалыхъ съ мушкетами ночевали—одинъ на крыльцѣ флигеля во дворъ, другой — въ саду, на балконѣ. Дворня поглядывала на окна и двери флигеля и качала головой, видя, какъ шепчется старуха-барыня съ барышнями.

Во флигель носили кушанье, чай, кофе и десертъ; ходили въ него цирюльникъ, сапожникъ и портной. Принесли туда, дня три тому назадъ, кому-то новый голштинскій кафтанъ, зеленый, съ серебрянымъ шитьемъ и красными воротникомъ и нарукавниками, желтый камзолъ, такія же панталоны, лаковые съ пряжками башмаки, треуголъ съ галуномъ и лосинныя перчатки. Изъ флигеля вела особая балконная дверь въ садъ, на калиткахъ котораго висѣли замки.

Было далеко за полночь.

Въ большой, обшитой новымъ тесомъ, комнаткѣ стояли двѣ кровати. На одной спалъ прикрытый военной шинелью, усталый, плотный, пожилой человѣкъ; на другой — длинноволосый, съ небольшой каштановой бородкой юноша. Бѣлье и платье, разбросанныя по стульямъ и софѣ, раскрытые чемоданы и погребецъ, ружье въ запыленномъ чехлѣ на стѣнѣ, — показывали, что жильцы этого флигеля не успѣли еще устроиться.

Они съ вечера долго гуляли по саду, выходили особою калиткой въ гущину лѣса, ко взморью и на луга, ловили удочкою рыбу и собирали грибы и цвѣты. Это были приставъ Жихаревъ и принцъ Іоаннъ.

Жихаревъ бережно заперъ калитку и балконную дверь, ключи отъ той и другой взялъ къ себѣ, послѣ ужина въ постели вспоминалъ Робинзона Крузе, о которомъ слышалъ отъ Чурмантѣева, поговорилъ нѣсколько съ принцемъ, и, видя, что тотъ сталъ дремать, задулъ свѣчку и заснулъ.

Жихаревъ видѣлъ во снѣ, какъ Робинзонъ, уѣзжая съ пустыннаго острова, гдѣ жилъ двадцать-восемь лѣтъ, взялъ съ собой на память козій зонтикъ, такую же шапку, слугу Пятницу и одного изъ попугаевъ, который отчетливо твердилъ: «Бѣдный Робинъ, бѣдный! куда занесла тебя судьба?»

Приставу грезилось: «И я бѣдный! и я!.. Столько лѣтъ въ Кронштадтѣ отдежурилъ, добрался до Питера, устроился съ семьей, думалъ вѣкъ кончить въ столицѣ, и вдругъ перевели, заперли въ Шлюшинъ. Почетное довѣріе, да какова отвѣтственность! Теперь сюда выписали. Ужли освободятъ принца? Ужли и меня въ такомъ разѣ отпустятъ въ чистую, на покой?.. Безъ сумнѣнія, при столь вѣрной оказіи, дадутъ пенціонъ, а можетъ, на кормъ дѣтишкамъ и деревнишку, гдѣ-нибудь на Волгѣ, или въ степи за Москвой... Уѣду, стану жить, поживать, ни горя, ни муштры, ни начальничьихъ распеканій не знать»...

Принцъ Іоаннъ спалъ тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ. Ему грезился мрачный, могильный казематъ, безсердечные, грубые стражи и вѣчная, каждый день и каждый часъ, однообразная, непреоборимая, неумолимая и нѣмая, какъ гробъ, неволя Свѣтличной башни.

Онъ во снѣ метался и дышалъ тяжело. Крупный потъ проступалъ на миловидномъ, дѣтски-добромъ лицѣ. Что-то страшное, давящее, каменное налегло на его грудь. —

«Смерть!»—пронеслось въ мысляхъ принца:—«вотъ она наконецъ... Боже! дай ее скорѣй! унеси меня, прими, успокой»... Онъ глухо застоналъ, вздрогнулъ и проснулся.

Глядитъ — незнакомая, просторная, чистая комната. Не слышно запаха гнили; не видно плѣсени на каменномъ сводѣ и въ углахъ. Пахнетъ цвѣтами, душистой сосновой смолой. Лампадка у образа, мерцая, чуть теплится. Окно закрыто. Дверь на замкѣ. Но вотъ и лампадка, мигнувъ разъ и другой, погасла. Лунные лучи врываются, скользятъ съ надворья, мерцаютъ по комнатѣ. Душно. Одѣяло сброшено. Сердце тревожно бьется, щемитъ. Непонятныя рѣчи, клики, звонъ и шумъ въ ушахъ...

Слышатся соловьи, жаворонки, звенятъ колокольчики, трубы отдаются вдалекѣ. Тинь-тинь... и смолкнетъ... И опять пѣсни, клики, праздничный звонъ и гулъ... Гдѣ-то радуются, ликуютъ, кого-то зовутъ и манятъ.—«Трубы Іерихона! гремите, звучите! Осанна въ вышнихъ... падутъ грѣшныя стѣны, падутъ! Азъ есмь альфа и омега, первый и послѣдній, начало и конецъ»...

Вновь тишина.

Голубые лучи сыплются въ окно. Кто-то будто ходитъ, шелеститъ по комнатѣ. Что-то бѣлое усѣлось на стулѣ, глядитъ изъ мрака и растетъ,—высокое, безголовое, въ складкахъ и съ протянутыми руками. За шкапомъ — косматый, завернутый въ черное, съ хвостомъ и острыми, длинными шпорами. Отъ шпоръ по полу тянутся свѣтящіяся полосы. Онѣ шевелятся, какъ змѣи, скользятъ и меркнутъ въ углу. Что-то нахлобучилось у двери и, покачиваясь, приближается къ кровати. «Иродіада, звѣрь седьмиглавый, бѣсы»...

Іоаннъ Антоновичъ приподнялся, всматривается въ ужасѣ... Гдѣ онъ? куда его занесла судьба?

Тѣ же призраки, тѣ же страхи и звуки, что столько лѣтъ, каждую долгую, безсонную ночь ему мерещились и слышались взаперти. Но мѣсто, гдѣ онъ теперь, не похоже на тюрьму. Призраки меркнутъ, уходятъ. А тамъ, за окномъ— настоящіе, вольные соловьи.

Жихаревъ наморился за недѣлю въ прогулкахъ по дикимъ тропинкамъ, у взморья и по лѣсамъ, и крѣпко спитъ.

«Уйти! — думаетъ принцъ, — нагуляться до-сыта, на пахучемъ свѣжемъ раздольѣ! Нынче, сказываютъ, Ивановъ день,—такъ и есть! мое тезоименитство... Нѣтъ. Еще пой-

мають, прикують на цѣпь, какъ звѣря... И не увижу я болѣе, въ замурованное окно, ни синяго неба, ни моря, ни цвѣтовъ, ни ее... Гдѣ она? Во снѣ ли? Да! я ее видѣлъ, видѣлъ здѣсь, невдали; помню мѣсто, куда она, испуганная, скрылась... Что, если бы»...

Иванушка слушаетъ. Опять мерещатся колокольчики, трубы.—«Гласъ гудѣцъ, и мусикій, и пискателей»...—Звенитъ и щемитъ, и обдаетъ жаромъ и холодомъ... — «Дщи Идумейска, живуща на земли! и на тебе пріидетъ чаша Господня, и, не упившася, не веселися... Евфразія!»—мыслитъ принцъ: — «златокудрая! пахнетъ ладаномъ, смирной и розой... Гдѣ она? и какъ низошла?.. Спалъ я, грезились смертные страхи... И явилась она, облеченная въ виссонъ, пурпуръ и солнце! Луна подъ ногами, на главѣ вѣнецъ изъ звѣздъ и на немъ написано—тайна... Что̀, кабы воля, кабы уйти?»...

На балконѣ послышался шорохъ. Кто-то съ надворья склонился къ окну, будто глядитъ въ сумракъ комнаты, поскребъ ногтемъ разъ и другой по стеклу.—«Боже, зовутъ меня, зовутъ»...

Арестантъ вскочилъ, подошелъ къ окну, взглянулъ въ садъ. Виденъ балконъ, усыпанная пескомъ площадка и ближніе деревья и кусты. Полицейскій хожалый спитъ, растянувшись поперекъ крыльца. А подъ окошкомъ, вертя хвостомъ, сидитъ и вѣжливо ласковыми глазами щурится мохнатый, бѣлый хозяйскій пудель. Иванушка пошарилъ по рамѣ, нашелъ задвижку, раскрылъ окно. Собака беззвучно вскочила въ комнату.—«Накормить ее, накормить бѣднягу! не ѣла»...—рѣшилъ, нѣжно ее гладя, арестантъ. Онъ отыскалъ въ шкапу, отдалъ собакѣ остатки ужина. Свѣжій, напоенный смолой и рѣчными испареніями воздухъ щедрой волной ворвался въ комнату. Онъ дышитъ лѣснымъ затишьемъ, волей и манитъ во мракъ.

Пудель, прижавъ уши и хвостъ, принялся лакать изъ блюда. Иванушка постоялъ надъ спящимъ приставомъ, на̀скоро обулся и дрожащими руками сталъ надѣвать на себя новое, справленное ему платье. «Сюда, за мной! — шепнулъ онъ собакѣ, цѣлуя ее въ морду и въ весело игравшіе глаза:— за мной! о! совсѣмъ вспомнилъ—знаю дорогу, подглядѣлъ,— мостикъ, и прямо... домъ подъ березками—башня и крыльцо»...

Пудель прыгнулъ въ окно. Иванушка за нимъ. Они миновали полицейскаго инвалида, прошли въ глубь сада и

остановились передъ калиткой въ лѣсъ. Калитка заперта. Черными великанами высятся за оградой росистыя ели и сосны; Пудель, съ поднятой лапой, глядитъ на Иванушку. Все тихо. только слышится плескъ рыбы въ сосѣднемъ прибрежьѣ, да высоко, въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, свистя крыльями, тянутся съ болотъ ко взморью стаи рѣзвыхъ нырковъ.

Арестантъ взялся за стволъ старый березы, поднялся на дупло. Но не влѣзть на заборъ; онъ высокъ и доски гладко вытесаны. Иванушка обошелъ нѣсколько дорожекъ; оглянулся,—нѣтъ собаки. Онъ бросился ее искать. Слышитъ,—пудель шибко гоняется, вспугивая спящихъ птицъ по тотъ бокъ ограды. Гдѣ же выходъ? Трава притоптана; старая водоточина извивается въ глуши лопуховъ. Въ концѣ ея—лазъ подъ нижней доской забора. Иванушка нагнулся.—«Не раскопать ли земли?»—Онъ разрылъ перегной, просунулъ голову, туловище, прислушался и вылѣзъ изъ сада...

«Боже! какое приволье! что̀ воздуха, что̀ простора, свободы»... — Темныя стѣны лѣсовъ идутъ вправо и влѣво. Острова ихъ точно плаваютъ въ надвигавшемся туманѣ.—«Азъ, цвѣтъ по̀льный и кринъ удольный!—думаетъ узникъ,—яко же кринъ въ терніи, тако искренняя моя, посреди дщерей... Яко же яблонь—посреди древесъ лѣсныхъ!»—«А если обманетъ? Что̀ ска́зано о жёнахъ?!. Аще убога, злобою богатѣетъ, укоряема—бѣсится, ласкаема—возносится... Нѣтъ! она не Далида, не Иродіада... не измѣнитъ, не продастъ!»

Иванушка поднялъ голову, выпрямился и сперва робкими, неловкими, потомъ твердыми и смѣлыми шагами пошелъ безъ оглядки отъ дачи Гудовича...

Мгла еще не расходилась. Сумерки окутывали окрестность. Высокій и тощій, съ неубранными, распущенными волосами, путникъ напрямикъ шагалъ по лѣсной чащѣ. Ни кочки, ни верескъ, ни мхи не останавливали его. Вѣтви цѣплялись за мундиръ, сбивали обшитый галунами треуголъ. Онъ бережно, какъ звѣрь, приглядывался, прислушивался, замедлялъ шаги, бросаясь въ сторону, и, вытыкая изъ кустовъ голову, ждалъ и опять безъ устали шелъ и шелъ.

Поликсена спала въ верхней комнатѣ Птициныхъ, выходившей окнами въ лѣсъ. Съ вечера были городскіе гости. Легли спать поздно. Едва она забылась первымъ крѣпкимъ сномъ, услышала, что ее будятъ. Передъ нею, босикомъ, въ

рубашенкѣ, стояла испуганная, полусонная дѣвочка, дочь ключницы.

— Чтò тебѣ, Лизутка?

— Тамъ, на галдареѣ, барышня... ой! чтò-то страшное, противъ самой гостиной, ходитъ... ну, идите, взгляните.

— Да гдѣ? чтò ты?

— Ой, боюсь... Да отъ лѣсу-то,—страшенное ходитъ по галдареѣ; отойдетъ на дорогу и глядитъ на ворота, на заборъ.

Поликсена взглянула въ окно и обмерла. У опушки стоялъ блѣдный призракъ. То былъ принцъ Іоаннъ.

— Иди, Лизута, иди, голубушка, Богъ съ тобой, ложись. Тебѣ пригрезилось. Никого нѣту-ти...

Уговоривъ полусонную дѣвочку идти, она уложила ее, перекрестила, сама одѣлась, прошла въ гостиную и отомкнула дверь на крыльцо.

— Вы ли это, сударь?—спросила Пчёлкина, подойдя къ принцу:—какими судьбами?

— Я... я... вотъ, дорогая, видишь, нашелъ тебя! Пойдемъ, да пойдемъ же... сказалъ онъ, схвативъ Поликсену за руку.

— Но куда? что вы? Услышатъ, набѣгутъ.

— Жизнь моя! бросимъ все, уйдемъ,—продолжалъ, задыхаясь, Иванушка:—увидѣлъ тебя... все прошло, воля, жизнь...

— Такая ли воля? Ахъ, вы не простой, не зауряднный человѣкъ. Васъ не пустятъ охотой, вы опасны, — будутъ слѣдить, найдутъ на днѣ моря, подъ землей.

— Другъ, другъ!.. за чтò же, за чтò!..

«Вотъ онъ, прочненный столь великой имперіи, — думала Поликсена, глядя на узника, — въ его избавленіе затѣвались бунты, тронъ считался непрочнымъ, пока онъ живъ. Посылались лазутчики, поднимался его именемъ расколъ... Его замышляли похитить въ Берлинъ; цѣлой войнѣ черезъ него диверсію думали сдѣлать... И память о немъ угасла, всѣ его считали въ могилѣ... Но вотъ онъ здѣсь, передо мной, гонимый злой долей, молящій... И мнѣ, ничтожной, невѣдомой, мнѣ, новой избранницѣ, ужели суждено совершить святой подвигъ, возвратить престолъ несчастно-рожденному?.. Спрятать его, а утромъ отвезти ко дворцу... Государя ждутъ изъ Ораніенбаума,—будетъ разводъ...»

— Не бойтесь, сударь,—сказала Пчёлкина:—теперь васъ не отнимутъ отъ меня!.. я васъ спасу... да, возвращу вамъ счастье, свободу, и все... А когда вы будете въ силѣ и славѣ...

Она не договорила. Арестантъ вдругъ ее обхватилъ, страстно-дико прижался къ ней и сталъ ее осыпать жгучими, порывистыми поцѣлуями. Руки его дрожали, дыханіе прерывалось, онъ шепталъ несвязныя, безсмысленныя слова. Поликсена попыталась отъ него вырваться. Онъ увлекалъ ее отъ дороги къ чащѣ деревъ.

— Что вы, куда?—прошептала Поликсена, когда они очутились у лѣсной опушки.

Арестантъ безсознательно, испуганно оглядывался. Рѣчь отказывалась ему служить. Начинало свѣтать. Вправо виднѣлось плёсо рѣки.—«Чтò съ нимъ?—въ страхѣ подумала Поликсена, — понимаетъ ли, слышитъ ли онъ, чтò я ему говорю? медлить нечего...»

— Тамъ опять давятъ, бьютъ, тѣснятъ,—сказалъ вдругъ узникъ: — а вотъ и воля... Да боюсь я кого-то потерять, кого-то не видѣть...

— О комъ говорите?—спросила Пчёлкина.

— Виноватъ я передъ нею! какъ бы не разлюбила!—шепталъ узникъ, мучительно-радостно вглядываясь въ лицо Поликсены и трогая ее за руку.

— Скоро утро,—сказала Пчёлкина:—васъ спохватятся; поднимутъ погоню. Здѣсь не укроетесь. Надо въ городъ, къ государю. Его ждали съ вечера. Въ немъ одно спасеніе. Но со мной васъ тотчасъ узнаютъ... Вамъ надо одному... Сумѣете ли вы?

Иванушка молчалъ.

— Вотъ тропинка,—продолжала Поликсена:—она ведетъ къ рѣкѣ. Тамъ мостъ, но нѣтъ, лучше въ лодкѣ. Согласны? Я васъ провожу. Доѣдете въ городъ, и прямо къ крѣпости; тамъ опять въ лодку и ко дворцу. Да идите же... Вашу руку... Все успѣю разсказать. Идите, — а вотъ монеты на перевозъ.

Поликсена провела принца къ окраинѣ Каменнаго острова. Съ берега, черезъ Невку, въ утренней мглѣ, уже виднѣлось предмѣстье Колтовской. Отъ пристани отваливалъ челнъ.

Бѣглецъ и его провожатая остановились.

— Слушайте же... первою улицей, и все прямо; и ни слова ни съ кѣмъ, помните—ни слова.

— Буду помнить... буду...

Они простились.

— Не подвести-ль, сударь? — окликнулъ принца съ бе-

рега сѣдой, какъ лунь, въ войлочномъ капелюхѣ, подслѣповатый лодочникъ.

— Подвези... только я вотъ...—сказалъ и заикнулся узникъ, оглядываясь къ деревьямъ, за которыми оставилъ Поликсену.

— Да куда-те, христова душа?

— Ко дворцу... царя мнѣ нужно... царя...

— По службѣ, что-ль, надобеть? къ разводу спѣшишь? садись, — эхъ, утречко! или не здѣшній? но заблудился бы, христовъ человѣкъ...

— Экъ, пыты пытаетъ,—сердито, рѣзко кашляя, отозвался изъ подъ тулупа другой, помоложе лодочникъ, лежавшій у шалаша:—ты ужъ вези, дѣдко, что растабарывать? вонъ махаютъ съ берега, ждутъ. Митричъ-те шею-то накостыляетъ..

— Не накостыляетъ, намъ что! дѣло свое знаемъ!—отвѣтилъ, подсадивъ Иванушку въ лодку, старикъ: — похожено, поношено, повожено... Подъ тремя царицами, подъ третьимъ царемъ хлѣбушка-то ѣдимъ. У яго, ваша честь, лихоманка,— прибавилъ дѣдъ:—онъ и грызется, дурашный, лается... Видывали васъ, пшённиковъ... пра, пшённики, блохари...

Иванушкѣ не сидѣлось. Ему хотѣлось говорить, спрашивать безъ умолку; но онъ помнилъ заказъ Поликсены. Боясь оглянуться назадъ, онъ съ шибко-бившимся сердцемъ всматривался въ низменный, плывшій ему навстрѣчу, съ домишками, садами и пристанями берегъ Колтовской. Сойдя на берегъ, онъ неловко сунулъ старику данную ему монету, еще постоялъ, робко оправился и безъ оглядки пустился по улицамъ и закоулкамъ пробуждавшейся Петербургской стороны. Прохожіе указывали ему дорогу. Отъ церкви Спаса онъ вышелъ къ Сытному рынку у крѣпости...

Странный, съ угловатыми движеніями и длинноногій, какъ заяцъ, пѣшеходъ, въ новомъ на распашку голштинскомъ, примаранномъ землей и листьями кафтанѣ, обратилъ на себя вниманіе раннихъ торговокъ. Навопросъ о дворцѣ, онѣ переглянулись межъ собой, пошептались и указали ему на крѣпость. «Ишь, долговязый нѣмецъ, несурѣзно какъ говоритъ!—сказала одна торговка ему вслѣдъ:—изъ дворцовыхъ, видно, либо заморскій чей-нибудь слуга. У красотокъ, должно, бѣлобрысый нѣмчура припоздалъ. Ковыляй теперь пятками»...

Солнце поднялось надъ ветхими, сѣрыми лавченками и шалашами рынка, когда Іоаннъ Антоновичъ вошелъ на широкій зеленый пустырь, окружавшій бастіоны кронверка.

Черезъ каналъ былъ мостъ, за мостомъ входъ въ крѣпость. Надпись «Іоанновскія ворота, 1740 г.» бросилась принцу въ глаза.

Онъ остановился, снялъ шляпу и долго, смѣшавшись, стоялъ, глядя на знаменательныя слова и что-то соображая.—«Вотъ! я царствовалъ... такъ, мое имя, слѣдъ»... — сказалъ себѣ Иванушка, отирая лицо и несмѣло входя въ крѣпость.

Въ то же время на берегъ Каменнаго острова, гдѣ лежалъ у шалаша молодой лодочникъ, выбѣжала изъ лѣсу, громко лая, бѣлая собака. За нею, въ сопровожденіи конюха, прискакалъ пожилой, въ синей гарнизонной формѣ, всадникъ. На вопросъ, — не приходилъ ли здѣсь и куда направился такой-то, въ зеленомъ кафтанѣ, господинъ?—лодочникъ, покашливая изъ-подъ шубы, указалъ на Колтовскую и прибавилъ: «Къ царю, сказывалъ, пошелъ... во дворецъ».

Всадники помчались къ понтонному мосту, бывшему выше, между Каменнымъ и Аптекарскимъ островами.

Іоаннъ Антоновичъ вошелъ въ крѣпость.

Слѣпая нищая старуха, низко кланяясь ему, отворила дверь въ соборъ. — «Войди, батюшка, войди, свѣтъ, помолись: никого нѣту-ти, одинъ дьячокъ! — сказала она: — всѣ царіе земные и царицы-владычицы тутъ схоронены... спаси тебя Господь... И великій осударь Петра Ликсѣичъ вправо-то, батюшка, первый, и царица табѣ Анна Ивановна и Лизавета, свѣтъ матушка, андельская»...

Жутко забилось сердце бѣглеца при этихъ именахъ. Чуть слышно войдя подъ темные, подавляющіе своды храма, накуреннаго ладаномъ, онъ постоялъ надъ свѣжимъ, еще неотдѣланнымъ склепомъ Елисаветы Петровны, думая: «Иродіада! вотъ теперь, у моихъ ногъ... сама ничтожество, прахъ!»—Бѣгло взглянувъ на пышную съ вензелемъ, гробницу Петра Великаго, принцъ опустился на колѣни передъ могилой тетки, Анны Іоанновны.

«Видишь ли,—замирая, шепталъ онъ:—видишь ли, ласковая, добрая къ намъ, назначеннаго тобой въ преемники? Вотъ я... Мучили меня, обижали... назвали Григоріемъ... вотъ твой племянникъ, Иванушка... Двадцать лѣтъ, день и ночь, двадцать лѣтъ, съ колыбели въ тюрьмѣ... Но, если Богу угодно, если... не убьютъ, какъ царевича Димитрія... клянусь»...

Мысли узника смѣшались. Онъ упалъ крестомъ на хо-

лодныя, каменныя плиты и долго, безъ словъ, горячо молился.—«Никто, какъ я, никто,—повторялъ онъ коснѣющимъ языкомъ: — свѣдалъ я страшную неволю, кровью выплакалъ... Гдѣ спасительница, гдѣ солнце, счастье?.. Привелъ еси день, воскресилъ еси время... Не отринь молитвы моей отъ лица своего»...

Дьячокъ загремѣлъ ключами. — «Пора, сударь, благоволите»—сказалъ онъ. Иванушка подумалъ: «Хоть бы въ этой церкви сторожемъ быть! — тихо такъ, иконы, свѣтло»...— Онъ вышелъ на паперть, спросилъ опять старуху и въ невскія ворота спустился къ рѣкѣ, думая: «Умру, не схоронятъ меня съ царями-предками»...

Широкая, синяя, вся празднично залитая солнцемъ, Нева, съ плывущими по ней многовесельными галерами и бѣлопарусными гальотами и бригами, открылась передъ нимъ. На томъ берегу—рядъ высокихъ, въ зелени садовъ, съ балконами и фигурными карнизами, домовъ. А выше всѣхъ зданій,—съ ярко горѣвшими въ утреннихъ лучахъ рядами оконъ и со множествомъ статуй на крышѣ,—новый каменный, зимній дворецъ.

«Тамъ... туда!.. къ самому царю!»—думалъ бѣглецъ, спускаясь съ пристани въ яликъ.

— «Да тебѣ къ тальянцу, альхитектору, что ли, въ новый дворецъ?» — спросилъ его бородатый, въ красной рубахѣ, яличникъ.

— «Къ нему, туда!»—повторилъ мысленно принцъ, указывая съ лодки за Неву.

У дворцовой пристани собралась куча зѣвакъ. Ихъ заняли двое верховыхъ, на взмыленныхъ коняхъ, прискакавшихъ изъ-за батарей адмиралтейства. Пока конюхъ, проваживалъ лошадей, его баринъ договорилъ извозчичью коляску и не спускалъ глазъ съ ялика, плывшаго отъ крѣпости ко дворцу.

Съ берега ясно былъ виденъ этотъ яликъ и, среди него, въ свѣтло-зеленомъ, съ серебрянымъ шитьемъ, мундирѣ и въ желтомъ камзолѣ, высокій молодой человѣкъ. Треуголъ онъ снялъ и ладонью прикрывалъ отъ солнца глаза. Длинные, незавитые въ косу волосы развѣвались по плечамъ.

— Ваше высочество,—произнесъ, встрѣтивъ Іоанна Антоновича, приставъ Жихаревъ:—куда жъ вы это ушли? ахъ-ахъ, можно ли? Государь васъ ждетъ къ себѣ; вотъ и коляска.

Бѣглецъ испуганно взглянулъ на пристава. Лицо послѣдняго было такъ привѣтливо, ласково.

— Какъ? не обманъ?

— Съ чего же, полноте!

— А гдѣ государь? охъ, кружится голова...

— Его величество на дачѣ, въ Ранбовѣ; пожалуйте, сударь.

— Какъ, еще не пріѣхалъ? Да ты вѣрно ли знаешь? гдѣ Ранбовъ?

— Недалеко; духомъ доѣдемъ.

Бѣглецъ недовѣрчиво сѣлъ въ коляску. Было мгновеніе, онъ готовъ былъ крикнуть, сопротивляться. Но возлѣ собралось столько прохожихъ. Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на него, перешептывались. Онъ смѣшался, неловко поднялъ ногу на ступеньку коляски и сѣлъ, прошептавъ: «Да, ну, ужъ скорѣй; не опоздать бы»...

Коляска понеслась.

— Кого это повезли?—спросилъ Гудовичева конюха высокій, плечистый господинъ, въ парусинномъ балахонѣ и со свиткомъ бумагъ, шедшій мимо дворца съ прогулки изъ Лѣтняго сада.

— А хто е зна! на утёкъ было, сущеглупый, съ-подъ кравулу... да его изловили...

— Кто изловилъ?

— Майоръ гвардіи, Жихаревъ.

Ломоносовъ бросился на набережную. Но коляски уже не было видно. Она скрылась за бастіонами адмиралтейства. Вотъ выскочила на мостъ, съѣхала на Васильевскій островъ, огибаетъ шляхетный кадетскій корпусъ и несется обратно къ Колтовской, на острова.

XVII.

Муха на рогахъ вола.

Утромъ 26-го іюня, по пути изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, ѣхала взморьемъ небольшая съ придворнымъ, въ желтой ливреѣ, лакеемъ и съ гербами, красная карета. Въ ней сидѣла невысокаго роста, съ подвижнымъ, оживленнымъ лицомъ, нѣсколько взволнованная, лѣтъ девятнадцати, нервная особа. Съ нѣжной, тонкой шеей и выпуклою красивою грудью, на которую падалъ локонъ высоко-взбитыхъ, напудренныхъ волосъ, она привлекала блескомъ большихъ и умныхъ глазъ, привѣтливо и гордо смотрѣвшихъ изъ-подъ широкаго, бѣлаго лба.

То была сестра графини Воронцовой, княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она въ то утро встрѣтилась у сестры съ государемъ, и ея мыслей не покидали слова, слышанныя отъ него.

Петръ Ѳедоровичъ былъ ея крестнымъ и, посадивъ ее рядомъ съ собой, вдругъ сказалъ ей съ обычною своею откровенностью:

— Ахъ, вы измѣнница! Знаю, знаю о васъ... милости-съ пожалуйста!

— Что же вы знаете, государь? — вспыхнувъ, спросила Дашкова.

— Все знаю, все! О! не вскакивайте. Всѣ ваши алльянцы съ моими противниками мнѣ извѣстны. Вы живете больше въ городѣ, избѣгаете двора, нашихъ мирныхъ удовольствій, забавъ. А propos, скажите-ка: чѣмъ васъ бàнда нѣкоторыхъ людей приколдовала? чѣмъ? Что на медвѣдя съ рогатиной ходятъ, да ночи на пролетъ играютъ въ карты и кутятъ? Только и слышно бакханаліи, буянство, скачки съ пѣснями на рысакахъ... Шалбѐрники, взбѣшенные сорви-головы и атлеты! Ваши прочіе партизанты—разоренные дворянчики, мелкіе офицеры, плохіе на службѣ и обитающіе по закоулкамъ. Чтò? видите?... Все знаю и на все пока смотрю сквозь пальцы... Это ли идеалы, которые вы съ моей женой у Даламбера, Дидро и у Руссо вычитали?

— Клевета, ваше величество! простите, не могу слышать такихъ рѣчей, уйду!—закрывъ лицо руками, сказала Дашкова.

— Порохъ, о! порошокъ! ужъ и бѣжать? — произнесъ, опять ее усаживая, Петръ Ѳедоровичъ: — ваша преданность моей женѣ понятна и почтенна... Saperlot! Кого она не заколдуетъ! Но вы, Катерина Романовна, имѣете сестру, простое и доброе созданіе. Дорожите ею больше... Ее, по достоинствамъ, ожидаетъ другой, завидный менажемѐнтъ... Узнаете о томъ послѣ...

Государь помолчалъ.

— Mein holdes Kind!—продолжалъ онъ:—уважьте одинъ благонамѣренный мой совѣтъ... Je vous dirai tout franchement... Не повредило бы вамъ помнить, что дружба честныхъ простаковъ и даже колпаковъ, какъ ваша сестра... да и вашъ всеодолженнѣйшій слуга... гораздо безопаснѣе, чѣмъ великихъ умниковъ, которые изъ апельсина выжмутъ сокъ, а корку бросятъ подъ столъ.

— Да въ чемъ же дѣло?—спросила Дашкова.

— О, все знаю, все, — повторилъ Петръ Ѳедоровичъ: — эхъ-эхъ! совѣтую, чтобъ послѣ не пришлось каяться...

«Что же онъ узналъ? и успѣю ли ее предупредить,—думала Дашкова, ѣдучи паркомъ въ Петергофъ и нетерпѣливо высовывая блѣдное, покрывшееся пятнами лицо то изъ одного окна кареты, то изъ другого,—очевидно, ему снова донесли; но о чемъ и на кого? Скоро десять часовъ. Императрица навѣрное уже одѣлась, или кончаетъ туалетъ. Всѣ ли мои извѣщенія, записки доходятъ до нея? Наши враги не дремлютъ, частыя свиданія опасны. Но теперь, по пути, авось успѣю»...

Красная съ гербами карета стала подниматься отъ взморья на лѣсистый косогоръ. Повѣяло смолистой прохладой.

Дашкова вышла изъ экипажа, распустила желтый съ бахромою зонтикъ и пошла въ тѣни развѣсистыхъ, густыхъ сосенъ и липъ. Съ холма обозначались ближайшія дачи, службы и крыши стараго петергофскаго дворца.

«И все я, одна я!—думала Дашкова, прищуренными, близорукими глазами отыскивая въ зелени нижняго сада знакомую черепичную кровлю и окна стараго, петровскаго Монплезира, въ которомъ теперь жила Екатерина: — пугаютъ, что друзья черезъ мѣру взволнованы, не выдержатъ и вызовутъ взрывъ. Пустяки, все спокойно... Панинъ стоитъ за легальный переходъ, за регентство и шведскую форму правленія. Я въ этомъ мало смыслю! Но время идетъ... Что съ Екатериной? Она какъ бы устраняется. Роется въ своихъ книгахъ, робка, какъ дитя, идеальна, какъ пансіонерка, и практикъ жизни ни на волосъ не знаетъ... Пьемонтецъ Одаръ, ея секретарь, все суетится, впопыхахъ... Великія готовятся событія. И неужели мнѣ, слабой и скромной, суждено занять такую роль въ исторіи? Неужели мое имя? Не вѣрится, точно во снѣ»...

Дашкова остановилась, свернула зонтикъ, сѣла въ карету и поѣхала къ петергофскому дворцу.

«Нерѣшительная!—думала она объ Екатеринѣ, спускаясь паркомъ въ нижній садъ: — приглашена сегодня на обѣдъ въ Ораніенбаумъ, завтра на праздникъ въ Гостилицы. А тамъ грозятъ, что-то замышляютъ рѣшительное... Но гдѣ жъ ея экипажъ? Не видно. Или я съ нею ужъ разминулась?..»

Особый невысокій павильонъ Монплезира передними ком-

натами выходилъ ко взморью, внутренними примыкалъ къ березамъ и липамъ нижняго сада.

Въ передней павильона, на вылощенномъ годами, рѣзномъ, дубовомъ ларѣ, сложа руки, сидѣлъ и, подъ плескъ окрестныхъ фонтановъ, дремалъ гардеробмейстеръ государыни, Василій Григорьичъ Шкуринъ; черезъ комнату отъ него, въ цвѣточной, смежной съ кабинетомъ императрицы, у раскрытаго на взморье окна, въ чепцѣ и съ огромными, серебряными очками на носу, въ старинномъ кожаномъ креслѣ, вязала желтый шелковый чулокъ, любимая камерфрау государыни, Екатерина Ивановна Шаргородская. Тишина въ комнатахъ, во дворѣ и въ саду и на нее сильно дѣйствовала.

Шаргородская то и дѣло клевала носомъ, спускала петли, зѣвала, крестила ротъ и, опять зѣвая и вздыхая, принималась вязать. Она изрѣдка, сквозь дремоту, поглядывала въ окно, изъ котораго сквозь пахучую зелень деревъ виднѣлись мраморныя статуи на крыльцѣ, паруса дальнихъ судовъ и залитое солнцемъ, тихо плещущее море. Колыхнувшись чепцомъ еще разъ—другой, Шаргородская подумала:

«Да, не скоро еще... охъ, давно пробило девять... когда-то позоветъ?»—особенно сладко и широко зѣвнула и угнѣздилась въ креслѣ. Руки съ чулкомъ упали на фартукъ. Голова въ чепцѣ склонилась на плечо. Она заснула.

Небольшая веселая горенка, за цвѣточной, служила кабинетомъ и вмѣстѣ спальней императрицы. Высокія березы и липы за окномъ не мѣшали сюда врываться щедрымъ утреннимъ лучамъ.

Все здѣсь было уютно, домовито и чисто. На окнахъ цвѣтущія розы, лакфіоли и геліотропы. За ширмой—подъ бѣлымъ одѣяломъ—постель. У изголовья столикъ; на немъ, подъ зеленымъ экраномъ, двѣ восковыя, сильно обгорѣлыя свѣчи. У печки на стеганомъ шелковомъ тюфячкѣ двѣ крошечныхъ собачки, подарокъ какой-то англійской лэди. По этотъ бокъ ширмы нѣсколько креселъ, шкапчикъ, софа, трюмо и письменный столъ. На креслахъ, на диванѣ и на софѣ накрахмаленные бѣлые, точно лишь сейчасъ вымытые и выглаженные чехлы. На выгибномъ, съ ящиками, столѣ чернильница; возлѣ куча книгъ и бумагъ. Между ними томы Буало, Монтескьё, Беля и Вольтера. Между софой и ширмой дверь въ уборную, бывшую подъ наблюденіемъ другой прислужницы государыни, помоложе, камеръ-юнгферы, Мавры

Савишны Перекусихиной. Все на мѣстѣ, нигдѣ ни сору, ни пылинки.

У двери въ уборную—табуретка; на ней лохань, на полу кувшинъ. Въ лохани что-то моетъ, съ засученными по локоть руками, лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ, средняго роста, полная, бѣлокурая, красивая женщина.

Сѣрый котъ Багадуръ, лѣниво раскинувшись на софѣ, пошевеливаетъ пушистымъ хвостомъ и сладко щурится на солнечный лучъ, играющій по полу, по мебели и цвѣтамъ.

Во дворѣ прогремѣли колеса.

«Неужто ужъ подали?—подумалъ гардеробмейстеръ Шкуринъ, въ недоумѣніи взглянувъ на стѣнные, съ кукушкой, часы.—Нѣтъ, видно, чужой»,—сказалъ онъ себѣ, вставая.

Быстро вошла Дашкова.

— Чтò государыня?—спросила она:—ѣдетъ? одѣлась?

— Должно одѣлись... пожалуйте!—отвѣтилъ, отворяя дверь въ слѣдующую комнату, Шкуринъ.

Дашкова вошла въ столовую. Удивленно поднявъ брови на спящую Шаргородскую, она миновала ее, постучалась въ дверь кабинета.

— Herein!—послышалось оттуда.

Дашкова ступила за порогъ.

— Чтò это?—вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Какъ что, Богъ мой? Мòю свои манжеты и воротнички,—отвѣтила, обернувшись къ ней, императрица.

Екатерина была въ утреннемъ бѣломъ, пикейномъ «корнетѣ» и въ кружевномъ простенькомъ чепцѣ поверхъ русыхъ, невысоко-убранныхъ волосъ. Двѣ стоячихъ букольки были взбиты у маленькихъ, безъ серёгъ, красивыхъ ушей. Голубые, усмѣхавшіеся глаза смотрѣли привѣтливо и весело. Румяное, полное, съ прямымъ носомъ и круглымъ, крѣпкимъ подбородкомъ, лицо дышало свѣжестью и здоровьемъ. Бархатныя, синія ботинки, на высокихъ каблукахъ, обтягивали короткую и плотную, съ крутымъ подъемомъ, ступню. Голосъ Екатерины былъ грубоватый. Желая его смягчить, она говорила протяжно, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и нѣсколько нараспѣвъ.

— Такое занятіе, когда дорогъ каждый часъ, каждый мигъ?—произнесла Дашкова.

— Такъ у меня заведено; такъ, сударыня, извините, и дѣлаю! — отвѣтила флегматически Екатерина, внимательно

выжавъ и покраснѣвшими проворными пальцами встряхивая вымытое, причемъ отъ возни крупныя капли испарины собрались у нея надъ верхней губой.

«Вотъ она, подите!—подумала Дашкова,—собирается царствовать, а занята мытьемъ воротничковъ»...

— Но для того, простите, есть другія руки,—сказала гостья.

— Те-те-те, пойте мнѣ!—отвѣтила Екатерина:—съ этою пастью я люблю вѣдаться сама. Времени сколько у насъ свободнаго... Кстати вчера я дочитала Annales ecclésiastiques Бароніуса, стихами перевела оду Вольтера къ вольности... А знаете ли, другъ мой, его. Pensées sur l'Administration? Какая прелесть!.. La liberté consiste à ne dépendre que des lois... Вотъ умъ, вотъ мысли и штиль...

— Да развѣ книгами теперь заниматься?—воскликнула, пожавъ плечами, Дашкова: — мы на вулканѣ, слышите ли, на пороховой бочкѣ. Мигъ—и послѣдуетъ взрывъ!

Екатерина взглянула на нее.

— Мѣшокъ нерѣшительный, Панинъ, мямлитъ,—продолжала Дашкова:—этотъ мужикъ-гетманъ твердитъ хохлацкія поговорки, — моя хата съ краю, да скажи — какъ тамъ?— гопъ, когда перескочишь... А государь что-то узналъ, намекаетъ, не на шутку грозитъ... Простите, вы медлите, медлите!..

На глазахъ Дашковой навернулись слезы.

Екатерина подумала: «слава Богу, ничего вѣрнаго не знаетъ!»—ласково взяла ее за руку и посадила рядомъ съ собой. Ей вспоминались слова мужа Панину, при гробѣ покойной Елисаветы: «ототкну тебѣ уши, какъ взойду на престолъ, заставлю себя получше слушать»... Панинъ не могъ тянуть, долго ждать.

— Вы отчасти правы,—сказала она:—мужъ дѣйствительно могъ провѣдать немало промаховъ съ нашей стороны. Сколько толковъ, пустыхъ разговоровъ! точно орденъ ждутъ за суету и болтовню...

— Вы не дарите насъ своими указаніями, — отвѣтила Дашкова:—ахъ, сколько упущено! въ декабрѣ, въ ту ночь, когда я вамъ открылась, я просила у васъ наставленій, полномочій. Вы отвѣтили, надо надѣяться на Провидѣніе.

— То же скажу вамъ и теперь.

— Но вѣдь дѣло не ждетъ! — съ чувствомъ искренняго отчаянія, сказала Дашкова:—не о себѣ говорю,—о васъ.

— Да, милая,—отвѣтила Екатерина: — незавидна судьба

вашего бѣднаго друга. Я, русская въ душѣ, искренно полюбила мою вторую родину, и—что̀ бы ни случилось—безъ борьбы не уступлю этой любви... Какъ царь Иванъ, я не стану думать объ убѣжищѣ межъ англичанъ, останусь здѣсь...

— Но надо дѣйствовать, не говорить! — перебила Дашкова:—иначе, клянусь, будетъ поздно...

— Дѣйствовать, но осторожно,—произнесла Екатерина:—и особенно отъ васъ, мой другъ, я жду резонабельныхъ мыслей и мѣръ...

Дашкова взглянула на императрицу.

— Не понимаете?—спросила, улыбнувшись, Екатерина:—вотъ что̀, не сердитесь только, къ добру вѣдь говорю... Пятнадцать записокъ, съ конными и съ пѣшими гонцами, отъ кого я получила въ эту недѣлю? И на всякую вашу цидулку изволь отвѣчать,—и я отвѣчала... Ну, это какъ, сударушка-голубушка, по-вашему, не суета?

Екатерина обняла Дашкову и крѣпко ее поцѣловала.

— Нѣтъ, воля ваша, нѣтъ! что̀ хотите — не могу! — съ хлынувшими слезами, проговорила Дашкова: — ваша нерѣшительность, вашъ взглядъ на дѣло сгубятъ всѣхъ насъ и прежде всего васъ самихъ.

Екатерина не возражала. Въ ея глазахъ также выступили слезы. Одна рука ея была на рукѣ гостьи, — другою она обнимала Дашкову. Нѣсколько минутъ обѣ любящія, связанныя недавней дружбой женщины молчали. Лица ихъ были увлажены искренними слезами.

— Простите, ma bonne et chère amie,— сказала, цѣлуя Дашкову, Екатерина: — несчастье мой удѣлъ; вы меня жалѣете, но мы несогласны во взглядахъ. Вы ждете помощи отъ друзей,—я считаю, что она можетъ придти только свыше.

— И вы готовы покориться судьбѣ, вынести насильное постриженіе въ монастырь, или — что̀ того хуже — отдать себя голштинцамъ заточить, вмѣсто принца Іоанна, въ Шлиссельбургъ?

— Ну, до того, авось, врядъ ли еще дойдетъ!—отвѣтила, сверкнувъ голубыми глазами, Екатерина.

Дашкова встала. Послѣднія слова императрицы ее окончательно взорвали. Глаза ея помутились. Лицо покрылось пятнами. Побѣлѣвшія, сердиыя губы некрасиво усиливались что-то сказать. Екатерина взглянула на гостью—и ей стало ее вдвое жаль, и въ то же время почему-то было весело.

Круглый подбородокъ ея дрогнулъ. «Трусиха! — подумала она, — вотъ трусиха; любитъ, а какъ жалка... Какое сравненіе съ тѣми! — римляне, орлы!..»

— Ну, повѣдайте, что вы еще слышали?—спросила Екатерина:—мнѣ пора ужъ и на обѣдъ.

Дашкова передала о своемъ заѣздѣ въ Ораніенбаумъ и о разговорѣ съ императоромъ. Пробило десять часовъ. Екатерина позвонила. Вошла Перекусихина, за нею Шаргородская. Онѣ внесли парадный траурный костюмъ императрицы. Къ подъѣзду, погромыхивая, подъѣхала тяжелая, шестерней карета.

— Что жъ, наконецъ, дѣлать?—спросила по-французски Дашкова, когда Екатерина съ нею вышла, въ черной флеровой шапочкѣ, на крыльцо.

— Терпѣніе, милая тёзка, терпѣніе и осторожность,— отвѣтила вполголоса, крѣпко пожимая ея руку, Екатерина:— вы—Катя, и я—Катя: будемъ обѣ Кати умницами...

«Ну, сударыня, ужъ извините — подумала Дашкова, глубокимъ, по всѣмъ правиламъ, реверансомъ раскланиваясь отъ крыльца съ уѣзжавшей императрицей,—придетъ срокъ,— не поцеремонимся съ вами...»

«Муха на рогахъ вола! — отвѣчая на поклонъ княгини Дашковой, подумала Екатерина:—бѣгаетъ, суетится... и все, Богъ мой, чтобъ только сказать, и мы-де орали, мы-де пахали пашеньку... Думаетъ, что ее приняли въ согласіе, что ей открытъ заговоръ... она не въ заговорѣ, а только въ разговорѣ... Нѣтъ, — прибавила себѣ Екатерина, — я неправа, я — esprit gauche! несносная страсть къ сатирничанью!.. Княгиня преданная, пылкая и женерозная особа, и много у нея, съ ея мужемъ, друзей... Преданность, пылкость! Не въ нихъ однѣхъ сила,—нужно притомъ и нѣчто другое...»

Мысли Екатерины унеслись далеко, — къ тѣмъ днямъ, когда она, приглашенная императрицей Елисаветой, впервые въѣхала, черезъ Ригу и Псковъ, въ Россію и приглядывалась къ ея пустыннымъ равнинамъ, одинокимъ селеньямъ и нескончаемымъ дремучимъ лѣсамъ, и когда ей грезилось, что она нѣкогда будетъ царствовать въ этой бѣдной, обширной странѣ.

Карета императрицы на полныхъ рысяхъ миновала последнюю просѣку петергофскаго парка. Стали видны у взморья высокое крыльцо и окна ораніенбаумскаго дворца. Желтые, синіе и бѣлые голштинскіе мундиры мелькали

уже здѣсь и тамъ, за сквозною чугунною оградой. Скакали вѣстовые. Отъѣзжали экипажи спѣшившихъ изъ столицы гостей.

XVIII.

Арестъ Пассека.

Обѣдъ въ Ораніенбаумѣ отличался особенною пышностью. Столъ, на пятьдесятъ кувертовъ, былъ сервированъ въ японской залѣ. Служили въ желтыхъ курткахъ и красныхъ тюрбанахъ арабы и съ страусовыми перьями на шапочкахъ скороходы. Императрица сидѣла рядомъ съ Минихомъ. Государь во время обѣда былъ сильно не въ духѣ. Изрѣдка перешептываясь съ Александромъ Шуваловымъ и съ Гудовичемъ, онъ изрѣдка вопросительно поглядывалъ на императрицу. Къ вечеру на маскарадѣ, въ оперномъ театрѣ, онъ, видимо, повеселѣлъ. На слова Воронцовой: «взгляните, государь, ваша супруга безъ екатерининской звѣзды: не оттого ли, что я по вашей милости, въ этомъ орденѣ?»—онъ отвѣтилъ: «ба! пустяки, Романовна! я спрашивалъ... она нечаянно сломала звѣзду и отдала въ починку Позье...»

На другой день, 27-го іюня, въ четвергъ, Петръ и Екатерина встрѣтились вновь на великолѣпномъ праздникѣ, данномъ въ честь высокой четы графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и его братомъ-гетманомъ, въ Гостилицахъ.

Здѣсь были первыя красавицы изъ обычной дворской свиты императора. Всѣ были веселы, катались съ музыкой по озеру. Тосты сопровождались пушечной пальбой. Оба Разумовскіе, особенно любимецъ государя — гетманъ, наперерывъ старались угодить императору.—«Лобзаніе Іуды»— думали нѣкоторые изъ знающихъ тайны, глядя на нихъ.

— Завтра, надѣюсь, у васъ обѣдать и обо всемъ, безъ вредительныхъ иллюзій, поговорить,—сказалъ государь императрицѣ, уѣзжая вечеромъ въ Ораніенбаумъ: — а мои именины, послѣзавтра, проведемъ, не правда ли, у меня?

Императрица, молча, вдернула за собой по ступенькамъ экипажа траурный шлейфъ. Дверцы захлопнулись. Карета помчалась въ Петергофъ. Болѣе въ жизни Петръ съ Екатериной не видѣлись...

«Боже мой, Боже! — думала Екатерина, подавляя слезы и прислушиваясь къ топоту лошадей, — что̀ меня ждетъ? Развязка близка. Никто и не подозрѣваетъ, что Панинъ и

гетманъ готовы... Терпѣть или предупредить ударъ? Свобода—и заточенiе, корона—и монастырь?.. Не сдамся, какъ правительница Анна... Лучшiе умы призову къ трону, буду править кротостью, голосъ всякой правды слушать. Обновлю, воскрешу эту забытую, бѣдную и вмѣстѣ богатую, мнѣ одной понятную страну. Стану матерью отечества... Умру или буду царствовать...»

Возвратясь въ Петергофъ, Екатерина отпустила прислугу, заперла двери и открыла окно. Море тихо плескалось у Монплезира.

«Дашкова! другъ мой! —думала императрица,—нѣтъ тебя возлѣ меня въ эти минуты, а ты мнѣ теперь такъ нужна... Что̀ если ты права, если мы опоздали и нѣтъ уже возврата?»

Екатерина порылась въ ящикахъ, отложила и сожгла нѣсколько бумагъ, засучила до локтей рукава блузы и стала въ волненiи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Малѣйшiй звукъ у взморья и въ саду бросалъ ее въ холодъ и жаръ.

Петръ Ѳедоровичъ позже выѣхалъ изъ Гостилицъ. Онъ также былъ неспокоенъ и возбужденъ.

«Постой, матушка-голубушка! — думалъ онъ, приглядываясь къ стемнѣвшимъ полямъ, — не долго ждать... Послѣзавтра, въ субботу, мой праздникъ. День Петра и Павла надолго останется памятенъ. Все готово,—и Лизавета Романовна согласна, и принцъ Iоаннъ подъ рукой... Гетманъ обѣщаетъ полнѣйшiй успѣхъ. Покажу принца народу, провозглашу наслѣдникомъ и обвѣнчаюсь... Жену и сына запру въ Шлиссельбургѣ, устрою временное регентство—изъ князя Никиты Трубецкого, Гудовича и дяди—принца Жоржа... и съ армiей въ походъ! Все готово... Они и не ожидаютъ».

«Какая тишина, какая! — сказалъ себѣ Петръ Ѳедоровичъ, подъѣзжая къ ораніенбаумскому дворцу: — миръ и не подозрѣваетъ, что̀ ему готовится... Воздухъ и не шелохнетъ, кругомъ ни звука... О! сколько величiя и сколько силы въ душѣ зоркаго, осторожнаго и рѣшительнаго человѣка. Панина пошлю въ Швецiю — раздавить тамошнiя своеволiя, гетманомъ сдѣлаю Гудовича... Но главное, главное... Свѣтъ загремитъ отъ нежданной вѣсти, и новая великая страница прибавится къ исторiи Третьяго Петра».

За полчаса до возврата государя съ предательскаго пира, любимый его арапъ, Нарцисъ, пришелъ къ нему въ рабочiй кабинетъ и положилъ на письменномъ столѣ письмо, при-

сланное съ тайнымъ гонцомъ отъ бывшаго государева парикмахера Брессана. На письмѣ была по-французски надпись: «весьма секретное и нужное». То былъ доносъ о заговорѣ.

Петръ Ѳедоровичъ, отыскивая сигары, увидѣлъ возлѣ нихъ пакетъ, — хотѣлъ его вскрыть, но чувствуя усталость, разсѣянно повертѣлъ его въ рукахъ, бросилъ на этажерку въ кучу другихъ, заготовленныхъ на утро бумагъ, прошелъ въ спальню, сталъ раздѣваться и задумался.—«Концертъ природы — концертъ душевныхъ страстей» — сказалъ онъ себѣ слова Стерна изъ книги, читанной наканунѣ. Его манило изъ комнаты на воздухъ.

Императоръ снялъ со стѣны любимую скрипку, подарокъ виртуоза Тастини, вышелъ съ нею на балконъ—и долго, въ тишинѣ, покрывшей взморье, дворецъ и садъ, раздавались звуки нѣжныхъ каватинъ и пасторалей. Петръ Ѳедоровичъ игралъ, размышляя: «Все идетъ отлично... И какая полная, поэтическая тишина!.. Да! свѣтъ изумится новой страницѣ въ исторіи Третьяго Петра».

Было за полночь, когда онъ возвратился въ спальню. — «Волковъ изучаетъ французскую хартію, совѣтуетъ ввести въ Россіи сословія... Всякъ станетъ воленъ... Всякъ будетъ счастливъ, всякъ станетъ жить подъ своей смоковницей!» — Съ этими мыслями онъ обернулся къ стѣнѣ, услышавъ жужжаніе комара, сталъ слѣдить за его пѣсней и полетомъ и заснулъ.

Ожиданія императора не сбылись. Не черезъ день и не въ субботу, а того же двадцать-седьмого іюня, въ четвергъ, въ Петербургѣ произошелъ важный, хотя, повидимому, ничтожный случай.

Преображенскій гренадеръ, заслышавъ толки, что государыня въ опасности отъ голштинцевъ, зашелъ къ своему капитану, Петру Богдановичу Пассеку, узнать, правду ли говорятъ въ народѣ. Пассекъ отвѣтилъ, чтобъ не врали, и что государыня въ безопасности. Гренадеръ рѣшилъ глядѣть въ оба; ночью не сомкнулъ глазъ, ломалъ голову, а потомъ зашелъ къ преображенскому маіору Петру Петровичу Воейкову.

— Ваше высокоблагородіе,—сказалъ онъ:—явите божескую милость. Какъ бы послѣ за нихъ не отвѣчать.

— За кого?

— За голштинцевъ.

— А что?

— Да все ли, то-есть, въ благополучіи насчетъ матушки-царицы?

Воейковъ насторожилъ уши.

— Пустяки,—отвѣтилъ онъ.

— Спрашивалъ я по-тайности ихъ благородіе, Петра Богданыча,—сказалъ гренадеръ.

— Ну, и что же онъ?—спросилъ Воейковъ.

— Передай, говоритъ, солдатству, чтобъ до времени попусту не чесали языковъ. Нужно будетъ—объявятъ черезъ капральство.

Воейкова, какъ варомъ, обдали эти слова. Онъ понялъ, что дѣло неладно, задержалъ гренадера и арестовалъ Пассека.

«Вотъ и ручался въ осторожности» — подумалъ Ломоносовъ, узнавъ о томъ и вспоминая встрѣчу съ Пассекомъ у Фонвизина.

Пособники Екатерины потерялись. Въ грозной тишинѣ передъ ними какъ бы взлетѣла первая, вѣстовая ракета...

Панинъ узналъ объ этомъ отъ Орлова, играя вечеромъ у Дашковой въ карты. Дашкова посовѣтовала Орлову немедленно скакать въ Петергофъ и обо всемъ увѣдомить Екатерину, еще до разсвѣта. Панинъ послалъ наставленія гетману Разумовскому, командиру измайловскаго полка. Дашкова надѣла мужской плащъ и, не довѣряя Орлову, пошла узнать подробности къ Рославлеву. Всѣ были въ ожиданіи чего-то необычайнаго, рокового.

Мировичъ вторую недѣлю игралъ въ карты у Перфильева. Игра шла въ домѣ генерала Возжинскаго, бывшаго лейбъ-кучера Елисаветы Петровны, на Невскомъ, у Гостинаго двора. Мировичу везло, но онъ выбился изъ силъ, сталъ раздражителенъ, придирчивъ и грубъ.

Вечеромъ двадцать-седьмого іюня, когда партнеры Перфильева сидѣли за карточнымъ столомъ, къ нимъ, послѣ нѣкотораго отсутствія, вновь явился Григорій Орловъ. Онъ высыпалъ на столъ груду золота. Игра пошла съ новой силой. Разносили вина, прохладительныя.

Былъ второй часъ ночи. Мировича вызвали на крыльцо. Какой-то мужикъ подалъ ему записку. То было письмо Пчёлкиной. На дворѣ разсвѣтало. Мировичъ вскрылъ и прочелъ слѣдующія строки.

«Что вы дѣлаете?—писала Пчёлкина:—вы забыли всѣхъ

и все. Узнавъ, гдѣ вы скрываетесь столько дней, спѣшу сообщить то, что̀ сейчасъ узнала отъ заѣхавшаго къ намъ въ поискахъ за вами Ушакова. Городъ въ опасности. Каждое мгновеніе ждутъ взрыва. Вы просили услуги мнѣ. Вотъ она. Арестованъ Пассекъ; враги государя боятся его показаній и готовы дѣйствовать. Поѣзжайте къ Ушакову. Онъ все вамъ объяснитъ».

«Подлый я, гнусный!» — съ бѣшенствомъ сказалъ себѣ Миро̀вичъ. Онъ бросился въ переднюю, схватилъ шляпу и шпагу, кликнулъ извозчика и поѣхалъ къ Смольному, гдѣ въ переулкѣ жилъ Ушаковъ. — «Вотъ она, рѣшимость, долгъ совѣсти! — разсуждалъ онъ, — все забылъ, все. У меня были средства предупредить государя, его спасти, и я тѣмъ пренебрегъ. Христосъ великій и единый, слава нашего ордена, и я тебѣ измѣнилъ! Многое думалось и все низвергнуто. Опять я погибшая натура, подлая и дикая тварь. А сравняться думалось, по слову братьевъ масоновъ, съ Моисеемъ, съ Гирамомъ-Апифомъ... Измѣнникъ, картежникъ, мотъ!..»

Скрипя зубами, Миро̀вичъ сжималъ кулаки, тихо и злобно смѣялся надъ собой. — «Кто есть свободный каменщикъ?— спрашивалъ онъ себя съ дрожью негодованія, — человѣкъ, умѣющій сдерживать свои порывы, покорять волю свою разуму. Въ храмъ истины входятъ только премудрые; гордость и безчиніе изгоняются оттуда. А я не исполнилъ долга въ такое время, сидѣлъ за карточнымъ столомъ, слушалъ ревѣніе пирныхъ пѣсенъ, служилъ съ такими вертопрахами Бакху... Къ кому заповѣдано милосердіе? — къ бѣдствующему... Состраданіе? — къ виновному... Прости-жъ меня, Господи, прости слабому ученику, символъ котораго — неотесанный, грубый камень. Дай мнѣ искупить мою провинность... заслужить... Попущеніе паденія—въ планѣ горней твоей любви»...

На квартирѣ Ушакова Миро̀вичу сказали, что Аполлонъ Ильичъ съ вечера нанялъ ямскихъ и уѣхалъ за городъ.

«Новое горе,—подумалъ Миро̀вичъ,—отъ кого жъ теперь узнать?»

Онъ поѣхалъ обратно, и на Литейной вспомнилъ о Бресанѣ. Домъ камергера-парикмахера былъ ему по-пути, на Фонтанкѣ, у Симеоновскаго моста.—«Развѣ попытаться къ нему? — подумалъ Миро̀вичъ, — онъ другъ государя, зналъ меня по корпусу».

Окно въ верхнемъ этажѣ дома Брессана было освѣщено. дверь на улицу—отворена. Отпустивъ извозчика, Мировичъ взошелъ по узкой деревянной лѣстницѣ.

Взволнованный и до крайности растерянный французъ сперва не призналъ гостя, потомъ принялъ его со слезами и съ распростертыми объятіями.

— Mon Dieu, quelle misère! какое горе!—вопилъ разбитымъ голосомъ, колотя себя въ грудь, нечесанный, въ халатѣ и туфляхъ на босу ногу, старикъ: — бѣдный, жалкій государь! Oh il est perdu! Я писалъ, я послалъ, но видно онъ мой рапо́ръ не читалъ... полдня—и оттуда ни слуха...

Брессанъ въ подробности разсказалъ Мировичу о случаѣ съ Пассекомъ, о сходкахъ и приготовленіяхъ сторонниковъ Екатерины, Панина, гетмана, измайловскихъ и преображенскихъ офицеровъ.

— Повозку и лошадей!—вскрикнулъ, выпрямляясь, Мировичъ.

Лицо его вдругъ засіяло, точно онъ открылъ нѣчто необычайно-великое, міровую тайну.

— Ссудите вашихъ лошадей, — повторилъ онъ: — не все еще потеряно. Я мигомъ долечу и, хоть голова съ плечъ, все передамъ, предупрежу государя.

— Нѣтъ лошадей, всѣхъ разослалъ,—жалобно отвѣтилъ Брессанъ: — къ compte Шоваловъ, къ пренсъ Трубецкой, остался одна расхожій водовозъ.

— Давай водовоза,—да ну же—чортъ возьми! vite, vite!..

Но и расхожая лошадь оказалась въ отсутствіи, на рынкѣ. Въ исходѣ четвертаго часа Мировичу подали, наконецъ, коня. Онъ набросалъ какую-то бумагу, спряталъ ее на грудь, пожалъ руку Брессану, вскочилъ въ сѣдло и понесся вдоль Фонтанки.

«Не знаю, ка̀къ и что̀ — мыслилъ онъ, — но вѣрю, что сдѣлаю всѣмъ наперекоръ, всѣмъ...» — У Калинкина моста, гдѣ жила Филатовна, Мировичъ придержалъ поводья, миновалъ заставу шагомъ. Полная тишина царила окрестъ. Предмѣстье, пробуждаясь, еще молчало. Ни конныхъ, ни пѣшихъ. Слѣва въ Измайловскомъ полку, прогремѣла чья-то запоздавшая карета; но и та вскорѣ затихла. Отъ ближнихъ садовъ и огородовъ тянуло запахомъ росистой листвы. Гдѣ-то надъ крышей поднялся ранній дымокъ. Мировичъ миновалъ предмѣстье и во всю прыть помчался по пути въ

Ораніенбаумъ, думая про себя: — «Гетманъ измѣнникъ, не диво еще,—сластолюбецъ; но Панинъ... видно, чѣмъ больше идеализма, тѣмъ загребистѣе лапа...»

Но въ то же утро и ранѣе отъѣзда Мировича, благодаря Дашковой, случилось непредвидѣнное событіе, которому добродушный лѣтописецъ того времени далъ скромное и мѣткое названіе: «Предпріятіе господина Орлова».

Въ Петергофъ, далеко до разсвѣта, скакалъ на лихой, собственной тройкѣ, Алексѣй Орловъ.

XIX.

„Предпріятіе господина Орлова".

Былъ въ началѣ пятый часъ утра двадцать-восьмого іюня. Полная тишина покрывала петергофскій садъ, дворецъ и паркъ. Солнце поднялось, хотя туманъ отъ взморья еще стлался по садовымъ низамъ, кое-гдѣ точно облакомъ дыма захватывая террасы и дороги верхняго сада.

Къ опушкѣ парка подъѣхала взмыленная тройка. Съ телѣги всталъ присланный Дашковой большого роста, въ преображенскомъ кафтанѣ, офицеръ. Отпустивъ ямщика, онъ прошелъ къ лѣсной караулкѣ и послалъ сторожа на ближнюю мызу. Отъ послѣдней вскорѣ подъѣхала двухмѣстная коляска, четверней.

Оставивъ коляску у ограды парка, офицеръ спустился къ Монплезиру, поглядѣлъ на окрестныя аллеи, на окна и крыльца еще погруженнаго въ дремоту стараго павильона, подошелъ къ его галлереѣ и склонился къ окну. Изъ-подъ опущенной занавѣски нельзя было разглядѣть внутренности комнатъ. То было помѣщеніе камеръ-фрау государыни, Шаргородской. Офицеръ постучалъ въ окно, но, видя, что его не слышатъ, вошелъ съ черной лѣстницы въ сѣни и въ небольшой полуосвѣщенный коридоръ. Дверь направо вела въ помѣщеніе гардеробмейстера Шкурина; налѣво—въ комнаты Шаргородской, смежныя съ собственными покоями императрицы. Въ павильонѣ, очевидно, всѣ еще спали.

Офицеръ вошелъ въ комнату на-лѣво.

Собачка Шаргородской залаяла и разбудила свою хозяйку.—«Что вы, Алексѣй Григорьичъ?»—спросила, испуганно выглянувъ изъ спальни, Катерина Ивановна. Офицеръ объяснилъ причину нежданнаго своего посѣщенія. Шаргородская стремглавъ бросилась къ опочивальнѣ императрицы.

— Въ чемъ дѣло?—спросила гостя изъ-за двери Екатерина.

— Не медлите, ваше величество, ни минуты!—отвѣтилъ Орловъ:—надо рѣшиться, ѣхать.

— Но ради Бога, что̀ произошло?

— Пассекъ арестованъ, — сказалъ по-французски Орловъ:—вамъ грозитъ Шлиссельбургская крѣпость или, какъ первой женѣ Великаго Петра,—монастырь...

Екатерина болѣе не разспрашивала.—«Одѣваться!»—сказала она Шаргородской, и черезъ нѣсколько минутъ вышла въ простомъ темномъ платьѣ, въ лентѣ и звѣздѣ— подъ мантильей. Легкая дрожь пробѣгала по ея членамъ; лицо было блѣдно, но совершенно спокойно. Глаза смотрѣли бодро и свѣтло.

— Готова! — произнесла она Орлову: — но подъ какимъ видомъ мы пройдемъ мимо сторожей и часовыхъ?

Силачъ и гуляка, незнавшій колебаній и ходившій въ одиночку съ рогатиной на медвѣдей, Орловъ затруднился отвѣтомъ. Смѣлость начинала его покидать.

— Подъ видомъ вашей жены, — рѣшила императрица, взявъ зонтикъ и вуаль и подавая руку Орлову.

Они вышли изъ павильона.

— Если бъ я была солдатомъ, — произнесла Екатерина, минуя первую аллею: — я никогда не дослужилась бы до генерала.

— Почему?—спросилъ Орловъ.

— Меня бы убили еще капраломъ...

Нижній садъ благополучно прошли. По берегу стлался туманъ. Море тихо плескалось о пристань: оттуда неслась пѣсня: «Охъ, ты, волюшка, свѣтъ печаль!» Начался верхній садъ, смежный съ паркомъ. За рѣшеткой, на улицѣ, слышалось уже движеніе. Шли бабы на рынокъ, садовники съ тачками. Отставной елисаветинскій солдатъ-сторожъ, у воротъ парка, вытянулся и отдалъ честь офицеру.

Екатерина спокойно сѣла въ коляску, припасенную наканунѣ, по распоряженію гардеробмейстера Шкурина. Орловъ сѣлъ къ кучеру на козлы. Другой, будто случайно наспѣвшій офицеръ, капитанъ корпуса инженеровъ, Василій Ильичъ Бибиковъ, бесѣдуя съ ними, поѣхалъ сбоку коляски, покуривая трубочку. Все имѣло видъ утренней прогулки. Лошади бѣжали легкою рысью. Обогнувъ опушку парка, путники остановились. Орловъ предложилъ Бибикову занять

мѣсто съ Екатериной, кучеру велѣлъ взять его коня, самъ взялъ вожжи и погналъ четверню вскачь.

— Знаменательный день,—сказала Екатерина Бибикову, глядя на выходившее имъ навстрѣчу солнце: — ровно восемнадцать лѣтъ назадъ, также двадцать восьмого іюня, я торжественно приняла въ Москвѣ православіе... Еще помню, покойная государыня-тётка и всѣ были удивлены, что я, недавняя гостья этой страны, такъ отчетливо прочла вслухъ символъ вѣры...

Рощи и долины, тамъ и здѣсь разбросанные домики и мосты мелькали по сторонамъ. Густая пыль столбомъ взвивалась отъ колесъ.

Встрѣчные путники,—солдаты, чухны на двухколесныхъ таратайкахъ, косцы,—сторонились, оглядываясь и недоумѣвая, что̀ за особу мчалъ въ коляскѣ лихой и ражій преображенскій сержантъ.

Вотъ Стрѣльна. Близятся сады Сергіевой пустыни. За ними лѣсъ, яровое поле и избушки села Лигова. Новые луга и лѣсъ, деревушки, Горѣлый и Красный кабачки.

У спуска на мостъ, не доѣзжая Краснаго кабачка, изъ рощи навстрѣчу коляскѣ, выскочилъ на рыжемъ, толстоногомъ конѣ всадникъ. То былъ Мировичъ. Онъ еще издали примѣтилъ и мчавшійся стремглавъ съ лѣсистаго пригорка четверикъ, и фигуру рослаго гвардейца, гнавшаго вскачь лошадей.

«Кто-бъ это былъ?» — разсуждалъ Мировичъ, слѣдя за облакомъ густой пыли, летѣвшей ему навстрѣчу.

Коляска съ опущеннымъ верхомъ, мелькающія копыта и морды лошадей, грохотъ колесъ по бревнамъ моста и раскраснѣвшееся, запыленное лицо мундирнаго возницы, со шрамомъ на щекѣ, все это быстро мелькнуло и пронеслось мимо Мировича.

«Орловъ! ужели онъ?—спросилъ себя, оглядываясь, Мировичъ: — нѣтъ, я того оставилъ съ прочей компаніей у Перфильева! — Въ это мгновеніе ему бросилось въ глаза еще одно обстоятельство: съ задней оси коляски, очевидно, была обронена гайка. Колесо чуть держалось въ бѣгу.

— Эй, эй!—крикнулъ Мировичъ возницѣ.

Коляска мчалась по тотъ бокъ моста.

— Эй, колесо! колесо! — громче крикнулъ и замахалъ шляпой Мировичъ.

Дама подъ вуалью выглянула изъ экипажа: возничій началъ сдерживать. Коляска скрылась у Лигова, въ овражистомъ, лѣсномъ круглячкѣ.

Мировичъ подождалъ. Четверня не выѣзжала изъ лѣса.— «Такъ и есть, услышали, замѣтили колесо! — сказалъ себѣ Мировичъ,—любовишка, видно, похищеніе дамы сердца... и кому это я услужилъ?»—Онъ пришпорилъ коня и, взобравшись на пригорокъ, опять оглянулся.

Коляску бросили въ лѣсу. Кромѣ колеса, помѣшалъ дышловый загнанный конь — онъ упалъ бездыханный. Путники шли по дорогѣ пѣшкомъ. А отъ недальняго и ужъ виднаго въ утренней мглѣ предмѣстья, навстрѣчу имъ, шестерней мчалась городская карета. Вотъ она ихъ достигла; они сѣли, и еще быстрѣе понеслись въ Петербургъ.

«Что бы я далъ, что бы я далъ за то, чтобъ путники примѣтили, кто именно оказалъ имъ эту услугу! — думалъ впослѣдствіи Мировичъ не разъ, подъ тяжкими ударами жизни, до мелочей вспоминая всѣ роковыя, всѣ горестныя событія того дня: — и нужно же мнѣ было подать голосъ, остановить! Не обрати я ихъ вниманія, бѣшеныхъ коней не удержали бы, и отъ кого нынѣ зависѣла бы моя судьба, участь милліоновъ—неизвѣстно»...

Встрѣченная карета принадлежала князю Θедору Сергѣевичу Барятинскому, тому самому, который въ маѣ отъ Петра Θедоровича получилъ-было приказъ арестовать императрицу. Съ нимъ, навстрѣчу Екатеринѣ, примчался и Григорій Орловъ.

— Наше море не волнуется, входитъ только въ свои берега,—сказалъ послѣдній.

— Пить хочется, страхъ душно!—отвѣтила Екатерина:— больше версты спѣшили вамъ навстрѣчу пѣшкомъ.

Братья Орловы стали на запятки. Барятинскій и Бибиковъ были приглашены государыней въ карету. Лошади понеслись, и вскорѣ карета уже гремѣла въ улицахъ предмѣстья.

У Калинкина моста дорогу переходила высокая, въ мужскомъ камзолѣ, сѣдая старуха, съ полными ведрами.

— Минуту, ради Бога, пить!—сказала Екатерина.

Экипажъ остановился. Старуху подозвали къ дверцамъ. Екатерина, стоя на подножкѣ, ухватила обѣими руками влажное, полное ведро и медленно, жадно напилась. — «Мигъ—и калейдоскопъ обернется!—думала, видя себя въ

водѣ, какъ въ зеркалѣ, Екатерина, — мигъ, и исчезнутъ грезы, ожиданія тяжелыхъ восемнадцати лѣтъ»...

— Въ долгій вѣкъ тебѣ, въ добрый часъ! — приговаривала старуха, кланяясь и разглядывая необычную путницу:— Никола въ помощь, Христосъ по дорожкѣ!

— Спасибо, милая, — сказала Екатерина, оторвавшись отъ ведра и отрадно вздохнувъ: — какъ тебя звать?

— Лейбкампанша, Настасья Бавыкина; здравствуй и много лѣтъ живи, матушка-государыня, во святой часъ, въ архангельскій.

— Гдѣ живешь?

— У грекѐни Бунди.

«Лейбкампанша, слуги тетки,—подумала Екатерина,—не забуду... это вѣдь первая»...

Бичъ щелкнулъ. Карета миновала ближнія роты Измайловскаго полка и остановилась на зеленомъ пустырѣ, у полковой съѣзжей. Здѣсь еще было тихо.

Подъ сигнальнымъ колоколомъ, у моста черезъ ровъ, ограждавшій полковой дворъ, съ ружьемъ на плечѣ, стоялъ часовой. Екатерина вышла изъ кареты. Часовой сразу ее узналъ. Не спуская съ нея загорѣвшихся изумленіемъ, страхомъ и радостью глазъ, онъ вытянулся у входа на мостъ и молча взялъ на караулъ.

«Пропуститъ ли?—подумала Екатерина,—что̀, какъ заступитъ дорогу, подастъ неурочный сигналъ къ тревогѣ?» — Лицо ея покрыла краска.

Не спѣша и не глядя на караульнаго, она мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ твердо направилась отъ кареты къ мосту.

Часовой не шелохнулся. Только грудь его высоко поднималась, да молодое, замиравшее сердце билось шибко и горячо.

«Вотъ спуститъ на перилы мушкетъ, ударитъ въ колоколъ!»—мыслила Екатерина, въ холодѣ и трепетѣ неизвѣстности, смѣло и бодро ступая по сѣрымъ, стоптаннымъ горбылинамъ мостовинъ.

«Проходи, умница, радость! — думалъ тѣмъ временемъ, смотря на государыню, часовой: — угадываю... Вонъ они, орлёнки, сподвижники твои, смѣльчаки... Иди... Не на утѣсненія, не на гибель и безцѣльную трату нашихъ силъ... на славу, честь и свободу патріотовъ шествуешь царствовать»...

Екатерина безпрепятственно прошла за канаву, спутники слѣдовали за ней.

— Имя твое?—на мигъ замедлясь и взглянувъ на блѣдное, умное лицо рядового, спросила Екатерина.

— Обожатель и вѣрный рабъ вашего величества. Николай Новиковъ! — отвѣтилъ, брякнувъ ружьемъ, въ честь давно-жданной гостьи, часовой.

Старшій Орловъ вошелъ въ сборную. Оттуда выскочилъ полураздѣтый солдатъ, за нимъ еще нѣсколько рядовыхъ. Глухо и несмѣло загремѣлъ барабанъ. Бодрѣе вторя ему и будя утреннюю тишину, въ смежныхъ ротныхъ дворахъ зарокотали другіе барабаны. Екатерина стала у окраины съѣзжей площадки. Справа и слѣва сбѣгались старые и молодые солдаты. Привели подъ руки блѣднаго растерявшагося священника, съ крестомъ. Вынесли изъ полковой церкви и поставили среди двора аналой.

— «Присягать! присягать!» — «Ура, услышала насъ матушка-царица!» —кричали гренадеры. Взводъ за взводомъ и рота за ротой, сбрасывая по пути узкіе, новаго образца, и надѣвая старые, отнятые въ цейхгаузъ, лизаветинскіе кафтаны, сбѣгались въ гудѣвшій и переполненный радостною толпою дворъ. Началось цѣлованіе креста.

Когда наспѣла послѣдняя рота, офицеры Вырубовъ, Рославлевъ, Всеволожскій, Ласунскій и Похвисневъ замахали шляпами. Крики смолкли. Екатерину окружили.

— Я къ вамъ явилась за помощью! — раздался въ тишинѣ ласковый и звучный, какъ бы мужской, далеко-слышный голосъ: — опасность вынудила меня искать среди васъ спасенія...

Новиковъ, оттѣсненный навалившейся толпой, поднялся на цыпочки. Невысокая, полная, съ румянцемъ тревоги, Екатерина стояла въ десяти шагахъ отъ него. Руки ся были протянуты; на лбу и надъ верхней губой выступили крупныя капли пота; затуманенные глаза робко искали вокругъ опоры.

— Совѣтники государя, моего мужа,—продолжала она:— рѣшили безъ промедленія заточить меня и моего единственнаго сына въ Шлиссельбургскую крѣпость...

— Смерть голштинцамъ! смерть! —загудѣла толпа.

— Отъ враговъ было одно спасеніе—бѣгство,—сказала, утирая слезы, Екатерина:—бѣжать могла я не инако, какъ съ вамъ... На васъ надѣюсь, вамъ вѣрю. Окажете ли помощь сыну и мнѣ?

— Всѣхъ веди! жизнь положимъ, - не выдадимъ! смерть супостатамъ!..

— Никого не трогайте, — произнесла Екатерина: — слушайте начальниковъ, Богъ за насъ.

Солдаты и офицеры бросались передъ Екатериной на колѣни, цѣловали ей руки, платье. Вынесли полковое знамя.

— «Къ семеновцамъ! въ Казанскій!» — кричали одни.— «Къ преображенцамъ! они матушку Лизавету ставили на царство!»—кричали другіе.—«Въ конную гвардію... по всѣмъ церквамъ!.. Карету! гдѣ же гетманъ?»—Къ Панину, въ Лѣтній, поскакалъ».—«А Алексѣй Орловъ?» -«За архіереемъ Дмитріемъ...» — «Въ Казанскій! въ Казанскій!» — Роты строились.—«Что мѣшкаете, ротозѣи?» — кричалъ Рославлевъ.— «Живо знамена впередъ, барабаны!»—командовали Обуховъ и Ласунскій.—«Спасительница наша! мать родная! виватъ!»— не умолкали солдаты.—«Пушки вывози! Стройтесь! — кричало капральство:—священника впередъ! въ Казанскій!»

Вправо и влѣво, во всѣ концы скакали вѣстовые.

Подъ напоромъ ломившейся впередъ, кричавшей и махавшей шляпами и мушкетами толпы, императрица снова сѣла въ карету. Приземистый, съ крестомъ въ рукѣ и съ дрожавшей, бѣлокурой бородкой священникъ, покашливая и испуганно путаясь въ голубой, полинялой рясѣ, двинулся впередъ. Выстроившійся полкъ, окруживъ карету государыни, послѣдовалъ за нею.

Предводимые Вадковскимъ, Ѳедоромъ Орловымъ и другими офицерами, семеновцы также принесли присягу. Съ Загороднаго проспекта шествіе двинулось по Гороховой, своротило въ Мѣщанскую и стало приближаться къ площади Казанскаго собора.

Окна и двери раскрывались настежъ. Горожане присоединялись къ шествію и также кричали виватъ и ура.

XX.
Явленіе Фелицы.

Утромъ того же двадцать восьмого іюня, Ломоносовъ проснулся ранѣе обыкновеннаго. Ему предстоялъ окончательный просмотръ хвалебной латинской рѣчи, которую онъ, по наряду, долженъ былъ завтра, въ день государевыхъ именинъ, прочесть въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ. Сверхъ того, онъ помнилъ слово, данное студенту

его! всѣхъ ихъ чертей, нѣмцевыхъ слугъ, туда!»—кулаками и прикладами толкала въ Мойку перепуганнаго, въ изорванномъ бархатномъ кафтанѣ и въ большомъ всклоченномъ парикѣ, старичка-иностранца. Какой-то офицеръ, въ силу отбивъ у рядовыхъ полумертвую измятую фигурку, втолкнулъ ее въ лодку и велѣлъ везти въ крѣпость. — «Лештокъ!» — послышалось въ толпѣ. — «Какой Лештокъ?» — А мало ли ихъ дьяволовъ, нѣмцевъ... Вонъ, и дядюшку Жоржа исколотило солдатство, порвало на немъ одёжу...»

«Sic transit gloria mundi! — подумалъ Ломоносовъ, — но откуда все и въ чемъ дѣла суть?»

У Казанскаго собора онъ узналъ, наконецъ, причину общаго волненія.

Не успѣло шествіе показаться въ Мѣщанской, отъ гостинаго двора послышались крики и прерывистая, барабанная дробь. У чугунной соборной ограды показались бѣжавшіе по Невскому въ свѣтлозеленыхъ елизаветинскихъ кафтанахъ, съ мушкетами на-перевѣсъ, преображенцы. Офицеры, вожаки движенія, Бредихинъ, Баскаковъ, Протасовъ, Ступишинъ и Чертковъ въ силу сдерживали и равняли ихъ мѣшавшіеся ряды.

— Виноваты, матушка, поздно пришли! — кричали государынѣ гренадеры.

Не успѣли преображенцы выстроиться въ оградѣ, на Невскомъ опять раздались звуки трубъ, стукъ подковъ и ближе, и ближе переливавшіеся крики ура. Стали видны скачущіе, тяжелые ряды зеленыхъ, въ золотыхъ галунахъ, рейтаровъ. На полномъ карьерѣ, съ палашами на-голо и съ распущеннымъ штандартомъ, гремя подковами по мостовой, неслась отъ Аничкова конная гвардія. — Матушка! солнце ты свѣтлое! спасительница! не выдадимъ!» — восторженно кричали конногвардейцы, предводимые Хитрово, Несвицкимъ, Ржевскимъ, Черкасскимъ и Мансуровымъ, строясь между соборомъ и садомъ гетмана Разумовскаго (нынѣ воспитательный домъ).

На паперти показался окруженный «всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ» въ полномъ облаченіи новгородскій архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ. Онъ осѣнилъ крестомъ Екатерину. Солнце свѣтило на бѣлый глазетъ, малиновую парчу, сѣдыя головы и бороды духовенства. Траурное платье

Екатерины сиротливо отличалось въ этой смѣси бархата, золота и яркихъ солнечныхъ лучей.

«Присягать! присягать!»—раздавались восклицанія:—правительницей! съ сыномъ Павломъ! регентшей...» — «Одна, одна! да здравствуетъ самодержица, матушка наша, Екатерина Алексѣевна!»—крикнулъ Алексѣй Орловъ и за нимъ передніе ряды.—«Ура! — подхватили остальные: — самодержицей! крестъ цѣловать! ура!..»

Быстро примчалась шестерней золотая придворная карета. Изъ нея вышелъ блѣдный, старавшійся скрыть радостное волненіе, Никита Панинъ, объ руку съ своимъ питомцемъ, встревоженнымъ, робко шагавшимъ, худенькимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

Архіепископъ спустился съ паперти и сталъ обходить ряды войска. Офицеры кидались на колѣни передъ Екатериной, восторженно махая шпагами и шляпами. Окна, балконы и двери окрестныхъ домовъ переполнились зрителями. Кто не попалъ на площадь, взбирался на смежныя крыши, на деревья Невскаго и гетманскаго сада.

— Гдѣ императрица? гдѣ? позвольте! — спросилъ, силясь взглянуть изъ-за спинъ другихъ, невысокаго роста, круглощекій юноша, съ вспотѣвшимъ, миловиднымъ лицомъ, подъѣхавшій на извозчикѣ съ Мѣщанской.

— Вонъ она, батюшка, вонъ, а возлѣ нея великій князенька, Павелъ Петровичъ,—отвѣтилъ въ мѣщанскомъ зипунишкѣ старикъ.

— Да гдѣ же? позвольте, не видно.

— На паперти, сударь, эвоси, прямо глядите; въ печальномъ-то платьѣ... въ черной шапочкѣ, со звѣздой.

— Экъ, глаза, дѣдушка, куда дѣлъ? — отозвался голосъ изъ толпы: — проворонилъ... съ преосвященнымъ ушла въ соборъ.

— Молебствуетъ! на царство вѣнчается! — слышалось здѣсь и тамъ.

— А Панинъ-то не оставлялъ великаго князя, съ нимъ эти ночи, сказываютъ, спалъ, оберегалъ царское дѣтище...

Давка на площади стала стихать.

Щеголеватый юноша, оправляя букольки и примятый треуголъ и распространяя запахъ пѣтушьихъ ягодъ, протискался въ церковную ограду.

Здѣсь Фонвизинъ увидѣлъ своего знакомца, рядового Дер-

жавина. Послѣдній, размахивая руками, что-то разсказывалъ преображенцамъ и какъ бы на кого-то жаловался.

— Что съ тобой?—спросилъ его Фонвизинъ:— и каково происшествіе?

— Представь, случай!—обратился къ нему Державинъ:— и въ такое время... Вчерась, изъ-подголовка, она бестія выкрала всѣ деньги—больше ста рублей...

— Кто выкралъ?

— Да слуга одного солдата-помѣщика... И смѣхъ, и жаль, — такова судьба! родительница сколотила и прислала послѣднее. Вѣришь ли, всю ночь не спалъ...

— Ну, теперь зато утѣшенъ.

— Еще бы.

— А гдѣ вашъ баталіонный Воейковъ, что Пассека арестовалъ?

— Представь, вздумалъ гренадеръ, чтобъ не шли сюда, бранить и по ружьямъ рубить. Тѣ рыкнули на Литейной и кинулись на него со штыками...

— И что жъ?

— Ускакалъ—по брюхо коня—въ Фонтанку, не достали.

— А эти кто?

— Дашкова... Панинъ... гетманъ Разумовскій...

Къ собору наспѣвали извѣстные городу вельможи и жены сановниковъ. Фонвизинъ также протискался на паперть. Голова его кружилась. Онъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Въ раскрытую дверь церкви были видны ярко горѣвшія лампады и свѣчи. Съ клубами дыма доносились громкіе возгласы протодіакона: «Еще молимся о благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей, великой государынѣ... императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ... и о наслѣдникѣ ея Павлѣ Петровичѣ...» Хоръ пѣвчихъ подхватывалъ. И никогда клирное пѣніе не казалось Фонвизину такъ сладко, какъ теперь.

«Боже! какія событія!—думалъ онъ, за слезами восторга не видя вкругъ себя никого, — чаялъ ли, ожидалъ ли кто такъ скоро?»

Онъ вынулъ платокъ, отеръ глаза и раскраснѣвшееся лицо—и оглянулся.

У зеленой, развѣсистой липы на Невскомъ, стиснутый задыхавшеюся отъ жары и давки толпой, стоялъ близъ чной ограды знакомый, атлетическаго вида, господинъ.

Плотныя плечи высились надъ устремленными къ церкви головами; поярковый, порыжѣлый отъ вѣтра треуголъ былъ сдвинутъ на затылокъ; суровое, въ морщинахъ, лицо изображало недоумѣніе и радостный испугъ.

«Михайло Васильичъ! онъ ли это?» — подумалъ Фонвизинъ, вспоминая послѣднее свиданіе съ Ломоносовымъ, тосты въ честь императрицы и приглашеніе на именины дяди. — «Боже! какое совпаденіе! — сказалъ себѣ юноша, протискиваясь изъ ограды на Невскій: — какъ разъ, въ этотъ день...»

Подъ липой дѣйствительно стоялъ Ломоносовъ.

— «Карету государыни, карету!»—крикнули въ это время отъ собора. Ряды войскъ, тѣсня и сдерживая народъ, раздвинулись.—«Мѣсто, мѣсто!»—«Куда поѣхала?»—«Въ новый дворецъ! въ коронѣ!..» — «Врешь!.. что ротъ раскрылъ? пушка вкатитъ! да не толкайся, желтоглазый, ребро сломаешь!..»—«Эхъ, люди, право! лѣзутъ!..»—«Ой, руку отдавили! ноженьку...»

Толпа, хлынувъ отъ площади, разорвалась на два теченія. Одно, волнуясь и кружась, захватило и повлекло влѣво по Невскому тѣхъ, кто стоялъ у сада гетмана. Другое потащило вдоль Конюшенныхъ тѣхъ, кто находился правѣе противъ собора.

Фонвизинъ, приплюснутый межъ бородатымъ, пахнувшимъ вОрванью и москателью, лавочникомъ и толстою, красной, какъ ракъ, попадьей, — увидѣлъ издали, въ облакѣ пыли, разъ и другой мелькнувшія плечи и шляпу Ломоносова. Онъ попробовалъ освободиться, но тщетно. Бурный народный потокъ, сжавъ его, какъ въ тискахъ, уносилъ его дальше и дальше впередъ. Ломоносову бросилось въ глаза взволнованное лицо Пчёлкиной. Она стояла на чьемъ-то крыльцѣ, сумрачно, недовольно глядя на бѣжавшую мимо нея толпу...

Екатерина проѣхала въ новый, еще неосвобожденный отъ лѣсовъ, зимній дворецъ. Здѣсь, окруженная свитой, она показалась народу съ сыномъ, въ верхнемъ и теперь существующемъ фонарикѣ, надъ правымъ крыльцомъ.— «Манифестъ пишутъ, совѣщаются, — стало слышно въ

толпѣ: — въ старый дворецъ созванъ сенатъ и синодъ». Подъѣзжали новые экипажи, скакали верховые.

Глухо гремя тяжелыми колесами и лафетами, на площадь въѣхала артиллерія. Пушки размѣстились по угламъ площади и у въѣздовъ въ ближнія улицы.

Ломоносовъ стоялъ у адмиралтейства. Онъ видѣлъ, какъ, съ портфелью подъ мышкой, трусцой, на длинныхъ, юркихъ ножкахъ, прошелъ въ дворцовыя ворота любимецъ гетмана—президента академіи, Григорій Тепловъ.—«Вотъ чье перо понадобилось въ столь важный моментъ!»—съ горечью подумалъ Ломоносовъ о своемъ давнемъ недругѣ:—«напредки свѣдомъ буду... Немного хорошаго предвѣщаютъ негоціи съ такимъ конфидентомъ... Пора, знать, и во-свояси». — Онъ сходилъ домой, на скоро пообѣдалъ и опять вышелъ на улицу. Но не успѣлъ онъ добраться до Гороховой, какъ народъ снова откуда-то хлынулъ и его увлекъ ко дворцу. Вечеромъ площадь огласилась новыми громкими криками,— Екатерина сѣла въ карету. Провожаемая войскомъ, она ѣхала къ старому Елисаветинскому дворцу.

Унесенный волнами народа, Ломоносовъ очутился у фонарнаго столба въ Морской, на углу разъѣздной дворцовой площадки. Передъ нимъ по Невскому равнялись шеренги преображенцевъ, семеновцевъ и конной гвардіи; на-право, по Морской,—измайловцы, артиллерія и армейскіе полки.

Кто-то тронулъ Ломоносова за плечо. Онъ оглянулся; передъ нимъ стоялъ Фонвизинъ.

— Каковы событія, каковы! — сказалъ Денисъ Иванычъ.

— Да, смуты и всякой сутолочи немало! — досадливо отвѣтилъ Ломоносовъ, вспоминая о Тепловѣ: —махъ-махъ, и увезли, начали новое царенiе. Все это больно ужъ скоро...

— Не понимаю васъ,—удивленно произнесъ Фонвизинъ.

— Не понимаете? А какъ тѣ-то, сударь, одумаются и пойдутъ сюда изъ Раибова?

— Да кому идти?

— Какъ кому? У Петра Ѳедорыча, другъ мой, съ голштинцами, помните, болѣе пяти тысячъ войска.

— Отстоимъ, Михайло Васильичъ, что̀ вы, отстоимъ!— сказалъ Фонвизинъ: — городъ оцѣпленъ, и къ государынѣ то-и-дѣло подводятъ языковъ... слышали, сколько ужъ явилось съ покорностью?.. оба Шуваловы, Трубецкой, Ворон-

цовъ; въ Кронштадтъ посланъ адмиралъ Иванъ Лукьяпычъ Талызинъ,—привести флотъ къ присягѣ.

— А Минихъ?—сердито поднявъ брови, произнесъ Ломоносовъ:—онъ одинъ, сударь, чего стòитъ?

— Чтò Минихъ! старый нѣмчикъ!.. мы и его...

— Ну, не суди такъ зазорно! Минихами, братъ, не очень-то шутятъ... Они...

Ломоносовъ не договорилъ.

Дворцовая площадь, какъ по манію волшебнаго жезла, вдругъ смолкла. Взоры всѣхъ обратились къ крытому парадному подъѣзду, выходившему на Морскую. Былъ девятый часъ вечера, но на улицѣ было свѣтло. Ломоносовъ опять гдѣ-то въ толпѣ увидѣлъ Пчёлкину.

На подъѣздѣ въ кругу сенаторовъ, генералитета и первыхъ чиновъ двора, показались два, невысокаго роста, въ лентахъ и свѣтло-зеленыхъ гвардейскихъ кафтанахъ, офицера: одинъ живой и худенькій, другой плотнѣе и съ виду представительный и важный.

— Батюшки, да это государыня и Дашкова!—произнесъ, прикипѣвъ на мѣстѣ, Фонвизинъ. Онъ ухватилъ мягкою, теплой рукой похолодѣлую, жилистую руку Ломоносова, и болѣе не могъ промолвить ни слова.

Екатерина была одѣта въ преображенскій, старой формы кафтанъ капитана Петра Θедорыча Талызина; Дашкова—въ такой же кафтанъ лейтенанта Андрея Θедорыча Пушкина. Придворные рейткнехты подвели къ крыльцу бѣлаго, въ темныхъ яблокахъ, и свѣтло-гнѣдого коней.

— «Садится, садится верхомъ! — пронеслось въ толпѣ:— откушала, пресвѣтлая, у оконъ-то: съ улицы было видно...»— «Да куда-жъ это?» — Въ походъ, видно...—«Въ какой?»— «Отстаньте, чтò вы, право!..»

Екатерина сѣла на бѣлаго,—Дашкова на гнѣдого коня. Обѣ отъѣхали нѣсколько шаговъ къ Невскому и остановились. Волосы Дашковой были подобраны подъ шляпу. Развитыя, свѣтлорусыя косы Екатерины густыми, волнистыми прядями падали, изъ-подъ треугола, на зеленый съ краснымъ воротомъ кафтамъ. Черезъ плечо императрицы была надѣта андреевская голубая лента.

«Слу-шай! на-кра-улъ!» — раздались слова команды. — Ружья звякнули. Войско отдало честь государынѣ.

Екатерина, съ улыбкой взглянувъ на Дашкову, ловко

вынула изъ ноженъ шпагу, хотѣла ее поднять и смѣшалась. Краска залила ей лицо. Шпага оказалась безъ темляка.— «Темлякъ, темлякъ!»—пронеслось въ ближнихъ рядахъ.

Изъ передней шеренги конногвардейцевъ, на большомъ, раскормленномъ, ворономъ конѣ, вылетѣлъ и подскакалъ къ императрицѣ моложавый и, какъ дѣвушка, застѣнчивый, близорукій, круглолицый вахмистръ. Онъ снялъ съ собственнаго палаша темлякъ, и, приподнявъ шляпу, дрожавшей рукой почтительно подалъ его государынѣ.

— Благодарю! — сказала Екатерина, сдержавъ лошадь и ласково кивнувъ ему черезъ плечо.

— Кто это? кто?—заговорили въ рядахъ.

— Батюшки-свѣты!—произнесъ, всплеснувъ руками, Фонвизинъ:—да вѣдь это нашъ кандидатъ въ архіереи...

— А ты нешто его знаешь?—спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ не знать! за лѣность и повседневное нехожденіе въ классы, вмѣстѣ съ Новиковымъ, выключенъ изъ нашихъ московскихъ студентовъ: а теперь масонъ и другъ Орловыхъ.

Кандидатъ въ архіереи въ эту минуту былъ въ большомъ затрудненіи. Его молодой вороной, ставъ рядомъ съ бѣлымъ конемъ императрицы, рѣшительно не хотѣлъ отъѣзжать прочь. Онъ тронулъ его шпорами, — конь подался впередъ, фыркнулъ, но, помня манежную ѣзду, замоталъ головой и осѣлъ назадъ. Онъ далъ ему шенкеля, конь взвился на дыбы, и опять ни съ мѣста.

— Не судьба, сударь,—желая одобрить растерявшагося вахмистра, съ улыбкой сказала Екатерина:—ваша фамилія?

— Потемкинъ! — вспыхнувъ по уши и заморгавъ большими близорукими глазами, отвѣтилъ съ рукой у треугола бѣлолицый и чернобровый вахмистръ.

Екатерина прикрѣпила темлякъ, подняла шпагу и смѣло, ободрительно-привѣтливо взглянула на окружавшихъ, на публику и генералитетъ.

Это была уже не жалкая, въ траурномъ платьѣ, гонимая женщина, а величавая, гордая орлица, готовая взмахнуть крыльями и подняться въ недосягаемую высь. Она, глядя все также смѣло и привѣтливо, какъ бы салютуя, повела шпагой, тронула поводомъ и шагомъ двинулась вправо по Невскому. Свита, волнуясь разнообразными мундирами, лентами и звѣздами, верхами послѣдовала за ней. Кто-то,

проѣзжая мимо Ломоносова, сказалъ сосѣду, указывая на императрицу: «Перстъ Божій, Промыселъ»...

«Увидимъ еще, увидимъ! — думала невдали отъ него, глядя на общее ликованіе, Пчёлкина, — Дашковой тоже припомню, выйдетъ иной фантомъ... о немъ забыли... но онъ воскреснетъ, живъ!..»

— «Смирно! фронтъ готовьсь! мушкетъ на пле-чо!» — раздалась по полкамъ разноголосая, на тогдашній ладъ, команда начальниковъ пѣшихъ и конныхъ частей. — «Черезъ плутонгъ, на-право, ряды вздвой... лѣвое плечо впередъ, кругомъ... скорымъ шагомъ, прямо, маршъ!»

Колонны двинулись, стали равняться. Загремѣли барабаны, засвистѣли флейточки. Хоръ трубачей, впереди полковъ, предводимыхъ гетманомъ и княземъ Волконскимъ, заигралъ походный маршъ Великаго Петра.

Сперва гвардія, пѣшая и конная, потомъ армейскіе полки пошли вслѣдъ за императрицей. Они обогнули, отъ Морской по Невскому, и миновали зимній Елисаветинскій дворецъ. Екатерина въѣхала на Полицейскій мостъ. Невскій, въ послѣднемъ отблескѣ заката, глядѣлъ празднично. Трубы и барабаны гремѣли. Знамена развѣвались. Екатерина издали вся была ясно видна, на бѣломъ въ яблокахъ, статномъ конѣ,—въ лентѣ, со шпагой въ рукѣ и съ пышными, русыми косами, падавшими на зеленый съ золотомъ кафтанъ.

«И это она! — мыслила, ѣдучи рядомъ съ Екатериной и поглядывая на нее, Дашкова:—она, та самая, что третьяго дня мыла рукавчики... а сегодня, а теперь?.. Какъ нежданно, какъ чудно она, она, мой идеалъ, мой другъ, переродилась! Кто ожидалъ? Сколько смѣлости, отваги. Исторія отмѣтитъ. И мнѣ одной она обязана своей свободой и этимъ, даже мнѣ самой, непонятнымъ и необъясненнымъ перерожденіемъ!..

— Куда это, куда? — окликнулъ кто-то изъ опоздавшей знати Ивана Ивановича Шувалова, который у дворцовой площади торопливо и неуклюже взлѣзалъ, при помощи слуги, на подведеннаго коня.

— Въ походъ, княженька! — неохотно отвѣтилъ, махнувъ рукой, Шуваловъ.

— Какъ въ походъ? куда?..

— Въ Ранбовъ, батюшка! что пристаешь? mille diables,

некогда,—еще досадливѣе сказалъ Шуваловъ, неумѣло болтая толстыми въ чулкахъ ногами и догоняя шествіе.

Мимо Ломоносова двигались роты за ротами, эскадроны за эскадронами. Онъ не отходилъ отъ угла разъѣздной площадки.

— Вотъ бы, Михайло Васильичъ, вамъ воспѣть нашу радость, нашу богиню!—кто-то восторженно крикнулъ ему изъ двигавшихся пѣхотныхъ рядовъ.

Ломоносовъ оглянулся. Мимо него, въ темнѣ, поспѣвая за товарищами, съ ружьемъ на плечѣ, по разъѣзженному булыжнику быстро шагалъ въ пыли раскраснѣвшійся, длинноногій Державинъ.

— Видѣли?—спросилъ онъ, ровняясь, и мѣняя ногу:—этотъ конь, эта шпага и эти распущенные косы... Не правда ли Героиня древности, Минерва! Фелица!

Войска шли, клики не умолкали, барабаны гремѣли по Невскому.

Преображенскій рядовой, будущій пѣвецъ этой самой Фелицы, забылъ въ эти мгновенія безсонницу ночи, пропавшія деньги и то, что онъ съ утра не пилъ и не ѣлъ, и все... Онъ не спускалъ глазъ съ длинныхъ русыхъ косъ, развѣвавшихся вдали изъ-подъ треугла, и лихо, бодро шелъ, не чувствуя подъ собою ногъ, и, въ трепетѣ зарождавшагося вдохновенія, желая, чтобы это сказочное шествіе было нескончаемо, вѣчно...

«Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
«Зефиры вѣяли власы,
«Чтобъ конь подъ ней главой крутился
«И бурно брозды опѣнялъ...

— Воспѣть! да, другъ мой, стòитъ ироической, въ потомство идущей, громкой оды!—сказалъ Фонвизину, смигивая слезы, Ломоносовъ:—сказка Шехеразады, сонъ...

Оба они пошли съ народомъ за войскомъ, но не видѣли ни войска, ни народа. Въ ихъ глазахъ какъ бы намѣчались и дивно строились очертанія чего-то великаго, новаго и непостижимаго. Придя домой, Ломоносовъ порвалъ и сжегъ латинскую рѣчь въ честь Третьяго Петра и началъ новую оду:

«Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
«И вѣдайте, чтò можетъ Богъ:
«Воскресла намъ Елисавета!..

«Да — мыслилъ онъ, бродя по саду: — новую, свѣтлую эру начнетъ она, лишь бы призвала разумныхъ и честныхъ, прирожденныхъ странѣ совѣтниковъ... А тотъ заключенный? Господи силъ! преклони, въ этотъ мигъ, сердце ея къ несчастному. Въ торжествѣ и въ счастьѣ, да вспомянетъ она его своею милостью...»

XXI.

Высадка въ Кронштадтѣ.

Мировичъ оставилъ притомленнаго коня подъ Петергофомъ и съ какимъ-то садовникомъ доѣхалъ въ Ораніенбаумъ, въ седьмомъ часу утра. Дворецъ еще былъ погруженъ въ тишину. Худощавый, плечистый, въ веснушкахъ, голштинскій офицеръ, въ бѣломъ колетѣ и лосинныхъ въ обтяжку штиблетахъ, ходилъ въ ожиданіи смѣны у гауптвахты, близъ главныхъ воротъ.

— Zurück, zurück—крикнулъ ему голштинецъ, видя, что тотъ направляется въ дворцовому крыльцу.

— Мнѣ, сударь, важное дѣло,—не останавливаясь, сказалъ Мировичъ.

— Aber du, tausend Teufel!—кинувшись къ ослушнику и хватая его за плечо, прохрипѣлъ освирѣпѣлый драбантъ.

— Да, слышишь ты, собака, дѣло говорю! — отвѣтилъ, оттолкнувъ его, Мировичъ: — за грубость послѣ разсчетъ: видывали такихъ... а теперь, говорятъ тебѣ, пусти...

— О, Herr Je... du Taugenichts, Schweintreiber! Hein wer ist da?—крикнулъ, хлопнувъ въ ладоши, голштинецъ.

Изъ караульни выбѣжало нѣсколько человѣкъ солдатъ.

Напрасно Мировичъ доказывалъ, клялся и грозилъ. Ему указали смежный, внутренній дворъ, гдѣ помѣщалась канцелярія дежурнаго генералъ-адъютанта. Тамъ было также тихо. Дверь въ канцелярію была заперта. Мировичъ присѣлъ на крыльцѣ, обдумывая, какъ онъ упроситъ Гудовича или Унгерна и предупредитъ государя. Дворцовый міръ началъ пробуждаться. У кухоннаго флигеля показался въ бѣломъ колпакѣ заспанный поваренокъ. Гдѣ-то скрипнула дверь, простучали подковы лошади. Изъ служительской казармы вышелъ, въ халатѣ и въ башмакахъ на босу-ногу, лысый тафельдекеръ. Онъ умылся у бочки, утерся и, позѣвывая, началъ молиться. — «Царство спящей царевны—

подумалъ Мировичъ. — и не подозрѣваютъ, что ихъ ждетъ...»—На внутреннемъ дворцовомъ крыльцѣ показался, съ платьемъ въ рукахъ, недовольный и хмурый, любимый государевъ арапъ, Нарцисъ. —«Терпѣніе, терпѣніе,—сказалъ себѣ Мировичъ: — «государь скоро проснется...» Онъ прошелъ къ пруду, къ катальной горкѣ, также умылся и привелъ въ порядокъ свой запыленный и примаранный костюмъ. Его давила роковая, величественная, какъ онъ думалъ, идея. Она была ему не подъ силу. Онъ подъ нею изнемогалъ. Возвратился Мировичъ черезъ конюшенный дворъ. Здѣсь уже шла суета. Рысью вели съ водопоя лошадей. У каретника сновали конюхи, скороходы. Выкатывали экипажи, несли сбрую.

— Что это? — спросилъ Мировичъ рейткнехта: — развѣ такъ рано ѣдетъ куда государь?

— Въ Петергофъ,—кушаетъ нынче тамъ.

Мировичъ возвратился къ главнымъ дворцовымъ воротамъ. У гауптвахты стояла уже другая команда.—«Подожду здѣсь, — сказалъ онъ себѣ, съ внутреннею дрожью, сердито присѣвъ на выступъ рѣшетки: — тупицы, скоты,—тиранятъ медленностью и не подозрѣваютъ!»—Не долго онъ ждалъ на этотъ разъ. За древесною клумбой, скрывавшей парадный подъѣздъ, послышался конскій топотъ. Къ воротамъ, повернувшись въ сѣдлѣ и отдавая назадъ кому-то приказанія, приближался курцъ-галопомъ пасмурный, не въ духѣ, Гудовичъ. Открытое государево голубое ландо, шестерней цугомъ, ѣхало ему навстрѣчу — къ крыльцу, гдѣ, въ ожиданіи выхода императора, толпилось нѣсколько придворныхъ, офицеровъ и молодыхъ разряженныхъ дамъ. Оттуда доносились веселые возгласы, смѣхъ.—«Mais finissez donc, cher baron»—хлопая Унгерна по рукѣ, говорила пѣвучимъ голоскомъ полная, краснощекая, съ усиками брюнетка, графиня Брюссъ.—«Et puis quand je dors...»—продолжалъ кто-то.—«Ти-ти, та-та»—щебетала на крыльцѣ веселая компанія...—«Озадачу ихъ, поблѣднѣютъ модники! разгромлю!—съ злобною, радостною дрожью, подумалъ, пропустивъ ландо, Мировичъ:—откладывать нечего... была не была!.. начну съ этого...»

Онъ сталъ на пути Гудовича—и, когда послѣдній выѣхалъ за ворота, подошелъ къ нему и съ поклономъ протянулъ заготовленный у Брессана рапортъ. Гудовичъ мелькомъ взглянулъ на бумагу, счелъ ее за обычное прошеніе, опустилъ

въ карманъ и, подобравъ поводья, съ легкимъ кивкомъ, тѣмъ же курцъ-галопомъ поскакалъ по дорогѣ въ Петергофъ.

«Что я сдѣлалъ! скотина, мямля, баба! — вспыхнувъ, подумалъ Мировичъ,—надо было самому государю»...

Въ ворота стали подъѣзжать другіе экипажи. На крыльцѣ явились фаворитка Воронцова, Измайловъ, Бецкій и прусскій посланникъ Гольцъ. Въ дверяхъ показался бѣлый, съ бирюзовымъ воротомъ и такими же обшлагами, мундиръ, небольшой треуголъ съ плюмажемъ и голштинская красная лента. Государь вышелъ въ сопровожденіи Миниха. Онъ добродушно улыбался.

— И съ такой разиней самъ вороной станешь,—сказалъ Петръ, отвѣчая на слова собесѣдника:— готово?—спросилъ онъ, обернувшись къ свитѣ.

— Готово,—склонившись, отвѣтилъ Унгернъ.

На дворѣ было весело, тепло. Солнце свѣтило такъ привѣтливо. Государь приподнялъ всѣмъ шляпу, живо, покачиваясь, спустился по ступенькамъ и сѣлъ въ экипажъ. Воронцова и графиня Брюссъ, веселыя, улыбающіяся, en robe de cour, распустивъ цвѣтные зонтики, сѣли съ нимъ на переднюю скамью; молоденькая принцесса Гольштейнъ-Бекская—рядомъ съ государемъ.

Голубое, съ красными выносными жокеями, ландо, объѣхавъ фонтанную клумбу, пронеслось мимо Мировича на дорогу. Слѣдомъ выкатилъ рядъ другихъ экипажей. Защелкали бичи. Заклубилась пыль. Вновь поставленный голштинскій караулъ, въ лосинѣ и въ узкихъ бѣлыхъ колетахъ, вытянулся, съ барабанною дробью, у воротъ.

«Не пустили, собаки, а я все-таки въ подробности и, кажется, первый передалъ обо всемъ!» — подумалъ Мировичъ, слѣдя отъ ограды помутившимся, злобнымъ взоромъ за убѣгавшими вдаль экипажами веселой компаніи.

Вскорѣ Мировичъ узналъ, что все его рвеніе и всѣ хлопоты опоздали и остались непричемъ...

Государева коляска миновала колонію. Въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, надъ вершинами парка, развернувшагося у взморья, стали видны кровли петергофскаго дворца. И вдругъ красный жокей замедлилъ на передней парѣ и обернулся. Навстрѣчу государя, изъ парка, мчался во весь опоръ Гудовичъ.

Андрей Васильичъ подскакалъ, склонился къ экипажу и началъ что-то шептать государю. Петръ Ѳедоровичъ поблѣднѣлъ. На Гудовичѣ тоже не было лица. Оба нѣсколько мгновеній молчали.

Императоръ вышелъ на дорогу. Глаза его смотрѣли испуганно, по лицу бродила странная, растерянная улыбка.

— Такъ это, Андрей Васильичъ, не сонъ? ея нѣтъ?

— Повидимости, ваше величество, государыня ретировалась...

— Просто скажи: сбѣжала! зачѣмъ смягчать? Но куда?

— Никто не знаетъ.

— Всѣхъ спрашивалъ?

— Всѣхъ.

Наспѣли другіе экипажи. Петръ Ѳедоровичъ сѣлъ въ коляску съ Гудовичемъ, Унгерномъ и Минихомъ и велѣлъ ѣхать къ Монплезиру. Дамамъ предложили отправиться ко дворцу паркомъ.

Государь бросился въ павильонъ, обошелъ всѣ комнаты,— Екатерины не было. На столѣ, въ ея уборной, лежало готовое на завтра бальное цвѣтное платье.

— Вздоръ, вздоръ! — сказалъ Петръ Ѳедоровичъ: — она здѣсь гдѣ-нибудь спряталась. Не иголка,—найдемъ!..

Онъ заглядывалъ въ шкапы, — подъ кушетки, велѣлъ осмотрѣть ближнія зданія, берегъ, кусты.

— Ну, Романовна, — обратился государь къ Воронцовой, подъѣхавшей съ дядей канцлеромъ:—ты права!.. жена моя насъ предупредила, ушла...

— Хуже того, ваше величество, — произнесъ, склоняясь, канцлеръ:—не знаю, какъ и доложить...

— Говори, говори,—что еще тамъ?

— Сейчасъ проѣхавшіе крестьяне сообщили, что вся столица въ возстаніи; народъ и войско стали за государыню и съ нею направились ко дворцу.

Петръ Ѳедоровичъ взглянулъ на окружавшихъ. Взоры всѣхъ были потуплены.

— Отпустите меня въ Петербургъ,—сказалъ Воронцовъ:— я постараюсь уговорить вашу супругу и привезу ее къ вамъ обратно.

— И мнѣ дозвольте,— произнесъ Александръ Шуваловъ.

— И мнѣ!—прибавилъ князь Никита Трубецкой.

Всѣ трое уѣхали въ Петербургъ — и не возвратились.

Стали приходить вѣсти одна другой тревожнѣе. Подъѣхавшій фейерверкеръ сообщилъ, что Панинъ, Дашкова, князь Волконскій и гетманъ руководятъ движеніемъ, Петербургъ оцѣпленъ, Екатерина провозглашена самодержицей, и ей принесли присягу сенатъ и синодъ.

Окружавшіе Петра Ѳедоровича не выказали мужества. Но прежде всѣхъ и въ большей мѣрѣ потерялся онъ самъ. Окруженный молодыми, плаксивыми женщинами и себялюбивыми, изнѣженными царедворцами, онъ ходилъ большими шагами по аллеямъ нижняго сада, дѣлалъ множество разныхъ предположеній и не выполнялъ ни одного. Были посланы лазутчики на нарвскую дорогу — узнать, не проѣзжалъ ли гонецъ въ заграничную армію. Поѣхалъ предупредить коменданта въ Кронштадтъ на шлюпкѣ адъютантъ государя, графъ Дефьеръ.

Осыпая Екатерину горькими, жесткими укоризнами, Петръ Ѳедоровичъ то грозилъ, что всю дорогу до Петербурга уставитъ висѣлицами и перевѣшаетъ на нихъ всѣхъ ея пособниковъ,—то диктовалъ Волкову проекты безполезныхъ распоряженій и воззваній къ народу. Были посланы въ Петербургъ четыре солдата, съ манифестами къ народу, причемъ каждому было дано по сто червонцевъ. Но въ то время, какъ Волковъ писалъ манифесты въ Петергофѣ, Тепловъ писалъ подобные же въ Петербургѣ.

Пришелъ часъ обѣда. День былъ тихій, жаркій. Все общество столпилось на взморьи, у Монплезира. Здѣсь накрыли столъ и сѣли обѣдать. Въ концѣ обѣда послышались звуки трубъ и барабановъ. То подходили изъ Ораніенбаума приведенные Измайловымъ голштинскіе полки. Былъ седьмой часъ вечера.

— Вѣрные слуги вашего величества явились, — сказалъ фельдмаршалъ Минихъ:— мужайтесь! станьте въ ихъ главѣ и идите на Петербургъ. У васъ тамъ еще немало друзей. Столица одумается и возвратится къ своему долгу. Я первый положу сѣдую голову за моего государя...

Слова стараго побѣдителя при Ставучанахъ произвели удручающее, смутное впечатлѣніе. Дамы стали шептаться, мужчины — переглядываться. Всѣ чувствовали, что нѣчто привычное, покойное и пріятное уходило отъ нихъ и замѣнялось непріятнымъ, тревожнымъ, грознымъ.

Голштинскимъ отрядамъ велѣли идти къ звѣринцу и тамъ

по взморью строить батареи. Минихъ чертилъ мѣста для окоповъ; Измайловъ занялся списками батарейныхъ командъ. Стало вечерѣть.

Но подоспѣла новая грозная вѣсть. Въ Гостилицы проскакалъ мажордомъ Разумовскаго и объявилъ, что государыня и съ ней больше пятнадцати тысячъ войска выступили изъ столицы и на полномъ маршѣ идутъ на Петергофъ. Дамы расплакались, подняли крикъ. Кто-то вполголоса сказалъ, что ужъ если ждать атаки, такъ лучше возвратиться въ Ораніенбаумъ, — тамъ крѣпость. Эти слова произвели общее замѣшательство. Всѣ предлагали совѣты; одинъ другого несбыточнѣе, спорили и никто никого не слушалъ.

— Ваше, фельдмаршалъ, мнѣніе?—обратился государь къ Миниху:—что скажете о предложенной ретирадѣ?

Минихъ задумался. Суровое, смѣлое его лицо осунулось; въ глазахъ было выраженіе жалости, гнѣва и стыда.

— Ретирада? — произнесъ онъ, покачавъ головой: — что торопитесь? еще успѣете... А впрочемъ, эти увеселительныя мѣста... тутъ насъ всѣхъ, пожалуй, переловятъ, какъ мышей...

— Такъ куда же, милости-съ пожалуста, куда?

— Въ Кронштадтъ!—сказалъ Минихъ:—онъ еще въ вашей власти. Комендантъ Ливерсъ — надежный слуга... И если мы во-время туда поспѣемъ, — его корабли и пушки иначе заставятъ говорить и вашу ослушную супругу, и ставшій на ея сторону Петербургъ.

— Хорошо, что мы догадались!—отвѣтилъ государь:—къ коменданту посланъ Девьеръ, готовить десантъ...

Предложеніе Миниха было принято. Послали въ Ораніенбаумъ за яхтой и галерой. Пока ихъ привели, стало смеркаться.

Былъ десятый часъ вечера. Все общество въ шлюпкахъ переѣхало на суда.

На государеву яхту, въ помощь матросамъ, попросились нѣкоторые изъ гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ. Между ними былъ и пришедшій съ голштинскими полками Мировичъ.

Потянулъ-было легкій береговой вѣтеръ, но когда окончательно стемнѣло, онъ затихъ. Паруса не вздымались. Яхта и галера шли на веслахъ. Волны чуть колыхались. Море затянуло мглой.

Былъ въ исходѣ первый часъ ночи, когда путники приблизились къ Кронштадту.

«Ну, что-то мнѣ подаритъ наступающій день моихъ именинъ?—думалъ, сидя у борта на палубѣ, Петръ Ѳедоровичъ,—какъ-то распорядились въ Кронштадтѣ Ливерсъ и Девьеръ?»

Въ то время, какъ яхта и галера плыли по морю, въ Петербургѣ ужъ ходилъ въ спискахъ первый именной указъ Екатерины сенату: «Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставя вамъ, яко первому моему правительству, съ полною довѣренностью, подъ стражу, отечество, народъ и сына моего».

Снабженный инструкціей сената, вице-адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ приплылъ въ Кронштадтъ на шести-весельномъ рябикѣ передъ вечеромъ. Велѣвъ гребцамъ молчать, онъ пошелъ къ коменданту Ливерсу, сказалъ ему, что въ Петербургѣ неладно и что, вслѣдствіе того, онъ счелъ долгомъ поспѣшить къ флоту. Отъ Ливерса Талызинъ отправился въ казармы. Тамъ онъ собралъ болѣе надежныхъ офицеровъ и матросовъ, разсказалъ имъ о паденіи голштинской партіи и о присягѣ Петербурга, и предложилъ флоту стать на сторону новой императрицы. Всѣ крикнули виватъ, и отправились за Талызинымъ, къ коменданту.

— Что̀ за шумъ?—спросилъ, встрѣтивъ ихъ, Ливерсъ.

Съ комендантомъ стоялъ и присланный за десантомъ адъютантъ императора, графъ Девьеръ.

— А вотъ что̀, государи мои,—отвѣтилъ щепетильный и вѣжливый въ обхожденіи Иванъ Лукьяновичъ:—вы не имѣли столько духа, чтобъ догадаться и меня арестовать, такъ извините, я васъ при сей оказіи арестую...

Съ Ливерсомъ и Девьеромъ былъ заключенъ подъ стражу и капитанъ надъ портомъ, крикнувшій-было матросамъ: «Что̀ вы смотрите на него? вяжите бунтовщика!» — Талызинъ привелъ всю команду къ присягѣ, ко входамъ въ гавань отрядилъ надежные караулы, пушки батарей велѣлъ зарядить ядрами и вышелъ на пристань.

Море тихо плескалось о низменный берегъ, о сваи и камни дозорной каланчи.

«Людей въ Кронштадтѣ всемѣрно мало, чтобъ обнять столь обширную гавань,—разсуждалъ Талызинъ, ходя взадъ

и впередъ по взморью,—пришлютъ ли, какъ я просилъ, сикурсу солдатами изъ Питера? А то, какъ бы не наѣхалъ сюда недобрый гость изъ Аренбога», — какъ тогда звали Ораніенбаумъ или нынѣшній, по народному Рамбовъ.

Наведя зрительную трубку въ море, Иванъ Лукьяновичъ тревожно вглядывался, не плыветъ ли изъ «Аренбога» недобрый гость.

Мгла надъ моремъ не расходилась. Мѣсяцъ не показывался. Иванъ Лукьяновичъ обошелъ всѣхъ часовыхъ.

— Кто на стрѣлкѣ?—окликнулъ онъ караульнаго, стоявшаго у входа въ гавань на узкой песчаной косѣ.

— Трифонъ Аверьяновъ,—отвѣтилъ изъ-за пригорка голосъ молодого часового, шагавшаго въ сумеркахъ по влажному песку.

— Гляди жъ, Аверьяновъ, да поглядывай гостей,—крикнулъ ему Талызинъ:—а наѣдутъ, давай голосъ, чтобъ ѣхали прочь... стрѣлять-де будемъ... Есть рупоръ?

— Нѣту-ти.

— Ну, малый, гляди же; а я пришлю...

А гость изъ «Аренбога» какъ разъ и наѣхалъ.

Въ мглистомъ сумракѣ обрисовывались черныя мачты и реи двухъ медленно, на веслахъ, подплывавшихъ судовъ. Что-то зашуршало и шлепнулось въ воду.

«Якоря опускаютъ»,—подумалъ, затаивъ дыханіе, Талызинъ. Онъ далъ условный сигналъ на сосѣднія батареи. Съ вышки было явственно слышно, какъ на приплывшихъ судахъ кто-то тихо отдавалъ команду, какъ съ яхты, а потомъ и съ галеры, спустили шлюпки и какъ, шелестя платьями и пища отъ страха, при видѣ колебавшихся, темныхъ волнъ,— начали съ борта въ лодки спускаться дамы.

Восьмивесельная, а за нею четырехвесельная шлюпки выдѣлились изъ мглы и медленно, беззвучно стали подплывать съ залива къ песчаной косѣ. Съ ближней лодки на берегъ бросили доску. Императоръ, за нимъ Минихъ и Гудовичъ готовились выйти на пологій, бѣлѣвшій въ сумеркахъ мысокъ.

— Кто идетъ?—раздался въ тишинѣ бойкій окликъ матросика Аверьянова.

— Императоръ!—отвѣтилъ Гудовичъ.

— Нѣтъ у насъ болѣ императора, — отозвался тотъ же голоос.

— Вотъ я самъ, вашъ государь!—произнесъ Петръ Өедоровичъ, сбросивъ плащъ и въ бѣломъ мундирѣ выступая къ носу колыхавшейся лодки:—приказываю пропустить меня и мою свиту.

— У насъ государыня, матушка Катерина Алексѣевна, а не государь!—отвѣтилъ Трифонъ Аверьяновъ:—и коли вы, господа ахфицеры, не уйдете отсулева, начальство будетъ бонбы пущать...

— Впередъ, ваше величество! руку!—сказалъ Минихъ:—не слушайте этого олуха. Никто не посмѣетъ противиться своему государю... Гарнизонъ увидитъ васъ, и Кронштадтъ чрезъ часъ будетъ у вашихъ ногъ.

Гудовичъ и Унгернъ поддержали слова Миниха. Петръ Өедоровичъ готовъ былъ вспрыгнуть на берегъ и медлилъ.—«Ужели я, любящій войско, я, въ душѣ стоикъ и солдатъ, окажусь малодушнымъ трусомъ, не рѣшусь?»—думалъ онъ, чувствуя, какъ сильно билось его сердце. Темныя волны глухо плескались о берегъ. Очертанія города и фортовъ неясно обозначались во мглѣ.

У каланчи послышалась артиллерійская команда. На скрытой въ сумеркахъ ближней батареѣ сверкнулъ зажженный фитиль. Съ лодокъ, съ залива доносились испуганные, дамскіе голоса.

— Нѣтъ,—сказалъ Петръ Өедоровичъ:—за себя не боюсь. Но я не одинъ... Ядра не разберутъ, кому нести гибель, кому пощаду...

Онъ и его провожатые возвратились. Галера и яхта такъ скоро снова ретировались въ море, что не успѣли даже поднять якорей; ихъ канаты, въ суетѣ и толкотнѣ, обрубили топорами.

Было два часа пополуночи. Потянулъ заревой вѣтерокъ. Ожила темная морская зыбь. Бѣлое утро шло навстрѣчу бѣлой іюньской ночи.

Государь сидѣлъ на палубѣ. Свита отдѣльными кучками перешептывалась въ сторонѣ. Лица всѣхъ были сумрачны, печальны.

«Не успѣлъ я тебѣ дать полной свободы, не успѣлъ!—думалъ Петръ Өедоровичъ, глядя съ борта въ туманную даль,—прости, братъ! прости... Не жильцы мы здѣсь... Непонятно и странно поставила насъ обоихъ судьба. Я былъ оторванъ отъ шведскаго, ты отъ русскаго престола. Мы

свидѣлись... Ты былъ императоромъ четыреста дней; сколько мнѣ суждено царствовать?»

Яхта плыла. Петръ Өедоровичъ не спускалъ глазъ съ моря. Ему грезилось, что у борта, чуть освѣщенная дремотнымъ разсвѣтомъ, его провожала чья-то тѣнь. Стройный и блѣдный, съ длинными волосами, юноша несся надъ волнами, о̀-бокъ съ нимъ... Петру Өедоровичу вспомнилось, какъ принцъ Іоаннъ плакалъ и какъ молилъ не откладывать его освобожденія.

«Въ глушь, въ лѣса,—думалъ Петръ Өедоровичъ,—и зачѣмъ я тогда не послушалъ его, зачѣмъ самъ, какъ рѣшилъ, не вывелъ на волю изъ душной тюрьмы?.. Гудовичъ сегодня долженъ былъ за нимъ ѣхать, — а я полагалъ его тотчасъ помолвить и провозгласить... Вонъ сидитъ и его нарѣченная невѣста. Что-то съ нимъ? ужъ хоть бы вырвался онъ теперь, куда-нибудь ушелъ съ дачи Гудовича»...

Берегъ близился. Разсвѣтало.

— Куда прикажете?—спросилъ Гудовичъ государя: — въ Петергофъ или въ Ораніенбаумъ?

Императоръ обратился къ Миниху.

— Ну, фельдмаршалъ,—сказалъ онъ:—вижу теперь ясно и каюсь, что не вполнѣ слушалъ вашихъ совѣтовъ... Научите, непобѣдимый и храбрый, какъ выйти изъ нашего теперешняго положенія?

— Въ вѣрный Ревель, къ эскадрѣ!—отвѣтилъ Минихъ:—оттуда къ заграничной арміи. Войско встрѣтитъ васъ, гонимаго, съ восторгомъ. Возвращайтесь съ нимъ, и, я вамъ ручаюсь, Петербургъ и все̑ государство опять будутъ ваши...

— Но вѣтру нѣтъ!—вмѣшались дамы: — неужто на веслахъ все? гребцы устанутъ... до Ревеля! ужасъ... что̀ дѣлать тогда?

— Э, пустяки! — сказалъ фельдмаршалъ:— а наши руки на что̀? сами возьмемся за весла и станемъ гресть...

Императоръ видѣлъ передъ собой лицо рѣшительнаго, стойкаго, желѣзнаго старика и растерянныя, испуганныя, молящія лица молодыхъ женщинъ, и не зналъ, съ кѣмъ согласиться и кого слушать.

Свѣжій воздухъ моря и напряженность тревожной, безъ сна проведенной ночи, раздражали государя, сердили его. Онъ взглянулъ на недальній, плывшій навстрѣчу яхтѣ берегъ, оттуда уже тянуло знакомымъ смолистымъ дыханіемъ

зеленыхъ холмовъ и лѣсовъ. Запахло утреннимъ дымкомъ. Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ пріятный позывъ къ завтраку, къ трубкѣ. Его любимый табакъ вышелъ еще въ Петергофѣ. Онъ вспомнилъ о шипящей въ маслѣ бараньей котлеткѣ, о крылышкѣ цыпленка, съ горошкомъ и свѣжими грибками, о партіи стараго бургонскаго, присланной ему кѣмъ-то въ презентъ изъ Голштиніи, и о пачкѣ длинныхъ сигаръ фидибусъ, забытыхъ имъ утромъ во дворцѣ, на кучѣ непросмотрѣнныхъ съ вечера бумагъ, и отдалъ Гудовичу приказъ править въ Ораніенбаумъ.

Яхта и галера вновь приплыли къ берегу. Мировичъ придерживалъ трапъ, по которому государь сошелъ на пристань. Видя, какъ дрожали щеки и все тѣло Петра Ѳедоровича, Мировичъ вспомнилъ завѣтъ масоновъ: «Величіе земное—прахъ, нетлѣнна—одна вѣчная непреложная истина» и подумалъ: — «О, если бъ я могъ быть ему полезенъ въ это время!..»

Талызинъ разглядѣлъ возвращеніе путниковъ въ трубу съ кронштадтской каланчи, снялъ шляпу, отеръ лицо и перекрестился.

Онъ пошелъ въ городъ, но своротилъ съ дороги и зашелъ на песчаный мысокъ, гдѣ все еще забытый ночною смѣной, шагалъ по влажной, бѣлесоватой косѣ, Трифонъ Аверьяновъ.

— Молодецъ! — крикнулъ ему охрипшимъ, усталымъ голосомъ Талызинъ.

Аверьяновъ вздрогнулъ и взялъ мушкетъ на караулъ.

Жутко было на душѣ бойкаго, шустраго матросика. Родомъ суздалецъ, онъ недавно попалъ во флотъ. Сѣрые простые его глаза смотрѣли робко. Вѣки вспухли отъ безсонницы. Сухой съ горбинкой носъ тревожно вглядывался въ сѣрую утреннюю мглу, въ которой скрылись ночные гости.

И никогда потомъ, въ долгую, сурово-проведенную жизнь, матросъ Трифонъ Аверьяновъ, въ монашествѣ старецъ Трифилій, умершій восьмидесяти лѣтъ келейникомъ московскаго митрополита Филарета, никогда потомъ онъ не могъ забыть ни этой ночи, ни своего отвѣта невысокому, плоскогрудому, въ бѣломъ мундирѣ, человѣку: «У насъ не императоръ, а государыня; не уйдете прочь, начальство будетъ бонбы пущать»...